Джек ВЭНС

ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА

Джек ВЭНС

Джек ВЭНС

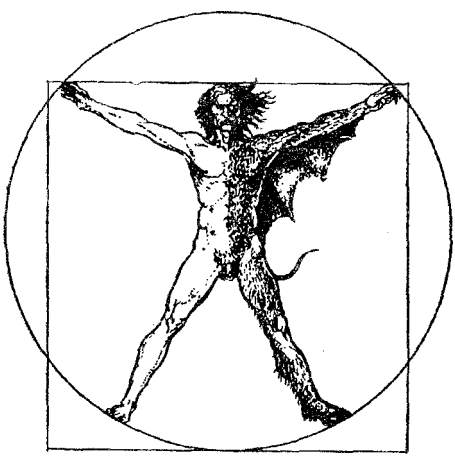
2

Джек Вэнс

ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7 США
В97

Вэнс Д.

В97 Глаза Чужого мира: Роман, повести, новеллы / Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1992 — 576 с.
ISBN 5—8352—0072—2

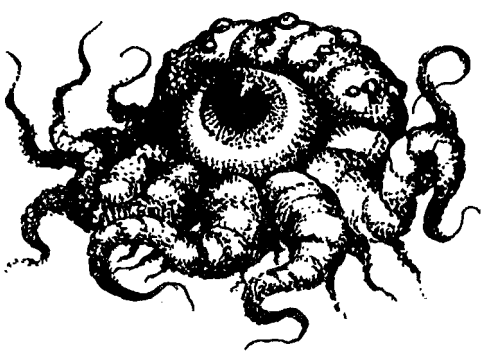
Глаза Чужого мира — волшебные линзы из красного стекла, одев которые человек видит запредельный мир, полный чудес... Роман американского фантаста Джека Вэнса «Глаза Чужого мира» рассказывает о приключениях воришки-неудачника Кугеля, волею судьбы попавшего в плен к волшебнику. Чародей отправляет Кугеля в опасное странствие по землям, населенным диковинными существами-великанами, упырями, призраками, сумасшедшими колдунами и демонами.

Также в настоящее издание вошли повести «Сын Древа», «Создатели чуда» и сборник новелл под общим названием «Узкая полоса». Эти тексты, как бы дополняя роман «Глаза Чужого мира», открывают для читателя яркую творческую палитру писателя, его неистощимую фантазию и столь сильно присущее Д. Вэнсу чувство юмора.

© И. Куцкова, перевод, 1992
© Г. Корчагин, перевод, 1992
© Т. Браулова, перевод, 1992
© В. Канивец, оформление, 1992
© «Северо-Запад», подготовка текста, 1992

ISBN 5—8352—0072—2

ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА

ЧУЖОЙ МИР

На высоком берегу реки Кзан, в том месте, где раньше стояли древние развалины, Юкуну, Смеющийся Маг, построил себе дом по своему вкусу: эксцентричное сооружение из крутых фронтонов, балконов, открытых галерей, куполов, а также трех спиральных башен из зеленого стекла, сквозь которое сиял алый солнечный свет, преломляясь и вспыхивая самыми невероятными красками.

Позади дома и через всю долину низкие холмы простирались, словно дюны, до самого горизонта. Солнце отбрасывало скользящие полумесяцы черной тени; в остальном холмы были нетронутыми, пустыми и безлюдными. Кзан, берущий начало в Старом Лесу к востоку от Олмери, протекал внизу, а потом, в трех лигах к западу, сливался с рекой Ском. Здесь с незапамятных времен стоял Азеномей, город, известный в настоящее время лишь благодаря своей ярмарке, на которую стекался народ со всей округи. На Азеномейской ярмарке Кугель поставил палатку для продажи талисманов.

Кугель был человеком, наделенным множеством разнообразных способностей, с характером одновременно податливым и упрямым. У него были длинные ноги, ловкие руки, проворные пальцы и вкрадчивая речь. Его волосы были черными, как самый черный мех; они росли низко надо лбом, резко отступая назад над бровями. Быстрые глаза, длинный любопытный нос и насмешливый рот придавали несколько худощавому и костлявому лицу живое, искреннее и приветливое выражение. Кугель испытал множество злоключений, благодаря которым набрался ловкости и рассудительности, научился действовать как с показной храбростью, так и украдкой. Раздобыв где-то старый свинцовый гроб — и избавившись от его содержимого, — Кугель наделал множество свинцовых бляшек.

Эти-то бляшки, с оттиснутыми на них подходящими к случаю знаками и рунами, он и продавал на Азеномейской ярмарке.

К несчастью для Кугеля, не далее как в двадцати шагах от его палатки некий Фианостер поставил свое, большее по размеру заведение; его товар, более разнообразный, обладал вполне очевидной чудодейственной силой, так что когда Кугель останавливал какого-либо прохожего, чтобы подробно описать достоинства своих амулетов, тот чаще всего показывал предмет, купленный у Фианостера, и шел дальше своей дорогой.

На третий день ярмарки Кугель продал только четыре амулета по цене, едва превышающей стоимость самого свинца, в то время как Фианостер прямо-таки разрывался, чтобы успеть обслужить всех клиентов. Охрипнув от бесплодных призывных криков, Кугель закрыл свою палатку и осторожно подошел к лавке Фианостера с целью осмотреть ее конструкцию и запоры на дверях.

Заметив это, Фианостер кивком подозвал его:

— Входи, друг мой, входи. Как идет твоя торговля?

— Честно говоря, не очень хорошо, — ответил Кугель. — Я озадачен и разочарован, поскольку мои талисманы нельзя с первого взгляда назвать бесполезными.

— Я могу развеять твое недоумение, — сказал Фианостер. — Твоя палатка занимает место древней виселицы и впитала в себя вредные субстанции. Но, кажется, я заметил, что ты осматриваешь места соединения бревен, из которых сделана моя лавка. Ты сможешь лучше увидеть это изнутри, но сначала я должен укоротить цепь, на которой сидит леопард, разгуливающий ночами по всему помещению.

— Не стоит, — сказал Кугель. — Мой интерес был поверхностным.

— А что касается испытываемого тобой разочарования, — продолжал Фианостер, — то не стоит долго ему предаваться. Посмотри на эти полки. Ты заметишь, что мои запасы серьезно уменьшились.

Кугель кивнул головой и спросил:

— Но какое отношение это имеет ко мне?

Фианостер указал на стоящего по другую сторону улицы человека в черных одеждах. Человек был

невысок, с желтой кожей и лысым как колено черепом. Его глаза походили на сучки в доске, широкий рот кривился в постоянной ухмылке.

— Вот стоит Юкуну, Смеющийся Маг, — сказал Фианостер. — Вскоре он зайдет в мою лавку и попытается купить некий красный том, записную книгу Дибаркаса Майора, ученика Великого Фандааля. Моя цена явно выше той, которую он собирается заплатить, но Маг терпелив и будет торговаться по меньшей мере часа три. В течение всего этого времени в его доме никого не будет. Там хранится обширная коллекция магических предметов, инструментов, а также разных редкостей, талисманов, амулетов и книг. Я жажду приобрести подобные предметы. Нужно ли мне продолжать?

— Все это очень хорошо, — сказал Кугель, — но оставит ли Юкуну свой дом без охраны или прислуги?

Фианостер широко развел руками.

— Почему бы и нет? Кто осмелится украсть что-нибудь у Юкуну, Смеющегося Мага?

— Вот именно эта мысль меня и останавливает, — ответил Кугель. — Я человек предприимчивый, но не склонный к глупому безрассудству.

— Там можно заработать состояние, — заявил Фианостер. — Слепящие взор, выставленные напоказ бесценные чудеса, а также талисманы, амулеты и эликсиры. Но помни, я ни к чему не принуждаю, я ничего не советую; если тебя там застукают — ты просто слышал, как я восхвалял богатства Юкуну, Смеющегося Мага! Вот он идет. Быстро повернись спиной, чтобы он не мог увидеть твоего лица. Три часа он здесь пробудет, это я тебе гарантирую.

Юкуну вошел в лавку, и Кугель быстро наклонился, будто бы заглядывая в бутыль с заспиртованным гомункулусом.

— Приветствую тебя, Юкуну! — воскликнул Фианостер. — Почему ты медлил? Я отказался от щедрых предложений по поводу некой красной книги, и все из-за тебя! И вот еще — обрати внимание на этот ларец! Он был найден в склепе неподалеку от руин древнего Каркода. Ларец все еще запечатан, и кто знает, какие чудеса в нем могут храниться? Моя цена — скромные двенадцать тысяч терций.

— Интересно, — пробормотал Юкуну. — Эта над-

пись... дай-ка я посмотрю... Гм-м. Да, это не подделка. Ларец содержит обожженные рыбьи кости, которые использовались в течение всего Великого Мотолама как слабительное. Он стоит, возможно, десять или двенадцать терций как антикварная вещь. У меня есть ларцы старше этого на много эпох, восходящие к Веку Зноя.

Кугель неторопливо прошел к двери, вышел на улицу и начал расхаживать взад-вперед, обдумывая в деталях предложение, сделанное ему Фианостером. На первый взгляд дело казалось стоящим: здесь был Юкуну; там был дом, ломящийся от заключенного в нем богатства. Несомненно, от простой разведки не может быть никакого вреда. Кугель направился на восток вдоль берега Кзана.

Изгибы башен из зеленого стекла вырастали на фоне синего неба, алый солнечный свет запутывался в спиральных завитках. Кугель остановился и внимательно оглядел местность. Кзан бесшумно тек мимо. Неподалеку, полускрытая за черными тополями, бледно-зелеными лиственницами и склоненными плакучими ивами, стояла деревня — дюжина каменных хижин, в которых жили матросы с барж и крестьяне, обрабатывающие прибрежные террасы: люди, целиком поглощенные своими собственными заботами.

Кугель изучил подход к дому: извивающуюся дорожку, вымощенную темно-коричневыми плитками. Наконец он решил, что чем более открытым будет его приближение к дому, тем менее сложные объяснения придется ему давать, если таковых от него потребуют. Он начал подниматься по склону холма, а дом Юкуну возвышался над его головой. Добравшись до внутреннего двора, Кугель остановился, чтобы еще раз осмотреть окрестности. За рекой, насколько мог видеть глаз, расстилались холмы, теряющиеся в дымке у горизонта.

Кугель бодро подошел к двери, постучал, но не получил ответа. Он задумался. Если у Юкуну, как у Фианостера, было сторожевое животное, то, может быть, если его подразнить, оно издаст какой-нибудь звук. Кугель начал имитировать разные голоса: рычать, мяукать, лаять.

Внутри было тихо.

Он осторожно подошел к окну и заглянул в зал,

задрапированный светло-серой тканью. В зале не было ничего, кроме табурета, на котором под стеклянным колпаком лежал дохлый грызун. Кугель обошел дом вокруг, исследуя по пути каждое окно, и наконец добрался до большого зала старинного замка. Кугель ловко взобрался по грубым камням, перепрыгнул на один из вычурных парапетов и в один миг попал в дом.

Он очутился в спальне. Шесть химер, которые поддерживали кровать, стоящую на небольшом возвышении, повернули головы и свирепо взглянули на незваного гостя. В два осторожных шага Кугель достиг арочного проема, ведущего в соседнюю комнату. Здесь стены были зелеными, а обстановка — черной с розовым. Он прошел через комнату на балкон, окружавший центральный зал; из эркеров в верхней части стен струился свет. Внизу стояли витрины, сундуки, полки, стойки, на которых были разложены всевозможные предметы: это и была чудесная коллекция Юкуну.

Кугель замер неподвижно, настороженный, как птица, однако не нарушаемая ничем тишина успокоила его — это была тишина пустого дома. Тем не менее он нарушил границы владений Юкуну, Смеющегося Мага, и следовало соблюдать бдительность.

Кугель спустился по изгибу винтовой лестницы в огромный зал и застыл, очарованный, воздавая Юкуну дань безмерного восхищения. Однако времени было в обрез; нужно было быстро красть и убираться. На свет появился мешок; Кугель блуждал по залу, придирчиво выбирая те предметы, объем которых был маленьким, а ценность — большой: горшочек с раскидистыми рогами — если их пощипывали, то горшочек начинал испускать облака замечательных газов; рог из слоновой кости, сквозь который звучали голоса из прошлого; маленькую сцену, на которой стояли чертики в разнообразных костюмах и готовы были выполнить всяческие смешные трюки; нечто, похожее на гроздь хрустальных виноградин, каждая из которых позволяла увидеть расплывчатое изображение одного из демонических миров; палку, из которой прорастали сладости, все с похожим вкусом; старинное кольцо с выгравированными на нем рунами; черный камень, опоясанный девятью зонами непостижимого цвета.

Кугель проходил мимо сотен кувшинов с порошками и жидкостями; воздерживался он и от сосудов с заспиртованными головами. Наконец он подошел к полкам, уставленным многочисленными томами, фолиантами и книгами; здесь он выбирал очень заботливо, отдавая предпочтение тем книгам, что были переплетены в пурпурный бархат, — этот цвет был характерным для Фандааля. Кугель отобрал также фолианты с рисунками и старинные карты; от потревоженной кожи поднимался запах плесени.

Потом Кугель вернулся к передней части зала мимо витрины, в которой была выставлена дюжина маленьких металлических сундучков, опоясанных очень древними, проржавевшими металлическими полосами. Он выбрал три из них наугад; они были необычно тяжелыми. Прошел он и мимо нескольких массивных механизмов, назначение которых хотелось бы исследовать, однако время поджимало, и пора было пускаться в путь, назад, в Азеномей и в лавку Фианостера...

Кугель нахмурился. Во многих отношениях эта перспектива казалась несколько непрактичной. Фианостер вряд ли захочет платить полную цену за товар или, точнее, за товар Юкуну. Неплохо было бы закопать некоторую часть добычи в уединенном месте...

Этого алькова Кугель раньше не замечал. Мягкий свет, словно вода, струился за хрустальной панелью, отделяющей альков от зала. В глубине алькова, в нише, стоял какой-то хитроумный и очень привлекательный предмет. Насколько Кугель мог разглядеть, это было похоже на миниатюрную карусель, на которой кружилась дюжина прелестных куколок; они были совсем как живые. Этот предмет, несомненно, был очень ценным, и Кугель с удовольствием отметил, что в хрустальной панели есть проход.

Он шагнул туда, но на расстоянии двух футов путь преграждала вторая панель, образовывая коридор, который, очевидно, и вел к волшебной карусели. Кугель уверенно пошел вперед, но тут же был остановлен еще одной панелью — ее Кугель не видел до тех пор, пока не наткнулся. Он пошел в обратную сторону и, к своей радости, нашел несомненно правильный вход в нескольких футах сзади. Однако этот новый коридор привел Кугеля, после нескольких по-

воротов под прямым углом еще к одной сплошной панели. Кугель решил воздержаться от приобретения карусели и покинуть замок. Он повернулся, но обнаружил, что слегка запутался.

Он пришел слева — или все-таки справа?

...Кугель все еще пытался найти выход, когда Юкуну вернулся домой.

Задержавшись у алькова, Юкуну уставился на Кугеля взглядом, полным насмешливого удивления.

— Что это у нас тут? Гость? А я был так неучтив, что заставил тебя ждать! Однако я вижу, что ты не скучал, и мне не нужно чувствовать себя пристыженным.

Юкуну позволил себе хихикнуть. Потом он сделал вид, что только что заметил мешок Кугеля.

— Что это? Ты хочешь показать мне какие-то вещи? Замечательно! Я всегда стремлюсь пополнить свою коллекцию, чтобы не отставать от ускользающего времени. Ты был бы удивлен, если бы узнал, сколько негодяев пытаются меня ограбить! Например, продавец старья из той безвкусной лавчонки — ты не представляешь себе, какие неистовые усилия он к этому прилагает! Я терплю его только потому, что до сих пор он не осмеливался проникнуть в мой дом. Однако что же ты? Выходи сюда, в зал, и мы сможем осмотреть содержимое твоего мешка.

Кугель грациозно поклонился.

— С радостью. Как ты и предположил, я действительно дожидался твоего возвращения. Если я правильно припоминаю, выходить нужно здесь...

Он шагнул вперед, но снова был вынужден остановиться. Кугель удрученно-насмешливо пожал плечами.

— Похоже, я повернул не в ту сторону...

— По-видимому, да, — сказал Юкуну. — Взгляни наверх, и ты увидишь на потолке декоративный рисунок. Если ты приглядишься к изгибам линий лунок, ты найдешь путь в зал.

— Конечно!

И Кугель проворно шагнул вперед в соответствии с полученными указаниями.

— Минуточку! — воскликнул Юкуну. — Ты забыл свой мешок!

Кугель неохотно вернулся за мешком, потом снова пошел вперед и наконец появился в зале.

Юкуну учтиво повел рукой.

— Если ты пройдешь сюда, я с радостью осмотрю твой товар.

Кугель бросил задумчивый взгляд в глубь коридора, ведущего к центральному входу.

— Не хотелось бы злоупотреблять твоим терпением. Мои безделушки не стоят такого внимания. С твоего позволения, я откланяюсь.

— Ни в коем случае! — пылко воскликнул Юкуну. — У меня редко бывают посетители, и большинство из них — жулики и воры. Смею тебя заверить, я обращаюсь с ними сурово! Я настаиваю, чтобы ты, по меньшей мере, слегка перекусил. Поставь свой мешок на пол.

Кугель осторожно опустил мешок и заявил:

— Недавно я кое-чему научился у одной морской ведьмы из Белого Альстера. Мне кажется, тебя это заинтересует. Мне нужно несколько локтей прочной веревки.

— Ты возбуждаешь мое любопытство!

Юкуну протянул руку; одна из панелей скользнула в сторону; моток веревки прыгнул волшебнику на ладонь. Потирая лицо, словно в попытке скрыть улыбку, Юкуну протянул веревку Кугелю, который с величайшей заботливостью развернул ее.

— Я попрошу тебя о помощи, — сказал Кугель. — Ничего особенного — нужно всего-навсего вытянуть одну руку и одну ногу.

— Да, конечно.

Юкуну протянул руку с вытянутым пальцем. Веревка обвилась вокруг рук и ног Кугеля, стянув его так, что он не мог пошевелиться. Ухмылка чуть не раскололо пополам большую мягкую голову волшебника.

— Какое удивительное развитие событий! По ошибке я взял Ловца Воров! Для твоего же собственного удобства я бы посоветовал тебе не напрягаться, поскольку Ловец Воров сплетен из осиных лапок. А теперь я осмотрю содержимое твоего мешка.

Он заглянул внутрь и испустил негромкий крик ужаса.

— Ты ограбил мою коллекцию! Я вижу некоторые из моих самых ценных сокровищ!

Кугель скорчил гримасу.

— Естественно! Но я не вор; Фианостер послал

меня сюда, чтобы забрать кое-какие предметы, и поэтому...

Юкуну жестом остановил его.

— Преступление слишком серьезно для легкомысленных отрицаний. Я уже высказал свое отвращение к грабителям и ворам и теперь должен свершить над тобой самое беспощадное и суровое правосудие — если, конечно, ты не сможешь предложить мне адекватное возмещение.

— Какое-нибудь возмещение несомненно существует, — подтвердил Кугель. — Однако эта веревка так трет мне кожу, что размышление становится невозможным.

— Это неважно. Я уже решил применить Заклятие Ужасного и Безнадежного Заточения, которое помещает объекты в полости, находящиеся примерно в сорока пяти милях под поверхностью земли.

Кугель в ужасе заморгал.

— В таких условиях никакое возмещение невозможно.

— Действительно, — задумался Юкуну. — По-моему, есть одна маленькая услуга, которую ты можешь мне оказать.

— Считай, что этот злодей уже мертв! — заявил Кугель. — А теперь убери эти мерзкие путы.

— У меня не было в мыслях какого-либо определенного убийства, — сказал Юкуну. — Пошли.

Веревка ослабла, позволив Кугелю проковылять за волшебником в боковую комнату, увешанную гобеленами с замечательным узором. Юкуну вынул из бюро небольшой ящичек и положил его на парящий в воздухе стеклянный диск. Он поднял крышку и сделал знак Кугелю. В ящичке было два углубления, выстланных алым мехом; в одном из них покоилась небольшая полусфера из дымчатого фиолетового стекла.

— Как знающий и много повидавший человек, ты, без сомнения, узнаешь этот предмет, — предположил Юкуну. — Нет? Ты, конечно, слышал о Войнах в Катце в Восемнадцатую Эру? Нет?

Юкуну удивленно пожал плечами и продолжал:

— Во время этих ужасных событий демон Унда-Града — он записан как 16-04 Зеленый в Ежегоднике Трампа — решил помочь своим принципалам и с этой целью просунул некоторые из своих органов из

низшей вселенной Ла-Эр. Для того чтобы они могли воспринимать наш мир, их снабдили линзами, подобными той, которую ты видишь. Когда события приняли нежелательный оборот, демон перенесся обратно в Ла-Эр. Полусферы были сорваны и разбросаны по всему Катцу. Одна из них, как видишь, принадлежит мне. Ты должен добыть к ней пару и принести ее сюда; тогда твой проступок будет прощен.

Кугель задумался.

— Если нужно выбирать между вылазкой в демонический мир Ла-Эр и Заклятием Ужасного и Безнадежного Заточения, то это не так-то просто. Честно говоря, я не знаю, на что мне решиться.

Смех чуть не расколол большой желтый пузырь головы волшебника.

— Визит в Ла-Эр, возможно, окажется необязательным. Ты можешь добыть этот предмет в земле, некогда известной как Катц.

— Ну что ж, надо так надо, — проворчал Кугель, вконец недовольный тем, как заканчиваются его дневные труды. — Кто охраняет эту фиолетовую полусферу? Каково ее назначение? Как я попаду туда и как вернусь обратно? Каким необходимым оружием, талисманами и другими магическими аксессуарами ты берешься меня снабдить?

— Всему свое время, — сказал Юкуну. — Прежде всего я должен позаботиться о том, чтобы, оказавшись на свободе, ты проявлял неослабную преданность, усердие и целеустремленность.

— Не бойся, — заявил Кугель. — Я буду связан своим словом.

— Чудесно! — воскликнул Юкуну. — Это дает мне основную гарантию, значение которой я отнюдь не склонен преуменьшать. То, что я собираюсь сделать сейчас, будет, вне всякого сомнения, совершенно излишним.

Он покинул комнату и через минуту вернулся с закрытой стеклянной чашей, в которой находилось небольшое белое существо, состоящее сплошь из когтей, зубцов, колючек и крючков. Существо сердито извивалось.

— Это, — сказал Юкуну, — мой друг Фиркс со звезды Эчернар, и он гораздо умнее, чем кажется. Фиркс рассержен из-за того, что его разлучили с

товарищем, который делит с ним чан в моей рабочей комнате. Фиркс поможет тебе быстро исполнить твой долг.

Юкуну шагнул ближе и ловко вытряхнул существо на живот Кугеля. Зверь мгновенно слился с внутренностями и занял свой пост, обвившись вокруг Кугелевой печени.

Юкуну отступил назад, заливаясь тем неумеренно ликующим смехом, благодаря которому чародей получил свое прозвище. Глаза Кугеля вылезли из орбит. Он хотел было открыть рот и разразиться бранью, но вместо этого сжал челюсти и закатил глаза.

Веревка развязалась сама по себе. Кугеля била дрожь; каждый мускул был скручен в тугой узел.

Смех Юкуну понемногу перешел в задумчивую усмешку.

— Ты говорил о магических аксессуарах. Как насчет тех талисманов, действенность которых ты превозносил в своей лавчонке в Азеномее? Разве они не смогут сковать бездействием врагов, растворить железо, воспламенить девственниц, даровать бессмертие?

— На эти талисманы нельзя полностью положиться, — ответил Кугель. — Мне потребуются действенные гарантии.

— Они у тебя есть, — сказал Юкуну, — в лице твоей шпаги, твоей способности искусного убеждения и проворства твоих ног. Тем не менее ты возбудил мое сочувствие, и я помогу тебе до некоторого предела.

Он повесил Кугелю на шею маленькую квадратную дощечку.

— Теперь ты можешь отбросить опасения умереть с голоду. Прикосновение этого могущественного предмета введет питательные вещества в дерево, кору, траву, даже изношенную одежду. Кроме того, он издает звон в присутствии яда. Итак, больше нас ничто не задерживает. Что ж, пошли. Веревка? Где Веревка?

Веревка послушно обвилась вокруг шеи Кугеля, и ему пришлось пойти вслед за Юкуну.

Они вышли на крышу старинного замка. Темнота уже давно окутала землю. Тут и там вдоль долины Кзана мерцали слабые огоньки, а сам Кзан казался неровной широкой лентой, темнее, чем сама тьма.

Юкуну указал на клетку.

— Это будет твоим транспортным средством. Полезай внутрь!

Кугель заколебался.

— Может, лучше сначала хорошо пообедать, выспаться, отдохнуть, а завтра утром, со свежими силами, отправиться в путь?

— Что? — заговорил Юкуну голосом, похожим на гудение рога. — Ты осмеливаешься стоять передо мной и заявлять о своих предпочтениях? Ты, тайком проникший в мой дом, укравший мои сокровища и оставивший все вверх дном? Понимаешь ли ты, как тебе повезло? Или, может, ты предпочитаешь Ужасное и Безнадежное Заточение?

— Ни в коем случае! — нервно запротестовал Кугель. — Я беспокоюсь только об успехе нашего предприятия!

— Тогда в клетку.

Кугель безнадежно обвел глазами крышу замка, потом медленно подошел к клетке и шагнул внутрь.

— Я надеюсь, ты не страдаешь провалами в памяти, — поинтересовался Юкуну. — Но если это с тобой случится и ты начнешь пренебрегать своими первостепенными обязанностями, а именно — поисками фиолетовой линзы, Фиркс всегда будет под рукой, чтобы напомнить тебе о них.

Кугель сказал:

— Поскольку теперь я обречен на участие в этом предприятии и вряд ли вернусь из него, ты можешь выслушать мою оценку тебя самого и твоего характера. Прежде всего...

Но Юкуну жестом остановил его.

— Я не желаю слушать! Злословие ранит мое чувство собственного достоинства, а к похвале я отношусь скептически. Так что — в путь!

Он отступил назад, пристально вгляделся вверх, в темноту, затем выкрикнул заклинание, известное как Перемещение Тасдрубала. С высоты послышались глухой стук, удар и приглушенный рев ярости.

Юкуну отступил на несколько шагов, выкрикивая слова на каком-то древнем языке; и клетка со скорчившимся в ней Кугелем рванулась вверх и понеслась по воздуху.

* * *

Холодный ветер хлестал Кугеля по лицу. Сверху доносились хлопанье, поскрипывание огромных крыльев и зловещие стенания. Клетка раскачивалась взад-вперед. Внизу царила темнота, черная как смоль.

По расположению звезд Кугель понял, что путь его лежит на север, и некоторое время спустя почувствовал, как поднимаются снизу Горы Моренрон. Потом демон перенес его через пустыню, известную под названием Земли Падающей Стены. Раз или два Кугель мельком заметил огни одиноко стоящего замка и один раз увидел большой костер. В течение некоторого времени рядом с клеткой летел какой-то крылатый дух и заглядывал внутрь. Казалось, мытарства Кугеля его забавляют; а когда Кугель попробовал расспросить его о лежащей внизу земле, он разразился хриплыми криками веселья. Мало-помалу дух устал и попытался зацепиться за клетку, но Кугель пинками согнал его, и он отлетел прочь вместе с проносящимся мимо ветром, рыча от зависти.

Земля вспыхнула краснотой застарелой крови, а затем появилось солнце, дрожащее, словно простуженный старик. Землю заволокло туманом, Кугель едва смог разглядеть, что они пересекают землю черных гор и темных глубоких ущелий. Потом туман снова расступился и обнажил свинцовое море. Кугель пару раз взглянул наверх, но крыша клетки закрывала демона почти целиком, за исключением кончиков кожистых крыльев.

Наконец демон достиг северного берега океана. Он спикировал на полосу прибрежного песка, издал мстительный каркающий крик и уронил клетку с высоты пятнадцати футов.

Кугель выполз из-под обломков клетки. Бережно ощупывая свои синяки, он выкрикнул проклятие вслед удаляющемуся демону, а потом побрел прочь по песку и буйным колючим сорнякам, поднимаясь по пологому склону берега. К северу были видны болотистые пустоши и далекая беспорядочная гряда низких холмов, к западу и востоку — океан и безотрадная полоса песка. Кугель повернулся к югу и погрозил кулаком. Как-нибудь, каким-нибудь образом, он должен наслать отмщение на Смеющегося Мага! В этом он себе поклялся.

В нескольких сотнях ярдов к западу стояли остатки древнего волнолома. Кугель хотел было осмотреть его, но не успел сделать и трех шагов, как Фиркс вонзил свои шипы в печень. Кугель, закатывая в агонии глаза, повернул обратно и зашагал вдоль берега на восток.

Через некоторое время Кугель проголодался и вспомнил о талисмане, которым его снабдил Юкуну. Он поднял кусок выброшенного на берег дерева и потер его дощечкой, надеясь увидеть, как тот превратится в поднос со сладостями или жареную птицу. Однако дерево просто размягчилось до консистенции сыра, сохранив при этом вкус плавника. Кугель отрывал зубами куски и глотал их, не жуя. Еще один зуб против Юкуну! Ох, и поплатится Смеющийся Маг!

Алый шар солнца скользил по небу на юге. Приближалась ночь, и Кугель наконец набрел на человеческое жилье: примитивную деревушку неподалеку от небольшой речки. Хижины были похожи на птичьи гнезда из грязи и прутьев, и от них отвратительно пахло помоями и отбросами. Между хижинами бродили люди, столь же неприятные и неуклюжие, как и их жилища. Эти люди были приземистыми, звероподобными и тучными; их жесткие, соломенного цвета волосы были сбиты в колтуны; лица напоминали комья глины. Единственной достойной внимания деталью — на которую Кугель обратил немедленное и пристальное внимание — были глаза: незрячие с виду фиолетовые полусферы, во всех отношениях подобные предмету, который требовался Юкуну.

Кугель осторожно подобрался к деревне, однако ее обитатели не обратили на пришельца почти никакого внимания. Если полусфера, которую жаждал получить Юкуну, была идентична фиолетовым глазам этого народа, то основная неопределенность задачи Кугеля была преодолена, а добыча фиолетовой линзы становилась просто делом тактики.

Кугель задержался, чтобы понаблюдать за жителями деревни, и обнаружил, что многое в них его озадачивает. Во-первых, они держали себя не как вонючие деревенщины, какими были в действительности, а с примечательным величием и достоинством, граничащими временами с надменностью. Кугель наблюдал за ними в недоумении: неужели все они

выжили из ума? Во всяком случае, они, казалось, не представляли собой никакой угрозы, и Кугель направился вперед по главной улице деревни, шагая осторожно, чтобы не наступить в наиболее вонючие кучи отбросов. Тут один из жителей соизволил его заметить и обратился к нему хрюкающим гортанным голосом:

— Ну, господин хороший, что тебе нужно? Почему ты рыщешь в окрестностях нашего города Смолода?

— Я странник, — ответил Кугель. — Я прошу только, чтобы ты направил меня к постоялому двору, где я смогу найти пищу и приют.

— У нас нет постоялого двора; путешественники и странники нам неведомы. Однако я приглашаю тебя разделить с нами наше изобилие. Вон там стоит дом, обстановка которого будет достаточной для твоего удобства.

Он указал на полуразвалившуюся хижину.

— Ты можешь есть досыта; просто войди туда, в трапезную, и выбери все, что захочешь; мы в Смолоде никогда не скупимся.

— Покорнейше тебя благодарю, — сказал Кугель и хотел было продолжить свою речь, но его собеседник уже зашагал прочь.

Кугель осторожно заглянул в предоставленный ему сарай и после некоторых усилий убрал наиболее мешавший мусор и устроил себе спальное место на лавке. Солнце уже было на горизонте, и Кугель пошел в тот амбар, который был ему указан как трапезная. Доступные в деревне блага, описанные поселянином, оказались, как и подозревал Кугель, своего рода преувеличением. В амбаре по одну сторону лежала груда копченой рыбы, по другую стоял ларь с чечевицей, смешанной с семенами различных сорняков и злаков. Кугель взял порцию в свою хижину и мрачно сел за ужин.

Солнце село; Кугель отправился посмотреть, что деревня может предложить по части развлечений, но обнаружил, что улицы совершенно пусты. В некоторых хижинах горели лампы, и Кугель, заглядывая в щели, видел, как их обитатели ужинают копченой рыбой или ведут беседу. Он вернулся в свой сарай, разжег небольшой огонь, чтобы не замерзнуть, и изготовился ко сну.

На следующий день Кугель возобновил наблюдения

за жизнью деревни Смолод и ее фиолетовоглазых обитателей. Никто, как он заметил, не ушел работать, к тому же поблизости от деревни, по-видимому, не было полей. Это открытие вызвало у Кугеля неудовольствие. Для того чтобы захватить один фиолетовый глаз, ему пришлось бы убить его обладателя, а для этого необходима была свобода от назойливого вмешательства.

Кугель сделал несколько осторожных попыток заговорить с жителями деревни, но они разглядывали его с таким видом, который в конце концов начал действовать Кугелю на нервы: можно было подумать, что они — милостивые владыки, а он — вонючая деревенщина!

После полудня Кугель пошел на юг и, пройдя примерно милю вдоль берега, набрел на другую деревню. Люди в ней были очень похожи на жителей Смолода, но их глаза казались обычными. Крестьяне были трудолюбивы; Кугель видел, как они возделывают поля и ловят рыбу в океане.

Кугель подошел к двум рыбакам, возвращающимся в деревню с уловом за плечами. Они остановились, рассматривая Кугеля без особого дружелюбия. Он представился им как странник и попросил рассказать о землях, лежащих к востоку, однако рыбаки выразили полную неосведомленность в этом вопросе, за исключением того факта, что земля там бесплодная, мрачная и опасная.

— Я сейчас гощу в деревне Смолод, — сказал Кугель. — Люди в ней кажутся мне достаточно приятными, но несколько странными. Например, почему у них такие глаза? Какова природа их недомогания? Почему они ведут себя с такой аристократической самоуверенностью и почему у них такие обходительные манеры?

— Их глаза — волшебные линзы, — неохотно проговорил старший из рыбаков. — Они позволяют видеть Чужой мир, так что почему бы их обладателям не вести себя как лордам? Я буду вести себя так же, когда умрет Радкут Вомин, ибо я унаследую его глаза.

— Неужели! — дивясь, воскликнул Кугель. — Неужели эти волшебные линзы можно отделять по желанию и передавать, как сочтет нужным владелец?

— Можно, но кто променяет Чужой мир на это? — Рыбак обвел рукой безрадостный ландшафт. — Я долго трудился, и теперь наконец пришла моя очередь вкусить наслаждений Чужого мира. После этого уже нет ничего, и единственная опасность — это смерть от переизбытка блаженства.

— Крайне интересно, — заметил Кугель. — Каким образом я мог бы претендовать на пару волшебных линз?

— Прилагай усилия, как все остальные из Гродза: занеси свое имя в список, потом трудись, чтобы обеспечить лордов Смолода пищей. Тридцать один год я сеял и собирал чечевицу,. ловил сетью рыбу и коптил ее на медленном огне, а теперь имя Бубаха Анха стоит первым в списке. Ты должен проделать то же самое.

— Тридцать один год, — задумался Кугель. — Не такой уж короткий период.

А Фиркс беспокойно заворочался, причиняя печени Кугеля явное неудобство.

Рыбаки направились дальше, в свою деревню Гродз; Кугель вернулся в Смолод. Здесь он отыскал того человека, с которым разговаривал по прибытии в деревню.

— Господин, — сказал Кугель, — как ты знаешь, я путешественник из дальних земель, привлеченный сюда великолепием города Смолод.

— Это можно понять, — проворчал собеседник. — Наша пышность и богатство не могут не внушить зависть.

— А каково же происхождение этих волшебных линз?

Старец обратил свои фиолетовые полусферы на Кугеля, словно увидел его впервые, и заговорил неприветливым голосом:

— Это обстоятельство, на котором мы не любим задерживаться, но теперь, когда ты коснулся данной темы, в этом не будет особого вреда. В отдаленные времена демон Ундерхерд раскинул щупальца, чтобы наблюдать за Землей; на конце каждого находилась фиолетовая линза. Симбилис Шестнадцатый ранил чудовище, оно рывком убралось в свой мир, и линзы слетели. Четыреста и еще двенадцать линз было подобрано и принесено в Смолод, который тогда был

таким же прекрасным, каким он теперь представляется мне. Да, я осознаю, что наблюдаемое мной — иллюзия, но ты тоже видишь лишь иллюзию, и кто может сказать, какая из них реальна?

— Я смотрю не сквозь волшебные линзы, — заметил Кугель.

— Правда, — пожал плечами старец. — Но это обстоятельство я предпочитаю игнорировать. Я смутно припоминаю, что живу в хлеву и поглощаю наигрубейшую пищу — однако субъективная реальность такова, что я обитаю в роскошном дворце и угощаюсь великолепными блюдами среди равных мне принцев и принцесс. Все это объясняется так: демон Ундерхерд смотрел из своего мира на наш, мы смотрим из этого мира на Чужой мир, который представляет собой квинтэссенцию человеческих надежд, страстных мечтаний и блаженных снов. Мы, населяющие этот мир, — как мы можем представлять себя кем-то иным, кроме как блистательными лордами? Такие мы и есть.

— Это очень вдохновляет! — воскликнул Кугель. — Как я могу получить пару этих волшебных линз?

— Есть два способа. Ундерхерд потерял четыреста и четырнадцать линз; мы владеем четырьмястами и двенадцатью. Две так и не были найдены и, по-видимому, лежат на дне в глубинах океана. Ты волен завладеть ими. Второй способ — это стать гражданином Гродза и обеспечивать лордов Смолода пищей, пока один из нас не умрет, что с нами изредка случается.

— Я так понял, что некий лорд Радкут Вомин захворал?

— Да, вон он. — Его собеседник указал на пузатого старика с вялыми, отвисшими губами; тот сидел в грязи перед своей хижиной. — Ты видишь, как он наслаждается покоем у стен своего дворца. Лорд Радкут перенапряг свои силы в избытке вожделения, ибо наши принцессы — наиболее обольстительные создания, так же как я — благороднейший из принцев. Однако лорд Радкут чересчур обильно удовлетворял свои желания и посему пострадал. Это урок для всех нас.

— Может быть, я могу предпринять какие-либо

специальные меры, чтобы получить его линзы? — отважился Кугель.

— Боюсь, что нет. Ты должен пойти в Гродз и трудиться, как все остальные. Как делал и я в моем прошлом существовании, которое ныне кажется серым и примитивным... Подумать только, что я страдал так долго! Однако ты молод; тридцать или сорок, или пятьдесят лет — не слишком долгое время ожидания.

Кугель схватился руками за живот, чтобы успокоить раздраженно шевелящегося Фиркса.

— За такой долгий период времени солнце может померкнуть. Смотри! — Он указал на черную рябь, пробежавшую по диску солнца и, казалось, на мгновение покрывшую его коркой. — Оно гаснет на глазах!

— Ты чересчур боязлив, — заявил старец. — Для нас, лордов Смолода, солнце сияет изысканнейшими красками.

— В данную минуту это, может, и так, — согласился Кугель, — но что будет, когда солнце потухнет? Будете ли вы испытывать такое же наслаждение от мрака и холода?

Но старец его уже не слышал. Радкут Вомин боком свалился в грязь и, казалось, был мертв.

Нерешительно поигрывая ножом, Кугель подошел взглянуть на труп. Один-два искусных удара — минутная работа, не более того, — и он достигнет своей цели. Он качнулся вперед, но скоротечный миг уже миновал. Появились лорды Смолода и оттеснили Кугеля в сторону; Радкута Вомина подняли на руки и как нельзя более торжественно внесли в зловонные пределы его хижины.

Кугель тоскливо уставился в открытый дверной проем, подсчитывая шансы на успех той или иной хитрости.

— Пусть внесут лампы! — нараспев заговорил старец. — Пусть прощальный лучезарный свет окружает лорда Радкута в его усыпанном драгоценностями гробу! Пусть золотые горны затрубят с башен! Пусть принцессы облачатся в одеяния из венецианской парчи! Пусть пряди их волос скроют обольстительные лица, которые так любил лорд Радкут! А теперь мы должны провести бдение! Кто вызовется стоять у гроба?

Кугель выступил вперед.

— Я сочту это за великую честь.

Старец покачал головой.

— Это привилегия оставляется для равных ему. Лорд Маульфал, лорд Глус: возможно, вы согласитесь поучаствовать в этой церемонии.

Двое жителей деревни подошли к скамье, на которой лежал лорд Радкут Вомин.

— Далее, — возвестил старец, — следует объявить о похоронах и передать волшебные линзы Бубаху Анху, этому наиболее достойному из сквайров Гродза. И опять, кто уведомит этого сквайра?

— И опять, — сказал Кугель, — я предлагаю свои услуги, пусть только для того, чтобы хоть в небольшой мере воздать вам за гостеприимство, которым я наслаждался в Смолоде.

— Хорошо сказано! — проговорил старец. — Что ж, тогда поспеши в Гродз и возвращайся с этим сквайром, который своей верой и тяжким преданным трудом заслуживает возвышения.

Кугель поклонился и пустился бегом через пустоши по направлению к Гродзу. Добравшись до дальних от деревни полей, он стал передвигаться с осторожностью, пробираясь за травянистыми кочками и молодыми зарослями, пока наконец не нашел то, что искал: крестьянина, переворачивающего мотыгой влажную землю.

Кугель тихо подкрался и оглушил его искривленным шишковатым корнем. Потом он стащил с него одежды, кожаную шляпу, обмотки и обувь; потом ножом срезал жесткую бороду цвета соломы. Забрав это все с собой и оставив ошеломленного раздетого крестьянина лежать в грязи, Кугель понесся длинными скачками назад к Смолоду. В укромном месте он переоделся в украденную одежду, затем в некотором замешательстве исследовал отрезанную бороду и наконец, связав грубые, жесткие волосы в пучки, а пучки — между собой, смог набрать достаточно, чтобы соорудить косматую фальшивую бороду. Оставшиеся волосы он запихнул под свисающие поля кожаной шляпы.

Солнце уже село; тусклый темно-фиолетовый мрак скрывал землю. Кугель вернулся в Смолод. Масляные лампы мерцали перед хижиной Радкута Вомина, где

стенали и причитали тучные, уродливые местные женщины.

Кугель осторожно выступил вперед, спрашивая себя, чего от него могут ожидать. Что касается его маскировки, она должна была либо оказаться эффективной, либо нет. Можно было только гадать, до какой степени фиолетовые линзы искажали восприятие; Кугелю ничего не оставалось, как только рискнуть проверить это на практике.

Он смело подошел к двери хижины и как можно более низким голосом выкрикнул:

— Я здесь, достопочтенные принцы Смолода: сквайр Бубах Анх из Гродза, который в течение тридцати одного года заполнял кладовые Смолода отборнейшими яствами. Теперь я здесь, чтобы просить о возвышении в дворянский ранг.

— Как и подобает тебе по праву, — произнес Старейшина. — Однако мне кажется, что ты не похож на того Бубаха Анха, что так долго служил принцам Смолода.

— Меня преобразили горе по поводу кончины принца Радкута Вомина и ликование по поводу надежды на возвышение.

— Это ясно и понятно. Подойди же и подготовься к свершению обрядов.

— Я готов прямо сейчас, — сказал Кугель. — Тебе стоит только отдать мне волшебные линзы, и я тихо отойду с ними в сторонку и буду наслаждаться.

Старейшина снисходительно покачал головой.

— Это противоречило бы обычаям. Для начала ты должен постоять обнаженным здесь, в павильоне этого могущественного замка, дабы прекраснейшие из прекрасных умастили тебя благовониями. Затем нужно будет воззвать к Эддиту Брэн Мору. А затем...

— Почтеннейший, — заявил Кугель, — удовлетвори одну мою просьбу. Прежде чем начнутся церемонии, надень мне волшебные линзы, чтобы я мог в полной мере осознать всю удивительность происходящего.

Старейшина задумался.

— Эта просьба необычна, но вполне обоснованна. Принесите сюда линзы!

Пришлось подождать некоторое время, в течение которого Кугель переминался с ноги на ногу. Минуты

еле ползли; одежда и фальшивая борода вызывали невыносимый зуд. Вдруг Кугель увидел на окраине деревни несколько фигур, приближающихся со стороны Гродза. Одной из них почти наверняка был Бубах Анх, другая, казалось, недавно лишилась бороды.

Появился Старейшина; в каждой руке он нес по фиолетовой линзе.

— Сделай шаг вперед!

Кугель громко выкрикнул:

— Я здесь, сэр.

— Сейчас я смажу твой правый глаз снадобьем, которое освятит соединение глаза с волшебной линзой.

Бубах Анх за спинами толпы возвысил голос:

— Стойте! Что происходит?

Кугель повернулся, ткнул в его сторону пальцем.

— Какой шакал прерывает торжество? Уберите его отсюда прочь!

— Действительно! — не допускающим возражений тоном воскликнул Старейшина. — Ты позоришь себя и принижаешь величие церемонии.

Бубах Анх втянул голову в плечи, на мгновение устрашенный.

— Принимая во внимание, что нас прервали, — заявил Кугель, — я согласен просто взять волшебные линзы на хранение до того времени, когда эти мужланы смогут быть соответствующим образом наказаны.

— Нет, — возразил Старейшина. — Подобная процедура невозможна.

Он стряхнул несколько капель прогорклого жира в правый глаз Кугеля. Но теперь поднял крик крестьянин с обрезанной бородой:

— Моя шляпа! Моя блуза! Моя борода! Неужели на свете нет справедливости?

— Тихо! — зашипела толпа. — Это торжественное событие!

— Но я Бу...

Кугель воскликнул:

— Надевай мне волшебную линзу, лорд! Не будем обращать внимания на этих деревенщин.

— Ты называешь меня деревенщиной? — взревел Бубах Анх. — Я узнаю тебя теперь, негодяй. Остановите церемонию!

Старейшина заговорил непреклонным тоном:

— Теперь я надеваю тебе правую линзу. Ты дол-

жен пока держать этот глаз закрытым, чтобы предотвратить разлад, который перенапряжет мозг и вызовет ступор. А теперь левый глаз.

Он шагнул вперед с притиранием, но Бубаха Анха и безбородого крестьянина уже было не удержать.

— Задержите церемонию! Ты жалуешь дворянский ранг самозванцу! Я — Бубах Анх, тот самый достойный сквайр! Тот, кто стоит перед тобой; — бродяга!..

Старейшина осмотрел Бубаха Анха с недоумением.

— Действительно, ты похож на того крестьянина, который в течение тридцати одного года доставлял в Смолод пищу. Но если ты — Бубах Анх, то кто это?

Безбородый крестьянин тяжело выступил вперед.

— Это бессовестный подлец, который украл одежду с моего тела и бороду с моего лица.

— Он преступник, бандит, бродяга...

— Стойте! — воскликнул Старейшина. — Вы выражаетесь неподобающим образом. Вспомните, что он был возведен в ранг принца Смолода.

— Не совсем! — крикнул Бубах Анх. — У него один мой глаз. Я требую, чтобы мне отдали второй!

— Неприятная ситуация, — пробормотал Старейшина. Он обратился к Кугелю: — Хоть ты и был прежде бродягой и головорезом, теперь ты принц и на твоих плечах лежит ответственность. Каково твое мнение?

— Я предлагаю содрать живьем кожу с этих шумных деревенщин. Потом...

Бубах Анх и безбородый крестьянин с криками ярости прыгнули вперед. Кугель, отскакивая назад, потерял контроль над своим правым глазом. Веко распахнулось. В мозг Кугеля хлынули такие чудесные и возвышенные впечатления, что у него перехватило дыхание и сердце чуть не остановилось от изумления. Однако одновременно левый глаз показывал ему реальность Смолода. Это несоответствие было слишком диким, чтобы его можно было вынести. Кугель споткнулся и налетел на хижину. Бубах Анх встал над ним, занеся над головой мотыгу, но тут Старейшина ступил между ними.

— Тебя что, покинул разум? Этот человек — принц Смолода!

— Это человек, которого я убью, потому что у него мой глаз! Неужели я трудился тридцать один год ради какого-то бродяги?

— Успокойся, Бубах Анх, если таково твое имя, и вспомни, что в этом вопросе еще нет полной ясности. Возможно, произошла ошибка — вне всякого сомнения, честная ошибка, ибо этот человек теперь принц Смолода, а значит, воплощение справедливости и мудрости.

— Он не был таковым до того, как получил волшебную линзу, — стоял на своем Бубах Анх, — а именно тогда и было совершено преступление.

— Я не могу заниматься казуистическими размышлениями, — ответил старец. — Во всяком случае, твое имя стоит первым в списке, и при следующей роковой случайности...

— Лет через десять или двенадцать? — вскричал Бубах Анх. — Я что, должен продолжать трудиться и получить свою награду как раз тогда, когда солнце погаснет? Нет, нет, это невозможно!

Безбородый крестьянин выдвинул предложение:

— Возьми себе другую линзу. Таким образом ты будешь владеть по меньшей мере половиной того, что тебе причитается по праву и, следовательно, помешаешь этому наглецу обдурить тебя полностью.

Бубах Анх согласился.

— Я возьму для начала одну свою волшебную линзу. Потом я убью этого мошенника и заберу вторую, и все будет хорошо.

— Прекратите! — высокомерно произнес Старейшина. — Не подобает использовать такой тон по отношению к одному из принцев Смолода!

— Пфф! — фыркнул Бубах Анх. — Вспомни, откуда берется ваша пища! Мы, жители Гродза, не будем работать задаром.

— Хорошо, — сказал Старейшина. — Я считаю ваши грубые угрозы предосудительными, но не могу отрицать, что в ваших доводах есть некая доля истины. Вот левая линза Радкута Вомина. Обойдемся без взывания к Эддиту Брэн Мору, умащения и поздравительного гимна. Будь так добр, сделай шаг вперед и открой левый глаз — вот так.

Как и Кугель, Бубах Анх посмотрел двумя глазами сразу и, ошеломленный, отшатнулся. Однако он тут

же схватился за левый глаз, опомнился и начал наступать на Кугеля.

— Теперь ты должен видеть, насколько бессмысленны твои фокусы. Отдай мне эту линзу и ступай своей дорогой, потому что ты никогда не сможешь воспользоваться ими обеими.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Кугель. — Благодаря моему другу Фирксу меня прекрасно устраивает и одна.

Бубах Анх заскрежетал зубами.

— Ты думаешь, что сможешь надуть меня еще раз? Твоя жизнь подошла к концу. Не только я, но и весь Гродз ручается за это!

— Только не в пределах Смолода, — предупредил Старейшина. — Среди принцев не должно быть ссор: я предписываю вам соблюдать согласие! Вы, разделившие между собой линзы Радкута Вомина, должны разделить также его дворец, его одежды, имущество, драгоценности и свиту до той, надеюсь, отдаленной минуты, когда один или другой умрет, после чего оставшийся в живых получит все. Таков мой приговор. И говорить больше не о чем.

— Момент смерти этого наглеца, надеюсь, совсем близок, — прогрохотал Бубах Анх. — Та минута, когда он ступит за пределы Смолода, станет для него последней. Жители Гродза будут стеречь его хоть сотню лет, если понадобится.

При этих новостях Фиркс беспокойно заерзал, и Кугель, болезненно поморщившись, обратился к Бубаху Анху примирительным тоном:

— Мы могли бы пойти на компромисс. К тебе отойдет все поместье Радкута Вомина: его дворец, имущество, свита. А я получу только магические линзы.

Но Бубаха Анха это не устраивало.

— Если ты ценишь свою жизнь, отдавай линзу сию же минуту.

— Этого я не могу сделать, — сказал Кугель.

Бубах Анх отвернулся и что-то сказал безбородому крестьянину. Тот кивнул и удалился. Бубах Анх свирепо поглядел на Кугеля, потом подошел к хижине Радкута Вомина и сел на кучу мусора у двери. Здесь он начал экспериментировать со своей новой линзой, осторожно закрывая правый глаз и открывая левый,

чтобы восхищенно разглядывать Чужой мир. Кугель подумал, что сможет воспользоваться его отрешенностью, и не спеша направился к окраине города. Бубах Анх, казалось, ничего не замечал. «Ха! — подумал Кугель. — Значит, все будет так легко! Еще два шага, и он затеряется в темноте».

Он бодро размял свои длинные ноги, готовясь сделать эти два шага. Едва слышный звук — ворчание, скрежет, шорох одежды — заставил его дернуться в сторону; острие мотыги метнулось вниз, рассекая воздух в том месте, где только что была Кугелева голова. В слабом свете, отбрасываемом лампами Смолода, Кугель мельком заметил мстительную физиономию безбородого крестьянина. Сзади подскочил Бубах Анх, выставив вперед тяжелую голову, словно бык. Кугель увернулся и проворно побежал назад в центр Смолода.

Разочарованный Бубах Анх медленно вернулся и снова занял свое место.

— Тебе никогда не удрать, — сказал он Кугелю. — Отдавай линзу, и сохранишь жизнь!

— Ни в коем случае, — с достоинством ответил Кугель. — Скорее тебе следует опасаться за твою собственную пропитую жизнь, которая подвергается еще большей опасности!

Из хижины Старейшины донесся укоризненный вопль:

— Прекратите ругаться! Я исполняю экзотические прихоти прекрасной принцессы, и не смейте меня отвлекать.

Кугель, вспомнив жирные складки плоти, ухмыляющиеся, заплывшие лица, спутанные, кишащие паразитами волосы, двойные подбородки, вздувшиеся вены и вонь, характеризующие женщин Смолода, еще раз подивился волшебной силе линз. Бубах Анх снова проверял, как видит его левый глаз. Кугель пристроился на скамейке и попробовал посмотреть правым глазом, предварительно прикрыв ладонью левый...

На нем была рубашка из гибких серебристых чешуек, обтягивающие алые панталоны, темно-синий плащ. Он сидел на мраморной скамье недалеко от ряда спирально закрученных мраморных колонн, заросших вьюнами с темной листвой и белыми цветами. По обе стороны высились в ночи дворцы Смолода,

один позади другого. Неяркий свет обрисовывал арки и окна. Небо, мягкого темно-синего цвета, было усеяно большими сияющими звездами. Между дворцов были разбиты сады с кипарисами, миртом, жасмином, магнолиями и тисом; воздух был напоен запахом цветов и струящейся воды. Откуда-то донеслась, подобно дуновению, музыка: шепот нежных струн, вздох чудной мелодии. Кугель сделал глубокий вдох и поднялся на ноги. Он шагнул вперед, пересекая террасу. Дворцы и сады сместились в пространстве. Три девушки в белых воздушных платьях, стоящие на неосвещенной лужайке, разглядывали Кугеля через плечо.

Кугель невольно шагнул вперед. Затем, вспомнив о преступных намерениях Бубаха Анха, приостановился, чтобы проверить свое местонахождение. По другую сторону площади возвышался семиярусный дворец. На каждом ярусе, на каждой террасе, был свой сад с лианами и цветами, свисающими вниз вдоль стен. Сквозь окна Кугель мельком увидел богатую обстановку, сверкающие канделябры, мягкие движения облаченных в ливреи пажей. В павильоне перед дворцом стоял человек с соколиными чертами лица и подстриженной золотистой бородой, облаченный в охряные и черные одежды с золотыми эполетами и черные высокие шнурованные ботинки. Он стоял, опершись одной ногой о каменного грифона, сложив руки на согнутом колене, и глядел в сторону Кугеля с выражением задумчивой неприязни на лице. Кугель изумился: может ли это быть похожий мином на свинью Бубах Анх? Может ли этот великолепный дворец с семью рядами террас быть лачугой Радкута Вомина?

Кугель медленно перешел площадь и оказался у какого-то павильона, освещенного канделябрами. На столах было разложено мясо, желе и пирожные всех сортов. Желудок Кугеля, питаемый только плавником и копченой рыбой, настоятельно толкнул его вперед. Кугель переходил от стола к столу, пробуя кусочки с каждого блюда, и находил, что все они — превосходнейшего качества.

— Я могу поглощать копченую рыбу и чечевицу, — сказал сам себе Кугель, — однако можно многое сказать в пользу волшебства, с помощью которого они становятся столь изысканными деликатесами. Воисти-

ну, можно придумать что-нибудь гораздо худшее, чем провести остаток жизни здесь, в Смолоде.

Фиркс, словно только и ждал этой мысли, немедленно вызвав в печени Кугеля серию агонизирующих судорог. Кугель с горечью выругал Юкуну, Смеющегося Мага, и повторил свои обеты мести.

Восстановив самообладание, Кугель неторопливо пошел туда, где окружающие дворец сады переходили в пейзажный парк. Глянув назад через плечо, он обнаружил, что принц с соколиным лицом, одетый в охряно-черные одежды, приближается к нему с явно враждебными намерениями. Во мраке парка Кугель заметил еще какое-то движение, и ему показалось, что он видит несколько вооруженных воинов.

Кугель вернулся на площадь, и Бубах Анх снова проследовал ко входу во дворец Радкута Вомина, где и остался стоять, свирепо глядя на своего соперника.

— Вне всякого сомнения, — сказал Кугель вслух, чтобы его слышал Фиркс, — сегодня уйти из Смолода не удастся. Естественно, я жду не дождусь доставить эту линзу Юкуну, но если меня убьют, то ни линза, ни превосходный Фиркс никогда не вернутся в Олмери.

Фиркс никак не проявлял свою активность. «А теперь, — подумал Кугель, — где же провести ночь?» Семиэтажный дворец Радкута Вомина, несомненно, предлагал большое количество просторных помещений, где хватило бы места и ему, и Бубаху Анху. На деле же им пришлось бы ютиться вдвоем в хижине, состоящей из одной комнатушки, где постелью служила единственная куча влажного тростника. Задумчиво, с сожалением, Кугель закрыл правый глаз и открыл левый.

Смолод был таким же, как и раньше. Мрачный Бубах Анх стоял, ссутулившись, перед дверью в хижину Радкута Вомина. Кугель шагнул вперед и энергично лягнул своего соперника. От удивления и шока оба глаза Бубаха Анха открылись, и соперничающие импульсы, столкнувшись в его мозгу, вызвали паралич. Сзади, в темноте, безбородый крестьянин взревел и ринулся вперед, высоко подняв мотыгу, и Кугелю пришлось отказаться от своего плана перерезать Бубаху Анху горло. Он шмыгнул в хижину, закрыл дверь и задвинул засовы.

Теперь он закрыл левый глаз и открыл правый. Он

очутился в роскошном холле дворца Радкута Вомина, портик которого был защищен опущенной решеткой из кованого железа. Снаружи золотоволосый принц в охряно-черных одеждах, прикрывая один глаз рукой, с холодным достоинством поднимался с плит, которыми была вымощена площадь. Взмахнув рукой в жесте благородного вызова, Бубах Анх перекинул плащ через плечо и удалился, чтобы присоединиться к своим воинам.

Кугель неторопливо прошелся по дворцу, с удовольствием осматривая обстановку. Если бы не назойливость Фиркса, можно было бы не торопиться в опасное путешествие назад, в долину Кзана.

Кугель выбрал роскошно обставленную комнату, выходящую окнами на юг, сбросил пышные одежды, заменив их на атласный ночной наряд, устроился на ложе, покрытом простынями из бледно-голубого шелка, и немедленно заснул.

Утром он с некоторым трудом вспомнил, какой глаз открывать. Он подумал, что было бы хорошо смастерить повязку и носить ее на том глазу, который в данное время не использовался.

При свете дня дворцы Смолода были более величественными, чем когда-либо, а площадь теперь была заполнена принцами и принцессами — все они были неописуемой красоты.

Кугель облачился в красивые одежды черного цвета с элегантной зеленой шапочкой и зелеными сандалиями. Он спустился в холл, повелительным жестом поднял решетку и вышел на площадь.

Бубаха Анха нигде не было видно. Остальные жители Смолода любезно приветствовали Кугеля, а принцессы проявляли в обращении с ним заметную теплоту, словно находили его хорошей партией. Кугель отвечал вежливо, но без особого пыла: даже волшебные линзы не могли заставить его забыть о том, что отличительной чертой женщин Смолода были отвратительные складки плоти, покрытые въевшейся грязью и спутанными волосами.

Он позавтракал в павильоне восхитительными яствами, потом вернулся на площадь, чтобы обдумать план будущих действий. Поверхностный осмотр парков показал, что воины Гродза стоят на страже. О том, чтобы бежать немедленно, не могло быть и речи.

Дворяне Смолода занялись своими делами. Одни разбрелись по лугам, другие плыли на лодках по восхитительным каналам, ведущим на север. Старейшина, принц с благородным и мудрым лицом, сидел в одиночестве на скамье из оникса, погруженный в глубокое раздумье.

Кугель подошел к нему. Старейшина оторвался от дум и поприветствовал его со сдержанной сердечностью.

— Моя душа неспокойна, — заявил он. — Несмотря на все доводы благоразумия и с учетом того, что ты, бесспорно, не знал наших обычаев, я все же чувствую, что была допущена некоторая несправедливость, и понятия не имею, как ее исправить.

— Мне кажется, — сказал Кугель, — что сквайр Бубах Анх, без сомнения, достойный человек, проявляет отсутствие дисциплины, не совместимое с достоинством Смолода. По моему мнению, ему бы пошло на пользу поработать еще несколько лет в Гродзе.

— В том, что ты сказал, есть зерно истины, — ответствовал старец. — Небольшие личные жертвы иной раз необходимы для благополучия всех. Я уверен, что ты, если о том зайдет речь, с радостью отдашь свою линзу и заново станешь членом Гродза. Что значат несколько лет? Они упорхнут, как бабочки.

Кугель сделал учтивый жест.

— Или же мы могли бы устроить розыгрыш по жребию, в котором участвовали бы все, кто видит с помощью двух линз. Проигравший даровал бы одну из своих линз Бабуху Анху. Я, со своей стороны, обошелся бы и одной.

Старец нахмурился.

— Ну, такая возможность маловероятна. А пока ты должен участвовать в нашем веселье. Позволю себе заметить, что ты недурно выглядишь, и некоторые из наших принцесс бросают в твою сторону нежные взгляды. Вот, например, очаровательная Удела Наршаг... или же Зококса — Розовый Лепесток, и, кроме этого, жизнерадостная Илвью Ласмаль. Тебе не стоит мешкать. Мы здесь, в Смолоде, ведем жизнь, не ограниченную условностями.

— Очарование этих дам не ускользнуло от меня, — сказал Кугель. — Однако, к несчастью, я связан обетом воздержания.

— Несчастный! — воскликнул Старейшина. — Принцессам Смолода нет равных! Кстати, заметь — еще одна пытается завоевать твое внимание!

— Без сомнения, она призывает тебя, — сказал Кугель, и старец отошел посовещаться с упомянутой молодой женщиной, которая выехала на площадь в великолепном экипаже в форме лодки, шагающей на шести лебединых ногах. Принцесса возлежала на ложе из розового пуха и была достаточно красива, чтобы заставить Кугеля сожалеть о том, что привередливая память представляла перед мысленным взором спутанные волосы, бородавки, отвисшие губы и потные глубокие складки и морщины. Эта принцесса действительно была воплощением мечты: тоненькая и гибкая, с кожей цвета сливок, изящным носиком, сияющими мечтательными глазами и очаровательно подвижным ртом. Кугеля заинтриговало выражение ее лица, более многозначное, чем у других принцесс: задумчивое и в то же время своенравное; пылкое и одновременно недовольное.

На площади появился Бубах Анх, облаченный в воинственный наряд — латы и шлем — и опоясанный мечом. Старейшина подошел, чтобы переговорить с ним. Но тут Кугеля, к его неудовольствию, подозвала принцесса из шагающей лодки.

Он подошел к ней.

— Да, принцесса. Мне показалось, что ты приветствовала меня?

Принцесса кивнула.

— Я раздумываю о твоем присутствии здесь, в этих северных землях.

Ее голос был мягким и чистым, подобно музыке.

Кугель сказал:

— Я выполняю здесь одну миссию. Я останусь в Смолоде очень недолго, а потом мне нужно будет идти дальше на восток и на юг.

— Неужели! — отозвалась принцесса. — И какова же суть твоей миссии?

— Честно говоря, я был перенесен сюда злобой одного волшебника. Это ни в коем случае не было моим собственным желанием.

Принцесса негромко рассмеялась.

— Я вижу очень мало незнакомых людей. Я жажду увидеть новые лица и услышать новые голоса. Может быть, ты придешь в мой дворец, и мы поговорим о магии и о странных вещах, которыми полнится умирающая земля.

Кугель чопорно поклонился.

— Твое предложение очень лестно. Но обрати свой взор в другую сторону. Я связан обетом воздержания. Укроти свое неудовольствие, ибо это относится не только к тебе, но и вон к той Уделе Наршаг, к Зококсе и к Илвью Ласмаль.

Принцесса приподняла брови, откинулась на покрытое пухом ложе и слабо улыбнулась.

— Ну-ну. Ты суровый человек, жестокий, безжалостный человек, если отказываешь стольким умоляющим женщинам.

— Это так, и так оно и должно быть.

Кугель отвернулся и оказался лицом к лицу с приближающимся Старейшиной, за которым следовал Бубах Анх.

— Печальные обстоятельства, — объявил Старейшина обеспокоенным голосом. — Бубах Анх говорит от имени деревни Гродз. Он заявляет, что они не будут поставлять нам продукты, пока не будет восстановлена справедливость, которую они определяют как возврат твоей линзы Бубаху Анху и выдачу твоей персоны карательному комитету, который ждет там в парке.

Кугель беспокойно рассмеялся.

— Какой дикий взгляд на вещи. Ты, конечно же, заверил его, что мы, жители Смолода, скорее будем есть траву и уничтожим линзы, прежде чем согласимся на столь отвратительные условия?

— Боюсь, что я пошел на компромисс, — объявил Старейшина. — Я полагаю, что остальные жители Смолода оказывают предпочтение более гибкому решению проблемы.

Намек был ясен, и Фиркс начал раздраженно шевелиться. Для того чтобы оценить обстоятельства наиболее решительным образом, Кугель сдвинул повязку на правый глаз и посмотрел левым.

Несколько граждан Гродза, вооруженных серпами, мотыгами и дубинками, ждали на расстоянии пятидесяти ярдов: вне всякого сомнения, карательный

комитет, о котором упоминал Бубах Анх. По одну сторону были хижины Смолода, по другую — шагающая лодка и принцесса такой... Кугель изумленно уставился на нее. Лодка была все той же, как и раньше, она шагала на шести птичьих ногах, а на ложе из розового пуха сидела принцесса — если это возможно, еще более прекрасная, чем когда-либо. Но теперь на ее лице была не слабая улыбка, а холодное и неподвижное выражение.

Кугель сделал глубокий вдох и пустился бежать. Бубах Анх выкрикнул приказ остановиться, но Кугель не обратил на это ни малейшего внимания. Он понесся через пустыри, а карательный комитет бросился за ним следом.

Кугель ликующе расхохотался. У него были длинные ноги и хорошие легкие. Крестьяне же были приземистыми, флегматичными, с узловатыми мускулами. Он легко мог пробежать две мили за то время, что требовалось им, чтобы преодолеть одну. Он приостановился и обернулся, чтобы помахать им рукой на прощанье. К его смятению, от шагающей лодки отделились две ноги и бросились за ним вслед. Кугель припустил изо всех сил. Тщетно. Ноги прыжками пронеслись мимо, по одной с каждой стороны. Потом они развернулись и пинками заставили Кугеля остановиться.

Кугель угрюмо зашагал назад. Ноги скакали за ним. Перед самой окраиной Смолода Кугель сунул руку под повязку и снял магическую линзу. Когда карательный комитет набросился на него, он поднял линзу вверх.

— Не приближайтесь — или я разобью ее на куски!

— Стойте! Стойте! — завопил Бубах Анх. — Этого нельзя допустить! Послушай, отдай мне линзу и прими то, что ты по справедливости заслужил.

— Ничто еще не решено, — напомнил ему Кугель. — Старейшина не высказался ни в чью пользу.

Девушка приподнялась со своего сиденья в лодке.

— Высказываться буду я. Я — Дерве Корим из Дома Домбер. Отдай мне фиолетовую стекляшку, чем бы она ни была.

— Ни в коем случае, — заявил Кугель. — Возьми линзу у Бубаха Анха.

— Ни за что! — воскликнул сквайр из Гродза.

— У вас обоих есть по линзе, и вы оба хотите две? Что же это за бесценные объекты? Вы носите их на глазах? Дайте их мне.

Кугель вытащил меч.

— Я предпочитаю бежать, но буду сражаться, если придется.

— Я не могу бегать, — сказал Бубах Анх. — Я предпочитаю сражаться.

Он вынул линзу из своего глаза.

— А теперь, бродяга, приготовься к смерти.

— Минуточку, — сказала Дерве Корим.

У одной из ног лодки выросли вдруг тонкие ручки и схватили Кугеля и Бубаха Анха за запястье. Линзы упали на землю. Та, что принадлежала Бубаху Анху, ударилась о камень и разлетелась на куски. Он взвыл, как от боли, и прыгнул на Кугеля, который отступил перед этим нападением.

Бубах Анх ничего не знал о фехтовании. Он рубил и резал, словно потрошил рыбу. Однако ярость его натиска выбивала Кугеля из равновесия, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы отразить атаку. К тому же, вдобавок к ударам и выпадам Бубаха Анха, Фиркс горько оплакивал потерю линзы.

Дерве Корим потеряла интерес к происходящему. Лодка зашагала прочь через пустыри, двигаясь все быстрее и быстрее. Кугель сделал выпад мечом, отскочил назад, отскочил снова и во второй раз пустился бегом через пустыри, а жители Смолода и Гродза выкрикивали проклятия ему вслед.

Лодка-экипаж трусила неторопливой рысью. Кугель, легкие которого уже разрывались, догнал ее, могучим прыжком подскочил вплотную, ухватился за покрытый пухом планшир и, подтянувшись, уселся верхом на борт.

Все было так, как он и ожидал. Дерве Корим посмотрела сквозь линзу и теперь лежала, в ошеломлении откинувшись назад. Фиолетовая линза лежала у нее на коленях.

Кугель схватил линзу, а потом на минуту загляделся на изысканно тонкое лицо женщины, спрашивая себя, стоит ли осмелиться на что-нибудь большее. Фиркс придерживался мнения, что нет. Дерве Корим уже начинала вздыхать и шевелить головой.

Кугель спрыгнул с лодки, и как раз вовремя. Успела ли Дерве Корим его увидеть? Он подбежал к кусту тростника, растущему рядом с прудом, и бросился в воду.

Отсюда он увидел, как шагающая лодка остановилась, и Дерве Корим поднялась на ноги. Она ощупала розовый пух, пытаясь найти линзу, потом осмотрела окрестности. Однако кроваво-красный свет заходящего солнца светил ей в глаза, когда она смотрела в сторону Кугеля, и принцесса увидела только тростник и отражение солнца в воде.

Рассерженная и угрюмая, как никогда раньше, она послала лодку вперед, и та, сначала шагом, потом рысью, потом скачками понеслась на юг.

Кугель вылез из воды, осмотрел магическую линзу, засунул ее в свой дорожный мешок и оглянулся в сторону Смолода. Потом он направился было на юг, но тут же остановился, вынул линзу, закрыл левый глаз и приложил ее к правому. Перед ним поднимались дворцы, ярус над ярусом, башня над башней, свисающие с террас сады... Кугель мог бы смотреть на это очень долго, но Фиркс начал проявлять признаки беспокойства.

Кугель вернул линзу в мешок и снова повернулся лицом к югу, начиная долгое путешествие назад в Олмери.

СИЛЬ

Солнечный закат в северных пустошах был скорбным процессом, медленным, как кровь, вытекающая из мертвого животного. Сумерки застали Кугеля бредущим по соляному болоту. Темно-красный свет полуденного солнца обманул его. Пустившись в путь через низко лежащие пустоши, он обнаружил под ногами сначала влагу, потом болотистую зыбь, а теперь со всех сторон была грязь и ряска. Кое-где попадались лиственницы и ивы; в лужах и озерцах болотной воды отражался свинцовый пурпур неба.

На востоке поднимались невысокие холмы. К ним-то и брел Кугель, перепрыгивая с кочки на кочку, осторожно пробегая по засохшей корке ила. Времена-

ми он оступался и растягивался в грязи или в гниющем тростнике, после чего его угрозы и брань в адрес Юкуну, Смеющегося Мага, достигали максимума.

Сумерки продержались до тех пор, пока, шатаясь от усталости, Кугель не добрался до склона восточных холмов, где его положение скорее ухудшилось, чем улучшилось. Несколько бандитов получеловеческого происхождения давно приметили его приближение и теперь набросились на него. Жуткая вонь достигла Кугеля даже раньше, чем звук их шагов. Забыв об усталости, он отскочил в сторону, и бандиты бросились за ним в погоню вверх по склону.

На фоне неба поднималась рассыпающаяся башня. Кугель вскарабкался по покрытым плесенью камням, вытащил меч и ступил в проем, который некогда был дверным. Внутри стояла тишина, чувствовался запах пыли и влажного камня. Кугель упал на колено и на фоне горизонта увидел, как три гротескные фигуры остановились у границы руин.

«Странно, — подумал Кугель, — хотя очень кстати — даже если, по случайному совпадению, во всем этом есть что-то зловещее. Эти существа совершенно очевидно боялись башни».

Последний признак сумерек исчез с неба. По косвенным признакам Кугель понял, что в башне живет привидение. Действительно, ближе к полуночи появился какой-то дух, облаченный в бледные одежды и серебряную корону — обруч, украшенный двадцатью лунными камнями на длинных серебряных стебельках. Дух, кружась, подплыл поближе к Кугелю, глядя на него пустыми глазницами, от взгляда которых человек может потерять разум. Кугель вжался спиной в стену так, что кости затрещали. Он был не в состоянии шевельнуть ни одним мускулом.

Дух заговорил:

— Уничтожь этот форт. Пока камень соединяется с камнем, я должен оставаться здесь, даже если Земля остынет и полетит сквозь тьму.

— Я бы с радостью, — прохрипел Кугель, — если бы не те, снаружи, кто хочет моей смерти.

— В задней стене этого зала есть проход. Используй силу и сноровку, а потом выполни мое повеление.

— Можешь считать, что форт уже стерт с лица

Земли, — горячо заявил Кугель. — Но какие обстоятельства обрекли тебя к столь тягостному заточению?

— Они забыты. Исполни мой приказ, или я прокляну тебя вечной тоской, подобной моей собственной.

Кугель проснулся посреди темноты. Все тело было сведено судорогой и ныло от холода. Дух исчез. Как же долго он спал? Кугель выглянул за дверь и обнаружил, что небо на востоке окрашено первыми отблесками зари.

После нескончаемого ожидания появилось солнце, послав пылающий луч сквозь двери на заднюю стену зала. Там Кугель обнаружил каменную лестницу, спускающуюся в запыленный проход, который через пять минут медленного продвижения на ощупь вывел Кугеля на поверхность. Он из укрытия осмотрел местность и увидел троих бандитов в трех разных точках; каждый из них прятался за разрушенной колонной.

Кугель вытащил меч из ножен и с величайшей осторожностью пополз вперед. Он подобрался к первой лежащей фигуре и вонзил сталь в жилистую шею. Существо широко раскинуло руки, поскребло пальцами землю и затихло.

Кугель высвободил лезвие и вытер его о кожаную одежду трупа. Подкравшись искуснейшим образом и с величайшей ловкостью, он зашел за спину второму бандиту. Умирая, монстр издал полный муки звук. Третий бандит подошел полюбопытствовать, что происходит.

Выскочив из укрытия, Кугель пронзил его насквозь. Бандит вскрикнул, вытащил свой собственный кинжал и сделал выпад, но Кугель отпрыгнул назад и швырнул в противника тяжелый камень, поваливший получеловека на землю. Тут бандит и остался лежать с перекошенным от ненависти лицом.

Кугель осторожно подошел к нему.

— Поскольку ты стоишь перед лицом смерти, скажи мне, что ты знаешь о спрятанном сокровище.

— Я ничего не знаю ни о каких сокровищах, — ответил бандит. — А если бы они и существовали, ты был бы последним, кто узнал бы о них, потому что ты убил меня.

— Это не моя вина, — сказал Кугель. — Это ты

преследовал меня, а не я вас. Зачем вам это понадобилось?

— Чтобы есть, чтобы выжить, хотя и жизнь, и смерть одинаково бесплодны, и я одинаково презираю и то, и другое.

Кугель подумал.

— В таком случае тебе не стоит возмущаться по поводу моей роли в том переходе, который тебе сейчас предстоит. Вопрос о спрятанных ценностях снова становится актуальным. Возможно, ты хочешь сказать последнее слово по этому поводу?

— Я скажу последнее слово. Я покажу тебе мое единственное сокровище.

Существо порылось в кошельке и достало круглый белый камешек.

— Это камень из черепа демона, и в настоящий момент он содрогается от таящейся в нем силы. Я использую эту силу, чтобы проклясть тебя и навлечь на тебя немедленную смерть от язв.

Кугель торопливо убил бандита и уныло вздохнул. Ночь несла одни неприятности.

— Юкуну, если я выживу, ох, как ты мне за это заплатишь!

Кугель повернулся, чтобы осмотреть форт. Некоторые из камней упали бы от прикосновения руки; на другие потребовалось бы гораздо больше усилий. Он может и не дожить до того, чтобы выполнить эту задачу. Каковы были условия проклятия бандита? «Немедленная смерть от язв». Надо же было быть таким злобным. Однако проклятие духа-короля не менее жестоко: как оно там звучало? «...вечная тоска».

Кугель потер подбородок и медленно, серьезно кивнул, потом, возвысив голос, сказал:

— Господин дух, я, наверно, не останусь, чтобы выполнить твое повеление: я убил бандитов и теперь пойду. Прощай, и пусть вечность пройдет для тебя побыстрее.

Из глубин форта донесся стон, и Кугель почувствовал прикосновение неведомой силы.

— Я привожу в действие свое проклятие, — послышался шепот в его мозгу.

Кугель быстро зашагал на юго-восток.

— Замечательно. Все идет прекрасно. «Вечная тоска» точнейшим образом уравновешивает «немедлен-

ную смерть», и я остаюсь только с «язвой», которой, в лице Фиркса, я уже страдаю. Нужно работать головой, когда имеешь дело с проклятиями.

* * *

Он шел через пустоши до тех пор, пока форт не скрылся из виду и вскоре снова вышел к морю. Выйдя на береговую полосу, Кугель огляделся по сторонам и увидел лишь темный мыс на востоке и такой же мыс на западе. Кугель спустился к кромке моря и пошел на восток. Море, ленивое, серое, посылало вялые волны на гладкий, без единого следа, песок.

Впереди Кугель заметил темное пятнышко, через мгновение оказавшееся пожилым человеком, стоящим на коленях и просеивающим песок через сито.

Кугель остановился, чтобы посмотреть. Старик с достоинством кивнул ему и продолжил свою работу.

Любопытство в конце концов вынудило Кугеля спросить:

— Что ты ищешь так усердно?

Старик опустил сито и растер плечи.

— Где-то на берегу отец моего прадеда потерял амулет. Всю свою жизнь он просеивал песок, надеясь отыскать то, что потерял. Его сын, а после него мой дед, потом мой отец и теперь я, последний из рода, делали то же самое. Мы просеяли песок на всем пути от Силя, но до Бенбэдж Сталла еще целых шесть лиг.

— Эти названия мне неизвестны, — сказал Кугель. — Что это за место — Бенбэдж Сталл?

Старик указал на мыс, лежащий на западе.

— Древний порт, хотя сейчас ты увидишь там лишь разрушенный мол, старый пирс и пару хижин. А некогда барки из Бенбэдж Сталла курсировали по морю в Фальгунто и Мелл.

— Об этих районах я тоже ничего не слыхал, — признался Кугель. — А что лежит за Бенбэдж Сталлом?

— К северу земля становится все хуже и хуже. Солнце низко висит над болотами и трясинами. Там никто не живет, кроме нескольких жалких изгнанников.

Кугель обратил свое внимание на восток.

— А что такое Силь?

— Вся эта территория и есть Силь. Мой отец лишился права владеть ей, и она перешла к Дому Домбер. Все величие исчезло, остался только старый дворец и деревня. Дальше земля переходит в темный, полный опасностей лес — до такой степени уменьшились наши владения.

Старик покачал головой и вернулся к своему ситу.

Кугель какое-то мгновение наблюдал за ним, потом, бесцельно ковыряя пяткой песок, увидел блеск металла. Он нагнулся и поднял браслет из черного металла, сияющего пурпурным отливом. По окружности браслета были расположены тридцать вставок в форме карбункулов, и каждую окружало кольцо выгравированных рун.

— Ха! — воскликнул Кугель, демонстрируя браслет. — Посмотри, какая прекрасная вещь! Настоящее сокровище!

Старик положил наземь совок и сито и медленно поднялся на колени, а потом на ноги. Он качнулся вперед. Его голубые глаза округлились и застыли. Он протянул руку.

— Ты нашел амулет моих предков из Дома Слэй! Отдай его мне!

Кугель отступил назад.

— Ну-ну, твое требование возмутительно и неразумно!

— Нет, нет! Этот амулет мой. Ты поступаешь дурно, присваивая его. Неужели ты хочешь свести на нет труд моей жизни и четырех жизней, что прошли до меня?

— Почему бы тебе просто не порадоваться, что амулет найден? — раздраженно спросил Кугель. — Теперь ты освобожден от дальнейших поисков. Будь так добр, объясни, каково могущество этого амулета? От него исходит сильное волшебство. Какую пользу он приносит владельцу?

— Его владелец — я, — простонал старик. — Я умоляю тебя, будь великодушен!

— Ты ставишь меня в неудобное положение, — пожаловался Кугель. — Мое имущество слишком мало, чтобы позволить подобную щедрость, но я не могу считать это отсутствием великодушия. Если бы ты нашел амулет, ты отдал бы его мне?

— Нет, потому что он мой!

— Здесь мы с тобой расходимся во мнениях. Будь так добр, допусти на мгновение, что твое убеждение неверно. Твое зрение подтвердит, что амулет находится в моих руках, в моей власти и, короче, в моей собственности. Поэтому *я* был бы рад *любой* информации о его возможностях и способе употребления.

Старик воздел вверх руки и пнул сито с таким ожесточением, что порвал сетку, и сито укатилось по берегу к кромке воды, где его подхватила набежавшая волна. Старик невольно рванулся вытащить его, потом еще раз воздел руки к небу и затрусил прочь вдоль берега. Кугель с мрачным неодобрением покачал головой и повернулся, чтобы продолжить путь вдоль берега на восток.

Но тут произошла неприятная перепалка с Фирксом, который был убежден, что наиболее быстрый путь назад в Олмери лежит на запад через порт Бенбэдж Стална. Кугель в отчаянии схватился руками за живот.

— Возможна только одна дорога. Через земли, которые лежат к западу и востоку. Что из того, что океан предлагает более прямой путь? У нас под рукой нет лодки; а проплыть такое огромное расстояние невозможно!

Фиркс в сомнении подверг печень Кугеля еще нескольким мучениям, но в конце концов все же позволил ему пойти вдоль берега на восток. Позади, на гребне прибрежной полосы, сидел старик. Совок свисал у него между коленями; невидящие глаза смотрели вдаль, в море.

Кугель шел вдоль берега, очень довольный событиями прошедшего утра. Он внимательно осмотрел амулет, от которого исходило мощное дыхание волшебства. К тому же это была вещь немалой красоты. Руны, вырезанные с величайшим искусством и изяществом, к несчастью, были выше понимания Кугеля. Он осторожно надел браслет на запястье и при этом нечаянно нажал на один из карбункулов. Откуда-то донесся замогильный стон, в котором звучала невыносимая мука. Кугель остановился как вкопанный и оглядел берег по обе стороны. Серое море, бледный песок, пучки колючих растений на прибрежной полосе. Бенбэдж Стална на западе, Силь на востоке, серое небо

над головой. Кугель был здесь один. Откуда же долетел этот могучий стон?

Кугель еще раз осторожно тронул карбункул, и снова вызвал стон муки и протеста.

Восхищенный Кугель нажал другой карбункул, и на этот раз породил вопль жалостного отчаяния. Голос был уже другим. Кугель недоумевал. Кто на этом мрачном берегу проявлял столь фривольное расположение духа? Он нажал на все карбункулы по очереди, в результате чего услышал целый концерт выкриков, охватывающих весь диапазон отчаяния и боли. Кугель критически исследовал амулет. Помимо вызывания стонов и всхлипываний, амулет не проявлял никакой заметной магической силы, и Кугелю в конце концов надоело это занятие.

Солнце достигло зенита. Кугель утолил голод водорослями, которые он сделал питательными, потерев их талисманом Юкуну. Пока Кугель ел, ему казалось, что он слышит голоса и легкий беззаботный смех; звук был таким неразборчивым, что вполне мог бы сойти за шорох прибоя. Неподалеку в океан выступала скалистая коса. Внимательно прислушиваясь, Кугель определил, что голоса доносятся с той стороны. Они были ясными, похожими на детские, в них звенело невинное веселье.

Кугель осторожно прошел по каменной косе. На дальнем ее конце, там, где поднимался океан и вздымалась темная вода, пристроились четыре большие раковины. Сейчас они были открыты; из них выглядывали головки, под которыми были видны обнаженные плечи и руки. Головки были круглыми и миловидными, с мягкими щечками, серо-голубыми глазами и пучками светлых волос. Существа окунали пальцы в воду и вытягивали из капель нить, которую они ловко сплетали в тонкую мягкую ткань. Тень Кугеля упала на воду. Существа немедленно скрылись за створками раковин.

— Что такое? — шутливо воскликнул Кугель. — Вы всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Вы так боязливы? Или просто буки?

Раковины оставались закрытыми. Темная вода закручивалась водоворотами над их волнистой поверхностью.

Кугель подошел еще ближе, присел на корточки и склонил голову набок.

— Или, может, вы гордые? И поэтому презрительно удаляетесь? Или у вас плохие манеры?

Ответа опять не последовало. Кугель, не меняя положения, начал насвистывать трели мелодии, услышанной на Азеномейской ярмарке.

Вскоре в раковине на дальнем краю скалы отворилась щелка, и сквозь нее на Кугеля посмотрели глаза. Он просвистел еще пару тактов, потом заговорил снова:

— Откройте свои раковины! Тут сидит чужестранец, который ждет не дождется узнать дорогу в Силь и разные другие важные вещи!

Еще в одной раковине открылась щелка; еще пара глаз блеснула из темноты.

— Возможно, вы невежественны, — насмехался Кугель. — Возможно, вы не знаете ничего, кроме цвета рыб и сырости воды.

Самая дальняя раковина открылась настолько, что внутри можно было разглядеть негодующее лицо.

— Мы вовсе не невежественны!

— И не ленивы, и не надменны, и не плохо воспитаны, — выкрикнуло второе существо.

— И не боязливы, — добавило третье.

Кугель кивнул с умным видом:

— Может быть, и так. Но почему вы так быстро спрятались, когда я всего лишь приблизился?

— Таков наш обычай, — сказало первое существо. — Некоторые обитатели моря с удовольствием поймали бы нас врасплох, поэтому разумнее сначала скрыться, а уже потом выяснять, что происходит.

Все четыре раковины были теперь открыты, хотя и не так широко, как тогда, когда подошел Кугель.

— Ну хорошо, — сказал он, — что вы можете мне сказать о Силе? Встречают ли там странников сердечно или прогоняют прочь? Можно ли там найти постоялый двор или путникам приходится спать в канаве?

— Такие вещи выше наших ограниченных познаний, — сказало первое существо. Оно полностью открыло створки раковины и высунуло бледные руки и плечи. — Люди Силя — если слухи, что ходят в море, соответствуют истине, — все как один замкнуты и

подозрительны. Это относится и к их правительнице — девушке, принадлежащей к древнему Дому Домбер.

— А вон идет старый Слэй, — сказало другое существо. — Рано он возвращается в свою лачугу.

Третье существо покатилось со смеху.

— Слэй стар. Никогда ему не найти свой амулет, и, значит, Дом Домбер будет править Силем до тех пор, пока солнце не погаснет.

— Что такое? — невинно спросил Кугель. — О каком амулете вы говорите?

— С незапамятных времен, — объяснило одно из существ, — старый Слэй просеивал песок, а до него — его отец, и еще другие Слэи в течение многих лет. Они ищут металлический обруч, с помощью которого надеются вернуть свои старинные привилегии.

— Захватывающая легенда! — с энтузиазмом отозвался Кугель. — А какова сила амулета и как привести ее в действие?

— Слэй, возможно, сообщит тебе об этом, — с сомнением сказало одно из существ.

— Нет, потому что он угрюмый и вечно всем недоволен, — заявило другое. — Вспомни, какой у него бывает раздраженный вид, когда он просеивает совок песка и ничего в нем не находит.

— Неужели нельзя получить эти сведения в каком-нибудь другом месте? — озабоченно спросил Кугель. — Никаких морских сплетен? Никаких древних дощечек или наскальных знаков?

Морские существа весело рассмеялись:

— Ты спрашиваешь так серьезно, словно ты — Слэй. Подобными знаниями мы не обладаем.

Скрывая разочарование, Кугель задал еще несколько вопросов, но существа были бесхитростными и простодушными и не могли долго удерживать внимание на каком-то одном предмете. Пока Кугель слушал, они обсудили течение океана, вкус жемчуга, уклончивый нрав какого-то морского животного, которое они заметили в предыдущий день. Через несколько минут Кугель снова перевел разговор на Слэя и амулет, но опять морские существа были рассеянными, и их разговор был непоследовательным, словно у детей. Они, казалось, забыли о Кугеле и, обмакнув пальцы в воду, начали свивать из капель бледные нити.

Несколько ракушек и морских червей вызвали у них неодобрение своей дерзостью. Еще они говорили о большой урне, лежащей на дне моря на некотором расстоянии от берега.

Кугелю в конце концов надоели их разговоры, и он поднялся на ноги; при этом морские существа снова обратили на него внимание.

— Неужели ты уходишь так быстро? А мы как раз собирались спросить тебя о том, как ты попал сюда. На Большом Песчаном Берегу мало прохожих незнакомцев, а ты кажешься человеком, который много путешествовал.

— Это так, — сказал Кугель, — и мне придется пропутешествовать еще больше. Обратите внимание на солнце: оно уже начало спускаться по западной дуге, а я хочу сегодня заночевать в Силе.

Одно из морских существ подняло руки и показало Кугелю красивое одеяние, сотканное из водных нитей.

— Эту накидку мы предлагаем тебе в подарок. Ты, по-видимому, чувствительный человек, и тебе нужна защита от ветра и холода.

Существо бросило накидку Кугелю, и тот осмотрел ее, дивясь мягкости ткани и ее мерцающей прозрачности.

— Большое вам спасибо, — сказал он. — Ваша щедрость превысила все мои ожидания.

Он завернулся в накидку, которая тут же снова превратилась в воду и промочила его насквозь. Четверо существ залились громким, озорным, ликующим смехом. Кугель гневно шагнул вперед, и они плотно захлопнули створки раковин.

Кугель пнул раковину существа, бросившего ему накидку, ушиб ногу, отчего его ярость только усилилась. Он схватил тяжелый камень, с силой обрушил его на раковину и расколол ее. Выхватив из обломков пронзительно вопящее существо, Кугель зашвырнул его подальше на берег, и оно осталось лежать там, глядя на него; голова и маленькие ручки существа соединялись с бледными внутренностями.

Оно спросило слабым голосом:

— Почему ты так обошелся со мной? Из-за простой шалости ты отнял у меня жизнь, а ведь другой у меня нет.

— И, следовательно, это помешает тебе снова заниматься пакостями, — заявил Кугель. — Посмотри, ты промочил меня до нитки.

— Это было просто озорство, — голос морского существа угасал. — Мы, живущие на скалах, почти не знаем волшебства, однако мне дана власть проклинать, и вот что я провозглашаю сейчас: да не исполнится твое заветное желание, каким бы оно ни было. Ты лишишься надежды прежде, чем пройдет один-единственный день.

— Еще одно проклятие? — Кугель недовольно потряс головой. — Сегодня я уже свел на нет два проклятия; неужели на меня теперь наложено еще одно?

— Это проклятие ты не лишишь силы, — прошептало морское существо. — Я делаю его последним актом в моей жизни.

— Злобность — очень предосудительное качество, — беспокойно сказал Кугель. — Я сомневаюсь в действенности твоего проклятия; тем не менее тебе лучше очистить воздух от оставленной им ненависти и тем самым вновь возвысить себя в моих глазах.

Но морское существо больше не сказало ни слова. Вскоре оно превратилось в дымчатую слизь, которую тут же поглотил песок.

Кугель пустился в путь вдоль берега, обдумывая, как лучше предотвратить последствия проклятия морского существа.

— Нужно работать головой, когда имеешь дело с проклятиями, — повторил он еще раз. — Зря, что ли, меня зовут Кугелем Хитроумным?

Однако никакая уловка не пришла ему в голову, и он продолжал идти по берегу, обдумывая проблему во всех ее возможных вариантах.

Уже можно было различить очертания мыса на востоке. Кугель увидел, что мыс покрыт высокими темными деревьями, сквозь которые то тут, то там мелькали белые здания.

Слэй появился еще раз. Он бегал взад-вперед по берегу, как умалишенный. Подбежав к Кугелю, он упал на колени:

— Амулет, умоляю тебя! Он принадлежит Дому Слэй! Он представляет нам власть над Силем! Отдай его мне, и я исполню твое заветное желание.

Кугель остановился как вкопанный. Хорошенький был парадокс! Если он вернет амулет, Слэй, очевидно, предаст его или, в самом лучшем случае, не выполнит свое обещание — допуская, что проклятие имеет силу. С другой стороны, если Кугель оставит амулет себе, его заветное желание все равно не исполнится — допуская, что проклятие имеет силу, — но амулет все же останется у него.

Слэй неправильно истолковал колебания Кугеля как признак готовности к уступкам.

— Я сделаю тебя грандом королевства! — горячо воскликнул он. — У тебя будет барка из резной слоновой кости, и две сотни юных дев будут служить твоим желаниям. Твои враги будут заточены во вращающийся котел — только отдай мне амулет!

— Амулет дает такую силу? — поинтересовался Кугель. — Неужели можно добиться всего этого?

— Можно, можно! — закричал Слэй. — Если умеешь читать руны!

— Ну хорошо, — сказал Кугель, — а в чем их суть?

Слэй уставился на него скорбным и обиженным взглядом.

— Этого я не могу сказать. Я должен получить амулет!

Кугель презрительно махнул рукой.

— Ты отказываешься удовлетворить мое любопытство. Я же, в свою очередь, осуждаю твои самонадеянные амбиции!

Слэй повернулся, чтобы взглянуть на мыс, где среди деревьев светились белые стены.

— Я все понял. Ты намереваешься самолично править в Силе!

«Бывают и менее привлекательные перспективы», — подумал Кугель, и Фиркс, обнаружив в этом долю истины, слегка сжал печень в нравоучительных целях. Кугель с сожалением отказался от своей мечты. Тем не менее она подсказала ему способ свести на нет проклятие морского существа.

— Если я должен лишиться исполнения своего заветного желания, — сказал сам себе Кугель, — то было бы разумно поставить себе новую цель, развить новый пылкий энтузиазм по меньшей мере на период в один день. Таким образом, я буду стремиться

править в Силе, и это станет теперь моим заветным желанием.

Итак, чтобы не возбудить бдительность Фиркса, он сказал вслух:

— Я собираюсь использовать этот амулет, чтобы достичь крайне важных целей. Среди них вполне может быть правление Силем, на которое, как мне думается, я имею право благодаря моему амулету.

Слэй засмеялся безумным сардоническим смехом.

— Сначала ты должен убедить Дерве Корим в своих полномочиях. Она происходит из Дома Домбер, мрачного и жестокого. С виду она почти девочка, но уже выказывает жуткую бесцеремонность в обращении с людьми. Опасайся Дерве Корим! Она прикажет бросить тебя и мой амулет в пучины океана!

— Если ты боишься до такой степени, — резко сказал Кугель, — научи меня, как пользоваться амулетом, и я предотвращу эту беду.

Но Слэй упрямо потряс головой.

— Недостатки Дерве Корим хорошо известны. К чему менять их на заморские излишества какого-то бродяги?

За свою откровенность Слэй получил оплеуху, от которой, шатаясь, отлетел в сторону. Кугель продолжил свой путь вдоль берега. Солнце низко нависало над морем. Кугель ускорил шаг, беспокоясь о том, чтобы найти укрытие, прежде чем стемнеет.

Наконец он дошел до края песчаной полосы. Мыс возвышался над ним, а высокие темные деревья поднимались еще дальше в небо. Сквозь листву то тут, то там виднелась балюстрада, окружающая сады; чуть ниже — ротонда с колоннами вырастала над океаном на юге. «Действительно, величие!» — подумал Кугель и снова пристально осмотрел амулет. Его временное заветное желание — владычество над Силем — перестало быть просто удачной находкой. И Кугель задумался, не стоит ли ему выбрать себе новое заветное желание — например, стремление овладеть наукой скотоводства или непреодолимое побуждение превзойти всех в акробатических трюках... Он неохотно отказался от этого проекта. В любом случае сила проклятия морского существа еще не была очевидной.

Тропа покинула песчаный берег и начала виться среди кустов и пахучих декоративных растений: димфиана, гелиотропа, черной айвы, олеандра, — и клумб, на которых поднимались длинные стебли звездоцветника, тенистой верверики и ярких, как цветы, мухоморов. Песчаная полоса берега превратилась в ленту, исчезающую в темно-бордовой дымке заката, а мыс в Бенбэдж Сталле уже исчез из вида. Тропа перестала подниматься, пересекла густую рощу лавровых деревьев и вышла на заросшую травой овальную площадку, некогда плац для парадов или учений.

Вдоль его левой границы шла высокая каменная стена, разделенная надвое большим церемониальным портиком, который поддерживал очень древнюю геральдическую эмблему. Ворота были широко открыты, и за ними виднелась вымощенная мрамором аллея в милю длиной, ведущая ко дворцу: богато декорированному многоярусному сооружению с зеленой бронзовой крышей. Фасад дворца опоясывала терраса. Аллея и терраса соединялись между собой пролетом широких ступеней. Солнце уже исчезло; с неба опускался мрак. Не имея в перспективе лучшего убежища, Кугель направился ко дворцу.

Аллея некогда отличалась монументальной элегантностью, но сейчас все находилось в безобразном состоянии, которое сумерки наделяли меланхоличной красотой. Справа и слева простирались тщательно спланированные сады, ныне неухоженные и заросшие. Аллею обрамляли два ряда мраморных урн, украшенных гирляндами из сердолика и нефрита. По центру проходила линия постаментов, чуть превышавших рост человека. Каждый из них поддерживал бюст, опознать который можно было по надписи, сделанной рунами. Эти руны показались Кугелю такими же, как те, что были у него на амулете. Постаменты стояли на расстоянии пяти шагов один от другого на протяжении всей мили до самой террасы. Резьба на первых из них была стерта ветром и дождем, так что лица были едва различимы. По мере того как Кугель продвигался вперед, детали становились все более отчетливыми. Постамент за постаментом, бюст за бюстом; каждое лицо коротко поглядывало на Кугеля. Последний в ряду бюст, смутно различимый в угасающем свете, изображал молодую женщину. Кугель

застыл на месте: это была девушка из шагающей лодки, встреченная им в северных землях. Дерве Корим из Дома Домбер, правительница Силя.

Одолеваемый мрачными предчувствиями, Кугель приостановился, чтобы оглядеть массивный портал. Он расстался с Дерве Корим не по-дружески; честно говоря, можно было ожидать, что она затаила на него обиду. С другой стороны, при первой встрече она пригласила его в свой дворец, используя при этом недвусмысленно теплые выражения. Возможно, ее обида улеглась, а теплота осталась. Кугель, вспомнив о ее замечательной красоте, нашел перспективу второй встречи очень привлекательной.

Но что, если она все еще обижена? Амулет должен произвести на нее впечатление, если только она не будет настаивать на том, чтобы Кугель продемонстрировал его применение. Если бы только он знал, как прочитать руны, все было бы проще некуда. Но поскольку эти сведения нельзя было получить от Слэя, приходилось искать их в другом месте, что на практике означало — во дворце.

Кугель стоял перед полосой невысоких ступеней, ведущих наверх, к террасе. Мраморные плиты давно растрескались; балюстрада вдоль террасы покрылась пятнами мха и лишайника: упадок, которому сумерки придавали скорбное величие... Стоящий вдали дворец, казалось, был в чуть лучшем состоянии. Над террасой поднималась очень высокая аркада с тонкими ребристыми колоннами и искусно вырезанным антаблементом, рисунок которого Кугель не мог различить в темноте. За аркадой были высокие стрельчатые окна, в которых виднелся тусклый свет.

Кугель поднялся по ступеням, терзаемый возобновившимися сомнениями. Что, если Дерве Корим посмеется над его претензиями, бросит вызов, призовет показать всю его разрушительную силу? Что тогда? Стонов и выкриков может оказаться недостаточно. Кугель медленными шагами пересек террасу — его оптимизм таял по мере продвижения вперед — и остановился под аркадой; возможно, в конце концов будет разумнее поискать приюта где-нибудь в другом месте. Однако, оглянувшись через плечо, он заметил, как ему показалось, высокую неподвижную фигуру, стоящую среди постаментов. Кугель перестал думать

о том, чтобы искать приют в другом месте, и быстро подошел к высокой двери: если представиться убогим странником, то, может быть, удастся избежать внимания Дерве Корим. На ступенях послышался осторожный шорох. Кугель настойчиво застучал в дверь дверным молотком. Звук гулко раскатился внутри дворца.

Прошла минута, и Кугелю показалось, что он снова слышит за спиной какие-то шорохи. Он постучал снова, и снова звук эхом отдался внутри. В двери открылось маленькое окошечко, и чей-то глаз внимательно осмотрел Кугеля. Потом глаз передвинулся наверх. Появился рот.

— Кто ты? — заговорил рот. — Что тебе нужно?

Рот скользнул в сторону, и показалось ухо.

— Я путник, я ищу укрытия на ночь, и как можно быстрее, потому что сюда приближается какое-то жуткое существо.

Глаз появился снова, внимательно поглядел на террасу, потом снова перевел взгляд на Кугеля.

— Каковы твои достоинства, где твои бумаги?

— У меня их нет, — сказал Кугель. Он глянул через плечо. — Я предпочел бы обсудить все внутри, поскольку это существо, ступенька за ступенькой, поднимается на террасу.

Окошечко захлопнулось, и Кугель остался смотреть на гладкую дверь. Он лихорадочно застучал молотком, вглядываясь назад, в темноту. Со скрипом и скрежетом огромная дверь отворилась. Невысокий коренастый человечек в пурпурной ливрее жестами заторопил его:

— Заходи, побыстрее!

Кугель шустро проскочил в дверь, которую лакей немедленно притянул на место и закрыл на три железных крюка. В ту минуту, когда он это делал, послышался треск, и на дверь снаружи нажали.

Лакей резко ударил по ней кулаком.

— Я снова натянул нос этому чудовищу, — удовлетворенно сказал он. — Если бы я чуть-чуть промедлил, оно бы тебя схватило, к твоему, как и к моему, горю. Это сейчас мое основное развлечение — лишать чудовище удовольствия.

— Неужели! — сказал Кугель, тяжело дыша. — А что это за существо?

Лакей выразил свое неведение:

— Ничего определенного не известно. Оно появилось здесь недавно и прячется по ночам между статуями. Оно отличается характером вампирическим и неестественно похотливым. У некоторых из моих приятелей были причины для жалоб. По правде говоря, все они умерли в результате его мерзких действий. Так что теперь, чтобы развлечься, я дразню чудовище и вызываю его неудовольствие.

Лакей отступил назад и внимательно оглядел Кугеля:

— А ты кто такой? Твои манеры, посадка головы, бегающие из стороны в сторону глаза выдают в тебе безрассудство и непредсказуемость. Я надеюсь, что ты будешь держать эти качества в узде, если они действительно существуют.

— В настоящий момент, — сказал Кугель, — мои желания просты: крыша над головой, постель, кусочек чего-нибудь на ужин. Если я получу это, ты обнаружишь, что я — олицетворение благодушия. Я даже помогу тебе в твоем развлечении. Вместе мы изобретем что-нибудь, чтобы доконать этого вурдалака.

Лакей поклонился:

— Твои желания могут быть исполнены. Поскольку ты путешествуешь издалека, наша правительница пожелает говорить с тобой и может даже проявить к тебе великодушие куда более щедрое, чем твои скромные требования.

Кугель торопливо открестился от подобных амбиций:

— Я низкого происхождения, мои одежды испачканы грязью, от меня воняет, мои речи банальны и скучны. Лучше не беспокоить повелительницу Силя.

— Мы исправим все, что сможем, — сказал лакей. — Будь добр, следуй за мной.

Он повел Кугеля по коридорам, освещенным факелами, и наконец свернул в какие-то покои.

— Здесь ты можешь помыться. Я почищу твою одежду и найду свежее белье.

Кугель неохотно снял с себя одежду. Он выкупался, подрезал мягкие густые спутанные волосы, сбрил бороду, натер тело пахучим маслом. Лакей принес чистую одежду, и Кугель, приятно освеженный, оделся. Натягивая куртку, он случайно коснулся амулета

у себя на запястье и нажал один из карбункулов. Глубоко под полом раздался стон, полный глубочайшей муки.

Лакей подпрыгнул от ужаса, и его взгляд упал на амулет. Он уставился на Кугеля с разинутым от изумления ртом, потом сделался подобострастным.

— Мой дорогой сэр, если бы я знал, кто ты такой, я проводил бы тебя в почетные апартаменты и принес бы тебе прекраснейшие одежды.

— Я не жалуюсь, — сказал Кугель, — хотя, честно говоря, белье было не совсем свежим.

Он шутливо подчеркнул свои слова, постучав по карбункулу на запястье, и от ответного стона колени слуги застучали друг о дружку.

— Умоляю, пойми меня правильно... — с дрожью в голосе выговорил он.

— Не будем говорить об этом, — сказал Кугель. — Вообще-то я собирался посетить дворец, так сказать, инкогнито, чтобы посмотреть, как здесь ведутся дела.

— Это разумно, — согласился слуга. — Без сомнения, ты пожелаешь уволить гофмейстера Сармана и младшего повара Бильбаба, когда их прегрешения выйдут на свет. Что касается меня, то, когда твоя милость вернет Силю его былое величие, возможно, найдется какая-нибудь скромная синекура для Йодо, самого верного из твоих слуг.

Кугель милостиво повел рукой:

— Если такое событие произойдет — а именно таково мое заветное желание, — о тебе не забудут. А пока я тихо побуду в своих покоях. Ты можешь принести мне сюда подобающий ужин и к нему разнообразные отборнейшие вина.

Йодо почтительно поклонился.

— Как пожелает твоя милость.

Он вышел из комнаты. Кугель развалился на самом удобном ложе из тех, что стояли в комнате, и принялся изучать амулет, так быстро пробудивший верность Йодо. Руны, как и прежде, были абсолютно непонятными. Карбункулы производили только стоны, хоть и довольно занятные, однако малопригодные для практики. Кугель испробовал все призывы, принуждения, требования и приказания, которые входили в его поверхностные знания о колдовстве. Но все безуспешно.

Йодо вернулся в покои, однако без заказанного Кугелем ужина.

— Твоя милость, — заявил он, — я имею честь передать тебе приглашение Дерве Корим, прежней властительницы Силя, присоединиться к ней за пиршественным столом.

— Как это возможно? — спросил Кугель. — Она ничего не знала о моем присутствии. Помнится, я отдал тебе специальные распоряжения на этот счет.

Йодо снова изогнулся в поклоне.

— Естественно, я повиновался твоей милости. Ухищрения Дерве Корим превосходят мое понимание. Она каким-то способом узнала о твоем присутствии и поэтому передала приглашение, которое ты только что слышал.

— Хорошо, — мрачно сказал Кугель. — Будь так добр, показывай дорогу. Ты упомянул ей о моем амулете?

— Дерве Корим знает все, — двусмысленно ответил Йодо. — Сюда, пожалуйста, твоя милость.

Он повел Кугеля по старинным коридорам и наконец ввел через высокую узкую арку в большой зал. По обеим сторонам, казалось, выстроились, вооруженные рыцари в медных доспехах и шлемах из кости и гагата. Всего их было сорок, но только шесть доспехов были заняты живыми людьми, а остальные были установлены на подпорках. Атланты с неестественно вытянутыми телами и гротескно искаженными лицами поддерживали прокопченные потолочные балки; пол был покрыт пышным ковром с зелеными концентрическими кругами на черном фоне.

Дерве Корим сидела во главе круглого стола, такого массивного, что она казалась девочкой, печальной, задумчивой девочкой, необыкновенно изящной и красивой. Кугель с уверенным видом приблизился, остановился и коротко поклонился. Дерве Корим с мрачным смирением осмотрела его, задержав взгляд на амулете, потом глубоко втянула в себя воздух:

— К кому я имею привилегию обращаться?

— Мое имя не имеет значения, — заявил Кугель. — Ты можешь называть меня Высочайший.

Дерве Корим небрежно пожала плечами:

— Как хочешь. Мне кажется, я вспоминаю твое лицо. Ты похож на бродягу, которого я недавно приказала выпороть.

— Я и есть тот бродяга, — сказал Кугель. — Не могу сказать, что твое поведение не оставило у меня осадка обиды; и теперь я пришел сюда, чтобы потребовать объяснений.

Кугель нажал на карбункул, вызвав столь безутешный и печальный стон, что на столе задребезжал хрусталь.

Дерве Корим моргнула, и ее рот обмяк. Она сухо сказала:

— Похоже, я поступила необдуманно. Я не смогла разглядеть твою возвышенную сущность и посчитала тебя просто невежей и бездельником, каким ты и выглядишь.

Кугель шагнул вперед, поддел рукой маленький острый подбородок девушки и повернул к себе ее прекрасное лицо.

— Однако ты пригласила меня посетить тебя в твоем дворце. Припоминаешь?

Дерве Корим нехотя кивнула.

— Ну вот, — сказал Кугель. — Я здесь.

Дерве Корим улыбнулась и на краткий миг стала обаятельной.

— Да, ты здесь, и кем бы ты ни был — мошенником, бродягой или кем-то там еще — ты носишь амулет, с помощью которого Дом Слэй правил в течение двухсот поколений. Ты принадлежишь к этому роду?

— В свое время ты хорошо меня узнаешь, — сказал Кугель. — Я великодушный человек, хотя и склонный к капризам, и если бы не некий Фиркс... Но как бы там ни было, я голоден, и сейчас приглашаю тебя разделить со мной трапезу, которую я приказал этому превосходному Йодо поставить передо мной. Будь так добра, передвинься на пару мест, чтобы я мог сесть.

Дерве Корим заколебалась, при виде чего Кугель многозначительно поднес руку к амулету. Девушка живо подвинулась.

Кугель уселся на освободившееся место и постучал по столу:

— Йодо? Где Йодо?

— Я здесь, Высочайший!

— Пусть внесут ужин! Лучшие из яств, которые может предложить этот дворец!

Йодо поклонился и заторопился прочь. Вскоре появилась вереница лакеев с подносами и графинами, и стол был уставлен яствами, более чем отвечающими требованиям Кугеля.

Кугель достал амулет, которым снабдил его Юкуну, Смеющийся Маг, и который не только превращал органические отходы в пищу, но и предупреждающе звенел в присутствии ядовитых субстанций. Первые несколько перемен не были отравлены, и Кугель ел с аппетитом. Старые вина Силя также не вредили здоровью, и Кугель щедро угощался из кубков черного стекла, резной киновари и слоновой кости с инкрустациями из бирюзы и перламутра.

Дерве Корим почти не притрагивалась к пище и понемногу отхлебывала вино, все время задумчиво наблюдая за Кугелем. Были внесены новые деликатесы, и тут Дерве Корим наклонилась вперед.

— Ты действительно собираешься править Силем?

— Это мое заветное желание! — горячо заявил Кугель.

Дерве Корим придвинулась к нему поближе.

— Ты возьмешь меня тогда в супруги? Скажи «да». Ты будешь более чем доволен.

— Посмотрим, посмотрим, — общительно отозвался Кугель. — Сегодня — это сегодня, а завтра наступит завтра. Перемен будет много, это уж точно.

Дерве Корим слабо улыбнулась и кивнула Йодо:

— Принеси наше самое старое вино — мы выпьем за здоровье нового Повелителя Силя.

Йодо поклонился и принес матовый графин, покрытый паутиной и пылью. Он открыл его с величайшей заботливостью и разлил в хрустальные кубки. Кугель поднял свой кубок, и талисман предупреждающе загудел. Кугель резко поставил кубок на стол, посмотрел, как Дерве Корим подносит свой к губам, протянул руку, взял у нее кубок, и талисман загудел снова. Яд в обоих? Странно. Может быть, она не собиралась пить. Может быть, она уже приняла противоядие.

Кугель знаком подозвал Йодо.

— Пожалуйста, другой кубок... и графин.

Он налил третью порцию, и снова талисман показал присутствие яда. Кугель сказал:

— Хотя мое знакомство с превосходным Йодо было недолгим, я сим назначаю его на высокую должность Мажордома Дворца!

— Высочайший! — заикаясь, выговорил Йодо. — Это поистине особая честь.

— Тогда выпей старого вина, чтобы отпраздновать твое новое достоинство!

Йодо низко поклонился.

— С самой искренней признательностью, Высочайший.

Он поднял кубок и выпил. Дерве Корим безразлично наблюдала за ним. Йодо опустил кубок, нахмурился, конвульсивно содрогнулся, обратил изумленный взгляд на Кугеля, упал на ковер, вскрикнул, дернулся и остался лежать неподвижно.

Кугель, хмурясь, оглядел Дерве Корим. Казалось, она была так же изумлена, как и Йодо. Теперь она повернулась, чтобы взглянуть на Кугеля.

— Зачем ты отравил Йодо?

— Это было твоих рук дело, — ответил он. — Разве ты не приказала отравить вино?

— Нет.

— Ты должна говорить: «Нет, Высочайший».

— Нет, Высочайший.

— Если не ты — то кто?

— Я в недоумении. Возможно, яд предназначался для меня.

— Или для нас обоих. — Кугель знаком подозвал одного из лакеев. — Уберите останки Йодо.

Лакей сделал знак двум закутанным в капюшоны слугам, и они унесли несчастного мажордома.

Кугель взял хрустальные кубки и уставился на янтарную жидкость, но не стал делиться своими мыслями. Дерве Корим откинулась назад в кресле и долго разглядывала Кугеля. Потом она заговорила:

— Я озадачена. Ты не вписываешься в то, чему учит меня мой опыт. Я не могу решить, какого цвета у тебя душа.

Кугель был очарован тем, как оригинально она выразилась.

— Значит, ты видишь души в цвете?

— Да. Эта способность была мне подарена при рождении одной волшебницей, вместе с моей шагающей лодкой. Волшебница эта умерла, и я теперь одна.

У меня нет друга или кого-нибудь, кто думал бы обо мне с любовью. И поэтому я правила Силем без особой радости. А теперь ты здесь, и твоя душа сверкает множеством красок, как ни у одного из мужчин рода человеческого, которые представали передо мной.

Кугель воздержался от упоминания о Фирксе, чьи духовные выделения, смешиваясь с излучением его собственной души, несомненно, и вызывали разнообразие, отмеченное Дерве Корим.

— У этого явления есть причина, — сказал он. — И в свое время душа моя будет сиять чистейшим из всех мыслимых цветов.

— Я постараюсь помнить об этом, Высочайший.

Кугель нахмурился. В замечаниях Дерве Корим и в наклоне ее головы он заметил едва скрытую дерзость, которую находил несносной. Однако у него будет более чем достаточно времени исправить это после того, как он узнает способ применения амулета, что было сейчас делом первостепенной важности. Кугель откинулся назад, на подушки, и заговорил, словно лениво размышляя вслух:

— В это время, когда Земля умирает, повсюду можно отметить необычайные происшествия. Недавно в доме Юкуну, Смеющегося Мага, я увидел большую книгу, в которой перечислялись все труды по магии и все стили, какими могут писаться чародейные руны. Возможно, в твоей библиотеке есть подобные тома?

— Вполне может быть, — сказала Дерве Корим. — Четырнадцатый Гарт Хаксг из рода Слэй был неутомимым исследователем и составил всеобъемлющий трактат на эту тему.

Кугель хлопнул в ладони.

— Я желаю немедленно видеть этот важный труд.

Дерве Корим удивленно взглянула на него.

— Неужели ты такой библиофил? Жаль, потому что Восьмой Рабель Зафф приказал, чтобы это самое руководство сбросили в море с мыса Горизонт.

Кугель скорчил кислую гримасу.

— А других трактатов под рукой нет?

— Без сомнения, есть, — сказала Дерве Корим. — Библиотека занимает все северное крыло. Однако неужели нельзя будет провести эти изыскания завтра?

И она, томно потягиваясь, исхитрилась изогнуть тело сначала в одной соблазнительной позе, потом в другой.

Кугель сделал глоток из черного стеклянного кубка.

— Да, с этим можно не торопиться. А теперь...

Его слова прервала женщина средних лет в просторных коричневых одеждах — очевидно, одна из низших служанок, — которая в этот момент вбежала в зал. Она истерически кричала, и несколько лакеев бросились вперед, чтобы поддержать ее. Захлебываясь мучительными всхлипываниями, она открыла источник своих страданий: гнусное действие, только что совершенное вурдалаком над ее дочерью.

Дерве Корим грациозным жестом указала на Кугеля:

— Вот новый Повелитель Силя. Он владеет могучим волшебством и прикажет, чтобы вурдалак был уничтожен. Не так ли, Высочайший?

Кугель задумчиво потер подбородок. Действительно, дилемма! Все слуги во главе с женщиной упали на колени:

— Высочайший, если тебе подвластно такое разрушительное волшебство, употреби его без промедления, чтоб уничтожить этого мерзкого упыря!

Кугель поморщился и, повернув голову, встретил задумчивый взгляд Дерве Корим. Он вскочил на ноги.

— Зачем мне нужно волшебство, если я могу держать в руках меч? Я разрублю это чудовище на части, член за членом!

Он сделал знак шести вооруженным воинам, которые стояли рядом в своих медных доспехах.

— Идем! Возьмите факелы! Мы отправляемся расчленять вурдалака!

Воины повиновались без особого энтузиазма. Кугель собрал их вместе и погнал к главному порталу.

— Когда я широко распахну двери, бросайтесь вперед с факелами, чтобы ярким сиянием осветить это отвратительное существо! Вытащите мечи из ножен, так, чтобы, когда я отшвырну его в вашу сторону, вы смогли добить его!

Воины, каждый с факелом и обнаженным мечом, выстроились перед порталом. Кугель отодвинул засовы и широко распахнул створки дверей.

— Наружу! Осветите вурдалака последним в его жизни светом!

Воины отчаянно бросились вперед, а Кугель с важным видом пошел сзади, размахивая мечом. Воины остановились на верхней ступени лестницы, неуверенно поглядывая на аллею, откуда слышались довольно мерзкие звуки.

Кугель оглянулся через плечо и увидел, что Дерве Корим внимательно наблюдает за ним из дверного проема.

— Вперед! — закричал он. — Окружите это презренное существо, настал его смертный час!

Воины осторожно спустились по ступеням. Кугель замыкал шествие.

— Рубите его от всего сердца! — выкрикивал он. — Вы все покроете себя неувядаемой славой! Человека, который не нанесет удар, я разнесу на части при помощи волшебства!

Мерцающий свет упал на постаменты, выстроившиеся в длинную линию, конец которой терялся в темноте.

— Вперед! — закричал Кугель. — Где это омерзительное чудовище? Почему оно не появится, чтобы получить то, что ему причитается?

И вгляделся в качающиеся тени, надеясь, что вурдалак к этому времени уже встревожился и убежал.

Рядом послышался слабый звук. Повернувшись, Кугель увидел спокойно стоящую высокую бледную тень. Воины разинули рты и немедленно пустились наутек по широким каменным плитам.

— Убей это чудовище волшебством, Высочайший! — закричал сержант. — Самый быстрый метод часто бывает самым лучшим!

Вурдалак двинулся вперед. Кугель, спотыкаясь, отступил назад. Вурдалак быстро шагнул вперед. Кугель отскочил за постамент. Вурдалак выбросил вперед руку. Кугель рубанул мечом и отскочил под защиту другого постамента, а потом с большой ловкостью помчался назад через террасу. Дверь уже закрывалась. Кугель бросился в сужающуюся щель, потом с усилием закрыл за собой тяжелую дверь и задвинул засовы в пазы. Вурдалак навалился всем весом на дверь, и засовы протестующе затрещали.

Кугель повернулся и встретился с ясным, оценивающим взглядом Дерве Корим.

— Что произошло? — спросила она. — Почему ты не убил вурдалака?

— Воины бежали вместе с факелами, — ответил Кугель. — И я не видел, ни что рубить, ни куда колоть.

— Странно, — задумалась Дерве Корим. — Мне казалось, что света более чем достаточно для столь незначительного упражнения. Почему ты не употребил силу амулета и не разорвал вурдалака на части?

— Такая простая и быстрая смерть не подходила для этого случая, — с достоинством заявил Кугель. — Я должен обдумать эту проблему не торопясь и решить, каким образом он лучше искупит свои прегрешения.

— Конечно, — сказала Дерве Корим. — Конечно.

Кугель шагнул назад в главный зал.

— Вернемся к пиршеству! Пусть вино течет рекой! Все должны выпить за приход к власти нового Повелителя Силя!

Дерве Корим сказала медовым голосом:

— Будь так добр, Высочайший, продемонстрируй каким-нибудь образом силу амулета, чтобы удовлетворить наше любопытство!

— С удовольствием!

И Кугель принялся нажимать карбункул за карбункулом, исторгая ропот и стоны, полные мучительной скорби и перемежающиеся время от времени воплем или вскрикиванием.

— А можешь ты сделать что-нибудь еще? — осведомилась Дерве Корим с кроткой, как у проказливого ребенка, улыбкой.

— Конечно, если сочту это необходимым. Но довольно! Пейте, все до одного!

Дерве Корим подала знак сержанту стражи:

— Возьми меч, отруби руку этому болвану и принеси мне амулет.

— С удовольствием, Великая.

Сержант шагнул вперед, обнажив клинок.

Кугель закричал:

— Стой! Еще шаг — и волшебство вывернет все твои кости под прямым углом!

Сержант взглянул на Дерве Корим. Она расхохоталась.

— Делай, что я тебе сказала, или страшись моей мести — какова она, ты знаешь.

Сержант содрогнулся и снова двинулся вперед. Но тут один из низших слуг бросился к Кугелю, и тот увидел под капюшоном морщинистое лицо старого Слэя.

— Я спасу тебя. Покажи мне амулет!

Кугель позволил нетерпеливым пальцам ощупать карбункулы. Слэй нажал один из них и выкрикнул что-то таким торжествующим и пронзительным голосом, что разобрать слова было невозможно. Воздух мощно содрогнулся, и у задней стены зала выросла огромная черная фигура.

— Кто причиняет мне муки? — простонала она. — Кто даст мне избавление от них?

— Я! — вскричал Слэй. — Пройди через зал и убей всех, кроме меня!

— Нет! — заорал Кугель. — Это я владею амулетом! Это мне ты должен повиноваться! Убей всех, кроме меня!

Дерве Корим вцепилась в руку Кугеля, пытаясь увидеть амулет:

— Ты ничего не добьешься, пока не сможешь назвать его по имени. Мы все погибли!

— Как его имя? — воскликнул Кугель. — Открой мне его!

— Не подходи! — заявил Слэй. — Я тут подумал...

Кугель нанес ему удар и отпрыгнул за стол. Демон приближался, останавливаясь время от времени, чтобы подхватить какого-нибудь воина и швырнуть его об стенку. Дерве Корим подбежала к Кугелю:

— Позволь мне посмотреть на амулет. Неужели ты вообще ничего не знаешь? Я прикажу ему!

— Ни в коем случае! — сказал Кугель. — Зря, что ли, я — Кугель Хитроумный? Покажи мне, какой карбункул, и прочти мне имя.

Дерве Корим склонила голову, прочла руну, потянулась, чтобы нажать на карбункул, но Кугель отбил ее руку в сторону:

— Какое имя? Или мы все умрем!

— Назови Ваниллу! Нажми здесь и назови Ваниллу!

Кугель нажал на карбункул:

— Ванилла! Прекрати это безобразие!

Черный демон и ухом не повел. Послышался еще один могучий звук, и появился второй демон. Дерве Корим вскрикнула от ужаса.

— Это был не Ванилла! Покажи мне амулет еще раз!

Но времени на это уже не было; черный демон надвигался на них.

— Ванилла! — взревел Кугель. — Уничтожь этого черного монстра!

Ванилла был низкорослым и широким, переливающегося зеленого цвета, с глазами, подобными алым огням. Он бросился на первого демона, и ужасный рев их встречи оглушил всех, глаза не могли уследить за неистовой схваткой. Стены сотрясались от столкновений и ударов могучих сил. Стол разлетелся в щепки под огромными вывернутыми ступнями. Дерве Корим отлетела в угол. Кугель подполз к ней и увидел, что она свалилась оглушенная, с остановившимся взглядом. Она была наполовину в сознании, но казалась лишенной воли. Кугель сунул амулет ей под нос:

— Читай руны! Выкликай имена: я испробую все по очереди! Быстрее, чтобы спасти наши жизни!

Но Дерве Корим только слабо пошевелила губами. За спиной Кугеля черный демон, взгромоздившийся верхом на Ваниллу, методически вырывал когтями клочья субстанции и разбрасывал их по сторонам, в то время как Ванилла ревел и орал, и поворачивал свою ужасную голову то в одну, то в другую сторону, рыча и кусаясь, нанося удары огромными руками. Черный демон глубоко погрузил лапы внутрь Ваниллы, схватил какой-то важный узел, и Ванилла превратился в искрящуюся зеленую слизь, разлетевшуюся на мириады частей. Каждая блестка и искра мелькала, мерцала и растворялась в камне.

Слэй, ухмыляясь, встал над Кугелем:

— Тебе нужна твоя жизнь? Отдай мне амулет, и я пощажу тебя. Промедлишь всего одно мгновение — и ты погиб!

Кугель снял с руки амулет, но никак не мог заставить себя отказаться от него. С внезапной хитростью он сказал:

— Я могу отдать амулет демону.

Слэй свирепо уставился на него сверху вниз.

— И тогда мы все погибли. Для меня это не имеет

значения. Держу пари, ты этого не сделаешь. Если тебе нужна жизнь — амулет.

Кугель взглянул на Дерве Корим.

— А как насчет нее?

— Вместе вы будете изгнаны отсюда. Амулет, ибо демон уже здесь.

Черный демон возвышался над ними. Кугель поспешно протянул амулет Слэю, который издал резкий крик и коснулся одного из карбункулов. Демон заскулил, уменьшился в размерах и исчез.

Слэй отступил назад, торжествующе ухмыляясь.

— А теперь прочь — и ты, и девушка. Я сдержу данное тебе слово, не более того. Вы сохраните свои жалкие жизни. Убирайтесь!

— Исполни одно мое желание! — взмолился Кугель. — Перенеси нас в Олмери, в Долину Кзана, где я смогу избавиться от язвы по имени Фиркс!

— Нет, — сказал Слэй. — Я отказываю тебе в исполнении твоего заветного желания. Уходи немедленно.

Кугель поднял Дерве Корим на ноги. Она, все еще ошеломленная, не отрывала взгляда от разгромленного зала.

Кугель повернулся к Слэю.

— Вурдалак ждет на аллее.

Слэй кивнул.

— Это правда. Завтра же я изгоню его, а сегодня вызову ремесленников из низшего мира, чтобы восстановить зал и вернуть Силю былую славу. Прочь! Ты думаешь, меня интересует, что сделает с тобой вурдалак?

Его лицо налилось кровью, а рука потянулась к карбункулам амулета.

— Прочь сию же минуту!

Кугель взял Дерве Корим за руку и повел ее через зал к огромному входному порталу. Слэй стоял, широко расставив ноги, ссутулив плечи, наклонив вперед голову, и следил глазами за каждым движением Кугеля. Кугель отодвинул засовы, открыл дверь и шагнул на террасу.

Над аллеей стояла тишина. Кугель повел Дерве Корим вниз по ступенькам и в сторону, к буйно разросшемуся старому саду. Здесь он остановился и прислушался. Во дворце слышались звуки, говорившие

о бурной активности: скрип, скрежет, хриплые крики и рев. Сверкали разноцветные огни. Вдоль середины аллеи двигалась высокая белая фигура, переходящая от тени одного постамента к тени другого. Вот она остановилась, чтобы в изумлении прислушаться к звукам и посмотреть на вспыхивающие огни. Пока она была поглощена этим занятием, Кугель увел Дерве Корим прочь, за темные валы листьев. В ночь.

ГОРЫ МАГНАЦА

Вскоре после восхода солнца Кугель и Дерве Корим вышли из стоящего на склоне холма коровника, где они, съежившись от холода, провели ночь. Воздух был пронизывающе холодным, и солнце — темно-бордовый шар в густом тумане — не давало никакого тепла. Кугель начал хлопать себя по плечам и приплясывать на месте, а Дерве Корим, вялая, с измученным, заострившимся лицом, осталась стоять у старого коровника.

Кугеля вскоре начала раздражать ее поза, намекающая на едва уловимое пренебрежение к его персоне.

— Принеси дров, — грубо приказал он. — Я высеку огонь, и мы позавтракаем с комфортом.

Не говоря ни слова, бывшая принцесса Силя отправилась собирать хворост. Кугель повернулся, чтобы рассмотреть неясно различимое пространство на востоке, автоматически призывая проклятия на голову Юкуну, Смеющегося Мага, чей гнев забросил его в эти северные пустоши.

Дерве Корим вернулась с охапкой прутьев. Кугель одобрительно кивнул. В течение короткого периода после их изгнания из Силя она держала себя с неуместным высокомерием, которое Кугель терпел, тихо усмехаясь про себя. Их первая ночь была изнуряющей и полной событий; после нее Дерве Корим изменила по меньшей мере свое поведение. Ее лицо, изящное, с точеными чертами, не совсем потеряло выражение задумчивой меланхолии, однако надменность превратилась — так же, как молоко становится сыром, — в новое, обостренное восприятие реальности.

Огонь весело потрескивал. Они позавтракали листьями рапунцеля и черными мясистыми дубильными

орешками, а Кугель в это время задавал вопросы, касающиеся земель на востоке и юге. Дерве Корим могла сообщить ему только незначительные сведения, которые отнюдь не внушали оптимизма.

— Говорят, что этот лес бесконечен. Я слышала, что его называют по-разному: Великая Безлюдь, Восточный Лес, Жив Древ. На юге ты видишь Горы Магнаца, которые пользуются жуткой репутацией.

— В каком отношении? — спросил Кугель. — Это важно. Мы должны пересечь эти горы на пути в Олмери.

Дерве Корим покачала головой.

— Я слышала только намеки и не обращала на них особого внимания, потому что никогда не думала посетить этот край.

— Я тоже не думал, — пробурчал Кугель. — Если бы не Юкуну, я был бы где-нибудь совсем в другом месте.

Искра интереса оживила равнодушное лицо девушки.

— А кто такой этот Юкуну?

— Один мерзкий волшебник из Олмери. У него вместо головы вареная тыква, а с лица не сходит бессмысленная ухмылка. Он отвратителен во всех отношениях и зол на всех, как ошпаренный евнух.

Рот Дерве Корим шевельнулся в слабой холодной усмешке.

— И ты восстановил этого волшебника против себя.

— Пф! Это был сущий пустяк. Из-за глупой обиды он зашвырнул меня на север с невыполнимым поручением. Но не зря я Кугель Хитроумный! Поручение выполнено, и теперь я возвращаюсь в Олмери.

— А что, Олмери — приятная страна?

— Достаточно приятная по сравнению с запустением этого леса. Однако несовершенства там встречаются. Волшебство цветет пышным цветом, а правосудие не всегда одинаково для всех, как я уже упоминал.

— Расскажи мне еще об Олмери. Там есть города? И какое-нибудь население, кроме мошенников и колдунов?

Кугель нахмурился.

— Несколько городов там есть, печальные тени ушедшей славы. Там есть Азеномей, в том месте, где Кзан сливается с Потоком Ском; и Кайин в Аскола-исе, и другие вдоль берега напротив Каучике, где народ отличается большим хитроумием.

Дерве Корим задумчиво кивнула.

— Я пойду в Олмери. В твоей компании, от которой, надеюсь, скоро смогу отойти.

Кугель искоса взглянул на нее, не одобряя то, чем попахивало это замечание. Однако прежде чем ему в голову пришло что-то конкретное, она спросила:

— А что за земли лежат между нами и Олмери?

— Они обширны и опасны и населены деоданами, а также лейкоморфами, вурдалаками. Больше мне ничего не известно. Если мы останемся в живых после этого пути, это будет поистине чудо.

Дерве Корим обернулась и с тоской посмотрела назад, на Силь, потом пожала плечами и погрузилась в молчание.

Скудная трапеза подошла к концу. Кугель откинулся на стенку коровника, наслаждаясь теплом костра; однако Фиркс не собирался позволить ему ни малейшей передышки, так что Кугель, гримасничая, вскочил на ноги:

— Идем, мы должны отправиться в путь. Злоба Юкуну не позволит ничего меньшего.

Они спустились вниз по склону, следуя изгибам того, что казалось древней дорогой. Пейзаж изменился. Поросшая вереском пустошь уступила место влажной пойме. Вскоре путники вышли к лесу. Кугель с недоверием разглядывал мрачные тени.

— Мы должны идти тихо и надеяться, что не разбудим какие-нибудь губительные силы. Я буду наблюдать за дорогой впереди, а ты — сзади, чтобы ничто не кралось за нами по пятам и не напало на нас со спины.

— Мы заблудимся.

— Солнце стоит на юге: вот наш проводник.

Дерве Корим снова пожала плечами.

Они вступили под сень леса. Деревья поднимались высоко над их головами, а солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, только подчеркивал мрак. Выйдя к какому-то ручью, они пошли вдоль него и вскоре оказались на поляне, где текла полноводная река.

На берегу, неподалеку от пришвартованного плота, сидели четыре человека, одетые в лохмотья. Кугель критически оглядел Дерве Корим и сорвал с ее одежды украшенные драгоценными камнями пуговицы.

— Судя по всему, это бандиты, и мы должны усыпить их жадность, хотя они производят довольно жалкое впечатление.

— Лучше не связываться с ними, — сказала Дерве Корим. — Они животные, не более того.

Кугель возразил:

— Нам нужен их плот и их указания, которые мы должны будем у них потребовать. Если мы будем просить, они подумают, что у них есть выбор, и попытаются нас обмануть.

Он зашагал вперед, и Дерве Корим волей-неволей пришлось последовать за ним.

При ближайшем рассмотрении бандиты не стали лучше. Их волосы были длинными и спутанными, лица — грубыми, с глазами, похожими на жучков, и ртами, в которых виднелись испорченные желтые зубы. При всем при этом выражение лиц было достаточно мирным, и они наблюдали за приближением Кугеля и Дерве Корим скорее с опаской, чем с враждебностью. Один из них, по-видимому, был женщиной, хотя этот факт едва ли проявлялся в одежде, лице или утонченности манер. Кугель поприветствовал их с королевской снисходительностью, при виде чего они недоуменно заморгали.

— Что вы за люди? — спросил Кугель.

— Мы называем себя бузиаками, — ответил старший из мужчин. — Это и наше племя, и наша семья. Мы не делаем больших различий, будучи по складу характера несколько склонными к многомужию.

— Вы обитатели леса и знакомы с его дорогами и тропами?

— Это точное определение, — согласился бузиак, — хотя наши познания ограниченны. Не забывай, это Великая Безлюдь, которая тянется без конца на много лиг.

— Неважно, — сказал Кугель. — Нам нужно только, чтобы нас переправили через реку, а затем указали безопасную дорогу к южным землям.

Бузиак посовещался с остальной компанией. Все помотали головой.

— Такой дороги нет. На пути лежат Горы Магнаца.

— Это так, — сказал Кугель.

— Если бы я переправил вас через реку, — продолжал старый бузиак, — вы бы были, считай, покойниками, потому что этот район населен. Твой меч был бы бесполезным, а волшебство, которым ты владеешь, очень слабое — это я знаю наверняка, потому что мы, бузиаки, чувствуем магию, как звери чувствуют мясо.

— А как же нам тогда достичь цели? — спросил Кугель.

Бузиаки не проявили особого интереса к этому вопросу. Однако второй по старшинству взглянул на Дерве Корим, и внезапно его осенила идея. Он посмотрел за реку, словно обдумывая что-то. Но вскоре усилие оказалось слишком большим для него, и он сокрушенно покачал головой.

Кугель, внимательно наблюдающий за ним, спросил:

— Что тебя озадачило?

— Проблема не так уж и сложна, — ответил бузиак. — Но у нас мало практики в логическом мышлении, и любая трудность ставит нас в тупик. Я просто раздумывал, что из своих пожитков вы отдадите в обмен на то, что мы проведем вас через лес.

Кугель рассмеялся от всего сердца.

— Хороший вопрос. Но мне принадлежит только то, что вы видите, а именно: одежда, сапоги, плащ и меч, — и все это мне необходимо. Хотя, вообще-то, я знаю заклинание, которое может произвести парочку драгоценных пуговиц.

— Соблазн невелик. Тут поблизости, в одном склепе, драгоценности навалены кучей с меня ростом.

Кугель в задумчивости потер рукой челюсть.

— Щедрость бузиаков известна повсюду. Может, вы проведете нас мимо этого склепа?

Бузиак равнодушно пожал плечами.

— Как хочешь, хотя этот склеп находится рядом с логовом огромной самки, у которой сейчас как раз течка.

— Мы пойдем прямо на юг, — сказал Кугель. — Ну же, давай отправимся немедленно.

Бузиак упорно не поднимался с земли.

— Ты не можешь предложить мне ничего привлекательного для меня?

— Только мою благодарность, а это немало.

— А как насчет женщины? Она немного костлява, но в общем-то привлекательна. Если ты все равно умрешь в Горах Магнаца, зачем пропадать еще и женщине?

— Правильно. — Кугель повернулся, чтобы взглянуть на Дерве Корим. — Возможно, мы сможем договориться.

— Что? — Принцесса задохнулась от возмущения. — Как ты осмеливаешься предлагать такое? Я утоплюсь в реке!

Кугель отвел ее в сторону.

— Меня не зря называют Кугелем Хитроумным, — прошипел он ей в ухо. — Доверься мне, я перехитрю этого болвана!

Дерве Корим с сомнением поглядела на него и отвернулась: слезы горечи и злости катились по ее щекам. Кугель обратился к бузиаку:

— Твое предложение, вне всякого сомнения, — сама мудрость; так что теперь мы можем нускаться в путь.

— Женщина пусть останется здесь, — сказал бузиак, поднимаясь на ноги. — Мы пойдем по заколдованной тропе, и необходима будет строгая дисциплина.

Дерве Корим решительно шагнула к реке.

— Нет! — торопливо крикнул Кугель. — У нее очень сентиментальный характер, и она хочет убедиться, что я благополучно вышел на дорогу к Горам Магнаца, даже если это будет означать для меня верную смерть.

Бузиак пожал плечами.

— Мне все равно.

Он завел их на плот, отвязал веревку и начал, отталкиваясь шестом, пересекать реку. Вода казалась неглубокой, шест ни разу не ушел в нее больше чем на пару футов. Кугель подумал, что переправиться через реку вброд было бы проще простого.

Бузиак, наблюдавший за Кугелем, сказал:

— Река кишит стеклистыми рептилиями, неосторожный человек, ступивший в нее, немедленно подвергнется нападению.

— Неужели! — сказал Кугель, недоверчиво разглядывая реку.

— Точно. А теперь я должен предупредить тебя насчет тропы. Мы встретимся со всякими соблазнами, но если тебе дорога жизнь, не сходи с моего следа.

Они причалили к противоположному берегу. Бузиак сошел на землю и крепко привязал плот к дереву.

— Ну, теперь идите за мной.

Он уверенно углубился в гущу деревьев. Дерве Корим последовала за ним, а Кугель замыкал шествие. Тропа была настолько незаметной, что Кугель не мог отличить ее от нехоженого леса, но бузиак ни разу не заколебался. Солнце стояло низко над деревьями, Кугель видел его только изредка и мельком и понятия не имел, в каком направлении они идут. Так они продвигались вперед сквозь пустынный лес, где не было слышно даже птичьих криков.

Солнце, пройдя зенит, начало опускаться, а тропа не становилась более отчетливой. Кугель наконец крикнул бузиаку:

— Ты уверен, что идешь правильно? Похоже, что мы сворачиваем направо и налево наугад.

Бузиак остановился и объяснил:

— Мы, обитатели леса, — простой народ, но у нас есть такое особое свойство. — Он со значением постучал пальцем по своему кривому носу. — Мы чувствуем волшебство. Тропа, по которой мы идем, была проложена в столь далекие времена, что этого уже никто не помнит, и открывает свое направление только таким, как мы.

— Может, это и так, — дерзко сказал Кугель. — Но она, кажется, слишком уж кружит на одном месте; и где все те ужасные существа, о которых ты упоминал? Я видел только полевку и ни разу не почувствовал своеобразного запаха.

Бузиак озадаченно потряс головой.

— Не могу понять почему, но они все куда-то подевались. Надеюсь, ты не жалуешься? Давайте пойдем дальше, прежде чем они вернутся.

И он снова пошел вперед по тропе, которая была не более заметной, чем раньше.

Солнце опустилось совсем низко. Лес слегка поредел; алые лучи косо скользили между деревьями, сверкая на узловатых корнях, золотя опавшие листья. Бузиак вышел на небольшую поляну и обернулся с торжествующим видом:

— Я успешно достиг нашей цели!

— Как это? — спросил Кугель. — Мы все еще в самой гуще леса.

Бузиак показал на другую сторону поляны.

— Ты видишь четыре отчетливо различимых тропы?

— Похоже, что это так, — неохотно согласился Кугель.

— Одна из них ведет к южной опушке. Остальные углубляются в лесную чащу, обильно разветвляясь по дороге.

Дерве Корим всмотрелась в просветы между ветвями и испустила резкий крик.

— Вон там, в пятидесяти шагах отсюда, видна река и плот!

Кугель зловеще посмотрел на бузиака.

— Что ты об этом скажешь?

Бузиак кивнул с важным видом.

— Эти пятьдесят шагов не защищены волшебством. Я пренебрег бы своей ответственностью, если бы привел нас сюда прямой дорогой. А теперь...

Он подошел к Дерве Корим, взял ее за руку и снова повернулся к Кугелю.

— Ты можешь пересечь поляну, после чего я укажу тебе, какая тропа ведет к южной опушке.

После этого он занялся привязыванием веревки к талии Дерве Корим. Она отчаянно сопротивлялась и угомонилась только после оплеухи.

— Это для того, чтобы предотвратить внезапные прыжки в сторону или отклонения от тропы, — объяснил бузиак Кугелю, хитро подмигивая. — Я не очень-то быстр на ногу, а когда мне понадобится эта женщина, я не собираюсь гоняться за ней взад-вперед. Но разве ты не торопишься? Солнце садится, а с наступлением темноты появляются лейкоморфы.

— Ну что ж, какая тропа ведет к южной опушке? — прямо спросил Кугель.

— Перейди на другую сторону поляны, и я сообщу тебе это. Конечно, если ты не доверяешь моим указаниям, то можешь сделать свой собственный выбор. Но помни, я немало потрудился ради раздражительной и костлявой женщины. С этой минуты мы в расчете.

Кугель с сомнением поглядел на противоположную сторону поляны, потом на Дерве Корим, которая

наблюдала за ним с тоской и смятением в глазах. Кугель бодро заговорил:

— Ну что ж, все, кажется, к лучшему. Горы Магнаца известны своими опасностями. По крайней мере, с этим грубияном и бандитом ты можешь ничего не бояться.

— Нет! — закричала она. — Освободи меня от этой веревки! Он лжец! Он обманул тебя! Кугель Хитроумный? Кугель Идиот!

— Подобные выражения вульгарны, — заявил Кугель. — Мы с бузиаком заключили сделку, то есть священный договор, который должен быть выполнен.

— Убей это животное! — закричала Дерве Корим. — Пусти в ход свой меч! Опушка леса не может быть далеко!

— Неверная тропа может завести в самое сердце Великой Безлюди, — возразил Кугель и поднял руку в прощальном жесте. — Гораздо лучше работать на этого волосатого бандита, чем рисковать погибнуть в Горах Магнаца!

Бузиак согласно ухмыльнулся и по-хозяйски дернул за веревку. Кугель заторопился через поляну. Проклятия Дерве Корим звенели у него в ушах, пока бузиак ее не успокоил — Кугель не видел, каким именно образом. Бузиак крикнул ему вслед:

— Так вышло, что ты приближаешься к верной тропе. Следуй по ней, и ты вскоре выйдешь к населенному месту.

Кугель обменялся с ним прощальным салютом и пустился в путь. Дерве Корим выкрикнула с истерическим весельем в голосе:

— Он называет себя Кугелем Хитроумным! Какая идиотская шутка!

Кугель, слегка встревоженный, быстро зашагал по тропе.

— Эта женщина — маньячка, — сказал он сам себе. — Ей не хватает ясности мысли и проницательности. Разве я мог поступить иначе, ради ее благополучия и своего собственного? Я — воплощение разумности. Глупо настаивать на обратном!

В каких-то ста шагах от поляны тропа вышла из леса. Кугель остановился как вкопанный. Всего сто шагов? Он поджал губы. По какому-то любопытному совпадению три остальные тропы также выходили из

леса неподалеку, сливаясь в одну в том месте, где стоял Кугель.

— Интересно, — сказал он. — Я почти чувствую искушение вернуться, найти этого бузиака и потребовать некоторых объяснений...

Он задумчиво потрогал меч и даже сделал шаг или два в сторону леса. Однако солнце было уже низко, и тени заполняли просветы между узловатыми стволами. Пока Кугель раздумывал, Фиркс нетерпеливо провел несколькими шипами и крючками по печени, и Кугель отказался от намерения вернуться в лес.

Тропа вела через открытый участок местности; на юге, на фоне неба, вырисовывались горы. Кугель двигался вперед бодрым шагом, чувствуя за спиной темную тень леса и еще не совсем уверенный в том, что произошло. Время от времени, при какой-нибудь особенно беспокойной мысли, он резко хлопал себя по бедру. Какое безумие! Совершенно очевидно, что он уладил дела наилучшим образом! Бузиак был грубым и глупым. Как он мог надеяться провести Кугеля? Эта идея была неприемлемой. А что касается Дерве Корим, то, без сомнения, она вскоре смирится со своей новой жизнью...

В то время, когда солнце начало садиться за Горы Магнаца, Кугель набрел на грубое поселение с таверной у перекрестка дорог. Таверна была прочным сооружением из камня и дерева, с круглыми окнами, каждое из которых было составлено из сотни маленьких голубых окошечек. Кугель приостановился у двери и оценил свои ресурсы, оказавшиеся весьма скудными. Потом вспомнил о драгоценных пуговицах, которые отобрал у Дерве Корим, и поздравил себя с такой предусмотрительностью.

Он протиснулся сквозь дверь в длинную комнату, освещенную старыми бронзовыми лампами. Хозяин таверны восседал за короткой стойкой, наливая грог и пунш трем посетителям, составлявшим на данный момент его клиентуру. Когда Кугель вошел в комнату, все повернулись и уставились на него.

Трактирщик заговорил достаточно вежливо:

— Добро пожаловать, странник. Чего пожелаешь?

— Сначала кружку вина, потом ужин и постель на ночь и, наконец, все сведения о дороге на юг, которые ты можешь мне сообщить.

Трактирщик поставил на стойку кружку с вином.

— Ужин и постель последуют в свое время. Что же касается дороги на юг, то она ведет во владения Магната — и этого вполне достаточно.

— Значит, этот Магнац — ужасное существо?

Трактирщик мрачно покачал головой.

— Люди, уходившие на юг, никогда не возвращались обратно. Ни один человек на нашей памяти не пришел на север. Я могу ручаться только за это.

Трое посетителей, поглощавших свои напитки за стойкой, торжественно кивнули в знак согласия. Двое из них явно местные крестьяне. На третьем же были высокие черные сапоги профессионального охотника за ведьмами. Первый крестьянин подал знак трактирщику:

— Налей этому несчастному кружку вина за мой счет.

Кугель принял угощение со смешанными чувствами.

— Я пью с благодарностью, хотя особо отказываюсь от определения «несчастный», дабы сущность этого слова не оказала влияния на мою судьбу.

— Как хочешь, — равнодушно ответил крестьянин, — хотя в эти грустные времена кто из нас не несчастен?

И в течение некоторого времени крестьяне спорили о починке каменной изгороди, которая разделяла их земли.

— Работы там много, но и польза немалая, — заявил один.

— Я согласен, — ответил другой, — но мне так не везет, что, как только мы завершим это дело, солнце погаснет, и вся работа пойдет насмарку.

Первый замахал руками, пренебрежительно отвергая приведенный аргумент:

— Это риск, на который мы должны пойти. Заметь: я пью вино, хотя я могу не дожить до того, чтобы опьянеть. Разве это меня останавливает? Нет! Я отвергаю будущее. Я пью сейчас и пьянею, как определяют обстоятельства.

Трактирщик рассмеялся и ударил кулаком по стойке:

— Ты хитер, как бузиаки, которые, как я слышал, стоят неподалеку лагерем. Возможно, странник встретил их?

И он вопросительно посмотрел на Кугеля, который неохотно кивнул.

— Я встретил этих людей: по-моему, они скорее тупы, чем хитры. Кстати, еще раз о дороге на юг: кто-нибудь здесь может дать мне какой-нибудь определенный совет?

Охотник за ведьмами сказал хриплым голосом:

— Я могу: избегай ее. Сначала ты встретишься с деоданами, жаждущими твоей плоти. Дальше простираются владения Магната, по сравнению с которым деоданы кажутся ангелами милосердия, если хоть десятая доля слухов истинна.

— Это обескураживающие новости, — сказал Кугель. — А другой дороги в южные земли нет?

— Вообще-то есть, — сказал охотник за ведьмами, — и я рекомендую ее тебе. Вернись на север по тропе, ведущей к Великой Безлюди, и иди на восток вдоль оконечности леса, который становится все гуще и все ужаснее. Не приходится и говорить, что тебе понадобятся крепкие руки и ноги с крыльями, чтобы спастись от вампиров и лейкоморфов. Пробравшись к дальнему краю леса, ты должен повернуть на юг, к Долине Джарада, где, по слухам, армия василисков осаждает древний город Мар. Если ты сможешь пробраться мимо бушующей битвы, то попадешь в Великую Центральную Степь, где нет ни воды, ни пищи и где обитают оборотни. После того как ты пересечешь степь, ты снова повернешься лицом к западу и теперь будешь пробираться по цепи смертоносных болот. За ними лежит район, о котором я не знаю ничего, кроме того, что он носит название Земля Зловещих Воспоминаний. Пройдя его, ты окажешься к югу от Гор Магната.

Кугель подумал пару минут.

— Дорога, которую ты обрисовал, может, и более безопасная и менее утомительная, чем прямой путь на юг, кажется мне неумеренно длинной. Я намереваюсь попытать счастья в Горах Магната.

Первый крестьянин осмотрел его с уважением.

— Я так полагаю, ты — известный волшебник. Из тебя так и сочатся заклинания.

Кугель, усмехаясь, покачал головой.

— Я Кугель Хитроумный, ни больше ни меньше. А теперь — вина!

Трактирщик вскоре принес ужин: тушеных улиток и сухопутных крабов с гарниром из дикой черемши и черники.

После ужина оба крестьянина выпили по последней кружке вина и отправились восвояси, а Кугель, хозяин и охотник за ведьмами устроились у очага, обсуждая разные интересные проблемы. Через некоторое время охотник за ведьмами поднялся и удалился в свою комнату. Перед уходом он обратился к Кугелю и сказал ему с добродушным видом:

— Я заметил твой плащ. Такого отменного качества вещь редко увидишь в этом диком краю. Поскольку ты считай что мертв, почему бы тебе не подарить этот плащ мне, человеку, который в нем нуждается?

Кугель коротко отверг это предложение и ушел в свою комнату.

Посреди ночи его разбудил скребущий звук, доносящийся от подножия кровати. Кугель вскочил на ноги и схватил какого-то невысокого человечка. Вытащенный на свет, незваный гость оказался мальчишкой-прислужником: он все еще сжимал в руке башмаки Кугеля, которые, вне всякого сомнения, намеревался присвоить.

— Что означает этот возмутительный поступок? — вопросил Кугель, отвешивая юнцу оплеуху. — Говори! Как ты осмелился предпринять подобное действие!

Прислужник начал молить Кугеля о пощаде:

— Какая тебе разница? Человеку, над которым висит рок, не нужна такая элегантная обувь.

— Я сам буду судить об этом, — сказал Кугель. — Ты что, думаешь, что я босиком пойду навстречу своей смерти в Горах Магнаца? А ну, пошел вон отсюда.

И он вытолкнул несчастного мальчишку так, что тот растянулся на полу.

Утром за завтраком Кугель заговорил об этом инциденте с хозяином, но тот не проявил особого интереса. Когда дело дошло до уплаты по счету, Кугель бросил на стойку одну из пуговиц Дерве Корим.

— Будь так добр, оцени по достоинству эту драгоценность, вычти свои издержки и дай мне сдачу золотыми монетами.

Хозяин осмотрел украшение, поджал губы и склонил набок.

— Общая сумма того, что ты мне должен по счету, в точности равна стоимости этой безделушки — никакой сдачи не будет.

— Что? — разбушевался Кугель. — Этот чистый аквамарин, окруженный четырьмя изумрудами? За пару кружек дрянного вина, кашу и сон, потревоженный злодейскими действиями твоего прислужника? Это что — таверна или бандитский притон?

Хозяин пожал плечами.

— Плата немного превышает обычную, но деньги, плесневеющие в карманах у трупа, не приносят пользы никому.

В конце концов Кугелю все же удалось выторговать у хозяина несколько золотых монет, а также пакет с хлебом, сыром и вином. Хозяин подошел к двери и указал ему дорогу:

— Здесь всего одна тропа, та, что ведет на юг. Горы Магнаца поднимаются перед тобой. Прощай.

Не без дурных предчувствий Кугель направился на юг. Какое-то время тропа вела мимо полей местных крестьян. Потом, когда с обеих сторон начали подниматься массивные предгорья, она сначала превратилась в узкую тропинку, а вскоре почти совсем исчезла, петляя вдоль высохшего русла реки рядом с зарослями шиповника, молочая, тысячелистника и златоцветника. Вдоль гребня холма, параллельно тропе, тянулась поросль низкорослых дубков, и Кугель, думая увеличить свои шансы пройти незамеченным, поднялся вверх по склону и продолжил путь под прикрытием листвы.

Воздух был чистым, небо — сияющего темно-синего цвета. Солнце поднялось в зенит, и Кугель вспомнил о провизии, которую нес в мешке. Он начал было садиться, но в этот самый момент увидел краем глаза метнувшуюся темную тень. Кровь застыла у него в жилах. Существо, вне всякого сомнения, собиралось прыгнуть ему на спину.

Кугель сделал вид, что ничего не замечает, и вскоре тень снова продвинулась вперед: деодан, выше и тяжелее Кугеля, черный как ночь, за исключением сверкающих белых глаз, белых зубов и когтей. Поло-

ски кожи поддерживали на нем зеленую бархатную рубашку.

Кугель прикинул в уме наилучший план действий. Лицом к лицу и грудью к груди деодан разорвет его на куски. С мечом наготове Кугель мог бы рубить и колоть, и удерживать эту тварь на расстоянии, пока жажда крови у нее не возобладала бы над страхом боли и она не бросилась бы вперед, невзирая на раны. Может быть, Кугель более быстр, чем она, и сумел бы ее обогнать, но только после долгой и упорной погони... Существо снова скользнуло вперед и притаилось за осыпающейся каменной грядой в двадцати шагах ниже по склону от того места, где сидел Кугель. Как только зверь скрылся из виду, Кугель подбежал к гряде и вскочил на ее гребень. Здесь он поднял тяжелый камень и, как только крадущаяся тварь оказалась под ним, бросил камень ей на спину. Тварь свалилась и осталась лежать, дрыгая ногами. Кугель спрыгнул вниз, чтобы нанести последний удар.

Деодан дополз до скалы, привалился к ней и зашипел в ужасе при виде обнаженного клинка Кугеля.

— Останови свой удар, — сказал он. — Ты ничего не выиграешь от моей смерти.

— Только удовлетворение от того, что убью чудовище, которое пыталось сожрать меня.

— Бесплодное удовольствие!

— Удовольствия редко бывают другими, — сказал Кугель. — Но пока ты жив, просвети меня насчет Гор Магнаца.

— Они таковы, какими ты их видишь: суровые горы из древнего черного камня.

— А что ты знаешь о самом Магнаце?

— Я ничего о нем не знаю.

— Что? Люди на севере содрогаются при одном этом слове!

Деодан подтянулся и немного выпрямился.

— Это вполне может быть. Я слышал это имя и считаю его не больше чем старинной легендой.

— А почему путники идут на юг и никто не идет на север?

— А зачем кому-либо путешествовать на север? Что же касается тех, кто идет на юг, то они обеспечивают пищей меня и моих товарищей.

И деодан еще немного выпрямился. Кугель подобрал большой камень, поднял его в воздух и бросил в черное существо. Чудовище опрокинулось на спину, сильно дергая ногами. Кугель подобрал еще один камень.

— Стой! — едва слышно воскликнул деодан. — Пощади меня, и я помогу тебе остаться в живых.

— Как это? — спросил Кугель.

— Ты хочешь пойти на юг? Другие, подобные мне, обитают в пещерах вдоль всего пути. Как ты можешь ускользнуть от них, если я не проведу тебя по дорогам, где они редко ходят?

— Ты можешь это сделать?

— Если ты обязуешься сохранить мне жизнь.

— Превосходно! Но я должен принять кое-какие меры предосторожности. Охваченный жаждой крови, ты можешь забыть о нашем соглашении.

— Ты искалечил меня! Какие еще гарантии тебе нужны? — вскричал деодан. Тем не менее Кугель связал чудовищу руки и надел петлю на толстую черную шею.

Так они и двинулись в путь. Деодан, ковыляя и прихрамывая, повел Кугеля в обход над определенными пещерами. Горы поднялись выше. Ветер гудел и отзывался эхом в каменных каньонах. Кугель продолжал расспрашивать деодана о Магнаце, но добился только мнения, что Магнац — сказочное существо.

Наконец они дошли до песчаного плато, поднимающегося над низменностью, которая, как заявил деодан, находилась вне зоны обитания его собственного племени.

— А что лежит дальше? — спросил Кугель.

— Я не знаю. Это предел, дальше которого я не заходил. Теперь отпусти меня и иди своей дорогой, а я вернусь к своим.

Кугель покачал головой.

— Ночь уже недалеко. Что может тебе помешать последовать за мной и напасть на меня еще раз? Лучше я тебя убью.

Деодан грустно засмеялся.

— За нами следуют трое моих сородичей. Они держались в отдалении только потому, что я знаком приказал им отойти назад. Убей меня, и ты никогда не проснешься, чтобы увидеть утреннее солнце.

— Мы пойдем дальше вместе, — сказал Кугель.

— Как хочешь.

Кугель направился на юг. Деодан, хромая, тащился за ним по камням. Оглянувшись, Кугель увидел несколько черных фигур, передвигающихся в тени. Деодан многозначительно ухмыльнулся:

— Тебе лучше остановиться немедленно. Зачем ждать до темноты? Смерть вызывает меньше ужаса, пока сияет солнце.

Кугель ничего не ответил, но припустил вперед со всей скоростью, на которую был способен. Тропа из долины поднималась на высокогорный луг, омываемый холодными потоками воздуха. С обеих сторон росли лиственницы, баобабы и бальзамические кедры. В траве бежал ручей. Деодан начал проявлять беспокойство, дергать веревку, к которой был привязан, и хромать с притворной слабостью. Кугель не мог понять причин этого представления: местность, казалось, не таила в себе никакой угрозы — если не считать присутствия деоданов. Он начал терять терпение:

— Почему ты так тащишься? Я надеюсь найти убежище в горах до того, как стемнеет. Твоя медлительность и хромота меня задерживают.

— Тебе следовало подумать об этом до того, как ты меня искалечил камнем, — ответил деодан. — В конце концов, я сопровождаю тебя не по собственному желанию.

Кугель оглянулся. Три деодана, раньше прятавшиеся за камнями, теперь следовали за ними совершенно открыто.

— Неужели ты не можешь держать в узде неумеренные аппетиты своих сородичей? — спросил Кугель.

— Я не могу держать в узде даже свой собственный, — ответил деодан. — Только тот факт, что у меня переломаны конечности, мешает мне вцепиться тебе в глотку.

— Жить хочешь? — спросил Кугель, многозначительно поднося руку к рукояти меча.

— До некоторой степени, хотя не с таким страстным желанием, как настоящие люди.

— Если ты дорожишь своей жизнью хоть на йоту, прикажи своим сородичам повернуть назад и отказаться от этого идиотского преследования.

— Это было бы бесполезно. И, в любом случае, что для тебя жизнь? Взгляни, перед тобой возвышаются Горы Магнаца!

— Ха! — пробормотал Кугель. — А разве ты не утверждал, что все россказни об этой местности — сказка?

— Все так. Но я не уточнял природы этой сказки.

Пока они разговаривали, в воздухе послышался тихий звук, похожий на вздох. Оглянувшись вокруг, Кугель увидел, что три деодана упали, сраженные стрелами. Из расположенной неподалеку рощи вышли четыре молодых человека в коричневых охотничьих костюмах. У них были светлые, свежие лица, каштановые волосы, красивая осанка и, казалось, приятный нрав.

Тот, что шел впереди, крикнул Кугелю:

— Как вышло, что ты пришел с необитаемого севера? И почему ты идешь вместе с этим зловещим порождением ночи?

— Я не скрываю ответа ни на один из ваших вопросов, — сказал Кугель. — Во-первых, север вовсе не необитаем; несколько сотен человек еще остались в живых. А что касается этого черного гибрида демона и людоеда, то я нанял его, чтобы он в целости и сохранности перевел меня через горы, но я не доволен его услугами.

— Я сделал все, что от меня требовалось, — заявил деодан. — Освободи меня в соответствии с нашим уговором.

— Как хочешь, — сказал Кугель. Он развязал петлю, стягивающую шею существа, и оно заковыляло прочь, бросая через плечо свирепые взгляды. Кугель сделал знак старшему из охотников. Тот что-то сказал своим товарищам; они подняли луки и пронзили деодана стрелами.

Кугель коротко кивнул в знак одобрения.

— А кто вы сами? И как насчет этого Магнаца, который, по слухам, делает горы небезопасными для путешественников?

Охотники рассмеялись:

— Это просто легенда. Некогда здесь действительно жило ужасное существо по имени Магнац. Из уважения к традициям мы, жители деревни Вулл, все еще назначаем одного человека из своего числа слу-

жить Дозорным. Но это единственное, в чем проявляется вера в эту байку.

— Странно, — сказал Кугель, — что традиция распространяет свое влияние так широко.

Охотники равнодушно пожали плечами.

— Приближается ночь, пора поворачивать обратно. Мы приглашаем тебя присоединиться к нам, а в Вулле есть таверна, где ты сможешь провести ночь.

— Я с радостью воспользуюсь вашей компанией.

И они все вместе направились вверх по тропе. По дороге Кугель расспрашивал своих снутников о дороге на юг, но они мало чем могли ему помочь.

— Деревня Вулл расположена на берегах озера Вулл, несудоходного из-за водоворотов, и очень немногие из нас когда-либо бывали в горах к югу от него. Говорят, что они совершенно бесплодны и обрываются вниз в негостеприимную серую пустошь.

— Возможно, Магнац рыщет в горах за озером? — осторожно осведомился Кугель.

— Легенда ничего не говорит по этому поводу, — ответил охотник.

После часа ходьбы путники достигли Вулла, деревни, богатство которой изумило Кугеля. Прочные, надежные жилища были выстроены из камней и бревен, улицы были аккуратно вымощены и хорошо осушены. В деревне был рынок, амбар, ратуша, сокровищница, несколько таверн и ряд умеренно роскошных особняков. Когда охотники проходили по главной улице, их окликнул какой-то человек:

— Важные новости! Дозорный погиб!

— Правда? — с живым интересом переспросил старший из охотников. — А кто пока занимает его место?

— Лэфель, сын гетмана — кто же еще?

— И правда, кто же еще? — заметил охотник, и вся группа направилась дальше.

— А что, пост Дозорного пользуется таким почетом? — спросил Кугель.

Охотник пожал плечами:

— Его лучше описать как церемониальную синекуру. Без сомнения, завтра изберут постоянного человека на это место. Однако посмотри, вон там, в дверях ратуши!

И он указал на коренастого, широкоплечего мужчину в коричневых одеждах, отделанных мехом, и черной треуголке.

— Это Хайлам Вискод, сам гетман. Эй, Вискод! Мы встретили путника с севера!

Хайлам Вискод приблизился и вежливо поприветствовал Кугеля.

— Добро пожаловать! Чужестранцы — новость для нас. Наше гостеприимство к твоим услугам.

— Сердечное тебе спасибо, — сказал Кугель. — Я не ожидал найти подобную приветливость в Горах Магнаца, наводящих ужас на весь мир.

Гетман хохотнул.

— Неправильные представления бытуют повсюду. Ты вполне можешь посчитать некоторые из наших обычаев причудливыми и архаичными, как, например, наш Дозор Магнаца. Но иди сюда! Это наша лучшая таверна. После того как ты устроишься, мы поужинаем.

Кугеля отвели в уютную комнату, снабдили всем необходимым, и вскоре, чистый и освеженный, он присоединился к Хайламу Вискоду в общем зале. Перед ними был поставлен аппетитный ужин, а также фляга вина.

После ужина гетман повел Кугеля на прогулку по деревне, расположенной в приятном месте над озером.

Казалось, в этот вечер происходило какое-то особое событие; повсюду факелы выбрасывали в воздух языки пламени, а жители Вулла бродили по улицам, останавливаясь небольшими кучками и разговаривая. Кугель осведомился о причине столь очевидного волнения:

— Это потому, что ваш дозорный умер?

— Да, поэтому, — сказал гетман. — Мы относимся к своим традициям со всей серьезностью, и выборы нового Дозорного являются предметом общего обсуждения. Но смотри: вот общественная сокровищница, где хранятся все наши богатства. Не хочешь заглянуть внутрь?

— Я поступлю, как ты пожелаешь, — сказал Кугель. — Если ты захочешь осмотреть золото общины, я с радостью присоединюсь к тебе.

Гетман широко распахнул двери.

— Здесь хранится гораздо больше, чем золото! В этом ларе лежат драгоценные камни. На этой

полке — старинные монеты. Эти тюки содержат тонкий шелк и вышитое полотно, с этой стороны стоят ящики с ценными пряностями, еще более ценными винами и бесценными тонкими яствами. Но мне не следовало бы использовать подобные эпитеты перед тобой, путешественником и бывалым человеком, который смотрел на настоящее богатство.

Кугель стал настаивать, что о богатствах Вулла ни в коем случае нельзя говорить пренебрежительно. Гетман с признательностью поклонился, и они направились дальше по эспланаде вдоль берега озера, казавшегося сейчас обширным темным пространством, освещенным слабым светом звезд.

Гетман указал на купол, поднятый на высоту пятисот футов с помощью тонкого столба.

— Можешь ли ты угадать назначение этой конструкции?

— Похоже, это пост Дозорного, — ответил Кугель.

— Правильно! Ты проницательный человек. Жаль, что ты так торопишься и не можешь задержаться в Вулле!

Кугель, подумав о своем пустом кошельке и о богатствах хранилища, вежливо поклонился:

— Я был бы не против такой задержки, но, честно говоря, я странствую в бедности и вынужден искать какой-нибудь заработок. Я тут подумывал о должности Дозорного, которая, как я понял, пользуется некоторым почетом.

— Да, это так, — сказал гетман. — Мой собственный сын стоит сегодня на страже. Не вижу причин, почему бы тебе не стать подходящим кандидатом на этот пост. Обязанности отнюдь не изнурительны. Честно говоря, это что-то вроде синекуры.

Кугель почувствовал, что Фиркс беспокойно заерзал.

— А как насчет жалованья?

— Оно превосходно. Дозорный пользуется огромным уважением здесь, в Вулле, поскольку, в чисто формальном смысле, он защищает всех нас от опасности.

— А конкретно, что он получает?

Гетман призадумался на минутку и начал отсчитывать на пальцах:

— Во-первых, он обеспечивается удобной дозорной башней, вместе с подушками, оптическим устройством,

с помощью которого отдаленные предметы кажутся близкими, словно на расстоянии вытянутой руки. Жаровней для обогрева и хитроумной системой коммуникаций. Далее, он бесплатно обеспечивается пищей и напитками высшего качества — всеми, какие он пожелает, по его заказу. Далее, ему обычно присваивается дополнительный титул Хранителя Общественной Сокровищницы, и для упрощения дела ему даются полные права и власть распоряжаться всеми богатствами Вулла. В-четвертых, он может выбрать себе в супруги ту девушку, которая покажется ему наиболее привлекательной. В-пятых, ему присваивается титул барона, и все жители выказывают ему глубочайшее уважение при встрече.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кугель. — Похоже, стоит поразмыслить о том, чтобы занять этот пост. А какая ответственность с ним связана?

— Такая, какую подразумевает его название. Дозорный должен нести дозор, потому что это один из старомодных обычаев, которые мы соблюдаем. Обязанности Дозорного вряд ли можно назвать тягостными, но ими нельзя пренебрегать, поскольку это означало бы фарс, а мы — народ серьезный, даже в том, что касается наших причудливых традиций.

Кугель рассудительно кивнул.

— Условия очень просты. Дозорный несет дозор. Вряд ли можно изложить что-либо более ясно. Но кто такой Магнац, с какой стороны его следует ожидать и как его можно опознать?

— Эти вопросы практически не имеют отношения к действительности, — ответил гетман, — поскольку Магнаца теоретически не существует.

Кугель взглянул вверх, на башню, потом на другую сторону озера и снова на общественную сокровищницу.

— В таком случае я выдвигаю свою кандидатуру на этот пост, при условии, что все так и есть, как ты сказал.

Фиркс немедленно вызвал серию мучительных судорог. Кугель согнулся пополам, схватился руками за живот, выпрямился и, извиняясь перед недоумевающим гетманом, отошел в сторону.

— Терпение! — начал он умолять Фиркса. — Умеренность! Неужели ты не имеешь понятия о реальностях жизни? Мой кошелек пуст, впереди лежит мно-

жество долгих лиг! Чтобы путешествовать более или менее быстро, я должен восстановить свои силы и заполнить кошелек. Я собираюсь работать на этой должности лишь такое время, которое понадобится, чтобы сделать и то, и другое, а потом — на всех парах в Олмери!

Фиркс неохотно уменьшил проявления своего недовольства, и Кугель вернулся туда, где его ждал гетман.

— Ничего не изменилось, — сказал Кугель. — Я посовещался сам с собой, и, мне кажется, я смогу соответствующим образом выполнять обязательства, налагаемые работой.

Гетман кивнул.

— Я рад это слышать. Ты увидишь, что мое изложение фактов было аккуратным и правдивым. Я, подобно тебе, обдумывал ситуацию и могу с полной уверенностью сказать, что никто другой в городе не претендует на столь достойный пост, и я сим назначаю тебя Дозорным Города!

Гетман церемонно вытащил золотую цепь и надел ее на шею Кугелю.

Они вернулись к таверне, и по дороге жители Вулла, заметив золотую цепь, осыпали гетмана настойчивыми вопросами.

— Да, — был его ответ. — Этот джентльмен продемонстрировал свои способности, и я назначил его Дозорным Города!

Услышав эту новость, горожане Вулла проявили необыкновенную сердечность и поздравили Кугеля так, словно он жил в их городе с самого рождения.

Все пошли в таверну. Было выставлено вино и сдобренное специями мясо. Появились музыканты, и начались чинные танцы и веселье.

По ходу вечера Кугель заметил необычайно красивую девушку, танцующую с молодым человеком, который утром был среди охотников. Кугель подтолкнул локтем гетмана и привлек его внимание к девушке.

— Ах да! Очаровательная Марлинка! Она танцует с юношей, за которого, как мне кажется, собирается выйти замуж.

— Но, вероятно, ее планы могут подвергнуться изменениям? — многозначительно осведомился Кугель.

Гетман хитро подмигнул:

— Ты находишь ее привлекательной?

— Да. И поскольку это оговаривалось в условиях моей работы, я сим объявляю это восхитительное создание моей избранницей. Пусть все церемонии будут выполнены немедленно!

— Так быстро? — изумился гетман. — Ну что ж, горячая кровь молодости не выносит промедления.

Он подал знак девушке, и та весело протанцевала к их столику. Кугель приподнялся и изогнулся в глубоком поклоне. Гетман заговорил:

— Марлинка, Дозорный Города находит тебя желанной и хочет взять тебя в супруги.

Марлинка, казалось, была сперва озадачена, потом позабавлена. Она шаловливо взглянула на Кугеля и присела в игривом реверансе.

— Дозорный оказывает мне великую честь.

— И более того, — тянул гетман, — он требует, чтобы брачные церемонии были выполнены сию же минуту.

Марлинка с сомнением посмотрела на Кугеля, потом оглянулась через плечо на молодого человека.

— Прекрасно, — сказала она. — Как хочешь.

Церемонии были выполнены, и Кугель оказался женатым на Марлинке, в которой, при ближайшем рассмотрении, он увидел восхитительно оживленное создание с очаровательными манерами и изысканной внешностью. Он обвил рукой ее талию.

— Пошли, — шепнул он, — давай ускользнем отсюда на некоторое время и отпразднуем наше супружество.

— Не так быстро, — прошептала Марлинка. — Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями. Я слишком возбуждена!

Она высвободилась и бежала прочь.

Празднование и веселье продолжались, и Кугель, к своему великому неудовольствию, заметил, что Марлинка снова танцует с юношей, с которым раньше была помолвлена. У Кугеля на глазах она обняла этого молодого человека, проявляя все признаки страсти. Кугель вышел вперед, остановил танец и отвел свою молодую жену в сторону.

— Такое поведение вряд ли тебе подобает! Ты только час назад вышла замуж!

Марлинка, одновременно удивленная и растерян-

ная, рассмеялась, потом нахмурилась, потом снова рассмеялась и пообещала вести себя более благопристойно. Кугель попытался увести ее к себе в комнату, но она снова объявила момент неподходящим.

Кугель глубоко и обиженно вздохнул, но утешился при воспоминании о других своих привилегиях: например, свободе действий в сокровищнице. Он нагнулся к гетману:

— Поскольку я теперь номинально страж общественной сокровищницы, было бы только благоразумно, если бы я в деталях ознакомился с богатством, которое должен охранять. Если ты будешь так добр и передашь мне ключи, я пойду и быстренько все проверю.

— Даже лучше того, — сказал гетман, — я сам провожу тебя и сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе.

Они перешли улицу и подошли к сокровищнице. Гетман открыл дверь и посветил Кугелю, который вошел и осмотрел ценности.

— Я вижу, что все в порядке, и, вероятно, было бы предпочтительнее подождать, пока я не устроюсь как следует, прежде чем предпринять подробную инвентаризацию. Но пока...

Кугель подошел к ларцу с драгоценностями, выбрал несколько камней и начал засовывать их в кошелек.

— Минуточку, — сказал гетман. — Я боюсь, что ты причиняешь себе неудобства. Вскоре тебя обеспечат одеждами из богатых тканей, подобающих твоему рангу. Наши богатства как нельзя более удобно хранятся здесь, в сокровищнице. Зачем беспокоить себя такой тяжестью или подвергаться риску потери?

— В том, что ты говоришь, есть доля истины, — заметил Кугель, — но я желаю заказать себе особняк с видом на озеро, и мне понадобятся кое-какие средства, чтобы оплатить стоимость постройки.

— Всему свое время, всему свое время. Строительные работы вряд ли смогут начаться до того, как ты осмотришь окрестности и выберешь наиболее подходящее место.

— Правда, — признался Кугель. — Я вижу, что меня ждут напряженные дни. Но теперь — назад, в

таверну. Моя супруга чересчур уж скромна, и я не потерплю дальнейшего промедления!

Но когда они вернулись, Марлинки нигде не было видно.

— Без сомнения, она ушла, чтобы нарядиться в соблазнительные одежды, — предположил гетман. — Имей терпение!

Кугель недовольно сжал губы и еще больше раздосадовался, когда обнаружил, что молодой охотник тоже удалился.

Веселье нарастало. После многочисленных тостов Кугель слегка захмелел и был отнесен наверх, в свою комнату.

Рано утром гетман постучал в дверь и в ответ на зов Кугеля вошел в комнату.

— Теперь мы должны посетить дозорную башню, — сказал гетман. — Мой собственный сын охранял Вулл этой ночью, поскольку наша традиция требует непрерывной бдительности.

Кугель неохотно оделся и последовал за гетманом наружу, на холодный утренний воздух. Они подошли к дозорной башне, и Кугель был изумлен как ее высотой, так и элегантной простотой конструкции: изящный стержень взмывал ввысь на пятьсот футов и поддерживал купол.

Единственным средством подъема на башню была веревочная лестница. Гетман полез наверх, и Кугель последовал за ним. Лестница раскачивалась и плясала так, что у Кугеля закружилась голова.

Они целыми и невредимыми добрались до купола, и утомленный сын гетмана спустился вниз. Обстановка купола была менее роскошной, чем ожидал Кугель, и, честно говоря, казалась почти аскетической. Он указал на это гетману, который заявил, что все недостатки легко исправить.

— Просто скажи, что тебе требуется, и все будет сделано!

— Ну что ж, хорошо. Мне нужен будет толстый ковер на пол — зелено-золотые тона будут, наверное, наиболее удачными. Мне потребуется ложе, более элегантное и более просторное, чем эта расшатанная койка, которую я вижу у стены, поскольку моя супруга Марлинка будет проводить здесь большую часть своего времени. Здесь будет шкафчик для дра-

гоценных камней и дорогих вещей, здесь отделение для сладостей, здесь поднос для духов и эссенций. В этом месте мне будет нужен табурет с приспособлением для охлаждения вин.

Гетман с готовностью согласился на все.

— Будет, как ты скажешь. Но сейчас мы должны обсудить твои обязанности. Они так просты, что практически не требуют разъяснений: ты должен караулить Магнаца.

— Это я понимаю, но, как уже было раньше, мне пришла в голову вытекающая из этого мысль: для того чтобы работать с наибольшей эффективностью, я должен знать, что или кого мне следует ожидать. Магнац сможет без помех прогуливаться по эспланаде, если я буду не в состоянии распознать его. На что же он похож?

Гетман покачал головой.

— Не могу сказать: эти сведения затерялись в тумане веков. Легенда сообщает только, что он был обманут и побежден одним волшебником и унесен отсюда прочь.

Он подошел к наблюдательному посту.

— Смотри: вот оптическое устройство. Оно работает по очень хитроумному принципу, увеличивая те сцены, на которые ты его направляешь. Время от времени ты можешь пожелать осмотреть достопримечательности нашей местности. Вон там — Гора Темус; ниже — озеро Вулл, по которому никто не может плавать из-за воронок и водоворотов. В той стороне находится Перевал Падагар, который ведет на восток, в сторону Мерс. Вон там едва-едва можно различить каменную пирамиду, воздвигнутую по приказу Гузны Великого, в то время когда он привел сюда восемь армий, чтобы пойти войной на Магнаца. Магнац воздвиг другую пирамиду — видишь тот огромный курган на севере? — чтобы засыпать их изуродованные трупы. А вон там — проход, прорубленный Магнацем сквозь горы, чтобы охлаждающий воздух мог циркулировать через долину. За озером лежат некие титанические руины — раньше это был дворец Магнаца.

Кугель осмотрел все достопримечательности через оптическое устройство.

— Судя по всему, Магнац был очень могущественным существом.

— Так утверждают легенды. А теперь — самое последнее. Если Магнац появится — смехотворная фантазия, вне всякого сомнения, — ты должен потянуть вот за этот прут, который ударяет в большой гонг. Наши законы строго-настрого запрещают ударять в гонг, кроме как при виде Магнаца. Наказание за подобное преступление невероятно сурово: по правде говоря, последний Дозорный подвел свой высокий пост и ударил в гонг без всякой на то причины. Не стоит и говорить о том, что ему был вынесен жестокий приговор, и после того, как он был разорван на части с помощью перекрещенных цепей, его куски были сброшены в водоворот.

— Что за идиот! — заметил Кугель. — Зачем лишаться такого богатства, прекрасного питания и почета ради дурацкой забавы?

— Мы все того же мнения, — заявил гетман.

Кугель нахмурился:

— Я озадачен его поступком. Он, наверное, был молод, раз так легко поддался легкомысленной прихоти?

— Даже этого нельзя сказать в его оправдание. Это был умудренный годами муж, которому было четырежды двадцать лет, трижды двадцать из которых он служил городу в качестве Дозорного.

— Его поведение становится тем более невероятным — таков был недоуменный комментарий Кугеля.

— Все в Вулле думают то же самое. — Гетман оживленно потер руки. — По-моему, мы обсудили все существенные детали; теперь я уйду и оставлю тебя наслаждаться выполнением твоих обязанностей.

— Минуточку, — сказал Кугель. — Я настаиваю на некоторых изменениях и усовершенствованиях: ковер, шкафчик, подушки, поднос, ложе.

— Конечно, — сказал гетман. Он перегнулся через перила и прокричал указания тем, кто стоял внизу. Немедленного ответа не последовало, и гетман вышел из себя.

— Какая досада! — воскликнул он. — Видимо, мне придется самому присмотреть за этим.

Он начал спускаться по веревочной лестнице.

Кугель крикнул ему вслед:

— Будь так добр, пошли наверх мою супругу Марлинку, поскольку есть кое-какие дела, которыми я бы хотел с ней заняться.

— Я поищу ее немедленно, — крикнул гетман через плечо.

Несколько минут спустя послышался скрип огромного подъемного блока; лестница была опущена на поддерживающей ее веревке. Посмотрев через перила, Кугель увидел, что сейчас поднимут подушки. Тяжелая веревка, на которой крепилась лестница, с грохотом пробежала по блоку, вытягивая за собой легкий шнур — едва ли толще, чем прочная бечевка, — и на нем поднялись подушки. Кугель осмотрел их с неодобрением: они были старыми и пыльными и вовсе не такого качества, как он себе представлял. Он непременно будет настаивать, чтобы обстановка в его куполе была несравненно лучшей по качеству, чем эти подушки. Возможно, гетман послал их только на время, пока не будут найдены подушки требуемой элегантности. Кугель кивнул: несомненно, так оно и было.

Он осмотрел горизонт. Магнаца нигде не было видно. Он пару раз взмахнул руками, пошагал взад-вперед и пошел посмотреть вниз, на площадь, где ожидал увидеть ремесленников, собирающих заказанные им аксессуары. Но никаких похожих приготовлений не было и в помине; жители города, казалось, занимались своими обычными делами. Кугель пожал плечами и пошел еще раз осмотреть горизонт. Как и прежде, Магнац оставался невидимым.

Кугель еще раз оглядел площадь, нахмурился, прищурился: не его ли это супруга Марлинка прошла мимо в сопровождении какого-то молодого человека? Он навел оптическое устройство на гибкую фигурку: это действительно была Марлинка, а молодой человек, сжимающий ее локоть с такой наглой интимностью, был тем самым охотником, с которым она некогда была обручена. Кугель, оскорбленный, сжал зубы. Такое поведение не может продолжаться! Когда Марлинка появится, он поговорит с ней на эту тему самым решительным образом.

Солнце достигло зенита. Веревка задрожала. Перегнувшись через перила, Кугель увидел, что его

полуденная трапеза поднимается наверх в корзинке, и хлопнул в ладоши в предвкушении пиршества. Но когда он поднял тряпку, оказалось, что корзинка содержит только полбуханки хлеба, кусок жесткого мяса и флягу разбавленного вина. Кугель в шоке уставился на это жалкое пропитание и решил немедленно спуститься и навести порядок. Он прочистил горло и крикнул вниз, чтобы ему подали лестницу. Никто, казалось, его не услышал. Он крикнул погромче. Один или два человека с легким любопытством посмотрели наверх и пошли дальше по своим делам. Кугель сердито дернул за шнур и подтянул его к себе через блок, но не появилось ни толстой веревки, ни веревочной лестницы. Легкий шнур представлял собой бесконечную петлю и мог выдержать разве что вес корзинки с пищей.

Кугель в задумчивости сел и оценил ситуацию. Потом, еще раз направив оптическое устройство на площадь, он стал искать гетмана, единственного человека, к которому он мог обратиться за удовлетворением своих требований.

Ближе к вечеру Кугель случайно разглядывал дверь таверны как раз в то время, когда гетман, пошатываясь, выходил оттуда, вне всякого сомнения, сильно под хмельком. Кугель повелительно окликнул его. Гетман остановился как вкопанный, оглянулся по сторонам в поисках источника голоса, недоуменно потряс головой и продолжил свой путь через площадь.

Солнце стояло наискосок от озера Вулл. Водовороты казались крутящимися спиралями коричнево-черного цвета. Прибыл Кугелев ужин: тарелка с вареным луком и горшок с овсянкой. Кугель осмотрел ужин без особого интереса, потом подошел к перилам.

— Пошли наверх лестницу! — крикнул он. — Наступает темнота! В отсутствие света бесполезно караулить Магната или кого-либо еще!

Как и раньше, его слова остались без внимания. Фиркс, похоже, внезапно осознал ситуацию и наслал на Кугелевы внутренности несколько приступов резкой боли.

Ночь для Кугеля прошла беспокойно. Когда из таверны выходили гуляки, он окликал их и заявлял протест по поводу своего плачевного положения, но с тем же успехом он мог бы поберечь глотку.

За горами появилось солнце. Утренняя трапеза Кугеля была неплохого качества, но явно не соответствовала стандартам, обещанным Хайламом Вискодом, двуличным гетманом Вулла. Кугель в ярости проревел приказ тем, кто стоял внизу, но они не обратили на него внимания. Кугель глубоко втянул в себя воздух: похоже, ему оставалось надеяться только на собственные силы. А как насчет них? Зря, что ли, он был Кугелем Хитроумным? И он начал обдумывать различные способы спуститься с башни.

Шнур, на котором поднималась пища, был слишком тонким. Если его сложить вчетверо, чтобы он выдержал вес Кугеля, шнур опустится в лучшем случае на четверть расстояния до земли. Если разорвать и связать одежду и ремни, можно набрать еще двадцать футов, и он останется болтаться в воздухе. На стержне, поддерживающем купол, не было никакой опоры для ног. Имея соответствующие инструменты и достаточно времени, Кугель мог бы вырубить лестницу, спускающуюся по внешней стороне башни, или даже полностью срубить башню по кусочку и в конце концов превратить ее в короткий обрубок, с которого он мог бы спрыгнуть на землю... Этот проект был совершенно невыполнимым. Кугель в отчаянии повалился на подушки. Теперь все было ясно. Его одурачили. Он был пленником. Как долго предыдущий Дозорный оставался на своем посту? Шестьдесят лет? Перспектива отнюдь не была вдохновляющей.

Фиркс, который был того же мнения, начал яростно пихаться шипами и колючками, увеличивая горести Кугеля.

Так проходили дни и ночи. Кугель погружался в долгие и мрачные раздумья и разглядывал народ Вулла с величайшим отвращением. Время от времени он обдумывал, не ударить ли ему в большой гонг, как был вынужден сделать его предшественник — однако, вспомнив о наказании, Кугель воздержался.

Ему были теперь знакомы все детали города, озера и пейзажа. По утрам густой туман закрывал озеро; через два часа порыв ветра отгонял его в сторону. Водовороты со стоном всасывали воду, закручиваясь то тут, то там, и рыбаки Вулла отваживались отходить от берега лишь чуть дальше, чем на длину своих лодок. Кугель начал узнавать всех жителей деревни

и изучил все их привычки. Марлинка, его вероломная супруга, часто пересекала площадь, но редко, если вообще когда-либо, думала о том, чтобы обратить свой взгляд наверх. Кугель хорошо приметил домик, где она жила, и постоянно следил за ним с помощью оптического устройства. Если она и флиртовала с молодым охотником, ее осмотрительность была просто замечательной, и мрачные подозрения Кугеля так и не были подтверждены весомыми доказательствами.

Качество пищи не улучшилось, и довольно часто о ней забывали совсем. Фиркс был раздражающе настойчивым, и Кугель мерил тесные пределы купола все более неистовыми шагами. Как-то раз, вскоре после заката и после особенно сильного увещевания со стороны Фиркса, Кугель вдруг перестал шагать и остановился как вкопанный. Спуститься с башни было пустяковым делом! Почему он ждал так долго? Действительно, Кугель Хитроумный!

Он разорвал на полоски каждый клочок ткани, который нашел в куполе, и из всего полученного сплел веревку двадцати футов длиной. Теперь нужно было подождать, пока город успокоится: еще час или два.

Фиркс атаковал его еще раз, и Кугель воскликнул вслух:

— Тихо, скорпион, сегодня мы убежим с этой башни! Твои напоминания излишни!

Фиркс прекратил свои нападки, и Кугель пошел осмотреть площадь. Ночь была прохладной и туманной — идеальной для его целей, — и жители Вулла рано улеглись спать.

Кугель осторожно поднял шнур, на котором доставлялась его пища; сложил его вдвое, потом еще вдвое и еще вдвое. Таким образом получился канат, более чем способный выдержать вес человека. Кугель сделал на одном конце петлю, а другой конец крепко привязал к блоку. Потом в последний раз взглянул на горизонт и перелез через перила. Он спустился до конца каната, пролез в петлю и остался сидеть, раскачиваясь, на высоте примерно четырехсот футов над площадью. К одному концу двадцатифутовой веревки он привязал вместо груза свой башмак и после нескольких бросков захлестнул веревкой стержень колонны и подтянулся к нему. С величайшей осторожностью высвободившись из петли и используя

веревку вокруг колонны как тормоз, он медленно соскользнул на землю. Потом он быстро отступил в тень и обулся. Как раз в то время, когда он поднимался на ноги, дверь таверны распахнулась, и оттуда вывалился Хайлам Вискод, пьяный в стельку. Кугель неприятно ухмыльнулся и последовал за шатающимся гетманом в боковую улицу.

Одного удара по затылку вполне хватило. Гетман свалился в канаву. Кугель немедленно навалился на него и ловкими пальцами вытащил ключи. Затем он направился к общественной сокровищнице, открыл дверь, проскользнул внутрь и наполнил мешок драгоценными камнями, монетами, бутылками с дорогими эссенциями, реликвиями и тому подобным.

Вернувшись на улицу, Кугель отнес мешок к пристани у озера и спрятал его под сетью. Теперь он отправился к домику своей супруги Марлинки. Прокравшись вдоль стены, он добрался до открытого окна и, перешагнув через подоконник, оказался в ее комнате.

Она проснулась, ощутив его руки у себя на горле. Когда она попыталась закричать, Кугель сильнее сжал пальцы, и у нее перехватило дыхание.

— Это *я*, — прошипел он. — Кугель, твой супруг! Поднимайся и иди со мной. Первый звук, который ты издашь, будет для тебя последним.

Перепуганная девушка повиновалась. По приказу Кугеля она набросила на плечи плащ и надела туфли.

— Куда мы идем? — прошептала она дрожащим голосом.

— Неважно. А теперь пошли — через окно. И чтоб ни звука!

Стоя на улице в темноте, Марлинка бросила полный ужаса взгляд на башню.

— А кто на страже? Кто охраняет Вулл от Магнаца?

— На страже никого нет, — ответил Кугель. — Башня пуста!

У Марлинки подогнулись колени, она тяжело осела на землю.

— Вставай! — сказал Кугель. — Вставай! Нам нужно идти!

— Но на страже никого нет! Это лишает силы заклинание, наложенное волшебником на Магнаца,

который поклялся, что вернется, как только прекратится бдение.

Кугель поднял девушку на ноги.

— Меня это не касается. Я снимаю с себя всякую ответственность. Разве вы не пытались одурачить меня и принести в жертву? Где мои подушки? Где превосходная пища? А моя супруга — где была ты?

Девушка зарыдала, закрывая лицо руками, а Кугель повел ее к пристани. Он подтянул к себе рыбацкую лодку, приказал Марлинке забираться в нее и забросил внутрь свою добычу.

Отвязав лодку, он вставил весла в уключины и начал выгребать на середину озера. Марлинка была в ужасе.

— Водовороты затянут нас на дно! Ты что, потерял разум?

— Вовсе нет! Я тщательно изучил водовороты и точно знаю границы каждого.

Кугель двигался по поверхности озера к его середине, считая каждый удар весел и наблюдая за звездами.

— Двести шагов к востоку... сто шагов к северу... двести шагов к востоку... пятьдесят шагов к югу...

Так греб Кугель, а справа и слева от них слышались чмокающие звуки закручивающейся в воронку воды. Но потом опустился туман и закрыл звезды, и Кугелю пришлось бросить якорь.

— Все это неплохо, — сказал он. — Мы теперь в безопасности, а между нами еще много невыясненного.

Девушка отпрянула на другой конец лодки. Кугель шагнул на корму и присоединился к ней.

— Вот и я, твой супруг! Неужели ты не испытываешь безмерной радости оттого, что мы наконец одни. Моя комната в таверне была гораздо более удобной, но и лодка сойдет.

— Нет, — прохныкала она. — Не прикасайся ко мне! Церемония не имела значения, это был трюк, чтобы убедить тебя служить Дозорным.

— И, возможно, это продолжалось бы трижды двадцать лет, пока я не ударил бы в гонг от отчаяния?

— Но это не моих рук дело! Я виновата только в том, что веселилась! Но что станет с Вуллом? Никто не стоит на страже, и заклинание утратило силу!

— Тем хуже для вероломных жителей Вулла. Они потеряли свои сокровища, свою самую прекрасную девушку, а когда займется день, на них пойдет войной Магнац.

Марлинка испустила пронзительный вопль, который был заглушен туманом.

— Никогда не произноси это проклятое имя!

— А почему бы и нет? Я прокричу его через все озеро! Я сообщу Магнацу, что заклинание больше не действует, что теперь он может прийти для мести!

— Нет, нет, пожалуйста, нет!

— Тогда ты должна вести себя со мной так, как я рассчитываю.

Девушка, рыдая, повиновалась, и через некоторое время тусклый красный свет, просочившийся сквозь туман, обозначил рассвет. Кугель встал в лодке во весь рост, но все ориентиры были еще скрыты.

Прошел еще час; солнце было теперь высоко. Жители Вулла должны бы уже обнаружить, что их Дозорный исчез, а с ним и сокровища. Кугель тихо хихикнул, и тут ветерок развеял туман, открывая ориентиры, которые он выучил наизусть. Кугель бросился на нос и стал вытаскивать якорную веревку, но, к его раздражению, якорь за что-то зацепился.

Он дернул, напрягся и веревка слегка поддалась. Кугель потянул изо всех сил. Со дна поднялось великое множество пузырей.

— Водоворот! — в ужасе закричала Марлинка.

— Здесь нет водоворотов, — пропыхтел Кугель и дернул еще раз. Веревка, казалось, ослабла, и Кугель начал выбирать ее. Выглянув за борт, он обнаружил, что смотрит в огромное бледное лицо. Якорь зацепился за ноздрю. На глазах у Кугеля веки существа дрогнули и поднялись.

Кугель отбросил в сторону веревку, подскочил к веслам и начал неистово грести к южному берегу.

Рука величиной с дом высунулась из воды, ощупывая воздух. Марлинка закричала. Поднялась мощная волна, чудовищный натиск воды бросил лодку к берегу, как щепку. Магнац приподнялся и сел в центре озера Вулл.

Из деревни донесся звук предупреждающего гонга, яростный перезвон.

Магнац поднялся на колени. Вода и ил стекали с его гигантского тела. Якорь, проткнувший ему ноздрю, все еще висел там, и из раны вытекала густая черная жидкость. Магнац поднял огромную руку и раздраженно шлепнул по лодке. Удар поднял стену воды, которая поглотила лодку и рассыпала сокровища, а Кугель и девушка кубарем скатились в темные глубины озера.

Кугель задрыгал ногами, рванулся и вытолкнул себя на бурлящую поверхность. Магнац поднялся на ноги и глядел в сторону Вулла.

Кугель подплыл к берегу и, пошатываясь, выбрался из воды. Марлинка утонула, и ее нигде не было видно. На другой стороне озера Магнац медленно брел по воде к деревне.

Кугель не стал больше ждать. Он повернулся и изо всех сил побежал вверх по склону горы.

ВОЛШЕБНИК ФАРЕЗМ

Горы остались позади: темные ущелья, горные озера, скалистые вершины, где гуляло эхо, — все это было теперь угольно-черной массой на севере. Некоторое время Кугель брел по краю невысоких округлых холмов, цветом и структурой напоминавших старое дерево, с густыми рощицами сине-черных деревьев вдоль гребня. Потом он нашел едва заметную тропу, которая после долгих извивов привела его на юг и наконец вырвалась на просторную темную равнину. В полумиле справа поднималась линия высоких утесов, немедленно привлекших внимание Кугеля и пронзивших его мучительной болью уже виденного. Он, заинтригованный, уставился на них. Когда-то в прошлом ему были знакомы эти утесы. Когда? Память не давала ответа.

Он устроился отдохнуть на невысокой, покрытой лишайником скале, но тут Фиркс потерял терпение и подбодрил его очередным спазмом. Кугель вскочил на ноги, стеная от усталости и потрясая кулаком в сторону юго-запада, где предположительно находился Олмери.

— Юкуну, Юкуну! Если бы я смог отплатить тебе хотя бы за десятую долю моих обид, мир счел бы меня жестоким!

Он направился по тропе вниз, под холмы, которые поразили его такими жгучими, но в тоже время смутными воспоминаниями. Далеко внизу простиралась равнина, заполняя три четверти горизонта красками, очень похожими на цвета покрытой лишайником скалы, только что покинутой Кугелем: черные заплаты лесов; серая россыпь камней там, где руины заполняли целую долину; невзрачные полосы серо-зеленого, лаванды, серо-коричневого; свинцовый проблеск двух широких рек, исчезающих в дымке у горизонта.

После короткого отдыха у Кугеля только занемели все суставы. Он прихрамывал, и дорожный мешок натирал ему бедро. Еще более мучительным был голод, сжимающий внутренности. Еще один зуб против Юкуну! Правда, Смеющийся Маг снабдил Кугеля амулетом, превращающим такие обычно несъедобные субстанции, как трава, дерево, волосы, земля и тому подобное в питательную пасту. К несчастью — и это могло дать представление о язвительном юморе Юкуну — паста сохраняла вкус исходного вещества, и за время перехода через горы Кугель не пробовал практически ничего, кроме молочая, белокрыльника, стручков акации, дубовых прутьев и дубильных орешков, а однажды, когда не было совсем ничего другого, некие отбросы, найденные в пещере бородатого фавна. Кугель ел по минимуму; его длинная худощавая фигура стала изможденной; скулы выступали, как жабры, черные брови, некогда выгибавшиеся столь самодовольно, теперь лежали плоско и безжизненно. Да, да, Юкуну должен был за многое ответить! И Кугель по дороге обсуждал сам с собой, какой именно будет его месть, если когда-нибудь он отыщет путь назад, в Олмери.

Тропа свернула вниз, на широкую каменистую равнину, где ветер вытесал тысячи гротескных фигур. При осмотре местности Кугелю показалось, что он видит среди выветренных форм некую закономерность. Он приостановился и оценивающе потер свой длинный подбородок. Рисунок улавливался с большим трудом — по правде сказать, он был настолько трудно-

уловимым, что Кугель задумался, не является ли он порождением его собственных фантазий. Подойдя поближе, Кугель различил новые сложные детали: извивы, ответвления, завитки; диски, седловины, скрученные сферы; складки и изгибы; веретена, кардиоиды, остроконечные копьеобразные выступы; самая трудоемкая, кропотливая и замысловатая резьба по камню, какую только можно было представить, — вне всякого сомнения, отнюдь не случайные усилия стихий. Кугель озадаченно нахмурился, не в состоянии представить себе мотивы столь сложного предприятия.

Он пошел дальше и мгновение спустя услышал голоса и звяканье инструментов. Он застыл на месте, внимательно прислушиваясь, потом двинулся дальше и наткнулся на группу примерно из пятидесяти человек, рост которых колебался от трех дюймов до более чем двенадцати футов. Кугель осторожно, крадучись, приблизился. Но, бросив на Кугеля один взгляд, работники перестали обращать на незнакомца внимание, продолжая долбить, высверливать, процарапывать, зондировать и полировать с преданностью и рвением.

Кугель наблюдал за ними несколько минут, потом подошел к мастеру, человеку трех футов ростом, который стоял за кафедрой и сверялся с разложенными перед ним планами, сравнивая их с ведущимися работами при помощи хитроумного оптического устройства. Он, казалось, замечал все сразу, выкрикивая инструкции, отчитывая, предостерегая от ошибок, наставляя менее искусных в обращении с инструментами. Для пояснения своих замечаний он использовал невероятно удлиняющийся указательный палец, который вытягивался на тридцать футов, чтобы постучать по участку скалы, быстро нацарапать схему и потом с такой же скоростью втянуться обратно.

Мастер отступил назад на пару шагов, временно удовлетворенный производимой работой, и Кугель шагнул вперед.

— Что это за замысловатые усилия и какова их цель?

— Работа такая, как ты видишь, — ответил мастер пронзительным и звучным голосом. — Из природных скал мы высекаем определенные фигуры по требованию волшебника Фарезма... Эй! Эй! — Крик

был адресован человеку ростом на три фута выше Кугеля, бьющему по камню заостренной колотушкой. — Я замечаю чрезмерную самонадеянность!

Указательный палец выстрелил вперед.

— Будь очень осторожен на этом стыке; видишь, как легко тут крошится камень. Нанеси здесь удар шестой степени интенсивности по вертикали с помощью полусильной хватки. В этой точке удар четвертой степени интенсивности по направлению к паху. Потом используй рашпиль калибра одна четверть, чтобы убрать неровности.

Когда работа снова пошла так, как требовалось, он занялся изучением своих планов, покачивая головой и недовольно хмурясь.

— Слишком медленно! Резчики работают, словно в наркотическом дурмане, или же проявляют ослиную тупость. Только вчера Дадио Фессадиль — вон тот, трех локтей ростом, с зеленым платком, использовал для того, чтобы проделать отверстие в бусине небольшого вывернутого четырехлистника, замораживающий стержень девятнадцатого калибра.

Кугель удивленно покачал головой, словно никогда не слышал о такой вопиющей ошибке, и спросил:

— А чем побуждается эта неумеренная рубка камня?

— Не могу сказать, — ответил мастер. — Работы идут здесь триста и восемнадцать лет, но за это время Фарезм ни разу не объяснил своих мотивов. Они должны быть точными и определенными, потому что он проводит осмотр каждый день и сразу указывает на ошибки.

Тут он повернулся в сторону, чтобы проконсультироваться с человеком, едва доходившим Кугелю до колена. Тот высказывал сомнения насчет глубины некоего завитка. Мастер, справившись в указателе, разрешил проблему. Потом он снова повернулся к Кугелю, на этот раз откровенно оценивая его.

— Ты кажешься проницательным и ловким человеком. Не хотел бы ты наняться на работу? Нам не хватает нескольких резчиков категории пол-локтя или, если ты предпочитаешь занятие, требующее большего проявления силы, то нам как раз бы пригодился ученик камнедробильщика ростом шестнадцать локтей. Твой рост легко приспособить в обоих направлениях, а перспективы для продвижения тут и там

одинаковы. Как ты видишь, я отношусь к категории четырех локтей. Я достиг положения Наносящего Удары за один год, Создающего Формы — за три, Помощника Щебенщика — за десять и уже девятнадцать лет служу Главным Щебенщиком. Мой предшественник был из категории двух локтей, а до него Главный Щебенщик был ростом десять локтей.

Он продолжал перечислять преимущества работы, которые включали в себя питание, кров, отборные наркотики, привилегии нимфария, оклад от десяти терций в день и различные другие блага, в том числе услуги Фарезма как гадальщика и изгоняющего бесов.

— Кроме того, Фарезм содержит на свои средства академию, где все могут обогатить свой разум. Я, например, обучаюсь Идентификации Насекомых, Геральдике Королей Древнего Гомаза, Пению в Унисон, Практической каталепсии и Ортодоксальной Доктрине. Ты никогда не найдешь более щедрого хозяина, чем Волшебник Фарезм!

Кугель подавил улыбку при виде энтузиазма Главного Щебенщика. Однако в животе у него бурчало от голода, и он не стал сразу отвергать это предложение.

— Я никогда раньше не думал о подобной карьере, — сказал он. — Ты перечислил преимущества, которые были мне не известны.

— Это так. О них знают немногие.

— Я не могу сразу же сказать «да» или «нет». Это ответственное решение, и я думаю, что мне следует обдумать его со всех сторон.

Главный Щебенщик кивнул с выражением полного согласия.

— Мы поощряем осмотрительность у наших работников, так как каждый удар должен достигать желаемого эффекта. Для того чтобы исправить неточность размером не больше толщины ногтя, приходится убирать целый блок и вставлять новый блок в гнездо от старого, после чего все начинается заново. До тех пор пока работа не достигнет той же стадии, что была раньше, всем рабочим отказывается в привилегиях нимфария. Следовательно, мы не хотим, чтобы к группе присоединялись неблагоразумные или порывистые новички.

Фиркс, внезапно встревожившись, что Кугель предлагает задержку, выразил свой протест самым жут-

ким образом. Кугель, схватившись за живот, отошел в сторону и на глазах недоумевающего Главного Щебенщика завел жаркий спор с Фирксом.

— Как я могу идти дальше без пищи?

Ответом Фиркса было колющее движение шипов.

— Это невозможно! — воскликнул Кугель. — Амулета Юкуну теоретически достаточно, но я больше не могу переваривать молочай. Помни, если я упаду мертвым прямо на дороге, ты никогда не встретишься со своим братом в бочке Юкуну!

Фиркс убедился в справедливости этого аргумента и неохотно успокоился. Кугель вернулся к кафедре, но Главный Щебенщик в это время отвлекся находкой большого турмалина, препятствующего изгибу некой сложной спирали. Наконец Кугелю удалось завладеть его вниманием.

— Пока я взвешиваю предложение о найме на работу и противоречивые преимущества уменьшения и удлинения, мне понадобится ложе, на котором я мог бы прилечь. Я желаю также испробовать описанные тобой привилегии в течение, наверное, дня, а может, и больше.

— Твоя осторожность похвальна, — заявил Главный Щебенщик. — Люди в наше время имеют обыкновение с ходу соглашаться на действия, о которых они позже сожалеют. Все было не так в дни моей юности, когда преобладали умеренность и рассудительность. Я устрою тебе допуск на жилую территорию, где ты сможешь убедиться в истинности всего, о чем я говорил. Ты обнаружишь, что Фарезм строг, но справедлив, и только у тех, кто обтесывает камень без всякой охоты, есть причины для жалоб. Но посмотри! Вот Волшебник Фарезм идет на свой ежедневный осмотр!

Вверх по тропе поднимался человек внушительного роста в просторных белых одеждах. Выражение его лица было благодушным, волосы похожи на желтый пух, — глаза обращены к небу, словно он был поглощен созерцанием чего-то несказанно возвышенного. Его руки были степенно сложены на груди. Он передвигался, не шевеля ногами. Рабочие, сняв шапки и кланяясь в унисон, нараспев произнесли уважительное приветствие, на которое Фарезм ответил наклоном головы. Завидев Кугеля, он приостановился, быстро

оглядел работу, которая была завершена к этому времени, а потом неторопливо заскользил к кафедре.

— Все, кажется, сделано с приемлемой точностью, — сказал он Главному Щебенщику. — По-моему, полировка на нижней стороне Наружной Проекции 56-16 не совсем ровная, и я разглядел крошечный скол на вторичной опояске девятнадцатого выступа. Ни одно из этих обстоятельств, по-видимому, не имеет большого значения, и я не буду рекомендовать принятие дисциплинарных мер.

— Недостатки будут устранены, а на неосторожных работников наложено взыскание — это по меньшей мере! — с гневом и страстью воскликнул Главный Щебенщик. — А сейчас я хочу представить тебе возможное пополнение нашей рабочей силы. Он заявляет, что у него нет опыта по данной части, и он хочет подумать, прежде чем присоединиться к нашей группе. Если он изберет вступление в наши ряды, я предвижу обычный срок в качестве собирателя мусора, до того как ему будет доверена заточка инструментов и предварительная раскопка.

— Да, это соответствовало бы нашей обычной практике. Однако...

Фарезм легко скользнул вперед, взял левую руку Кугеля и провел быстрое гадание по ногтям. Его благодушное лицо стало задумчивым.

— Я вижу противоречия четырех видов. Тем не менее очевидно, что лучше всего твои способности будут проявляться где-нибудь в другом месте, а не в обработке камня и придании ему формы. Я советую тебе поискать другое, более подходящее для тебя занятие.

— Хорошо сказано! — вскричал Главный Щебенщик. — Волшебник Фарезм демонстрирует свой непогрешимый альтруизм! Для того чтобы не отстать от него, я беру назад свое предложение о найме на работу! Поскольку теперь бессмысленно было бы устраиваться на ложе или проверять соответствующие привилегии, тебе не нужно будет больше тратить твое незаменимое время.

Кугель скорчил кислую гримасу.

— Такое поверхностное гадание вполне может быть неточным.

Главный Щебенщик вытянул указательный палец на тридцать футов вверх в знак оскорбления и протеста, но Фарезм мирно кивнул:

— Это совершенно правильно, и я с радостью выполню более подробное гадание, хотя процесс потребует от шести до восьми часов.

— Так долго? — изумленно спросил Кугель.

— Это только необходимый минимум. Прежде всего тебе нужно будет обмотаться с ног до головы внутренностями свежеубитых сов, потом погрузиться в теплую ванну, содержащую некоторое количество тайных органических субстанций. Мне придется, конечно, сжечь мизинец твоей левой ноги и расширить твой нос так, чтобы в него мог пролезть жук-исследователь, который должен будет изучить пути, ведущие к сосредоточению твоих чувств. Давай вернемся ко мне в гадальню, чтобы иметь возможность начать процесс как можно быстрее.

Кугель, раздираемый сомнениями, пощипал себя за подбородок. Наконец он сказал:

— Я человек осторожный, и должен поразмыслить даже о том, стоит ли предпринимать подобное гадание. Следовательно, мне потребуется несколько дней покоя и созерцательной дремы. Жилая территория для твоих рабочих и прилегающий к ней нимфарий, по-видимому, предоставляют условия, необходимые для такого состояния. Следовательно...

Фарезм снисходительно покачал головой.

— Осторожность, как и любая другая добродетель, может быть доведена до предела. Гадание должно начаться немедленно.

Кугель попытался еще поспорить, но Фарезм был непреклонен и вскоре заскользил прочь вниз по тропе.

Кугель безутешно отошел в сторону, чтобы обдумать парочку уловок. Солнце приближалось к зениту, и рабочие начали гадать, какие блюда им подадут на обед. Наконец Главный Щебенщик подал знак. Все положили свои инструменты и собрались вокруг повозки, которая привезла пищу.

Кугель шутливо крикнул, что он может поддаться на уговоры и разделить с ними трапезу, но Главный Щебенщик не хотел и слышать об этом:

— Как и во всех других действиях Фарезма, здесь должна преобладать точность. Это будет неслыханным

отклонением от нормы, если пятьдесят четыре человека поглотят пищу, предназначенную для пятидесяти трех.

Кугель не смог придумать уместного ответа и сидел в молчании, пока резчики камня жевали пироги с мясом, сыр и соленую рыбу. Никто не обращал на него внимания, за исключением одного человечка в четверть локтя ростом, чья щедрость намного превышала его рост и который хотел было оставить Кугелю некоторую часть своей пищи. Кугель ответил, что он вовсе не голоден и, поднявшись на ноги, побрел прочь через стройку, надеясь отыскать какой-нибудь забытый тайник с пищей.

Он рыскал тут и там, но сборщики мусора убрали все вещества, чуждые рисунку, до последней крошки. Так и не удовлетворив свой аппетит, Кугель добрался до центра работ, где заметил на одном резном диске очень странное распластанное существо: по сути это был студенистый шар, в котором плавали светящиеся частицы. Из них выходило множество прозрачных трубок или щупалец, истончающихся к концу и сходящих на нет. Кугель нагнулся, чтобы осмотреть существо, пульсирующее в медленном внутреннем ритме. Он потыкал в него пальцем, и из места соприкосновения кругами рассыпались маленькие яркие искорки. Интересно: существо с уникальными способностями!

Кугель вытащил из одежды булавку и ткнул ей в одно из щупалец. Оно запульсировало жалобным светом, а золотистые крапинки исчезли, потом снова вернулись. Заинтригованный более, чем когда бы то ни было, Кугель придвинулся поближе и начал экспериментировать, тыча то туда, то сюда и с величайшей заинтересованностью наблюдая за сердитыми искрами и вспышками.

Потом ему в голову пришла новая мысль. Существо проявляло качества, напоминающие как о кишечнополостных, так и об иглокожих. Наземная голотурия? Моллюск, лишенный раковины? И что самое важное, съедобно ли оно?

Кугель вынул свой амулет и приложил его к центральному шару и к каждому щупальцу. Он не услышал ни звона, ни гудения: существо было неядовитым. Он вытащил нож и попытался отрезать одно из щупалец, но обнаружил, что оно было слишком

упругим и жестким. Неподалеку стояла жаровня, в которой поддерживался огонь для выковывания и заточки инструментов. Кугель поднял существо за два щупальца, перенес его к жаровне и пристроил на огонь. Он осторожно попробовал его, и когда ему показалось, что оно достаточно зажарилось, Кугель попытался его съесть. В конце концов, после многочисленных и унизительных усилий, Кугель запихал его целиком себе в рот, обнаружив при этом, что существо не имело ни вкуса, ни сколько бы то ни было заметной питательности.

Камнерезы возвращались к своей работе. Кугель бросил многозначительный взгляд на мастера и направился вниз по тропе.

Недалеко стояло жилище Волшебника Фарезма: длинное низкое здание из переплавленного камня, на котором поднималось восемь куполов странной формы из меди, слюды и ярко-синего стекла. Сам Фарезм праздно сидел перед жилищем, обозревая долину с безмятежным и всеохватывающим великодушием. Он поднял руку в спокойном приветствии:

— Я желаю тебе приятных путешествий и успеха во всех будущих начинаниях.

— Я, естественно, ценю твои чувства, — с некоторой горечью ответил Кугель. — Однако ты мог бы оказать мне более существенную услугу, разделив со мной свою полуденную трапезу.

Мирное благодушие Фарезма осталось неизменным.

— Это было бы актом ошибочного альтруизма. Чересчур обильная щедрость развращает получающего и исчерпывает его ресурсы.

Кугель горько рассмеялся.

— Я человек железных принципов и не стану жаловаться, хотя, за неимением лучшей пищи, был вынужден проглотить огромное прозрачное насекомое, которое нашел в центре твоего скального орнамента.

Фарезм резко повернулся к нему с внезапно напряженным выражением на лице.

— Ты говоришь, большое прозрачное насекомое?

— Насекомое, грибок, моллюск — кто знает? Оно не было похоже ни на одно существо, которое я видел до сих пор, а его вкус даже после тщательного прожаривания на жаровне был совершенно неразборчивым.

Фарезм взмыл на семь футов в воздух, чтобы обратить всю силу своего взгляда вниз, на Кугеля. Он заговорил низким хриплым голосом:

— Опиши это существо во всех деталях!

Недоумевая по поводу строгости Фарезма, Кугель повиновался.

— Оно было таким-то и таким-то по размерам. — Он показал руками. — По цвету это было что-то студенисто-прозрачное, переливающееся бесчисленными золотистыми крапинками. Они мерцали и пульсировали, если существо было потревожено. Щупальца, казалось, становились все более тонкими и исчезали, а не просто оканчивались. Существо выказывало определенную мрачную решимость, и переваривание его оказалось затруднительным.

Фарезм схватился за голову, впиваясь пальцами в желтый пушок своих волос, закатил глаза вверх и испустил трагический вопль.

— Ах! Пятьсот лет трудился я, чтобы заманить это существо, отчаиваясь, сомневаясь, размышляя по ночам, однако все же не оставляя надежды, что мои расчеты были точными, а мой великий талисман — действенным. И теперь, когда оно наконец появилось, ты нападаешь на него безо всяких иных причин, кроме как для того, чтобы удовлетворить свою отвратительную прожорливость!

Кугель, слегка обескураженный гневом Фарезма, стал уверять, что у него не было дурных намерений. Но Фарезма невозможно было успокоить. Он указал на то, что Кугель нарушил границы чужих владений и, следовательно, лишился права заявлять о своей невиновности.

— Самое твое существование — это зло, которое усугубляется тем, что ты довел сей неприятный факт до моего сведения. Благодушие побудило меня к снисходительности, что, как я вижу теперь, было серьезной ошибкой.

— В таком случае, — с достоинством заявил Кугель, — я немедленно избавлю тебя от своего присутствия. Я желаю тебе удачи на остаток дня, а теперь — прощай.

— Не так быстро, — сказал Фарезм как нельзя более холодным голосом. — Была нарушена точность. Совершенное зло требует противодействия, которое

могло бы восстановить в силе Закон Равновесия. Я могу определить серьезность твоего проступка следующим образом: если бы я разорвал тебя в этот момент на мельчайшие частицы, то возмещение составило бы одну десятимиллионную долю от преступления. Поэтому требуется более суровое возмездие.

Кугель в глубоком отчаянии заговорил:

— Я понимаю, что был совершен проступок, и последствия его значительны, но вспомни о том, что мое участие было по сути своей случайным! Я категорически провозглашаю, во-первых, свою полнейшую невиновность; во-вторых, отсутствие преступных намерений; и, в-третьих, приношу тебе самые искренние извинения. А теперь, поскольку мне необходимо пройти еще много лиг, я...

Фарезм остановил его повелительным жестом. Кугель умолк. Фарезм глубоко втянул в себя воздух.

— Ты не можешь осознать бедствие, которое навлек на меня. Я объясню, чтобы ты не был удивлен строгостями, которые тебя ожидают. Как я уже мимоходом упоминал, появление этого существа было кульминацией моих титанических усилий. Я определил его природу, проштудировав сорок две тысячи книг, каждая из которых была написана шифром: задача, потребовавшая для исполнения сотню лет. В течение еще ста лет я разрабатывал узор, способный притянуть это существо к себе, и подготавливал точные инструкции. Потом я собрал камнерезов и в течение трех сотен лет придавал своему узору осязаемую форму. Поскольку подобное определяет категорию подобного, варианты и взаимозависимости создают условия для суперпревращения всех областей, качеств и интервалов в кристалло-тороидальный вихрь и в конце концов потенциируют проубиквитарное выпадение. Сегодня произошло сцепление событий; «существо», как ты его называешь, схлопнулось само в себе; а ты, по своей глупости и злобе, сожрал его.

Кугель с оттенком высокомерия в голосе указал на то, что «глупость и злоба», о которых упоминал волшебник, были в действительности обыкновенным голодом.

— И что такого необычного в этом «существе»? В любой рыбацкой сети можно найти кучу других, столь же уродливых.

Фарезм выпрямился в полный рост и свирепо глянул сверху вниз на Кугеля.

— Это «существо», — сказал он скрежещущим голосом, — это ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ. Центральный шар — это все пространство, увиденное с изнанки. Трубки — это вихревые переходы в различные эпохи, и просто невозможно предположить, какие ужасные процессы ты вызвал своими толчками и тыканьем, своим поджариванием и жеванием!

— А как насчет последствий переваривания? — осторожно спросил Кугель. — Останутся ли различные компоненты пространства, времени и существования теми же самыми, пройдя по всей длине моего пищеварительного тракта?

— Пф! Подобное представление бессодержательно. Достаточно сказать, что ты нанес ущерб и вызвал серьезное напряжение онтологической ткани. Отсюда неумолимо следует, что ты обязан восстановить равновесие.

Кугель протянул к нему руки.

— Неужели не может быть, что произошла ошибка? Что это «существо» было всего лишь псевдо-ВСЕОБЩЕЙ СУЩНОСТЬЮ. И неужели нельзя предположить, что можно каким-то способом приманить сюда «существо» еще раз?

— Первые две теории абсолютно несостоятельны. Что же касается последней, должен сознаться, что некоторые отчаянные средства приходят мне в голову.

Фарезм сделал знак, и ноги Кугеля приросли к земле.

— Я должен пойти к себе в гадальню и осознать значимость этих горестных событий во всей полноте. Я вернусь, когда придет время.

— К этому времени я ослабею от голода, — беспокойно сказал Кугель. — И ведь действительно, корка хлеба и кусочек сыра могли бы предотвратить все эти события, за которые ты меня теперь упрекаешь.

— Молчать! — прогремел Фарезм. — Не забывай, что твое наказание еще не определено. Это верх бесстыдства и безрассудства — угрожать человеку, который и так борется с собой, чтобы сохранить разумное спокойствие!

— Позволь мне сказать хотя бы пару слов, — ответил Кугель. — Если ты вернешься после своего

гадания и обнаружишь меня здесь на траве мертвым и иссохшим, выйдет, что ты зря потратил большое количество времени на определение моего наказания.

— В возвращении жизненной силы нет ничего сложного, — сказал Фарезм. — В твой приговор вполне может войти целый ряд различных смертей, являющихся результатом контрастирующих процессов.

Он направился было к своей гадальне, но потом вернулся и сделал нетерпеливый жест рукой:

— Идем. Легче накормить тебя, чем потом возвращаться за тобой на дорогу.

Ноги Кугеля вновь обрели свободу, и он последовал за Фарезмом через широкую арку в гадальню. В просторной комнате со скошенными серыми стенами, освещенной трехцветными многогранниками, Кугель поглощал пищу, которую сотворил Фарезм. А сам волшебник в это время уединился в рабочей комнате, где занялся своими гаданиями. По мере того как шло время, Кугель начал беспокоиться и три раза подходил к арочному входу. Каждый раз его задерживало Явление, которое показалось сначала в облике набрасывающегося вурдалака, потом как зигзагообразная вспышка энергии и, наконец, как два десятка сверкающих пурпурных ос.

Обескураженный, Кугель подошел к лавке и стал ждать, положив локти на свои длинные ноги и подперев ладонями подбородок.

Фарезм наконец появился снова. Его одежды были помятыми, а легкий желтый пушок волос вздыбился и торчал множеством маленьких иголочек. Кугель медленно поднялся на ноги.

— Я установил местонахождение ВСЕОБЩЕЙ СУЩНОСТИ, — сказал Фарезм голосом, подобным ударам огромного гонга. — Освободившись в возмущении из твоего желудка, она удалилась на миллион лет в прошлое.

Кугель с торжественным видом покачал головой.

— Позволь мне предложить свое сочувствие и свой совет, который звучит так: не отчаивайся! Возможно, «существо» решит снова заглянуть сюда.

— Кончай болтать! Необходимо вернуть ВСЕОБЩУЮ СУЩНОСТЬ. Идем.

Кугель неохотно последовал за Фарезмом в небольшую комнату со стенами, облицованными голубой

плиткой, и потолком в виде высокого купола из синего и оранжевого стекла. Фарезм указал на черный диск в центре пола:

— Встань туда.

Кугель мрачно повиновался.

— В некотором смысле я чувствую, что...

— Молчать! — Фарезм шагнул вперед. — Обрати внимание на этот предмет!

Он продемонстрировал сферу размером с два кулака, исключительно тонко вырезанную из слоновой кости.

— Здесь ты видишь узор, который явился основой для моей великой работы. Он выражает символическое значение АБСОЛЮТНОГО НИЧТО, к которому по необходимости должна притягиваться ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ, согласно Второму Закону Круптороидального Подобия Крэтинджея. Возможно, ты знаком с этим Законом?

— Не во всех деталях, — сказал Кугель. — Но могу я спросить, каковы твои намерения?

Губы Фарезма шевельнулись в холодной усмешке.

— Я собираюсь испробовать одно из наиболее действенных заклинаний, которые когда-либо были созданы: заклинание столь капризное, жестокое и чреватое такими последствиями, что Фандааль, Старший Волшебник Великого Мотолама, запретил его использование. Если я смогу обуздать его, ты будешь перенесен на миллион лет в прошлое. Там ты будешь находиться, пока не выполнишь свою миссию, после чего сможешь вернуться.

Кугель быстро сошел с черного диска.

— Я не тот человек, который нужен для выполнения этой миссии, какой бы она ни была. Я настоятельно рекомендую тебе послать кого-нибудь другого!

Фарезм проигнорировал его увещевание.

— Миссия, естественно, состоит в том, чтобы ввести этот символ в контакт с ВСЕОБЩЕЙ СУЩНОСТЬЮ.

Он достал клубок перепутанных серых нитей.

— Для того чтобы облегчить твои поиски, я наделю тебя этим инструментом, который соотносит

все возможные вокабулы с каждой мыслимой системой значений.

Он сунул переплетение нитей в ухо Кугеля, где клубок тут же соединился с нервом, ответственным за выражение созвучий.

— А теперь, — сказал Фарезм, — тебе стоит послушать незнакомый язык в течение всего лишь трех минут, чтобы начать свободно изъясняться на нем. И еще один предмет, необходимый для увеличения шансов на успех: это кольцо. Обрати внимание на камень: если ты приблизишься к ВСЕОБЩЕЙ СУЩНОСТИ на расстояние лиги, огоньки, вспыхивающие внутри камня, укажут тебе путь. Тебе все понятно?

Кугель нехотя кивнул.

— Но нужно подумать о другом. Предположим, что твои расчеты неточны и что ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ вернулась в прошлое только на девятьсот тысяч лет: что тогда? Я что, должен буду прожить всю свою жизнь в этой, возможно варварской, эпохе?

Фарезм недовольно нахмурился.

— В подобной ситуации возможна ошибка в десять процентов. Моя система вычислений редко позволяет отклонение больше чем на один процент.

Кугель начал делать подсчеты, но тут Фарезм указал ему на черный диск.

— Назад! И не смей больше сходить с него, или тебе же будет хуже!

Кугель, обливаясь потом, с дрожащими и подгибающимися коленями, вернулся на указанное ему место.

Фарезм отошел в дальний конец комнаты, где ступил внутрь кольца, свернутого из золотых трубочек, которые взметнулись вверх по спирали и охватили его тело. Он взял со стола четыре черных диска и начал перетасовывать их и жонглировать ими с такой фантастической ловкостью, что они слились у Кугеля в глазах в одно неясное пятно. Наконец Фарезм отбросил диски прочь; они повисли в воздухе, вращаясь и кружась и постепенно перемещаясь по направлению к Кугелю.

Потом Фарезм взял белую трубку, плотно прижал ее к губам и проговорил волшебные слова. Трубка утолщилась, раздулась и превратилась в огромный шар. Фарезм закрутил конец, громогласно прокричал заклинание и швырнул шар на вращающиеся диски, и все взорвалось. Кугеля окружило, схватило, дернуло

во всех направлениях, потом сжало с той же силой: окончательным результатом был толчок в направлении, противоположном всем остальным с импульсом, эквивалентным прошествию миллиона лет. Среди слепящих огней и искаженных образов Кугель был перенесен за пределы своего сознания.

* * *

Кугель очнулся в сиянии золотисто-оранжевого солнечного света, такого яркого, каким Кугель его никогда раньше не видел. Он лежал на спине и глядел вверх, в небо, теплое и синее, более светлое и мягкое, чем небо цвета индиго собственного времени Кугеля.

Он ощупал свои руки и ноги и, не обнаружив повреждений, сначала сел, а потом медленно поднялся, моргая от непривычно яркого света.

Топография почти не изменилась. Горы к северу были более высокими и более суровыми, и Кугель не мог определить путь, по которому он пришел (или, точнее, по которому он придет). На месте Фарезмовой стройки сейчас был невысокий лес перистых зеленых деревьев, на которых висели гроздьи красных ягод. Долина была такой же, как и раньше, хотя реки текли по другим руслам, а вдали были видны три больших города. Воздух, поднимающийся из долины, доносил до Кугеля странный терпкий запах, смешанный с древними испарениями, исходящими от праха и плесени. Кугелю показалось, что вокруг висит какая-то, почти ощутимая, странная печаль. По правде говоря, он подумал, что слышит музыку: медленную жалобную мелодию, такую печальную, что на глаза Кугелю навернулись слезы. Он попытался отыскать источник музыки, но она тут же начала затихать и умолкла, и только тогда, когда он перестал вслушиваться, вернулась снова.

Кугель в первый раз посмотрел на утесы, поднимающиеся на западе, и теперь чувство «уже виденного» было сильнее, чем когда-либо. Он озадаченно подергал себя за подбородок. Этот раз был на миллион лет раньше того, второго, случая, когда он видел эти утесы, следовательно, по определению, должен был быть первый. Но это был одновременно и второй раз,

потому что Кугель хорошо помнил свою первую встречу с этими утесами. С другой стороны, логику времени нельзя было оспорить, и с этой точки зрения данный пейзаж предшествовал тому, другому. «Парадокс, — подумал Кугель, — настоящая загадка!» Какая же встреча послужила фоном для пронизывающего ощущения, которое он испытал в обоих случаях?

...Кугель оставил эту тему как бесплодную и начал поворачиваться, когда его глаз уловил какое-то движение. Он снова взглянул вверх вдоль стены утесов, и воздух внезапно наполнился музыкой, которую он слышал раньше, музыкой тоски и возвышенного отчаяния. Кугель застыл в изумлении. Большое крылатое существо в белых одеждах летело на огромной высоте вдоль стены утесов. Его крылья были длинными, с ребрами из черного хитина, покрытого серой перепонкой. Кугель благоговейно наблюдал за тем, как существо спикировало в пещеру высоко на лицевой поверхности утеса.

Прозвучал гонг. Кугель не смог разобрать, с какой стороны. Обертоны заставили воздух содрогнуться, а когда они затихли, неведомая музыка стала почти слышимой. Вдали, над равниной, появилось одно из Крылатых Существ, несущее человеческую фигуру, пол и возраст которой Кугель не мог определить. Существо зависло в воздухе рядом с утесом и уронило свою ношу. Кугелю показалось, что он слышит слабый крик, а музыка была печальной, величественной, звучной. Тело, казалось, медленно падало с большой высоты и наконец ударилось об основание утеса. Крылатое Существо, избавившись от своего груза, скользнуло к карнизу у вершины утеса. Там оно сложило крылья и стояло, почти как человек, глядя вниз, на долину.

Кугель отпрянул за скалу. Заметили ли его? Он не мог быть уверенным. Он глубоко вздохнул. Этот печальный золотистый мир прошлого был ему не по душе. Чем скорее он сможет покинуть его, тем лучше. Он осмотрел кольцо, которым снабдил его Фарезм, но блестящий камень был похож на матовое стекло, и в нем не было тех мечущихся искорок, которые должны были указывать направление ко ВСЕОБЩЕЙ СУЩНОСТИ. Этого-то Кугель и боялся. Фарезм ошибся в

своих расчетах, и Кугель никогда не сможет вернуться в свое собственное время.

Звук хлопающих крыльев заставил Кугеля взглянуть в небо, он отскочил назад, и, как мог, укрылся за скалой. Горестная музыка разрослась и утихла со вздохом, когда в лучах заходящего солнца крылатое существо зависло рядом с утесом и уронило свою жертву. Потом оно, сильно хлопая крыльями, приземлилось на карнизе и вошло в пещеру.

Кугель поднялся на ноги и, пригибаясь, побежал вниз по тропе сквозь янтарные сумерки.

Вскоре тропа нырнула в небольшую рощу, и здесь Кугель остановился, чтобы перевести дыхание, а потом продолжил путь более осмотрительно. Он пересек полоску возделанной земли, на которой стояла пустая хижина. Кугель подумал было о ней как об укрытии на ночь, но ему показалось, что изнутри за ним наблюдает какая-то темная фигура, и он прошел мимо.

Тропа вела прочь от утесов, через холмистые низины, и незадолго до того, как сумерки уступили место ночи, Кугель набрел на деревню, стоящую на берегу пруда.

Он подкрался к ней с опаской, но приободрился, увидев признаки опрятности и умелого хозяйствования. В парке рядом с прудом стоял павильон, предназначенный, вероятно, для музыкальных представлений и выступлений мимов или декламаторов. Парк окружали небольшие узкие домики с высокими фронтонами, коньки домов поднимались декоративными зубцами. Напротив пруда стояло более крупное здание с нарядным фасадом, здесь дерево перемежалось пластинками эмали красного, синего и желтого цветов. Три высоких фронтона служили зданию крышей; центральный конек поддерживал панель со сложным резным узором, в то время как на боковых были установлены ряды маленьких круглых синих светильников. Перед зданием стояла просторная беседка, укрывающая под своей сенью лавки, столы и свободное пространство. Все это было освещено красными и зелеными фонариками. Здесь отдыхали жители городка, вдыхая благовония и потягивая вино, в то время как юноши и девушки, высоко подбрасывая ноги,

выделывали па эксцентричного танца под аккомпанемент волынок и концертино.

Осмелев при виде этой мирной сцены, Кугель подошел к беседке. Жители деревни принадлежали к типу, который никогда не встречался Кугелю раньше — невысокого роста, с крупными, в большинстве случаев, головами и длинными беспокойными руками. Их кожа имела сочный тыквенно-оранжевый цвет; глаза и зубы были черными; волосы, тоже черные, у мужчин гладко свисали вниз вдоль щек, заканчиваясь бахромой из синих бусинок, а женщины обкручивали их вокруг белых колец и крючков, в результате чего получались прически жуткой сложности. Челюсти и скулы этих людей были тяжелыми; длинные, широко расставленные глаза смешно выступали наружу. Носы и уши были длинными и хорошо подчинялись движению мышц, что придавало лицам большую живость. Мужчины носили черные юбки с оборками и коричневые кафтаны, а головные уборы состояли из широкого черного диска, черного цилиндра и еще одного диска, поменьше размером, к которому крепился позолоченный шар. На женщинах были черные штаны и коричневые жакеты с эмалевыми дисками у пупка, а на каждой ягодице был прикреплен искусственный хвост из зеленых или красных перьев, возможно указание на семейное положение.

Кугель шагнул в круг света. Все разговоры немедленно прекратились. Носы застыли в неподвижности, глаза уставились на пришельца, уши любопытно зашевелились. Кугель улыбнулся направо и налево, помахал руками в галантном всеохватывающем приветствии и сел за пустой столик.

За некоторыми столами послышалось изумленное перешептывание, слишком тихое, чтобы достичь ушей Кугеля. Вскоре один из пожилых горожан поднялся и, подойдя к столику Кугеля, проговорил что-то. Слов Кугель не разобрал, потому что из-за недостаточного объема информации Фарезмово приспособление пока еще не смогло определить смысл фраз. Кугель вежливо улыбнулся и широко развел руки жестом, выражающим доброжелательную беспомощность. Старец заговорил снова, несколько более резким голосом, и снова Кугель показал, что не способен понять его. Старец резко и неодобрительно дернул ушами и отвернулся.

Кугель подал знак хозяину, указал на вино и хлеб на ближайшем столе и обозначил свое желание, чтобы ему принесли то же самое.

Хозяин высказал вопрос, который, при всей его невразумительности, Кугель смог истолковать. Он вытащил золотую монету, и хозяин, удовлетворенный, повернулся прочь.

За столиками возобновились разговоры, и довольно скоро звуки обрели для Кугеля смысл. Наевшись и напившись, он поднялся на ноги и подошел к столу того старца, который первым заговорил с ним. Кугель уважительно поклонился.

— Позволишь ли ты присоединиться к твоему столику?

— Конечно, если таково твое желание. Садись. — Старец указал ему место. — Из твоего поведения я заключил, что ты не только глух и нем, но еще и страдаешь умственной отсталостью. Теперь ясно, по крайней мере, что ты можешь слышать и говорить.

— Заверяю тебя также в своей разумности, — заявил Кугель. — Поскольку я прибыл издалека и незнаком с вашими обычаями, то подумал, что лучше будет спокойно понаблюдать несколько минут, дабы нечаянно не нарушить правил приличия.

— Хитроумно, но необычно, — был комментарий старца. — Но тем не менее твое поведение не вступает в открытое противоречие с нормой. Могу я осведомиться, какая нужда привела тебя в Фарван?

Кугель глянул на свое кольцо. Камень был матовым и безжизненным: ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ явно была где-то в другом месте.

— Земля, где я родился, страшно невежественна. Я путешествую с целью узнать обычаи и манеры более цивилизованного народа.

— Неужели! — Старец некоторое время обдумывал этот ответ, потом кивнул со знанием дела. — Твои одежды и черты лица принадлежат к незнакомому мне типу. Где находится твоя земля?

— Она лежит в столь отдаленном краю, — сказал Кугель, — что до этого момента я даже не знал о существовании страны Фарван.

Старец удивленно прижал уши.

— Что? Славный Фарван — ты о нем не знаешь? Великие города Импергос, Таруве, Реверйанд — ты о

них о всех не слышал? А как насчет знаменитого Семберса? Без сомнения, слава Семберса должна была дойти до тебя! Они изгнали звездных пиратов, они подвели море к Стране Платформ. Роскошь Дворца Падары не поддается описанию!

Кугель печально покачал головой.

— Даже слухи об этом необычайном великолепии не дошли до моих ушей.

Старец мрачно дернул носом — у Кугеля явно были не все дома — и сказал коротко:

— Все обстоит так, как я сказал.

— Я ни в чем не сомневаюсь, — торопливо сказал Кугель. — По правде говоря, я признаюсь в своем невежестве. Но расскажи побольше, поскольку мне, возможно, придется надолго задержаться в этих краях. Например, как насчет Крылатых Существ, что обитают на утесе? Что они за создания?

Старец указал на небо.

— Если бы у тебя были глаза бородатой неясыти, ты мог бы заметить темную луну, которая вращается вокруг Земли и которую нельзя увидеть, за исключением тех случаев, когда она отбрасывает свою тень на солнце. Крылатые Существа — обитатели этого темного мира, и их первичная природа неизвестна. Они служат Великому Богу Елисеа следующим образом: когда мужчине или женщине приходит время умереть, Крылатые Существа узнают об этом по полному отчаяния сигналу от богини судьбы умирающего. Вслед за этим они слетают к несчастному и переносят его в свои пещеры, которые на самом деле представляют собой волшебный проход в благословенную страну Биссом.

Кугель откинулся назад, и его черные брови поднялись несколько насмешливой дугой.

— Да неужели, — сказал он голосом, который показался старцу недостаточно серьезным.

— Не может быть никаких сомнений в истинности фактов, как я их изложил. Ортодоксальная религия ведет свое происхождение от этой аксиомы, которая берется за основание, и обе системы взаимно усиливаются: следовательно, каждая из них подтверждается вдвойне.

Кугель нахмурился.

— Без сомнения, все обстоит так, как ты утверж-

даешь, — но можно ли сказать, что Крылатые Существа последовательны и аккуратны в выборе жертвы?

Старец с досадой побарабанил пальцами по столу.

— Сия доктрина неопровержима, ибо те, кого забирают Крылатые Существа, никогда не выживают, даже если они с виду пышут здоровьем. Я признаю, что падение на скалы способствует смерти, но это милосердие Елисеа, считающего подобный способ даровать быстрое прекращение жизни более приемлемым, чем продолжение болезни, которая может оказаться мучительной. Эта система целиком и полностью направлена во благо. Крылатые Существа призывают к себе только умирающих, которых затем проталкивают сквозь утес в благословенную землю Биссом. Время от времени какой-нибудь еретик начинает доказывать обратное, и в таком случае... Но ты, я уверен, разделяешь ортодоксальное мнение?

— Всем сердцем, — заверил Кугель. — Правильность догматов вашей веры очевидна.

И сделал большой глоток вина. В тот момент, когда он ставил кубок на стол, в воздухе послышался тихий шепот музыки: бесконечно нежное, бесконечно печальное созвучие. Все, кто сидел в беседке, умолкли — хотя Кугель не был уверен, что он действительно слышал музыку.

Старец чуть ссутулился, подался вперед и отхлебнул из своего кубка. Только после этого он взглянул вверх.

— Крылатые Существа как раз сейчас пролетают над нами.

Кугель задумчиво потянул себя за подбородок.

— А как защититься от Крылатых Существ?

Вопрос был неуместным. Старец свирепо взглянул на своего собеседника — действие, которое сопровождалось закручиванием ушей вперед.

— Если человек должен умереть, появляются Крылатые Существа. Если нет, то ему нечего опасаться.

Кугель несколько раз кивнул.

— Ты рассеял мое недоумение. Завтра — поскольку, по всем признакам, и ты, и я находимся в отличном здравии — давай поднимемся на холм и погуляем взад-вперед рядом с утесом.

— Нет, — сказал старец, — и по следующей причине: атмосфера на такой высоте пагубна для здо-

ровья. Мы, скорее всего, надышимся ядовитых испарений, что повлечет за собой ущерб нашему самочувствию.

— Я все прекрасно понял, — сказал Кугель. — Может, нам оставить эту зловещую тему? Потому что мы пока живы и до некоторой степени укрыты лозами, обвивающими беседку. Давай есть и пить, и наблюдать за весельем. Молодежь этой деревни очень ловко пляшет.

Старец осушил свой кубок и поднялся на ноги.

— Ты можешь делать, что тебе захочется. Что же касается меня, мне пора совершать Ритуальное Уничижение, поскольку данный акт является неотъемлемой частью нашей веры.

— Я вскоре тоже совершу нечто в том же духе, — сказал Кугель. — Желаю тебе получить удовольствие от обряда.

Старец покинул беседку, и Кугель остался в одиночестве. Вскоре несколько молодых людей, привлеченных любопытством, подошли к нему, и Кугель еще раз объяснил свое присутствие, хотя на этот раз он сделал меньшее ударение на варварской грубости своей родины, потому что к группе присоединилось несколько девушек, и Кугель разгорелся при виде экзотического цвета их кожи и волос и живости их поведения. Было подано много вина, и Кугель поддался на уговоры и попробовал станцевать местный танец, отличающийся множеством прыжков и подбрасыванием ног; что Кугель и исполнил без позора для себя.

Данное времяпрепровождение послужило близкому контакту Кугеля с одной особенно соблазнительной девушкой, которая заявила, что ее зовут Зиамль Враз. Когда танец окончился, она обняла Кугеля за талию, отвела назад к столику и уселась к нему на колени. Эта фамильярность не вызвала явного неодобрения среди остальных членов группы, и Кугель осмелел еще больше.

— Я еще не договорился о ночлеге. Возможно, мне стоит сделать это, прежде чем время станет слишком поздним.

Девушка подала знак хозяину.

— Ты, наверно, оставил комнату для этого остролицего чужеземца?

— Это так! Я представлю ее на его одобрение.

Он отвел Кугеля в приятную комнатку на первом этаже, в которой было ложе, комод, коврик и лампа. На одной стене висел гобелен, вытканный в пурпурных и черных тонах. На другой — изображение необычайно уродливого ребенка, который, казалось, был заточен или каким-то образом помещен в прозрачный шар. Комната Кугелю понравилась, он объявил об этом хозяину и вернулся в беседку, где гуляющие уже начали понемногу расходиться. Девушка по имени Зиамль Враз все еще была там и приветствовала Кугеля с теплотой, которая избавила его от последних остатков осторожности. Выпив еще кубок вина, он наклонился к ее уху:

— Возможно, я слишком тороплив; возможно, я слишком поощряю свое тщеславие; возможно, я вступаю в противоречие с общепринятыми в этой деревне правилами приличия — но есть ли какие-нибудь причины, по которым мы не можем удалиться в мою комнату и там поразвлечься?

— Абсолютно никаких, — сказала девушка. — Я не замужем и до того времени могу вести себя, как хочу, потому что таков наш обычай.

— Замечательно, — сказал Кугель. — Хочешь ли ты пойти впереди меня или потихоньку последуешь сзади?

— Мы пойдем вместе. Нет никакой необходимости таиться!

Они вместе прошли в комнату и проделали ряд эротических упражнений, после которых совершенно выдохшийся Кугель провалился в объятия сна, поскольку день выдался чересчур утомительным.

Посреди ночи Кугель проснулся и обнаружил, что Зиамль Враз нет в комнате — факт, который по причине сонного состояния не вызвал у него особого огорчения, и он снова вернулся ко сну.

Его разбудил стук гневно распахнутой двери. Кугель сел на ложе и увидел, что солнце еще не встало и что делегация, возглавляемая вчерашним старцем, разглядывала его с ужасом и отвращением.

Старец указал на него во мраке длинным трепещущим пальцем.

— Мне казалось, что я обнаружил еретические идеи. Теперь это известно точно! Обратите внимание:

он спит, не покрывая голову, и без благочестивого бальзама на подбородке. Девушка Зиамль Враз сообщила, что ни разу за время их уединения этот негодяй не воззвал к Елисеа!

— Вне всякого сомнения, еретичество! — заявили остальные члены делегации.

— Чего еще можно ожидать от чужестранца? — презрительно вопросил старец. — Посмотрите! Даже сейчас он отказывается сделать священный знак.

— Я не знаю никакого священного знака! — запротестовал Кугель. — Я ничего не знаю о ваших обрядах! Это не еретичество, это простое неведение!

— Я не могу поверить в это, — сказал старец. — Не далее как прошлой ночью я обрисовал тебе природу ортодоксальной доктрины.

— Ситуация плачевна, — сказал кто-то из членов делегации голосом, полным зловещей меланхолии. — Еретичество существует только из-за разложения Доли Правильности.

— Это неизлечимое и роковое омертвение, — заявил другой не менее горестным тоном.

— Это верно! Увы, это слишком верно, — вздохнул тот, что стоял у двери. — Несчастный!

— Идем! — воскликнул старец. — Мы должны разобраться с этим немедленно.

— Не беспокойтесь, — сказал Кугель. — Позвольте мне одеться, и я уйду из вашей деревни, чтобы никогда больше не возвращаться.

— Чтобы распространять в других местах свою презренную доктрину? Ни в коем случае!

Тут Кугеля схватили и голым выволокли из комнаты.

Потом его провели через парк к павильону в центре. Несколько человек из группы соорудили на платформе павильона загородку из жердей, и в эту загородку впихнули Кугеля.

— Что вы делаете? — закричал тот. — Я не желаю участвовать в ваших обрядах!

Никто не обратил на него внимания, и он стоял, выглядывая наружу через щели в своей клетке, пока несколько жителей деревни надували горячим воздухом большой воздушный шар из зеленой бумаги, к которому снизу были прицеплены три зеленых фонарика.

На западе засветились бледные отблески зари. Жители деревни, устроив все к своему удовлетворению, отошли к границам парка. Кугель попытался вылезти из клетки, но жерди были такого диаметра и вбиты на таком расстоянии, что ему не за что было ухватиться.

Небо посветлело. Высоко вверху горели зеленые фонарики. Кугель, скукоженный и покрытый мурашками от утренней прохлады, шагал взад и вперед по своей клетке. Вдруг он застыл на месте — сверху донеслась музыка. Она становилась все громче, доходя, казалось, до порога слышимости. Высоко в небе появилось Крылатое Существо. Его белые одежды тянулись за ним и хлопали по ветру. Оно устремилось вниз, и суставы Кугеля ослабели и обмякли.

Крылатое Существо зависло над Кугелевой загородкой, ринулось вниз, окутало Кугеля своими белыми одеждами и попыталось поднять его в воздух. Но Кугель ухватился за одну из жердей загородки, и Существо только напрасно хлопало крыльями. Жердь затрещала, захрипела, треснула. Кугель вырвался из удушающих складок плаща и с истерической силой дернул за жердь: та с треском раскололась. Кугель схватил один из обломков и ткнул им в Крылатое Существо. Острый кол пронзил белый плащ; Существо ударило Кугеля крылом. Кугель уцепился за одно хитиновое ребро и могучим усилием вывернул его назад, так что оно треснуло и сломалось. Разорванное крыло повисло. Крылатое Существо в ужасе сделало огромный скачок, который вынес и его, и Кугеля из загородки в павильон, а потом запрыгало вдоль деревни, волоча за собой сломанное крыло.

Кугель бежал сзади, обрабатывая летуна подхваченной на ходу дубинкой. Он мельком заметил, что жители деревни пялятся на него с благоговейным ужасом. Их рты были широко разинутыми и влажными, они, должно быть, кричали, но Кугель не слышал ни звука. Крылатое Существо запрыгало быстрее вверх по тропе по направлению к утесу. Кугель заработал дубинкой изо всех сил. Золотое солнце поднялось за дальними горами. Крылатое Существо внезапно повернулось лицом к Кугелю, и тот почувствовал на себе свирепый взгляд, хотя лицо, если это было лицом, было скрыто под капюшоном плаща.

Кугель, тяжело дыша, в замешательстве отступил, и тут ему пришло в голову, что, если другие нападут на него с воздуха, он будет стоять тут почти беззащитным. Так что он выкрикнул в адрес существа ругательство и повернул назад к деревне.

Все скрылись. Деревня была пуста. Кугель громко расхохотался. Он зашел на постоялый двор, надел свою одежду и пристегнул меч. Потом вышел в пивной зал и, заглянув в кассу, обнаружил там некоторое количество монет, которые переложил в свой кошелек, где уже лежало костяное изображение АБСОЛЮТНОГО НИЧТО. После этого Кугель вернулся на улицу: лучше удалиться, пока поблизости нет никого, кто мог бы его задержать.

Его внимание привлекло мерцание света. Кольцо на пальце сверкало дюжинами мечущихся искорок, и все указывали на тропу, ведущую наверх, к утесам.

Кугель устало потряс головой, потом снова проверил мелькающие огоньки. Вне всякого сомнения, они направляли его назад, туда, откуда он пришел. Расчеты Фарезма все-таки оказались точными. Кугелю следовало действовать решительно, пока ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ снова не уплыла из пределов досягаемости.

Он задержался только для того, чтобы найти топор, и заспешил вверх по тропе, следуя за мерцающими на кольце искорками.

Недалеко от того места, где он оставил Крылатое Существо, Кугель увидел его снова — теперь летун сидел на камне у дороги, низко надвинув капюшон на лицо. Кугель поднял камень и швырнул его в существо, которое внезапно рассыпалось в пыль, оставив только груду белых одежд в знак того, что оно все-таки существовало.

Кугель продолжал идти вверх по дороге. Он старался придерживаться тех укрытий, которые тропа предоставляла, но это ему не помогло. Над головой появились Крылатые Существа. Они ринулись вниз, хлопая крыльями. Кугель энергично заработал топором, ударяя по крыльям. Твари поднялись повыше и закружились над ним.

Кугель сверился с кольцом и был направлен дальше вверх по тропе. Крылатые висели над самой головой. Кольцо так и искрилось от интенсивности

передаваемого сообщения: ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ была здесь, она преспокойно сидела себе на камне!

Кугель подавил возбужденный крик, подступивший к горлу. Он вытащил костяной символ АБСОЛЮТНОГО НИЧТО, подбежал ближе и приложил его к желеобразному центральному шару.

Как и утверждал Фарезм, соединение было мгновенным. Кугель почувствовал, как одновременно с установлением контакта рассеивается заклинание, привязывавшее его к древним временам.

Внезапное снижение, удар огромных крыльев! Кугель был сбит с ног, окутан белой тканью, а поскольку одна его рука сжимала АБСОЛЮТНОЕ НИЧТО, он не мог действовать топором. Но тут топор был у него вырван. Кугель выпустил АБСОЛЮТНОЕ НИЧТО, схватился за скалу, дрыгнул ногами, каким-то образом высвободился и прыгнул за топором. Крылатое Существо подхватило АБСОЛЮТНОЕ НИЧТО, с которым была сцеплена ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ, и унесло и то, и другое ввысь, к пещере у вершины утесов.

Кугеля растягивали могучие силы, вращающие его одновременно во всех направлениях. В его ушах раздался рев, в глазах затрепетали фиолетовые огни, и он упал на миллион лет в будущее.

* * *

Он пришел в себя в комнате, отделанной голубыми плитками. На губах чувствовался резкий вкус ароматического ликера. Склонившийся над ним Фарезм похлопал его по щеке и влил ему в рот еще немного жидкости.

— Очнись. Где ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ? Как ты вернулся?

Кугель оттолкнул колдуна в сторону и, приподнявшись, сел на своем ложе.

— ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ! — взревел Фарезм. — Где она? Где мой талисман?

— Я объясню, — сказал Кугель хриплым голосом. — Она была у меня в руках, а потом ее вырвало Крылатое Существо, служащее Великому Богу Елисеа.

— Расскажи, расскажи мне!

Кугель описал обстоятельства, приведшие сначала к обнаружению, а потом к потере того, что искал

Фарезм. По мере того как Кугель говорил, лицо Фарезма становилось влажным от горя, а плечи опускались. Наконец он вывел Кугеля наружу, в тусклый красный свет угасающего дня. Вместе они внимательно осмотрели утесы, которые теперь высились над ними унылой и безжизненной стеной.

— В какую пещеру полетело то существо? — спросил Фарезм. — Покажи, если можешь!

Кугель ткнул пальцем.

— В ту, или, по крайней мере, так мне кажется. Все было в смещении, повсюду мелькали крылья и белые одежды...

— Оставайся здесь.

Фарезм вошел в свою рабочую комнату и вскоре вернулся.

— Я помогу тебе, — сказал он и подал Кугелю холодный белый огонек, закованный в серебряную цепочку.

— Приготовься.

Он бросил к ногам Кугеля небольшой шарик. Из него вырвался смерч и с головокружительной скоростью понес Кугеля наверх, к тому осыпающемуся карнизу, на который он указал Фарезму. Неподалеку был темный вход в пещеру. Кугель обратил пламя туда. Он увидел пыльный проход шириной в три шага и выше, чем он мог достать рукой. Проход вел в глубь утеса, слегка изгибаясь в сторону. В нем, казалось, не было никаких признаков жизни.

Держа лампу перед собой, Кугель медленно двигался по проходу. Сердце колотилось от страха перед чем-то, чего Кугель не мог определить. Он застыл на месте: музыка? Воспоминания о музыке? Он прислушался и не услышал ничего. Но когда Кугель попытался сделать шаг вперед, страх сковал ему ноги. Он высоко поднял фонарь и вгляделся в глубь пыльного прохода. Куда он вел? Что находилось в его конце? Пыльная пещера? Страна демонов? Благословенная земля Биссом? Кугель медленно шел вперед. Все его чувства были напряжены до предела. На горизонтальном выступе скалы он заметил высохший коричневый сфероид: талисман, который он брал с собой в прошлое. ВСЕОБЩАЯ СУЩНОСТЬ давно уже высвободилась и удалилась.

Кугель осторожно поднял талисман, хрупкий от времени в миллион лет, и вернулся на карниз. Смерч, по команде Фарезма, доставил Кугеля обратно на землю.

С ужасом думая о гневе волшебника, Кугель протянул ему иссохший талисман.

Фарезм взял его большим и указательным пальцами.

— И это все?

— Больше там ничего не было.

Фарезм уронил сферу. Она ударилась о землю и мгновенно рассыпалась в прах. Фарезм посмотрел на Кугеля, глубоко вдохнул, потом отвернулся с жестом невыразимого разочарования и зашагал назад, к своей гадальне.

Кугель с облегчением спустился вниз по тропе мимо рабочих, стоящих озабоченной группой и ожидающих приказаний. Они угрюмо глазели на него, а человечек ростом в два локтя швырнул в него камнем. Кугель пожал плечами и продолжал идти по тропе на юг. Вскоре он прошел мимо места, где раньше стояла деревня. Теперь это была пустошь, заросшая корявыми старыми деревьями. Пруд исчез, земля была твердой и сухой. Внизу, в долине, были какие-то руины, но они не отмечали местоположение древних городов Импергоса, Таруве и Рэверйанда, давно уже ушедших из людской памяти.

Кугель шел на юг. Позади него утесы таяли в дымке и вскоре исчезли из вида.

ПАЛОМНИКИ

Большую часть дня Кугель брел по угрюмой пустоши, где не росло ничего, кроме солончаковых трав. Потом, всего за несколько минут до заката, он вышел на берег широкой медлительной реки, рядом с которой проходила дорога. В полумиле справа стояло высокое сооружение из бревен, покрытое темно-коричневой штукатуркой, — вне всяких сомнений, постоялый двор. Это зрелище доставило Кугелю глубокое удовлетворение, поскольку он ничего не ел целый день и провел предыдущую ночь на дереве. Десять минут

спустя он толкнул тяжелую, обитую железом дверь и вошел внутрь.

Он стоял в передней комнате. По обе стороны от него были окна со стеклами в форме ромбов, принявшими от возраста цвет жженой лаванды; заходящее солнце наполнило их тысячью отражений. Из пивного зала доносился оживленный шум голосов, звон глиняной и стеклянной посуды, запах старого дерева, навощенных плиток, кожи и кипящих котлов. Кугель шагнул вперед и обнаружил десятка два человек, собравшихся вокруг огня; они потягивали вино и обменивались хвастливыми рассказами о путешествиях.

Хозяин стоял за стойкой. Это был коренастый человек, едва доходящий Кугелю до плеча, с большой куполообразной лысой головой и черной бородой, свисающей на целый фут под подбородком. Его глаза были выпуклыми, с тяжелыми веками, выражение лица — таким же мирным и спокойным, как течение реки. Услышав просьбу Кугеля о ночлеге, он с сомнением потянул себя за нос.

— У меня и так уже все переполнено из-за паломников, идущих к Эрзе Дамату. Те, кого ты видишь на лавках, не составляют и половины всех, кого я должен разместить сегодня ночью. Если тебя устроит, я положу тебе матрас в передней. Больше я для тебя ничего не могу сделать.

Кугель издал вздох, полный беспокойства и неудовольствия.

— Это совсем не то, чего я ожидал. Я желаю получить отдельную комнату с хорошим ложем, видом на реку и толстым ковром, чтобы заглушить песни и выкрики, доносящиеся из общего зала.

— Я боюсь, что ты будешь разочарован, — сказал хозяин без особых эмоций. — Единственная комната, соответствующая этому описанию, уже занята вон тем человеком с желтой бородой, неким Лодермульком, тоже совершающим паломничество к Эрзе Дамату.

— Возможно, если ты скажешь, что это чрезвычайный случай, то сумеешь убедить его. Он освободит комнату и займет матрац вместо меня, — предложил Кугель.

— Сомневаюсь, чтобы он был способен на такое самопожертвование, — ответил хозяин. — Но почему

бы тебе самому не спросить его? Мне, честно говоря, не очень хочется начинать разговор на эту тему.

Кугель, разглядывая резкие черты лица Лодермулька, его мускулистые руки и несколько снисходительный вид, с которым он прислушивался к разговорам паломников, был склонен согласиться с хозяином в оценке характера этого человека и не сделал ничего, чтобы подкрепить свою просьбу.

— Похоже, мне придется занять матрац. А теперь, что касается моего ужина: я хочу птицу, соответствующим образом набитую, приготовленную и обжаренную, с гарниром и теми закусками, какие позволяет твоя кухня.

— Моя кухня чересчур загружена, и тебе придется есть чечевицу вместе с паломниками, — сказал хозяин. — У меня есть только одна птица, и она также была заказана для Лодермулька, для его вечерней трапезы.

Кугель оскорбленно пожал плечами.

— Неважно. Я смою дорожную грязь с лица, а затем выпью кубок вина.

— На заднем дворе есть проточная вода и корыто, которое время от времени используется для этой цели. За отдельную плату я предоставляю притирания, благовонные масла и нагретые полотенца.

— С меня хватит и воды.

Кугель вышел на задний двор и нашел там водоем. Помывшись, он осмотрелся вокруг и заметил неподалеку от себя надежно построенный бревенчатый сарай. Кугель хотел было вернуться в дом, но потом остановился и еще раз осмотрел сарай; пересек разделяющий их двор, открыл дверь и заглянул внутрь, после чего в задумчивости вернулся в общий зал. Хозяин подал ему кружку с глинтвейном, и Кугель уселся с ней на лавке подальше от центра всеобщего внимания.

Лодермулька спросили, что он думает по поводу так называемых евангелистов-канатоходцев, которые отказываются ступать ногами на землю и ходят, куда им нужно, по канату. Лодермульк отрывистым голосом изложил заблуждения данной конкретной доктрины.

— Они считают, что возраст Земли — двадцать девять эпох, а не двадцать три, как это общепринято.

Они полагают, что на каждый квадратный локоть земли умерло по две с четвертью миллиона человек, которые обратились в пыль, создав таким образом вездесущий темный покров перегноя, состоящего из человеческого праха, ходить по которому — святотатство. На первый взгляд этот аргумент кажется убедительным, но подумайте: прах одного иссохшего трупа, рассеянный на одном квадратном локте земли, образует слой толщиной в одну тридцать третью дюйма. Таким образом, результат представляет собой окутывающий земную поверхность слой спрессованного человеческого праха почти в милю толщиной, а это явно не соответствует действительности.

Один из членов вышеупомянутой секты, который, за неимением доступа к привычным ему канатам, ходил в громоздких церемониальных ботинках, выступил с возбужденным упреком:

— В твоих речах нет ни логики, ни понимания! Как можешь ты высказываться так непреложно?

Лодермульк с угрюмым неудовольствием приподнял косматые брови.

— Я что, действительно должен разложить все по полочкам? Разве на берегу океана границу между землей и морем повсюду отмечает утес в милю высотой? Нет. Неравномерность видна повсюду. В океан выступают мысы. Чаще можно обнаружить пляжи чистого белого песка. Нигде ты не найдешь массивных валов серо-белого туфа, на которых зиждется доктрина твоей секты.

— Непоследовательная болтовня! — гневно воскликнул канатоходец.

— Что такое? — вопросил Лодермульк, выпячивая массивную грудь. — Я не привык к издевкам!

— Это не издевка, а твердое и холодное опровержение твоего догматизма! Мы утверждаем, что некоторая часть праха была сдута в океан, часть находится в виде взвеси в воздухе, часть просочилась сквозь расщелины в подземные пустоты, и еще часть была поглощена деревьями, травами и некоторыми насекомыми, так что не более полумили прародительских отложений покрывают землю, ступать по которой — святотатство. Почему не везде можно видеть утесы, о которых ты упоминал? Из-за влаги, выдыхаемой и выделяемой бесчисленными поколениями лю-

дей! Эта влага подняла уровень океана на такую же высоту, так что нельзя заметить ни обрыва, ни пропасти. В этом-то и заключается твое заблуждение.

— Ба, — пробормотал Лодермульк, отворачиваясь. — Где-то в твоих доказательствах есть изъян.

— Ни в коем разе! — заверил евангелист с той горячностью, которая отличала ему подобных. — И поэтому, из уважения к мертвым, мы ходим поверху, по канатам и гребням, а когда нам приходится путешествовать, используем специальную священную обувь.

Во время этого разговора Кугель вышел из комнаты. Круглолицый подросток в одежде посыльщика приблизился к группе сидящих.

— Это ты, почтенный Лодермульк? — спросил он того, кого он так обозначил.

Лодермульк выпрямился в кресле.

— Я — он.

— Я принес известие от одного человека, который принес предназначенную тебе сумму денег. Он ждет в небольшом сарае за этим зданием.

Лодермульк недоверчиво нахмурился.

— Ты уверен, что этому человеку нужен был Лодермульк, мэр местечка Барлиг?

— Да, сэр, точно такое имя он и назвал.

— А что за человек передал тебе это известие?

— Это был высокий человек в просторном капюшоне, который назвался одним из твоих близких друзей.

— Неужели? — задумался вслух Лодермульк. — Может быть, Тайзог? Или, вполне возможно, Креднип... Почему же они не обратились ко мне непосредственно? Без сомнения, у них есть на то основательные причины.

Он поднял свое массивное тело с кресла и выпрямился.

— Думаю, надо посмотреть, в чем дело.

Он степенно вышел из общего зала, обогнул здание и посмотрел в сгущающихся сумерках на сарай.

— Эй, там! — крикнул он. — Тайзог? Креднип? Выходи!

Ответа не было. Лодермульк подошел и заглянул в сарай. Как только он шагнул внутрь, Кугель выбежал из-за угла, захлопнул дверь и задвинул засов и щеколды.

Не обращая внимания на приглушенные удары и сердитые крики, Кугель вернулся в общий зал и отыскал хозяина:

— Изменение в нашей договоренности: Лодермульк был вызван в другое место. Ему не понадобится ни его комната, ни его жареная птица, и он любезно заставил меня принять и то, и другое!

Хозяин потянул себя за бороду, подошел к двери и оглядел дорогу по обе стороны. Он вернулся медленным шагом.

— Невероятно! Он заплатил и за комнату, и за птицу и не стал настаивать на скидке.

— Мы уладили все к обоюдному удовлетворению. Чтобы вознаградить тебя за дополнительные усилия, я сейчас заплачу тебе лишних три терции.

Хозяин пожал плечами и взял монеты.

— Мне-то все равно. Идем, я отведу тебя в комнату.

Кугель осмотрел комнату и остался очень доволен. Вскоре ему подали ужин. Жареная птица была выше всяких похвал, так же как и закуски, которые заказал Лодермульк и которые хозяин включил в ужин.

Перед тем как отойти ко сну, Кугель неторопливо вышел на задний двор и удостоверился, что засов на дверях сарая находится в хорошем состоянии и что хриплые крики Лодермулька вряд ли привлекут чьелибо внимание. Он резко постучал по двери и сурово крикнул:

— Тихо, Лодермульк! Это я, хозяин! Не кричи так громко. Ты побеспокоишь сон моих гостей.

Не дожидаясь ответа, Кугель вернулся в общий зал, где вступил в разговор с главным в группе паломников. Это был Гарстанг, худощавый и подтянутый человек с восковой кожей, хрупким черепом, глазами под тяжелыми веками и педантичным носом, таким тонким, что, если смотреть на него против света, он казался прозрачным. Обращаясь к Гарстангу как к опытному и знающему человеку, Кугель осведомился о дороге в Олмери, но Гарстанг был склонен считать этот край чисто воображаемым.

Кугель уверил его в противном.

— Олмери определенно существует. Я лично ручаюсь за это.

— Значит, твои познания более глубоки, чем мои

собственные, — заявил Гарстанг. — Эта река называется Аск, земли по эту ее сторону — Сандан, по ту — Лилиэс. К югу лежит Эрзе Дамат, и ты бы мудро поступил, если бы отправился туда, а оттуда, возможно, на запад через Серебряную Пустыню и Песенное Море, где ты сможешь расспросить кого-нибудь еще.

— Я сделаю, как ты предлагаешь, — сказал Кугель.

— Мы все — рьяные гилфигиты и направляемся в Эрзе Дамат на Очистительный Обряд у Черного Обелиска, — сказал Гарстанг. — Поскольку дорога туда пролегает через пустоши, мы собрались вместе для защиты от непредвиденных опасностей. Если ты хочешь присоединиться к нам и разделять с нами наши привилегии и ограничения, то мы с радостью примем тебя.

— Привилегии самоочевидны, — сказал Кугель. — А вот что насчет ограничений?

— Просто повиноваться приказам старшего в группе, то есть меня, и оплатить свою долю издержек.

— Я согласен с этим без всяких оговорок, — сказал Кугель.

— Превосходно! Мы выступаем завтра на рассвете.

Гарстанг указал Кугелю других членов группы, которая насчитывала пятьдесят семь человек.

— Это Витц, оратор нашей маленькой группы, а вон там сидит Касмайр, теоретик. Человек с железными зубами — Арло, а тот, в синей шляпе с серебряной пряжкой, — Войнод, волшебник с немалой репутацией. Отсутствует в этой комнате почтенный, хоть и проповедующий агностицизм, Лодермульк, а также несомненно благочестивый Сабакуль. Возможно, они пытаются поколебать убеждения друг друга. Двое, играющие в кости, — это Парсо и Сайанэйв. Это Хант, а это Крэй.

Гарстанг назвал еще несколько человек, перечисляя их отличительные свойства. В конце концов Кугель, сославшись на усталость, удалился в свою комнату. Он опустился на ложе и немедленно заснул.

Посреди ночи его побеспокоили. Лодермульк, прорыв яму в земляном полу сарая, а потом подкопавшись под стену, обеспечил себе свободу и немедленно

направился в дом. Прежде всего он подергал дверь комнаты Кугеля, которую тот побеспокоился закрыть.

— Кто там? — крикнул Кугель.

— Открой! Это я, Лодермульк. Это комната, где я желаю спать!

— Ни в коем случае, — заявил Кугель. — Я заплатил с королевской щедростью, чтобы обеспечить себе постель, и мне даже пришлось ждать, пока хозяин избавлялся от предыдущего постояльца. А теперь уходи! Я подозреваю, что ты пьян. Если желаешь покутить еще, разбуди виночерпия.

Лодермульк с топотом удалился. Кугель снова улегся.

Вскоре он услышал глухие удары и крики хозяина, которого Лодермульк схватил за бороду. В конечном итоге Лодермулька вышвырнули на улицу совместными усилиями хозяина, его супруги, носильщика, прислужника и других. После этого Кугель с облегчением вернулся ко сну.

Незадолго до рассвета паломники вместе с Кугелем поднялись и позавтракали. Хозяин был, казалось, в слегка угрюмом настроении и мог похвастаться несколькими синяками, но не задал никаких вопросов Кугелю, который, в свою очередь, не пытался завязать разговор.

После завтрака паломники собрались на дороге, где к ним присоединился Лодермульк, который провел ночь, шагая по двору взад-вперед.

Гарстанг пересчитал группу, потом громко свистнул в свисток. Паломники зашагали вперед, через мост, а потом направились вдоль южного берега Аска к Эрзе Дамату.

* * *

В течение трех дней паломники шли вдоль берега Аска. По ночам они спали под защитой частокола, созданного волшебником Войнодом из сложенных кольцом обломков слоновой кости — необходимая предосторожность, ибо за столбами, едва различимые в свете костра, виднелись существа, которые жаждали присоединиться к компании: тихо умоляющие деоданы, переминающиеся то на двух ногах, то на

четырех и не находящие удобства ни в одном положении. Один раз какой-то вампоглот пытался перепрыгнуть через частокол; в другой раз три тролля объединились и начали расшатывать столбы — они отступали, бросались вперед и с натужным ворчанием били в частокол, а зачарованные паломники наблюдали за ними изнутри.

Кугель подошел поближе и ткнул горящей головней в одну из налетевших фигур, исторгнув у нее разъяренный вопль. В щель просунулась огромная серая лапа. Кугель отскочил назад как ошпаренный. Частокол выдержал, и вскоре чудовища перессорились между собой и удалились.

На третий день путники дошли до слияния Аска с могучей медлительной рекой, которую Гарстанг определил как Скаманде́р. Неподалеку рос лес высоких бальдам, сосен и иглистых дубов. С помощью местных дровосеков паломники срубили несколько деревьев, очистили их от веток и сучьев и доставили на берег реки, где связали из них плот. Когда все паломники погрузились, они оттолкнули плот шестами на середину реки, и он поплыл вниз по течению в тишине и покое.

В течение пяти дней паломники плыли по широкому Скаманде́ру; иногда берега были почти не видны, иногда плот скользил рядом с тростниками, окаймляющими берег. Путники, за неимением лучшего занятия, завязывали долгие диспуты, и разница мнений по каждому вопросу была примечательной. Очень часто разговор касался метафизических таинств или тонкостей гилфигитских принципов.

Сабакуль, наиболее благочестивый из всех паломников, изложил свое кредо во всех подробностях. По существу, он исповедовал ортодоксальную гилфигитскую теософию, по которой Зо Зам, восьмиголовое божество, создав космос, отрубило себе палец ноги, который потом и стал Гилфигом, а капли крови рассеялись и образовали восемь человеческих рас. Скептик Роурмоунд атаковал эту доктрину:

— А кто создал этого твоего гипотетического «создателя»? Другой «создатель»? Гораздо проще заранее предположить конечный продукт: в данном случае угасающее солнце и умирающую землю!

В ответ на это Сабакуль зачитал Гилфигитские Тексты и тем самым наголову разбил все доводы соперника.

Некто по имени Бланер упорно предлагал свою собственную теорию. Он верил, что солнце — это клетка в теле гигантского божества, которое создало космос в процессе, аналогичном росту лишайника на скале.

Сабакуль считал этот тезис слишком замысловатым.

— Если бы солнце было клеткой, то какова была бы тогда природа Земли?

— Микроскопическое животное, извлекающее пищу, — ответил Бланер. — Подобные взаимозависимые отношения известны повсюду и не должны вызывать изумления.

— А что тогда напало на солнце? — с презрением спросил Витц. — Другое микроскопическое животное, подобное Земле?

Бланер начал в деталях излагать свое кредо, но вскоре его прервал Праликсус, высокий худой человек с пронизывающими зелеными глазами:

— Слушайте меня! Я знаю все! Моя доктрина — это воплощенная простота. Существует большое количество возможных состояний и еще большее количество невозможных. Наш космос — это возможное состояние: он существует. Почему? Время бесконечно, а это значит, что каждое возможное состояние должно осуществиться. Поскольку мы обитаем в данной конкретной возможности и не знаем никакой другой, мы присваиваем себе качество исключительности. По правде говоря, любая возможная вселенная рано или поздно придет к существованию, и не один, а множество раз.

— Я придерживаюсь подобной же доктрины, хоть и являюсь правоверным гилфигитом, — заявил теоретик Касмайр. — Моя философия принимает как данное последовательность создателей, каждый из которых абсолютен сам по себе. Перефразируя ученого Праликсуса, если божество возможно, оно должно существовать! Не существуют только невозможные божества! Восьмиголовый Зо Зам, отрубивший свой Божественный Палец Ноги, возможен и, следовательно, существует, чему свидетельством Гилфигитские Тексты!

Сабакуль моргнул, открыл рот, чтобы заговорить, но потом закрыл его снова. Скептик Роурмоунд отвернулся и начал разглядывать воды Скамандера.

Гарстанг, сидящий в стороне, задумчиво улыбнулся.

— А ты, Кугель Хитроумный, в кои-то веки раз ты вдруг умолк. Какова твоя вера?

— Она находится скорее в зачаточном состоянии, — признал Кугель. — Я усвоил большое количество различных точек зрения, каждая из которых, отдельно взятая, заслуживала доверия: точка зрения жрецов Храма Телеолога; очарованной птицы, вынимающей записочки из картонки; постящегося анахорета, выпившего бутылку розового эликсира, который я предложил ему в шутку. Результирующие образы противоречили один другому, но отличались большой глубиной. Поэтому моя схема мироздания синкретична.

— Интересно, — сказал Гарстанг. — Лодермульк, а ты что скажешь?

— Ха, — проворчал Лодермульк. — Посмотри на эту прореху в моей одежде. Я бессилен объяснить ее присутствие! Существование этой вселенной озадачивает меня еще больше.

В разговор включились другие. Волшебник Войнод определил известный космос как тень области, где правят боги, существование которых зависит, в свою очередь, от физической энергии людей. Благочестивый Сабакуль объявил эту схему противоречащей Протоколам Гилфига.

Диспут продолжался довольно долго. Кугелю и паре других паломников, включая Лодермулька, это надоело, и они затеяли азартную игру с использованием костей, карт и фишек. Ставки, изначально чисто номинальные, начали расти. Лодермульк сначала немного выиграл, затем начал проигрывать все большие суммы, в то время как Кугель выигрывал ставку за ставкой. Вскоре Лодермульк швырнул кости наземь, схватил Кугеля за локоть и тряхнул его, в результате чего из-за манжета куртки выкатилось несколько дополнительных костей.

— Ну-ну! — рявкнул Лодермульк. — Что это у нас тут? Мне показалось, что игра ведется нечестно, и вот доказательство! Немедленно верни мои деньги!

— Как ты можешь так говорить? — вопросил Кугель. — Где это ты разглядел жульничество? Я

ношу с собой кости — что из этого? Я что, должен был выбросить свою собственность в Скамандер, прежде чем начинать игру? Ты нанес ущерб моей репутации!

— Мне на это плевать, — парировал Лодермульк. — Я хочу только вернуть свои деньги.

— Это невозможно, — сказал Кугель. — Сколько бы ты ни бушевал, ты отнюдь не доказал неправомерности моих действий.

— Доказательства? — взревел Лодермульк. — Нужны ли еще какие-нибудь доказательства? Посмотри только на эти кости — они все перекошены, на некоторых из них с трех сторон стоят одинаковые отметки, другие и катятся-то с большим трудом, настолько у них одна грань перевешивает.

— Просто любопытные безделушки, — объяснил Кугель, потом показал на волшебника Войнода, который наблюдал за игрой. — Вот человек, взгляд которого настолько же остер, насколько подвижен его разум. Спроси, заметил ли он какую-нибудь незаконную махинацию.

— Я ничего не заметил, — заявил Войнод. — По моему мнению, Лодермульк слишком поторопился со своими обвинениями.

Гарстанг подошел к ним и услышал препирательства. Он заговорил голосом одновременно рассудительным и успокаивающим:

— Доверие — это основное в такой компании, как наша, где все мы — товарищи и правоверные гилфигиты. Здесь не может быть и речи о дурных намерениях или обмане! Без сомнения, Лодермульк, ты ошибся насчет нашего друга Кугеля!

Лодермульк грубо рассмеялся.

— Если такое поведение характерно для благочестивого паломника, то мне повезло, что я не связался с обыкновенными людьми!

С этим замечанием он отошел в угол плота, уселся там и уставился на Кугеля взглядом, полным угрозы и отвращения.

Гарстанг огорченно покачал головой.

— Боюсь, что Лодермульк оскорбился. Может быть, Кугель, если бы ты по-дружески вернул ему его деньги...

Кугель ответил решительным отказом.

— Это дело принципа. Лодермульк обрушился на самое ценное, что у меня есть, — мою честь.

— Твоя щепетильность похвальна, — сказал Гарстанг, — и Лодермульк повел себя бестактно. Однако ради дружественных отношений — нет? Ну что ж, тут я не могу с тобой спорить. Хм-хм! Вечно приходится беспокоиться из-за мелких неприятностей.

Он удалился, покачивая головой.

Кугель собрал свой выигрыш вместе с костями, которые Лодермульк вытряхнул у него из рукава.

— Огорчительное происшествие, — сказал он Войноду. — Ну и мужлан же этот Лодермульк! Он обидел всех. Никто больше не хочет играть.

— Возможно, это потому, что все деньги теперь в твоей собственности, — предположил Войнод.

Кугель осмотрел свой выигрыш с удивленным видом.

— Я и не подозревал, что выиграл такую существенную сумму. Может, ты согласишься взять себе вот эту долю, чтобы избавить меня от необходимости носить ее?

Войнод выразил согласие, и часть выигрыша поменяла владельца.

Вскоре после этого, пока плот мирно плыл вдоль по реке, солнце начало угрожающе пульсировать. На его поверхности образовалась похожая на налет пурпурная пленка, которая потом растворилась снова. Некоторые из паломников начали в панике бегать взад-вперед по плоту с криками:

— Солнце гаснет! Приготовьтесь, сейчас начнет холодать!

Однако Гарстанг успокаивающе поднял вверх руки.

— Успокойтесь все! Дрожь прошла, солнце такое же, как и раньше!

— Подумайте! — настойчиво убеждал всех Сабакуль. — Разве Гилфиг позволил бы этот катаклизм в то самое время, когда мы плывем, чтобы участвовать в религиозных обрядах у Черного Обелиска?

Паломники успокоились, хотя каждый по-своему истолковал событие. Витц, оратор, увидел здесь аналогию с затуманиванием зрения, которое можно излечить усиленным морганием. Войнод заявил: «Если в Эрзе Дамате все пройдет хорошо, я собираюсь посвятить следующие четыре года жизни разработке схемы

восстановления силы солнца!» Лодермульк просто сделал оскорбительное заявление, смысл которого сводился к тому, что солнце может гаснуть, а паломники — пробираться на Очистительные Обряды на ощупь.

Но солнце продолжало сиять, как и раньше. Плот неторопливо плыл по широкому Скамандеру, берега которого были теперь такими низкими и настолько лишенными растительности, что казались далекими темными линиями. День прошел, и солнце, казалось, село прямо в реку, испуская сильное темно-бордовое сияние. Оно постепенно померкло и потемнело, когда солнце исчезло.

В сумерках паломники развели костер и собрались вокруг него на ужин. Они обсуждали тревожное мерцание солнца и много размышляли на эсхатологические темы. Сабакуль считал, что вся ответственность за жизнь, смерть, будущее и прошедшее лежит на Гилфиге. Хаксг, однако, заявил, что он чувствовал бы себя спокойнее, если бы Гилфиг выказал себя более опытным в делах контроля за состоянием мира. На некоторое время разговор стал напряженным. Сабакуль обвинил Хаксга в вероотступничестве, а Хаксг использовал такие слова, как «легковерие» и «слепое уничижение». Гарстанг вмешался и указал, что не все факты еще известны и что Очистительные Обряды у Черного Обелиска могут прояснить ситуацию.

На следующее утро паломники заметили впереди большую плотину: линию крепких жердей, препятствующих навигации по реке. Только в одном месте был проход, и даже эта брешь была закрыта тяжелой железной цепью. Паломники позволили плоту подплыть поближе к проходу, а потом сбросили в воду камень, который служил якорем. Из стоящей неподалеку хижины появился дервиш, длинноволосый, с костлявыми конечностями, в изодранных черных одеждах. Потрясая железным посохом, он выскочил на плотину и угрожающе уставился на стоящих на плоту.

— Плывите назад, плывите назад! — закричал он. — Эта река находится под моим контролем! Я не позволяю никому плыть дальше.

Гарстанг выступил вперед.

— Прошу тебя о снисхождении! Мы — группа паломников, направляющихся на Очистительные Об-

ряды в Эрзе Дамат. Если необходимо, мы заплатим тебе за то, чтобы проплыть через плотину, хотя мы надеемся, что ты, в своей щедрости, освободишь нас от этой дани.

Дервиш резко рассмеялся и взмахнул железным посохом.

— От моей дани никто не может быть освобожден! Я требую жизнь наиболее порочного в вашей компании — если только один из вас не сможет продемонстрировать свою добродетель, к моему удовлетворению!

Он стоял, широко расставив ноги, в хлопающих на ветру черных одеждах, и свирепо глядя вниз на плот.

Паломники беспокойно зашевелились. Каждый исподтишка взглянул на другого. Послышалось приглушенное бормотание, которое вскоре переросло в разноголосицу утверждений и притязаний. Наконец все перекрыл скрипучий голос Касмайра:

— Я не могу быть наиболее порочным! Моя жизнь была полна милосердия и аскетизма, и во время игры я не пользовался недостойными преимуществами.

Другой паломник выкрикнул:

— Я еще более добродетелен, поскольку питаюсь только высохшими бобами из страха отнять чужую жизнь.

Еще один:

— Я еще более безупречен, ибо живу только выброшенными стручками от этих бобов и корой, опавшей с деревьев, из страха уничтожить жизнь даже в растениях.

Еще один:

— Мой желудок отвергает растительную пищу, но я поддерживаю те же самые возвышенные идеалы и позволяю только падали попадать ко мне в рот.

Еще один:

— Однажды я проплыл по огненному озеру, чтобы уведомить одну старую женщину, что бедствие, которого она страшилась, вряд ли произойдет.

Кугель заявил:

— Моя жизнь — это бесконечные унижения, и я непоколебим в своем стремлении к справедливости, хоть мне самому и приходится несладко в результате моих трудов.

Войнод был не менее упорным.

— Это правда, я волшебник, но я посвящаю свое искусство исключительно помощи в человеческих горестях.

Теперь была очередь Гарстанга:

— Моя добродетель имеет характер квинтэссенции, ибо она была извлечена из знаний, накапливаемых веками. Как я могу не быть добродетельным? Я бесстрастен перед лицом обычных человеческих страстей.

Наконец высказались все, кроме Лодермулька, который стоял в стороне с угрюмой усмешкой на лице. Войнод указал на него пальцем:

— Говори, Лодермульк! Докажи свою добродетель, или будешь сочтен наиболее порочным, в результате чего потеряешь жизнь!

Лодермульк рассмеялся, повернулся и сделал огромный прыжок, доставивший его к самой крайней жерди плотины. Он вскарабкался на парапет и вытащил шпагу, угрожая ей дервишу.

— Мы все порочны. И ты не менее порочен, чем мы, раз навязываешь нам свое абсурдное условие. Опусти цепь, или приготовься к встрече с моей шпагой.

Дервиш выбросил вверх руки.

— Мое условие выполнено! Ты, Лодермульк, продемонстрировал свою добродетель. Плот может плыть дальше. В дополнение, поскольку ты использовал свою шпагу в защиту чести, я даю тебе в дар эту мазь, которая, если намазать ей клинок, позволяет разрезать сталь или камень так же легко, как масло. А теперь плывите. И пусть всем вам пойдут во благо очистительные молитвы!

Лодермульк принял мазь и вернулся на плот. Цепь опустилась, и плот беспрепятственно проскользнул мимо плотины.

Гарстанг подошел к Лодермульку, чтобы высказать сдержанное одобрение его поступка. Он добавил еще предостережение:

— На этот раз импульсивный, практически нарушающий субординацию, поступок способствовал всеобщему благу. Если в будущем возникнут подобные обстоятельства, тебе было бы неплохо посоветоваться с другими, уже доказавшими свою мудрость: со мной, Касмайром, Войнодом или Сабакулем.

Лодермульк безразлично пробормотал:

— Как хочешь, если только задержка не причинит мне лично каких-либо неудобств.

И Гарстангу пришлось удовольствоваться этим.

Другие паломники поглядели на Лодермулька с неудовлетворением и отошли в сторону, так что он остался сидеть сам по себе в передней части плота.

Подошел полдень, потом закат, вечер и ночь. Когда наступило утро, все увидели, что Лодермульк исчез.

Все были озадачены, Гарстанг провел расспросы, но никто не мог пролить свет на эту тайну, и в вопросе о том, что же явилось причиной исчезновения, не было общего согласия.

Странно, однако, что исчезновение всеми нелюбимого Лодермулька не смогло восстановить первоначальное оживление и дружеские отношения в группе. После этого каждый из паломников сидел в угрюмом молчании, бросая взгляды налево и направо. Не было больше ни игр, ни философских дискуссий, и объявление Гарстанга о том, что Эрзе Даймат находится всего лишь в дне пути, не вызвало большого энтузиазма.

* * *

В последнюю ночь на плот вернулось какое-то подобие былого товарищества. Оратор Витц проделал несколько вокальных упражнений, а Кугель продемонстрировал танец со скачками и высоким подбрасыванием колен, типичный для ловцов омаров из Каучике, где он провел свою юность. Войнод, в свою очередь, выполнил несколько простых метаморфоз, а потом показал собравшимся небольшое серебряное кольцо. Он знаком подозвал к себе Хакста:

— Дотронься до этого кольца языком, прижми его к своему лбу, а потом посмотри сквозь него.

— Я вижу процессию, — воскликнул Хакст. — Мужчины и женщины, идущие мимо сотнями и тысячами. Впереди идут моя мать и отец, потом бабушки и дедушки — но кто все эти остальные?

— Твои предки, — заявил Войнод, — каждый в характерном для него костюме, вплоть до первоисходного гомункулуса, от которого произошли мы все.

Он забрал кольцо и, порывшись в мешке, достал тусклый сине-зеленый самоцвет.

— Смотрите, я бросаю его в Скамандер!

И он швырнул самоцвет за борт. Камень сверкнул в воздухе и с плеском упал в темную воду.

— А теперь я просто протягиваю руку, и он возвращается!

И действительно, на глазах всей компании что-то влажно блеснуло в свете костра, и камень оказался у Войнода на ладони.

— С этим самоцветом можно не бояться нужды. Правда, он немногого стоит, но если его продать несколько раз подряд... Что же еще мне вам показать? Может быть, этот маленький амулет. Честно говоря, это эротическое приспособление — оно возбуждает интенсивные эмоции в той особе, на которую направлено действие. Использовать его нужно с осторожностью. У меня еще есть необходимое дополнение к нему: талисман в виде головы козла, выполненный по заказу императора Дальмасмиуса Нежного, который не хотел обидеть чувства ни одной из своих десяти тысяч наложниц... Что еще я могу показать? Вот: мой жезл, который может мгновенно соединить объект с любым другим. Я всегда тщательно запаковываю его, чтобы ненароком не сплавить штаны с ягодицами или кошелек с пальцами. Этот жезл можно использовать во многих целях... Что же еще? Давайте посмотрим... А, вот! Рог, обладающий особыми качествами. Если его вставить в рот покойника, он стимулирует произнесение двадцати последних слов. Вставленный трупу в ухо, он производит передачу информации в безжизненный мозг... А что у нас здесь? Да, кстати: небольшое устройство, которое уже доставило много удовольствия!

И Войнод показал куклу, которая продекламировала героический стих, спела несколько вольную песенку и завязала пикировку с Кугелем, сидевшим на корточках ближе всех и очень внимательно наблюдавшим за происходящим.

В конце концов Войноду надоело это представление, и паломники один за другим отправились спать.

Кугель лежал без сна, заложив руки за голову, глядя на звезды и думая о неожиданно богатой Войнодовой коллекции чародейских инструментов и приспособлений.

Убедившись, что все уснули, Кугель поднялся на ноги и осмотрел спящего Войнода. Как он и ожидал, дорожный мешок был надежно заперт и хранился у Войнода под мышкой. Кугель подошел к небольшому складу, где лежали припасы, достал некоторое количество жира и смешал его с мукой до получения белой пасты. Потом он сложил из куска плотной бумаги небольшую коробочку и наполнил ее этой пастой.

После этого он вернулся на свое место.

На следующее утро Кугель устроил так, чтобы Войнод, как бы случайно, увидел, что он натирает мазью клинок своего меча.

Войнод немедленно пришел в ужас.

— Этого не может быть! Я поражен! Увы, бедный Лодермульк...

Кугель знаком показал ему замолчать.

— Что ты говоришь? — пробормотал он. — Я просто защищаю свой меч от ржавчины.

Войнод с неумолимой решительностью покачал головой.

— Все ясно! Ради своей выгоды ты убил Лодермулька! Мне ничего не остается делать, как только сообщить эти сведения ловцам воров в Эрзе Дамате.

Кугель сделал умоляющий жест.

— Не будь таким торопливым! Ты все неправильно понял! Я невиновен!

Войнод, высокий угрюмый человек с пурпурными синяками под глазами, длинным подбородком и высоким узким лбом, предостерегающе поднял руку.

— Я всегда нетерпимо относился к убийству. В этом случае должен применяться принцип равноценности и необходимо безжалостное возмездие. Как минимум, злодей ни в коем случае не должен воспользоваться результатами своего проступка!

— Ты имеешь в виду мазь? — деликатно поинтересовался Кугель.

— Вот именно, — ответил Войнод. — Справедливость не допустит ничего меньшего.

— Ты суровый человек, — огорченно воскликнул Кугель. — У меня нет иного выхода, как только подчиниться твоему решению.

Войнод протянул руку.

— Тогда отдавай мазь, и поскольку тебя явно

одолевают угрызения совести, я больше ничего не скажу об этом деле.

Кугель задумчиво поджал губы.

— Да будет так. Я уже умастил свой меч. Поэтому я пожертвую остаток мази в обмен на твое эротическое приспособление и вспомогательное устройство к нему, а также несколько менее важных талисманов.

— Я правильно расслышал? — разбушевался Войнод. — Твоя дерзость превосходит все! Подобные стимулянты бесценны!

Кугель пожал плечами.

— Эта мазь тоже не обыкновенный товар.

После небольшого спора Кугель уступил мазь в обмен на трубочку, выбрасывающую голубой концентрат на расстояние в пятьдесят шагов, и папирус, перечисляющий восемнадцать фаз Лаганетического Цикла. Этим ему пришлось удовольствоваться.

Вскоре на западном берегу показались внешние руины Эрзе Дамата: старинные виллы, ныне обвалившиеся и заброшенные среди разросшихся садов.

Паломники налегли на шесты, подталкивая плот к берегу. Вдали показалась вершина Черного Обелиска, при виде которой все испустили радостный крик. Плот пересек Скамандер наискосок и вскоре причалил у одного из разваливающихся старых пирсов.

Паломники быстро сошли на берег и собрались вокруг Гарстанга, который обратился ко всем:

— С чувством глубокого удовлетворения я могу теперь сложить с себя ответственность. Смотрите! Святой город, где Гилфин издал Гностические Догмы! Где он высек кнутом Кэзью и разоблачил Ведьму Энксис! Вполне вероятно, что священная нога ступала по этой самой земле! — Гарстанг драматическим жестом указал на землю, и паломники, глянув вниз, начали смущенно переминаться с ноги на ногу. — Будь что будет, мы здесь! И каждый из нас должен чувствовать облегчение. Путь был утомительным и небезопасным. Пятьдесят девять человек вышли из Долины Фольгуса. Бэмиш и Рэндол были схвачены в Сагча Филд; у моста через Аск к нам присоединился Кугель; на Скамандере мы потеряли Лодермулька. Теперь нас пятьдесят семь, и все мы друзья, испытанные и верные, и очень печально сейчас распускать наше сообщество, которое все мы будем помнить всю

жизнь! Через два дня начнутся Очистительные Обряды. Мы успели вовремя. Те, кто не растратил все свои капиталы в игре, — тут Гарстанг бросил суровый взгляд в сторону Кугеля, — могут поискать себе для ночлега комфортабельные постоялые дворы. Те, кто впал в нужду, должны будут пробавляться, как смогут. Теперь наше путешествие закончено. Наши дороги расходятся, хотя все мы обязательно встретимся через два дня у Черного Обелиска. Всего вам доброго!

Тут паломники разошлись. Некоторые отправились вдоль берега Скамандера к близлежащему постоялому двору, другие повернули в сторону и пошли в сам город.

Кугель подошел к Войноду.

— Как ты знаешь, я чужой в этих краях. Возможно, ты сможешь порекомендовать постоялый двор с большими удобствами по низкой цене.

— Это так, — сказал Войнод. — Я отправляюсь как раз в такое место — постоялый двор «Старая Дострийская Империя», расположенный на месте бывшего дворца. Если условия не изменились, там по не очень большой цене предлагают великолепные, роскошные покои и изысканные блюда.

Кугель одобрил перспективу. Вдвоем они отправились по улицам древнего Эрзе Дамата, мимо лепящихся в кучки хижин, покрытых штукатуркой; потом через район, где не было никаких зданий, а улицы образовывали шахматную доску с пустыми клетками; потом в квартал высоких особняков, все еще постоянно использующихся и расположенных в глубине замысловато спланированных садов. Люди в Эрзе Дамате были довольно красивыми, хоть и несколько коренастыми, чем народ Олмери. Мужчины носили только черное: туго обтягивающие панталоны и пиджаки с черными помпонами. Женщины были великолепны в своих платьях желтого, красного, оранжевого и ярко-розового цветов, а их нарядные туфли были расшиты оранжевыми и черными блестками. Голубой и зеленый цвета встречались редко, поскольку считались приносящими несчастье, а пурпурный символизировал смерть.

Женщины демонстрировали в прическах высокие перья, а мужчины носили изящные черные диски,

сквозь центральное отверстие которых торчала шевелюра. Казалось, в большой моде был смолистый бальзам, и за каждым, кого встречал Кугель, тянулся аромат алоэ, мирра или цинтии. В общем и целом, народ Эрзе Дамата выглядел не менее цивилизованным, чем народ Каучике, и гораздо более живым, чем вялые граждане Азеномея.

Впереди показался постоялый двор «Старая Дострийская Империя», который стоял неподалеку от Черного Обелиска. К разочарованию Кугеля и Войнода, все комнаты были заняты, и прислужник отказался впустить их.

— На Очистительные Обряды собралось множество благочестивых людей, — объяснил он. — Вам повезет, если вы найдете хоть какой-нибудь ночлег.

Так оно и оказалось: Кугель и Войнод ходили от одного постоялого двора к другому и везде получали отказ. Наконец они нашли приют на западной окраине города, у самой границы с Серебряной Пустыней, в большой таверне довольно сомнительного вида, которая называлась «Под Зеленой Лампой».

— Еще десять минут назад я не смог бы вас разместить, — заявил хозяин, — но ловцы воров схватили двух моих постояльцев, назвав их разбойниками и отъявленными мошенниками.

— Надеюсь, остальные твои клиенты не отличаются такими склонностями? — осведомился Войнод.

— Кто может сказать? — ответил хозяин. — Мое дело — обеспечить пищу, напитки и ночлег, не более того. Жуликам и головорезам хочется есть, пить и спать не меньше, чем ученым и ревнителям веры. Все когда-либо проходили через мои двери. В конце концов, я и о вас ничего не знаю.

Сгущались сумерки. Кугель и Войнод, не поднимая больше шума, устроились в таверне «Под Зеленой Лампой». Освежившись, они направились в общий зал, чтобы поужинать. Зал был довольно большим, с потемневшими от времени балками, полом, вымощенным темно-коричневой плиткой и многочисленными деревянными столбиками и колоннами — изрезанными и потрескавшимися — на которых стояли лампы. Постояльцы были людьми самого разного сорта, как намекал хозяин. Они могли похвастаться дюжиной разнообразных костюмов и цветов кожи. С одной

стороны сидели тощие, как змеи, жители пустыни, в кожаных туниках; с другой — четверо с белыми лицами и шелковистыми рыжими чубами. В самом конце стойки сидела группа наемных убийц в коричневых штанах, черных плащах и кожаных беретах; из уха у каждого свисал сферический самоцвет на золотой цепочке.

Кугель и Войнод съели ужин приличного качества, хотя и несколько грубо сервированный, а потом остались сидеть, попивая вино и размышляя над тем, как провести вечер. Войнод решил отрепетировать страстные крики и благочестивое исступление, которые он собирался продемонстрировать во время Очистительных Обрядов. Тогда Кугель стал умолять его одолжить талисман для эротической стимуляции.

— Женщины Эрзе Дамата предстают в самом выгодном свете, а с помощью этого талисмана я расширю свои познания об их способностях.

— Ни в коем случае, — сказал Войнод, поплотнее прижимая к себе дорожный мешок. — И причины не требуют дальнейших объяснений.

Кугель мрачно нахмурился. Претенциозные представления Войнода о самом себе казались особенно нелепыми и отвратительными из-за его нездоровой, изможденной и угрюмой внешности.

Войнод осушил свою кружку с педантичной бережливостью, вызвавшей еще большее раздражение Кугеля, и поднялся на ноги.

— А теперь я удалюсь к себе в комнату.

В тот момент, когда он поворачивался, один из наемных убийц, с важным видом пересекающий комнату, толкнул его. Войнод набросился на него с язвительными наставлениями. Бандит не захотел их проигнорировать:

— Как ты смеешь использовать такие слова по отношению ко мне! Вытаскивай меч и защищайся, или я отрежу тебе нос!

И он выхватил свой собственный клинок.

— Как хочешь, — сказал Войнод. — Минуточку, я найду меч.

Он подмигнул Кугелю, умастил клинок мазью и повернулся к противнику:

— Готовься к смерти, приятель!

Он величественно прыгнул вперед. Бандит, заметив-

ший приготовления Войнода, понял, что имеет дело с волшебством, и стоял, оцепенев от ужаса. Войнод взмахнул мечом и проткнул его насквозь, а потом вытер лезвие шляпой убитого.

Сидящие у стойки приятели бандита начали подниматься на ноги, но остановились, когда Войнод с замечательным апломбом повернулся к ним лицом.

— Осторожнее, вы, петухи с навозной кучи! Посмотрите на лицо вашего приятеля! Он умер, сраженный моим волшебным клинком, который сделан из неумолимого металла и режет камень и сталь как масло. Смотрите!

И Войнод ударил мечом по столбу. Лезвие, наткнувшись на железную скобу, разлетелось на дюжину кусков. Войнод остался стоять в полном замешательстве, зато бандиты ринулись вперед.

— Ну, что ты теперь скажешь о своем волшебном клинке? Наши клинки сделаны из обычной стали, но кусаются больно!

И через минуту Войнод был разрезан на куски.

Теперь убийцы повернулись к Кугелю.

— А как насчет тебя? Хочешь разделить судьбу своего дружка?

— Ни в коем случае, — заявил Кугель. — Этот человек был всего лишь моим слугой и носил мой дорожный мешок. Я — волшебник. Поглядите-ка на эту трубку! Я выпущу голубой концентрат на первого же, кто начнет угрожать мне!

Убийцы пожали плечами и отвернулись прочь. Кугель прибрал к рукам мешок Войнода, а потом жестом подозвал хозяина.

— Будь так добр, убери эти трупы. А затем принеси мне еще кружечку глинтвейна.

— А как быть со счетом твоего товарища? — брюзгливо осведомился хозяин.

— Я заплачу все полностью, не беспокойся.

Трупы были отнесены на задний двор. Кугель выпил последнюю кружку вина, после чего удалился в свою комнату и там разложил на столе содержимое мешка Войнода. Деньги отправились в его собственный кошелек; талисманы, амулеты и инструменты он упаковал в дорожный мешок; мазь отбросил в сторону. Довольный результатами дневных трудов, Кугель откинулся на ложе и вскоре заснул.

На следующий день Кугель побродил по городу, поднялся на самый высокий из восьми холмов. Вид, расстилающийся перед ним, был одновременно унылым и величественным. Слева и справа катились могучие воды Скамандера. Улицы города разграничивали прямоугольные кварталы руин, пустырей, оштукатуренных хижин бедняков и дворцов богачей. Эрзе Дамат был самым большим городом из всех, что когда-либо видел Кугель, гораздо более обширным, чем любой город в Олмери или Асколаисе, хотя в настоящее время большая его часть лежала в покрытых плесенью руинах.

Вернувшись в центральную часть города, Кугель отыскал будку профессионального географа и, оплатив услуги, осведомился о наиболее безопасной и быстрой дороге в Олмери.

Мудрец не стал давать торопливого и непродуманного ответа, а достал несколько карт и справочников. После глубокого раздумья он обернулся к Кугелю:

— Вот мой совет. Следуй по течению Скамандера на север, к Аску, потом продолжай путь вдоль Аска, пока не натолкнешься на мост на шести опорах. Здесь повернись лицом к северу, пройди вдоль Гор Магнаца, после чего окажешься перед тем лесом, что известен под названием Великой Везлюди. Иди на запад через этот лес, и дойдешь до берега Северного Моря. Здесь ты должен будешь построить лодку, обшить ее кожей и вверить свою судьбу силе ветра и течения. Если благодаря случаю ты достигнешь Земли Падающей Стены, то путь оттуда на юг в Олмери будет относительно легким.

Кугель нетерпеливо дернул плечами.

— Это примерно та дорога, по которой я пришел сюда. А другого пути нет?

— Вообще-то есть. Отчаянный человек может решиться и рискнуть пройти через Серебряную Пустыню, после чего он окажется у Певчего Моря, на другом берегу которого лежат непроходимые пустоши, примыкающие к Восточному Олмери.

— Ну что ж, это кажется приемлемым. Как я могу пересечь Серебряную Пустыню? Там ходят караваны?

— Зачем? Там нет никого, кто мог бы купить перевозимый таким образом товар — только бандиты, предпочитающие захватить все добро. Для того чтобы

устрашить этих бандитов, требуется отряд как минимум в сорок человек.

Кугель вышел из будки. В близлежащей таверне он выпил флягу вина, обдумывая, как лучше собрать отряд в сорок человек. Паломников, конечно, было пятьдесят шесть — нет, пятьдесят пять после смерти Войнода. И все же, такой группы вполне бы хватило...

Кугель выпил еще вина и стал размышлять дальше.

Наконец он заплатил по счету и направил свои стопы к Черному Обелиску. Вероятно, называть его «Обелиском» было не совсем точно, ибо это был огромный клык из однородного черного камня, поднимающийся над городом на высоту сотен футов. У его основания было вырезано пять фигур, смотрящих в разные стороны; каждая из них представляла Верховного Приверженца какой-либо конкретной веры. Гилфиг стоял лицом к югу, его четыре руки протягивали различные символы, а ноги опирались на шеи погруженных в экстаз молящихся; пальцы ног были удлинены и загнуты кверху, что указывало на элегантность и изящество.

Кугель обратился за сведениями к проходящему неподалеку прислужнику:

— Кто является Высшим Иерархом Черного Обелиска и где я могу найти его?

— Предтеча Хальм является этой персоной, — ответил прислужник и указал на великолепное здание неподалеку. — Внутри этого сооружения, усыпанного самоцветами, ты можешь найти его святилище.

Кугель пошел к указанному зданию и после долгих жарких объяснений был препровожден пред очи Предтечи Хальма — человека средних лет, довольно плотного и круглолицего. Кугель махнул рукой помощнику верховного жреца, который с такой неохотой привел его сюда:

— Иди! Моя весть предназначена лишь для ушей Предтечи.

Предтеча сделал знаки, и жрец удалился. Кугель придвинулся вперед.

— Я могу говорить, не боясь, что меня подслушают?

— Так оно и есть.

— Прежде всего, — сказал Кугель, — знай, что я — могущественный волшебник. Смотри: трубка, которая выбрасывает голубой концентрат! А здесь —

свиток, перечисляющий восемнадцать фаз Лаганетического Цикла! Вот этот инструмент — рог, который позволяет мертвым разговаривать, а использованный другим образом, может передать информацию в мертвый мозг! У меня в изобилии есть и другие чудеса!

— Действительно, интересно, — пробормотал Предтеча.

— Мое второе откровение таково: некогда я служил составителем благовоний в Храме Телеолога в далеких краях, где узнал, что каждая из священных статуй сооружается так, чтобы жрецы, в случае необходимости, могли совершать действия, приписываемые самому божеству.

— Почему бы и нет? — благодушно осведомился Предтеча. — Божество, контролирующее каждый аспект существования, склоняет жрецов совершать подобные действия.

Кугель выразил согласие с этим замечанием.

— Поэтому я предполагаю, что статуи, вырезанные на Черном Обелиске, в некотором отношении подобны другим.

Предтеча улыбнулся.

— Какую конкретно из пяти ты подразумеваешь?

— Конкретно — изображение Гилфига.

В глазах Предтечи появилось отсутствующее выражение. Казалось, он размышляет.

Кугель указал на различные талисманы и инструменты.

— В благодарность за услугу я передам некоторые из этих приспособлений на попечение твоего ведомства.

— А что это за услуга?

Кугель объяснил во всех подробностях, и Предтеча задумчиво кивнул.

— Ты не мог бы еще раз продемонстрировать свои магические товары?

Кугель сделал это.

— Это все твои приспособления?

Кугель с неохотой выложил эротический стимулятор и объяснил функции вспомогательного талисмана. На этот раз Предтеча энергично покивал головой.

— Я думаю, что мы можем достичь соглашения. Все будет так, как захочет всемогущий Гилфиг.

— Значит, мы договорились.

— Договорились.

На следующее утро группа из пятидесяти пяти

паломников собралась у Черного Обелиска. Они распростерлись перед фигурой Гилфига и приготовились к своим обрядам. Внезапно глаза статуи сверкнули огнем, и рот открылся.

— Паломники! — раздался металлический голос. — Идите и исполните мое повеление. Вы должны отправиться через Серебряную Пустыню к берегам Певчего Моря! Здесь вы найдете святилище, перед которым должны будете преклониться. Идите! Через Серебряную Пустыню, со всей возможной скоростью!

Голос затих. Гарстанг заговорил дрожащим голосом:

— Мы слышим, о Гилфиг! Мы повинуемся!

В этот момент Кугель метнулся вперед.

— Я тоже слышал это чудо! Я тоже совершу это путешествие! Идемте, отправляемся в путь.

— Не так быстро, — сказал Гарстанг. — Мы не можем бежать вприпрыжку, подобно дервишам. Нам понадобятся припасы, а также вьючные животные. Для этого потребуются некоторые средства. Кто сможет внести их?

— Я предлагаю двести терций!

— А я — шестьдесят терций, все мое богатство!

— А у меня, кто потерял девяносто терций, играя с Кугелем, осталось только сорок терций, которые я сейчас и вношу.

Все продолжали в том же духе, и даже Кугель внес в общий фонд шестьдесят пять терций.

— Хорошо, — сказал Гарстанг. — Значит, завтра я сделаю соответствующие приготовления, и на следующий день, если все пойдет хорошо, мы покинем Эрзе Дамат через Старые Западные Ворота!

* * *

Наутро Гарстанг, в сопровождении Кугеля и Касмайра, отправился добывать необходимое снаряжение. Их направили на тягловый двор, расположенный в одной из ныне пустующих зон, окруженных бульварами старого города. Стены из глиняных кирпичей, смешанных с украшенными резьбой обломками камня, окружали территорию, откуда доносились всевозможные звуки: вопли, выкрики, низкое мычание, гортанный рык, лай, визг и рев — и сильный запах, состоящий из компонентов, сочетающий в себе амми-

ак, силос, дюжину сортов навоза и примесь подгнившего мяса.

Пройдя под порталом, путешественники вошли в кабинет, выходящий окнами на центральный двор, где в загонах, клетках и загородках содержались столь разнообразные животные, что Кугель был просто изумлен.

Смотритель двора вышел к ним. Это был высокий человек с желтой кожей и множеством шрамов. У него не хватало носа и одного уха. На нем была туника из серой кожи, подпоясанная в талии, и высокая черная шляпа в форме конуса с ушными клапанами.

Гарстанг изложил цель их визита.

— Мы — паломники, которые должны отправиться в путешествие через Серебряную Пустыню. Хотели бы нанять вьючных животных. Нас пятьдесят или более человек, и нам предстоит пройти по двадцать дней в каждом направлении и провести, возможно, дней пять в отправлении религиозных обрядов. Пусть эта информация направляет тебя в твоих размышлениях. Естественно, мы ожидаем, что получим наиболее крепких, трудолюбивых и послушных животных, находящихся в твоем распоряжении.

— Все это очень хорошо, — заявил смотритель, — но моя цена найма идентична цене продажи, так что вы с таким же успехом можете воспользоваться своими деньгами в полной мере, что выразится в праве на владение животными, по поводу которых будет совершаться сделка.

— А цена? — поинтересовался Касмайр.

— Это зависит от вашего выбора. Каждое животное идет по своей собственной стоимости.

Гарстанг, разглядывая территорию двора, удрученно покачал головой.

— Признаюсь, что я в замешательстве. Все животные здесь совершенно разного вида, и ни одно, похоже, не подходит ни под какую-то четко определенную категорию.

Смотритель признал, что так оно и есть.

— Если вы согласитесь выслушать меня, я могу все объяснить. Эта история занимательна от начала до конца и поможет вам лучше управляться с вашими животными.

— Значит, мы получим двойную пользу от того, что тебя выслушаем, — вежливо сказал Гарстанг, хотя Кугель начал нетерпеливо жестикулировать.

Смотритель подошел к полке и снял с нее фолиант в кожаном переплете.

— В прошедшем тысячелетии Безумный Король Кутт приказал устроить для своего личного развлечения и для изумления мира зверинец, каких еще не видывали. Его волшебник Фоллиненс сотворил для этого группу уникальных животных и уродов, используя самые безумные комбинации различных видов плазмы. Результаты этого вы видите.

— Неужели зверинец просуществовал так долго? — в удивлении спросил Гарстанг.

— Конечно, нет. От Безумного Короля Кутта ничего не сохранилось, кроме этой легенды и записной книги волшебника Фоллиненса. — Здесь он постучал по кожаному переплету фолианта. — Она описывает его необычную системологию. Например... — он открыл книгу. — Так... гм-м. Вот высказывание, чуть менее пространное, чем остальные, где он анализирует полулюдей. Это не более, чем короткий набор заметок:

«Гэд — гибрид человека, химеры, прыгающего насекомого.

Деодан — росомаха, василиск, человек.

Эрб — медведь, человек, веретенница, демон.

Грув — человек, очковая летучая мышь, необычная разновидность.

Лейкоморф — неизвестно.

Базил — фелинодор, человек, оса».

Касмайр от изумления хлопнул в ладоши.

— Значит, Фоллиненс создал этих существ к последующему ущербу для человечества?

— Конечно, нет, — сказал Гарстанг. — Это больше похоже на упражнения в пустых раздумьях. Дважды он признается, что не знает ответа.

— В данном случае я склоняюсь к такому же мнению, — заявил смотритель, — хотя в других местах он проявляет меньше сомнений.

— А как те животные, что находятся перед нами, связаны со зверинцем? — спросил Касмайр.

Смотритель пожал плечами.

— Еще одна из шуточек Безумного Короля. Он выпустил всю свою коллекцию в окрестностях города,

чем вызвал повсюду беспорядки. Существа, наделенные эклектической плодовитостью, стали даже еще более странными, и теперь они в больших количествах бродят по Равнине Опароны и Лесу Блэнвальт.

— Ну так, а как насчет нас? — поинтересовался Кугель. — Нам нужны вьючные животные, послушные и неприхотливые, а не уроды и монстры, какими бы занимательными они ни были.

— Некоторые из моего обширного поголовья способны выполнять такие функции, — с достоинством ответил смотритель. — Эти идут по самой высокой цене. С другой стороны, всего за одну терцию вы можете получить длинношеее существо с большим животом, отличающееся невероятной прожорливостью.

— Цена очень привлекательна, — с сожалением сказал Гарстанг. — К несчастью, нам нужны животные, которые могли бы нести пищу и воду через Серебряную Пустыню.

— В таком случае нам нужно иметь в виду более конкретную цель. — Смотритель принялся рассматривать своих подопечных. — Высокий двуногий зверь, вероятно, менее свиреп, чем это кажется с первого взгляда...

В конечном итоге они собрали караван, насчитывающий пятнадцать животных, и договорились о цене. Смотритель привел зверей к калитке; Гарстанг, Кугель и Касмайр приняли их в собственность и умеренным шагом повели пятнадцать разносортных существ через улицы Эрзе Дамата к Западным Воротам. Здесь Кугеля оставили присматривать за караваном, а Гарстанг и Касмайр отправились покупать припасы и другие необходимые вещи.

К наступлению сумерек все приготовления были закончены, и на следующее утро, когда первые бордовые лучи солнечного света коснулись Черного Обелиска, паломники отправились в путь. Животные несли корзины с пищей и бурдюки с водой. На всех паломниках были новые туфли и шляпы с широкими полями. Гарстанг не смог нанять проводника, но зато приобрел у географа карту, хотя на ней был показан лишь маленький кружок, обозначенный как Эрзе Дамат, и более крупная территория с пометкой «Певчее Море».

Кугелю дали вести одно из животных, двенадцатиногое существо двадцати футов длиной с маленькой, глупо ухмыляющейся детской головкой и все покрытое рыжевато-коричневым мехом. Кугеля это поручение раздражало, потому что животное дышало вонью ему в затылок и несколько раз подходило так близко, что наступало Кугелю на пятки.

Из пятидесяти семи паломников, сошедших с плота, сорок девять отправились на поиски святилища на берега Певчего Моря, и это число почти тотчас же уменьшилось до сорока восьми. Некто Тохарин, сошедший с тропы по естественной надобности, был укушен чудовищным скорпионом и гигантскими скачками умчался на север, хрипло вопя, пока вскоре не скрылся из вида.

День прошел без дальнейших инцидентов. Земля была сухой, серой пустыней, усеянной камнями и родившей только железную траву. К югу простиралась гряда низких холмов. Кугелю показалось, что он видит одну или две фигуры, неподвижно стоящие на гребне. На закате караван сделал привал. Кугель, вспомнив о бандитах, которые, по слухам, водились в этом районе, убедил Гарстанга поставить двух часовых: Липпельта и Мирк-Мэйсена.

Наутро часовые исчезли без следа, и паломники почувствовали тревогу и подавленность. Они стояли, сбившись в беспокойную кучку, и оглядывались по сторонам. Пустыня была плоской и бесцветной в темном слабом свете зари. На юге виднелось несколько холмов, и только их гладкие вершины были освещены; во всех остальных направлениях земля была плоской до самого горизонта.

Вскоре караван тронулся в путь, и теперь их осталось только сорок шесть. Кугеля, как и прежде, приставили к длинному многоногому животному, которое теперь завело моду бодать Кугеля своей ухмыляющейся физиономией между лопаток.

День прошел без каких-либо событий. Мили впереди стали милями позади. Первым шагал Гарстанг с посохом в руке, за ним Витц и Касмайр, за которыми следовало несколько других. Дальше шли вьючные животные, каждое из которых отличалось своим собственным характерным силуэтом: одно приземистое и извивающееся; другое высокое, на двух ногах, почти с

человеческой фигурой, если не считать головы, которая была маленькой и сплюснутой, как панцирь краба-мечехвоста. Еще одно, с горбатой спиной, казалось, подпрыгивало или скакало на шести негнущихся ногах; другое было похоже на лошадь, покрытую белыми перьями. За животными тянулись остальные паломники. Бланер, как обычно, шел последним в соответствии с преувеличенным самоуничижением, к которому он был склонен. На привале в этот вечер Кугель вытащил расширяющуюся ограду, которая некогда была собственностью Войнода, и окружил паломников надежным частоколом.

На следующий день путешественники пересекли гряду невысоких гор, и здесь на них напали бандиты. Однако это, казалось, была всего лишь разведка боем, и единственной жертвой оказался Хакст, который был ранен в пятку. Но два часа спустя произошло более серьезное событие. Когда они проходили под склоном горы, оттуда сорвался большой камень и прокатился через весь караван, убив одно животное, а также канатоходца Андла и скептика Роурмоунда. В течение ночи умер и Хакст, несомненно отравленный ранившим его оружием.

С мрачными лицами паломники двинулись в путь и почти сразу же были атакованы из засады бандитами. К счастью, путешественники были настороже, и в результате бандиты бежали, оставив дюжину убитых, в то время как караван потерял только Крэя и Магастена.

Теперь среди паломников начало раздаваться недовольное ворчание, и взгляды поворачивались на восток, к Эрзе Дамату. Гарстанг попытался поднять упавший дух:

— Мы — гилфигиты! Гилфиг сказал! На берегах Певчего Моря мы отыщем священное место! Гилфиг всеведущ и всемилостив. Те, кто пали в служении ему, немедленно переносятся в райский Гамомер! Паломники! На запад!

Приободрившись, караван снова отправился в путь, и день прошел без особых происшествий. В течение ночи, однако, три вьючных животных высвободились из своих пут и удрали из лагеря, и Гарстангу пришлось сократить паек для всех.

На седьмой день пути Тимфокс съел пригоршню ядовитых ягод и умер в судорогах, после чего его брат Витц, оратор, впал в безумие и стал бегать вдоль вереницы животных, поминая всуе имя Гилфига и вспарывая ножом бурдюки с водой, пока Кугель наконец не убил его.

Два дня спустя изможденные путники набрели на источник. Несмотря на предупреждение Гарстанга, Сайанэйв и Арло бросились на землю и начали пить воду огромными глотками. Почти тут же они схватились за животы, давясь и задыхаясь, их губы приобрели цвет песка, и вскоре они умерли.

Неделю спустя пятнадцать человек и четыре животных преодолели подъем и взглянули вдаль на спокойные воды Певчего Моря. Кугель выжил, и вместе с ним Гарстанг, Касмайр и Сабакуль. Перед ними лежало болото, питаемое небольшим ручьем. Кугель проверил воду амулетом, которым его снабдил Юкуну, и объявил ее безвредной. Все напились до отвала, поели тростника, превращенного в питательную, хоть и безвкусную субстанцию тем же амулетом, и уснули.

Кугеля разбудило предчувствие какой-то опасности. Вскочив, он увидел, что тростники зловеще шевелятся. Он разбудил своих приятелей, и все приготовили к бою оружие, однако то, что шевелилось в тростниках, встревожилось и исчезло.

Полдень уже давно прошел. Паломники спустились к унылому берегу, чтобы оценить ситуацию. Они посмотрели на север и на юг, но не увидели никаких признаков святилища. Разгорелись страсти. Началась ссора, успокоить которую Гарстанг смог только посредством искуснейших убеждений.

Потом Балк, который бродил вдоль берега, вернулся в необычайном оживлении:

— Деревня!

Все пустились туда, с надеждой и охотой, но деревня, когда путники подошли к ней, оказалась очень бедной — кучка тростниковых хижин, населенных людьми-ящерицами. Они вызывающе скалили зубы и били по земле жилистыми голубыми хвостами. Паломники возвратились на старое место и уселись на дюнах, глядя на невысокие волны Певчего Моря.

Гарстанг, ослабевший и согнувшийся от перенесенных лишений, заговорил первым, пытаясь вдохнуть оживление и бодрость в свой голос.

— Мы дошли до места назначения, мы восторжествовали над ужасной Серебряной Пустыней! Теперь нам нужно только определить местонахождение святилища и совершить наши обряды. Потом мы сможем вернуться в Эрзе Дамат, к будущему, где нам уготовано блаженство!

— Все это очень хорошо, — пробурчал Бальк, — но где искать это святилище? И справа, и слева от нас — все тот же унылый берег!

— Мы должны вверить себя руководству Гилфига, — заявил Сабакуль. Он нацарапал стрелку на куске дерева, дотронулся до нее священной лентой и воззвал:

— Гилфиг, о Гилфиг! Укажи нам путь к святилищу! Сим я бросаю вверх указатель с отметкой!

И он подбросил щепку высоко в воздух. Когда она упала, стрелка показала на юг.

— Мы должны идти на юг! — воскликнул Гарстанг. — На юг, к святилищу!

Но Бальк и несколько других отказались подчиняться.

— Неужели ты не видишь, что мы устали до смерти? По моему мнению, Гилфигу следовало бы направить наши стопы к святилищу, а не бросать нас в жертву неуверенности!

— Гилфиг и так направил нас! — ответил Сабакуль. — Разве ты не видел, куда показала стрелка?

Бальк рассмеялся каркающим сардоническим смехом.

— Любая щепка, подкинутая в воздух, должна упасть на землю, и она может с тем же успехом указать на юг, что и на север.

Сабакуль отшатнулся в ужасе.

— Ты богохульствуешь!

— Вовсе нет. Я не уверен, что Гилфиг услышал твои призывы, или, может быть, ты дал ему недостаточно времени, чтобы отреагировать. Подбрось щепку сто раз. Если она в каждом случае укажет на юг, я потороплюсь пойти туда.

— Хорошо, — сказал Сабакуль. Он снова воззвал к Гилфигу и подбросил щепку, но когда она ударилась о землю, стрелка показала на север.

Бальк ничего не сказал. Сабакуль моргнул, потом побагровел.

— У Гилфига нет времени на игры. Он указал нам путь один раз и счел это достаточным.

— Я не убежден в этом, — сказал Бальк.

— И я.

— И я.

Гарстанг умоляюще поднял вверх руки.

— Мы проделали долгий путь. Мы трудились, радовались, сражались и страдали вместе — давайте теперь не будем увязать в разногласиях!

Бальк и остальные только пожали плечами.

— Мы не собираемся пускаться вслепую на юг.

— Что же вы тогда собираетесь делать? Идти на север? Или возвращаться в Эрзе Дамат?

— Эрзе Дамат? Без еды и только с четырьмя вьючными животными? Пф!

— Тогда давайте пойдем на юг на поиски святилища.

Бальк снова упрямо пожал плечами, при виде чего Сабакуль рассвирепел.

— Пусть будет так! Те, кто идет на юг, — сюда. Те, кто хочет связать свою судьбу с Бальком, — туда!

Гарстанг, Кугель и Касмайр присоединились к Сабакулю; все прочие остались с Бальком — эта группа насчитывала одиннадцать человек — и теперь перешептывались между собой, а четыре оставшихся верными паломника наблюдали за ними с опаской.

Одиннадцать отступников вскочили на ноги:

— Прощайте.

— Куда вы пойдете? — спросил Гарстанг.

— Неважно. Ищите свое святилище, если вам так хочется. Мы займемся своими делами.

Попрощавшись как можно короче, они направились к деревне людей-ящериц, убили всех мужчин, подпилили зубы женщинам, нарядили их в одежды из тростника и провозгласили себя лордами этой деревни.

А Гарстанг, Сабакуль, Касмайр и Кугель шли в это время на юг вдоль берега. С наступлением ночи они разбили лагерь и поужинали моллюсками и крабами. Утром они обнаружили, что четыре оставшихся вьючных животных сбежали, и теперь путники остались одни.

— Это воля Гилфига, — сказал Сабакуль. — Нам нужно только найти святилище и умереть.

— Мужайтесь! — пробормотал Гарстанг. — Давайте не будем поддаваться отчаянию!

— А что еще нам осталось? Увидим ли мы когда-нибудь снова Долину Фолыгуса?

— Кто знает? Давайте сначала свершим наши обряды в святилище.

С этими словами они пошли дальше и шагали весь остаток дня. К наступлению ночи они чувствовали себя слишком усталыми, чтобы сделать что-либо, кроме как повалиться на песок.

Перед ними расстилалось море, плоское, как стол, и такое спокойное, что заходящее солнце отбрасывало не дорожку, а, скорее, свое точное отражение. Моллюски и крабы снова обеспечили путникам скудный ужин, после чего они устроились на ночлег прямо на песке.

Где-то после полуночи Кугель проснулся от звуков музыки. Подскочив, он посмотрел на море и увидел, что на воде возник призрачный город. В небо поднялись тонкие башни, освещенные сверкающими пылинками белого света, медленно скользившими вверх и вниз, взад и вперед. По аллеям неторопливо прогуливалась самая веселая и нарядная толпа, какую только можно было представить. В белых сияющих одеждах и с рожками, издающими нежные звуки. Мимо проплыла барка, выстланная шелковыми подушками и приводимая в движение гигантским парусом из василькового шелка. Лампы на носу и у руля освещали палубу, заполненную гуляющими: некоторые пели и играли на лютнях, другие пили из кубков.

Кугелю до боли хотелось разделить их радость. Он кое-как поднялся на колени и позвал незнакомцев. Музыканты опустили свои инструменты и стали разглядывать его, но тут баржа уплыла прочь, подталкиваемая огромным голубым парусом. Вскоре город замерцал и исчез, оставив вместо себя лишь темное ночное небо.

Кугель уставился во тьму. Горло его сжалось от горя, какого он никогда не испытывал раньше. К своему удивлению, он обнаружил, что стоит у кромки воды. Рядом с ним были Сабакуль, Гарстанг и Кассмайр. Все вглядывались друг в друга сквозь тьму, но

не обменивались ни словом. Потом все отошли в глубь берега и вскоре уснули на песке.

Весь следующий день они мало разговаривали и даже избегали друг друга, словно каждый из четырех желал остаться наедине со своими мыслями. Время от времени то один, то другой поглядывал без особого энтузиазма на юг, но никому, казалось, не хотелось покидать это место, и никто не заговаривал об уходе.

День прошел, а паломники так и не вышли из полуоцепенелого состояния. Солнце село, и наступила ночь. Но никто из путников даже не пытался заснуть.

В полночь вновь появился призрачный город. На этот раз праздник был в самом разгаре. В небе расцветали чудесные затейливые фейерверки: кружева, сети, взрывы звезд красного, зеленого, голубого и серебристого цвета. Вдоль набережной прошла процессия призрачных девушек, наряженных в костюмы, переливающиеся всеми цветами радуги, призрачных музыкантов в просторных красно-оранжевых одеждах, кувыркающихся призрачных арлекинов. В течение нескольких часов над водой разносился шум гулянья. Кугель вошел в воду по колено и стоял так, глядя на празднество, пока все не успокоилось и город не исчез. Когда Кугель отвернулся, остальные последовали за ним на берег.

На следующий день все чувствовали слабость от голода и жажды. Кугель хрипло пробормотал, что им нужно идти дальше. Гарстанг кивнул и сказал осипшим голосом:

— К святилищу, святилищу Гилфига!

Сабакуль кивнул. Его лицо, некогда пухлое, было изможденным, со впавшими щеками. Глаза подернулись пеленой и затуманились.

— Да. — Его дыхание вырывалось со свистом. — Мы отдохнули. Надо идти дальше.

Касмайр тупо кивнул.

— К святилищу!

Но никто не пошел на юг. Кугель добрел до гребня прибрежной полосы и уселся ждать наступления ночи. Глянув вправо, он увидел человеческий скелет, сидящий в позе, похожей на его собственную. Содрогнувшись, Кугель повернулся налево. Здесь был второй скелет, на этот раз разрушенный временем и погодой, а за ним еще один — просто куча костей.

Кугель поднялся на ноги и рысцой побежал к остальным.

— Быстро! — закричал он. — Пока у нас еще есть силы! На юг! Идемте, иначе мы умрем, как те, чьи кости лежат наверху!

— Да, да, — пробормотал Гарстанг. — К святилищу.

И тяжело поднялся на ноги.

— Идемте! — позвал он остальных. — Мы уходим на юг!

Сабакуль поднялся и выпрямился. Касмайр сделал вялую попытку встать и снова свалился на песок.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Когда вы дойдете до святилища, заступитесь за меня перед Гилфигом. Объясните ему, что чары одолели силу моего тела.

Гарстанг хотел остаться и уговорить Касмайра, но Кугель указал на заходящее солнце.

— Если мы подождем до темноты, мы пропали! Завтра у нас не останется сил!

Сабакуль взял Гарстанга за руку.

— Мы должны уйти отсюда до наступления ночи.

Гарстанг сделал последнюю попытку уговорить Касмайра.

— Мой друг и товарищ, соберись с силами. Вместе мы пришли из далекой Долины Фольгуса, спустились на плоту по Скамандеру и пересекли ужасную пустыню! Неужели мы должны расстаться прежде, чем дойдем до святилища?

— Идем к святилищу! — проскрипел Кугель.

Но Касмайр отвернулся. Кугель и Сабакуль увлекли Гарстанга прочь. По его иссохшим щекам катились слезы.

Шатаясь, они шли вдоль берега на юг, отводя глаза от ясной, гладкой поверхности моря.

Умирающее солнце опустилось за горизонт, взметнув ввысь разноцветный веер лучей. Разбросанные высоко в небе клочки облаков горели спокойной желтизной на фоне странного бронзово-коричневого неба. Опять появился город, и никогда не казался он таким великолепным, как в эту ночь. На шпилях играли отблески заката; вдоль набережной прогуливались юноши и девушки с цветами в волосах; время от времени они приостанавливались, чтобы взглянуть на троих путников, идущих по берегу. Закат погас. В

городе засверкали белые огни, и по воде разнеслась музыка. Долгое время она преследовала троих паломников, но наконец начала замирать вдали и утихла совсем. Однообразное и гладкое море простиралось на запад, отражая последние коричнево-оранжевые сполохи.

Примерно в это время паломники нашли ручей со свежей водой, неподалеку от которого росли ягоды и дикие сливы. Здесь путники остановились на ночлег. Наутро Кугель сделал ловушку, в которую попалась рыба, а также поймал на берегу несколько крабов. Трое паломников с новыми силами пошли на юг, все время высматривая впереди святилище, в появление которого Кугель почти уже начал верить, настолько сильна была убежденность Гарстанга и Сабакуля. Однако по мере того, как они продвигались вперед, именно благочестивый Сабакуль начал отчаиваться, подвергать сомнению искренность полученного от Гилфига повеления, терять уверенность в неотъемлемой добродетели самого Гилфига.

— Чего мы добились этим мучительным паломничеством? Неужели Гилфиг сомневается в нашей набожности? Вне всякого сомнения, мы доказали ее присутствием на Очистительных Обрядах. Зачем он послал нас так далеко?

— Пути Гилфига неисповедимы, — сказал Гарстанг. — Мы все-таки пришли сюда. И должны продолжать, продолжать и продолжать искать!

Сабакуль застыл на месте и оглянулся назад, туда, откуда они пришли.

— Вот мое предложение. Давайте воздвигнем на этом месте каменный алтарь, который и станет нашим святилищем. Потом исполним обряд. Когда требования Гилфига будут удовлетворены, мы сможем обратить лица к северу, к деревне, где остались наши товарищи. И там, если нам повезет, мы сможем изловить наших вьючных животных, пополнить запасы и отправиться через пустыню. Может быть, нам удастся вновь добраться до Эрзе Дамата.

Гарстанг заколебался.

— В пользу твоего предложения говорит многое. И все же...

— Лодка! — закричал Кугель. Он показал на море, где в полумиле от берега плыла рыбацкая

лодка, подгоняемая вперед квадратным парусом, свисающим с длинной гибкой реи. Лодка исчезла за мысом, поднимавшимся в миле к югу от того места, где стояли паломники. Кугель показал на деревню дальше по берегу.

— Замечательно! — объявил Гарстанг. — Эти люди могут быть нашими братьями-гилфигитами, а эта деревня — местом, где находится святилище! Идемте!

Но Сабакуль все еще противился.

— Неужели знания о священных текстах могли проникнуть так далеко?

— Необходимо соблюдать осторожность, — сказал Кугель. — Мы должны все очень тщательно разведать.

И он повел паломников за собой через заросли тамариска и лиственницы к месту, откуда можно было взглянуть сверху вниз на деревню.

Хижины были грубо построены из черного камня и служили приютом какому-то народу свирепой наружности. Черные волосы стояли иглами над круглыми лицами цвета глины; на плотных плечах, словно эполеты, росла грубая черная щетина. Как у мужчин, так и у женщин без разбора изо рта торчали клыки, а вся их речь состояла из хриплых рыкающих криков.

Кугель, Гарстанг и Сабакуль отступили назад со всеми возможными предосторожностями и, спрятавшись среди деревьев, начали совещаться приглушенными голосами.

Гарстанг наконец впал в уныние и не видел больше ничего, на что можно было надеяться.

— Я истощен как духовно, так и физически. Наверное, именно здесь я умру.

Сабакуль посмотрел на север.

— Я возвращаюсь, чтобы попытать счастья в Серебряной Пустыне. Если все пройдет хорошо, я снова доберусь до Эрзе Дамата или даже до Долины Фольгуса.

Гарстанг повернулся к Кугелю:

— А что будешь делать ты, раз мы нигде не можем найти святилище Гилфига?

Кугель показал на пристань, к которой было пришвартовано несколько лодок.

— Моя цель — Олмери, по ту сторону Певчего

Моря. Я предлагаю реквизировать лодку и отправиться на запад.

— Тогда я прощаюсь с тобой, — сказал Сабакуль. — Гарстанг, ты идешь?

Гарстанг покачал головой.

— Это слишком далеко. Я не сомневаюсь, что в пустыне я умру. Нет, я пересеку море вместе с Кугелем и понесу Слово Гилфигово народу Олмери.

— Тогда я прощаюсь и с тобой тоже, — сказал Сабакуль. Потом он быстро отвернулся, чтобы скрыть эмоции на своем лице, и зашагал на север.

Кугель и Гарстанг смотрели, как коренастая фигура уменьшается вдали и исчезает. Потом они повернулись и начали разглядывать пристань. Гарстанга терзали сомнения:

— Лодки кажутся достаточно надежными для моря, но «реквизировать» значит «украсть»: действие, на которое Гилфиг смотрит с особым неодобрением.

— Никаких трудностей нет, — сказал Кугель. — Я положу на пристань золотые монеты — столько, сколько по чести может стоить лодка.

Гарстанг с сомнением согласился.

— А как же насчет пищи и воды?

— После того как мы заполучим лодку, мы поплывем вдоль берега, пока не сможем достать припасы, а потом отправимся строго на запад.

На это Гарстанг согласился, и они оба принялись осматривать лодки, сравнивая одну с другой. Наконец они остановились на крепком суденышке десяти или двенадцати футов длиной, довольно широком, с небольшой кабиной.

С наступлением сумерек они прокрались к пристани. Все было тихо: рыбаки уже вернулись в деревню. Гарстанг поднялся на борт и доложил, что все в полном порядке. Кугель начал отвязывать линь, когда с конца пристани донесся яростный вопль и дюжина крепких рыбаков с топотом бросилась к лодке.

— Мы пропали! — воскликнул Кугель. — Беги что есть мочи, а еще лучше — уплывай!

— Это невозможно, — заявил Гарстанг. — Если это смерть, я приму ее со всем достоинством, на которое я способен!

И он поднялся на палубу.

Вскоре их окружили жители деревни всех возра-

стов, привлеченные шумом. Один из старейшин деревни осведомился суровым голосом:

— Что вы делаете здесь, пробираясь тайком на нашу пристань и собираясь украсть лодку?

— Наши побуждения так просты, что проще не бывает, — ответил Кугель. — Мы хотим пересечь море.

— Что? — взревел старец. — Но как это возможно? В лодке нет ни воды, ни пищи, и она плохо снаряжена. Почему вы не подошли к нам и не сказали, что вам нужно?

Кугель моргнул и обменялся взглядами с Гарстангом, потом пожал плечами.

— Я буду честен. Ваша внешность вызвала у нас такую тревогу, что мы не осмелились.

Это замечание вызвало в толпе смешанное веселье и удивление. Заговоривший с ними старец сказал:

— Мы все озадачены. Объясни, будь так добр.

— Хорошо, — сказал Кугель. — Могу я быть абсолютно откровенным?

— Конечно!

— Некоторые детали вашей внешности произвели на нас впечатление зловещих и варварских. Выступающие клыки, черные гривы, окружающие ваши лица, какофония вашей речи — и это только несколько примеров.

Жители деревни недоверчиво рассмеялись.

— Какая чушь! — воскликнули они. — Наши зубы так длинны, чтобы можно было разрывать жесткую рыбу, которой мы питаемся. Волосы мы носим таким образом, чтобы отпугивать некое ядовитое насекомое, а поскольку мы все глуховаты, то, вероятно, имеем склонность кричать. А в сущности, мы мирный и добрый народ.

— Вот именно, — сказал старец, — и чтобы убедить вас в этом, завтра мы снарядим нашу лучшую лодку и отправим вас в путь с добрыми пожеланиями. А сегодня будет праздник в вашу честь.

— Вот истинно святая деревня, — провозгласил Гарстанг. — Вы, случайно, не почитаете Гилфига?

— Нет, мы преклоняемся перед богом-рыбой Йобом, который, кажется, помогает так же хорошо, как и любой другой. Но давайте пойдем наверх, в деревню. Мы должны подготовить все к празднеству.

Они поднялись по ступенькам, вырубленным в кам-

не утеса и ведущим на площадку, освещенную дюжиной пылающих факелов. Старец указал на одну хижину, более удобную, чем остальные.

— Здесь вы устроитесь на ночь. Я буду спать в другом месте.

Гарстанг опять счел необходимым высказаться по поводу великодушия жителей рыбацкой деревни, в ответ на что старец склонил голову:

— Мы пытаемся достичь духовного единства. И мы даже символизируем этот идеал главным блюдом наших церемониальных праздников.

Он повернулся и хлопнул в ладоши.

— Давайте готовиться!

Рыбаки повесили на треногу огромный котел, установили колоду с большим мясницким ножом, и теперь каждый из них, проходя мимо колоды, отрубал себе палец и кидал его в котел.

Старец объяснил:

— Этим простым обрядом, к которому, как мы, естественно, ожидаем, присоединитесь и вы, мы демонстрируем общность наших традиций и нашу зависимость друг от друга. Давайте встанем в очередь.

И у Гарстанга, и у Кугеля не было иного выбора, как отрезать по пальцу и бросить их в горшок вместе с остальными.

Праздник продолжался за полночь. Наутро жители деревни сдержали свое слово. Они приготовили особенно прочную лодку и нагрузили ее припасами, включая и пищу, оставшуюся от вчерашнего праздника.

Провожающие собрались на пристани. Кугель и Гарстанг выразили свою благодарность, потом Кугель поднял парус, а Гарстанг отдал швартовы. Ветер наполнил парус, и лодка заскользила по волнам Певчего Моря. Постепенно берег слился с дымкой на горизонте, и паломники остались одни. Со всех сторон их окружала только вода, отливающая темным металлическим блеском.

Наступил полдень, а лодка двигалась в пустоте стихий: вода внизу, воздух наверху; тишина во всех направлениях. День был долгим, ирреальным, как сон, и за меланхолическим величием заката последовали сумерки цвета разбавленного вина. Ветер, казалось, усилился, и всю ночь лодка шла на запад. На

рассвете ветер стих. Кугель и Гарстанг уснули под лениво обвисшими парусами.

Этот цикл повторился восемь раз. На утро девятого дня мореплаватели заметили впереди низкую линию берега. После полудня они провели свое суденышко через волны, мягко разбивающиеся о широкий белый пляж.

— Значит, это и есть Олмери? — спросил Гарстанг.

— Я думаю, да, — сказал Кугель, — но не знаю точно, какая его часть. Азеномей может лежать на севере, западе или юге. Если лес вон там — тот же, что окружает Восточный Олмери, то нам будет лучше обойти его стороной, так как у него зловещая репутация.

Гарстанг указал вдоль берега:

— Посмотри: еще одна деревня. Если народ в ней похож на народ по ту сторону моря, то они помогут нам. Идем, скажем им, что нам нужно.

Кугель все еще медлил.

— Хорошо бы сначала разведать, как раньше.

— Зачем? — спросил Гарстанг. — В тот раз мы были только введены в заблуждение и запутались.

Он повел Кугеля за собой по берегу в направлении деревни. Подойдя поближе, они увидели жителей, расхаживающих по центральной площади: это были грациозные, золотоволосые люди, которые разговаривали друг с другом голосами, подобными музыке.

Гарстанг радостно подбежал к ним, ожидая еще более теплого приема, чем тот, с которым путники встретились на другом берегу. Однако жители деревни, не долго думая, опутали странников сетями.

— Почему вы делаете это? — воскликнул Гарстанг. — Мы чужестранцы и не собираемся причинять вам вред!

— Вы чужестранцы. Вот именно, — заговорил самый высокий из золотоволосых поселян. — Мы поклоняемся тому неумолимому богу, что известен как Данготт. Чужестранцы автоматически являются еретиками и потому скармливаются священным обезьянам.

С этими словами они потащили Кугеля и Гарстанга по острым прибрежным камням, а очаровательные

деревенские дети весело приплясывали по обе стороны от процессии.

Кугель ухитрился вытащить трубку, которую он забрал у Войнода, и выпустил в своих мучителей голубой концентрат. Они в ужасе повалились на землю. Кугель смог выпутаться из сети. Вытащив меч, он прыгнул вперед, чтобы освободить Гарстанга, но тут жители деревни пришли в себя. Кугель еще раз привел в действие свою трубку, и они в страхе разбежались.

— Уходи, Кугель, — заговорил Гарстанг. — Я стар, и у меня уже мало сил. Беги без оглядки, ищи спасения, а я от души пожелаю тебе удачи.

— В обычных обстоятельствах таким бы и было мое решение, — признался Кугель. — Но эти люди довели меня до самопожертвенного безумия. Так что выбирайся из сети — мы убежим вместе.

И он еще раз навел страху своим голубым концентратом, пока Гарстанг освобождался от пут, а потом они вместе бросились бежать по берегу.

Жители деревни преследовали их с гарпунами. Первый же брошенный гарпун ударил Гарстанга в спину. Он упал, не проронив ни звука. Кугель резко повернулся и нацелил свою трубку, но заклинание уже выдохлось, и появился лишь прозрачный дымок. Нападавшие подобрали свое оружие, чтобы бросить его во второй раз. Кугель выкрикнул проклятие, вильнул в сторону, резко нагнулся, и гарпуны пролетели мимо и вонзились в песок.

Кугель в последний раз погрозил кулаком, затем припустил что есть мочи и скрылся в лесу.

* * *

Кугель шел через Старый Лес крадучись, шаг за шагом, часто останавливаясь, чтобы вслушаться, не хрустнет ли сучок, не раздастся ли тихий звук шагов или даже чье-нибудь дыхание. Эта осторожность, хоть и замедляла продвижение, не была чисто теоретической; по лесу бродили и другие существа с заботами и желаниями, сильно расходящимися с Кугелевыми. Как-то в течение целого ужасного вечера он убегал и в конце концов убежал от пары деоданов. В другом случае он внезапно очутился на самом краю поляны,

где стоял в раздумьях лейкоморф: после этого Кугель стал еще более недоверчивым и осторожным, чем когда-либо. Он крался от одного дерева к другому, вглядываясь и прислушиваясь, и пробегал через открытые пространства нелепыми семенящими шажками, словно контакт с землей ранил ему ноги.

Как-то после полудня Кугель набрел на небольшую сырую прогалинку, окруженную черными мандуарами, высокими и зловещими, словно монахи в капюшонах. Несколько алых лучей, косо падавших на прогалину, освещали одиноко стоящую искривленную айву, на которой висел клочок пергамента. Стоя в тени на краю поляны, Кугель долго изучал обстановку, потом, шагнув вперед, снял пергамент. На нем неразборчивыми буквами было обозначено следующее:

«Мудрец Зараидес делает щедрое предложение! Тот, кто найдет это послание, может попросить и бесплатно получить часовую аудиенцию с целью выдачи благоразумного совета. В ближайшем холме открывается пещера. Мудреца можно найти внутри».

Кугель озадаченно изучил пергамент. В воздухе повис большой вопросительный знак: почему Зараидес раздает свои познания с такой небрежной щедростью? То, что выдается за бесплатное, редко бывает таким, как его представляют. Закон Равновесия должен торжествовать в той или другой форме. Если Зараидес предлагал совет и если отвергнуть предположение об абсолютном альтруизме — то он явно ожидал в обмен какую-то услугу: по меньшей мере, подъема самоуважения или знаний о каких-то отдаленных событиях или вежливого внимания при декламации од, или чего-нибудь в этом духе. Кугель перечитал послание, и его скептицизм только усилился. Он отбросил бы пергамент в сторону, если бы не испытывал реальную и настоятельную потребность в информации: в особенности о том, что касается наиболее безопасной дороги к дому Юкуну, а также метода обезвреживания Смеющегося Мага.

Кугель оглянулся вокруг, высматривая холм, о котором упоминал Зараидес. На другой стороне прогалины земля, казалось, поднималась, и Кугель, уст-

ремив взгляд вверх, заметил узловатые ветки и спутанную листву; как если бы на какой-то возвышенности росло несколько баобабов.

Со всей возможной бдительностью Кугель пошел через лес и вскоре был остановлен внезапно поднявшимся перед ним нагромождением серого камня, увенчанного деревьями и лианами: без сомнения, тот холм, о котором шла речь.

Кугель постоял немного, потирая подбородок, обнажив зубы в недоверчивой ухмылке. Он прислушался: тишина, полная и абсолютная. Держась тени, Кугель обошел вокруг холма и вскоре увидел пещеру: сводчатый проем в скале высотой в рост человека и шириной в размах вытянутых рук. Над ним висело коряво написанное объявление:

ВХОДИТЕ: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВСЕМ!

Кугель оглянулся по сторонам. Ни звука, ни движения в лесу. Он сделал несколько осторожных шагов вперед, заглянул в пещеру и увидел там только темноту.

Он отступил. Несмотря на общую настойчивость вывески, Кугель не чувствовал стремления соваться в пещеру и поэтому присел на корточки и принялся внимательно наблюдать за ней.

Прошло пятнадцать минут. Кугель сменил позу. Тут он заметил, что справа приближается какой-то человек, использующий не менее замысловатые меры предосторожности, чем сам Кугель. Новоприбывший был среднего роста и одет в грубые крестьянские одежды: серые штаны, блузу цвета ржавчины и коричневую треуголку с торчащим вперед углом. У него было круглое, грубоватое лицо с коротким тупым носом, маленькими, широко расставленными глазками и тяжелым подбородком, заросшим темной щетиной. В руке он сжимал пергамент, похожий на тот, что нашел Кугель.

Кугель поднялся на ноги. Незнакомец приостановился, потом подошел к нему.

— Это ты Зараидес? Если да, то знай, что я собиратель трав Фабельн. Я ищу богатые заросли дикого лука-порея. Кроме того, моя дочь томится и чахнет, не желая больше носить корзины. Поэтому...

Кугель предостерегающе поднял руку.

— Ты заблуждаешься. Зараидес не выходит из своей пещеры.

Фабельн хитро прищурился.

— А ты тогда кто такой?

— Я — Кугель. Как и ты, я ищу просвещения.

Фабельн кивнул с полным пониманием.

— Ты посоветовался с Зараидесом? Он точен и заслуживает доверия? И не требует платы, как говорится в его объявлениях?

— Верно во всех отношениях, — сказал Кугель. — Зараидес, который, по-видимому, всеведущ, испытывает радость чисто от того, что может передать свои знания. Все мои затруднения разрешены.

Фабельн искоса осмотрел Кугеля.

— А чего тогда ты ждешь рядом с пещерой?

— Я тоже собираю травы и сейчас формулирую новые вопросы, особенно касающиеся одной прогалины неподалеку, где в изобилии растет дикий лук-порей.

— Неужели! — воскликнул Фабельн, в возбуждении прищелкивая пальцами. — Тогда формулируй их потщательнее, а пока ты приводишь в порядок фразы, я зайду в пещеру и спрошу, почему моя дочь чувствует себя такой вялой.

— Как хочешь, — сказал Кугель. — Однако, может, ты обождешь — составление вопросов не займет у меня много времени.

Фабельн весело помахал рукой.

— За этот короткий период я зайду в пещеру, выйду из нее и уйду прочь, потому что я привык действовать быстро, можно сказать, даже резко.

Кугель поклонился.

— В таком случае прошу.

— Я буду краток.

И Фабельн шагнул в пещеру.

— Зараидес? — позвал он. — Где Мудрец Зараидес? Я Фабельн. Я хочу спросить кое о чем. Зараидес? Будь так добр, выйди ко мне!

Его голос стал приглушенным. Внимательно прислушивающийся Кугель услышал, как открылась и закрылась дверь, а потом наступила тишина. Кугель в задумчивости приготовился к ожиданию.

Прошло несколько минут... Час. Красное солнце спустилось по послеполуденному небу и спряталось за

холмом. Кугель начал беспокойно ерзать. Куда подевался Фабельн? Кугель склонил голову набок: снова открылась и закрылась дверь? Действительно, вот появился Фабельн: значит, все прошло хорошо!

Фабельн выглянул из пещеры.

— Где собиратель трав Кугель? — Его голос был хриплым и отрывистым. — Зараидес не сядет за трапезу и не станет говорить о луке-порее, кроме как в самых общих чертах, пока ты не предстанешь перед ним.

— Трапеза? — с интересом переспросил Кугель. — Неужели щедрость Зараидеса простирается так далеко?

— Это так. Разве ты не заметил увешанный коврами зал, резные кубки, серебряную супницу? — Фабельн говорил с каким-то мрачным ударением, которое озадачило Кугеля. — Но входи же. Я тороплюсь и не желаю ждать. Если ты уже обедал, я так и скажу Зараидесу.

— Ни в коем случае, — с достоинством сказал Кугель. — Я сгорю от унижения, если так оскорблю Зараидеса. Веди! Я последую за тобой.

— Что ж, заходи.

Фабельн повернулся. Кугель последовал за ним в пещеру, где в ноздри ему ударил омерзительный запах. Он приостановился.

— Мне показалось, что я почувствовал какую-то вонь — и она вызывает у меня неприятные ощущения.

— Я заметил то же самое, — сказал Фабельн. — Но войди в дверь, и этот мерзкий запах рассеется!

— Надеюсь, что это так, — сварливо сказал Кугель. — Он испортил бы мне аппетит. Но где же...

В тот момент, когда он произносил эти слова, на него вдруг нахлынула волна маленьких быстрых тел с холодной и влажной кожей, отмеченной запахом, который Кугель нашел таким отвратительным. Вокруг Кугеля загомонили пискливые голоса. Кто-то выхватил у него меч и дорожный мешок. Открылась дверь. Кугеля затолкнули в нору с низким потолком. В свете мерцающего желтого пламени Кугель увидел, кто на него напал: существа вполовину ниже его ростом, с бледной кожей, острыми личиками и ушами наверху головы. Они ходили, чуть ссутулившись и наклонившись вперед. Их колени, похоже, были вывернуты не

в ту сторону, как у настоящих людей, а обутые в сандалии ступни казались очень мягкими и гибкими.

Кугель потрясенно огляделся по сторонам. Неподалеку, скорчившись, сидел Фабельн и смотрел на него с отвращением, смешанным со злобным удовлетворением. Кугель увидел теперь, что шею Фабельна окружал металлический обруч, к которому была привязана длинная металлическая цепь. В дальнем конце норы жался к стене какой-то старик с длинными белыми волосами, на котором также был ошейник и цепь. В тот момент, когда Кугель увидел все это, крысолюди нацепили ошейник на его собственную шею.

— Прекратите! — испуганно воскликнул Кугель. — Что это значит? Я считаю подобное обращение предосудительным!

Крысолюди оттолкнули его и убежали прочь. Кугель увидел, что с острых задов у них свисают длинные чешуйчатые хвосты, странно торчащие из-под черных блуз.

Дверь закрылась. Трое пленников остались наедине.

Кугель сердито повернулся к Фабельну:

— Ты обманул меня! Ты заманил меня в плен! Это серьезное преступление!

Фабельн горько рассмеялся.

— Не менее серьезное, чем тот обман, который ты использовал по отношению ко мне! Меня схватили из-за твоей подлой уловки. Поэтому я сделал так, чтобы и ты не ускользнул.

— Это бесчеловечное коварство! — взревел Кугель. — Я присмотрю за тем, чтобы ты получил то, чего заслуживаешь!

— Пф! — сказал Фабельн. — Прекрати докучать мне своими жалобами. В любом случае, я заманил тебя в пещеру не только из коварства!

— Нет? У тебя были еще какие-то порочные мотивы?

— Все очень просто: крысиный народец в высшей степени умен! Тот, кто завлечет в пещеру двоих других, завоевывает себе свободу. Ты представляешь собой одно очко на моем счету. Мне нужно добыть второе, и я буду свободен. Разве это не так, Зараидес?

— Только в самом широком смысле, — ответил старик. — Ты не можешь засчитать этого человека

себе. Если бы справедливость была абсолютной, ты и он закрыли бы мой счет. Разве не мои пергаменты заманили вас к пещере?

— Но не внутрь! — заявил Фабельн. — В этом существенная разница, которую необходимо отметить! Крысиный народец придерживается такого же мнения, и поэтому тебя не отпустили.

— В таком случае, — сказал Кугель, — я объявляю, что ты представляешь собой очко на моем счету, ибо я послал тебя в пещеру, чтобы проверить, с чем там можно столкнуться.

Фабельн пожал плечами.

— Это вопрос, который ты должен обсудить с крысиным народцем.

Он нахмурился и поморгал своими маленькими глазками.

— А почему бы мне не объявить себя самого заслугой на своем собственном счету? Этот вопрос следовало бы обсудить.

— Это не так, не так, — донесся пронзительный голос из-за решетки. — Мы засчитываем только те очки, которые были предоставлены после вашего пленения. Фабельн не записывается ни на чей счет. Однако ему присуждается одно очко, а именно особа Кугеля. У Зараидеса на счету нет никого.

Кугель потрогал обруч у себя на шее.

— А что, если мы не сможем предоставить двух пленников?

— Тебе дается месяц — не больше. Если ты ничего не добьешься за этот месяц, ты будешь съеден.

Фабельн заговорил голосом, в котором звучал трезвый расчет.

— Можно считать, что я практически свободен. Недалеко отсюда ждет моя дочь. Ей внезапно надоел дикий лук-порей, и, следовательно, я вполне могу без нее обойтись. Будет в высшей степени справедливо, если я освобожусь при ее посредничестве.

И Фабельн кивнул с важным видом, очень довольный собой.

— Будет интересно понаблюдать за твоими действиями, — заметил Кугель. — А где именно можно ее найти и каким образом можно ее позвать?

Выражение лица Фабельна стало хитрым и злобным одновременно.

— Я ничего тебе не скажу! Если хочешь заработать себе очки, придумай способ сам!

Зараидес жестом указал на доску, где лежали полоски пергамента.

— Я привязываю соблазнительные послания к крылатым семенам и потом рассеиваю их по лесу. Полезность этого метода сомнительна, поскольку он заманивает прохожих ко входу в пещеру, но не дальше. Боюсь, что мне осталось жить всего пять дней. Если бы только у меня были мои книги, мои фолианты, мои справочники! Какие заклинания, какие заклинания! Я расколол бы этот садок из конца в конец. Я превратил бы каждого из этих людей-грызунов во вспышку зеленого огня. Я наказал бы Фабельна за то, что он обошел меня... Хм-м. Вращатель? Зловещий Зуд Лагвайлера?

— Некоторые предпочитают Заклятие Безнадежного Заточения, — подсказал Кугель.

Зараидес кивнул.

— В пользу этой идеи говорит многое... Но все это пустые мечты. Мои заклинания были отобраны у меня и перенесены в какое-то тайное место.

Фабельн фыркнул и отвернулся. Из-за решетки послышался пронзительный голос, предупреждающий:

— Сожаления и оправдания — плохая замена очкам на вашем счету. Берите пример с Фабельна! Он уже может похвастаться одним баллом и планирует заработать второй завтра утром! Вот таких людей мы предпочитаем ловить!

— Это я его поймал! — начал доказывать Кугель. — Неужели у вас нет совести? Я послал его в пещеру, и его нужно записать на мой счет!

Зараидес выкрикнул со страстным протестом в голосе:

— Ни в коем случае! Кугель передергивает факты! Если говорить о чистой справедливости, то и Кугеля, и Фабельна нужно засчитать мне!

— Все будет, как было раньше! — крикнул пронзительный голос.

Зараидес воздел к небу руки и принялся с неистовым пылом заполнять клочки пергамента. Фабельн, ссутулясь, уселся на табуретке и погрузился в мирные размышления. Кугель, проползая мимо, подшиб у табуретки ножку, и Фабельн рухнул на пол. Он тут же

вскочил и бросился на своего обидчика, а тот швырнул в него табуреткой.

— Соблюдайте порядок! — крикнул пронзительный голос. — Порядок, или на вас будет наложено наказание!

— Кугель выбил из-под меня табуретку, и я полетел на пол, — пожаловался Фабельн. — Почему его не накажут?

— Это было абсолютно нечаянно, — заявил Кугель. — По моему мнению, этого раздражительного Фабельна надо посадить под замок в одиночестве по меньшей мере на две, а лучше — на три недели.

Фабельн начал что-то бормотать, брызгая слюной, но пронзительный голос из-за решетки приказал успокоиться всем без разбора.

Вскоре им принесли пищу, грубую овсянку с отвратительным запахом. После еды всех заставили заползти в тесную нору на несколько более низком уровне, где их приковали цепями к стене. Кугель уснул беспокойным сном и проснулся, когда кто-то крикнул Фабельну от двери:

— Твое послание было доставлено — и прочитано с большим вниманием.

— Хорошие новости! — отозвался голос Фабельна. — Завтра я буду ходить по лесу свободным человеком!

— Тихо, — прокаркал Зараидес из темноты. — Неужели я должен каждый день исписывать пергаменты на благо всем, кроме себя самого, только для того, чтобы не спать по ночам из-за вашего гнусного злорадства?

— Ха-ха! — сдавленно рассмеялся Фабельн. — Послушайте голос волшебника-неумехи!

— Увы, мои пропавшие книги! — простонал Зараидес. — Ты бы запел совсем по-другому!

— А в какой стороне их можно найти? — осторожно осведомился Кугель.

— Об этом тебе нужно спросить у тех вонючих крысообразных. Они захватили меня врасплох.

Фабельн поднял голову и пожаловался:

— Вы что, собираетесь обмениваться воспоминаниями всю ночь напролет? Я хочу спать.

Взбешенный Зараидес начал ругать Фабельна так яростно, что крысолюди вбежали в нору и утащили

волшебника прочь, оставив Кугеля и Фабельна наедине.

Наутро Фабельн проглотил свою кашу с лихорадочной скоростью.

— А теперь, — крикнул он в сторону решетки, — сними этот ошейник, чтобы я мог пойти и привести себе второй балл, поскольку первым был Кугель.

— Ба! — пробормотал Кугель. — Это бесчестно!

Крысолюди, не обращая внимания на протесты Фабельна, еще туже затянули обруч у него на шее, прикрепили цепь и вытащили его из норы на четвереньках. Кугель остался один.

Он попытался сесть прямо, но его шея уперлась во влажную землю, и он снова тяжело упал на локти.

— Черт бы побрал этих крысоподобных! Я должен каким-то образом от них удрать! В отличие от Фабельна, у меня нет семейства, из которого я мог бы черпать, а эффективность пергаментов Зараидеса находится под большим сомнением... Однако вполне можно предположить, что кто-то еще забредет сюда, подобно Фабельну и мне.

Он повернулся к дверце, за которой сидел остроглазый надсмотрщик.

— Я хочу подождать снаружи пещеры, чтобы набрать два необходимых очка.

— Это позволено, — объявил надсмотрщик. — Естественно, надзор должен быть строгим.

— Надзор — это понятно, — согласился Кугель. — Однако я настаиваю на том, чтобы вы убрали цепь и обруч с моей шеи. Если принуждение будет настолько очевидным, даже самые доверчивые сразу повернут назад.

— В том, что ты говоришь, есть разумное зерно, — признал надсмотрщик. — Но что тогда помешает тебе дать деру?

Кугель засмеялся несколько натужным смехом.

— Неужели я похож на человека, который может обмануть доверие? И более того, зачем мне делать это, когда я могу с легкостью добывать очко за очком на свой счет?

— Мы сделаем кое-какие поправки.

Минуту спустя несколько крысолюдей ворвались в нору. Они ослабили обруч на шее Кугеля, схватили его за правую ногу и проткнули ему щиколотку

серебряной спицей, к которой, пока Кугель орал от боли, прикрепили цепь.

— Теперь цепь незаметна, — заявил один из мучителей. — Сейчас ты можешь стоять перед пещерой и делать все, что в твоих силах, чтобы завлечь прохожих.

Все еще охая от боли, Кугель прополз по норе и к выходу из пещеры, где сидел Фабельн с цепью на шее, дожидаясь прихода своей дочери.

— Куда ты идешь? — подозрительно спросил он.

— Я иду прогуляться перед пещерой, чтобы привлечь прохожих и направить их внутрь!

Фабельн что-то кисло пробурчал себе под нос и начал вглядываться в просветы между деревьями.

Кугель вышел и встал у входа в пещеру. Он поглядел во все стороны, потом мелодично воскликнул:

— Тут поблизости никого нет?

Ответа он не получил и начал прогуливаться взад-вперед. Цепь, позвякивая, тащилась за ним по земле.

Какое-то движение за деревьями: мелькание желто-зеленой ткани, и из леса появилась дочь Фабельна с корзиной и топором в руках. При виде Кугеля она приостановилась, потом нерешительно подошла к нему.

— Я ищу Фабельна, ему понадобились кое-какие вещи.

— Я возьму их, — сказал Кугель, протягивая руку к топору, но крысолюди были настороже и быстро втянули его назад в пещеру.

— Она должна положить топор вон на тот дальний камень, — прошипели они Кугелю в ухо. — Иди и сообщи ей об этом.

Кугель снова захромал к выходу из пещеры. Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Почему ты отскочил назад таким странным образом?

— Я скажу тебе, — ответил Кугель, — и это очень диковинное дело, но сначала ты должна положить корзинку и топор вон на тот камень, куда вскоре придет Фабельн.

Из пещеры донеслось сердитое, протестующее бормотание, которое было тут же заглушено.

— Что это был за звук? — осведомилась девушка.

— Положи топор, и я тебе все расскажу.

Озадаченная девушка отнесла топор и корзину в указанное место и вернулась.

— Ну, где Фабельн?

— Фабельн умер, — сказал Кугель. — Его телом сейчас завладел один злой дух. Ни в коем случае не слушайся его, это мое предупреждение.

Тут Фабельн громко застонал и крикнул из пещеры:

— Он лжет, он лжет. Иди сюда, в пещеру!

Кугель предостерегающе поднял руку.

— Ни в коем случае. Будь осторожна!

Девушка с удивлением и тревогой поглядела в сторону пещеры, где в эту минуту появился Фабельн, жестикулирующий как нельзя более настойчивым образом. Девушка отступила назад.

— Иди, иди сюда, — закричал Фабельн. — Войди в пещеру.

Девушка затрясла головой, и Фабельн в ярости попытался разорвать свою цепь. Крысолюди торопливо втащили его назад в темноту, где он сопротивлялся так неистово, что им пришлось убить его и оттащить тело обратно в нору.

Кугель внимательно прислушался, потом повернулся к девушке и кивнул.

— Теперь все хорошо. Фабельн оставил на моем попечении несколько ценных вещей. Если ты зайдешь в пещеру, я передам их тебе.

Девушка недоуменно покачала головой.

— У Фабельна не было ничего ценного!

— Будь так добра, осмотри эти предметы.

Кугель вежливым жестом пригласил ее в пещеру. Она шагнула вперед, заглянула внутрь и немедленно была схвачена крысолюдьми и утащена вниз, в нору.

— Очко номер один на моем счету, — крикнул Кугель снаружи. — Не забудьте отметить это!

— Добыча учтена должным образом, — послышался голос из пещеры. — Еще один такой балл, и ты будешь свободен.

Остаток дня Кугель расхаживал взад-вперед перед пещерой и глядел по сторонам в просветы между деревьями, но никого не увидел. С наступлением ночи его втянули обратно в пещеру и заперли в норе на низшем уровне, где он провел предыдущую ночь. Теперь нора была занята дочерью Фабельна. Обнажен-

ная, вся в синяках, с пустым взглядом, она не отрывала от Кугеля взгляда. Он попробовал было втянуть ее в разговор, но она, казалось, лишилась дара речи.

Им подали вечернюю кашу. За едой Кугель украдкой разглядывал девушку. Она отнюдь не казалась непривлекательной, хотя в данный момент была растрепана и перепачкана. Кугель подполз к ней поближе, но запах крысиного народца был таким сильным, что вожделение улеглось, и Кугель вернулся на свое место.

Ночью в норе послышались негромкие, осторожные звуки: поскребывание, царапанье, скрежет. Кугель, сонно моргая, приподнялся на локте и увидел, как кусок пола потихоньку поднимается, позволяя слабому, туманному желтому свету просочиться в щель и упасть на девушку. Кугель завопил. Нору наводнили крысолюди с трезубцами, но было уже поздно: девушку похитили.

Крысолюди были в страшном гневе. Они подняли камень и начали выкрикивать в дырку ругательства и оскорбления. Другие стали лить туда цемент, не переставая браниться. Один из крысолюдей огорченно объяснил Кугелю ситуацию:

— Внизу живут другие существа. Они нас надувают на каждом шагу. В один прекрасный день мы потребуем отмщения, наше терпение не безгранично! Сегодня ночью тебе придется спать в другом месте на случай, если они предпримут еще одну вылазку.

Он ослабил Кугелеву цепь, но тут его окликнули те, кто цементировал дыру в полу.

Кугель незаметно двинулся к выходу и, когда увидел, что внимание крысолюдей занято другим, выскользнул в проход. Подхватив рукой цепь, он пополз в том направлении, которое, по его мнению, вело к поверхности, но, наткнувшись на ответвляющийся коридор, почувствовал, что запутался. Тоннель начал опускаться вниз и сужаться, сжимая Кугелю плечи. Высота тоже уменьшилась, и лаз начал давить сверху, так что Кугелю пришлось ползти вперед, извиваясь и отталкиваясь локтями.

Его отсутствие было обнаружено. Сзади послышались яростные вопли, издаваемые бегающими взад-вперед крысолюдьми.

Коридор резко повернул под таким углом, под которым Кугель никак не мог изогнуть свое тело. Извиваясь и дергаясь, он кое-как принял новую позу и теперь не мог двигаться вообще. Он выдохнул и с вылезающими из орбит глазами рванулся в сторону и вверх и очутился в более просторном коридоре. В одной из ниш он наткнулся на огненный шар, который забрал с собой.

Крысолюди приближались, выкрикивая приказания.

Кугель протиснулся в боковой коридор, который вел в кладовую. Первым, что попалось ему на глаза, были его меч и дорожный мешок.

Крысолюди ринулись в комнату, потрясая трезубцами. Кугель начал рубить и колоть мечом. Крысолюди, пища, отступили в коридор и собрались там толпой, которая качалась то вперед, то назад, осыпая Кугеля визгливыми угрозами. Время от времени кто-нибудь один выскакивал вперед, скрежеща зубами и потрясая трезубцем, но, когда Кугель убил парочку таких смельчаков, остальные отступили и начали совещаться приглушенными голосами.

Кугель воспользовался случаем, чтобы загородить вход несколькими тяжелыми сундуками, позволив себе таким образом минутную передышку.

Крысолюди пошли в наступление, пинаясь и толкаясь. Кугель ткнул клинком в щель между сундуками, вызвав вопль безмерного страдания.

Один из нападавших заговорил:

— Кугель, выходи! Мы народ справедливый и не питаем к тебе злобы. У тебя уже есть одно очко, и, вне всякого сомнения, скоро ты добудешь другое. Таким образом, будешь свободен. Зачем доставлять неприятности нам всем? Нет никаких причин, почему в наших, в сущности, не очень приятных отношениях, мы не заняли бы товарищескую позицию. Выходи же, и мы дадим тебе мяса к утренней каше.

Кугель вежливо сказал:

— В данный момент я нахожусь в слишком большом смятении, чтобы мыслить ясно. Я вроде бы слышал, что вы собираетесь отпустить меня без дальнейших обвинений или проблем?

В коридоре послышалось перешептывание, затем донесся ответ:

— Действительно, было сделано подобное заявление. Мы сим объявляем тебя свободным, и ты можешь приходить и уходить по своему желанию. Убери баррикаду от входа, опусти свой меч и выходи!

— А какие гарантии вы можете мне предложить? — спросил Кугель, внимательно прислушиваясь.

Крысолюди снова заговорили между собой резким торопливым шепотом, потом ответили:

— Не нужно никаких гарантий. Мы сейчас удаляемся. Выходи и иди вдоль коридора к своей свободе.

Кугель ничего не ответил. Подняв над головой огненный шар, он повернулся и осмотрел кладовку, в которой содержалось большое количество предметов одежды, оружия и инструментов. В том ларе, которым Кугель задвинул вход, он заметил стопку книг в кожаных переплетах. На обложке первой было напечатано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАИДЕС
Его рабочая книга: Осторожно!

Крысолюди снова окликнули его мягкими голосами:

— Кугель, дорогой Кугель, почему ты не вышел?

— Я отдыхаю и восстанавливаю силы, — ответил Кугель. Он вытащил книгу, перелистал страницы и нашел оглавление.

— Выходи, Кугель! — послышалась несколько более строгая команда. — У нас тут есть горшок с ядовитыми испарениями, которые мы собираемся выпустить в комнату, где ты так упрямо засел. Выходи. Тебе же будет хуже!

— Терпение! — крикнул Кугель. — Дайте мне время собраться с мыслями!

— Пока ты собираешься с мыслями, мы подготовим горшок с кислотой, в которую окунем твою голову.

— Хорошо, хорошо, — рассеянно сказал Кугель, погруженный в чтение. Послышался скребущий звук, и в комнату просунулась трубка. Кугель схватил ее и изогнул так, чтобы она смотрела обратно в коридор.

— Говори, Кугель! — послышался зловещий приказ. — Ты выйдешь или нам послать в комнату мощную струю вонючего газа?

— У вас нет такой возможности, — сказал Кугель. — Я отказываюсь выходить.

— Сейчас увидишь! Пустите газ!

Трубка запульсировала и зашипела; из коридора донесся крик, полный безумной муки. Шипение прекратилось.

Кугель, не найдя в рабочей книге того, что он искал, вытащил еще один том. На нем была надпись:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАИДЕС
Его собрание заклинаний.
Осторожно!

Кугель открыл книгу и начал читать. Найдя соответствующее заклинание, он поднес поближе огненный шар, чтобы лучше осветить активирующие слова. Там было четыре строчки и в общей сложности тридцать одно слово. Кугель с усилием затолкнул их себе в мозг, и они улеглись там, как камни.

Какой-то звук позади? В комнату через другой вход хлынули крысолюди. Они кралисъ вперед с нацеленными трезубцами, низко пригнувшись, с подергивающимися, белыми лицами, с прижатыми ушами.

Кугель сделал угрожающее движение мечом, потом на глазах у пораженных ужасом крысолюдей нараспев прочел заклинание, известное как Шиворот-Навыворот-И-Наоборот. Послышался могучий звук, словно что-то разорвалось: коридоры конвульсивно приподнялись и изогнулись, выворачиваясь наизнанку, извергая свое содержимое и разбрасывая его по всему лесу. Крысолюди, визжа, бегали взад-вперед. Еще там бегали какие-то белые твари, природу которых Кугель не мог определить при свете звезд. Крысолюди и белые существа яростно хватали и рвали друг друга, и лес был наполнен рычанием и зубовным скрежетом, пронзительными воплями и возбужденно кричащими тоненькими голосами.

Кугель тихо отполз в сторону и переждал ночь в кустах черники.

Когда наступил рассвет, Кугель осторожно вернулся к холму, надеясь завладеть Зараидесовыми трактатами и рабочими книгами. Повсюду валялось огромное количество мусора и множество маленьких трупов, но того, что он искал, нигде не было видно. Кугель с сожалением пошел прочь и вскоре набрел на дочь Фабельна, сидящую среди папоротника. Когда он к

ней приблизился, она завизжала. Кугель поджал губы и неодобрительно покачал головой. Он подвел ее к протекающему неподалеку ручью и попытался вымыть, но она при первой же возможности вырвалась и спряталась под скалой.

* * *

Заклинание, известное как Шиворот-Навыворот-И-Наоборот, было такого древнего происхождения, что никто уже не помнил, откуда оно взялось. Неизвестный Облачный Всадник из Двадцать первой Эпохи составил архаичную версию; полулегендарный Базиль — Черная Паутина уточнил ее контуры, и этот процесс был продолжен Веронайфером Ласковым, который добавил к заклинанию усиливающий резонанс. Арчеманд из Глэйра прокомментировал четырнадцать его вариантов; Фандааль внес его в категорию «А», или «Усовершенствованное», своего монументального каталога. Таким образом оно и попало в книги Мудреца Зараидеса, а Кугель, заточенный под холмом, нашел его там и произнес вслух.

Теперь, еще раз роясь в разнообразном мусоре, оставленном действием заклинания, Кугель находил всевозможнейшие предметы: новую и старую одежду; куртки, жакеты и плащи; старинные костюмы геральдов; брюки, расклешенные по последней моде Каучике или украшенные бахромой и кистями в стиле Древнего Ромарта, или пестрые, со вставленными клиньями, согласно экстравагантному вкусу Андромака. Там были всевозможнейшие башмаки, сандалии, шляпы, перья, плюмажи, эмблемы и гербы; старые инструменты и поломанное оружие; браслеты и брелоки; потускневшая филигрань, растрескавшиеся камеи; самоцветы, которые Кугель не смог не подобрать и которые, возможно, задержали его и не дали найти то, что ему было нужно: рабочие книги Зараидеса, разбросанные среди всего остального.

Кугель искал долго. Он находил серебряные чаши, костяные ложки, фарфоровые вазы, обглоданные кости и разносортные глянцевитые зубы, сверкающие среди листьев подобно жемчужинам, — но нигде не было томов и фолиантов, которые могли бы помочь Кугелю одолеть Юкуну, Смеющегося Мага. Как раз в

этот момент Фиркс — существо, вынуждающее Кугеля подчиняться воле Юкуну, — сжал зазубренные конечности на Кугелевой печени. Кугель, не выдержав, воскликнул:

— Я только ищу наиболее прямую дорогу в Азеномей. Скоро ты воссоединишься со своим товарищем, живущим в бочке у Юкуну! А пока расслабься. Неужели ты испытываешь такую мучительную необходимость спешить?

В ответ на это Фиркс неохотно ослабил хватку.

Кугель безутешно бродил взад-вперед, искал между ветками и под корнями, вглядывался, щурясь, в просветы между деревьями, раздвигал ногой папоротники и мох. Потом около одного пня он увидел то, что искал: несколько фолиантов и книг, сложенных аккуратной стопкой. На пне сидел Зараидес.

Кугель шагнул вперед, разочарованно поджав губы. Зараидес наблюдал за ним с безмятежным выражением на лице.

— Ты, похоже, ищешь какой-то затерявшийся предмет? Потеря, надеюсь, не очень велика?

Кугель скупо покачал головой.

— Несколько безделушек куда-то запропастились. Пускай плесневеют под листьями.

— Ни в коем случае! — заявил Зараидес. — Опиши свою пропажу, и я вышлю поисковые колебания. Ты получишь свою собственность обратно через несколько минут!

Кугель запротестовал:

— Я не стал бы занимать твое время такими пустяками. Давай поговорим о другом. — Он указал на стопку томов, на которую Зараидес теперь поставил ноги. — К счастью, с твоей собственностью ничего не случилось.

Зараидес кивнул с мирным удовлетворением.

— Все теперь хорошо. Меня заботит только неравновесие, искажающее наши отношения.

Кугель отступил назад, и Зараидес успокаивающе поднял руку.

— Тебе не о чем беспокоиться. По правде говоря, все совсем наоборот. Твои действия предотвратили мою смерть. Закон Равновесия был нарушен, и я должен как-то отплатить тебе. — Он расчесал бороду пальцами. — Плата, к сожалению, должна быть по

большей части символической. Я мог бы исполнить все твои желания и все еще не подтолкнул бы вверх чашу весов, опустившуюся под весом услуги, которую ты, хоть и непреднамеренно, мне оказал.

Кугель слегка повеселел, но тут Фиркс снова забеспокоился и заявил о своем существовании. Схватившись за живот, Кугель закричал:

— Прежде всего, будь так добр, извлеки из меня существо, которое раздирает мне внутренности. Некоего Фиркса.

Зараидес поднял брови.

— А что это за существо?

— Мерзкий субъект с далекой звезды. Он похож на клубок, переплетение, паутину белых шипов, колючек и когтей.

— Ничего особенно сложного, — сказал Зараидес. — Эти твари поддаются довольно примитивным методам извлечения. Идем. Мое жилище находится неподалеку отсюда.

Зараидес встал с пенька, собрал свои пособия и подбросил их в воздух. Они взмыли вверх, быстро заскользили над верхушками деревьев и вскоре исчезли из вида. Кугель с грустью провожал их взглядом.

— Ты удивлен? — осведомился Зараидес. — Это пустяк, простейшая из процедур, которая хорошо обуздывает пыл воров и разбойников. Давай отправимся в путь. Мы должны изгнать это существо, которое причиняет тебе такое беспокойство.

Он пошел первым, показывая путь между деревьями. Кугель последовал за ним, но тут Фиркс, с запозданием почувствовавший, что не все складывается в его пользу, заявил яростный протест. Кугель, сгибаясь пополам и прыгая боком, заставил себя потрусить, а потом побежать вслед за Зараидесом, который шагал вперед, ни разу не оглянувшись.

Свое жилище Зараидес устроил в ветвях огромного баобаба. Ступеньки поднимались к тяжело склонившейся ветке, которая вела к портику в деревенском стиле. Кугель вскарабкался по лестнице, прополз по ветке и попал в большую квадратную комнату. Обстановка была одновременно простой и роскошной. Окна выходили во все стороны на лес; пол был покрыт толстым ковром с черно-коричнево-желтым узором.

Зараидес знаком пригласил Кугеля в свою рабочую комнату.

— Мы избавимся от этого неудобства немедленно.

Кугель, спотыкаясь, проследовал за ним и, повинуясь жесту волшебника, устроился на стеклянном постаменте.

Зараидес принес ширму из полосок цинка и поместил ее у Кугеля за спиной.

— Это чтобы показать Фирксу, что рядом находится опытный волшебник. Подобные существа испытывают сильную антипатию к цинку. А теперь простое снадобье: сера, настойка, некоторые травы — ручейник, горец, кассия, хотя эти последние, вероятно, не существенны. Выпей-ка... Фиркс, выходи! Прочь, ты, внеземная чума! Изыди! Или я засыплю все внутренности Кугеля серой и проткну его цинковыми прутьями! Выходи! Что? Мне, по-видимому, придется изгнать тебя промыванием? Выходи! Возвращайся на Эчернар, как сможешь!

В ответ на это Фиркс сердито ослабил хватку и вышел из груди Кугеля: клубок белых нервов и усиков, каждый со своим крючком или шипом. Зараидес посадил его в цинковый таз и накрыл цинковой сетью.

Потерявший сознание во время операции Кугель очнулся и обнаружил, что Зараидес с безмятежно-любезным видом ждет его пробуждения.

— Тебе повезло, — сказал волшебник. — Лечение едва подоспело вовремя. Эти зловредные демоны склонны распускать свои шипы по всему организму, пока они не вцепятся в мозг. Тогда ты и Фиркс сливаетесь в одно существо. Как в тебя попала эта зараза?

Лицо Кугеля слегка перекосилось от отвращения.

— Это произошло, когда я был в руках Юкуну, Смеющегося Мага. Ты его знаешь? — это потому, что Зараидес позволил своим бровям изогнуться высокой дугой.

— В основном по его репутации человека, склонного к юмору и гротеску, — ответил мудрец.

— Он просто-напросто шут! — воскликнул Кугель. — Из-за воображаемой обиды он забросил меня на север, где Солнце катится низко по небу и дает не больше тепла, чем лампа. Юкуну хотелось подшу-

тить, но теперь я сам подшучу над ним! Ты заявил о своей бесконечной признательности, так что теперь, прежде чем перейти к моим основным желаниям, мы подобающим образом отомстим Юкуну.

Зараидес задумчиво покивал и расчесал пальцами бороду.

— Я дам тебе совет. Юкуну — тщеславный и чувствительный человек. Его самое уязвимое место — это его самолюбие! Отвернись от него, отправляйся в какую-нибудь другую местность! Этот акт гордого пренебрежения причинит куда более изощренные страдания, чем любое другое неудобство, которое ты можешь ему доставить.

Кугель нахмурился.

— Такое возмездие кажется мне слишком уж абстрактным. Если ты будешь так добр и вызовешь какого-нибудь демона, я дам ему все необходимые в отношении Юкуну инструкции. Тогда с этим делом будет покончено, и мы сможем обсудить другие материи.

Зараидес покачал головой.

— Все не так просто. Юкуну сам очень хитер, и вряд ли можно будет застать его врасплох. Он немедленно узнает, кто спровоцировал это нападение, и тогда тем отношениям сдержанной сердечности, которые меня с ним связывают, придет...

— Пф! — насмешливо воскликнул Кугель. — Неужели Мудрец Зараидес боится выступить за справедливое дело? Неужели он струсит и уклонится от встречи с таким робким и колеблющимся человеком, как Юкуну?

— Если ответить тебе одним словом, то да, — сказал Зараидес. — Солнце может погаснуть в любой момент. Мне вовсе не хочется провести эти последние часы, обмениваясь шутками с Юкуну, чье чувство юмора гораздо более развито, чем мое собственное. Так что теперь послушай. Через минуту я должен буду заняться выполнением неких важных обязанностей. А в качестве прощального знака благодарности я перенесу тебя в любое место по твоему выбору. Где это будет?

— Если это все, что ты можешь сделать, то отправь меня в Азеномей, в место слияния Кзана и Скома!

— Как пожелаешь. Будь так добр, встань на эту площадку. Держи руки вот так... Глубоко втяни в себя воздух и во время перехода не вдыхай и не выдыхай... Ты готов?

Кугель утвердительно кивнул. Зараидес отступил назад и выкрикнул заклинание. Кугеля дернуло вверх. Мгновение спустя его ноги коснулись земли, и он обнаружил, что идет по главному перекрестку Азеномея.

Он глубоко втянул в себя воздух.

— После всех испытаний, всех злоключений я снова в Азеномее!

Кугель оглянулся по сторонам, изумленно покачивая головой. Старые здания, террасы, выходящие на реку, рынок — все было таким же, как раньше. Неподалеку стояла лавка Фианостера. Кугель повернулся к ней спиной, чтобы его не узнали, и неторопливо зашагал прочь.

— И что теперь? — раздумывал он. — Сначала новые одежды, а потом удобства какого-нибудь постоялого двора, где я смогу оценить свое теперешнее положение во всех деталях. Если хочешь посмеяться вместе с Юкуну, следует браться за дело со всеми возможными предосторожностями.

Два часа спустя Кугель, вымытый, подстриженный, освеженный, в новых черно-зелено-красных одеждах, сидел в общем зале таверны «У Реки» перед тарелкой с перчеными колбасками и флягой зеленого вина.

— Задача справедливого воздаяния ставит чрезвычайно деликатные проблемы, — задумчиво бормотал он. — Я должен действовать с осторожностью!

Он налил себе вина из фляги и съел несколько колбасок. Потом он открыл кошелек и достал небольшой предмет, заботливо завернутый в мягкую тряпку: фиолетовую линзу, которую хотел получить Юкуну в пару к той, которая у него уже была. Он поднес было линзу к глазам, но остановил себя: она показала бы все окружающее в свете настолько благоприятном, хоть и иллюзорном, что ему могло бы захотеться никогда не снимать ее. И тут, пока он разглядывал глянцевитую поверхность, ему в голову пришла одна схема, настолько хитроумная, настолько теоретически эффективная и в то же время связанная с таким

малым риском, что он немедленно бросил поиски чего-нибудь более подходящего.

В сущности, план был очень простым. Кугель предстанет перед Юкуну и вручит ему эту линзу или, точнее, линзу, очень похожую на нее. Юкуну захочет сравнить ее с той, которая уже ему принадлежит, чтобы проверить, как они действуют в паре, и неизбежно посмотрит сразу через две. Расхождение между реальным и иллюзорным миром потрясет его мозг и сделает его беспомощным, после чего Кугель сможет предпринять такие меры, какие сочтет нужными.

Были ли изъяны в этой схеме? Кугель не видел ни одного. Если Юкуну обнаружит подмену, Кугелю нужно будет просто извиниться и представить настоящую линзу и таким образом усыпить подозрения Юкуну. В общем и целом, шансы на успех казались превосходными.

Кугель неторопливо прикончил колбаски, заказал вторую флягу вина и с удовольствием обозрел пейзаж по другую сторону Кзана. Ему незачем было торопиться. По правде говоря, при ведении дел с Юкуну импульсивность была серьезной ошибкой, в чем Кугель уже убедился.

На следующий день, так и не обнаружив недостатков в своем плане, он посетил стекольщика, чья мастерская была устроена на берегах Скома в миле к востоку от Азеномея, в роще трепещущих желтых билибобов.

Стекольщик осмотрел линзу.

— Точный дубликат, такой же формы и цвета? Нелегкая задача — такой чистый и сочный фиолетовый цвет. Придать подобный цвет стеклу сложнее всего. Для этого нет никакой конкретной краски. Все зависит от догадки и случая. Однако... я приготовлю нужную смесь. Посмотрим, посмотрим.

После нескольких попыток он получил стекло требуемого оттенка и изготовил из него линзу, с первого взгляда неотличимую от волшебной.

— Замечательно! — заявил Кугель. — А теперь, какова твоя цена?

— Подобную линзу из фиолетового стекла я оцениваю в сто терций, — небрежно ответил стекольщик.

— Что? — оскорбленно воскликнул Кугель. — Я что, похож на идиота? Эта сумма слишком велика.

Стекольщик разложил по местам свои инструменты, штампы и тигли, не выказывая никакой обеспокоенности по поводу негодования Кугеля.

— Вселенная не проявляет истинной стабильности. Все переходит, течет, движется по кругу, испытывает приливы и отливы. Все охвачено изменчивостью. Моя цена, которая также является имманентной частью космоса, подчиняется тем же законам и изменяется согласно степени заинтересованности клиента.

Кугель в неудовольствии отступил назад, при виде чего стекольщик протянул руку и завладел обеими линзами. Кугель воскликнул:

— Что ты собираешься делать?

— Я верну стекло в тигель, что же еще.

— А как насчет той линзы, которая принадлежит мне?

— Я сохраню ее в память о нашем разговоре.

— Стой! — Кугель глубоко втянул в себя воздух. — Я могу заплатить твою непомерную цену, если новая линза так же чиста и совершенна, как старая.

Стекольщик осмотрел сначала одну, потом другую.

— На мой взгляд, они одинаковы.

— А как насчет фокуса? — заспорил Кугель. — Поднеси обе к глазам и посмотри сквозь них, а тогда уже скажешь!

Стекольщик поднял обе линзы. Одна из них позволяла заглянуть в Чужой мир, другая передавала вид Реальности. Потрясенный этим расхождением, стекольщик пошатнулся и упал бы, если бы Кугель, стремясь уберечь линзы, не подхватил его и не подвел к скамейке.

Забрав линзы, Кугель бросил стекольщику три терции.

— Все изменчиво, и таким образом твои сто терций перетекли в три.

Стекольщик, слишком ошеломленный, чтобы дать разумный ответ, что-то забормотал и попытался поднять руку, но Кугель уже вышел из мастерской и пошел прочь.

Он вернулся в таверну. Здесь он надел свои старые одежды, все в пятнах и дырах, и отправился в путь вдоль берегов Кзана.

По дороге он репетировал предстоящую встречу, пытаясь предусмотреть все мыслимые возможности.

Впереди солнечный свет пронизывал спиральные башни зеленого стекла: дом Юкуну!

Кугель приостановился, чтобы посмотреть вверх, на это причудливое сооружение. Сколько раз за время своего путешествия он представлял себе, что стоит здесь, совсем рядом с Юкуну, Смеющимся Магом!

Он поднялся по извилистой дорожке, вымощенной темно-коричневой плиткой. С каждым шагом нервы все больше напрягались. Он подошел к входной двери и увидел на тяжелой створке нечто, чего не заметил раньше; маску, вырезанную на старом дереве: изможденное лицо с запавшими щеками, провалившимся ртом, выпученными от ужаса глазами, оттянутыми назад губами и ртом, открытым в крике отчаяния или, может быть, вызова.

Рука Кугеля, поднявшаяся для стука, застыла. Он почувствовал, как холод охватывает его душу. Он отступил от полного муки деревянного лика и повернулся, чтобы проследить взгляд этих слепых глаз — через Кзан и вдаль над темными голыми холмами, поднимающимися и опускающимися, пока мог видеть глаз. Кугель снова прогнал в мыслях план операции. Был ли там изъян? Опасность для него самого? По-видимому, нет. Если Юкуну обнаружит подмену, Кугель всегда сможет заявить, что ошибся, и отдать настоящую линзу. Можно было добиться больших преимуществ при малом риске! Кугель снова повернулся к двери и постучал по тяжелой створке.

Прошла минута. Огромная дверь медленно отворилась. Из нее вылетел порыв холодного воздуха, несущий с собой терпкий запах, который Кугель не смог определить. Солнечный свет, косо падавший через плечо, проходил в дверной проем и падал на каменный пол. Кугель неуверенно заглянул в вестибюль, не решаясь войти без специального приглашения.

— Юкуну! — крикнул он. — Покажись, чтобы я мог войти в твой дом! Мне не нужны новые несправедливые обвинения!

Внутри что-то шевельнулось, послышался шорох медленных шагов. Из боковой комнаты вышел Юкуну. Кугелю показалось, что он замечает в облике волшебника какую-то перемену. Большая мягкая желтая голова казалась более рыхлой, чем когда-либо раньше: шея тонула в складках, нос свисал подобно сталак-

титу, маленький, словно прыщ, подбородок терялся под широким подергивающимся ртом.

На Юкуну была квадратная коричневая шапочка, каждый из углов которой был загнут вверх, блуза с рисунком из черных и коричневых ромбов, широкие панталоны из тяжелой темно-коричневой ткани с черной вышивкой — красивый наряд, который Юкуну носил безо всякого изящества, словно он был чужим для него и неудобным. К тому же Смеющийся Маг поприветствовал Кугеля довольно странным образом:

— Ну, приятель, какое у тебя ко мне дело? Ты никогда не научишься ходить по потолку, стоя на руках.

И Юкуну закрыл рот руками, чтобы скрыть смешок.

Кугель удивленно и недоверчиво поднял брови.

— Это не было моей целью. Я пришел по делу большой важности, а именно, чтобы доложить, что миссия, которую я возложил на себя в твоих интересах, успешно завершена.

— Замечательно! — воскликнул Юкуну. — Теперь ты можешь передать мне ключи от хлебного ларя.

— «Хлебный ларь»? — изумленный Кугель уставился на волшебника. Юкуну что, сошел с ума?

— Я — Кугель, которого ты послал на север для выполнения одного задания. Я вернулся с магической линзой, позволяющей заглянуть в Чужой мир!

— Конечно, конечно! — закричал Юкуну. — «БРЗМ-СЗЗСТ». Боюсь, я не очень ясно выражаюсь среди такого большого количества контрастирующих ситуаций. Все не совсем такое, как было раньше. Но сейчас я приветствую тебя, Кугель, конечно! Все прояснилось. Ты ушел, ты вернулся! Как поживает друг Фиркс? Надеюсь, хорошо? Я скучал по его обществу. Замечательный парень, Фиркс!

Кугель согласился без особого энтузиазма.

— Да, Фиркс был настоящим другом, неиссякающим источником ободрения.

— Превосходно! Заходи! Я должен принести угощение! Что ты предпочитаешь — «СЭМЗСМ» или «СЗК-ЗЕМ»?

Кугель с подозрением посмотрел на Юкуну. Поведение волшебника было более чем странным.

— Я не знаком ни с одним из тех блюд, о которых

ты упомянул, и потому отклоню и то, и другое с благодарностью. Но посмотри! Волшебная фиолетовая линза!

Кугель продемонстрировал стекляшку, добытую им всего несколько часов назад.

— Превосходно! — объявил Юкуну. — Ты все сделал хорошо, и твое прегрешение — теперь я вспоминаю все, рассортировав различные обстоятельства, — сим объявляется аннулированным. Отдай мне линзу! Я должен подвергнуть ее испытанию!

— Конечно, — сказал Кугель. — Я со всем уважением предлагаю, чтобы ты, для того чтобы понять великолепие Чужого мира во всей его полноте, принес свою собственную линзу и посмотрел сквозь обе одновременно. Это единственный подходящий способ.

— Верно! О, как это верно! Моя линза! Так, где же этот упрямый негодяй ее спрятал?

— «Упрямый негодяй»? — осведомился Кугель. — Неужели кто-то копался в твоих ценностях?

— Если можно так выразиться.

Юкуну безумно хихикнул и, высоко подпрыгнув, выбросил обе ноги в сторону и пристукнул ими в воздухе, в результате чего тяжело шлепнулся на пол, откуда и обратился к потрясенному Кугелю:

— Все едино и не имеет больше значения, поскольку теперь все должно произойти по схеме «МНЗ». Да. Вскоре я проконсультируюсь с Фирксом.

— В прошлый раз, — терпеливо сказал Кугель, — ты достал свою линзу из шкафчика вон в той комнате.

— Молчать! — скомандовал Юкуну с внезапным раздражением. Он поднялся на ноги. — «СЗСЗ»! Я прекрасно знаю, где именно хранится линза. Все находится в совершенной координации! Следуй за мной. Мы сию же минуту узнаем сущность Чужого мира!

Он залился визгливым смехом, что заставило Кугеля снова поглядеть на него с изумлением.

Юкуну, шаркая ногами, прошел в боковую комнату и вернулся со шкатулкой, где лежала волшебная линза. Он повелительно махнул Кугелю:

— Встань точно вон на то место. И не двигайся, если тебе дорог Фиркс!

Кугель послушно поклонился. Юкуну вынул свою линзу.

— А теперь — этот новый предмет!

Кугель протянул ему стеклянную линзу.

— Поднеси их к глазам, обе сразу, чтобы ты мог сполна насладиться всем великолепием Чужого мира!

— Да! Так оно и должно быть!

Юкуну поднял обе линзы и приложил их к глазам. Кугель, который ожидал, что волшебник упадет, парализованный разладом впечатлений, протянул руку к веревке, которую захватил с собой для того, чтобы связать потерявшего разум колдуна, но Юкуну не выказывал никаких признаков беспомощности. Он всматривался сквозь линзы так и этак, всхрапывая самым странным образом.

— Чудесно! Великолепно! Этот вид доставляет истинное наслаждение!

Он убрал линзы от глаз и заботливо уложил их в шкатулку. Кугель мрачно наблюдал за его действиями.

— Я очень доволен, — сказал Юкуну, проделывая руками волнообразное движение, изумившее Кугеля.

— Да, — продолжал Юкуну, — ты все сделал хорошо, и посему твой неразумный и порочный проступок тебе прощается. А теперь остается только освободить моего незаменимого Фиркса. С этой целью я должен буду поместить тебя в чан. Ты будешь погружен в соответствующую жидкость на период примерно в двадцать шесть часов, чего вполне может хватить для того, чтобы выманить Фиркса наружу.

Кугель скривился. «Как можно разумно разговаривать с волшебником, который не только склонен к паясничеству и вспышкам гнева, но в придачу вполне может неблагоприятно повлиять на меня», — подумал он.

— Гораздо мудрее будет позволить Фирксу поездить во мне еще в течение некоторого времени, — вслух сказал Кугель.

Юкуну, похоже, благосклонно отнесся к этому предложению и выразил свое удовольствие с помощью крайне замысловатой джиги, которую исполнил с ловкостью, замечательной у человека с такими короткими ногами и несколько тучным телом. Он завершил представление гигантским прыжком и приземлился на шею и плечи, суча руками и ногами в воздухе, словно перевернутый жук. Кугель зачарованно наблюдал за ним, спрашивая себя, жив еще Юкуну или уже мертв.

Но волшебник, слегка помаргивая, легко возвратился в стоячее положение.

— Я должен усовершенствовать точность нажатий и уколов, — задумчиво сказал он. — Иначе происходят столкновения. Здесь среда совсем другого порядка, чем у «ССЗПНТЦ».

Он снова громогласно всхрапнул, откинув назад голову, и Кугель, заглянув в его открытый рот, увидел не язык, а белый коготь. Немедленно до него дошла причина странного поведения Юкуну. Каким-то образом существо, подобное Фирксу, проникло в тело волшебника и овладело его мозгом.

Кугель заинтересованно потер подбородок. Удивительная ситуация! Он принялся усердно и сосредоточенно думать. Самое важное было узнать, сохранило ли существо волшебное искусство Юкуну. Кугель сказал:

— Твоя мудрость потрясает меня! Я исполнен восхищения! Добавил ли ты что-нибудь к своей коллекции чародейных редкостей?

— Нет. У меня их тут полно, — заявило существо, говорящее ртом Юкуну. — Но теперь я чувствую потребность в отдыхе. Па, которые я только что исполнил, сделали покой необходимым.

— Простое дело, — сказал Кугель. — Наиболее эффективное средство для достижения данной цели — это сжать с максимальной силой Выступ Волевого Управления.

— Правда? — спросило существо. — Я попробую это. Подожди-ка! Это Выступ Противоположностей, а здесь Завиток Подсознательной Конфигурации... «СЗЗМ». Многое здесь меня озадачивает. На Эчернаре никогда так не было.

Оно пристально посмотрело на Кугеля, чтобы проверить, заметил ли он оговорку. Но Кугель напустил на себя равнодушно-скучающий вид, и существо снова принялось перебирать различные элементы мозга Юкуну.

— Ах да, вот! Выступ Волевого Управления... Теперь внезапное сильное нажатие!

Лицо Юкуну напряглось, мышцы обмякли, и тучное тело свалилось на пол. Кугель метнулся вперед и в один миг связал волшебника по рукам и ногам, залепив его большой рот пластырем.

Теперь уже Кугель исполнил свой собственный

радостный танец с различными коленцами. Все было прекрасно! Юкуну, дом и огромная коллекция волшебных приспособлений были к его услугам! Кугель задумчиво посмотрел на беспомощную массу на полу и начал было вытаскивать ее наружу, где можно было со всеми удобствами отрубить большую желтую голову, но воспоминание о многочисленных оскорблениях, неудобствах и унижениях, которые ему пришлось пережить по вине Юкуну, заставило Кугеля приостановиться. Неужели Юкуну должен достичь забытья так быстро, не зная ни о чем и не испытывая угрызений совести? Ни за что!

Кугель выволок неподвижное тело в зал и сел рядом на лавку, размышляя.

Вскоре тело шевельнулось, открыло глаза, попыталось встать и, обнаружив, что это невозможно, повернулось, чтобы осмотреть Кугеля сначала с удивлением, потом со злобой. Изо рта послышались повелительные звуки, на которые Кугель ответил уклончивым жестом.

Через некоторое время он поднялся на ноги, осмотрел веревки и пластырь, как следует проверил их надежность, а потом отправился осматривать дом, действуя с большой осторожностью и постоянно проверяя, нет ли где ловушки, приманки или западни, которую Юкуну, будучи человеком со странностями, мог бы устроить, чтобы перехитрить или обмануть незваных гостей. Кугель был особенно бдительным при осмотре рабочей комнаты Юкуну и сначала потыкал везде длинным прутом, но если волшебник и расставил силки или наживки, ничего не было видно.

Проглядев полки в рабочей комнате, Кугель нашел серу, настойку и разные травы и из всего этого приготовил тягучий желтый эликсир. Потом он затащил дряблое тело в комнату, накачал его снадобьем, выкрикивая приказы и увещевания, и наконец, когда лицо Юкуну приняло еще более интенсивный желтый цвет от проглоченной серы, жидкость стала сочиться у него из ушей, а Кугель задохнулся и вспотел от усилий, существо с Эчернара, цепляясь когтями, выбралось из ходящего ходуном тела. Кугель поймал его в большую каменную ступку, растолок в порошок железным пестиком, растворил все серной кислотой, добавил ароматических солей и вылил полученную слизь в раковину.

Юкуну вскоре пришел в себя и уставился на Кугеля свирепым, неприятно пристальным взглядом. Кугель пустил в ход пары дурмана. Смеющийся Маг закатил глаза и вернулся в состояние апатии.

Кугель присел отдохнуть. Оставалась еще одна проблема: как лучше обезвредить Юкуну на то время, пока Кугель будет излагать ему свои претензии. В конце концов, просмотрев пару учебников, он запечатал рот волшебника с помощью мазка клеящей смеси, сковал его силу несложным заклинанием, а потом заточил его в высокую стеклянную трубу, которую подвесил на цепи в вестибюле.

После того как все было сделано и Юкуну снова пришел в себя, Кугель отступил назад с любезной ухмылкой.

— Наконец-то, Юкуну, дела начинают принимать правильный оборот. Ты не припоминаешь оскорбления, которым меня подверг? Какими грубыми они были! Я поклялся, что ты пожалеешь об этом! Сейчас я начинаю выполнять клятву. Я ясно говорю?

Выражение, исказившее лицо Юкуну, было достаточным ответом.

Кугель уселся, держа в руке кубок с лучшим желтым вином волшебника.

— Я собираюсь продолжить это дело следующим образом: я подсчитаю общую сумму тех тягот, которые испытал, включая сюда такие почти несоизмеримые величины, как простуда, холодные сквозняки, оскорбления, приступы страха, неуверенность, мрачное отчаяние, ужас, отвращение и другие невыразимые страдания, не меньшим из которых были услуги небезызвестного тебе Фиркса. Из этой суммы я вычту свою первоначальную неучтивость и, возможно, одно или два дальнейших улучшения, в результате чего останется внушительный баланс, требующий возмещения. К счастью, ты — Юкуну, Смеющийся Маг. Ты, вне всякого сомнения, получишь извращенное беспристрастное удовольствие от этой ситуации.

Кугель обратил вопрошающий взгляд вверх, на Юкуну, но ответный взгляд выражал что угодно, только не веселье.

— И последний вопрос, — сказал Кугель. — Установил ли ты какие-нибудь ловушки или приманки, с помощью которых я могу быть уничтожен или пара-

лизован? Одно моргание будет означать «нет», два — «да».

Юкуну только презрительно уставился на него из своей трубы.

Кугель вздохнул.

— Я вижу, что мне придется держаться настороже.

Забрав с собой вино в большой зал, Кугель начал осваиваться с коллекцией волшебных инструментов, предметов, талисманов и прочих редкостей. Теперь, что бы там кто ни говорил, это стало его собственностью. Взгляд Юкуну следовал за ним повсюду с беспокойной надеждой, которая отнюдь не действовала успокаивающе.

Дни шли, а ловушка Юкуну, если таковая существовала, не срабатывала, и Кугель наконец пришел к выводу, что ее не было вообще. За это время он проштудировал тома и фолианты Юкуну, однако результаты были разочаровывающими. Некоторые из томов были написаны на древних языках, неразборчивым почерком или с применением таинственной терминологии; другие описывали феномены, недоступные пониманию Кугеля; третьи излучали такое настойчивое ощущение опасности, что он немедленно их закрывал.

Один или два справочника оказались доступными пониманию. Их Кугель изучил с большим тщанием, заталкивая сопротивляющиеся слова одно за другим себе в мозг, где они катались и давили на виски, заставляя голову пухнуть. Вскоре Кугель оказался в состоянии овладеть несколькими самыми простыми и примитивными заклинаниями, некоторые из которых — а именно Зловещий Зуд Лагвайлера — он испробовал на Юкуну. Но в общем и целом Кугель был разочарован тем, что оказался лишен врожденных способностей. Квалифицированные маги могли запомнить сразу три или даже четыре наиболее могущественных заклятия. Для Кугеля выучить даже одно-единственное заклинание было задачей необычайной сложности. Однажды, пробуя применить Пространственное Перемещение к атласной подушке, он поменял местами некоторые части заклинания и сам был отброшен назад, в вестибюль. Раздраженный ухмылкой Юкуну, Кугель вынес трубу с волшебником во двор, приделал к ней пару консолей и повесил на

них лампы, которые потом освещали площадку перед домом в течение ночи.

Прошел месяц. Кугель стал с большей уверенностью чувствовать себя владельцем дома. Крестьяне из ближайшей деревни приносили ему продукты, а Кугель в ответ предоставлял им те мелкие услуги, на которые был способен. Как-то раз отец Джинс, девушки, убиравшей спальню Кугеля, уронил ценную пряжку в глубокий водоем и стал умолять Кугеля вытащить ее. Тот с готовностью согласился и опустил в водоем трубу, в которой сидел Юкуну. Волшебник через некоторое время обнаружил местоположение пряжки, и ее потом вытащили крюком.

Этот эпизод заставил Кугеля задуматься над тем, как еще можно было использовать Юкуну. На Азеномейской ярмарке было устроено «Состязание Уродов». Кугель записал Юкуну участником, и, хотя волшебник и не получил первой награды, его гримасы были незабываемыми и вызвали оживленное обсуждение.

На ярмарке Кугель встретил Фианостера, продавца талисманов и волшебных приспособлений, который когда-то послал его в дом Юкуну. Фианостер с шутливым удивлением перевел взгляд с Кугеля на трубу, в которой сидел волшебник и которую Кугель вез обратно домой в тележке.

— Кугель! Кугель Хитроумный! — воскликнул Фианостер. — Значит, слухи говорят правду. Ты теперь — хозяин дома Юкуну и его большой коллекции инструментов и редкостей!

Кугель сначала сделал вид, что не узнает Фианостера, а потом заговорил как нельзя более холодным голосом.

— Абсолютная правда, — сказал он. — Юкуну решил принимать менее активное участие в делах этого мира, как ты видишь. Тем не менее дом кишит западнями и ловушками. Несколько изголодавшихся животных бродят в саду по ночам, и я установил крайне суровое заклятие, чтобы охранять каждый из входов.

Фианостер, казалось, не замечал холодности Кугеля. Потирая пухлые ручки, он осведомился:

— Поскольку ты теперь обладаешь обширной коллекцией редкостей, не продашь ли ты некоторые из второстепенных экземпляров?

— У меня нет ни нужды, ни намерения делать это, — сказал Кугель. — В сундуках Юкуну столько золота, что его хватит до того времени, когда солнце погаснет.

И оба, по многолетней привычке, взглянули вверх, чтобы проверить цвет умирающей звезды.

Фианостер вежливо помахал рукой:

— В таком случае я желаю тебе доброго дня. И тебе тоже.

Эти последние слова были обращены к Юкуну, который ответил только угрюмым взглядом.

Вернувшись в дом, Кугель занес Юкуну в вестибюль. Потом, поднявшись на крышу, оперся о парапет и уставился вдаль, на широко расстилающиеся холмы, поднимающиеся, словно волны на море. Он в сотый раз обдумывал странное отсутствие предвидения у Юкуну. Ему, Кугелю, ни в коем случае нельзя совершить подобную ошибку. И он огляделся вокруг, отмечая свои средства защиты.

Над ним поднимались спиральные башни зеленого стекла. Ниже косо уходили к земле крутые гребни и фронтоны, которые Юкуну считал эстетически правильными. Только лицевая поверхность старой центральной башни предлагала легкий доступ в дом. Среди скошенных внешних контрфорсов Кугель пристроил пластинки мыльного камня с таким расчетом, чтобы любой, кто захочет взобраться на парапет, наступил на них и соскользнул вниз, к своей погибели. Если бы Юкуну принял подобные меры предосторожности вместо того, чтобы устраивать сверхголоволомный хрустальный лабиринт, он не смотрел бы сейчас на белый свет из высокой стеклянной трубы — так размышлял Кугель.

А ему самому необходимо будет еще усовершенствовать другие средства защиты, а именно: использовать те ресурсы, которые можно извлечь с полок Юкуну.

Вернувшись в большой зал, Кугель проглотил обед, поданный Джинс и Скивви, двумя его хорошенькими служанками, и немедленно принялся за свои исследования. Сегодня они касались Заклятия Безнадежного Заточения, меры, которой в ранние эпохи оказывалось большее предпочтение, чем сейчас, и Средства Дальней Отправки, с помощью которого Юкуну перенес его в северные пустоши. Оба заклинания обладали немалой

силой; оба требовали смелости и абсолютно точного контроля. Кугель сначала опасался, что он никогда не сможет проявить данные качества. Тем не менее он упорствовал и наконец почувствовал, что сможет применить либо одно, либо другое заклятие, по необходимости.

Два дня спустя произошло то, чего и ожидал Кугель: в дверь постучали, и это, когда Кугель широко распахнул створки, оказалось признаком нежелательного присутствия Фианостера.

— День добрый, — неприветливо сказал Кугель. — Я не очень хорошо себя чувствую и должен потребовать, чтобы ты немедленно удалился.

Фианостер вежливо поклонился.

— Известие о твоей мучительной болезни достигло моих ушей, и я был так озабочен, что поспешил сюда с успокаивающим средством. Позволь мне зайти внутрь, — с этими словами он попытался протолкнуть свою дородную фигуру мимо Кугеля, — и я отмерю тебе точную дозу.

— Я страдаю от душевной болезни, — многозначительно сказал Кугель, — которая проявляется взрывами страшной ярости. Я умоляю тебя удалиться, дабы я в момент неконтролируемого спазма не рассек тебя мечом на три части или, что еще хуже, не обратился к волшебству.

Фианостер беспокойно поморщился, но продолжал голосом, полным неиссякаемого оптимизма:

— У меня есть снадобье и от этого расстройства, — он вытащил черную флягу. — Сделай один-единственный глоток, и всех твоих тревог как не бывало.

Кугель схватился за рукоять меча.

— Похоже, придется говорить прямо и откровенно. Я приказываю тебе: уходи и не возвращайся больше! Я понимаю, чего ты хочешь, и предупреждаю тебя, что во мне ты найдешь менее снисходительного врага, чем был Юкуну! Так что теперь — прочь! Или я наложу на тебя Заклятие Гигантского Пальца Ноги, в результате которого вышеупомянутый член раздуется до размеров дома.

— Ах, значит, так! — в ярости вскричал Фианостер. — Маска сорвана! Кугель Хитроумный проявил свою неблагодарную сущность! Спроси себя: кто подбил тебя сбобрать дом Юкуну? Это был я, и по всем

законам чести я должен иметь право на долю богатства Юкуну!

Кугель выхватил клинок.

— Я услышал достаточно! Теперь я начинаю действовать!

— Стой! — И Фианостер высоко поднял черную флягу. — Стоит мне только бросить эту бутыль на пол, чтобы разлился гной, к которому я невосприимчив. Отойди же!

Но разъяренный Кугель сделал выпад и проткнул клинком поднятую руку. Фианостер страдальчески вскрикнул и бросил черную бутыль в воздух. Кугель подпрыгнул и с величайшей ловкостью поймал ее. Но в это время Фианостер, метнувшись вперед, нанес ему удар, так что Кугель, пошатнувшись, отступил назад и натолкнулся на стеклянную трубу, где сидел Юкуну. Она опрокинулась на камни и разбилась. Юкуну, морщась от боли, вылез из-под осколков.

— Ха-ха! — рассмеялся Фианостер. — Дело теперь принимает другой оборот!

— Ни в коем случае! — крикнул Кугель, вытаскивая трубочку с голубым концентратом, найденную им среди инструментов Юкуну.

Волшебник пытался осколком стекла прорезать печать, сковывающую его рот. Кугель выдул струю голубого концентрата, и Юкуну громко взвыл от боли сквозь склеенные губы.

— Брось стекло! — приказал Кугель. — Повернись к стене!

Он сделал угрожающее движение в сторону Фианостера:

— Ты тоже!

Он тщательно связал руки обоих своих врагов, потом, выйдя в большой зал, схватил рабочую книгу, которую перед тем изучал.

— А сейчас — оба во двор! — приказал он. — И двигайтесь поживее! Теперь события перейдут в нужное русло!

Он заставил обоих пройти на плоскую площадку за домом и поставил их на некотором расстоянии друг от друга.

— Фианостер, ты вполне заслужил свою судьбу. За твою лживость, жадность и ужасные манеры я налагаю на тебя Заклятие Безнадежного Заточения!

— Фианостер жалобно заскулил и упал на колени. Кугель не обратил на него внимания. Проконсультировавшись в книге, он восстановил в памяти заклинание. Потом указывая на Фианостера и называя его по имени, проговорил наводящие ужас слова.

Но Фианостер, вместо того чтобы провалиться сквозь землю, сидел, скорчившись, как и раньше. Кугель торопливо сверился с книгой и увидел, что по ошибке переместил пару слов, тем самым придав заклинанию обратные свойства. И действительно, в тот самый момент, когда он осознал свою ошибку, со всех сторон послышались негромкие звуки, и предыдущие жертвы заклинания из всех эпох вырвались с глубины сорока пяти миль и упали на поверхность земли. Тут они и остались лежать, моргая в тупом удивлении; а некоторые вообще не двигались, поскольку были слишком вялыми, чтобы реагировать. Их одежда распалась в пыль, хотя на некоторых, заточенных в более позднее время, все еще сохранились какие-то лохмотья. Вскоре все, кроме наиболее ошеломленных и оцепеневших, начали делать осторожные пробные движения, хватаясь за воздух, ощупывая небо и дивясь солнцу.

Кугель хрипло рассмеялся.

— Кажется, я что-то сделал неверно. Но не беда. Я не ошибусь во второй раз. Юкуну, твое наказание будет соизмеримо с твоим преступлением, ни больше ни меньше! Ты против моей воли забросил меня в северные пустоши, в землю, где солнце низко стоит над горизонтом. Я поступлю так же с тобой. Ты навязал мне Фиркса, я навяжу тебе Фианостера. Вы будете вместе бродить по тундре, проникнете в Великую Безлюдь, проберетесь через Горы Магната. Не просите пощады, не выдвигайте оправданий! В этом случае я неумолим. Стойте спокойно, если не хотите, чтобы я снова выпустил в вас голубую погибель.

Тут Кугель обратился к Средству Дальней Отправки и заботливо разместил в голове все активирующие слова.

— Приготовьтесь! — крикнул он. — И прощайте!

С этими словами он нараспев проговорил заклинание, заколебавшись только в одном месте, где его одолела неуверенность. Но все прошло хорошо. Сверху, с большой высоты, послышался глухой удар и гортан-

ный выкрик, когда пролетавший демон был остановлен в полете.

— Явись, явись! — воскликнул Кугель. — Место назначения то же, что и раньше: берег северного моря, и груз должен быть доставлен туда в целости и сохранности! Явись! Хватай обозначенных особ и неси их в соответствии с командой!

Огромные крылья взметнули воздух. Черная фигура с кошмарным лицом поглядела вниз. Она опустила когтистую лапу. Кугель был подхвачен и унесен на север — его снова подвело неправильно поставленное слово.

* * *

В течение одного дня и одной ночи летел демон, рыча и стеная. Где-то после рассвета он сбросил Кугеля на песчаный берег и с грохотом унесся.

Вокруг была тишина. Справа и слева простирался серый берег. Позади поднимался песчаный гребень с несколькими клочками солончаковой травы и колючек. В нескольких ярдах дальше по берегу лежала расколовшаяся в щепки клетка, в которой Кугель когда-то уже был доставлен на это же самое место. Кугель сидел, опустив голову и обхватив руками колени, и смотрел вдаль.

СОЗДАТЕЛИ ЧУДА

1

Армия Башни Фэйд — сто всадников в латах, пятьсот пехотинцев и обоз — продвигалась низинами на восток. Во главе колонны, в фамильной машине Фэйдов, похожей на лодку, плывущую в двух футах над землей, ехал лорд Фэйд — худощавый, моложавый, с нездоровым цветом лица, но кошачьей ловкостью в движениях. Помимо меча и кинжала он был увешан оружием предков.

За час до заката вернулись двое разведчиков; их кони с головами, напоминающими булавы, по-собачьи неслись вприпрыжку. Лорд Фэйд остановил машину. Позади него застыл весь отряд: его родичи Фэйды, вассалы-рыцари и пешие солдаты в кожаных шлемах. Заскрипели, останавливаясь, груженые телеги и высокие кибитки малефиков.

Разведчики, несшиеся сломя голову, в последнее мгновение натянули поводья. Длинные косматые ноги коней, больше похожие на лапы, взрыли мох. Воины спешились и бросились вперед с криками:

— Путь на Башню Баллант прегражден!

Лорд Фэйд поднялся с сиденья, повернулся лицом к востоку и окинул взглядом покрытую серо-зеленой растительностью низину.

— Сколько рыцарей? Сколько пеших?

— Ни рыцарей, ни пеших, лорд Фэйд. Первый Народ взрастил лес между Северной и Южной Чащобами.

Постояв несколько секунд в задумчивости, лорд Фэйд уселся и нажал кнопку на панели управления. Машина следом заурчала, содрогнулась и двинулась вперед. Рыцари дали коням шпоры; пехотинцы зашагали в хвосте колонны, заскрипели, трогаясь с места, телеги с провиантом и фургоны малефиков.

На западе садилось бледно-розовое солнце. Слева стеной высилась Северная Чащоба; между нею и

Южной Чащобой лежало пространство каменистой земли, испещренной редкими пятнами мха. В сгущающихся красках заката все отчетливее прорисовывались новые растения — низкий перелесок соединял две чащи, как канал — два моря.

Лорд Фэйд затормозил и спрыгнул на мох. Оценив обстановку, он дал сигнал разбивать лагерь.

Фургоны и повозки построились в круг; с них выгрузили все необходимое для ночлега. Некоторое время лорд Фэйд следил за действиями своих людей, не упуская ни одной мелочи, затем повернулся и побрел по низине в лавандово-зеленые сумерки. В пятнадцати милях к востоку его ожидал последний враг — лорд Баллант, владетель Башни Баллант. Размышляя о завтрашней битве, лорд Фэйд не сомневался в своей победе: его пехота испытана в десятках кампаний; его родичи верны и отважны; Верховным малефиком у него — прославленный Гейн Гусс, которому помогают знаменитые Айзек Командор, Адам Макадам и Энтерлин. Каждый из них имеет свиту каббалистов, заклинателей и учеников. Вместе они представляют собой внушительную силу.

Разумеется, на легкую победу рассчитывать не приходится. Войско в Башне Баллант сильное, лорд Баллант будет драться до конца. Его верховный малефик могуществен и всеми почитаем. Да еще это вмешательство Первого Народа, загородившего перелеском проход между Северной и Южной Чащобами. Автохтоны — существа слабые и робкие, им не тягаться с людьми в открытом бою, но в их лесах полно всевозможных ловушек.

Лорд Фэйд выругался себе под нос. Идти в обход Северной или Южной Чащобы — значит откладывать битву на три дня. Ждать столько времени просто невыносимо.

Лорд Фэйд возвратился в лагерь. Горели костры, булькала похлебка в котлах, чернели ровными рядами спальные ямы, выкопанные в торфе. В загоне из повозок рыцари распрягали коней. Возле древней машины на гамаке был возведен шатер лорда Фэйда.

Окинув лагерь пристальным взглядом, лорд Фэйд не сказал ни слова. Малефики расположились на ночлег в некотором отдалении от войска. Ученики и

заклинатели стряпали, а малефики и каббалисты устраивались в своих шатрах, наводя порядок в шкафах и сундуках.

Лорд Фэйд вошел в шатер верховного малефика. Гейн Гусс был человеком огромного роста, с бочкообразной грудью и широкими, как стволы деревьев, руками и ногами. Его розовое лицо всегда хранило спокойное выражение, глаза были прозрачны, как вода, густые мягкие волосы не знали колпака, который другие малефики, боясь облысения, носили постоянно. Подобные предосторожности Гейн Гусс считал лишними. Частенько он говорил, скаля зубы в широкой ухмылке: «Зачем мне, старому Гейну Гуссу, амулеты? Я же такой безобидный. Кто захочет мне зла — обязательно умрет от стыда и раскаяния».

Лорд Фэйд застал Гусса за работой — он приводил в порядок свое имущество. Дверцы его шкафа были широко раскрыты, внутри лорд Фэйд увидел сотню миниатюрных манекенов. К каждому из них был привязан клок волос, или лоскуток материи, или кусок ногтя; каждый из них был смазан потом, слюной, калом или кровью. Лорд знал наверняка, что среди этих подобий есть и его собственное. Но Гусс ни за что не признался бы в этом, спросишь его — соврет, не моргнув глазом. Иначе нельзя: мана малефика во многом зависит от уверенности, с какой он держится, легкости, с какой пользуется своим могуществом.

Посмотрев на лорда Фэйда, Гейн Гусс прочел вопрос в его разуме.

— Лорд Баллант уже знает о новом перелеске. Андерсон Граймс только что известил его, и теперь Баллант надеется на отсрочку битвы. Граймс говорил с Башней Джисборн и Облачным Замком. Сегодня ночью на подмогу Башне Баллант отправятся три сотни воинов. Через два дня они прибудут. Лорд Баллант очень рад.

— Сможем ли мы пройти через этот перелесок? — спросил лорд Фэйд, меряя шагами шатер.

Гейн Гусс неодобрительно хмыкнул.

— Существует много вариантов будущего. В некоторых из них мы пройдем, в других — нет. Я не могу предугадать все эти варианты.

Лорд Фэйд давно привык скрывать раздражение за напускным педантизмом. Он проворчал:

— Либо они очень глупы, либо безрассудны. Зачем им понадобилось перегораживать низину? Не могу понять, что они замышляют.

Гейн Гусс поразмыслил и неохотно предположил:

— А что, если они возвели лес от Северной Чащобы до рощи Сарро, от Южной Чащобы до Старого Леса?

— Это означает, что Башня Фэйд почти полностью окружена лесом.

— А что, если они соединят рощу Сарро со Старым Лесом?

Лорд Фэйд выпрямился и сощурил глаза. Помолчав в задумчивости, он произнес:

— Башня Фэйд окажется в кольце. Капкан... Эти леса способны разрастаться?

— Говорят, да.

— Чего они добиваются? — спросил Лорд Фэйд, подразумевая Первый Народ.

— Не знаю. Возможно, надеются изолировать Башни и очистить планету от людей. А может быть, им нужны только безопасные проходы между лесами.

Лорд Фэйд обдумал его слова. Второе предположение звучало достаточно здраво. На заре существования человеческих поселений воинственные молодые люди охотились на автохтонов с пиками и палицами, и вскоре изгнали их с низин в леса.

— Очевидно, они умнее, чем нам казалось. Адам Макадам уверяет, что они неспособны мыслить, но, похоже, он ошибается.

Гейн Гусс пожал плечами.

— Адам Макадам отождествляет мышление с церебральным процессом человека. Он не умеет телепатически общаться с Первым Народом, а посему полагает, что они не «мыслят». Но я наблюдал за дикарями на лесном рынке — они торгуют достаточно разумно. — Будто прислушиваясь, он поднял руку, затем сунул ее в шкаф и осторожно затянул петлю на шее одного из манекенов. Из-за стенки шатра донесся кашель и хрип — кто-то хватал ртом воздух. Гусс ухмыльнулся и ослабил петлю.

— Ученик Айзека Командора. Захотел пополнить свою коллекцию подсбием Гейна Гусса. Должен ска-

зать, это очень усердный ученик. Он старается идти по моим стопам.

Лорд Фэйд раздвинул полог шатра.

— Утром отправляемся в путь. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Гейн Гусс остался в шатре — расставлять манекены, многие из которых от трясской езды попадали со своих мест. Внезапно он ощутил приближение своего соперника, Айзека Командора. Закрыв дверцы шкафа, Гусс поднялся на ноги.

Командор вошел в шатер. Клиноподобную голову этого долговязого, тощего и сутулого человека венчали рыжие жесткие кудряшки; под рыжими же бровями сверкали красно-коричневые глаза.

— Я предлагаю свое право на Кейрила, вместе с масками, головным убором и амулетами. Кейрил — лучший из когда-либо созданных демонов, он снискал всеобщее почтение. Это — самое ценное, что я могу предложить.

Гейн Гусс отрицательно покачал головой. Командор мечтал заполучить манекен Тарона Фэйда, старшего сына лорда Фэйда. Другого такого подобия (включающего в себя одежду, волосы, кожу, ресницы, слезы, экскременты, пот и слюну) не существовало в природе — лорд Фэйд берег своего первенца как зеницу ока.

— Неплохое предложение, но у меня нет нехватки в демонах. Имя — Дент наводит на людей не меньше ужаса, чем Кейрил.

— Добавляю пять волосков с головы малефика Кларенса Сирса. Это последние волосы, ибо теперь он совершенно лыс.

— Пустой разговор. Кукла останется у меня.

— Ну, как скажешь, — проворчал Командор, выглядывая из шатра. — Сюда идет мой недотепа. Он ведет куклу задом наперед по твоим следам.

Гусс открыл шкаф и ткнул пальцем в подобие. Снаружи донесся возглас удивления. Гусс улыбнулся.

— Он молод и горяч; возможно, даже неглуп. Кто знает. — Подойдя к пологу, он позвал:

— Эй, Сэм Салазар, что ты там делаешь? Входи.

Моргая, в шатер вошел ученик Сэм Салазар — полный юноша с круглым румяным лицом и нечесаной шевелюрой цвета соломы. В руке он держал неумело

сделанную пузатую куклу, изображающую, по всей видимости, Гейна Гусса.

— Мы с твоим учителем весьма озадачены, — сказал верховный малефик. — В твоем безрассудстве, должно быть, кроется система, но нам не под силу ее разгадать. Например, я не возьму в толк, зачем ты сейчас вел по моим следам это подобие? Ты прицепился ко мне, как репей. Учти, это может дорого тебе обойтись.

— Малефик Командор предупреждал меня, — без тени смущения ответил юноша, — что честолюбие требует риска.

— Если честолюбие требует, чтобы ты стал малефиком, — резким тоном произнес Командор, — то лучше избавься от него.

— Этот паренек хитрее, чем ты думаешь, — заметил Гейн Гусс. — Смотри. — Он забрал у юноши куклу, плюнул ей в рот, затем воткнул в отверстие пупка сорванный со своей головы клок волос. — Видишь, ему почти что даром досталось подобие Гейна Гусса. Ну что ж, ученик Салазар, ответь, как ты теперь сможешь мне напакостить?

— Честно говоря, мне это даже в голову не приходило. Я всего лишь хотел заполнить пустое место в шкафу.

Гейн Гусс одобрительно кивнул.

— Неплохой довод. Надо полагать, ты уже обзавелся подобием Айзека Командора?

Сэм Салазар боязливо покосился на своего учителя.

— Он не оставляет следов. Даже при виде откупоренной бутылки прикрывает рот ладонью.

— Отлично! — воскликнул Гейн Гусс. — Чего же ты боишься, Командор?

— Я консервативен, — сухо ответил Командор. — Сейчас ты делаешь широкий жест, но рано или поздно это подобие попадет в руки врага. И тогда ты горько пожалеешь о своей нелепой браваде.

— Вот еще! Мои враги мертвы, а если кто и жив, то его не видно и не слышно. — Он с силой хлопнул юношу по плечу. — Завтра, ученик Салазар, тебе предстоит совершить великий подвиг.

— Какой еще подвиг?

— Доблестный, благородный акт самопожертвования. Лорд Фэйд должен просить у Первого Народа

разрешения пройти через перелесок. Сама мысль об этом ему претит, но ничего не поделаешь. Завтра, Сэм Салазар, ты отправишься в путь, чтобы уберечь от крапивников, кос и ям очень важную персону.

Сэм Салазар попятился, мотая головой.

— Что вы, я вовсе не подхожу для такой миссии. Есть другие, куда более достойные. Я предпочитаю путешествовать в обозе.

Командор указал ему на выход.

— Не прекословь. Ступай, у нас нет времени на болтовню с учениками.

Сэм Салазар удалился. Командор повернулся спиной к Гейну Гуссу.

— Кстати, о завтрашнем. Андерсон Граймс — большой специалист по демонам. Насколько я помню, он создал и широко прославил Понта, навевающего сон, Эверида — воплощение ярости, Дейна, наводящего ужас. Сражаясь с ним, мы должны проявлять осторожность, чтобы не навредить друг другу.

— Верно, — буркнул Гусс. — Я сто раз говорил лорду Фэйду, что лучше держать при войске одного толкового малефика — верховного малефика, — чем целую ораву посредственностей, строящих козни друг другу. Но он не внемлет, обуреваемый честолюбивыми помыслами.

— Или внемлет, но опасается, что рано или поздно верховного малефика одолеет старость и тогда рядом не окажется других, столь же умелых помощников.

— Будущее многовариантно, — уступчиво произнес Гейн Гусс. — Я уже советовал лорду Фэйду заранее подумать о моем преемнике, чтобы за оставшиеся годы я успел хорошенько подготовить его. Я намерен выбрать из младших малефиков самого способного. — Он помолчал. — Я предоставляю тебе сразиться с демонами Андерсона Граймса.

Айзек Командор вежливо кивнул.

— Ты поступаешь мудро, слагая с себя ответственность. Когда-нибудь и я почувствую на плечах бремя прожитых лет; надеюсь, у меня хватит мудрости последовать твоему примеру. Спокойной ночи, Гейн Гусс. Пойду, приведу в порядок маски демонов. Завтра Кейрил пойдет на врага великанской поступью.

— Спокойной ночи, Айзек Командор.

Командор чинно вышел из шатра. Усевшись на

стул, Гусс услышал, как у входа скребется Сэм Салазар.

— Ну что тебе, отрок? — проворчал старый малефик. — Почему слоняешься без дела?

Сэм Салазар положил на стол подобие Гейна Гусса.

— Мне не нужна эта кукла.

— Так выкинь ее в канаву, — сердито бросил Гейн Гусс, — и перестань досаждать мне дурацкими трюками. Ты ловко намозолил мне глаза, но что толку, если я не могу взять тебя в ученики без согласия Командора?

— А если я добьюсь его согласия?

— То наживешь себе опаснейшего врага: он не поленится открыть свой шкаф, чтобы наслать на тебя порчу. В отличие от меня, перед злыми чарами ты совершенно беззащитен. Советую смирить гордыню. Айзек Командор весьма искусен и способен многому научить тебя.

Сэм Салазар все еще мялся.

— Айзек Командор искусен, но нетерпим к новым идеям.

Гейн Гусс тяжело повернулся на стуле, его водянистые глаза ощупали Сэма Салазара.

— К чьим новым идеям? К твоим, что ли?

— Да, эти идеи новы для меня и, насколько мне ведомо, для Айзека Командора. Однако он никогда в этом не признается.

Гейн Гусс вздохнул, поудобнее устраивая свое монументальное седалище.

— Ну, так изложи их мне, и если они в самом деле новые, я не постыжусь это признать.

— Начну с того, что я размышлял о деревьях. Они восприимчивы к свету, влаге, ветру и атмосферному давлению. Восприимчивость предполагает ощущения. Может быть, ощущения дерева способны передаваться человеку? Если деревья обладают сознанием, такая способность нам бы не помешала. Деревья стерегли бы подступы к нашему войску, с их помощью мы наблюдали бы за неприятелем.

— Занятно, но неосуществимо на практике, — скептически отозвался Гейн Гусс. — Чтение мыслей — раз, акт овладения — два, перенос зрительных образов на расстояние — три... А главное, необходимо

полное психическое соответствие и обоюдная симпатия. Пока нет симпатии, нет и контакта. Дерево и человек полярно противоположны, их ощущения несопоставимы. Следовательно, если между малефиком и растением протянется хотя бы тонюсенькая ниточка взаимопонимания — это будет подлинным чудом.

Сэм Салазар печально кивнул.

— Я тоже понимал это, но все же надеялся, что сумею добиться слияния.

— Для этого тебе необходимо стать деревом. А уж дерево никогда не станет человеком.

— И я так рассуждал, — сказал Сэм Салазар. — Однажды я отправился в лес и выбрал высокое хвойное дерево. Зарывшись ступнями в почву, я стоял под ним безмолвный и нагой. Миновали рассвет, день, закат, ночь. Разум мой был закрыт для человеческих мыслей, глаза и уши — для окружающего мира. Питался я лишь солнечными лучами и дождевой водой, заставляя туловище свое пускать ветви, а ноги — корни. Тридцать часов простоял я так, а спустя два дня — еще тридцать часов. Я создал дерево, насколько возможно создать дерево из плоти и крови.

У Гейна Гусса булькнуло в горле — этот звук означал веселье.

— Ну и как, удалось тебе вызвать симпатию?

— Увы, — вздохнул Сэм Салазар. — Некоторые ощущения я смутно уловил — животворность солнечного света, покой тьмы, прохладу дождя. Но зрение и слух не восприняли ничего. Однако я не жалею о потерянном времени. Это полезный опыт.

— Да, занятная попытка, хоть и заведомо напрасная. Идею не назовешь оригинальной, но эмпиризм, как говорили в старину, твоего метода налицо, и это не может не раздражать Айзека Командора, нетерпимого к предрассудкам наших предков. Подозреваю, он долго разглагольствовал перед тобой о вреде легкомыслия, метафизики и инспирационализма.

— Верно, — подтвердил Сэм Салазар. — Так и было.

— Тебе следует хорошенько усвоить одну истину: самое простое и очевидное Айзек Командор ухитряется усложнить и затуманить до невозможности. С другой стороны, нельзя считать образцом для подра-

жания и лорда Фэйда, который мнит о себе, будто он просвещенный, свободный от предрассудков человек, однако всегда вооружен древним пистолетом, разъезжает на хрупкой машине и в защите Башни Фэйд полагается на Адову Пасть.

— Быть может, он неосознанно тоскует по старым волшебным временам, — задумчиво произнес Сэм Салазар.

— Быть может, — согласился Гейн Гусс. — Видимо, ты тоже тоскуешь по ним?

Помедлив, Сэм Салазар ответил:

— Минувшая эпоха окружена аурой романтики, первобытной пышности... Хотя, конечно, мистицизм — плохая замена ортодоксальной логике, — поспешно добавил он.

— Разумеется, — кивнул Гейн Гусс. — Ну все, ступай. Мне надо подумать о завтрашней битве.

Сэм Салазар ушел, а Гейн Гусс, ворча и покряхтывая, поднялся на ноги, подошел к пологу, раздвинул его и окинул взглядом лагерь. К этому времени все кругом затихло, от костров остались дотлевающие угли, воины спали в своих ямах. На востоке и западе чернел лес, в прогалинах на опушке мерцали тусклые огоньки — там Первый Народ собирал во мху споровые коробочки.

Гейн Гусс почувствовал чье-то приближение. Повернув голову, он увидел малефика Энтерлина, который всегда кутался в мантию с капюшоном, говорил только шепотом и маскировал свою естественную походку жесткой птичьей поступью. Несоблюдение всех этих предосторожностей делало малефика уязвимым для козней недругов. Известно, что люди, страдающие близорукостью, болями в суставах, забывчивостью, меланхолией, головокружением, наиболее подвержены малефициуму. Следовательно, малефику необходимо сохранять вид абсолютного здоровья, даже идя вслепую на сведенных судорогой ногах.

Гейн Гусс подозвал Энтерлина и поднял полог, пропуская его в шатер. Затем он подошел к шкафу, достал бутылку и наполнил ликером две каменные чашки.

— От чистого сердца, без всякой задней мысли.

— Хорошо, — прошептал Энтерлин, выбирая дальнюю чашку. — Что ни говори, малефику полезно

иногда отдохнуть под маской обычного человека. — Повернувшись к Гейну Гуссу спиной, он склонил голову в капюшоне, изучая содержимое чашки сквозь вуаль, затем выпил. — Бодрит, — заключил он. — Это хорошо — завтра у нас будет нелегкий день.

Гусс булькнул горлом.

— Завтра демоны Айзека Командора померятся силами с демонами Андерсона Граймса. Нам же Командор отводит роль своих помощников.

Казалось, черная вуаль скрывает насмешку на лице Энтерлина.

— Командор не упустит такой возможности. Его целеустремленность впечатляет меня, его мана питается успехом. Он человек огня, ты — человек льда.

— Бывает, огонь растапливает лед.

— Бывает, лед гасит огонь.

Гейн Гусс пожал плечами.

— Неважно. Я устал. Все мы во власти у старости. Только что молодой ученик дал мне возможность взглянуть на себя со стороны. — Гейн Гусс осушил и поставил на стол каменную чашечку.

— И ты — могущественный маг, верховный малефик Фэйдов — испытал при этом гордость, не правда ли?

— Нет. Я увидел себя на вершине ремесла, выше которой подняться уже невозможно. Только Сэм Салазар, ученик, намерен искать более универсальные знания. Он пришел ко мне за советом, а я не нашелся что сказать.

— Странные речи, странные речи! — прошептал Энтерлин, направляясь к выходу. — Я ухожу, хочу прогуляться по низине. Может быть, я увижу будущее.

— Будущее многовариантно.

Шаркая, Энтерлин растворился во тьме. Гейн Гусс, покряхтывая и постанывая, добрался до кушетки и тотчас провалился в сон.

2

Миновала ночь. Затянутое розово-зеленой мерцающей пеленой, солнце поднималось над горизонтом, обрисовывая силуэт нового перелеска.

Воины и малефики деловито и быстро снимались с лагеря. Лорд Фэйд запрыгнул на машину, и она осела

под его весом. Он нажал кнопку, и машина тяжело, как топляк по реке, двинулась вперед.

В миле от перелеска он остановился и послал ординарца к кибиткам малефиков. Гейн Гусс неуклюже зашагал вперед, следом — Командор, Адам Макадам и Энтерлин.

— Пошли кого-нибудь потолковать с Первым Народом, — обратился лорд Фэйд к верховному малефику. — Пусть они узнают, что мы хотим пройти, не причинив им зла, но любое проявление враждебности с их стороны повлечет за собой суровую кару.

— Я сам пойду к ним. — Гейн Гусс повернулся к Командору. — Если не возражаешь, я прихвачу твоего юного нахала. Уверен, от него будет польза.

— Если он угодит в крапивник и тем самым обнаружит его, то от него хоть раз в жизни будет польза, — проворчал Командор, жестом подзывая Сэма Салазара. Ученик неохотно приблизился. — Ты пойдешь перед верховным малефиком и будешь стараться, чтобы он не попал в западню. Возьми слегу, не то провалишься в трясину.

Понурясь, Сэм Салазар одолжил у пехотинца пику и зашагал вперед вдоль гряды невысоких холмов, которая тянулась между Северной и Южной Чащобами. Холмы были покрыты мхом; кое-где виднелись скальные обнажения; там и сям росли лаврово-ягодные деревья, кусты имбирного чая и островки смоляного вереска, роз-травы.

В полумиле от перелеска Гейн Гусс остановился.

— Будь осторожен, отсюда начинаются ловушки. Бугры обходи стороной: в них часто скрываются косы. Не ступай на голубой мох — он мертв или болен оттого, что под ним яма или крапива.

— Почему бы вам не обнаружить все ловушки с помощью ясновидения? — мрачно осведомился Сэм Салазар. — Случай весьма подходящий.

— Разумный вопрос, — спокойно откликнулся Гейн Гусс. — Однако намотай на ус: рискуя собственной выгодой или жизнью, малефик не должен полагаться на чувства — они могут подвести. Если бы я внял твоему совету, мне бы везде виделись ловушки — поди разбери, которые из них настоящие, а которые мерещатся от страха. В такой ситуации твоя пика куда надежнее моего ясновидения.

Кивнув, Сэм Салазар пошел дальше. Гейн Гусс затопал следом. Поначалу ученик проверял пикой мох на каждом шагу и обнаружил две ловушки. Потом он заспешил, и Гейн Гусс, задыхаясь от быстрой ходьбы, крикнул:

— Остерегись, несчастный! Пропадешь!

Сэм Салазар любезно укоротил шаг.

— Ловушки здесь повсюду, но, кажется, я понял, по какому принципу они расставлены.

— В самом деле? Ха-ха! Ну, так поделись своим открытием, сделай милость. Просвети старого недотепу.

— Пожалуйста. Там, где недавно срезаны споровые коробочки, можно идти без опаски.

— Ну, так вперед, — проворчал Гейн Гусс. — Что же ты еле плетешься? Сегодня мы должны захватить Башню Баллант.

Пройдя двести ярдов, Сэм Салазар застыл как вкопанный.

— Вперед, отрок, вперед, — хмуро поторопил его верховный малефик.

— Нам угрожает нападение дикарей. Приглядитесь, вон они, у самой опушки. Целятся в нас из трубок.

Гейн Гусс напряг зрение, затем запрокинул голову и выкрикнул несколько слов на свистящем языке Первого Народа.

Спустя минуту-другую из подлеска навстречу парламентерам вышел обнаженный гуманоид, уродливый, как маска демона. Под мышками у него вздувались пузыри с пеной, виднелись оранжевые сфинктеры. Со спины свисали складки кожи, служившие мехами для продувания воздуха через пеновыделяющие железы. Пальцы на огромных ручищах оканчивались ногтями, похожими на стамески; голова была покрыта хитином и со всех сторон усажена выпуклостями глаз, состоящих из миллионов фасетов, похожих на черные опалы. Так выглядел представитель первобытного народа этой планеты, до пришествия человека обитавшего на равнинах, в норах, вырытых в торфе и заполненных пеной из подмышечных желез.

Подойдя ближе, существо остановилось.

— Я буду говорить от имени лорда Фэйда, владетеля Башни Фэйд, — заявил Гусс. — Ваши деревья преградили ему дорогу. Он желает пройти с армией

через лес, не причинив повреждений посадкам и не разрушив ловушек, которые вы установили против своих врагов. Для этого необходим проводник.

— Наши враги — люди, — ответил автохтон. — Можете разрушить сколько угодно ловушек — для этого они и предназначены. — Он двинулся назад.

— Постой! — решительно окликнул его Гейн Гусс. — Лорду Фэйду очень нужно пройти через лес. Он намерен сразиться с лордом Баллантом. Он не желает воевать с Первым Народом. Следовательно, с вашей стороны неразумно препятствовать ему.

С минуту существо молчало, размышляя. Наконец уступило:

— Я проведу вас, — и зашагало по мху к колонне.

Гейн Гусс и Сэм Салазар пошли обратно. Ноги автохтона в суставах гнулись свободнее, нежели человеческие, поэтому поступь его была вихляющей. Время от времени он останавливался, рассматривая землю впереди.

— Я в недоумении, — сказал Сэм Салазар верховному малефику. — Не могу уяснить логику его поступка.

— Ничего удивительного, — проворчал Гейн Гусс. — Он туземец, ты — человек. Для взаимопонимания у вас слишком мало общего.

— Я не согласен, — серьезно возразил Сэм Салазар.

— Вот как? — Гейн Гусс весьма неодобрительно посмотрел на ученика. — Ты смеешь оспаривать мнение верховного малефика?

— Только в данном случае. Я вижу основу для взаимопонимания с Первым Народом. Она в нашем общем желании выжить.

— Трюизм, — буркнул Гейн Гусс. — Ну хорошо, допустим, основа для взаимопонимания действительно существует. Так в чем же причина твоего недоумения?

— В том, что автохтон сначала отказался, а потом согласился провести нас через посадки.

Гусс кивнул.

— Очевидно, на его решение повлияло известие, что мы идем завоевывать Башню Баллант.

— Ну, это понятно, — сказал Сэм Салазар. — Но подумайте...

— Ты призываешь меня подумать?! — взревел Гейн Гусс.

—...вот о чем: перед нами, по всей видимости, самый обычный туземец, внешне ничем не отличимый от остальных. Однако, не медля ни секунды, он принял очень важное решение. Кто он? Вождь? Или они прозябают в анархии?

— Задавать вопросы проще простого, — нахмурился Гейн Гусс. — Вот отвечать... Короче говоря, я не знаю. Как бы там ни было, они не прочь полюбоваться, как мы будем убивать друг дружку.

3

Путешествие через лес окончилось благополучно. В миле к востоку автохтон сошел с тропы и, не прощаясь, возвратился в лес. Армия, шедшая гуськом, перестроилась в обычный порядок. Позвав Гейна Гусса, лорд Фэйд, вопреки обыкновению, указал ему на сиденье позади себя. Машина опустилась чуть ли не до земли и закачалась; двигатель завыл и застонал. Будучи в хорошем настроении, лорд Фэйд не обратил внимания на эти звуки.

— Я боялся, что мы напрасно потеряем время. Ну, как там лорд Балланта? Ты способен прочесть его мысли?

Разум Гейна Гусса устремился вперед.

— Неясно. Он знает, что мы прошли через лес. Он встревожен.

С уст лорда Фэйда сорвался саркастический смешок.

— Еще бы! Слушай меня внимательно. Я изложу план сражения, чтобы мы могли координировать свои силы.

— Слушаю, милорд.

— К Башне приблизимся цепью. Самое серьезное оружие Балланта — это, конечно, Вулкан. Нужно, чтобы кто-то надел мои доспехи и ехал на машине. Пожалуй, для этого как нельзя лучше подойдет желтоволосый ученик. Больше от него толку никакого, а так мы хоть узнаем, на что способен Вулкан. Он, как и наша Адова Пасть, построен для отражения атак из космоса и неопасен в непосредственной близости от Башни. В двухстах ярдах от ворот мы построимся, тем временем вы, малефики, вынудите

лорда Балланта выйти из Башни. Наверняка вы уже придумали, как это сделать.

Гейн Гусс что-то проворчал. Как и все малефики, он готовил экспромт загодя.

Лорду Фэйду было не до щепетильности. Он потребовал, чтобы верховный малефик раскрыл свои карты.

С крайней неохотой Гейн Гусс сказал:

— Я припас несколько сюрпризов для защитников Балланта, которые приведут их в замешательство и заставят ринуться вперед. Малефик Энтерлин будет сидеть у своего шкафа, на тот случай, если лорд Баллант прикажет наложить на вас заклятие. Андерсон Граймс, несомненно, вселит в воинов Балланта демона — скорее всего, Эверида, но Айзек Командор пошлет им навстречу столько же, а то и больше винов, одержимых демоном Кейрилом, тварью куда более свирепой и жуткой.

— Неплохо. Что еще?

— Всего этого более чем достаточно, если ваши люди не дрогнут в бою.

— Ты видишь будущее? Чем кончится нынешний день?

— Будущее многовариантно. Иные малефики, например Энтерлин, утверждают, будто видят нить, ведущую через лабиринт вероятностей. Но их пророчества редко сбываются.

— Позови Энтерлина.

Гейн Гусс неодобрительно хмыкнул.

— Это неразумно, если вы в самом деле хотите одолеть лорда Балланта.

Глаза лорда Фэйда впились из-под кустистых бровей в рослого малефика.

— Почему ты так считаешь?

— Если Энтерлин предскажет поражение, вы падете духом и будете сражаться вполсилы. Если он напророчит победу, излишняя уверенность сослужит вам дурную службу.

Лорд Фэйд раздраженно отмахнулся.

— Вы, малефики, мастер хвастать, а как дойдет до дела, сразу начинаются отговорки.

— Ха-ха! — лающе рассмеялся Гейн Гусс. — Вам нужны чудеса, а не честный малефициум. Смотрите, я плюю. — Он плюнул. — Я предсказываю, что слюна упадет в мох. Вероятность этого весьма высока, но

плевок может угодить на летящее насекомое или на туземца, поднимающегося навстречу сквозь торф. Разумеется, это маловероятно, и все же... В ближайшую секунду возможен только один вариант будущего, зато через минуту — уже четыре! Через пять минут — двадцать! Даже миллионом вариантов не исчерпываются вероятности завтрашнего дня! Некоторые варианты из этого миллиона более вероятны, другие — менее. Действительно, иные из этих наиболее вероятных вариантов посылают в мозг малефика слабые сигналы. Но поскольку малефик всегда обуреваем собственными чаяниями и интересами, он редко способен воспринимать эти сигналы. Энтерлин — человек особенный, он прячет свою сущность, у него нет никаких стремлений. Иногда его пророчества сбываются, но все же я не советую обращаться к нему. Лучше всего положиться на реальную, практическую пользу малефициума.

Лорд Фэйд промолчал.

Колонна спускалась в низину; машина легко скользила под уклон. Затем они стали подниматься, и двигатель взвыл столь жалобно, что лорду Фэйду пришлось остановить машину.

Поразмыслив, он сказал:

— Сразу за гребнем нас будет видно из башни Баллант. Надо рассеяться. Пошли вперед самого никчемного из твоих людей — ученика, который тыкал пикой в мох. Пусть он наденет мои шлем и кирасу и едет в машине.

Гейн Гусс спешился и возвратился к кибиткам; вскоре к машине приблизился Сэм Салазар. С отвращением взирая на его круглую цветущую физиономию, лорд Фэйд отрывисто произнес:

— Подойди ближе. Слушай внимательно. Нажимаешь на этот рычаг — машина движется вперед. Поворачиваешь руль — вправо и влево. Для остановки надо возвратить рычаг в исходное положение.

Сэм Салазар указал на остальные рычаги, тумблеры и кнопки.

— А это все для чего?

— Я ими не пользуюсь.

— А каково предназначение этих шкал?

У лорда Фэйда скривились губы — верный признак закипающего гнева.

— Поскольку меня это не интересует, то тебя должно интересовать в двадцать раз меньше. Ну-ка, надень колпак и шлем и постарайся не потеть.

Сэм Салазар нахлобучил на голову колпак, поверх него — красивый шлем с черно-зеленым плюмажем.

— А теперь — кирасу.

Спереди на кирасе, собранной из черных и зеленых металлических пластин, были изображены две красные драконьи головы.

— И плащ. — Лорд Фэйд накинул на плечи Сэма Салазара черный плащ. — Не приближайся к башне вплотную. Твоя задача — вызвать на себя огонь Вулкана. Двигайся вокруг башни в горизонтальной плоскости за пределами досягаемости стрел. Погибнешь от стрелы — испортишь мне все сражение.

— Вы предпочитаете, чтобы меня убил Вулкан? — спросил Сэм Салазар.

— Нет. Я не желаю терять машину и шлем, это очень ценные реликвии. Старайся избегать любой смерти. Вряд ли неприятель поддастся на нашу уловку, но если поддастся — а главное, если Вулкан откроет огонь, — я смирюсь с потерей фамильной машины Фэйдов. Ну все. Теперь садись на мое место.

Сэм Салазар забрался в машину и уселся за руль.

— Выпрямись! — взревел лорд Фэйд. — Голову выше. Ты изображаешь лорда Фэйда. Нечего праздновать труса!

Сэм Салазар расправил плечи.

— Чтобы достоверно изображать лорда Фэйда, мне бы следовало идти среди воинов... и чтобы кто-нибудь другой ехал в машине.

Глаза лорда Фэйда сверкнули, затем на лице появилась недобрая ухмылка.

— Хватит болтать! Выполняй приказ!

4

Тысячу шестьсот лет назад, когда в космическом пространстве бушевала война, на Пенгборне укрылась группа капитанов, потерявших свои родные базы. Чтобы обезопасить себя от мстительных врагов, они построили большие крепости, защищенные орудиями с разобранных кораблей.

Но война утихла, и о Пенгборне все забыли. Пришельцы вытеснили Первый Народ, распахали и засеяли речные долины. Башня Баллант, подобно Облачному Замку, Башне Фэйд, Боготену и всем прочим твердыням, высилась над одной из долин. Огромный зонтик ее крыши опирался на четыре короткие и толстые колонны из твердого черного вещества, обнесенные стеной высотой в две трети колонн; венчал крышу купол, в котором находился Вулкан — оружие, не уступающее Адской Пасти Фэйда.

Перевалив через холмы, воины Фэйда обнаружили, что огромные ворота надежно заперты, а парапеты между колоннами усеяны лучниками. По приказу лорда Фэйда армия наступала широким фронтом. В центре, блестя доспехами лорда Фэйда, ехал Сэм Салазар. Он не особо усердствовал, изображая своего повелителя, — сидел на краешке кресла, скукожась и склонив голову набок. Неприязненно глядя на него, лорд Фэйд подумал, что нежелание Командорова ученика погибать вполне объяснимо: если лорд Баллант не заподозрит подвоха, вместе с Лжефэйдом пропадет и драгоценная машина. Вулкан наверняка был в боевой готовности — его рыло торчало из купола под угрожающим углом, а рядом маячила фигурка оружейника.

Тактика, выбранная лордом Фэйдом, оказалась действенной. Сначала рыцари, затем пехотинцы и, наконец, грохочущие кибитки малефиков беспрепятственно приблизились к Башне на двести ярдов — здесь им уже не страшен был выстрел из купола. Машина Фэйдов еле двигалась вдалеке; едва ли у противника могли остаться сомнения, что это — военная хитрость.

Наскучив одиночеством, а посему желая увеличить скорость машины, ученик Салазар повернул тумблер, затем — другой. Под днищем пронзительно завизжало, машина затряслась и пошла вверх. Сэм Салазар перекинул ногу через борт, явно намереваясь спрыгнуть. Лорд Фэйд бросился к нему, крича и жестикулируя. Сэм Салазар испуганно отдернул ногу и вернул тумблеры в прежнее положение. Машина камнем полетела вниз.

Он снова щелкнул тумблерами, смягчив падение.

— Убирайся! — взревел лорд Фэйд. Он вцепился в шлем, рванул, и Сэм Салазар кувыркнулся за борт. — Снимай доспехи! Поди прочь, олух!

Сэм Салазар заторопился к кибиткам и вместе с другими учениками принялся ставить черный шатер Айзека Командора. Они постелили в шатре черный ковер с красно-желтым узором, поставили шкаф, стул, сундук и курильницу с ладаном.

Напротив главных ворот крепости Гейн Гусс распорядился установить некое сооружение на колесах, укрытое от глаз защитников Башни Баллант чехлом из просмоленной парусины.

Тем временем лорд Фэйд послал к воротам герольда с известием, что будет весьма рад, если лорд Баллант сдастся без сопротивления. Лорд Баллант не спешил с ответом, надеясь выиграть время. Через полтора суток должны были подойти отряды из Башни Джисборн и Облачного Замка, с их помощью Балланты рассчитывали отогнать лорда Фэйда.

Но лорд Фэйд ждал лишь момента, когда малефики закончат свои приготовления. Затем он послал второго герольда — сообщить, что будет ждать капитуляции не более двух минут.

Прошла минута, другая. Посланники повернулись на каблуках и чеканным шагом вернулись в строй.

— Ты готов? — обратился лорд Фэйд к верховному малефику.

— Готов, — буркнул Гейн Гусс, поднимая руку.

Чехол упал, явив взорам защитников раскрашенное подобие Башни Баллант. Гусс возвратился в шатер и задернул половинки полога. Яркое пламя жаровен выхватывало из сумрака лица Адама Макадама, восьми каббалистов и шести самых опытных заклинателей. Рядом с каждым из них на скамье были разложены несколько десятков подобий и стояла маленькая жаровня. Каббалисты и заклинатели работали с куклами, изображающими пехотинцев Балланта, Гусс и Адам Макадам — с фигурками рыцарей. Отдельно лежало подобие вражеского полководца — к нему никто не прикоснется, пока лорд Баллант не велит своим малефикам наслать порчу на лорда Фэйда. Таков был этикет владетелей Башен — право первого удара они предоставляли друг другу.

— Себастьян! — позвал Гейн Гусс.

— Все готово! — ответил заклинатель, стоявший у выхода из шатра.

— Начинай представление.

Себастьян бросился к подобию Башни, поднес факел. Защитники Башни Баллант увидели, как вспыхнули размалеванные стены. Из окон вырвалось пламя, крыша раскалилась докрасна и съежилась. Тем временем в шатре двое малефиков, каббалисты и заклинатели методично опускали кукол в пламя жаровен, концентрируясь, чтобы проникнуть в разум тех, кого эти куклы изображали.

Гарнизон Башни заволновался. У многих пламя бушевало не только перед глазами, но и перед мысленным взором; казалось, оно лижет их плоть. Заметив их беспокойство, лорд Баллант скомандовал Андерсону Граймсу, своему верховному малефику:

— Контрзаклинание!

В воротах Башни появилось подобие, намного превосходящее размерами Башню Гейна Гусса — подобие ужасного зверя. Чудище стояло на четырех ногах и, держа в обеих руках по человеку, отгрызало им головы.

Каббалисты Граймса брали подобия воинов Фэйда, совали их головы в пасти маленьких моделей зверя и смыкали челюсти на шарнирах, посылая кругом волны страха и омерзения. И воины Фэйда, глядя на монстра, испытывали робость и тошноту.

В шатре Гейна Гусса чадили жаровни и дымились куклы. Глаза чародеев сверкали, на лицах блестели капли пота. Время от времени кто-нибудь из них торжествующе вскрикивал — это означало, что ему удалось проникнуть в чужой мозг. Воины в замке роптали, хватаясь за обожженные места на коже и со страхом видя подобные ожоги на своих товарищах. В конце концов один из них заголосил, срывая с себя доспехи:

— Я горю! Проклятые колдуны жгут меня!

Его боль передалась остальным. По всей Башне разносились вопли.

Старший сын лорда Балланта, чей разум был атакован самим Гейном Гуссом, ударил по щиту кулаком в кольчужной рукавице.

— Меня жгут! И всех нас! Лучше драться, чем гореть!

— Драться! Драться! — послышались крики истязаемых людей.

Лорд Баллант обвел взглядом перекошенные, покрытые волдырями и язвами лица.

— Потерпите еще чуть-чуть! — взмолился он. — Наши чары действуют! Враг уже трепещет от страха!

— Легко тебе говорить! — воскликнул его брат. — Не твои потроха поджаривает Гейн Гусс. Не нам тягаться с ними в колдовстве! Мы должны биться оружием!

— Потерпите! — в отчаянии вскричал лорд Баллант. — Еще немного, и они побегут сломя голову! Потерпите! Потерпите!

Его племянник сорвал с себя кирасу.

— Это Гейн Гусс! Я его чувствую! У меня горит нога, а старый демон глумится надо мной. Говорит, сейчас вспыхнет моя голова. Веди нас в бой, или я пойду один!

— Ну хорошо, — обреченно уступил лорд Баллант. — Сначала зверь, затем мы. Враг охвачен паникой, мы разобьем его наголову.

Ворота Башни распахнулись во всю ширь, из них выскочил размалеванный монстр: ножищи топают, ручищи машут, глазищи вращаются в орбитах, пасть исторгает злобный рык. Не довлей над воинами Фэйда чужая воля, они бы увидели, что чудовище — всего лишь огромное чучело, несомое тремя конями. Но вражеские чародеи заполнили их разум ужасом. Бессильно опустив оружие, воины попятились.

Следом за чудовищем галопом неслись рыцари Балланта, затем маршировала пехота. Подобно стальному клину, вонзились они в центр Фэйдова войска. Громогласно выкрикивая приказы, лорд Фэйд заставил своих солдат перестроиться: его рыцари оторвались от противника, разделились на три взвода и ринулись в атаку. Пехотинцы тем временем осыпали наступающих стрелами.

Казалось, столкнулись две огромные волны; над полем боя разносились лязг и вопли. Видя, что вылазка явно не удалась, и желая сберечь свою армию, лорд Баллант дал сигнал к отступлению.

Не расстраивая своих рядов, всадники и пехотинцы попятились к Башне. Рыцари Фэйда наседали, стремясь ворваться в крепость на плечах противника. Следом за ними закованные в броню кони влекли тяжелогруженую кибитку — ей предназначалось заклинить ворота.

Лорд Фэйд отдал новый приказ, и между конницей и пехотинцами Балланта вклинился резервный взвод из десяти всадников. Пройдя сквозь пехоту, как нож сквозь масло, он ворвался в Башню и обрушился на стражников у ворот.

— Они в Башне! — закричал лорд Баллант Андерсону Граймсу. — Где же твой проклятый демон? Теперь только он способен нас выручить. Скорее выпускай его!

— Овладение — дело непростое, — ответил малефик. — Мне нужно время.

— Нет времени! Еще десять минут — и нам конец.

— Что ж, попытаюсь. Эверид, Эверид, приходи скорее!

Он поспешил в свою комнату, и там, надев маску демона, стал пригоршнями сыпать в жаровню ладан. Внезапно у стены выросла гигантская фигура — черная, безглазая, безносая. Тварь стояла на толстых кривых ногах, протянув вперед когтистые лапы, из ее пасти торчали огромные белые клыки.

Прихлебывая из чашки патоку, Андерсон Граймс расхаживал по комнате.

— Граймс! — донесся из-за двери зов Балланта. — Граймс!

— Входи без страха!

Лорд Баллант переступил порог, держа под мышкой боевую руку своих предков, и отпрянул с испуганным возгласом:

— Граймс!

— Граймса здесь нет, — услышал он замогильный голос. — Здесь я. Входи.

Лорд Баллант вошел на негнущихся ногах.

В комнате было сумрачно, единственным источником света служила жаровня. В углу, опустив голову в маске демона, сидел Андерсон Граймс. На стене метались тени, в корчах и судорогах, обретая все более четкие формы.

— Веди сюда своих воинов, — произнес голос. — Пусть входят по пять человек и глядят в пол, пока я не велю поднять глаза.

Лорд Балланта удалился, и в комнате воцарилось безмолвие.

Через минуту, потупив глаза, гуськом вошли пятеро напуганных, усталых воинов.

— Медленно поднимите глаза, — сказал голос. — Глядите на огонь. Дышите глубоко. А теперь посмотрите на меня. Я — Эверид, демон ненависти. Посмотрите на меня! Кто я?

— Ты — Эверид, демон ненависти, — вразнобой ответили воины.

— Я окружаю вас, у меня десятки форм... Я приближаюсь к вам... Где я?

— Близко!

— Теперь я — это вы. Мы — одно целое.

Воины зашевелились. Их было не узнать: плечи расправились, лица исказились злобой.

— Ступайте, — сказал голос. — Спокойно идите во двор, через несколько минут мы пойдем убивать.

Пятеро вышли. Еще пятеро вошли.

Между тем рыцари Балланта отступили к самой Башне. Во дворе еще держались воины Фэйда. Прижимаясь спиной к стене, они не подпускали врагов к механизму, открывающему ворота.

В лагере Фэйда Гейн Гусс крикнул Командору:

— Идет Эверид! Выпускай Кейрила!

— Зови людей, — хрипло ответил Командор. — Пусть они идут ко мне. — Я — Кейрил.

В Башне двадцать воинов спустились во внутренний двор. Поступь их была неторопливой, крадущейся. Лица, утратившие прежние черты, были перекошены совершенно одинаковыми гримасами ненависти.

— Одержимые! — прошептали воины Балланта.

Увидев их, семь рыцарей Фэйда замерли потрясенные. Но двадцать пехотинцев, не обратив на них внимания, вышли за ворота.

Рыцари Балланта разделились, образовав коридор в своих рядах, и одержимые бросились вперед, словно тигры. Они подпрыгивали, приседали, отскакивали; их мечи описывали сверкающие дуги; наземь падали руки, ноги и головы воинов Фэйда. Одержимые

получали раны и ушибы, но удары врагов не могли их остановить.

Атака Фэйда захлебнулась. Видя, что доспехи не защищают их от мечей демонов, рыцари попятились. Одержимые гигантскими прыжками ринулись на пехоту, убивая и калеча всякого, кто оказывался у них на пути. Пехоте Фэйда ненадолго хватило мужества — она раскололась надвое и обратилась в паническое бегство.

Из палатки Командора вышли тридцать воинов. Медленным, чеканным шагом двинулись они на врага. Как и у двадцати воинов Балланта, лица их были схожи — каждое носило черты Кейрила.

Кейрил и Эверид сражались яростно и беспощадно; оружием им служили люди. Кровь лилась рекой, наземь летели отсеченные конечности, обезглавленные трупы пытались дотянуться до своих убийц. Чтобы демон покинул тело, нужно было разрубить его на куски. Вскоре у Эверида не осталось ни одного воина, а у Кейрила — только пятнадцать. Кто твердой поступью, кто хромая, кто ползком, они добрались до ворот, где рыцари Фэйда еще удерживали механизм. Всадники Балланта в отчаянии ринулись на них, понимая, что настал самый опасный момент. Прыгая, злобно ухмыляясь, рубя без устали, пехотинцы пробили брешь в стене металла и плоти. Следом за ними с победным криком устремилась конница Фэйда. Уже не могло быть сомнений в исходе битвы — Башня Балланта вот-вот падет.

У себя в шатре Айзек Командор тяжело вздохнул, затрясся всем телом, сорвал с головы маску. Тотчас во внутреннем дворе двенадцать уцелевших одержимых попадали на мостовую, скорчились, хрипя и обливаясь кровью, и умерли.

Доблестная жизнь лорда Балланта завершилась доблестной сценой: подойдя к лорду Фэйду на прицельный выстрел, он поднял маленькое оружие предков и нажал на спусковой крючок. Оружие исторгло сгусток света. По коже лорда Фэйда пошел зуд, волосы на голове встали дыбом. Оружие затрещало, раскалилось докрасна и расплавилось. Отбросив его, лорд Балланта выхватил меч и бросился вперед, вызывая лорда Фэйда на честный поединок.

Не видя необходимости рисковать жизнью, лорд Фэйд дал знак своим пехотинцам. Град стрел остановил лорда Балланта, избавив его от унижения ритуальной казнью.

Потеряв своего предводителя, защитники Башни побросали оружие и понурой колонной выступили из ворот, чтобы преклонить колени перед лордом Фэйдом, в то время как их женщины в Башне стенали от горя и оплакивали павших.

5

Победа не принесла радости лорду Фэйду, и он не испытывал охоты задерживаться в Башне Баллант. Однако прежде чем увести войско, ему необходимо было принять десятки решений.

Приказав заколоть шестерых ближайших родственников лорда Балланта, он объявил род исчезнувшим. Остальным предоставил выбор — либо погибнуть, либо присягнуть на верность Фэйдам и до конца жизни платить небольшую дань. Только двое Баллантов, ненавидяще сверкая глазами, предпочли смерть, и тут же были зарезаны.

Итак, лорд Фэйд достиг своей цели. Уже свыше тысячелетия властелины Башен сражались друг с другом; то один, то другой одерживал верх, но еще ничья воля не простиралась на весь континент — что, собственно, означало владычество над всей планетой, поскольку остальные участки суши были не более чем островами, выжженными солнцем либо покрытыми вечным льдом. Долго на пути лорда Фэйда стояла Башня Баллант, и вот — полная и безоговорочная капитуляция.

Осталось лишь покарать владетелей Облачного Замка и Джисборна — видя возможность одолеть Фэйдов, они встали на сторону лорда Балланта. Но это, пожалуй, можно было поручить Гейну Гуссу.

Впервые в жизни лорд Фэйд испытывал неуверенность перед будущим. Что теперь делать? Серьезных противников не осталось. Надо, конечно, вразумить туземцев, но это не проблема — Первый Народ многочислен, но дик.

Лорд Фэйд знал, что его родичей и союзников скоро охватит недовольство; в праздных умах поселится мысль о неповиновении. Даже самые верные будут с тоской вспоминать былые кампании, мечтая об азарте схватки и радости победы, и о послаблениях, которые даются солдату в походе. Иными словами, надо заботиться, чтобы энергия множества темпераментных и взвинченных людей нашла безобидный выход. Где и как — вот загвоздка. Прокладка дорог? Строительство ферм на отвоеванных землях? Ежегодные турниры? Лорд Фэйд хмурился: любая из этих идей казалась ему убогой, отсутствие мирных традиций сказывалось на воображении. Первопоселенцы Пенгборна были воинами, кое-какие практические знания, привезенные ими с собой, вскоре были утрачены. Остались только легенды об огромных космических кораблях, перемещавшихся в пространстве с удивительной быстротой и точностью, о волшебном оружии, о войнах в космосе, но эти легенды умалчивали об истории и достижениях цивилизации.

Поэтому лорд Фэйд более не видел перед собой достойной цели. Одержав последнюю великую победу и завоевав абсолютную власть, он, вопреки собственным ожиданиям, испытывал не торжество, а уныние.

Без особого интереса взирал он на трофеи. Фамильная машина Баллантов уже давно никого не возила — ее хранили в стеклянной витрине. Оживить Вулкана тоже не удалось — по всей видимости, он навсегда утратил свою волшебную силу. Как выяснилось, лорд Баллант велел нацелить Вулкан на машину Фэйдов, но его грозная пасть так и не исторгла из себя пресловутый огонь. Брезгливую усмешку вызвало у лорда Фэйда открытие, что самое страшное оружие башни Баллант содержалось в небрежении: коррозия изгрызла металл, в стволе без регулярной чистки образовались каверны, вне всяких сомнений, сведшие на нет могущество магии. В Башне Фэйд такое было попросту невозможно — оружейник Ямбарт лелеял Адову Пасть, как собственное дитя.

Были среди добычи и другие реликвии, занятные, но бесполезные — на переполненных стеллажах и в сундуках Фэйдов подобных устройств хранилось немало. «Ох уж мне эти древние, — думал лорд Фэйд. — Умны вы были, но до чего же наивны и

непрактичны! Стоило измениться условиям жизни, и что осталось от вашего мира шестнадцать веков спустя? Взять хотя бы хитроумные механизмы из стекла и металла, посредством которых вы общались друг с другом на расстоянии». Лорду Фэйду достаточно было обратиться к Гейну Гуссу, и тот, перенесясь разумом на сотни миль, видел, слышал и высказывал все, что угодно было увидеть, услышать или высказать его господину.

Древние изобрели десятки сложных инструментов. Но со временем волшебство в них иссякло. Маленькое оружие лорда Балланта расплавилось, не причинив вреда лорду Фэйду. А что произошло бы, если бы на пехоту, вооруженную такими пугачами, налетел взвод одержимых? Форменное избиение младенцев.

Среди добычи лорд Фэйд обнаружил с дюжину древних книг и несколько рулончиков микропленки. Книги, от корки до корки заполненные непостижимым жаргоном, ценности собой не представляли, не больше проку было от микрофильмов. Вновь лорд Фэйд со скепсисом подумал о предках: «Умны вы были, но, если смотреть фактам в лицо, ненамного умнее Первого Народа: телепатией не владели, демонами не повелевали. Да и магия ваша, если вдуматься, сомнительна — сдается, в легендах многое преувеличено. Взять хотя бы Вулкана — это же смех, да и только». Тотчас лорд Фэйд вспомнил Адову Пасть. Конечно, она надежнее, ведь не зря Ямбарт ежедневно надраивает ее до блеска, а раз в месяц моет весь купол превосходным вином. Если правда, что на человеческую заботу машина отвечает верностью, то Адова Пасть готова защитить Башню Фэйд.

Впрочем, защищать ее теперь не от кого — род Фэйдов победил. Размышляя о будущем, лорд Фэйд принял решение: отныне на Пенгборне не будет владетелей Башен, сам этот титул он отменит. Со временем он отправит в Башни наместников из числа преданных ему людей, ежегодно заменяя их новыми. Бывшие лорды переселятся во вполне пригодные для жизни, но беззащитные поместья; содержать собственную гвардию им будет строго-настрого запрещено. Разумеется, запрет не коснется содержания собственных малефиков, обязанных доносить на своих господ

лорду Фэйду — скажем, под страхом лишения патента. Насчет этого надо посоветоваться с Гейном Гуссом. Не сейчас, разумеется. Сейчас надо уладить все дела в Башне Фэйд, чтобы поутру отправиться домой.

Впрочем, на улаживание дел ушло немного времени. Уцелевшие родичи Балланта были отпущены по домам — после того, как Гейн Гусс обзавелся их новыми подобиями. Если кто-нибудь из них затянет выплату дани, то пламя или колики в животе сразу заставят его взяться за ум. Саму Башню Баллант лорд Фэйд предпочел бы спалить, но увы, она была построена из негорючих материалов. Все же он мог кое-что сделать, чтобы на наследство Баллантов не нашлось претендентов. Приказав вынести во внутренний двор все реликвии, он разрешил своим воинам выбрать что-нибудь для себя. Даже малефикам предложено было участвовать в дележе, но они с негодованием отказались, считая все эти вещи пережитками эпохи нелепых суеверий. Только заклинатели и ученики порылись в куче награбленного и обнаружили странный прибор наподобие зрительного пузыря. Увидев Сэма Салазара, сгибающегося под тяжестью старинных книг, Айзек Командор пришел в неистовство.

— Это что такое? — рявкнул он. — Зачем обременяешь себя всяким хламом?

Сэм Салазар опустил голову.

— Определенной цели у меня нет... Но, по-моему, это не хлам. Как известно, древние обладали знаниями... во всяком случае, символами знаний. Возможно, эти символы позволят мне отточить собственный ум...

Командор только руками развел. Он повернулся к Гейну Гуссу.

— То он воображает себя деревом и стоит в грязи, то надеется постичь малефициум, изучая древние символы.

Гусс пожал плечами.

— Древние были такими же людьми, как и мы, хоть и несколько ограниченными. Напрасно ты считаешь их полными кретинами. Чтобы мастерить подобные фетиши, — он кивнул на груду добычи, — необходима дикарская сметка.

— Дикарская сметка — плохая замена настоящему малефициуму, — огрызнулся Айзек Командор. —

Эту истину я уже сто раз пытался вдолбить в тупую башку Сэма Салазара. И вот — погляди на него!

— Никак не возьму в толк, чего он добивается, — проворчал Гейн Гусс.

Запинаясь, Сэм Салазар попытался высказать неоформившуюся мысль:

— Я решил расшифровать текст: вдруг постигну знания древних и освою два-три странных фокуса.

Командор поднял очи горе.

— Не иначе, кто-то сглазил меня, когда я согласился принять тебя в ученики. Глупец! Я могу насылать на недруга двадцать бед в час. Да разве древние чудотворцы могли мечтать о таком?

— Однако замечу, — сказал Сэм Салазар, — что лорд Фэйд едет на машине своих предков, а лорд Баллант пытался расправиться с нами при помощи Вулкана...

— А я замечу, — парировал Командор зловещим тоном, — что мой демон Кейрил победил Вулкана Баллантов, а моя кибитка запросто обгонит машину Фэйдов.

Сэм Салазар решил не заходить слишком далеко.

— Ваша правда, малефик Командор. Я посрамлен.

— В таком случае выкинь этот хлам и займись чем-нибудь полезным. Утром мы отправимся в обратный путь.

— Как скажете, малефик Командор. — Сэм Салазар бросил книги в груду трофеев.

6

Итак, род Баллантов был расселен, Башня — разграблена. Лорд Фэйд и его воины пировали в церемониальном зале. Бывшие слуги Баллантов подносили им напитки и яства.

Великолепное обиталище Баллантов было построено по тому же образцу, что и Башня Фэйд. Церемониальный зал был огромен — сто футов в длину, пятьдесят в ширину и пятьдесят в высоту. Стены его были отделаны панелями из светлого туземного дерева, навощенного до густого медового оттенка. С огромных черных балок, поддерживавших потолок, свисали тонкой работы канделябры из зеленого, фиолетового

и синего стекла; старинные лампочки сияли все еще ярко. С противоположной стены на пиршество взирали сто пять владетелей Башни Баллант — суровых воинов в разных костюмах. Над портретами было изображено генеалогическое древо десятифутовой высоты, повествующее о происхождении рода Баллант и его связях с другими благородными кланами. Теперь в Башне воцарилась атмосфера опустошения, и сто пять ликов смотрели на захватчиков тоскливо и обреченно.

Лорд Фэйд был мрачен, и на тех сотрапезников, кто слишком шумно веселился, бросал косые взгляды. Их восторг казался ему бестактностью по отношению к нему самому; наверное, на его месте лорд Баллант испытывал бы то же самое. Впрочем, настроение лорда Фэйда быстро передалось родичам, и шутки за столом стихли.

Малефики пировали отдельно, в небольшой комнате, примыкающей к церемониальному залу. Рядом с Гейном Гуссом сидел Андерсон Граймс — бывший верховный малефик Баллантов. Он держался достойно, стараясь не выдавать горечи поражения. В конце концов, свою ману он не утратил — ведь ему пришлось сражаться с четырьмя серьезными противниками, и победить его смогли не сразу.

Пятеро малефиков обсуждали сражение, каббалисты и заклинатели почтительно внимали. Особенно оживленный спор вызвала схватка одержимых.

Андерсон Граймс подтвердил, что Эверид, по его замыслу, должен был олицетворять собой тупую и свирепую силу, устрашая врагов своей необузданной яростью. Остальные малефики сошлись во мнении, что всеми этими качествами демон обладал. Однако Гейн Гусс заметил, что Кейрилу Айзека Командора, жестокостью и силой не уступавшему Эвериду, присуще еще и утонченное коварство, которое в сражении одержимых оказалось весьма действенным оружием. Андерсон Граймс счел это утверждение разумным и сказал, что собирался усовершенствовать Эверида, но не успел.

— На мой взгляд, — сказал Гейн Гусс, — самый могучий демон должен быть проворен настолько, чтобы мог уклоняться от ударов примитивных и тупых демонов вроде Кейрила и Эверида. Возьмем хотя бы Дента. Воин, одержимый Дентом, легко справится с Кейрилом или Эверидом. Причем исключительно за

счет ловкости. Устрашить такого противника Кейрил и Эверид не смогут, а следовательно, утратят половину своей силы.

Красновато-коричневые глаза Айзека Командора впились в Гусса.

— Ты говоришь таким тоном, словно это не предположение, а неоспоримый факт. Создавая Кейрила, я надлежащим образом позаботился, чтобы его не могли одолеть ловкостью движений. Можешь не соглашаться со мной, но я твердо верю, что Кейрил — самый ужасный из демонов.

— Может быть, — пробормотал Гейн Гусс. Он жестом подозвал слугу и сказал ему несколько слов.

Слуга притушил свет.

— Смотри, — произнес Гейн Гусс. — Это Дент. Он пришел к нам на пир.

У стены высился Дент — полосатое чудище из эластичного металла с четырьмя жуткими лапами и огромной черной головой, казавшейся одной сплошной пастью.

— А это — Кейрил! — хрипло отозвался Айзек Командор.

Вооруженный абордажной саблей, Кейрил был больше похож на человека, чем Дент.

Дент заметил Кейрила и, разинув пасть во всю ширь, бросился в бой.

Схватка двух демонов была ужасающа. Они катались, корчились, исторгали беззвучные вопли, кусали и рвали друг друга. Внезапно Дент отскочил и забегал вокруг Кейрила — все быстрее, быстрее, быстрее. Вскоре он превратился в сверкающий цилиндр, от которого, казалось, исходил тончайший пронзительный визг. Кейрил яростно махал саблей, но быстро ослабел. Цилиндр раскалился добела и взорвался, отозвавшись в мозгу людей оглушительным воплем. Кейрил исчез, а его создатель Командор стонал, уронив голову на стол.

Гейн Гусс глубоко вздохнул, вытер лоб рукавом и огляделся с довольным видом. Все сидели, словно каменные истуканы, неподвижно глядя в пустоту. Только Сэм Салазар встретил взгляд Гейна Гусса с лучезарной улыбкой.

— Я вижу, ты считаешь, что иллюзия над тобой не властна, — проворчал Гейн Гусс, тяжело дыша. —

Сидишь и ухмыляешься, глядя, как Гейн Гусс лезет из кожи вон.

— Нет! Нет! — воскликнул Сэм Салазар. — Это вовсе не самомнение. Просто я желаю учиться, и потому смотрел больше на вас, чем на демонов! Ну сами посудите, чему можно научиться у демонов?

— Вот как? — Гейн Гусс смягчился. — Ну, и чему же ты научился?

— Как и все — ничему, — ответил Сэм Салазар. — Но, в отличие от них, я не таращился, как рыба.

— Значит, ты видишь во мне сходство с рыбой? — От ярости голос Командора стал хриплым.

— Ну что вы, малефик Командор! Разумеется, к вам это не относится.

— Ученик Салазар, сделай милость, сходи в мою комнату и принеси куклу. Любую, на твое усмотрение. Слуга наполнит водой таз, и мы с тобой посостязаемся. Раз уж ты такой великий знаток рыб, то, наверное, сможешь дышать под водой. Если нет — надо полагать, задохнешься.

— Я не хочу состязаться с вами, малефик Командор, — сказал Сэм Салазар. — Считайте, что я вам больше не ученик.

Командор жестом подозвал одного из своих каббалистов.

— Принеси куклу Салазара. Поскольку он мне больше не ученик, думаю, будет лучше, если он умрет от удушья.

— Довольно, Командор, — угрюмо произнес Гейн Гусс. — Не надо мучить паренька. Он ни в чем не виноват, разве что в болтливости. Давайте отдыхать и веселиться.

— Ну конечно, Гейн Гусс, — вкрадчиво отозвался Командор. — Я всегда успею проучить этого выскочку.

— Малефик Гусс, — обратился Сэм Салазар к верховному малефику, — я теперь не ученик Командора. Может, вы возьмете меня к себе?

Гейн Гусс с отвращением фыркнул.

— Взвалить на свои плечи такую обузу? Чего ради?

— Будущее многовариантно, Гейн Гусс, — сказал Сэм Салазар. — Вы часто это повторяете.

Прозрачные, как вода, глаза верховного малефика застыли на юноше.

— Да, будущее многовариантно. И мне кажется, сегодня малефициум дошел до своего апогея. Видно, никогда больше столь искусные и могущественные малефики не соберутся за одним столом. Мы умрем один за другим, не оставив наследников. Хорошо, Сэм Салазар, я беру тебя в ученики. Ты слышишь, Айзек Командор? Этот юноша теперь в моей свите.

— Я требую компенсации, — прорычал Айзек Командор.

— Ты домогался единственной в мире куклы Тарона Фэйда. Она твоя.

— Ура! — Айзек Командор вскочил на ноги. — Благодарю тебя, Гейн Гусс! Воистину, ты щедр! По рукам!

Гейн Гусс жестом велел Сэму Салазару удалиться.

— Перенеси свои пожитки в мою кибитку и до утра не попадайся мне на глаза.

Сэм Салазар с достоинством поклонился и вышел из зала.

Пир продолжался, но уже не столь оживленно. Малефиками овладела меланхолия. Вскоре пришел ординарец лорда Фэйда и сказал, что всем пора спать, поскольку завтра на рассвете армия отправится в Башню Фэйд.

7

Победоносная армия Фэйда построилась на вересковом поле перед Башней Баллант. На прощание лорд Фэйд повелел снести огромные ворота, чтобы впредь никогда они не преграждали ему путь. Но даже спустя шестнадцать столетий ворота остались крепкими и выдержали тягу, какую только смогли развить все кони, имевшиеся в распоряжении лорда Фэйда. Впрочем, его это не обескуражило. Попрощавшись со своим кузеном Ренфроем, которого он назначил наместником, лорд Фэйд забрался в машину, уселся за руль и щелкнул тумблером. Машина взвыла и двинулась вперед. Позади ехали рыцари, за ними шла пехота, катились телеги с добычей, и в самом хвосте колонны — кибитки малефиков.

Три часа армия продвигалась по мшистым низинам. Башня Баллант исчезла за холмами. Впереди, затмевая весь западный горизонт, высились Северная и Южная Чащобы. Между ними протянулся взращенный Первым Народом перелесок. Он был пониже и пореже, чем старые чащи.

В двух милях от леса лорд Фэйд приказал остановиться и повернулся к рыцарям. Гейн Гусс тяжело спрыгнул с кибитки и приблизился к машине.

— В случае сопротивления, — говорил лорд Фэйд рыцарям, — не давайте заманить себя в лес. Не покидайте тропы и остерегайтесь ловушек.

— Вы не хотите, чтобы я еще раз поговорил с Первым Народом? — спросил Гейн Гусс.

— Еще чего! Чтобы я просил у нелюдей разрешения пройти по своей земле? Мы вернемся той же дорогой, что и пришли. Если они захотят нам помешать, тем хуже для них.

— Вы поступаете опрометчиво, — заявил Гейн Гусс с подкупающей прямотой.

Лорд Фэйд вопросительно поднял бровь.

— Что они смогут нам сделать, если мы обойдем западни? Залить пеной?

— Не мое дело советовать или предупреждать, — сказал Гейн Гусс, — однако замечу, что наглость, которую проявляют дикари, едва ли можно объяснить врожденной глупостью. Кроме того, я видел у них духовые ружья, изготовленные, должно быть, из полых стеблей. Следовательно, у них есть и заряды к этим ружьям.

Лорд Фэйд кивнул.

— Возможно. Однако рыцари носят доспехи, а пехота — щиты. И вообще, непристало мне, лорду Фэйду, владетелю Башни Фэйд, сворачивать с пути, потакая капризам дикарей. Я хочу, чтобы они как следует это усвоили, пусть даже урок будет стоить им дюжины трупов.

— Поскольку я не воин, — сказал Гейн Гусс, — я бы предпочел дождаться в тылу, пока вы расчистите дорогу.

— Как пожелаешь. — Лорд Фэйд опустил забрало. — Вперед!

Войско направилось к лесу по собственному следу, отчетливо видневшемуся на мху. Лорд Фэйд ехал

впереди, по правую руку от него — брат Готвин Фэйд, а по левую — кузен Мёв Дермот-Фэйд.

И вот пройдено полмили, миля... И миля осталась до леса. Огромное солнце висело в зените, поливая людей жаром и светом. В воздухе витали густые ароматы колючки и смоляного вереска.

Колонна замедлила ход. Над низиной разносились только лязг доспехов, стук копыт и скрип колес.

Лорд Фэйд поднялся во весь рост, высматривая противника. В полумиле от леса ему стали видны фигуры автохтонов, ожидающих в тени деревьев на самой опушке. Сделав презрительную гримасу, лорд Фэйд уверенно повел армию вперед.

До перелеска оставалось четверть мили. Лорд Фэйд повернулся, чтобы приказать войскам перестроиться в колонну по одному, и вдруг увидел, как во мху разверзлась дыра, и его брат, Готвин Фэйд, с шумом провалился в нее. Раздался тяжелый удар, вой напоровшегося на кол коня и дикие вопли придавленного человека. Ехавшему поблизости Мёву Дермоту-Фэйду не удалось удержать своего скакуна на месте, и тот зацепил ногой торчащий из кочки сучок. Над землей распрямился ствол дерева, усаженный колючками длиной в фут.

«Коса» хлестнула молниеносно, как хвост скорпиона. Шипы пробили доспехи Мёва Дермота-Фэйда, и несчастная жертва, заходясь криком и корчась от боли, повисла в воздухе. Самый кончик «косы» расщепился от удара о корпус машины, заставив ее со стоном развернуться. Чтобы не упасть за борт, лорд Фэйд вцепился в ветровое стекло.

Колонна остановилась. Несколько человек подбежали к яме. Готвин Фэйд, раздавленный конем, лежал на глубине двадцати футов. Мёва Дермота-Фэйда сняли с раскачивающейся «косы», но он тоже был мертв.

От гнева и ненависти лицо лорда Фэйда покрылось красными пятнами. Он посмотрел на лес, на неподвижные фигуры автохтонов, подозвал жестом сержанта Бернарда — командира пехоты.

— Двоих с пиками вперед, пусть прощупывают дорогу. Остальным — зарядить арбалеты. По моему сигналу перестрелять мерзавцев.

Двое солдат, тыкая в мох пиками, пошли перед машиной. Лорд Фэйд уселся за руль.

— Вперед!

Лес приближался. Все были взволнованы и насторожены.

Пики двух пехотинцев в авангарде ушли глубоко в мох, обнаружив яму, устланную крапивой — каждый ее листик был усеян вздутиями с кислотой. Они осторожно прощупали тропинку в обход ямы, и колонна изогнулась. Каждый ступал в след впереди идущего.

Рядом с машиной ехали теперь двое племянников лорда Фэйда — Скалфорд и Эдвин.

— Заметьте, — хриплым от ненависти голосом произнес лорд Фэйд. — Ловушки подстроены после того, как мы здесь прошли. Подлая уловка!

— Но почему они в тот раз согласились провести нас через лес?

Лорд Фэйд горько улыбнулся.

— Хотели, чтобы мы погибли у Башни Баллант. Но мы их разочаровали.

— Смотрите, у них трубки! — воскликнул Скалфорд.

— Должно быть, духовые ружья, — предположил Эдвин.

— Они не могут дуть без пены через свои сфинктеры, — возразил Скалфорд.

— Скоро мы это выясним. — Лорд Фэйд поднялся на ноги и крикнул: — Арбалетчики, товьсь!

Солдаты подняли арбалеты. Колонна медленно шла вперед, до перелеска оставалось не больше сотни ярдов. Вдоль опушки неуклюже двигались белые фигуры. Некоторые дикари подняли трубки — похоже, целились. Потом они выдернули из трубок затычки.

Лорд Фэйд увидел, как из нацеленного на него отверстия вылетел и понесся вперед, набирая скорость, маленький черный предмет. Послышалось жужжание, перешедшее в громкий стрекот хитиновых крылышек. Лорд Фэйд торопливо присел. Снаряд стукнул в ветровое стекло, словно выпущенный из пращи камень, и перелетел на дно машины. Лорд Фэйд увидел крупное черное насекомое, похожее на осу, со сломанным хоботком, из которого сочилась охряная жидкость. Пластин-

чатые крылышки слабо трепетали, гантелевидные глазки таращились на Фэйда.

Он безжалостно расплющил ядовитую тварь кулаком в кольчужной рукавице.

За его спиной насекомые атаковали рыцарей и солдат. Корексу Фэйду-Баттаро хоботок через щель в забрале вонзился в глаз, но остальных рыцарей доспехи спасли. Пехотинцам повезло меньше — осы наполовину зарылись в плоть своих жертв. Люди вопили, вырывая ос, зажимая руками раны.

Корекс Фэйд-Баттаро упал с коня, бросился, не разбирая дороги, бежать по вереску и через пятьдесят футов угодил в яму. Ужаленные солдаты корчились, прыгали, махали руками, катались по земле и кувыркались; лица их были перекошены мукой, изо ртов шла пена.

Автохтоны снова подняли трубки.

— Арбалетчики! — взревел лорд Фэйд. — Перестрелять этих гадов!

Тренькнули тетивы, стрелы звучно вонзились в неподвижные белые тела. Некоторые из раненых зашатались и стали бесцельно бродить среди деревьев, остальные выдернули стрелы или не обратили на них внимания. Они вытащили из мешочков и вложили в отверстия трубок шарики.

— Берегитесь ос! — воскликнул лорд Фэйд. — Сбивайте щитами проклятых тварей.

Снова раздался стрекот хитиновых крылышек: многим пехотинцам хватило хладнокровия выполнить приказ лорда Фэйда и сбить ос. Несколько насекомых угодили в цель. Затем последовал третий залп. Армия лорда Фэйда превратилась в корчащуюся, вопящую толпу.

— Пехота, назад! — закричал разъяренный лорд Фэйд. — Рыцари, ко мне!

Солдаты бросились назад по протоптанной дороге, спеша укрыться за кибитками, оставив тридцать человек мертвыми и умирающими.

Голос лорда Фэйда напоминал рев боевого рога.

— Спешиться и медленно — за мной! Опустить забрала! Беречь глаза! По одному за машиной, след в след! Эдвин, садись рядом со мной в машину и прощупывай дорогу пикой. В лесу ловушек не будет, там и атакуем.

Рыцари построились за машиной в колонну по одному. Лорд Фэйд сидел за рулем. Эдвин тыкал пикой в мох. Автохтоны выпустили еще с дюжину ос, но они разбились насмерть о доспехи, не причинив вреда рыцарям. Затем наступила тишина. Первый Народ бесстрастно следил за приближением рыцарей.

Эдвин обнаружил западню, и колонна свернула в сторону. Снова ловушка, и снова приходится сворачивать. Шаг за шагом, ярд за ярдом — и вот опять западня, но до леса всего сотня футов. Яма слева, «коса» — справа. Безопасная дорога вела прямиком к огромному дереву с толстыми сучьями. Семьдесят футов, пятьдесят футов... Лорд Фэйд обнажил меч.

— Приготовиться к бою! Рубите, пока руки не устанут!

Со стороны леса донесся треск. Затрепетали ветви. Парализованные страхом рыцари смотрели, как на них падает дерево-гигант. Затем они опомнились и бросились врассыпную. Но кругом повсюду были ямы; люди падали, напарываясь на острые колья. Дерево рухнуло, расколов доспехи рыцарей, как ореховую скорлупу. Треск сучьев, скрежет железа, вопли умирающих...

Лорда Фэйда сбило на дно машины, а саму машину вдавило в мох. Первым его побуждением было заглушить стенающий мотор. Затем он кое-как поднялся на ноги и полез сквозь ветви. Сверху на него уставилась бледная нечеловеческая физиономия. Он сокрушил кулаком фасеточный глаз и заревел от ярости, высвобождаясь из-под сучьев. Кругом возились уцелевшие рыцари — почти треть конницы погибла или была изувечена.

Вооруженные длинными, как мечи, шипами, автохтоны вразвалку зашагали вперед. Наконец-то лорд Фэйд мог сразиться с ними врукопашную. С кровожадным воплем, словно одержимый, он бросился в самую гущу врагов, обеими руками сжимая рукоять меча. За ним устремились рыцари, и вскоре земля была усеяна изрубленными бледными телами. Автохтоны медленно, без паники попятились, и лорд Фэйд с неохотой приказал своим людям оторваться от противника.

— Надо помочь угодившим в ловушки — может, кто еще жив.

В конце концов ветви были срублены, пострадавшие рыцари извлечены из-под дерева. Шестеро из них погибли, еще четверо были изувечены. Некоторым повезло: мягкий мох смягчил удар. Умирающим лорд Фэйд лично нанес coup de grace*. Десять минут ушло на то, чтобы высвободить из-под сучьев машину. Дикари равнодушно наблюдали с опушки за людьми. Рыцари хотели снова ринуться на них, но лорд Фэйд приказал отступить. Они беспрепятственно вернулись к обозу.

Лорд Фэйд скомандовал построение. Армия, выступившая из Башни Фэйд, потеряла более трети состава. Полководец с горечью покачал головой: до чего же легко он поддался на коварные уловки противника! Повернувшись на каблуках, он прошел в хвост колонны, к кибиткам малефиков, которые пили чай у костерка.

— Кто из вас может наслать порчу на этих белых лесных червей? Я хочу, чтобы они все передохли! Поразите их рвотой, коликами, слепотой — самой страшной пагубой, на какую вы только способны.

Ответом ему было молчание. Малефики прихлебывали чай.

— Ну? — спросил лорд Фэйд. — Почему не отвечаете? Я что, неясно высказал свою волю?

Гейн Гусс откашлялся и плюнул в огонь.

— Ваше желание нам понятно. Увы, мы не в состоянии причинить вред Первому Народу.

— Это почему же?

— По техническим причинам.

Лорд Фэйд знал, что спорить бесполезно.

— Что же нам делать? Идти домой в обход? Если ты сам не в силах справиться с Первым Народом, дай нам твоих демонов. Мы прорубим себе дорогу мечом!

— Давать советы по тактике — вроде бы не мое дело... — проворчал Гейн Гусс.

— Все равно, говори! Я выслушаю.

— Я просто передам вам то, что посоветовал мне один человек. Мы, малефики, не желаем иметь к этому отношения, ибо речь идет о применении самых грубых физических принципов...

— Я жду!

---

* Удар милосердия *(фр.)*.

— Так вот, один из моих учеников, если помните, баловался с вашей машиной.

— Да, и я позабочусь о том, чтобы он получил по заслугам.

— Случайно он поднял машину высоко над землей. Идея такова: надо погрузить в машину масло из обоза, сколько она сможет поднять, зависнуть над лесом, вылить масло на деревья и бросить факел. Огонь приведет противника в замешательство; возможно, даже нанесет ему потери.

Лорд Фэйд хлопнул в ладоши.

— Отлично! Так и сделаем.

Он подозвал дюжину солдат и отдал распоряжения. Четыре бочонка пищевого масла, три ведра вара, шесть оплетенных бутылей спирта были принесены и поставлены в машину. Двигатель протестующе взвыл, и машина опустилась почти до земли.

Лорд Фэйд печально покачал головой.

— Конечно, она не заслуживает такого обращения, но что поделаешь... Ну, где этот ученик? Пусть покажет, что он здесь нажимал и поворачивал.

— Думаю, будет разумнее всего, если он сам поведет машину, — сказал Гейн Гусс.

Лорд Фэйд покосился на круглую постную физиономию Сэма Салазара.

— Тут нужны твердая рука и трезвый ум. Не знаю, можно ли доверить ему такое задание.

— Думаю, можно, — сказал Гейн Гусс. — Тем более что идея насчет масла принадлежит ему.

— Ну хорошо. Ученик, залезай. И поаккуратнее с машиной. Ветер дует от нас. Пусти огонь по опушке как можно более длинной полосой. Факел! Где факел?

Факел принесли и укрепили на борту машины.

— Милорд, — сказал Сэм Салазар, — нельзя ли одолжить у кого-нибудь из рыцарей доспехи, чтобы уберечься от ос. Иначе...

— Доспехи! — вскричал лорд Фэйд. — Принесите доспехи!

Наконец в полном боевом облачении и с опущенным забралом Сэм Салазар забрался в машину. Он уже позабыл, каких кнопок и тумблеров касался в прошлый раз. После недолгих колебаний он склонился над панелью, что-то нажал, что-то повернул. Мотор заверещал, машина задрожала и стала неохотно под-

ниматься в воздух. Все выше, выше — и вот до земли двадцать футов, сорок, шестьдесят, сто, двести. Ветер понес ее к лесу.

Первый Народ наблюдал, стоя в тени деревьев. Некоторые туземцы подняли трубки и вытащили затычки. Осы понеслись вверх и разбились о доспехи Сэма Салазара. Машина плыла над деревьями. Юноша опорожнил первый бочонок.

Белые существа забеспокоились. Ветер отнес машину слишком далеко от опушки, но Сэм Салазар совладал с управлением и вернулся.

Опустел другой бочонок, затем два оставшихся. Дошла очередь до ведер с варом. Сэм Салазар пропитал спиртом тряпку, поджег и бросил вниз. И вылил следом содержимое бутыли.

Горящий лоскут упал в листву. С треском взметнулось пламя.

Машина дрейфовала на высоте пятисот футов. Салазар вылил оставшийся спирт, побросал бутыли и повел машину назад. Совершив несколько судорожных нырков, машина опустилась на мох. Лорд Фэйд подбежал и восторженно ударил Сэма Салазара по плечу.

— Отличная работа! Лес горит, как стог сена!

Люди из Башни Фэйд попятились, ликующе взирая на алчные языки пламени. Автохтоны отбегали от огня, размахивая руками, беспорядочно разбрасывая пену необычного фиолетового цвета.

Пламя карабкалось по стволам, подпрыгивало и хватало листья.

— Строиться в походную колонну! — скомандовал лорд Фэйд. — Пока дикари не опомнились, пойдем прямо за огнем.

Первый Народ расселся по деревьям и с натугой выдувал пену, спеша оградить очаг пожара фиолетовой стеной. Пламя жадно пожирало посадки, оставляя за собой дымящиеся головешки.

— Вперед! Быстрее!

Кашляя от едкого дыма и растирая по щекам слезы и сажу, люди пробрались под горящими деревьями и на западную низину. Впереди, прощупывая мох пиками, шли два солдата, за ними ехали лорд Фэйд и рыцари, маршировала пехота, громыхали колесами телеги и шесть кибиток малефиков.

Щелк! Вжик! — Из моха вырвалась коса. Солдаты упали плашмя, коса пронеслась мимо них, в футе от лица лорда Фэйда. В ту же секунду из арьергарда донесся испуганный крик:

— Погоня! За нами идет Первый Народ!

Лорд Фэйд повернулся лицом к новой опасности. По мху спокойно и неторопливо наступали сотни две автохтонов. Одни были вооружены осиными трубками, другие — шипами-рапирами. Лорд Фэйд оглянулся — до безопасной земли еще футов двести. Там он сможет перестроить армию. Там у нее будет свобода маневра.

— Вперед! Вперед!

Колонна тронулась с места, телеги и кибитки прижались вплотную к пехоте. Позади легко и беспечно шествовали туземцы.

Наконец лорд Фэйд счел, что ловушки остались позади.

— Пехота — вперед! Развернуть обоз, и побыстрее!

Подгонять пехотинцев не было нужды — они припустили бегом по вереску, обоз загромыхал следом. Лорд Фэйд приказал поставить телеги и кибитки в два ряда, между ними построиться в шеренгу солдатам, а в тылу укрыть от ос лошадей. Спешенные рыцари ждали впереди.

Первый Народ наступал, не соблюдая никакого строя. Лица автохтонов были равнодушны, глаза безучастно взирали на противника. Огромные руки сжимали шипы и трубки, из сфинктеров под мышками капала пена.

Лорд Фэйд прошел вдоль шеренги рыцарей.

— Мечи наголо! Подпустить их как можно ближе. Потом — натиск. — Он помахал рукой пехотинцам. — Арбалетчики, делайте свое дело.

Над его головой засвистели стрелы. Многие из них вонзились в белые тела. Автохтоны ногтями-стамесками выдергивали их и равнодушно отбрасывали. Двое или трое зашатались и свернули с пути, остальные подняли трубки и вытащили затычки. Из отверстий, стрекоча крылышками, устремив хоботки вперед, вылетели насекомые. Все они ударились о доспехи рыцарей, упали на землю и были затоптаны.

Солдаты снова зарядили арбалеты и дали залп, обезвредив еще несколько туземцев.

Первый Народ растянулся в длинную цепь, зажимая неприятеля в клещи. Лорд Фэйд отправил половину рыцарей в тыл.

Туземцы приближались, и наконец лорд Фэйд скомандовал: «В атаку!» Размахивая мечами, рыцари быстро двинулись вперед. Сделав еще несколько шагов, дикари остановились. На их спинах вздулись, запульсировали кожаные пузыри, из сфинктеров повалила белая пена, вскоре скрывшая туземцев с головой. Рыцари в замешательстве остановились, погружая мечи в пену и не находя никого.

Вал пены рос, накатывался, тесня людей к обозу. Они оглядывались на лорда Фэйда, ожидая команды. Он поднял меч.

— Пробиваемся на ту сторону!

Сжимая рукоять меча обеими руками, он бросился в пену. Наткнулся на что-то твердое, рубанул наугад. И тотчас почувствовал, как его схватили за ноги. Он потерял равновесие и с такой силой ударился оземь, что его скелет, казалось, не рассыпался только чудом. И тотчас о его доспехи заскрежетал шип. Найдя щель в кирасе, шип ужалил. Лорд Фэйд с проклятиями поднялся на четвереньки, вслепую нырнул вперед и угодил в чьи-то жесткие объятия. Кто-то очень тяжелый навалился на спину. Под забрало набилась пена, лорд Фэйд начал задыхаться. С превеликим трудом поднявшись на ноги, он не столько выбежал, сколько выпал из пены, увлекая за собой двоих туземцев. Меч он потерял, но сумел вытащить кинжал. Дикари отпустили его и спрятались в пене.

Он поспешно встал. Из белого холма доносились звуки битвы. Некоторые рыцари вырвались на открытое место, другие взывали о помощи. Лорд Фэйд махнул кинжалом заробевшим воинам.

— Назад, в пену! Эти дьяволы убивают наших родичей! За мной!

Он набрал полную грудь воздуха, бросился в пену и оказался в самой гуще схватки. Он ударил кулаком, рубанул кинжалом, споткнулся о мягкое. Он пнул наугад — нога задела металл. Нагнувшись, он схватил ногу в доспехе — неподвижную, мертвую. Дикарь набросился на него сзади, и снова шип нашел брешь в кирасе. Вскрикнув, лорд Фэйд рванулся вперед и выбежал из пены.

Между обозом и белой стеной стояло около пятидесяти рыцарей.

— По коням! — закричал лорд Фэйд. Забыв о своей машине, он уселся в седло. Пенный вал подступал все ближе.

— Галопом — вперед! За нами — обоз! Надо вырваться отсюда!

Они заставили перепуганных коней влететь в пену. Их окутала белая мгла, кишащая врагами. Наконец они снова оказались на открытом месте. Следом неслись кибитки и телеги, в проделанном ими туннеле бежала пехота. Прорвались все, кроме рыцарей, погибших в пене.

В двухстах ярдах от огромного белого холма лорд Фэйд остановился, повернул коня и яростно потряс кулаком.

— Мои рыцари! Моя машина! Моя честь! Я спалю ваши леса, я загоню вас в норы, я истреблю вас до последнего!

Он развернулся.

— За мной! — громко крикнул он остаткам своей армии. — Мы побеждены. Отступаем в Башню Фэйд.

8

Как и Башня Баллант, обиталище Фэйдов было построено из черного блестящего вещества (металл пополам с камнем) — прочного, жаростойкого, не пропускающего радиации. Коническая крыша, предназначенная для защиты от вражеских излучателей, опиралась на пять приземистых башен, соединенных друг с другом стенами, которые верхним краем почти доставали крышу.

Войско пировало в тягостном молчании. Солдаты и рыцари мало ели и много пили, но вино не в силах было развеять мрачные мысли. Переполняемый скорбью и гневом, лорд Фэйд встал.

— Я вижу, все вы жаждете одного — отмщения. У меня тоже нет иных желаний. Мы предадим леса огню! Проклятые белые дикари будут корчиться в пламени! Скоро мы воздадим им сполна, а сейчас пейте с легким сердцем. Впредь мы будем хитрее. Больше никаких дурацких атак! Вечером я соберу

малефиков на совет, и мы придумаем, какую кару наслать на этих мерзавцев!

Рыцари и пехотинцы встали, подняли чаши и осушили их в зловещей тишине. Лорд Фэйд поклонился и вышел из зала.

Он отправился в комнату, где хранились трофеи. Где по стенам висели щиты с гербами, знамена, восковые маски, грозди мечей — словно цветы с множеством лепестков; где на стеллажах лежали энергетические пистолеты и электрические стилеты; где хранились портрет основателя династии Фэйдов — сурового воина в старинном космическом мундире и драгоценная, наверное, единственная в мире фотография огромного корабля, на котором великий предок прилетел на Пенгборн.

Несколько мгновений лорд Фэйд всматривался в древнее изображение, затем позвал слугу.

— Пригласи сюда верховного малефика.

Вскоре, громко топая, явился Гейн Гусс. Лорд Фэйд отвернулся от портрета и уселся, указав малефику на кресло.

— Что нового в Башнях? — спросил он. — Как воспринята наша неудача с Первым Народом?

— По-разному, — ответил Гейн Гусс. — В Боготене, Кандельвейде и Хэвве — гнев и печаль.

Лорд Фэйд кивнул.

— Там мои родичи.

— В Джисборне, Грэймаре, Облачном Замке и Альдере — ликование и крамола.

— Этого следовало ожидать, — пробормотал лорд Фэйд. — Надо их наказать — вопреки своим клятвам и обещаниям, они вынашивают замыслы восстания.

— В Звездном Доме, Джулиан-Дюре́ и Дубовом Зале удивлены способностями Первого Народа, но в целом — равнодушие.

Лорд Фэйд уныло кивнул.

— Это хорошо. В ближайшем будущем мятежа не будет, а значит, мы можем всерьез заняться Первым Народом. Вот о чем я думаю. Ты говорил, что между Чащобами, Старым Лесом и рощей Сарро растут деревья — похоже, Первый Народ вознамерился окружить Башню Фэйд густым лесом. — Он вопросительно посмотрел на Гейна Гусса, но тот промолчал. — Пожалуй, мы недооценили коварство дикарей. Оказы-

вается, они способны вынашивать замыслы и добиваться своего с почти человеческим упорством. Даже, я бы сказал, сверхчеловеческим, поскольку все говорит о том, что со дня нашего появления на Пенгборне они считают нас захватчиками и мечтают уничтожить.

— Это сходится с моими выводами, — сказал Гейн Гусс.

— Значит, надо ударить первыми. Думаю, это по части малефиков. Мы не обрящем славы, бегая от ос, проваливаясь в ямы и барахтаясь в пене. Только зря потеряем людей. Короче говоря, я хочу, чтобы ты собрал своих малефиков, каббалистов и заклинателей. Я хочу, чтобы вы наслали на дикарей самую страшную пагубу...

— Это невозможно.

У лорда Фэйда полезли брови на лоб.

— Невозможно?

Гейн Гусс выглядел смущенным.

— Я вижу в вашем мозгу недоумение. Вы подозреваете меня в равнодушии, нежелании брать ответственность. Это не так. Если Первый Народ победит вас, мы тоже пострадаем.

— Вот именно, — сухо подтвердил лорд Фэйд. — Вымрете от голода.

— И все же малефики не в силах помочь. — Гейн Гусс встал и направился к выходу.

— Сядь! — рявкнул лорд Фэйд. — Мы не договорили.

Гейн Гусс обернулся, глаза его были чисты, прозрачны, как вода, и ничего не выражали. Верховный малефик тяжко вздохнул.

— Придется мне, вижу, нарушить правило, изменить старой привычке. То есть я должен объяснить. — Он прислонился к стене, погладил пальцем миниатюрное оружие, посмотрел на портрет первого Фэйда. — Как жаль, что мы не владеем приемами чудотворцев прошлого. Обратите внимание на корпус космического корабля — едва ли он легче, чем Башня Фэйд. — Он опустил взгляд на стол и телепортировал канделябр на два-три дюйма. — Чтобы разогнать этот корабль до скорости поистине фантастической, им требовалось гораздо меньше усилий. Они подчиняли себе знания и силы, которые сами же считали воображаемыми, несуществующими. Да, мы ушли да-

леко от них. Нам уже ни к чему мистические науки, загадочные приборы и сверхчеловеческая энергия. Мы практичны и рациональны — но нам никогда не постигнуть древнее волшебство.

Лорд Фэйд угрюмо смотрел на Гейна Гусса. Верховный малефик забулькал горлом.

— Думаете, я хочу отвлечь вас пустой болтовней? Нет, сейчас мне это ни к чему. Просто я начал издалека, чтобы вы лучше меня поняли. — Он вернулся к креслу и с кряхтеньем уселся. — Я не привык объяснять, но сейчас это необходимо. Вы должны знать, на что мы, малефики, способны, на что — нет.

Прежде всего мы — люди практичные и этим отличаемся от древних чародеев. Естественно, их возможности и наши не имеют ничего общего. Самый искусный малефик обладает большой телепатической силой, неистощимой духовной энергией и прекрасно разбирается в людях. Он знает мотивы их поступков, желания и опасения; он находит символы, с помощью которых этими людьми можно управлять. Малефициум — это прежде всего нудная, утомительная работа. Она опасна и сложна, в ней нет никакой романтики, никаких тайн, кроме тех, что дают нам преимущество над врагами. — Гейн Гусс покосился на лорда Фэйда и встретил все тот же угрюмый взгляд. — Ха! Я по-прежнему ничего не сказал. Трачу много слов, но не говорю толком, почему я не могу сражаться с Первым Народом. Спокойствие!

— Говори, — сказал лорд Фэйд.

— Что необходимо сделать, чтобы наслать порчу на человека? Во-первых, телепатически войти в его разум. Существуют три оперативных уровня: сознательный, подсознательный и клеточный. Малефициум удается лучше всего, когда задействованы все три уровня. Я вживаюсь в образ своей жертвы, постоянно накапливаю сведения о ней — это основа моей работы. Я изготовляю подобие жертвы. Кукла — очень полезная вещь, но в крайнем случае без нее можно обойтись. На кукле фокусируется внимание; она — проводник, позволяющий моему мозгу телепатически связаться с мозгом жертвы.

— Итак, к сути. В моем мозгу человек и кукла отождествляются, и я проникаю в один, два или три

оперативных уровня жертвы. Что бы ни случилось с куклой, жертве кажется, будто это происходит с ней. Проще объяснить принципы малефициума мне, профессионалу, невозможно. Для жертвы, разумеется, все это выглядит иначе. Самое главное — внушаемость. Она у всех людей разная. Внушаемость питается страхом и верой. Каждый успех малефика подпитывает страх в его окружении, и постепенно он становится все более сильным. Накапливает ману.

Техника вселения демона в человека довольно проста. Тут очень велика роль внушаемости, порождаемой верой. Очень важно, чтобы всем были известны качества демона — для этого его всячески прославляют, как Командор своего Кейрила. Вот почему малефики обменивают и продают демонов. На самом деле они торгуют известностью демонов, страхом перед ними.

— Так что же, демонов на самом деле не существует? — недоверчиво спросил лорд Фэйд.

Гейн Гусс ухмыльнулся, демонстрируя огромные желтые зубы.

— Кто знает, что способно рождаться в подсознании? Возможно, будучи придуманы, демоны обретают плоть; возможно, теперь они реальны. Разумеется, это всего лишь умозаключение, одно из тех, которые мы, малефики, избегаем. Того, что я вам объяснил, достаточно, чтобы перейти к нынешней ситуации.

— Отлично, — сказал лорд Фэйд. — Продолжай.

— Возникает вопрос: как наслать порчу на существо иной расы? — Он посмотрел на лорда Фэйда. — Вы можете на него ответить?

— Я? — удивился лорд Фэйд. — Нет.

— Методы в основном те же, что и при воздействии на человека. Главное, чтобы существо ни на миг не усомнилось в том, что оно страдает или умирает. И тут перед нами встают одна за другой проблемы. Похож ли образ жизни этого существа на человеческий? Это очень важно. Во Вселенной есть много рас, чья высшая нервная деятельность отличается от нашей. Соответственно отличаются их взаимоотношения со средой. Свои взаимоотношения со средой мы называем «разумными» — эти слова часто используются, когда речь идет о деятельности человека. Другие расы используют иные формы воздействия на природу, хотя зачастую с теми же результатами, что и мы. Иными

словами, я не надеюсь, что восприятие Первого Народа будет соответствовать моему внушению. Ключик не подойдет к замку. Мне раз или два случалось видеть, как Первый Народ торгует с людьми на Лесной Ярмарке, и я находил признаки того, что мозг дикаря генерирует телепатические импульсы, имеющие сходство с нашими. И все же вряд ли между нашими расами возможно настоящее взаимопонимание. Есть и другая проблема, гораздо более серьезная. Допустим, я добьюсь полного телепатического контакта — ну и что? Эти существа не такие, как мы. Они не знают, что такое страх, ненависть, ярость, боль, отвага, трусость. Наблюдая за ними, я пришел к выводу, что всех этих эмоций они лишены. Наверное, они обладают другими эмоциями, быть может, столь же сильными, но мне они не известны, а значит, я не могу создать и внушить символы для их пробуждения.

Лорд Фэйд поерзал в кресле.

— Короче, ты имеешь в виду, что не можешь проникнуть в мозги этих тварей. А если бы и мог, то не знаешь, как на них эффективно воздействовать.

— Именно так, — подтвердил Гейн Гусс.

Лорд Фэйд встал.

— В таком случае ты должен исправить свои недостатки. Научись телепатически общаться с дикарями, найди способы воздействия на их мозги. И как можно быстрее.

Гейн Гусс с укором посмотрел на лорда Фэйда.

— Но ведь я так долго подводил вас к мысли, что это невероятно сложно. Причинить вред Первому Народу — задача монументальная! Необходимо отправиться в Чащобу, жить с ними, стать одним из них, как, например, мой ученик пытался стать деревом. Но даже это не гарантирует успеха! Если Первый Народ не обладает внушаемостью — он окажется невосприимчив к сглазу. Я предвижу неудачу. Никто из малефиков не скажет вам этого, никто не поступится своей маной. Я отваживаюсь, потому что я — Гейн Гусс, и жизнь моя уже прожита.

— Тем не менее нельзя упускать ни одной возможности, — сухо возразил лорд Фэйд. — Я не могу рисковать рыцарями, родичами и солдатами, сражаясь с этими бледными бестиями. Сколько можно подставлять благородную плоть и кровь под жала

насекомых? Ты должен поехать в Чащобу. Узнай, как можно одолеть Первый Народ.

Гейн Гусс тяжело поднялся. Его широкое круглое лицо окаменело, глаза потускнели, как обточенные водой стеклышки.

— Пускаться в безнадежную авантюру — удел дураков. Я не дурак, и не стану этого делать.

— В таком случае я найду другого. — Лорд Фэйд подошел к двери, позвал слугу. — Сходи за Айзеком Командором.

Гейн Гусс опустился в кресло.

— С вашего позволения, я послушаю, что он ответит.

— Как пожелаешь.

В дверях появился Айзек Командор, высокий, нескладный, с вечно опущенной головой. Он посмотрел исподлобья на лорда Фэйда, на Гейна Гусса и вошел в комнату.

Лорд Фэйд кратко изложил свое решение.

— Гейн Гусс отказался выполнить мою просьбу, поэтому пришлось обратиться к тебе.

По лицу Айзека Командора было видно, о чем он думает: риск невелик, поскольку сам Гейн Гусс не решается взяться за это дело, зато в случае успеха можно изрядно увеличить ману.

Он кивнул.

— Гейн Гусс совершенно прав: только очень умный и удачливый малефик может преуспеть в этом деле. Но я принимаю вызов. Я пойду в Чащобу.

— Вот и хорошо, — сказал Гейн Гусс. — Я тоже пойду, — и добавил, проигнорировав обжигающий взгляд Командора: — Просто хочу понаблюдать. Поскольку на Айзека Командора ложится вся ответственность, ему же будут причитаться и почести в случае успеха.

— Отлично, — сказал Командор. — Я рад, что ты составишь мне компанию. Выезжаем завтра утром. Я велю подготовить мою кибитку.

В тот же вечер Гейна Гусса, в раздумьях сидевшего у себя в покоях, посетил ученик Салазар.

— Что тебе нужно? — прорычал верховный малефик.

— Верховный малефик Гусс, я бы хотел задать вам вопрос.

— Просто — верховный малефик, — проворчал Гейн Гусс. — Моя должность вот-вот достанется Айзеку Командору.

Сэм Салазар заморгал и робко хохотнул.

— Чего тебе? — мрачно повторил Гейн Гусс.

— Я слышал, вы собираетесь в Чащобу — изучать Первый Народ.

— Верно. Ну и что?

— Правда, что они могут напасть на все Башни?

Гейн Гусс пожал плечами.

— Они торговали с людьми на Лесной Ярмарке. Торговцы всегда беспрепятственно приходили в лес. Возможно, теперь все изменится. Кто знает.

— Можно мне с вами?

— Тебе там делать нечего.

— Ученик должен использовать любую возможность чему-нибудь научиться, — возразил Сэм Салазар. — Да и вам пригодится помощник — и шатер поставить, и кибитку разгрузить, и по воду сходить.

— Разумный довод, — кивнул Гейн Гусс. — Выезжаем на заре, не проспи.

9

Как только солнце взошло над вереском, малефики покинули Башню Фэйд. Кибитка катилась по мху на север, Гейн Гусс и Айзек Командор сидели на козлах, Сэм Салазар, свесив ноги, примостился сзади. Высокие колеса жалобно скрипели, вихляя на кочках. Вскоре кибитка исчезла за Дозорным холмом.

Она вернулась через пять дней, за час до заката. По-прежнему Айзек Командор и Гейн Гусс сидели на облучке, а Сэм Салазар, сгорбившись, позади. Они приблизились к Башне и, ни кивком, ни мановением руки не поприветствовав стражников, проехали через ворота во внутренний двор.

Айзек Командор выпрямил длинные, как у паука, ноги и сошел на мостовую. Гейн Гусс закряхтел, спускаясь с облучка. Они разошлись по своим покоям, а Сэм Салазар откатил кибитку к складу малефиков.

Спустя некоторое время Айзек Командор явился к лорду Фэйду. Тот сидел среди своих трофеев, с трудом удерживая на лице маску равнодушия, которой тре-

бовали от него высокое звание, достоинство и этикет. С лисьей ухмылкой Айзек Командор остановился в дверях. Хмуро и неприязненно взирая на него, лорд Фэйд ждал, когда он заговорит. Гейн Гусс мог простоять так целый день, устремив на лорда Фэйда неподвижный взгляд, но Айзеку Командору недоставало сверхъестественного терпения его соперника. Он шагнул вперед.

— Я вернулся из Чащобы.

— Чем порадуешь?

— Уверен, что на Первый Народ можно наслать порчу.

— А я уверен, что эта затея бессмысленна, безответственна и, возможно, опасна. — Гейн Гусс переваЛку обошел вокруг Командора.

В глазах Командора вспыхнуло красно-коричневое пламя. Он повернулся к лорду Фэйду спиной.

— Вы дали мне поручение. Я выполнил его и пришел с докладом.

— Сядь. Я выслушаю тебя.

Айзек Командор, номинальный глава экспедиции, заговорил:

— Проехав вдоль реки до Лесной Ярмарки, мы не обнаружили там никаких признаков беспорядка или враждебности. Сотня дикарей как ни в чем не бывало обменивали бревна и доски, жерди и палки на лезвия для ножей, стальную проволоку и медные горшки. Когда они возвратились на свою баржу, мы последовали за ними вместе с конями и кибиткой. Они не выразили удивления...

— Удивление, — глухо произнес Гейн Гусс, — одно из чувств, которые им неведомы.

Глаза Командора сверкнули.

— Мы объяснили им, что желаем посетить Чащобу. Спросили, не попытается ли Первый Народ убить нас, чтобы не допустить в свои владения. Наши опасения дикари встретили с полным равнодушием — им все равно, умрем мы или останемся живы. Расценив это как гарантию безопасности, мы остались на борту.

Поправляемый время от времени Гейном Гуссом, Командор рассказал о путешествии вверх по реке. Отталкиваясь шестами, дикари вели баржу против слабого течения. Потом они отложили шесты, но баржа двигалась, как прежде. Озадаченные малефики

рассуждали о возможностях телепортации, о потусторонних силах и о неведомых людям приемах малефициума — до тех пор, пока Сэм Салазар не заметил четырех огромных, каждый двенадцати футов длиной, водяных жуков с иссиня-черными щитками и сплюснутыми головами, поднявшихся из пучины и толкавших баржу в корму, — причем явно без принуждения. Жуки не обращали внимания на малефиков и Сэма Салазара, будто их и вовсе не́ существовало.

Гигантские насекомые трудились, не зная усталости, и четыре часа баржа продвигалась вперед со скоростью идущего человека. Иногда на берегу среди деревьев появлялись автохтоны, но никто из них не проявлял заинтересованности или беспокойства при виде необычных пассажиров и груза. К полудню баржа достигла устья, где река делилась на множество рукавов и превращалась в болото; еще через несколько минут судно вошло в озерцо, на берегу которого, за полоской деревьев, виднелось большое селение. Малефиков разобрало любопытство — бытовало мнение, что Первый Народ, вытесненный с низин, где он обитал в норах, теперь бесцельно кочует по лесу.

Баржа пристала к берегу, и вслед за автохтонами люди высадились вместе с конями и кибиткой. В селении кишмя кишели туземцы и царило ужасающее зловоние.

Стараясь не замечать зловония, люди миновали перелесок и остановились, чтобы осмотреться. Кругом на деревьях, очищенных от нижних ветвей, на высоте человеческого роста висели блоки из затвердевшей пены. Каждый блок был триста футов в длину, пятьдесят в высоту и двадцать — в толщину. Всего их насчитывалась дюжина; они имели ячеистую структуру. Некоторые ячейки были открыты, в них копошились маленькие белые рыбоподобные существа — юное поколение Первого Народа.

Под блоками дикари неторопливо, но сосредоточенно занимались всевозможными делами, в большинстве своем непонятными малефикам. Оставив кибитку под присмотром Сэма Салазара, кривясь от гнусного запаха и прикосновения к телам нелюдей, Гейн Гусс и Айзек Командор пробирались сквозь толпу, влекомые вперед любопытством. Никто их не сопровождал и не

останавливал, они осмотрели все селение. Один из его участков, поделенный на множество секций, походил на огромный зоопарк. Предназначение одной из этих секций, длиной футов двести, не оставляло сомнений. На краю ее висел на веревке труп человека — родича лорда Фэйда, плененного в бою у перелеска. То и дело к нему устремлялись осы; некоторые попадали в растянутую перед мертвецом сеть, другие улетали или набрасывались на туземцев, стоящих в ряд с трубками в руках. Эти осы тоже попадали в сети и немедленно уничтожались.

Уяснив цель этого занятия дикарей, малефики сумели найти объяснение и большинству остальных, ранее казавшихся им совершенно бессмысленными. Они увидели, как жуки величиной с собаку, с могучими пилообразными клешнями набрасываются на чучела коней. Увидели в загонах еще более крупных насекомых с длинными туловищами из множества сегментов, жуткими головами и десятками толстых ног. Подобных тварей — ос, жуков, многоножек, только меньших размеров, в лесах было видимо-невидимо; очевидно, многие годы, а возможно, столетия, Первый Народ занимался селекцией.

Но не все насекомые предназначались для войны. Моль учили собирать орехи, червей — прогрызать в бревнах прямые отверстия; в одной из вольер гусеницы жевали желтую массу, превращая ее в одинаковые шарики. Зоопарк был главным источником зловония, и малефики без промедления возвратились к кибитке. Пока они обсуждали увиденное, Сэм Салазар раскинул палатку и развел огонь.

Наступила ночь, ячейки засветились изнутри — автохтоны, похоже, даже не думали об отдыхе. Малефики улеглись спать в палатке, оставив Сэма Салазара на страже.

На следующий день Гейну Гуссу удалось разговорить одного из туземцев. До этого момента на пришельцев никто не обращал внимания.

Беседа длилась долго, но Гейн Гусс не стал подробно пересказывать ее лорду Фэйду, изложив только самое главное. Айзек Командор тем временем стоял к ним спиной, показывая, что его это не касается.

Прежде всего Гейн Гусс поинтересовался у туземца целью всех этих зловещих приготовлений: зачем они дрессируют ос, жуков, многоножек и прочих чудовищ.

— Чтобы убивать людей, — простодушно ответило существо. — Мы хотим вернуться в мох. Это главная наша цель с тех пор, как люди прилетели на планету.

Гейн Гусс заметил, что войны можно избежать, что на Пенгборне довольно места и для людей, и для автохтонов. «Первому Народу, — сказал он, — следует убрать ловушки и оставить попытки окружить Башни лесом».

— Нет, — ответил туземец. — Люди — захватчики. Они портят хороший мох. Мы убьем их всех.

— Существенный факт, — вмешался Айзек Командор. — Пока Гейн Гусс расспрашивал дикарей, все вокруг оторвались от работы и смотрели на нас, как будто участвовали в разговоре. Я пришел к очень важному выводу: автохтоны — не индивидуумы, а клетки сложного общественного организма, в той или иной степени связанные друг с другом телепатией, не похожей на нашу.

Гейн Гусс бесстрастно продолжал:

— Я сказал, что Первый Народ, воюя с нами, понесет большие потери. Мой довод был воспринят равнодушно, собеседник отчасти подтвердил правильность выводов Айзека Командора: «Ячейки всегда дадут замену погибшим элементам. Но если страдает общество, плохо приходится всем его членам. Нас вытеснили в леса, в чуждую нам среду. Мы должны вооружиться и изгнать людей, для этого мы готовы воспользоваться методами наших врагов.

— Следует заметить, — вставил Айзек Командор, — что туземец имел в виду древних людей, а не нас.

— Как бы там ни было, — сказал лорд Фэйд, — они не скрывают своих намерений. Мы совершим непростительную ошибку, если будем церемониться с ними. Надо усмирить их немедленно и любыми средствами.

Снова заговорил Гейн Гусс:

— Теперь мы знаем цену иррациональности, — сказал туземец. Разумеется, он не произнес слово «иррациональность», даже не имел его в виду. Ближе всего к смыслу — «ряд почти неоправданных испытаний». «Мы научились менять окружающую сре-

ду, — сказал он. — Мы используем для своих нужд насекомых, деревья, травы и водяных слизней. Нам, привыкшим к безмятежной жизни во мху, это стоило колоссальных усилий, но к этому нас принудили люди, и теперь вы на своей шкуре испытаете последствия своего неразумного поступка».

Я снова указал ему, что мы, люди, небеззащитны и можем уничтожить многих его сородичей. «Зато уцелеет общество», — возразил туземец как ни в чем не бывало. Я задал деликатный вопрос: «Если ваша цель — уничтожение людей, почему вы позволили нам прийти сюда?» — «Потому что будет уничтожено все общество людей», — ответил он. Очевидно, они судят о нашем обществе по-своему и не видят смысла в убийстве трех путешественников.

Лорд Фэйд мрачно усмехнулся.

— Прежде чем уничтожить нас, им придется иметь дело с Адовой Пастью. Да и стены наши им не по зубам.

Айзек Командор возобновил свой доклад:

— Сейчас я абсолютно уверен, что насылать порчу надо на всю расу. Теоретически это не сложнее, чем воздействовать на отдельную особь — какая разница, к одному ты обращаешься или к двадцати. Исходя из этих соображений, я велел ученику собирать все, что имеет отношение к туземцам — чешуйки, пену, фекалии и прочие продукты жизнедеятельности. Пока он занимался этим, я пытался войти в мысленный контакт с нелюдью. Это нелегко, поскольку их телепатия отличается от нашей. Тем не менее кое-чего я добился.

— Так ты можешь наслать порчу на Первый Народ? — оживился лорд Фэйд.

— Могу лишь обещать, что попытаюсь. Надо сделать некоторые приготовления...

— Ну так ступай, делай свои приготовления.

Командор встал и вышел за дверь, торжествующе посмотрев на Гейна Гусса. Верховный малефик ждал, массируя подбородок огромными пальцами.

— Хочешь что-нибудь добавить? — холодно спросил лорд Фэйд.

Гусс закряхтел, вставая.

— Если бы! Увы, в мыслях моих полный разброд.

Варианты будущего не сулят нам ничего хорошего. Даже лучший из них...

В глазах лорда Фэйда мелькнуло удивление: никогда еще в голосе верховного малефика не звучало такого пессимизма.

— Говори, я слушаю.

— С радостью сказал бы, если бы знал наверняка. Но меня одолевают сомнения. Боюсь, мы уже не можем полагаться на логичный, точный малефициум. Предки наши были волшебниками, чудотворцами. Они вытеснили Первый Народ в леса. Чтобы изгнать нас со своей земли, Первый Народ усвоил методы наших предков: поиск наобум и бесцельный эмпиризм. Не знаю, что и посоветовать. Возможно, нам тоже следует отступить от здравого смысла и взять на вооружение мистицизм древних.

Лорд Фэйд пожал плечами.

— В этом отступлении нет необходимости, ведь Айзек Командор утверждает, что может наслать порчу на Первый Народ.

— Времена меняются, — сказал Гейн Гусс. — Одно я знаю наверняка: эпоха искусства и точной науки уходит в прошлое. Будущее благоволит к людям сообразительным, чье воображение не угнетено дисциплиной — возможно, неортодоксальному Сэму Салазару повезет в нем больше, чем мне. Да, времена меняются.

Лорд Фэйд кисло улыбнулся.

— Когда наступит этот день, я назначу Сэма Салазара верховным малефиком и пожалую титулом лорда Фэйда. А мы с тобой отправимся в низину — доживать свой век в убогой халупе.

Гейн Гусс со вздохом развел руками и удалился.

Спустя два дня лорд Фэйд повстречал Айзека Командора и осведомился, как идут дела. Командор рассказал в нескольких словах. Еще через два дня лорд Фэйд снова обратился к малефику, но на сей раз его интересовали подробности. Малефик нехотя привел его в свою мастерскую, где дюжина каббалистов, заклинателей и учеников строили на круглом столе модель селения Первого Народа.

— На берегу озера я расставлю множество кукол, обмазанных выделениями туземцев. Когда работа будет закончена, я нашлю на дикарей порчу и пагубу.

— Неплохо придумано. Продолжай. — Лорд Фэйд вышел из мастерской и поднялся на самый верх Башни, в купол, где находилось древнее оружие — Адова Пасть.

— Ямбарт, где ты?

Перед ним предстал оружейник Ямбарт — низенький, пузатый, красноносый и выбритый до синевы.

— Да, милорд?

— Я пришел осмотреть Адову Пасть. Исправна ли она? Готова ли к бою?

— Готова, милорд. Вымыта, вычищена, надраена, смазана — просто загляденье.

Со скептической миной на лице лорд Фэйд осмотрел Адову Пасть — тяжелый цилиндр двенадцати футов длиной и шести диаметром, усеянный полусферами, соединенными между собой полированными медными трубками. Несомненно, усердие Ямбарта заслуживало высшей похвалы — нигде ни единого пятнышка, только ослепительный блеск. Рыло Адовой Пасти прикрыто тяжелой металлической пластиной и просмоленной парусиной, поворотный круг хорошо смазан.

Лорд Фэйд окинул взглядом все четыре горизонта. На юге раскинулась плодородная долина Фэйд, на западе тянулись открытые низины, на севере и юге угрожающе высились Чащобы.

Он повернулся, снова пригляделся к Адовой Пасти и сделал вид, будто обнаружил пятнышко грязи. Ямбарт закипятился, но лорд Фэйд, не слушая увещевания и протестов, выразил свое недовольство и спустился в мастерскую Гейна Гусса. Верховный малефик лежал на кушетке и смотрел в потолок. За столом, уставленным бутылками, флягами и чашами, стоял Сэм Салазар.

Лорд Фэйд окинул недобрым взглядом царящий в мастерской беспорядок.

— Чем занимаешься? — осведомился он у ученика.

Сэм Салазар виновато потупился.

— Ничем особенным, милорд.

— Если тебе нечего делать, иди помоги Айзеку Командору.

— У меня есть дело, лорд Фэйд.

— Какое, если не секрет?

Сэм Салазар сердито взглянул на Гейна Гусса.

— Не знаю.

— Значит, ты бьешь баклуши.

— Нет, я занят. Я поливаю пену разными жидкостями. Это пена Первого Народа. Мне интересно, что с ней можно сделать. Вода ее не растворяет, спирт тоже. От огня она обугливается и отвратительно чадит.

Лорд Фэйд усмехнулся.

— Забавляешься, как дитя малое. Ступай к Айзеку Командору, он подыщет тебе дело. Неужели ты надеешься стать малефиком, поливая водичкой красивые камешки?

С кушетки донесся странный звук: не то вздох, не то храп, не то кряхтенье, не то кашель.

— От его возни никому нет вреда, а у Айзека Командора достаточно помощников. Салазар не станет малефиком — это давно всем ясно.

Лорд Фэйд пожал плечами.

— Как знаешь. Твой ученик, твоя ответственность. Ладно, к делу. Что нового в Башнях?

Сопя и покряхтывая, Гейн Гусс опустил ноги на пол.

— В той или иной степени все владетели разделяют вашу тревогу. Наши союзники готовы предоставить вам войска. Остальные тоже, если возникнет необходимость.

Лорд Фэйд кивнул с мрачным удовлетворением.

— Пока такой необходимости нет. Первый Народ не выходит из лесов. Башню Фэйд ему не взять, хотя, конечно, он способен разорить долину... — Он помолчал в задумчивости. — Пускай Айзек Командор нашлет на них порчу. Тогда посмотрим.

Раздалось шипение, затем негромкий взрыв, и над столом поднялся клуб едкого дыма. Сэм Салазар виновато повернулся к Гейну Гуссу и лорду Фэйду. Посмотрев на его обгорелые брови, лорд Фэйд фыркнул и вышел из мастерской.

— Что ты сделал? — равнодушно спросил Гейн Гусс.

— Не знаю.

Верховный малефик фыркнул, как только что лорд Фэйд.

— Восхитительно. Запомни, дружок: если надеешься сотворить чудо, ты должен хорошо понимать, что

делаешь. Это тебе не малефициум, с его четкими правилами и процедурами. Тебе следует вести записи, чтобы можно было повторить чудо.

Сэм Салазар кивнул и повернулся к столу.

10

В тот же день Башня Фэйд узнала о новой агрессии Первого Народа. На холме Медовый Мох, неподалеку от Лесного Рынка, группа бродячих автохтонов напала на лагерь пастухов и принялась убивать овец шипами-рапирами. Когда пастухи попытались им помешать, туземцы бросились на них и многих закололи. Затем они истребили оставшихся овец.

На следующий день пришли еще два страшных известия: четырех детей, купавшихся в реке возле Башни Брасток, растерзали огромные водяные жуки. По ту сторону Чащобы, на холме у самой стены Облачного Замка, крестьяне рано утром обнаружили в винограднике полчища черных круглых трематод, пожирающих листья, ветви, стебли и корни. Они попытались убить вредителей заступами, и тут же были насмерть искусаны осами.

Обо всем этом Адам Макадам доложил лорду Фэйду, и тот вне себя от ярости пришел к Айзеку Командору.

— Сколько еще нужно времени?

— Все готово. Но мне надо отдохнуть, набраться сил. Завтра утром наших врагов постигнет суровая кара.

— Чем скорее, тем лучше. Эти гады вышли из леса и убивают наших людей.

Айзек Командор потер длинный подбородок.

— Этого следовало ожидать. Они предупреждали.

Лорд Фэйд пропустил его слова мимо ушей.

— Покажи, что вы сделали.

Вслед за Айзеком Командором он прошел в мастерскую. Модель была закончена, многочисленные фигурки автохтонов надлежащим образом разрисованы и обмазаны. Айзек Командор указал на горшок с черной жидкостью.

— Я объясню, на чем основан мой малефициум. Осматривая селение, я искал могущественные символы. Несомненно, их там было великое множество, но я не мог их распознать. Однако я вспомнил битву у перелеска: когда этим тварям грозили огонь и смерть, они исторгали фиолетовую пену. Очевидно, фиолетовый цвет имеет отношение к смерти.

Лорд Фэйд понимающе кивнул.

— Ну что ж, отдохни хорошенько, чтобы завтра сглаз удался.

Наутро Айзек Командор облачился в черную мантию и, дабы укрепить свой дух, надел маску демона Нарда. И закрылся в мастерской.

Прошел час, другой. Лорд Фэйд завтракал в окружении родственников, упрямо сохраняя на лице скептическую мину. Наконец его терпение лопнуло, и он отправился во внутренний двор, где топтались взволнованные помощники Командора.

— Где Гейн Гусс? — спросил лорд Фэйд. — Позвать его сюда.

Топая, Гейн Гусс вышел из своих покоев. Лорд Фэйд указал на мастерскую Командора.

— Что там происходит? У него что-нибудь получается?

Гейн Гусс посмотрел на дверь мастерской.

— Он не жалеет сил. Я чувствую замешательство, гнев...

— Чей гнев? Командора или Первого Народа?

— Не знаю, я не вступил в контакт. Похоже, он пытается им что-то внушить. Я говорил: это очень сложная задача. Но первый этап он прошел успешно.

— Первый этап? А разве есть другие?

— Я говорил, есть еще два важнейших элемента малефициума: восприимчивость жертвы и соответствие символа.

Лорд Фэйд нахмурился.

— В твоих словах не слышно бодрости.

— Я ни в чем не уверен. Возможно, Айзек Командор прав в своих предположениях. Если Первый Народ действительно очень восприимчив, сегодня совершится великая победа, и мана Командора станет огромной.

Лорд Фэйд бросил взгляд на мастерскую.

— А что сейчас?

Гейн Гусс сосредоточился, глаза его потускнели.

— Айзек Командор близок к смерти. Сегодня он уже не сможет творить малефициум.

Лорд Фэйд отвернулся и помахал рукой каббалистам.

— Идите в мастерскую. Помогите вашему хозяину.

Каббалисты исчезли за дверью и вскоре вынесли бесчувственное тело Айзека Командора. Его черная мантия была забрызгана фиолетовой пеной. Лорд Фэйд подошел ближе.

— Чего ты добился? Отвечай!

Глаза Айзека Командора были наполовину прикрыты, влажные губы кривились.

— Я обращался к Первому Народу, ко всей расе... Я послал им образ... — Голова его безвольно свесилась.

Лорд Фэйд отошел.

— Отнесите Командора в его покои. Положите на кушетку. — Он отвернулся, несколько секунд постоял в нерешительности, покусывая нижнюю губу. — Все же мы так и не узнали, как далеко он зашел.

— Отчего же, — вздохнул Гейн Гусс.

Лорд Фэйд резко повернулся.

— Что? Что ты сказал?

— Я читаю в мыслях Командора. Он с огромным трудом внушил Первому Народу образ фиолетовой пены. И узнал, что фиолетовая пена вовсе не символ смерти. Это символ страха за общество и слепой ярости.

— В любом случае, — сказал лорд Фэйд, поразмыслив, — вреда не будет. Едва ли Первый Народ станет более враждебен.

Через три часа в Башню прискакал разведчик. Спешившись, он подбежал к лорду Фэйду.

— Дикари вышли из леса! Их несметное множество! Тысячи! Они идут на нас!

— Пусть идут, — усмехнулся лорд Фэйд. — Чем больше их, тем лучше. Ямбарт, где ты?

— Здесь, господин.

— Готовь Адову Пасть. Откроешь огонь по моему приказу.

— Милорд, Адова Пасть к бою готова!

Лорд Фэйд хлопнул его по плечу.

— Ступай наверх. Бернард!

— Да, лорд Фэйд! — отозвался сержант.

— Первый Народ идет на приступ. Вели своим надеть доспехи, чтобы осы не жалили. Накорми их получше. Нам понадобится вся наша сила.

Затем лорд Фэйд повернулся к Гейну Гуссу.

— Свяжись с Башнями и Поместьями, пусть родичи идут к нам на помощь со всеми воинами в полной боевой экипировке. Оповести Беллгард-Холл, Боготен, Камбер, Кандельвейд. И поторопись — от Чащобы до нас всего час ходьбы.

Гусс поднял руку.

— Все уже сделано. Башни предупреждены. Там знают, что нам нужна помощь.

— А ты способен читать в мозгах у дикарей?

— Нет.

Лорд Фэйд отвернулся. Гейн Гусс вразвалку вышел за ворота, обошел Башню кругом, озирая парапеты и приземистые колонны, лишенные окон и бойниц и неуязвимые даже для древних чудотворцев. На вершине огромной конической крыши трудился в своем куполе оружейник Ямбарт, надраивая сверкающую медь, поливая маслом и без того щедро смазанные поверхности.

Гейн Гусс вернулся в Башню. К нему приблизился лорд Фэйд — глаза сверкают, губы плотно сжаты.

— Что ты увидел?

— Только стены, колонны, крышу и Адову Пасть.

— И что ты думаешь?

— Так, всякое-разное.

— Ты уклончив. Знаешь больше, чем говоришь. Лучше говори все, как есть; ведь если Башня падет, ты погибнешь вместе с нами.

— Я знаю не больше вашего. На нас идет Первый Народ, доказавший, что он далеко не глуп. Туземцы намерены нас уничтожить. Они не малефики и не могут наслать на нас порчу или выманить из Башни. Стену им не пробить, подкопаться тоже невозможно — под нами прочная скала. Что они замышляют? Мне это неведомо. Добьются ли своего? Понятия не имею. Одно лишь я знаю наверняка: эпоха малефициума миновала. Думаю, пришла пора творить чудеса, вслепую, наугад, как это делает Сэм Салазар, поливающий пену разными жидкостями.

В ворота въехал эскадрон закованных в броню всадников — подкрепление из близлежащего Белл-гард-Холла. Мало-помалу подтянулись войска из других Башен, и вскоре внутренний двор оказался заполнен воинами и лошадьми.

За два часа до рассвета в низине показались автохтоны. Они наступали огромной толпой, не соблюдая никакого строя.

Пылкие воины из других Башен взывали к лорду Фэйду, чтобы он приказал атаковать и изрубить неприятеля в куски. Но ветераны битвы у перелеска помалкивали. Лорд Фэйд вдруг понял, что ему отрадно смотреть на плотную толпу врагов.

— Пусть приблизятся еще на милю — и узнают, что такое Адова Пасть. Ямбарт!

— Я здесь, лорд Фэйд.

— Пусть Адова Пасть скажет свое слово! — Он пошел к лестнице, Ямбарт следом. Они поднялись в купол.

— Разверни ее, нацель на дикарей.

Ямбарт подскочил к сверкающим рычагам и колесам. Постояв в нерешительности, осторожно взялся за рукоять. Адова Пасть неохотно, с клацаньем и скрежетом развернулась на горизонтальном поворотном круге.

— Я вижу признаки небрежности.

— Небрежности? Что вы, милорд! Можете выпороть меня, если найдете хоть пятнышко ржавчины или грязи!

— А что это за звуки?

— То, что у нее внутри, — меня не касается. Я отвечаю за то, что на виду.

Лорд Фэйд промолчал. Адова Пасть смотрела на широкую бледную реку живых существ, вытекающую из Чащобы. Ямбарт повернул другое колесико, и тяжелое рыло Адовой Пасти выдвинулось вперед.

— Чехол, идиот! — закричал лорд Фэйд.

— Виноват, милорд! Это поправимо. — Ямбарт оседлал ствол и, цепляясь за выступы, полез к жерлу. Под его ногами уходила вниз гладкая поверхность крыши. С превеликим трудом он сорвал чехол, затем, кряхтя и бранясь, пополз назад.

Первый Народ замедлил шаг. Толпа была уже в полумиле от Башни.

— Давай! — возбужденно потребовал лорд Фэйд. — Надо спалить их, пока не разбрелись. — Он посмотрел в телескопический прицел и, увидев сквозь потрескавшееся, исцарапанное стекло неприятеля, махнул рукой Ямбарту. — Огонь!

Ямбарт дернул спусковой рычаг. В огромном металлическом стволе затарахтело. Адова Пасть завыла, заревела. Рыло ее раскалилось докрасна, затем добела — и выпустило яркий фиолетовый луч, который тотчас погас. Ствол Адовой Пасти дребезжал, шипел и дымился. Затем внутри раздался слабый хлопок, и наступила тишина.

Прицел оказался неточен: луч ударил в землю в сотне ярдов перед толпой, опалив мох и уничтожив не более двух десятков дикарей.

— Быстрее! — закричал лорд Фэйд, взволнованно жестикулируя. — Ствол выше! Огонь! Огонь!

Ямбарт дернул спусковой рычаг — безрезультатно. Снова дернул — ничего.

— Наверное, она устала, — предположил он.

— Адова Пасть издохла! — воскликнул лорд Фэйд. — Ты меня подвел! Она неисправна!

— Нет! Нет! — запротестовал Ямбарт. — Она отдохнет, и все будет хорошо! Я лелеял ее, как собственное чадо! Я чистил ее, как драгоценный камень! Снимал все сломанные железки, все разбитые стеклышки.

Лорд Фэйд схватился за голову и с нечленораздельным воплем бросился вниз по лестнице.

— Гусс! Гейн Гусс!

Появился Гейн Гусс.

— Что вам угодно, милорд?

— Адова Пасть не желает стрелять! Добейся, чтобы она стреляла, и побыстрее!

— Это невозможно.

— Невозможно? — вскричал лорд Фэйд. — Только и слышишь от тебя: невозможно! Бесполезно! Непрактично! Ты утратил свою силу! Я позову Айзека Командора!

— Он тоже не добьется проку от Адовой Пасти.

— Софистика! Он вселяет демонов в людей, пускай вселит демона в Адову Пасть.

— Лорд Фэйд, вы заблуждаетесь. Вы же знаете, в чем разница между малефициумом и чудотворством.

Лорд Фэйд жестом подозвал слугу.

— Приведи ко мне Айзека Командора.

Изнуренный, с запавшими глазами, Айзек Командор приплелся на зов своего повелителя.

— Мне требуется твое искусство, — скороговоркой произнес лорд Фэйд. — Ты должен добиться, чтобы Адова Пасть снова стреляла.

Командор покосился на Гейна Гусса, неподвижного и безучастного, как статуя, и решил не браться за безнадежное дело.

— Милорд, я не могу этого сделать.

— Что? И ты?

— Лорд Фэйд, между человеком и металлом большая разница. Нормальное состояние человека — нечто вроде безумия: он постоянно балансирует на грани между истерией и апатией. Чувства говорят ему об окружающем мире гораздо меньше, чем ему кажется. Совладать с человеком, вселить в него демона, свести с ума, даже убить — легче легкого. Но металл равнодушен. Он реагирует только на изменение его формы и среды, и на воздействие чудотворцев.

— Раз так, ты должен стать чудотворцем!

— Невозможно.

Лорд Фэйд глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, повернулся и быстро зашагал по мостовой.

— Коня, доспехи! Мы атакуем!

Построилась колонна, лорд Фэйд занял свое место во главе. Всадники выехали через портал, за ними вышли пешие.

— Остерегайтесь пены! — предупредил лорд Фэйд. — Напал, зарубил, заколол — и сразу назад. Опустите забрала, чтобы не жалили осы. Каждый из вас должен убить сотню врагов! Вперед!

Рыцари и пехота ринулись на толпу дикарей. Толстый слой мха глушил топот копыт; над западным горизонтом нависало огромное бледное солнце.

В двух сотнях ярдов от туземцев рыцари пустили коней галопом. Они подняли мечи, закричали, каждый стремился вырваться вперед. Плотная толпа автохтонов разделилась, и навстречу атакующим бросились черные жуки и многоножки. Щелкая жвалами, они проскакивали под ногами у коней. Перепуганные кони

ржали, пятились, вставали на дыбы, сбрасывая всадников; жуки вгрызались в упавших рыцарей, как собака в кость. Лорд Фэйд тоже упал на мох, и конь его ускакал; полководец кое-как поднялся и, ударив мечом ближайшего жука, отсек ему переднюю ногу. Жук метнулся к нему, но, лишившись второй передней ноги, ткнулся мордой в землю и стал рвать жвалами мох. Лорд Фэйд отсек ему остальные конечности и оставил лежать совершенно беспомощным.

— Оторваться от противника! — закричал он.

Рыцари попятились, отбиваясь от жуков и многоножек. Вскоре все напавшие твари были перебиты или обездвижены.

— Построиться в две шеренги! Медленно наступаем, прикрывая друг друга!

Люди двинулись вперед. Когда до туземцев осталось десять ярдов, те достали из мешочков черные шары и бросили в своих врагов. Шары раскололись о доспехи.

— Вперед! — заревел лорд Фэйд. Конница обрушилась на плотную толпу.

— Бей! — восторженно кричал лорд Фэйд, опуская меч на головы дикарей. — Пленных не брать!

И тут что-то очень больно ужалило его под кирасой. Затем еще раз, и еще! Под металлом ползали крошечные твари и кусали, и жалили! Он оглянулся — кругом замешательство, люди в панике озираются. Мечи падают наземь, руки скребут металл, тщетно пытаясь схватиться за ужаленное место. Двое рыцарей стаскивали с себя панцири.

— Отступаем! — крикнул лорд Фэйд. — В Башню!

Отступление больше напоминало бегство. Воины срывали с себя доспехи, за ними вдогонку помчался рой в дюжину ос, и почти каждая нашла свою жертву.

Дезорганизованное войско устремилось в ворота Башни. Люди бросали последние доспехи, чесались, отряхивались и давили разъяренных красных клещей.

— Затворить ворота! — приказал лорд Фэйд.

Створки ворот съехались. Башня Фэйд оказалась в осаде.

11

Первый Народ окружил Башню Фэйд, образовав в пятидесяти ярдах от стен живое кольцо. Всю ночь в сиянии звезд по низинам бродили призрачные фигуры.

Два человека до полуночи стояли на парапете. Лорд Фэйд то и дело спрашивал: «Что нового в других Башнях? Готовы ли они прислать нам подмогу?» и слышал один и тот же ответ верховного малефика: «Смятение и тревога. Владетели Башен хотят помочь, но не решаются покинуть стены. Сейчас они совещаются, надеясь разобраться в ситуации».

Наконец лорд Фэйд пошел к лестнице, жестом позвал за собой Гейна Гусса. Они спустились в комнату трофеев. Лорд Фэйд опустился в кресло и предложил малефику присесть. С минуту он пристально смотрел на Гейна Гусса, но тот выдержал холодный, пронизывающий взгляд повелителя без тени смущения на лице.

— Ты — верховный малефик, — нарушил затянувшуюся паузу лорд Фэйд. — Двадцать лет ты наводил чары, насылал порчу, прорицал, и не было тебе равных среди малефиков Пенгборна. Но теперь я вижу, что ты поддался бессилию и апатии. В чем причина?

— Я не бессилен и не апатичен. Просто я не могу прыгнуть выше головы. Я не умею творить чудеса. О чудесах вам лучше потолковать с моим учеником Сэмом Салазаром — он тоже не умеет их творить, но делает все возможное и невозможное, чтобы научиться.

— Ты уже сам поверил в эту чепуху! На моих глазах ты становишься мистиком.

Гейн Гусс пожал плечами.

— Кладезь моих знаний невелик. Да, я знаю, чудеса возможны. Это доказывают многочисленные реликвии. Да, методы предков были противоестественны, абсолютно чужды нашему сознанию... Но подумайте вот о чем. Взяв эти методы на вооружение, Первый Народ угрожает нам полным истреблением. Вместо металла они используют живую плоть, но суть от

этого не меняется. Допустим, люди Пенгборна объединятся и ценой огромных потерь оттеснят дикарей в леса. Надолго ли? — вот вопрос. На год? На десять лет? Первый Народ вырастит новые деревья, приготовит новые ловушки, и рано или поздно снова пойдет на нас. Но на этот раз у него будет более грозное оружие: летающие жуки величиной с коня, осы, пробивающие доспехи, многоножки, способные перелезть через стены Башни Фэйд.

Лорд Фэйд потер подбородок.

— И малефики ничем не могут помочь?

— Вы же видите. Айзек Командор вторгся в сознание туземцев, но сумел только разозлить их.

— Что же нам делать?

Гейн Гусс пожал плечами.

— Не знаю. Я всего лишь малефик Гейн Гусс. Я с изумлением наблюдаю за Сэмом Салазаром. У него ничего не получается, но он не так глуп и не так умен, чтобы опускать руки. Если это и есть путь к созданию чуда, он придет к цели.

Лорд Фэйд поднялся.

— Я смертельно устал. Надо вздремнуть. Утро вечера мудренее.

Гейн Гусс покинул комнату трофеев и возвратился на парапет. Живое кольцо сжималось, до автохтонов можно было достать стрелой. Вдалеке через торфяник тянулась колонна бледных созданий. Вокруг Башни потихоньку рос белый вал.

Миновало несколько часов, и небо посветлело. На востоке поднималось солнце. В низинах, словно муравьи, копошились автохтоны. Они приносили с севера длинные стержни затвердевшей пены, складывали в штабеля под стенами Башни и тотчас отправлялись обратно.

Лорд Фэйд, небритый и усталый, взошел на парапет.

— Что это? Что они затевают?

— Мы все ломаем голову над этой загадкой, милорд, — ответил сержант Бернард.

— Гейн Гусс, что нового в Башнях?

— Войска выступили на конях и при оружии. Они осторожно приближаются.

— Ты можешь им передать, что нам позарез нужна подмога?

— Могу, я уже сделал это, но лишь усугубил их тревогу.

— А, черт! — выругался лорд Фэйд. — И они еще смеют называть себя воинами! Верными и преданными союзниками!

— Им известно о том, как нам досталось, — сказал Гейн Гусс. — Они спрашивают, нельзя ли им принять какие-нибудь меры предосторожности, чтобы не повторить ваших ошибок. Их можно понять.

Лорд Фэйд угрюмо рассмеялся.

— Мне нечего им посоветовать. Впрочем, передай, чтобы попробовали как-нибудь защититься от насекомых. Против клещей доспехи бесполезны... Бернард!

— Да, лорд Фэйд!

— Прикажи своим людям сколотить квадратные рамы со стороной два фута. На рамы натянуть сетки с мелкой ячеей. Когда все будет готово, сделаем вылазку. Одного пешего рыцаря в легких доспехах защищают два пехотинца с сетками.

— Между прочим, — сказал Гейн Гусс, — Первый Народ тоже не сидит сложа руки.

— Лорд Фэйд посмотрел вниз. Автохтоны приближались к стенам с охапками белых стержней.

— Бернард! Арбалетчиков — в дело! Целиться в голову!

Полетели стрелы. Несколько раненых туземцев повернулись и побрели в разные стороны, остальные спокойно выдернули стрелы из своих тел. Снова залп, и еще несколько дикарей обезврежены... Остальные уложили стержни под стены и щедро полили их пеной. Подошли другие туземцы, затолкали стержни в пену, полили... Кольцо дикарей вплотную приблизилось к стене, белый вал постепенно накатывался на Башню.

— Арбалетчики, не зевать! — рявкнул лорд Фэйд. — Бить в голову! Бернард, сети готовы?

— Нет, милорд. Нужно еще немного времени.

Лорд Фэйд опустил взгляд. Вал пены достиг десяти футов в высоту. Владетель Башни повернулся к верховному малефику.

— Чего они хотят этим добиться?

— Пока не знаю, — ответил Гейн Гусс, недоуменно покачав головой.

Пена внизу уже затвердела. Первый Народ излил на нее новый слой, армируя его уложенными крест-накрест стержнями. Через пятнадцать минут, когда затвердел второй слой, туземцы приставили к валу грубые лестницы и полезли наверх. Башню окружало кольцо пены сорока футов в основании и тридцати в высоту.

— Смотрите. — Гейн Гусс показал наверх. — Еще несколько слоев, и она достанет до крыши.

— И что потом? — спросил лорд Фэйд. — Крыша прочностью не уступает стенам.

— Мы задохнемся.

Лорд Фэйд по-новому посмотрел на пену. Дикари, деловито карабкаясь по лестницам, наращивали уже четвертый слой. Сначала сухие, жесткие стержни, потом — щедрая порция пены. Между крышей и валом осталось всего двадцать футов.

Лорд Фэйд повернулся к сержанту.

— Готовь людей к вылазке.

— А как насчет сетей, милорд?

— Они сделаны?

— Еще десять минут, милорд.

— Через десять минут мы задохнемся. Надо прорваться сквозь пену.

Прошло десять минут, затем еще пять. Первый Народ трудился не покладая рук. Сначала десятки стержней (арматура), затем — пена, затем, когда загустеет, — тростниковые циновки для равномерного распределения веса.

— Сети готовы, — доложил сержант Бернард.

— Хорошо. — Лорд Фэйд спустился во внутренний двор, прошел вдоль строя солдат, объяснил, что от них требуется.

— Действовать быстро, но держаться вместе, иначе пропадем в пене. Бить вперед и в стороны. У Первого Народа преимущество — он видит в пене. Как только пробьемся, прикрывайтесь сетками. Одного рыцаря защищают двое солдат. Помните, пробиться через пену надо быстро, чтобы не задохнуться. Все. Отворить ворота!

Створки ворот разъехались, пехота двинулась вперед. И наткнулась на сплошную стену пены.

— Вперед! — Лорд Фэйд махнул рукой и бросился на белую массу, которая оказалась гораздо плотнее и эластичнее, чем он ожидал. Пена выдержала его натиск, и тогда он принялся колоть и рубить. К нему присоединились пехотинцы. Над ними появились туземцы. Они осторожно карабкались на циновки, складки кожи на их спинах часто надувались и опадали, из сфинктеров хлестала пена.

Гейн Гусс вздохнул и обратился к ученику Салазару:

— Им надо прорваться, иначе задохнутся. А вместе с ними задохнемся и мы.

В эту минуту быстро растущий вал пены кое-где достиг крыши. Лорд Фэйд, рыча и бранясь, смахивая с лица пену, отбежал от ворот — и снова отчаянный натиск, попытка прорубиться в новом месте.

Свежая пена легко поддавалась мечу, но арматура надежно преграждала проход. Вновь на солдат обрушился каскад пены.

Лорд Фэйд отступил и велел людям укрыться в Башне. Туземцы тем временем ставили стержни вертикально, опираясь верхним краем на кромку крыши, и поливали пеной.

— Через час, самое большее через два, мы погибнем, — сказал Гейн Гусс. — Мы погребены заживо. Народу в Башне Фэйд много, скоро мы задохнемся.

— Думаю, спастись все-таки можно, — робко произнес Сэм Салазар. — Во всяком случае, от удушья.

— В самом деле? — спросил Гейн Гусс, не скрывая сарказма. — Ты способен на чудо?

— Если и чудо, то самое простенькое. Я заметил, что вода, молоко, спирт, вино и щелочь на пену не действуют. Однако ее моментально растворяет уксус.

— Ага! — оживился Гейн Гусс. — Надо сейчас же сообщить лорду Фэйду.

— Будет лучше, если это сделаете вы, — сказал Сэм Салазар. — Меня он не жалует.

12

Прошло полчаса. В Башне Фэйд царил мрачный серый сумрак. Воздух был влажным, спертым. Во дворе стояла колонна. Каждый держал в руках кувшин, горшок, бурдюк или кастрюлю с крепким уксусом.

— Осторожно! — напутствовал их лорд Фэйд. — Берегите уксус, не лейте куда попало! Плотнее ряды! Вперед!

Солдаты приблизились к воротам, стали плескать уксусом. Пена затрещала, растекаясь.

— Беречь уксус! — кричал лорд Фэйд. — Вперед, быстрее! Поливай!

Через минуту они вышли из туннеля в низину. Моргая, на них глядели автохтоны.

— В атаку! — Лорд Фэйд поперхнулся пеной. — Сети вперед! Два пехотинца при каждом рыцаре! В атаку, бегом марш! Бей нелюдь бледную!

Люди ринулись вперед. Враги вскинули трубки.

— Стой! — закричал лорд Фэйд. — Осы!

Осы загудели, покидая трубки, и глухо застучали о подставленные сети. Сети резко опустились, сбросив насекомых в мох; жесткие подошвы довершили дело. Появились жуки и многоножки — не так много, как минувшим вечером. Они бросились вперед и убили несколько человек, но вскоре мечи и пики превратили их в кровоточащие коричневые ошметки. Снова полетели осы, и некоторые угодили в цель, но муки умирающих людей не лишили мужества остальных. Затем не осталось и ос.

Люди и Первый Народ стояли лицом к лицу. Туземцы были вооружены только шипами и пеной — фиолетовой от ненависти.

Лорд Фэйд махнул мечом. Люди пошли вперед и стали убивать автохтонов. Десятками. Сотнями.

Гейн Гусс приблизился к лорду Фэйду.

— Прикажите им прекратить.

— Прекратить? Это еще почему? Мы перебьем всех бестий!

— Не стоит. Ни к чему нам их истреблять. Пришло время проявить великую мудрость.

— Они пытались нас задушить, рыли нам ямы, натравливали ос! И ты говоришь: прекратить?

— Их ненависть зрела шестнадцать веков. Не стоит усугублять ее.

Лорд Фэйд ошеломленно глядел на Гейна Гусса.

— Что же ты предлагаешь?

— Мир между нашими расами. Мир и сотрудничество.

— Хорошо. Но чтобы впредь никаких ловушек, никакой пены, никаких выводков смертоносных насекомых!

— Я попытаюсь. Велите воинам остановиться.

— Люди, назад! — крикнул лорд Фэйд. — Оторваться от противника!

Солдаты и рыцари неохотно отступили. Гейн Гусс приблизился к неровному строю автохтонов, исторгающих фиолетовую пену. Они молча смотрели на него. Он заговорил на их языке:

— Вы напали на Башню Фэйд и потерпели поражение. Вы хорошо сражались, но мы оказались сильнее. Мы можем сейчас всех вас перебить, потом пойти в лес и запалить со ста концов. Всех пожаров вам не погасить. Возможно, кто-то из Первого Народа спасется, укрывшись в глухих уголках планеты, и будет вынашивать планы отмщения. Нам это ни к чему: лорд Фэйд готов отпустить вас, если вы согласитесь на мир. Это означает, что больше вы не будете подстраивать нам ловушки. Люди должны беспрепятственно посещать лес. В свою очередь, мы позволим вам свободно ходить по низинам. Впредь ни одна раса не будет притеснять другую. Что вы предпочитаете? Поголовное истребление или мирную жизнь?

Из сфинктеров Первого Народа уже не ползла фиолетовая пена.

— Мы выбираем мир.

— Тогда пусть не будет больше ос и жуков. Уничтожьте ловушки. И никогда их не ставьте.

— Мы согласны. Но мы хотим, чтобы нас пустили на мох.

— Хорошо. Унесите ваших погибших и раненых, выдерните стержни из пены.

Гейн Гусс повернулся к лорду Фэйду.

— Они выбирают мир.

Лорд Фэйд кивнул.

— Быть посему. — Он обратился к своим воинам: — Спрячьте оружие. Мы одержали великую победу. — Он с тоской посмотрел на Башню Фэйд, почти сплошь укрытую белой пеной. — Вряд ли нам хватит сотни бочек уксуса.

Гейн Гусс глядел в небо.

— Ваши союзники скачут во весь опор. Малефики сообщили им о победе.

Лорд Фэйд горько рассмеялся.

— Моим союзникам выпала нелегкая задача — очистить Башню Фэйд от пены.

На победном пиру в церемониальном зале Башни Фэйд лорд Фэйд весело крикнул сидевшему напротив Гейну Гуссу:

— А теперь, верховный малефик, пришло время поблагодарить твоего ученика, лентяя и недотепу Сэма Салазара.

— Он здесь, лорд Фэйд. Сэм Салазар, встань и достойно прими великие почести.

Сэм Салазар встал и поклонился.

Лорд Фэйд протянул ему чашу вина.

— Пей, Сэм Салазар, веселись. Надо отдать тебе должное — если бы не твои дурацкие опыты, мы бы все погибли. Мы благодарим тебя и пьем за твое здоровье. Надеюсь, теперь ты избавишься от своего легкомыслия, возьмешься за дело и хорошенько изучишь честный малефициум. Я верю, придет время и ты займешь пожизненную почетную должность в Башне Фэйд.

— Спасибо, — серьезно отозвался Сэм Салазар. — Однако я сомневаюсь, что мне суждено стать малефиком.

— Вот как? У тебя иные планы?

Сэм Салазар замялся, чуть покраснев, затем расправил плечи и произнес, как мог твердо и внятно:

— Я бы не хотел избавляться от того, что вы называете моим легкомыслием. Надеюсь, мне удастся привлечь на свою сторону молодежь.

— Легкомыслие всегда привлекательно, — сказал лорд Фэйд. — Конечно, найдутся и другие лентяи и недотепы... крестьянские недоросли, например.

Сэм Салазар упрямо возразил:

— Возможно, это легкомыслие принесет серьезные плоды. Древние, несомненно, были варварами. Они пользовались символами, чтобы контролировать явления, сущности которых не понимали. Мы — методичны и рациональны. Почему бы нам не систематизировать и не осмыслить древние чудеса?

— Верно, почему бы и нет? — Лорд Фэйд окинул взглядом зал. — Кто-нибудь способен ответить?

Все молчали. Айзек Командор что-то невнятно прошипел и отрицательно покачал головой.

— Возможно, мне самому никогда не удастся создать чудо, — сказал Сэм Салазар. — Наверное, это гораздо сложнее, чем кажется. Но я надеюсь, вы распорядитесь отвести мне мастерскую, где я и те, кто разделит мои взгляды, сможем начать. Верховный малефик Гейн Гусс уже обещал мне поддержку.

Лорд Фэйд поднял кубок.

— Хорошо, ученик Сэм Салазар. Сегодня ты не услышишь от меня отказа. Ты получишь все необходимое, и да сопутствует тебе удача. Кто знает, возможно, еще до конца своих дней я увижу созданное тобой чудо.

— Печальное решение! — прошипел Айзек Командор на ухо Гейну Гуссу. — Это знамение интеллектуальной анархии, деградации малефициума, проституции логики. Новизна всегда привлекает юных. Я уже вижу, как перешептываются возбужденные ученики и заклинатели. Печальна участь малефиков будущего! Как им теперь вселять демонов? С помощью рычагов, шестеренок и кнопок? Как насылать порчу? Скоро они выяснят, что проще раскроить жертве череп топором.

— Времена меняются, — сказал Гейн Гусс. — На Пенгборне теперь один правитель, и мы больше не

нужны Башням. Быть может, я найду себе занятие в мастерской Сэма Салазара.

— Незавидное будущее, — фыркнул Айзек Командор.

— Будущее многовариантно. Разумеется, иные из этих вариантов весьма незавидны.

Лорд Фэйд снова поднял кубок.

— За лучший из вариантов, Гейн Гусс. Как знать, возможно, Сэму Салазару удастся построить космический корабль, на котором мы вернемся домой.

— Как знать. — Гейн Гусс поднял кубок. — За лучший из вариантов!

СЫН ДРЕВА

1

Пронзительный звон вывел из гипнотического сна двести пассажиров. Джо Смит открыл глаза. Сначала возникло ощущение, будто он лежит в коконе. Стало страшно. Он напряг мускулы, рванулся — безуспешно.

Он попытался сосредоточиться, но после трех недель беспамятства это оказалось непросто. «Где я? На Балленкарче? Нет, рано. Балленкарч на краю звездного скопления, до него еще лететь и лететь. Должно быть, это Кайрил, планета друидов».

Послышалось тихое жужжание. Кокон, вернее спальный мешок на подвесной койке, распахнулся по магнитному шву. Джо ступил на палубу и, с трудом переставляя ватные ноги, добрался до перил, медленно спустился по пандусу к выходу из трюма.

Там стоял стол, за ним сидел серьезный темнокожий юноша в замшевой куртке и брюках из голубого плиофильма. Подняв на Джо огромные глаза, он попросил:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Джо Смит.

Юноша сделал пометку в списке и кивнул в сторону коридора, ведущего вниз.

— В первую дверь на процедуры.

Шагнув через порог, Джо оказался в небольшой комнате, наполненной запахом антисептика.

— Разденьтесь! — металлическим голосом приказала ему тощая, как жердь, женщина в облегающих брючках. По ее коричневой коже текли ручейки пота. Она нетерпеливо сдернула с него простыню, выданную корабельным кладовщиком, обернулась и нажала кнопку. — Закрыть глаза!

По телу хлестнули струи моющей жидкости. Температура и напор струй постепенно менялись, пробуждая мускулы. Приняв душ, Джо шагнул в поток

теплого воздуха, а когда обсох, женщина небрежным шлепком направила его в соседнюю комнату. Там он сбрил щетину, причесался и облачился в костюм и сандалии, оказавшиеся в камере доставки.

У выхода его остановил санитар, вонзил в бедро иглу и ввел под кожу целый набор вакцин, антитоксинов и стимуляторов мышечной деятельности. После этого ему позволили покинуть корабль и сойти по трапу на поверхность планеты Кайрил.

Он набрал полные легкие свежего воздуха и осмотрелся. Космопорт стоял в окружении полей и крошечных сельских домиков. Над головой синело усыпанное жемчугом облаков небо. Вдали, на горизонте, высилось дерево, похожее на огромный столб дыма. Верхушка скрывалась в облаках, но Джо не мог ошибиться. Перед ним стояло знаменитое Древо Жизни.

Целый час он прождал в небольшом здании со стеклянными стенами, пока таможенники проверяли его паспорт и множество удостоверений. Наконец его отпустили, и он направился к проходной в дальнем конце поля — белокаменному строению в стиле рококо, украшенному резным орнаментом и замысловатой лепниной.

Возле турникета стоял друид, безучастно наблюдавший за высадкой пассажиров. Он был высок, худощав, с красивым надменным лицом цвета слоновой кости, черными как смоль волосами и колючими темными глазами. На нем были блестящая кираса из покрытого эмалью металла и роскошная черная сутана, отороченная понизу золотым позументом; на голове сиял морион из тщательно подогнанных пластинок разных металлов.

Джо протянул визу сидевшему за турникетом чиновнику.

— Ваше имя? — спросил тот.

— Оно есть в визе.

Чиновник поморщился.

— Цель визита?

— Проездом, — коротко ответил Джо. Ему уже устраивали форменный допрос в здании со стеклянными стенами, пытаясь выяснить, с какой целью и по чьему поручению он прибыл на Кайрил.

Друид смерил его презрительным взглядом.

— Шпион мэнгов, не иначе, — с присвистом произнес он и отвернулся. Видимо, Джо чем-то заинтересовал его, и он повернулся снова. — Эй, ты!

Джо оглянулся.

— Да?

— Кто твой хозяин? На кого работаешь?

— Ни на кого. Я здесь по своим делам.

— Не юли! Все чужеземцы — шпионы. И ты не исключение. Не гневи меня, отвечай, кто тебя послал?

— Вынужден вас разочаровать, но я не шпион, — вежливо возразил Джо. — Единственная роскошь, которую может себе позволить бродяга, — это чувство собственного достоинства.

Тонкие губы друида растянулись в брезгливой улыбке.

— Что еще могло привести тебя на Кайрил?

— Личные дела.

— Ты похож на тюбанца. Как называется твоя родина?

— Земля.

Друид искоса взглянул на него, недоверчиво покачал головой и спросил, прищурившись:

— Дерзишь? Думаешь, я верю в сказку про рай для дураков?

Джо пожал плечами.

— Вы спросили, я ответил.

— Да, ответил — дерзко, с оскорбительной неучтивостью к моему сану.

В эту минуту к ним петушиной походкой приблизился низенький, толстый человек с лимонно-желтой кожей, большими простодушными глазами и хорошо развитыми челюстями. На нем был просторный плащ из плотного голубого бархата.

— *Землянин — на Кайриле?* — *Он уставился на* Джо. — Это вы, сударь?

— Вы угадали.

— Выходит, Земля все-таки существует?

— Существует.

Желтокожий человек повернулся к друиду.

— Ваша милость, это уже второй землянин, которого я встречаю. Очевидно...

— Второй? — перебил его Джо. — А кто первый?

Желтокожий возвел очи горе.

— Я забыл имя. Парри... Ларри... Барри...

— Гарри? Гарри Крис?

— Правильно. Он самый. Года два назад мне довелось с ним побеседовать здесь же, в порту. Весьма симпатичный молодой человек.

Друид круто повернулся и отошел. Проводив его равнодушным взглядом, толстяк обратился к Джо:

— Очевидно, вы здесь недавно?

— Только что прилетел.

— Позвольте дать вам совет: остерегайтесь друидов. Это несдержанный, недалекий и капризный народ. Они жуткие провинциалы и абсолютно уверены в том, что Кайрил занимает центральное положение во времени и пространстве. В присутствии друидов не следует распускать язык. Можно полюбопытствовать, каким ветром вас занесло?

— Дальнейший полет оказался мне не по карману.

— И что вы намерены предпринять?

Джо пожал плечами.

— Попытаюсь заработать денег.

Толстяк задумался на минуту, затем спросил:

— Какими способностями и навыками вы располагаете?

— Я неплохой механик, электрик, пилот. Могу вести научные исследования. Считайте меня инженером.

Желтокожий человек кивнул и задумчиво произнес:

— У друидов нет недостатка в дешевой рабочей силе. На планете много рабов-мирян.

Джо обвел взглядом стену, ограждающую порт.

— Глядя на это строение, не скажешь, что они знакомы с логарифмической линейкой.

На губах собеседника мелькнула улыбка.

— Между прочим, друиды — великие ксенофобы, в каждом госте им мерещится шпион.

Джо улыбнулся.

— Это я заметил. Первый встречный друид накинулся на меня с обвинениями. Назвал меня шпионом мэнгов, хотя доселе я о них и слыхом не слыхивал.

— Один из них перед вами. — Толстячок поклонился.

— Мэнг? Или шпион?

— И то и другое. Особого секрета здесь нет, это в порядке вещей. Каждый мэнг на Кайриле — шпион,

как, впрочем, и каждый друид на Мэнгтсе. Наши миры соперничают друг с другом, в данный момент в области экономики; и неприязнь между нами весьма велика. — Он потер подбородок. — Вам, значит, нужна хорошо оплачиваемая работа?

— Да. Но не шпионаж. Я не вмешиваюсь в политику. Жизнь и так коротка.

Мэнг сделал успокаивающий жест.

— Конечно, конечно. Как я сказал, друиды — неуравновешенные люди. И нечестные. Возможно, из этих слабостей мы сумеем извлечь выгоду. Предлагаю лететь со мной. Мне предстоит несколько дней погостить в Храме, и если мимоходом я похвастаюсь протоиерею своим новым механиком... — Он оборвал фразу и взял Джо за локоть. — Пойдемте.

Они прошли по сводчатой галерее к стоянке, и Джо увидел ряд аэромобилей. «Древний хлам», — первое, что пришло ему в голову.

Мэнг усадил его в самую большую машину и приказал пилоту:

— В Храм.

Машина взмыла и помчалась над серо-зеленой равниной. Сельский ландшафт производил отталкивающее впечатление, хотя земли здесь, похоже, были плодородны. Улицы и аллеи пестрели лужами, крошечные деревеньки жались друг к дружке, на полях виднелись группы крестьян по десять-двенадцать человек, тянущие за собой плуги. Картина не из веселых.

— Пять миллиардов крестьян, — произнес мэнг. — Два миллиона друидов. И одно Древо.

Джо хмыкнул в ответ. Мэнг погрузился в молчание. Внизу проплывали поля — прямоугольники, окрашенные в коричневые и зеленые тона. По краям полей — мириады конических хижин, а впереди, прямо по курсу — Древо. Оно выглядело темнее, выше, массивнее, чем было на самом деле. Среди чудовищных, голых корней перед ними вырос гигантский дворец. Машина пошла вниз, мелькнули причудливо переплетавшиеся друг с другом балконы и галереи, стены, облицованные ценными породами камня, замысловато украшенные колонны и водосточные трубы, роскошный парадный подъезд.

Машина опустилась на площадку перед зданием, смутно напомнившим Джо Версальский дворец. С фасада открывался вид на ухоженные парки с мозаичными дорожками, фонтанами и статуями. А за Храмом закрывало листвой полнеба Древо.

— Советую снять боковую панель и сделать вид, будто вы устраняете какую-нибудь неисправность, — сказал мэнг, выбираясь из машины. — А я тем временем попытаюсь устроить Вас на приличную работу.

— Похоже, вы всерьез решили заняться моей судьбой, хотя мы едва знакомы, — сказал Джо. — Вы филантроп?

— Вовсе нет. Понимаю, со стороны я кажусь чудаком, но поверьте: мои поступки совсем не бескорыстны. Попытаюсь объяснить на примере. Когда вам, механику, предстоит непривычная работа, вы берете как можно больше разных инструментов — на всякий случай. Так и я, выполняя порученное мне дело, стараюсь обзавестись знакомствами. У многих людей есть знания и навыки, которые могут мне пригодиться.

— Это окупается? — с улыбкой спросил Джо.

— Да. И кроме того, — напыщенно добавил толстячок, — благодарность — сама по себе награда. Принося людям пользу, всегда получаешь огромное удовлетворение. Но прошу вас, не думайте, что моя помощь вас к чему-то обяжет.

«Учту», — подумал Джо, но промолчал.

Толстяк направился к массивной парадной двери из узорной бронзы. Джо постоял возле машины, не спеша потянул панель. Она отошла, но ненамного — изнутри ее удерживали провода. Джо отсоединил их и снял панель.

Его глазам предстал удивительный механизм — детали притянуты шурупами к деревянным платам, те, в свою очередь, крепятся кусками проволоки к деревянному каркасу. Из дерева была и рама, в которой находился двигатель. Среди проводов ни одного, покрытого изоляцией.

Вспомнив, что на этой развалюхе он летел от самого космопорта, Джо покрылся холодным потом.

Пожалуй, совет желтокожего мэнга — покопаться в моторе — не был лишен смысла. Джо распутал провода, идущие от аккумулятора к двигателю, поменял полярность, подтянул ослабшие крепления.

На противоположном краю площадки опустился аэромобиль, из него выбралась девушка лет восемнадцати-девятнадцати, с узким, подвижным лицом. Глаза их встретились, но она быстро отвернулась и направилась к Храму.

Джо постоял, провожая взглядом стройную фигурку, спохватился и вернулся к работе. «Какая милашка!» — с восхищением подумал он и нахмурился, вспомнив о Маргарет. Маргарет — необычная девушка. Изящная блондинка с летящей походкой. Но себе на уме. Кто знает, что творится в ее душе, куда ему ни разу не удавалось заглянуть.

«Ты опоздал родиться на свет», — смеясь, сказала она, когда Джо поведал ей о своем замысле. С тех пор прошло два года, и не известно, ждет ли его Маргарет. Он рассчитывал улететь месяца на три, не более, но судьба распорядилась иначе, понесла его все дальше и дальше, с планеты на планету, в созвездие Единорога.

В сумрачной тундре Джемивьетты ему пришлось выращивать мох, чтобы заработать на билет третьего класса до Кайрила. «Маргарет, — подумал Джо, — надеюсь, ты заслуживаешь такого путешествия». Он оглянулся. Девушка-друид вбегала в парадную дверь Храма.

— Как ты смеешь! — закричал кто-то над ухом. — Кто тебе позволил потрошить машину?! Да за это тебя убить мало!

Это был пилот аэромобиля, на котором прилетела девушка, здоровяк с физиономией, похожей на свиное рыло. Джо был тертый калач и знал — с такими типами лучше не связываться. Промолчав, он вновь погрузился в изучение внутренностей летательного аппарата. Было чему удивляться: три конденсатора, соединенных в цепь, вывалились из гнезд и свободно покачивались на проводах. Джо вставил в гнездо средний конденсатор, затем оба крайних.

— Эй, ты! — возмутился пилот. — Не смей совать корявые лапы в тонкий механизм.

Это было уже слишком. Джо поднял голову.

— Тонкий механизм?! Не понимаю, как этот мусорный ящик вообще летает.

Свиное рыло исказила гримаса бешенства. Пилот сделал шаг вперед, но остановился, заметив, что к ним приближается друид — рослый, краснолицый, с густыми бровями. Его нос походил на маленький ястребиный клюв, а рот — на тире, заключенное в скобки. Одет он был в просторную сутану цвета киновари с капюшоном, отороченным пышным черным мехом. Такая же оторочка шла по низу сутаны. На голове поверх капюшона сверкал морион из черных и зеленых пластин, с шишаком, покрытым красной и черной эмалью.

— Борандино!

Пилот подобострастно согнулся.

— Да, ваша милость!

— Поставь кельт под навес.

Друид остановился перед Джо, посмотрел на груду выброшенного из машины хлама, и его лицо налилось кровью.

— Что ты сделал с моей лучшей машиной?

— Выкинул лишнее барахло.

— Этот аппарат обслуживает самый опытный на Кайриле механик!

— Я бы не назвал его опытным. Впрочем, могу запихать мусор обратно. Машина не моя.

— Ты хочешь сказать, что теперь, когда в машине почти не осталось деталей, она будет летать?

— И лучше, чем прежде.

Друид оглядел его с головы до ног. Джо уже догадался, что имеет дело с самим протоиереем. На лице друида появилось вороватое выражение, и он бросил взгляд на Храм.

— Ты на службе у Хаблъята, верно?

— У мэнга? Да, пожалуй.

— Ты не мэнг. Кто ты?

Джо вспомнил инцидент с друидом в порту.

— Я тюбанец.

— А! И сколько тебе платит Хаблъят?

Джо пожалел, что ничего не знает о местном денежном курсе.

— Ну, сколько? Тридцать колоколен в неделю? Сорок?

— Пятьдесят.

— Я дам восемьдесят. Будешь у меня главным механиком.

Джо кивнул.

— Годится.

— К обязанностям приступаешь с этой минуты. Хаблъяту я сообщу. Ты не должен больше разговаривать с этим террористом. Ты теперь слуга протоиерея.

— Слушаюсь, ваша милость, — поклонился Джо.

2

Прозвенел звонок.

— Гараж! — отозвался Джо, бросая ключ на верстак. Из динамика над его головой зазвучал голос девушки, властной и своевольной жрицы Ильфейн, младшей дочери протоиерея. Она явно нервничала, чего прежде Джо за ней не замечал.

— Пилот, слушай внимательно и в точности исполни мою волю.

— Да, ваша милость.

— Возьми черный кельт и подведи к моим апартаментам на третьем этаже. Будешь осторожен — получишь награду. Понял?

— Да, ваша милость, — ответил Джо бесстрастным голосом.

— Поторопись.

«К чему такая спешка и скрытность? — думал Джо, натягивая ливрею. — Кража? Или любовная интрижка? Ильфейн слишком молода... Впрочем, не слишком». Ему уже приходилось выполнять подобные поручения ее сестер, Изейн и Федран. Джо пожал плечами. Оставалось надеяться, что ему и впрямь перепадет сотня колоколен, а то и больше.

Он грустно улыбался, выводя черный кельт из-под навеса. Брать чаевые у восемнадцатилетней девчонки, да еще и радоваться этому! Когда-нибудь, вернувшись на Землю к Маргарет, можно будет вспомнить о

гордости и достоинстве. А сейчас эти чувства только мешают.

Деньги есть деньги. Без них он не смог бы пересечь целую, галактику. Без них Балленкарч не оказался бы, наконец, совсем рядом. По ночам, когда гасли прожекторы на крыше Храма, он видел солнце Баллен — яркую звезду в созвездии, которое друиды называли Порфирит. Последний перелет в трюме под гипнозом обошелся Джо в две тысячи колоколен.

Из получаемых раз в неделю восьмидесяти колоколен он мог откладывать семьдесят пять. Три недели прошли, до отлета на Балленкарч их осталось двадцать четыре. Слишком большой срок для Маргарет, светловолосой легкомысленной красотки, которая ждет его на Земле.

Кельт круто взмыл вверх и пронесся вдоль ствола Древа к третьему этажу Храма. А Джо казалось, будто он и вовсе не отрывался от земли — таким высоким было Древо. С того дня, как Джо поселился в его тени, его не покидали страх и благоговение.

Ствол Древа — могучая, каждой клеткой дышащая колонна — достигал в диаметре пяти миль. Корни — «кормильцы» на языке друидов — уходили на двенадцать миль в глубь планеты. Каждый сук был толщиной с Храм. Крона подпирала небеса и нависала над стволом, как соломенная крыша над стогом сена. Ярко-желтые на макушке, трехфутовые листья книзу сменялись зелеными, розовыми, алыми и черными с синеватым отливом. Древо было властелином горизонта, оно раздвигало плечами облака и носило в уборе громы и молнии, словно елочную гирлянду. Это была душа планеты, царица планеты, все попирающая и подавляющая неколебимость, и Джо хорошо понимал, почему первопоселенцы Кайрила обожествили Древо.

Вот и третий этаж. Теперь вниз, к площадке перед апартаментами жрицы Ильфейн. Джо посадил машину, выпрыгнул и пошел по плиткам, инкрустированным золотом и слоновой костью.

Из-за двери выскользнула Ильфейн, нежное создание со смуглым, узким, как у птицы, лицом. Она была босиком, в простеньком белом платье. Джо посмотрел

на девушку с интересом — раньше он видел ее только в дорогих нарядах.

— Входи, — приказала Ильфейн. — Быстрее.

Она отодвинула дверь, и Джо вошел в богато обставленную комнату с высоким потолком. Две стены украшала мозаика из белых мраморных и темно-синих дюмортьеритовых плит, окаймленных полосками меди с орнаментом в виде экзотических птиц. На третьей стене висел гобелен с изображением девушек, сбегающих по травянистому склону. У этой стены стоял длинный диван с подушками, а на нем сидел человек в голубой с красно-черным позументом рясе эклисиарха. Рядом на диване лежал морион с золотыми листьями, а на поясе незнакомца висел жезл, вырезанный из священного дерева. На Кайриле такие жезлы носили только священнослужители. Эклисиарх был сухощав, но широкоплеч, с резкими чертами лица. Джо впервые видел такое лицо — длинное, с непропорционально широкими скулами и узким подбородком. Высокий лоб, длинный, прямой нос, впалые щеки, плоские, темные кружочки глаз в глубине узких впадин, густые брови, черные завитки волос. Лицо умного, жестокого, пресыщенного и хитрого существа. Иными словами, дикого зверя, случайно принявшего человеческий облик.

Некоторое время Джо напряженно, с растущей неприязнью вглядывался в это лицо, затем опустил глаза к ногам священника. На полу лежал труп — скорченный, окостеневший, страшный — и малиновое покрывало на нем было перепачкано желтой кровью.

— Это труп посла с Мэнгтса, — объяснила ему Ильфейн. — Вернее, шпиона, скрывавшегося под маской посла. Кто-то его здесь прикончил или притащил сюда уже мертвого. Я знаю, ты надежный слуга. Никому не рассказывай, что видел. Мы заключили с правительством мэнгов несколько деликатных соглашений, и подобный инцидент может привести к несчастью. Ты меня понимаешь?

— Я исполню любое ваше желание, ваша милость. С разрешения протоиерея.

— Протоиерей слишком занят, незачем его беспокоить, — раздраженно возразила Ильфейн. — Экли-

сиарх Манаоло поможет тебе перенести труп в кельт. Потом мы отвезем его и сбросим в океан.

— Я подгоню машину поближе, — произнес Джо бесцветным тоном.

Манаоло встал и направился вслед за ним к выходу. Джо услышал его шепот:

— Нам будет тесно в маленькой кабине.

— Это единственная машина, которой я умею управлять, — сердито ответила Ильфейн.

Подводя кельт к двери, Джо задумался над ее словами. Единственная машина, которой она умеет управлять... Он бросил взгляд на стену соседнего крыла Храма. Футах в пятидесяти, точно на такой же площадке, стоял, заложив руки за спину и улыбаясь, человек в голубом плаще.

Джо вернулся в комнату.

— На противоположном балконе мэнг.

— Хаблъят! — вскричал Манаоло. Друид бросился к двери и осторожно выглянул наружу. — Он не мог ничего заметить!

— Хаблъят замечает все, — мрачно произнесла Ильфейн. — Порой мне кажется, что у него глаза на затылке.

Джо опустился на колени возле трупа. Из открытого рта мертвеца высовывался кончик оранжевого языка. На боку висел тугой кошелек. Джо развязал стягивающий его шнурок.

— Ну что ж, пусть он возьмет свое, — с презрением бросила Ильфейн.

Брезгливое снисхождение в голосе девушки заставило его покраснеть до корней волос. Но деньги, как говорится, не пахнут. С какой стати он должен от них отказываться? Запустив руку в кошелек, он извлек толстую пачку банкнот. Ого! По меньшей мере сотня десяток. Кроме денег, в кошельке оказалось маленькое оружие. Прежде Джо такого оружия не видел, и как оно действует, не знал, но на всякий случай сунул за пазуху, потом закутал мертвеца в малиновое покрывало и, поднявшись, взял за запястья. Манаоло ухватился за лодыжки. Ильфейн выглянула за дверь.

— Он ушел! Быстрее!

Через пять секунд труп лежал на заднем сиденье кельта.

— Пойдем со мной, — сказала Ильфейн.

Джо не хотел показывать Манаоло спину, но все же повернулся и последовал за жрицей. Она привела его в комнату, где находился гардероб, и указала на два саквояжа.

— Возьми, отнеси в кельт.

Дорожный багаж, подумал Джо. Краем глаза он заметил, что Хаблъят снова показался на балконе. Уложив саквояжи в кабину, Джо возвратился в комнату.

Ильфейн уже переоделась в наряд простолюдинки — темно-синее платье, подчеркивающее ее фигурку эльфини, и сандалии. Джо опустил глаза. Пожалуй, Маргарет вела бы себя в обществе покойника не столь непринужденно.

— Кельт готов, ваша милость, — доложил он.

— Поведешь ты, — сказала Ильфейн. — Подними нас до пятого этажа и сворачивай на юг, к заливу.

Джо покачал головой.

— Я механик, а не пилот. И везти вас не собираюсь.

Казалось, его слова провалились в пустоту. Затем Ильфейн и Манаоло разом повернули к нему головы. Ильфейн была удивлена, но недоумение тотчас уступило место решительности.

— Выходи. Поведешь ты, — повторила она резким тоном, каким повторяют приказ непонятливому слуге.

Джо медленно сунул руку за пазуху, где покоилось маленькое оружие посла. Лицо Манаоло осталось неподвижным, лишь дрогнули ресницы. Но Джо не сомневался, что друид встревожен.

— Я вас не повезу, — повторил Джо. — Вы и без моей помощи легко избавитесь от трупа. Не знаю, куда и зачем вы собрались, но мне с вами не по пути.

— Я приказываю! — крикнула Ильфейн. Это было безумно, фантастично — ей осмелились перечить.

Джо покачал головой, внимательно следя за каждым движением девушки и друида.

— Мне очень жаль.

— Тогда убей его! — обратилась жрица к Манао-

ло. — Уж его-то труп не вызовет никаких осложнений!

Манаоло грустно улыбнулся.

— Боюсь, это не так просто. У него пистолет. Он не желает умирать и будет сопротивляться.

Ильфейн фыркнула.

— Это просто смешно!

Джо вытащил пистолет. Девушка испуганно отшатнулась.

— Очень хорошо, — глухо произнесла она. — Я готова заплатить за молчание. Это тебя устраивает?

— Вполне. — Джо криво улыбнулся, подумав, что сейчас не время строить из себя благородного. Одного благородства не хватило, чтобы осчастливить Маргарет... Совершенно ясно — жрица решила удрать со своим надменным и грозным Манаоло. Да и кто захочет женщину, к которой прикоснулся этот человек?

— Сколько? — равнодушно спросил Манаоло.

Джо быстро прикинул в уме. В его комнате лежало двести колоколен, еще тысячу он взял из кошелька убитого посла. Нечего скромничать, решил он, пусть будет побольше.

— Пять тысяч колоколен, и я забуду все, что видел и слышал сегодня.

Похоже, цифра не показалась им чрезмерной. Манаоло извлек бумажник, вынул пачку банкнот и бросил на пол.

— На, забирай.

Не оглядываясь, Ильфейн выбежала на площадку и забралась в аэромобиль. Манаоло последовал за ней.

Кельт умчался в безоблачное небо Кайрила. Джо остался один в комнате с высоким потолком.

Он поднял с пола деньги. Пять тысяч колоколен! Подойдя к окну, Джо проводил машину взглядом, пока та не превратилась в черную точку. К горлу подкатил комок. Все-таки Ильфейн — чудесное создание. На Земле он бы в нее влюбился, если бы, конечно, не Маргарет. Но здесь, на Кайриле, Землю считали вымыслом. А Маргарет — нежная, стройная, светлая, как поле с нарциссами, — ждала его возвращения. По крайней мере, знала, что он в это верит. «Слово Маргарет, — с горечью подумал Джо, — не

всегда подтверждается делом. Проклятый Гарри Крис!»

Он спохватился: в любую минуту в комнату может войти кто-нибудь из обитателей Храма. И тогда поди объясни, что его сюда привело.

Он решил вернуться в гараж, шагнул к двери... и застыл на месте. Дверь медленно отодвигалась. У него бешено забилось сердце, на лбу выступил пот. Джо поспешил спрятаться за гобеленом.

Дверь с визгом отъехала в сторону. В комнату вошел невысокий, полный человек в голубом бархатном плаще. Хаблъят.

3

Окинув комнату взглядом, Хаблъят печально покачал головой.

— Плохо дело! Слишком большой риск.

Джо, затаивший дыхание возле стены, не мог с ним не согласиться. Хаблъят сделал еще два шага вперед, всматриваясь себе под ноги.

— Неаккуратно. Осталось много крови. — Он поднял глаза, словно чутьем угадав местонахождение Джо. — Но вам надо держать себя в руках. Да-да. Держать себя в руках, — повторил он. Еще секунда — и он увидел Джо. — Судя по всему, вам заплатили за молчание. Просто чудо, что вы живы.

— Меня вызвала жрица Ильфейн, — сухо сказал Джо. — Хотела, чтобы я вел кельт. Но я отказался. К тому, что тут произошло, я не имею никакого отношения.

Хаблъят с задумчивым видом покачал головой.

— Если друиды застанут вас здесь, то допросят под пытками, а потом убьют, чтобы избавиться от свидетеля.

Джо облизал губы.

— Думаете... они попытаются скрыть убийство посла?

Хаблъят кивнул.

— Несомненно. Я представляю здесь власть и богатство Мэнгтса, так называемую фракцию Голубой Воды. Импоинг принадлежал к Красной Ветви. Сто-

ронники этой фракции следуют иным философским установкам, нежели мы.

Джо пришла в голову страшная мысль, и он никак не мог от нее избавиться. От Хаблъята не укрылись его подозрения. Рот мэнга — короткая красная трещина между желтыми скулами — скривился в улыбке.

— Совершенно верно. Его убил я. Поверьте, это было необходимо. Иначе он зарезал бы Манаоло, которому поручена очень важная миссия. А это было бы трагедией.

Мысли метались в мозгу Джо, словно косяк рыбы, угодивший в сети. Как будто Хаблъят разложил перед ним на прилавке множество броских товаров и теперь ждал, какой он сделает выбор.

— Для чего вы мне это рассказываете? — осторожно спросил Джо.

Хаблъят пожал пухлыми плечами.

— Кем бы вы ни были, вы не просто механик.

— Ошибаетесь.

— Кто вы и что вы, еще не установлено. Времена нынче сложные, многие правительства и люди ставят перед собой противоречивые цели, и потому происхождение и намерения каждого человека следует узнавать как можно подробнее. Мне удалось проследить ваш путь от девятой планеты Тюбана, где вы читали лекции по машиностроению в Технологическом институте. Оттуда вы отправились на Ардемизию, затем на Панаполь, затем на Розалинду, затем на Джемивьетту и, наконец, на Кайрил. На каждой планете вы задерживались только для того, чтобы заработать на оплату следующего перелета. Это стало стереотипом, а где стереотип, там и план. Где план, там и цель, а если есть цель, есть и тот, кому она выгодна. Это значит, кто-то окажется в проигрыше. Вам, похоже, немного не по себе? Опасаетесь разоблачения? Я угадал?

— Мне не хочется стать покойником.

— Давайте перейдем в мои апартаменты. Это рядом. Там можно спокойно побеседовать. Я всегда ухожу из этой комнаты, испытывая благодарность судьбе за то, что...

Его речь оборвал стук. Мэнг бросился к окну,

посмотрел вверх, вниз. От окна перебежал к двери, прислушался.

— Отойдите, — приказал он.

Стук повторился — тяжелые удары кулака в дверь. Хаблъят глубоко, с присвистом, вздохнул. Послышался скрип. Дверь отъехала в сторону.

В комнату ворвался высокий человек с широким лицом и маленьким, похожим на клюв, носом. Он был одет в долгополую белую сутану, поверх капюшона поблескивал зелено-черно-золотистый морион. Хаблъят вдруг оказался у него за спиной, применил сложный прием — захват предплечья, подсечка, выкручивание запястья — и друид ничком полетел на пол.

У Джо перехватило дыхание.

— Это же сам протоиерей! Нас освежуют...

— Идем, — произнес Хаблъят все тем же будничнодобродушным тоном. Они быстро прошли по коридору, и Хаблъят отворил дверь в свои апартаменты. — Сюда.

Покои Хаблъята оказались просторней, чем келья жрицы Ильфейн. В гостиной возвышался прямоугольный длинный стол, вырезанный из цельного куска темного дерева, с узором из медных листьев на полированной поверхности. Возле двери неподвижно сидели на полу двое солдат-мэнгов, невысоких, коренастых, с грубыми чертами лица. Хаблъят прошел мимо, не обратив на них внимания. Заметив удивление Джо, он оглянулся на них и пояснил:

— Гипноз. Когда я в комнате и когда комната пуста, они не двигаются.

Сознавая, что здесь его присутствие может вызвать не меньше подозрений, чем в келье жрицы, Джо нехотя последовал за ним. Хаблъят с кряхтеньем уселся в кресло и указал на другое. Джо уже сомневался, что ему удастся выбраться из лабиринта интриг, но подчинился. Растопырив на столе пухлые пальцы, Хаблъят устремил на гостя невинный взгляд.

— Похоже, вы впутались в неприятную историю, мистер Смит.

— Отчего же? — произнес Джо, тщетно пытаясь собраться с духом. — Я могу пойти к протоиерею, рассказать все, как было, и дело с концом.

У Хаблъята задергались щеки — он пытался сдержать смех. Мэнг раскрыл беличий рот:

— А после?

Джо не ответил. Хаблъят постучал ладошкой по столу.

— Мой юный друг, вы еще мало знакомы с психологией друидов. Для них убийство — это выход из почти любой ситуации. Как только вы расскажете им свою историю, вас убьют. Хотя бы потому, что не найдут убедительных причин не убивать. — Хаблъят рассеянно приглаживал усики желтым ногтем и говорил так, словно размышлял вслух. — Иногда самые нелепые общественные структуры оказываются вполне целесообразными. Управление планетой Кайрил замечательно своей простотой. Единственное предназначение пяти миллиардов мирян — холить и лелеять два миллиона друидов и одно Древо. И система функционирует, она обеспечивает воспроизводство населения, что доказывает ее жизнеспособность. Кайрил — уродливое олицетворение религиозного фанатизма. Миряне, друиды, Древо. Миряне трудятся, друиды вершат обряды, Древо незыблемо и свято. Удивительно: из одной и той же протоплазмы природа лепит и олухов-мирян, и спесивых друидов.

Джо беспокойно пошевелился в кресле.

— А причем тут я?

— Я всего лишь хочу подчеркнуть, — мягко произнес Хаблъят, — что там, где каждый плюет на всех, кроме себя самого, ваша жизнь не стоит ломаного гроша. Что для друида жизнь человеческая? На изготовление вот этого стола ушел век десяти тружеников. Мраморные плиты на стенах подогнаны вручную. Цена? Друидам на нее наплевать. Труд не оплачивается, с интересами работников никто не считается. Откуда поступает в Храм электроэнергия, как вы думаете? Из подвалов, где установлены генераторы с ручным приводом. Вся жизнь мирян отдана Древу — за смирение и усердие в труде Древо приютит их бедные души. Так друиды оправдывают свой государственный строй перед другими планетами и собственной совестью. Мирянам дано немногое. Унция муки в день, унция рыбы, миска овощей — только чтобы с голоду не умирали. Они не знают ни брачных

церемоний, ни семейных отношений, ни традиций. У них даже фольклора нет. Это просто рабочая скотина. И размножаются они без любви и страсти.

Общество друидов монолитно. Их лозунг прост: уничтожь все партии, и не будет никакой политической борьбы. Вот и маячит над планетой Древо Жизни, самая великая надежда на вечное существование, какую только знала история Галактики.

Джо оглянулся на неподвижных солдат, затем его взгляд скользнул влево, по большому оранжевому ковру, за окно. Хаблъят наблюдал за ним, насмешливо поджав губы.

— Зачем вы меня здесь держите? — спросил Джо. — Что вам надо?

Хаблъят укоризненно покачал головой.

— У меня нет намерения вас удерживать. Вы вольны уйти в любую минуту.

— Для чего же вы привели меня сюда?

Хаблъят пожал плечами.

— Из чистого альтруизма, пожалуй. Если вернетесь к себе, вас наверняка убьют.

Джо откинулся на спинку кресла.

— Ну, это вовсе не обязательно.

Хаблъят отрицательно покачал головой.

— Боюсь, это так. Сами подумайте: уже известно, или скоро станет известно, что вы подняли на третий этаж кельт, на котором улетели Манаоло и жрица Ильфейн. Войдя в покои дочери, случайно или по чьему-то наущению, протоиерей подвергся нападению. А вскоре после этого пилот возвратился в свою комнату.

Он замолчал, многозначительно подняв пухлую ладошку.

— Ладно, — сказал Джо. — Что у вас на уме?

Хаблъят постучал ногтем по столу.

— Сейчас сложные времена. Сложные. Видите ли, — добавил он доверительно, — на Кайриле развелось слишком много друидов.

— Много? — удивился Джо. — Их всего два миллиона.

Хаблъят усмехнулся.

— Но пяти миллиардов рабов уже недостаточно, чтобы обеспечить им безбедное существование. Вы

должны понимать — эти бедняги, миряне, не заинтересованы в производстве. Они заинтересованы лишь в одном: побыстрее пройти по жизни и стать листом на ветви Древа. Перед друидами неожиданно встала дилемма. Чтобы увеличить выпуск промышленных товаров, они должны усовершенствовать технологию и повысить уровень образования, а следовательно, позволить мирянам открыть, что в жизни немало приятного, к чему стоит стремиться. Либо искать другой выход. Как раз с этой целью они подключились к торговым операциям промышленного банка на Балленкарче. Само собой, и мы, мэнги, не можем остаться в стороне, поскольку планы друидов угрожают нашему благополучию.

— А почему я не могу остаться в стороне? — устало спросил Джо.

— Будучи эмиссаром высокого ранга, я обязан отстаивать интересы своего мира, — сказал Хаблъят. — Я постоянно нуждаюсь в информации. Мне известен ваш путь от одной из планет далекого солнца Тюбан. Но откуда вы родом — мы не знаем, хотя заинтересовались вами еще за месяц до того, как вы здесь появились.

Джо раздраженно возразил:

— Вы знаете, откуда я родом. Я еще в порту сказал. С планеты Земля. И вы говорили, что встречались с другим землянином, Гарри Крисом.

— Совершенно верно, — кивнул Хаблъят. — Название «Земля» очень удобно для сохранения инкогнито. Как вашего, так и Гарри Криса. — Он лукаво посмотрел на Джо.

Джо тяжело вздохнул.

— Вы знаете о Гарри Крисе гораздо больше, чем говорите.

— Разумеется. Мне необходимо знать очень многое. Но разве Земля, которую вы называете своей родиной, — не выдумка?

— Смею вас заверить, — с мрачной иронией ответил Джо. — Ваш народ нашел себе такое далекое звездное облачко, что забыл о существовании целой Вселенной.

Хаблъят кивал, барабаня пальцами по столу.

— Интересно, интересно. Ваши слова придают совершенно новое звучание нашей беседе.

— Меня не интересует звучание, — раздраженно бросил Джо, — ни старое, ни новое. Мои дела, чего бы они ни касались — это мои личные дела. Не желаю участвовать в том, что здесь происходит.

Раздался громкий стук в дверь. Хаблъят вскочил, на его лице появилась довольная ухмылка. «Ждал», — догадался Джо.

— Повторяю, — сказал Хаблъят, — у вас нет выбора. Хотите жить?

— Разумеется, хочу!

Стук повторился, и Джо привстал.

— Тогда соглашайтесь со всем, что я скажу, как бы нелепо это ни звучало. Понятно?

— Да, — покорился Джо.

Хаблъят резко выкрикнул какое-то слово. Словно заводные человечки, солдаты вскочили на ноги.

— Открыть дверь!

Дверь ушла в стену. В проеме стоял разъяренный протоиерей. Из-за его спины в комнату заглядывали друиды. Их было не меньше полдюжины, в сутанах разных цветов — дьяки, ризничие, иеромонахи.

С Хаблъятом произошла разительная перемена. В движениях появилась решительность, в то же время благодушие на лице сменилось чуть ли не подобострастием. Он кинулся навстречу протоиерею с таким видом, будто визит высокопоставленного лица привел его в неописуемый восторг.

Протоиерей возвышался в дверях, как гора. Его взгляд скользнул по двум солдатам и остановился на Джо. Друид указал на него пальцем и напыщенно произнес:

— Вот этот человек! Убийца и мерзавец! Хватайте его! Не пройдет и часа, как мы насладимся его смертными муками!

Друиды разом шагнули вперед. Джо схватился за пистолет, но воины Хаблъята молниеносно загородили жрецам дорогу.

Одетый в коричнево-зеленую рясу друид с горящими глазами столкнулся с солдатами и попытался их раздвинуть. Голубая вспышка, треск, сдавленный крик — и друид отскочил.

— Они бьют током! — крикнул он, дрожа.

Хаблъят — само недоумение — шагнул вперед.

— Ваша милость, в чем дело?

Выражение лица протоиерея было до крайности презрительным.

— В сторону, мэнг! Убери своих электрических угрей! Мне нужен этот человек!

— Но, ваша милость! — вскричал Хаблъят. — Ваша милость, вы пугаете меня! Возможно ли, чтобы мои служащие совершали преступления?

— Твои служащие?

— Ваша милость, разумеется, в курсе, что в целях проведения реалистичной политики мое правительство нанимает на дружественных планетах некоторое количество неофициальных наблюдателей.

— Шпиков-головорезов! — взревел протоиерей.

Хаблъят помял пальцами подбородок.

— Ваша милость, я не питаю иллюзий, что на Мэнгтсе самоликвидируются агенты друидов. Так что натворил мой слуга?

Протоиерей по-бычьи наклонил голову.

— Я скажу тебе, что он натворил. Прикончил одного из ваших же людей! Мэнга! В келье моей дочери весь пол перепачкан желтой кровью. А где кровь, там и смерть!

— Ваша милость! — воскликнул Хаблъят. — Это очень важное известие! Так кто же погиб?

— Откуда мне знать? Достаточно того, что произошло убийство, а этот...

— Но, ваша милость! Этот человек весь день провел на моих глазах! Ваша новость очень тревожна. Она означает, что совершено покушение на представителя моего правительства. Боюсь, в Латбоне начнется переполох. Где вы обнаружили кровь? В келье дочери, жрицы? А где она сама? Возможно, она сможет пролить свет...

— Я не знаю, где она. — Протоиерей повернулся, ткнул пальцем в грудь одного из друидов. — Аламайна, разыщи Ильфейн. Я желаю с ней поговорить. — Затем — Хаблъяту: — Следует ли понимать это так, что вы берете негодяя под свою защиту?

Хаблъят вежливо произнес:

— Офицеры Департамента охраны будут рады гарантировать неприкосновенность представителей вашей милости на Мэнгтсе.

Протоиерей повернулся на каблуках и удалился вместе со своей свитой.

— Выходит, я теперь шпион мэнгов? — спросил Джо.

— Почему вы так решили?

Джо устало опустился в кресло.

— По ряду причин у меня возникло подозрение, что вы решили зачислить меня в свой штат, — язвительно ответил он.

Хаблъят протестующе помахал рукой:

— Ну что вы!

Джо несколько секунд разглядывал его, затем произнес:

— Вы прикончили своего соотечественника, сбили протоиерея с ног в келье его дочери — и вдруг оказывается, что ко всему этому я имею самое прямое отношение. Разве не налицо заранее подготовленный план?

— Ну-ну... — пробормотал мэнг.

— Могу ли я и далее рассчитывать на вашу порядочность? — вежливо спросил Джо.

— Безусловно. Во всех отношениях. — Хаблъят был крайне любезен.

Тогда Джо нагло и без всякой надежды на успех потребовал:

— Отвезите меня в космопорт. Помогите сесть на пакетбот, улетающий сегодня на Балленкарч.

Хаблъят кивнул, задумчиво наморщив лоб.

— Весьма резонная просьба, и сделана в такой форме, что я не могу отказать. Вы готовы лететь?

— Да, — сказал Джо. — Готов.

— И располагаете необходимой суммой?

— Жрица Ильфейн и Манаоло дали мне пять тысяч колоколен.

— Ха! Похоже, они не на шутку испугались.

— Это было заметно.

Хаблъят скользнул по нему цепким взглядом.

— Я чувствую в вашем голосе неприязнь.

— Да, друид Манаоло вызывает у меня отвращение.

— Ха! — Мэнг подмигнул ему. — А жрица Ильфейн, надо полагать, сумела внушить вам совсем иные чувства? Ах, молодость! Если бы я смог вернуть юность, как бы я наслаждался!

— В мои планы на будущее не входят ни Манаоло, ни Ильфейн, — отчетливо произнес Джо.

— Нельзя загадывать наперед, — наставительно сказал Хаблъят. — Ну а сейчас — в порт.

4

Джо не заметил, чтобы Хаблъят, безмолвно сидевший в кресле, подал какой-нибудь сигнал. Но не прошло и трех минут, как за дверью опустился тяжелый бронированный аэромобиль. Заинтересованный, Джо подошел к выходу. Солнце уже садилось, и косые лучи, падая на каменные стены, создавали путаницу теней, в которой мог прятаться кто угодно.

Внизу находились гараж и его комната. Ничего ценного в ней не оставалось, если не считать двухсот колоколен, сбереженных из жалованья. А впереди стояло Древо — невероятное, чудовищное; его очертания расплывались, хотя до него было не больше мили. Над Храмом нависали, медленно покачиваясь на ветру, несколько покрытых листвой ветвей.

Хаблъят подошел и встал рядом.

— Все растет и растет. Когда-нибудь ствол или корни не выдержат. Древо рухнет на землю, и от удара содрогнется вся планета. Гибель Древа будет означать гибель друидов. — Он внимательно осмотрел стены Храма. — А теперь поспешим. Только в машине можно не бояться снайперов.

Джо еще раз пристально вгляделся в тени и вышел на балкон. Никто не попался ему на глаза, но на пути к машине он казался себе голым и беззащитным, по коже бегали мурашки. Наконец он влез в аэромобиль, и тот слегка опустился под его тяжестью. За спиной усаживался Хаблъят.

— Джулиам, мы улетаем, — обратился Хаблъят к пилоту, старому мэнгу с печальными глазами, морщинистым лицом и когда-то каштановыми, а ныне пегими волосами. — Вези нас в порт. Если не ошибаюсь,

«Бельзаурон», летящий на Балленкарч через Перекресток, стартует с четвертой площадки.

Джулиам выжал педаль взлета. Машина рванулась вверх и в сторону. Храм остался внизу, а Древо позади. Вскоре они вылетели из-под серых от пыли нижних ветвей.

Обычно небо Кайрила было затянуто дымкой, но сегодня Джо совершенно отчетливо видел низко висящее солнце. Некоторое время они летели над беспорядочным нагромождением дворцов, контор, приземистых складов Священного Града, затем перед ними открылся сельский пейзаж — убегающие вдаль поля и пятнышки ферм.

Все дороги на планете вели к Древу; по ним брели мужчины и женщины в лохмотьях — миряне, паломники. Раза два Джо случалось видеть, как паломники входят в Священное Дупло — трещину между двумя изогнутыми корнями. Крохотные, как муравьи, они боязливо топтались на месте, пытаясь различить что-то в сером мраке, и исчезали в Дупле. Каждый день со всех концов Кайрила приходили тысячи старых и малых пилигримов — изнуренных темноглазых людей, свято верящих в Древо, которое подарит им покой.

Машина летела над ровной площадкой с множеством миниатюрных черных капсул. В углу площадки толпились полуголые люди. Они прыгали, приседали и размахивали руками — занимались гимнастикой.

— Под нами военный космический флот друидов, — пояснил Хаблъят. Джо почудился сарказм в его голосе. Он оглянулся, но лицо мэнга оставалось бесстрастным. — Эти машины вполне пригодны для обороны Кайрила, а точнее, Древа. Каждый пилот мечтает сразиться с врагами друидов, которым вздумалось бы уничтожить Древо, святыню туземцев. Для этого вражеской флотилии необходимо подойти к планете на сто тысяч миль, иначе бомбардировка бессмысленна. Друиды могут управлять капсулами на дистанции нескольких миллионов миль. Они примитивны, эти кораблики, но очень быстры и увертливы. На каждом установлена боеголовка, а в кабине сидит пилот-смертник.

Выслушав его, Джо спросил:

— А строят эти капсулы здесь? На Кайриле?

— Они очень просты, — с плохо скрываемым презрением ответил Хаблъят. — Корпус, двигатель, резервуар с кислородом. Летчики-миряне привыкли обходиться без особых удобств. Зато этих крохотных капсул великое множество. Не удивляйтесь. Труд здесь не оплачивается, понятия «стоимость» не существует. Думаю, аппаратуру управления, как и боевое оснащение, друиды импортируют с Двуземелья. Но корпуса изготовляют здесь, на Кайриле, вручную.

Поле с боевыми корабликами осталось позади, а впереди возникла тридцатифутовая стена, ограждающая порт. Изнутри к одной из сторон прямоугольного периметра примыкало длинное стеклянное здание вокзала. Вдоль другой стены выстроился ряд роскошных особняков — консульств иных планет.

Посреди поля, на четвертой из пяти взлетно-посадочных площадок, стоял средних размеров транспорт-но-пассажирский корабль, и видно было, что он готов к отлету: грузовой люк задраен, отъезжают порожние вагонетки, и лишь трап соединяет корабль с землей.

Джулиам посадил аэромобиль рядом со станцией, на специально отведенную площадку. На плечо Джо успокаивающе легла рука Хаблъята.

— Пожалуй, будет безопаснее, если я сам оформлю ваш вылет. Возможно, протоиерей задумал какую-нибудь пакость. Одному Богу известно, на что способны эти друиды. — Мэнг выбрался из машины. — Будьте любезны, подождите меня здесь. Я вернусь через несколько минут.

— Но деньги за билет...

— Пустое, пустое, — отмахнулся Хаблъят. — Правительство платит мне больше, чем я могу истратить. Позвольте мне пожертвовать пару тысяч колоколен в фонд легендарной матери Земли.

Джо откинулся на спинку сиденья. Его мучили сомнения. Две тысячи колоколен — это две тысячи колоколен, и они очень пригодятся для возвращения на Землю. Но Хаблъят глубоко заблуждается, если считает, что Джо будет чувствовать себя обязанным. Скорей бы оказаться подальше отсюда, пока голова

цела. Да, но в таких случаях никогда не обходится без qui pro quo*, порой довольно неприятной. Он открыл дверцу и поймал внимательный взгляд Джулиама. Старик покачал головой.

— Нет-нет, господин. Хаблъят сейчас вернется. До его прихода вы должны находиться в укрытии.

— Хаблъят обождет! — раздраженно бросил Джо и выскочил из машины. Не обращая внимания на протесты Джулиама, он поднялся по лестнице на сводчатую галерею и направился к зданию вокзала.

По пути раздражение улеглось, и ему пришло в голову, что в своей черно-бело-зеленой ливрее он должен всем бросаться в глаза. Хаблъят обладал отвратительной привычкой всегда оказываться правым.

Он прочитал вывеску на стене: «КОСТЮМЫ ВСЕХ МИРОВ». Ниже: «Переодевшись у нас, вы сможете прибыть к месту назначения в подходящем наряде».

Джо вошел в лавку. Если Хаблъят покинет здание вокзала и направится к машине, его будет видно через стекло витрины.

Навстречу вышел хозяин магазина — высокий, костлявый человек с широким восковым лицом и большими, бесхитростными бледно-голубыми глазами.

— Что вам угодно, сударь? — почтительно спросил он, словно не замечая ливрею слуги, которую стаскивал с себя Джо.

— Помогите снять эту гадость. Я лечу на Балленкарч, мне нужно что-нибудь поприличнее.

Хозяин лавки поклонился, окинул изучающим взглядом фигуру Джо, отошел к вешалке и вскоре вернулся с комплектом одежды, при виде которой у клиента полезли на лоб глаза: красные панталоны, голубой жилет, белая блуза.

— Знаете, это не совсем то, чего я хотел, — с сомнением произнес Джо. — По-моему, недостает строгости.

— Сударь, это типичный балленкарчский костюм. Типичный для наиболее культурных кланов. Дикари рядятся в шкуры и мешковину. — Хозяин показал ему костюм со всех сторон. — Сам по себе наряд не

---

* Услуга за услугу *(лат.)*.

указывает на ранг владельца. Вассалы слева носят мечи, вельможи двора принца Вайл-Аланского повязывают еще черные пояса. Наряды Балленкарча, сударь, отличаются поистине варварской пышностью.

— Дайте мне серый дорожный костюм. По прибытии я сменю его на балленкарчский.

— Как угодно, сударь.

В дорожном костюме было куда привычнее. Джо с несказанным облегчением застегнул молнии, поправил сборки на запястьях и лодыжках, затянул пояс.

— Как насчет модного мориона?

Джо поморщился. Морионы — атрибут кайрильской знати. Солдаты, слуги и крестьяне не имеют права носить эти красивые, сверкающие головные уборы. Джо указал на приплюснутую раковину из серого металла с перламутровым отливом на краях.

— Вот этот, пожалуй, подойдет.

Лавочник изогнулся всем телом и стал похож на опрокинутую латинскую U.

— Да, ваша милость.

Помрачнев, Джо еще раз взглянул на выбранный морион. Точно такой же он видел на голове эклисиарха Манаоло. Пожав плечами, он нахлобучил морион и достал из карманов ливреи пистолет, деньги и бумажник с документами.

— Сколько я вам должен?

— Двести колоколен, ваша милость.

Джо протянул хозяину магазина две сотенные и вышел из лавки. Смена ливреи на серый костюм и помпезный морион сразу сказалась на настроении — он почувствовал себя увереннее, шаг стал тверже.

Джо увидел впереди Хаблъята, идущего рука об руку с мэнгом в зелено-желто-синей униформе. Они очень серьезно и темпераментно разговаривали друг с другом. Джо пожалел, что не умеет читать по губам. Мэнги остановились у лестницы, ведущей вниз на стоянку. Кивком простившись с Хаблъятом, офицер повернулся и пошел по галерее назад. Хаблъят вприпрыжку побежал по лестнице.

Джо пришло в голову, что неплохо бы услышать разговор Хаблъята и Джулиама в его отсутствие. Если добежать до конца галереи, спрыгнуть на землю

и обогнуть стоянку — возможно, удастся незамеченным подкрасться к машине...

Не успев додумать эту мысль, он повернулся и пустился бежать, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих. Спрыгнув на зелено-голубой газон, он двинулся вдоль стены, стараясь, чтобы между ним и беззаботно шагающим Хаблъятом было как можно больше машин. Добежав до аэромобиля, в котором сидел Джулиам, Джо упал на колени. Старый пилот не заметил его — он смотрел на приближающегося Хаблъята.

Джулиам распахнул дверцу. Хаблъят благодушно произнес:

— Ну а теперь, мой друг... — Он запнулся. Затем — резко: — Где он? Куда подевался?

— Ушел, — уныло ответил Джулиам. — Почти сразу после вас.

— Будь проклята человеческая непредсказуемость! — с досадой воскликнул Хаблъят. — Упрямый осел! Я ясно дал ему понять, чтобы он носа не высовывал из машины!

— Я напомнил ему о ваших указаниях, — сказал Джулиам, — но он меня не послушал.

— С умственно ограниченными людьми очень трудно иметь дело, — проворчал Хаблъят. — Я бы тысячу раз предпочел столкнуться с гением. По крайней мере, замысел гения можно разгадать... Если он попадется на глаза Ирру Каметину, рухнут все мои планы! О! — застонал он. — Упрямый осел!

Джулиам сопел, но держал язык за зубами.

— Пойди, поищи его у аркады, — сердито велел старику Хаблъят. — Я подожду здесь. Если встретишь, скажи, пусть бежит сюда со всех ног. Потом позвони Ирру Каметину в консульство, назовись Агломом Четырнадцатым. Если начнет расспрашивать, скажи, что был агентом покойника Импоинга и что у тебя важные сведения. Он захочет тебя видеть. Откажись — дескать, опасаешься козней друидов. Еще скажи так: «Курьер окончательно установлен. Летит на «Бельзауроне». Дай краткое описание нашего приятеля и возвращайся.

— Слушаюсь, хозяин.

Джо услыхал удаляющееся шарканье. Он метнулся

назад, прополз под днищем длинного голубого аэромобиля и встал. Джулиам уходил. Сделав круг, Джо вернулся к машине и уселся на место.

У Хаблъята горели глаза, но голос оставался беззаботным:

— Ага, вот и вы, молодой человек! Где вы пропадали? А, вижу, новый костюм. Очень, очень разумно, хотя, конечно, вы рисковали, когда шли по галерее. — Он полез в кошелек и достал конверт. — Вот ваш билет. Рейс на Балленкарч через Перекресток.

— Перекресток? Что это?

Хаблъят преувеличенно любезно объяснил:

— Вам, вероятно, известно, что планеты Кайрил, Мэнгтс и Балленкарч лежат в вершинах почти равностороннего треугольника. Перекресток — искусственная станция в его центре. Кроме того, он расположен в точке пересечения линии Мэнгтс — Сомбол — Двуземелье и перпендикулярной к ней трассы Фрумс — Внешние миры. Перекресток — удивительное сооружение. Он создавался с применением нетривиальных конструкторских решений. На нем необычайно высок уровень обслуживания пассажиров. Там можно увидеть представителей самых разных рас. А что касается его знаменитых Садов... Надеюсь, вам там понравится.

— Я тоже надеюсь, — сказал Джо.

— Во время полета на борту будут находиться шпики — они здесь просто кишмя кишат. Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на соглядатая. Советую остерегаться — в инструкциях, данных им насчет вас, возможно, предусмотрено насилие. Всегда надо быть начеку: как известно, убийца-профессионал ни за что не упустит удобного случая.

— У меня пистолет, — с мрачной иронией произнес Джо.

— Хорошо. — Хаблъят не сводил с него невинных глаз. — Однако до отлета корабля осталось меньше минуты. Пора. Не могу вас сопровождать, но верю, что вам будет сопутствовать удача.

Джо спрыгнул на землю и, повернувшись, холодно поблагодарил мэнга:

— Спасибо за все.

Хаблъят протестующе поднял руку:

— Ну что вы! Пустяки. Всегда рад помочь хорошему человеку. К тому же вы можете оказать мне ответную услугу. Я обещал моему другу, балленкарчскому принцу, росток лучшего кайрильского вереска. Не могли бы вы передать ему вот этот горшочек и мой сердечный привет? — Хаблъят достал откуда-то горшочек с растением. — Я положу его вот сюда, в сумку. Прошу вас, будьте с ним поосторожнее. Если нетрудно, поливайте раз в неделю.

Джо взял горшочек. Над полем заревела корабельная сирена.

— Поторопитесь, — сказал Хаблъят. — Быть может, мы еще встретимся.

— Всего доброго, — попрощался Джо. Он повернулся и двинулся к кораблю, готовому к старту.

От здания вокзала к «Бельзаурону» шли последние пассажиры. Джо застыл как вкопанный. Какие-то пятьдесят футов отделяли его от знакомой пары: высокого, широкоплечего молодого человека с лицом злобного сатира и стройной темноволосой девушки.

5

В сумрачном небе черной паутиной высился скелет грузовой станции. По расшатанным ступенькам Джо поднялся на верхнюю площадку. Никто не шел за ним следом. Проходя мимо антенны локатора, он избавился от горшка с растением, поставив его в укромное место. Qui pro quo могла слишком дорого ему обойтись.

Джо кисло улыбнулся. «Упрямый осел», «умственно ограниченный человек» — фразы древние, иногда их произносят специально для тех, кто подслушивает. Возможно, так было и на этот раз.

«Меня втянули в грязную историю, — заключил он. — Ну и черт с ним. Скорей бы добраться до Балленкарча...»

Твердой, энергичной поступью, свойственной друидам, Манаоло и Ильфейн пересекли площадку, поднялись по трапу и исчезли в отверстии воздушного шлюза.

Джо проклял в душе Хаблъята. «Неужели он всерьез считает, что я увлекся Ильфейн и готов бросить вызов Манаоло? — Он фыркнул. — Старый, толстый ханжа! Надо же такое вообразить — будто

Ильфейн способна увидеть во мне потенциального любовника! А я? Неужели я могу влюбиться в женщину, побывавшую в руках Манаоло?»

«У тебя своих забот полон рот, — сказал он себе. — Не хватало лезть в чужие интриги. Да и Маргарет...»

На верхней площадке трапа стоял стюард в красной облегающей униформе. Из его уха торчал крошечный радиоприемник, а к гортани был прикреплен микрофон. У стюарда были широкие плечи, светлые волосы, изумрудно-зеленые глаза. Джо еще не встречал людей этой расы.

Он начинал волноваться. Возможно, протоиерей уже осведомлен о побеге, и Джо не пустят на корабль.

Стюард с почтительным поклоном взял у него билет и, вернув, предложил пройти. Джо пересек площадку трапа и вошел в темную нишу воздушного шлюза. Там за переносным столом сидел контролер, такой же светловолосый, как и стюард, в таком же ярко-красном костюме, облегающем тело, как вторая кожа. Еще на нем были красный колпак и эполеты. Он протянул Джо регистрационный журнал.

— Будьте любезны, поставьте подпись и отпечаток пальца. Исключительно на тот случай, если в полете вас постигнет несчастье.

Пока контролер проверял билет, Джо расписался и ткнул пальцем в квадратик.

— Первый класс, четырнадцатая каюта. Багаж, ваша милость?

— Я без багажа, — ответил Джо. — Надеюсь, на корабле есть лавка, где можно обзавестись бельем?

— Разумеется, ваша милость. А сейчас, будьте любезны, пройдите в каюту. Стюард вас проводит.

Джо опустил глаза на журнал. Как раз над его фамилией крупным, угловатым почерком было выведено: «Друид Манаоло киа Белондьет». Еще выше — округлыми буквами: «Элниего Белондьет». «Записалась под именем жены», — отметил Джо, стиснув зубы.

Друиду предоставили двенадцатую каюту, Ильфейн — тринадцатую. Ничего странного — «Бельзаурон» был транспортно-пассажирским кораблем и, в отличие от комфортабельных лайнеров, особых удобств для пассажиров на нем не предусматривалось.

Так называемые каюты на деле были клетушками с койками, выдвижными ящиками и крошечными ванными с откидным оборудованием.

— Прошу вас, господин Смит, — обратился к нему другой стюард, тоже в облегающей униформе, только синей с люминесцентным свечением.

«Чтобы тебя начали уважать, достаточно надеть на голову жестяную шляпу», — с горечью подумал Джо.

Шагая вслед за стюардом, он миновал трюм, где уже лежали в спальных мешках пассажиры третьего класса, и вышел в просторное помещение, служившее и салоном для отдыха пассажиров, и столовой. В стене напротив было два ряда дверей, верхние открывались на широкий балкон. Четырнадцатая каюта оказалась крайней справа в верхнем ряду.

Когда они проходили мимо тринадцатой каюты, дверь распахнулась и на балкон выскочил Манаоло. Он был бледен, глаза широко раскрыты. «Взбешен», — понял Джо. Отпихнув его плечом, друид скрылся в двенадцатой каюте.

Не схватись Джо за перила, он бы не устоял на ногах. Он медленно выпрямился. На миг его покинули все чувства и мысли, осталось только безграничное отвращение. Ничего подобного он не испытывал даже к Гарри Крису.

В дверях своей каюты стояла Ильфейн, уже сменившая синее платье на легкую белую тунику. Ее лицо было искажено гневом. Секунду Ильфейн и Джо глядели друг другу в глаза.

Отвращение в его сердце сменилось волнением, воодушевлением, восторгом. У девушки поползли вверх брови. Она приоткрыла рот, собираясь что-то сказать. «Узнала! — встревожился Джо. — Не должна бы. Вряд ли она могла запомнить какого-то слугу, тем более что на мне другая одежда...»

Она повернулась, шагнула в каюту и затворила дверь. Джо вошел в четырнадцатую каюту, и стюард помог ему застегнуть спальный мешок.

Открыв глаза, Джо произнес:

— Здесь нет того, что вы ищете. Хаблъят навел вас на ложный след.

Возившийся в углу каюты человек вздрогнул и застыл.

— Не оборачиваться! — велел Джо. — Вы на мушке.

Он попытался вылезти из мешка, но это оказалось непросто. Услышав за спиной шум, незваный гость воровато оглянулся, как призрак, метнулся к двери и выскользнул из каюты.

— Эй! — громко крикнул Джо, но ответа не последовало. Выбравшись из мешка, он подбежал к двери и выглянул в коридор. Никого.

Джо затворил дверь. Спросонья он не сумел толком разглядеть гостя. Запомнились только фигура — приземистая, угловатая — и цвет кожи. Желтый. Словно под ней текла ярко-желтая кровь. Мэнг.

«Начинается, — вздохнул Джо. — Чертов Хаблъят, отвел мне роль заслонной лошади. Надо бы сообщить капитану: вряд ли он обрадуется, узнав, что на его корабле творится беззаконие». Поразмыслив, Джо решил ничего не предпринимать. Собственно, не из-за чего устраивать шум — подумаешь, какой-то воришка забрался в его каюту. Вряд ли из-за такого пустяка капитан подвергнет пассажиров психодознанию.

Джо зевнул и потер лицо. Вот он и снова в космосе, и вскоре, возможно, полетит обратно. Если, конечно, Гарри не отправился еще дальше.

Он поднял щиток иллюминатора. Звезды плыли, кружились в хороводах, мерцали, как пылинки в луче света. Знакомая картина. Джо опустил щиток. Надо принять ванну, одеться, поесть...

Он поглядел в зеркало. В глаза бросилась отросшая щетина. Бритвенный прибор лежал на стеклянной полке под откидной раковиной. А когда Джо впервые осматривал каюту, прибор висел на крючке, привинченном к переборке.

Джо отпрянул от умывальника. У него задрожали колени. Разумеется, гость приходил не для того, чтобы побриться. Джо увидел под ногами подстилку из медных колец. От нее к водопроводной трубе шел едва заметный медный проводок.

Он осторожно столкнул бритву в подставленный ботинок и отнес на койку. Рукоятка бритвы заканчи-

валась набалдашником, прихваченным металлической лентой. Это была деталь аккумулятора, накапливающего энергию, которую улавливал буферный экран корабля.

«Ну спасибо, Хаблъят, — мрачно подумал Джо, — еще не раз придется вспомнить твою доброту».

На его вызов пришла молодая женщина, светловолосая, как и другие члены экипажа. Короткое оранжевое с голубым платье было похоже на слой краски. Джо завернул бритву в наволочку и попросил:

— Отнесите, пожалуйста, эту штуку к электрику, пусть он ее разрядит. Она очень опасна, поэтому не прикасайтесь к ней сами и другим не давайте. И еще. Вы бы не могли принести мне другую бритву?

— Да, господин. — Женщина вышла.

Приняв все-таки ванну, Джо побрился, оделся в лучшее из своего скудного гардероба и вышел на балкон.

Внизу, ведя непринужденную беседу, сидели в креслах пятеро пассажиров.

Некоторое время Джо стоял, наблюдая за ними. «Существа космического века, — думал он. — Странные, неестественные создания, столь велеречивые и жеманные, что общение друг с другом для них не более чем способ оттачивать манеры. Насквозь фальшивых, их изумляют чужая искренность и непосредственность».

Трое из них были мэнги — двое мужчин и женщина. На мужчинах — пожилом и молодом — безупречно сидела роскошная форма, говорящая об их принадлежности к Красной Ветви. Их соотечественница — грубоватая, но по-своему привлекательная женщина, — видимо, приходилась молодому офицеру женой. Откуда родом остальные двое, Джо не знал. Субтильные, большеглазые и тонкокожие, в ярких, просторых одеждах, они напомнили ему персонажи волшебных сказок.

Джо спустился по ступенькам в салон. В ту же минуту появился офицер экипажа. Указывая сидящим на Джо, он произнес:

— Позвольте представить вам господина Джо Смита с планеты... с планеты Земля. — Начав с пожилого офицера, он представил мэнгов: — Ирру Каметин,

Ирру Экс Амма и Ирриту Тсай Амма с Мэнгтса. — Он повернулся к сказочным существам: — Пратер Лулай Хасассимасса и его супруга госпожа Гермина с Силла.

Джо вежливо поклонился и сел в конце длинного ряда кресел. Молодой мэнг Ирру Экс Амма с интересом спросил:

— Правильно ли я расслышал: ваша родина — Земля?

— Да, — почти агрессивно ответил Джо. — Я родился на континенте Северная Америка, там был построен самый первый корабль, полетевший в космос.

— Странно, — пробормотал мэнг, недоверчиво разглядывая его. — Я всегда считал легенды о Земле одним из суеверий космических путешественников, вроде Райских Лун или Звезды Дракона.

— Смею вас заверить, Земля — не легенда, — сказал Джо. — Когда-то, во времена внешних миграций, войн и широкомасштабных пропагандистских кампаний, случилось так, что сам факт ее существования подвергся сомнению. Кроме того, мы, земляне, очень редко посещаем ваш отдаленный виток Галактики.

Тонким, очень подходящим к ее облику голосом женщина из сказки произнесла:

— И вы будете утверждать, что мэнги, силлиты, двуземельцы, ведущие корабль, друиды, фрумситы — все мы — произошли от землян?

— Да.

— Сие не есть истина, — раздался металлический голос. — Друиды — плоды Древа Жизни. Эта доктрина единственно верна, все прочие утверждения — голословны.

— Вы имеете право на личную точку зрения, — осторожно сказал Джо.

— Эклисиарх Манаоло киа Белондьет с Кайрила, — доложил офицер.

После паузы Манаоло произнес:

— Я не только имею право на личную точку зрения, но и обязан препятствовать распространению ереси.

— Это также ваше право, — сказал Джо. — Препятствуйте, если хотите.

Он встретился с мертвыми глазами Манаоло. Появилось ощущение, будто в его отношениях с друидом, в принципе, не может быть взаимопонимания. Только обоюдное отвращение и борьба.

В салон спустилась жрица Ильфейн. Она тоже была представлена и молча уселась рядом с Герминой. Атмосфера немедленно изменилась: хотя Ильфейн ни на кого не обращала внимания, лишь обменивалась любезностями с Герминой, с ее появлением пассажиры оживились.

Джо сосчитал пассажиров: вместе с ним — восемь. Четырнадцать кают. Неизвестных остается шестеро. Один из тринадцати — мэнг — пытался его убить.

Вскоре он узнал имена двух друидов, вышедших из второй и третьей кают, — престарелых святош с бараньими лицами, летящих с миссией на Балленкарч. С собой они везли складной алтарь, который немедленно установили в углу салона и принялись в молчании вершить Малый Обряд Древа. Манаоло минуту или две равнодушно смотрел на них, потом отвернулся.

Оставалось четверо неизвестных.

Стюард объявил обед — и вовремя, у Джо весь день маковой росинки во рту не было. Из своих кают вышли двое мэнгов в штатском — свободных платьях из разноцветного шелка, светлых накидках и корсетах с бриллиантами. Они церемонно поклонились остальным пассажирам и, как только стюард установил раскладной стол, заняли свои места. Их имена не были названы.

Пятеро мэнгов, подумал Джо. Двое гражданских, двое военных, женщина. В двух каютах оставались неизвестные пассажиры.

Открылась дверь десятой каюты, и на балкон ступила тощая старуха с лысой, как яйцо, и приплюснутой на макушке головой, выпученными глазами и крупным костистым носом. На ней, как на вешалке, болталась черная пелерина, на пальцах сверкали драгоценные камни.

Хозяин шестой каюты обедать не вышел.

Меню оказалось удивительно разнообразным, учитывало вкусы многих рас. За время скитаний Джо научился есть практически все, не обращая внимания

на цвет, вкус и запах. Порой удавалось найти яствам подходящие и привычные названия — папоротники, фрукты, грибы, корни, рептилии, насекомые, рыбы, моллюски, слизни, спорангии, млекопитающие, птицы, — но далеко не всегда. Часто лишь на примере окружающих он узнавал, что предложенная ему пища съедобна.

Ему досталось место напротив Манаоло и Ильфейн. Друид и девушка не разговаривали друг с другом. Несколько раз Джо ловил на себе ее взгляд — озадаченный, оценивающий, осторожный.

«Она уверена, что видела меня раньше, — догадался Джо, — но не может вспомнить где».

После завтрака пассажиры разделились. Манаоло уединился в гимнастическом зале, примыкающем к салону. Кто-то из мэнгов достал разноцветные дощечки, и они впятером уселись за игру. Силлиты отправились на прогулку в направлении кормы. Тощая старуха осталась неподвижно сидеть в кресле, уставясь в одну точку.

Джо тянуло в спортзал, размять мускулы — но мысль о Манаоло удерживала его. В конце концов ему надоело в салоне, он прошел в корабельную библиотеку, выбрал книгофильм и направился в каюту...

— Господин Смит, не могли бы вы уделить мне минуту, — прошептала ему на балконе жрица Ильфейн.

— Ну конечно.

— Может быть, пройдем ко мне?

Джо бросил взгляд через плечо.

— А ваш супруг не будет в претензии?

— Супруг? — На ее лице отразились гнев и презрение. — Наши отношения сугубо формальны. — Она замолчала, глядя в сторону, явно жалея о своих словах, и холодно произнесла: — Хочу с вами поговорить.

Повернувшись, она направилась в свою каюту.

Джо усмехнулся: дамочка явно живет в придуманном мире, не подозревая, что намерения окружающих могут расходиться с ее собственными. Сейчас она забавна, но какой станет, когда повзрослеет? Мелькнула мысль: неплохо бы оказаться с нею вдвоем на необитаемом острове и заняться воспитанием...

Он не спеша последовал за ней. В каюте жрица села на койку, он — на откидное сиденье.

— Итак?

— Вы говорили, что родились на мифической Земле?

— Говорил.

— А где она находится, ваша Земля?

— Ближе к центру Галактики, приблизительно в тысяче световых лет отсюда.

— А какая она? — Ильфейн наклонилась вперед, уперев локти в колени и положив на ладони подбородок, и с любопытством посмотрела на него.

Джо пожал плечами.

— На ваш вопрос нельзя ответить одной фразой. Земля — очень старый мир. Повсюду памятники, древние сооружения, старинные обряды и традиции. В Египте стоят огромные пирамиды, возведенные в эпоху первой цивилизации человечества. В Англии — круг из тесаных каменных глыб, Стоунхендж, отголосок почти столь же далеких времен. В пещерах Франции и Испании, глубоко под землей, остались рисунки художников, ненамного обогнавших в развитии зверей, на которых они охотились.

Ильфейн глубоко вздохнула.

— Ваша цивилизация, ваши города... они не такие, как наши?

— Естественно, не такие. В космосе не бывает двух одинаковых планет. Культуре Земли — старая, устоявшаяся, зрелая и гуманистичная. На моей планете давно слились все расы. Здесь, на задворках Галактики, люди разъединены, замкнуты, и потому кое-где сохранились в первозданном виде. Вы, друиды, физически очень близкие к нам, принадлежите к древней кавказской расе Средиземноморья.

— Разве у вас нет великого божества — Древе Жизни?

— В настоящее время, — ответил Джо, — на Земле нет сколько-нибудь организованной религии. Мы совершенно свободны и живем как нам нравится. Некоторые из нас поклоняются космическому творцу, другие чтут лишь физические законы вселенной. Уже давно никто не молится фетишам, антропоидам, животным или растениям вроде вашего Древа.

— Что?! — Ильфейн вскочила, возмущенная. — Вы смеетесь над нашим священным учением?

— Извините.

Ильфейн быстро успокоилась и снова села.

— Вы разожгли во мне любопытство, — задумчиво произнесла она. — Знаете, мне почему-то кажется, будто мы с вами уже встречались.

— Я служил у вашего папы, — с каким-то садистским удовольствием произнесла Джо. — Не далее как вчера вы с мужем собирались меня прикончить.

Она замерла с открытым ртом. Затем ее плечи поникли.

И тут Джо заметил за ее спиной знакомый предмет. На полке стоял оставленным им на Кайриле горшок с растением. Или его точная копия.

Жрица поняла, куда он смотрит. Тяжело вздохнула и прошептала:

— Вы знаете?! Прошу вас, убейте меня! Я устала от жизни!

Она встала, бессильно уронив руки. Джо поднялся и шагнул к ней. Происходящее казалось сном: логика, здравый смысл исчезли невесть куда. Он положил ладони на плечи девушки. Тонкая и теплая, она вздрагивала, как птица.

Ильфейн отшатнулась и опустилась на койку.

— Я не понимаю, — хрипло произнесла она. — Ничего не понимаю!

— Скажите, — тоже хрипло спросил Джо, — что у вас с Манаоло? Он что, ваш любовник?

Она слабо покачала головой.

— Нет, он мне никто. Манаоло летит с миссией на Балленкарч. А мне захотелось отдохнуть от бесконечных обрядов. Потянуло на приключения, о последствиях я не задумывалась. Но теперь я его боюсь. Вчера он приходил и напугал меня.

У Джо гора свалилась с плеч. Но тут он вспомнил Маргарет и виновато вздохнул. На лице юной жрицы снова появилось надменное выражение.

— Кто вы, Смит? — спросила она. — Шпион?

— Нет, не шпион.

— Тогда зачем вы летите на Балленкарч? Туда летают только мэнги, друиды и их наемники.

— У меня там личное дело. — Он внимательно следил за ее лицом. Подумать только — еще вчера эта пылкая жрица собиралась его убить!

Она сделала капризную гримаску и опустила голову, ни дать ни взять — юная кокетка, знающая себе цену. Джо засмеялся — и осекся. За стеной что-то брякнуло. Они разом оглянулись.

— Это у меня! — воскликнул Джо. Он вскочил, выбежал на балкон и распахнул дверь в свою каюту. Там с невеселой улыбкой, поблескивая желтыми зубами, стоял молодой офицер Ирру Экс Амма. В руке он держал пистолет. Отверстие ствола уставилось Джо в переносицу.

— Назад! — приказал мэнг. — Назад!

Джо медленно отступил к балюстраде и оглянулся. Четверо мэнгов по-прежнему сидели за игрой. Один из штатских поднял глаза, что-то пробормотал партнерам, и они разом повернули головы в сторону Джо. Он успел заметить глянец на четырех лимонных лицах. Секундой позже мэнги вернулись к игре.

— В каюту женщины-друида! — велел Экс Амма. — Быстро!

Он махнул пистолетом и двинулся вперед, улыбаясь во весь рот. Как лисица, скалящая клыки.

Под дулом пистолета Джо медленно отступил в каюту Ильфейн. При появлении мэнга жрица вскрикнула и схватилась за горло.

— Аххх! — вздохнул мэнг, увидев горшок с торчащим из него стебельком, и повернулся к Джо. — Спиной к стене! — Он выпрямил руку с пистолетом. На желтом лице появилось предвкушение.

Джо понял: пришла смерть.

За спиной мэнга тихо приоткрылась дверь. Раздался хлопок. Офицер мотнул головой, выпрямился, выгнулся назад, его челюсти окостенели в беззвучном крике. Затем он рухнул на пол.

В дверях с цветущей улыбкой на физиономии стоял Хаблъят.

— Весьма огорчен, что вам причинили беспокойство, — радостно заявил он.

6

Взгляд Хаблъята замер на горшке с растением. Он покачал головой, облизал губы и виновато взглянул на Джо.

— Мой дорогой друг, вы послужили орудием для срыва тщательно подготовленной операции.

— Если бы вы раньше меня спросили, охота ли мне рисковать жизнью ради ваших интриг, вас бы теперь не мучила совесть, — проворчал Джо.

Хаблъят ответил блеющим смехом.

— Вы просто душка. Я рад, что вы остались живы. Но сейчас, боюсь, произойдет скандал.

По балкону уже шествовали с воинствующим видом мэнги — пожилой офицер Ирру Каметин и двое штатских. Щетинясь, как рассерженная дворняжка, Ирру Каметин отдал честь.

— Господин Хаблъят, это вопиющее безобразие! Вы вмешались в действия офицера контрразведки, находящегося при исполнении служебных обязанностей!

— Какое там вмешался! — ухмыльнулся Хаблъят. — Я его убил. А что касается «обязанностей», то с каких это пор член Ампиану-Женераль обязан оправдываться перед беспутным голодранцем из Красной Ветви?

— Мы выполняем распоряжения самого Магнерру Ипполито. У вас нет никаких оснований...

— Магнерру Ипполито, смею вам напомнить, — вкрадчиво произнес Хаблъят, — подчиняется Латбону. Его власть не распространяется на Голубую Воду.

— Шайка белокровных трусов! — вскричал офицер. — Вы и прочие толстосумы из Голубой Воды!

Женщина-мэнг, стоявшая, задрав голову, внизу, вдруг закричала. Затем раздался металлический голос Манаоло:

— Грязные, ничтожные псы!

Сильный, гибкий, страшный в ярости, он выскочил из каюты на балкон. Легко расшвыряв штатских, схватил Ирру Каметина и перебросил через перила. Тот медленно — гравитация на корабле была вдвое меньше нормальной — упал и с хрипом растянулся на палубе. Манаоло повернулся к Хаблъяту. Толстяк протестующе поднял руку.

— Минутку, эклисиарх! Избавьте от подобной участи мою несчастную тушу!

Вместо ответа друид выгнулся всем телом, как пантера. На свирепом лице не было ничего, кроме злобы.

Глубоко вздохнув, Джо шагнул вперед, сделал отвлекающий выпад левой, нанес сильный удар правой, и Манаоло упал. Лежа, он уставился на Джо злыми черными глазами.

— Мне очень жаль, — сказал Джо, — но Хаблъят только что спас меня и жрицу от смерти. Дайте ему высказаться.

Вскочив на ноги, Манаоло без слов бросился в каюту жрицы и заперся изнутри. Хаблъят повернулся и насмешливо взглянул на Джо.

— Вот мы и квиты.

— Мне хочется знать, что происходит, — сказал Джо. — А еще больше мне хочется, чтобы меня оставили в покое. У меня своих дел хватает.

Хаблъят с восхищением покачал головой.

— Вы бросаетесь в водоворот событий, стремясь к одной лишь вам ведомой цели. Кстати, почему бы вам не заглянуть ко мне в каюту? Там найдется чудесный напиток, который поможет снять напряжение.

— Яд? — поинтересовался Джо.

— Ну что вы! Отличный бренди, только и всего.

Капитан собрал всех пассажиров в салоне. Это был брюнет с белым плоским лицом и тонким ртом, рослый, полный, в облегающей темно-зеленой форме с эполетами и алыми полосками вокруг локтей.

Пассажиры рассаживались в глубокие кресла: двое мэнгов в штатском, Ирру Каметин, безмятежно-уютный в халате из тусклой материи, затем тощая женщина в черном платье — от нее исходил приторный до тошноты не то растительный, не то животный запах; силлиты, двое невозмутимых друидов, Ильфейн и, наконец, Манаоло в просторной рясе из зеленого сатина с золотым позументом; легкий морион весело блестел поверх черных кудрей.

Капитан заговорил — очень серьезно, взвешивая каждое слово:

— Для меня не секрет, что отношения между Кайрилом и Мэнгтсом весьма натянуты. Но корабль,

на котором вы, господа, летите — собственность Двузем елья, соблюдающего нейтралитет. Сегодня утром произошло убийство. Расследование дало следующую картину. Обыскивая каюту господина Смита, Ирру Экс Амма был застигнут с поличным. Тогда он, угрожая оружием, заставил господина Смита перейти в каюту жрицы Элнието (под этим именем, вспомнил Джо, Ильфейн зарегистрировалась в списке пассажиров), где намеревался убить их обоих.

В похвальном стремлении предотвратить международный конфликт, господин Хаблъят вмешался и умертвил своего соотечественника Ирру Экс Амма. Выражая господину Хаблъяту протест, остальные мэнги подверглись нападению эклисиарха Манаоло, который попытался также напасть на господина Хаблъята. Опасаясь, что Манаоло, игнорируя истинную подоплеку происшедшего, причинит господину Хаблъяту увечье, господин Смит нанес ему удар кулаком. Я не сомневаюсь, что все было именно так.

Капитан сделал паузу. Все молчали. Хаблъят сидел, беззаботно играя пальцами; его нижняя губа расслабленно отвисла. Ильфейн явно нервничала. Джо чувствовал, как по его лицу, плечам, груди медленно ползет взгляд Манаоло.

Капитан продолжал:

— Должен признаться, я вполне удовлетворен тем, что главный виновник, Ирру Экс Амма, получил по заслугам. Остальные повинны разве что в излишней горячности. Но в дальнейшем я не намерен допускать подобные эксцессы. Еще один такой случай, и нарушители порядка проведут остаток путешествия в койках под гипнозом. В соответствии с международным правом, от которого мы не намерены отступать, корабли Двузем елья — нейтральная территория. Все личные и межпланетные скандалы прошу отложить до тех пор, когда вы выйдете из-под моей опеки. — Он церемонно поклонился. — Благодарю за внимание, господа.

Мэнги немедленно поднялись. Женщина ушла в каюту — выплакаться. Трое мужчин вернулись к игре в разноцветные плитки. Хаблъят отправился на прогулку. Тощая старуха осталась сидеть, глядя туда, где минуту назад стоял капитан. Силлиты отправи-

лись в библиотеку. Друиды-миссионеры подошли к Манаоло. Ильфейн встала, потянулась, бросила взгляд на Джо и тут же — на широкую спину Манаоло. Затем решительно приблизилась к Джо и села в соседнее кресло.

— Скажите, господин Смит, о чем вы говорили с Хаблъятом у него в каюте?

Джо отрицательно покачал головой.

— Простите, мне нет охоты стучать друидам на мэнгов, и наоборот. Впрочем, я скажу вам: ни о чем важном мы не говорили. Хаблъят расспрашивал меня о Земле. Ему хотелось побольше узнать о моей легендарной родине. Я рассказал ему о нескольких мирах, которые посетил в пути. Еще мы выпили уйму бренди. Вот и все.

— Не могу понять, почему Хаблъят защитил нас... Какая ему выгода? Он ничем не лучше других мэнгов и скорей умрет, чем допустит друидов к контролю над Балленкарчем.

— А вам с Манаоло нужен контроль над Балленкарчем? Интересно, зачем?

В ее глазах появилось недоумение. Она нервно забарабанила пальцами по колену. Джо усмехнулся. Предложи кому другому неограниченную власть — он еще разозлится. А Ильфейн воспримет это как должное.

— Почему вы смеетесь? — подозрительно спросила она.

— Вы похожи на котенка, очень довольного тем, что его нарядили в платье куклы.

Ильфейн вспыхнула:

— Вы смеетесь надо мной?!

Пристально посмотрев ей в глаза, Джо произнес:

— А вы когда-нибудь смеялись над собой?

— Еще чего!

— Попробуйте как-нибудь на досуге. — Он встал и направился в гимнастический зал.

7

Джо до пота размялся на бегущей дорожке и присел на скамейку отдышаться. Тихо войдя в зал, Манаоло обвел глазами потолок и медленно повернулся к нему. Джо насторожился.

Друид оглянулся через плечо и, сделав три широких шага, оказался перед ним. В его лице не было ничего человеческого. Он походил на фантастический призрак из преисподней.

— Ты посмел коснуться меня своими грязными руками?! — произнес он, глядя сверху на Джо.

— Коснуться? Да я врезал тебе по физиономии!

Чувственный, как у женщины, и вместе с тем жесткий рот Манаоло изогнулся. Друид сжался и вдруг бросился вперед. Согнувшись в немом крике, Джо схватился за низ живота; Манаоло откинулся и двинул его коленом в подбородок.

Джо медленно рухнул на пол. В ладони склонившегося над ним друида блеснул металл. Пытаясь защититься, Джо поднял руку, но Манаоло легко отбил ее в сторону. Затем прижал к носу поверженного недруга металлический предмет. Послышался щелчок, три тонких шипа пронзили хрящик, едкий порошок прижег ранки.

Манаоло отступил, уголки его рта опустились. Повернувшись на каблуках, он легкой походкой вышел из зала.

— Ничего страшного, — заключил корабельный врач. — Пятнышки от уколов останутся на всю жизнь, но их почти не будет видно.

Джо рассматривал в зеркало свое лицо. Синяк на подбородке, пластырь на носу — да, он легко отделался!

— Выходит, я остался с носом, — пошутил он.

— Вы остались с носом, — без улыбки подтвердил врач. — Хорошо, что сразу ко мне обратились. К счастью, мне знаком этот порошок. Это не что иное, как гормон, ускоряющий рост кожи. Если его не удалить, клетки будут делиться непрерывно. У вас на лице вскоре появилось бы три безобразных выроста.

— Видите ли, доктор, — сказал Джо, — это был несчастный случай. Мне бы не хотелось понапрасну беспокоить капитана. Надеюсь, вы не станете ему докладывать.

Врач пожал плечами, отвернулся и стал собирать инструменты.

— Странный несчастный случай, — проворчал он.

Джо вернулся в салон. Там силлиты учились играть в разноцветные дощечки, оживленно болтая с мэнгами. Склонившись голова к голове над алтарем, друиды-миссионеры вершили сложный обряд. Удобно развалясь в кресле, Хаблъят любовался собственными ногтями. Из каюты Ильфейн вышел Манаоло. Бросив на Джо равнодушный взгляд, он стал неторопливо ходить по салону.

Джо присел рядом с Хаблъятом и сказал, нежно поглаживая нос:

— Похоже, обошлось.

Мэнг успокаивающе похлопал его по плечу:

— Через неделю будете выглядеть не хуже прежнего. Врачи Двуземелья — настоящие чудотворцы. На Кайриле докторов нет, и миряне пытаются ставить примочки из какой-то дряни, но все без толку. Там можно встретить немало рабов с тремя отростками на носу. Убивать их — любимое развлечение друидов. Но вы, похоже, не так уж огорчены?

— Мне было довольно неприятно, — признался Джо.

— В психологии друидов есть одна любопытная черта — это крайняя форма эгоцентризма. Видите ли, Манаоло считает, что инцидент исчерпан. То есть расправа над вами была заключительным аккордом ссоры. Понятие «ответственность» друидам незнакомо. Какие бы мерзости они ни творили, все делается во имя Древа. Они живут верой в собственную непогрешимость, а потому Манаоло будет весьма удивлен и возмущен, если вы захотите отомстить.

Хаблъят внимательно следил за лицом Джо, ожидая, что он скажет. Джо пожал плечами.

— Вы молчите? — с недоумением произнес Хаблъят. — Ни гнева, ни угроз?

Джо улыбнулся.

— Пока я успел только удивиться. Дайте мне время.

— А, понял. Вы сбиты с толку.

— Совершенно верно.

Хаблъят кивнул; складки жира на подбородке дрогнули.

— Давайте сменим тему. Поговорим, например, о

ваших друидах дохристианской эпохи. Очень интересно.

— Скажите, что это за горшок, вокруг которого вся суматоха? — спросил Джо. — Сигнал? Или какое-то секретное оружие?

Хаблъят поднял брови.

— Сигнал? Секретное оружие? Помилуйте, мой друг. Клянусь честью, горшок — самый настоящий горшок, а растение — самое настоящее растение.

— Но почему такой ажиотаж? И зачем вы пытались мне его навязать?

— Иногда интересы государства не позволяют считаться с интересами личности, — задумчиво произнес Хаблъят. — Зато в конечном счете выигрывают многие. Я дал вам растение, чтобы сделать вас приманкой для моих соотечественников, любителей брящать оружием, и отвлечь их от друидов.

— Не понимаю, — сказал Джо. — Разве вы не одному правительству служите?

— В том-то и дело, — вздохнул Хаблъят. — Цель у нас одна — слава и процветание нашей любимой родины. Но в государственной политике мэнгов возникла странная трещина, разделившая военные круги Красной Ветви и коммерческие — Голубой Воды. В той и в другой фракции — патриоты Мэнгтса. Но у каждой свое представление о патриотизме. Фактически обе фракции подконтрольны лишь Латбону и Ампиану-Женераль, что на ступень ниже. И там и там заседают представители обоих течений. Два разных подхода к одной проблеме часто дают неплохие результаты — судя по вашему рассказу, правительство Земли тоже это практикует.

Люди из Красной Ветви энергичны, прямолинейны и, не задумываясь, применяют силу. По их мнению, лучший способ решить проблему друидов — захватить Кайрил. Мы, члены Голубой Воды, с этим не согласны. Вторжение может привести к неисчислимым жертвам и разрушениям; пытаясь покорить орды религиозных фанатиков-мирян, мы погубим на Кайриле все, что там есть ценного. Видите ли, — добавил Хаблъят, — кроме сельскохозяйственной продукции, мы получаем от друидов промышленное сырье, а также изделия кустарных промыслов. У нас с ними

взаимовыгодный торговый союз, но их внешняя политика — отрицательный фактор. Индустриальный Балленкарч, управляемый друидами, для нас крайне нежелателен. Вот почему мы хотим стимулировать развитие экономики Кайрила, а для этого необходимо отвлечь туземцев от Древа.

— И каким путем вы хотите этого добиться?

— Строго между нами, дорогой друг. Мы оставим друидов в покое. Пусть себе плетут интриги.

Джо поморщился, машинально потрогал нос.

— Объясните, при чем тут горшок с растением?

— Горшок — самая важная деталь плана недалеких, наивных друидов. Вот почему я буду содействовать тому, чтобы горшок попал на Балленкарч, даже если для этого придется убить еще два десятка моих дорогих земляков.

— Если вы говорите правду, в чем я сомневаюсь...

— Друг мой, какой мне резон лгать?

— Кажется, я начинаю кое-что понимать в этом сумасшедшем доме.

Перекресток — многогранник диаметром в милю — слегка светится в космической мгле. К нему, как пиявки, присосалось десяток кораблей. Окружающая Перекресток тьма густо усыпана блестками — многие смельчаки, стремясь как можно острее ощутить величие открытого пространства, рискуют в одних скафандрах удаляться от Перекрестка на десять, двадцать, а то и тридцать миль.

Высадка проходила без волокиты, чем Джо был приятно удивлен. За время скитаний он привык ко всяким атрибутам бюрократии: карантинам, паспортам, визам, досмотрам, осмотрам, декларациям и резолюциям. Когда «Бельзаурон» ткнулся носом в свободную причальную нишу и застыл, притянутый к поверхности станции мощным мезонным полем, пассажиры в трюме так и остались лежать в гипнотическом сне, а пассажиры первого класса собрались в салоне.

— Мы прибыли на Перекресток, — сообщил им капитан, — и пробудем здесь тридцать два часа, пока не закончим прием почты и других грузов. Некоторые из вас уже бывали здесь. Думаю, не к чему

напоминать им о необходимости соблюдать осторожность. Тех из вас, кто посещает Перекресток впервые, ставлю в известность: на станцию не распространяется юрисдикция какой-либо планеты, здесь один закон — воля владельца и управляющего, а их главная цель — с помощью развлечений и азартных игр выудить побольше денег из ваших карманов. Поэтому предупреждаю: будьте осторожны. Обращаюсь к дамам: в одиночку не ходите в Парк Ароматов. В случае необходимости обратитесь к нам — мы предоставим вам платный эскорт. Посещавшие третий ярус согласятся, что там и дорого, и опасно. Нередко там случаются убийства. Мужчину, увлеченного девицей легкого поведения, очень просто пырнуть ножом. Кроме того, предающихся сомнительным забавам людей там снимают на видеопленку в целях шантажа. Наконец, не рекомендую настаивать, чтобы вас проводили в Цирк — неровен час, вас вытолкнут на арену и заставят сражаться с борцом-профессионалом. Уже в тот момент, когда вы платите за вход, может оказаться, что на вас пал выбор победителя. Поразительно, как много случайных посетителей — неважно, наркотики тому виной, алкоголь, азарт или бравада, — попали на арену. Некоторые из них погибли, другие были изувечены. — Капитан перевел дыхание. — Думаю, предупреждений достаточно. Не хочу вас запугивать. Тем более что здесь много развлечений, не противоречащих закону. Здешние Девятнадцать Садов знамениты во всей Вселенной. В Целестиуме любой из вас может заказать блюда своей планеты, послушать родную музыку. В киосках вдоль Эспланады вы купите все, что пожелаете, за разумную цену. Хорошего вам отдыха, господа. Прошу не забывать: до вылета на Балленкарч тридцать два часа.

Он вышел. Манаоло проводил Ильфейн до ее каюты. Друиды-миссионеры вернулись к алтарю, видимо, не собираясь отлучаться с корабля. По-военному печатая шаг, ушел офицер Ирру Каметин и с ним молодая вдова. Вслед за ними удалились многие мэнги в штатском. Тощая лысая старуха как сидела в кресле, уставясь в дальний угол, так и осталась сидеть, не сдвинувшись ни на дюйм. Силлиты умча-

лись, тонко смеясь и высоко подбрасывая колени. Хаблъят встал рядом с Джо, заложив руки за спину.

— А вы, мой друг, не желаете прогуляться?

— Охотно. Погляжу, что будут делать жрица и Манаоло.

Хаблъят качнулся на каблуках.

— Будьте поосторожнее с этим парнем — мой вам совет. Манаоло — воплощение эгоцентризма и мании величия. Нам с вами даже не вообразить, какого он о себе мнения. Он священный и неприкосновенный. Он не делит свои поступки на хорошие и плохие. Это хорошо для Манаоло, а это плохо для Манаоло — вот как он смотрит на вещи.

Отворилась дверь тринадцатой каюты, на балкон вышли Ильфейн и Манаоло.

Друид шагал впереди и нес небольшой сверток. На нем была долгополая зеленая ряса, расшитая желтыми листьями, а поверх нее — охотничья кираса из золота и какого-то блестящего металла. Не глядя по сторонам, он спустился по ступенькам и покинул салон.

Проходя по салону, Ильфейн остановилась и, поглядев вслед друиду, покачала головой — красноречивый жест несогласия. Затем она решительно повернулась и направилась к Джо и Хаблъяту.

Ответив на почтительный поклон мэнга ледяным взглядом, она обратилась к Джо:

— Я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Это приглашение или приказ?

— Это значит, что я хочу, чтобы вы меня сопровождали, — насмешливо ответила Ильфейн.

— Прекрасно, — ответил Джо. — Буду рад.

Хаблъят вздохнул;

— Эх, будь я моложе и стройнее...

— Стройнее? — усмехнулся Джо.

— Очаровательным женщинам не приходилось бы просить меня дважды.

Ильфейн сдержанно произнесла:

— Буду с вами откровенной: Манаоло обещал убить вас, если увидит рядом со мной.

Наступила тишина. Когда Джо заговорил, собственный голос показался ему незнакомым:

— И поэтому вы просите составить вам компанию?

— Боитесь?

— Я не герой.

Она резко повернулась и направилась к выходу. Хаблъят укоризненно покачал головой:

— Зачем вы так?

Джо разозлился не на шутку.

— Она интриганка. Откуда такая уверенность, что ради удовольствия с ней гулять я полезу под пулю сумасшедшего друида? — Он смотрел ей вслед, пока темно-синее платье не скрылось из виду. — И ведь она права. Я и впрямь из породы идиотов.

Он бросился за жрицей. Сцепив пальцы на животе и грустно улыбнувшись, Хаблъят проводил его взглядом. Затем, запахнув халат, уселся в кресло и стал с сонным видом наблюдать за друидами, колдовавшими над алтарем.

8

Они шли по коридору вдоль ряда киосков.

— Послушайте, — спросил Джо, — кто вы такая? Жрица, которой ничего не стоит убить человека, или просто милое взрослое дитя?

Ильфейн вскинула подбородок, пытаясь принять значительный и светский вид.

— Я очень важная персона, придет день, когда меня назначат Просителем за весь округ Кельминстер. Это, правда, маленький округ, но я буду указывать путь к Древу трем миллионам душ.

Джо не сумел сдержать улыбки.

— А без вас им не дойти?

Она рассмеялась, снова превратившись в молоденькую симпатичную девушку.

— Отчего же! Но я буду следить, чтобы они соблюдали приличия.

— Беда в том, что вы и сами скоро начнете верить в эту ерунду.

Она промолчала, затем ехидно спросила:

— Куда вы так пристально смотрите? Неужели вас так заинтересовали киоски?

— Смотрю, не прячется ли где-нибудь Манаоло, — признался Джо. — Не удивлюсь, если этот дьявол выскочит из темной щели и прирежет меня.

Ильфейн отрицательно покачала головой:

— Манаоло отправился на третий ярус. Пока мы летели, он каждую ночь пытался мной овладеть, но я не давалась. Сегодня он пригрозил, что будет развратничать на третьем ярусе до тех пор, пока я не уступлю. «Сделай одолжение, — ответила я, — может, хоть после этого не будешь демонстрировать передо мной свое мужское начало». Он ушел вне себя от ярости.

— Мне кажется, он всегда чем-то недоволен, — заметил Джо.

— Он очень вспыльчив, — сказала Ильфейн и добавила: — Давайте пройдем сюда...

Джо схватил ее за руку, резко развернул и процедил сквозь зубы, глядя в испуганные глаза:

— Вот что, сударыня. Не сочтите, что я демонстрирую перед вами мужское начало, но ходить туда-сюда по вашей указке и таскать за вами сумки, как шофер, я не намерен!

— Шофер? Ха! В таком случае...

— Если вас не устраивает мое общество, то мне самое время уйти.

Помолчав несколько секунд, она спросила:

— Как вас зовут, господин Смит?

— Зовите меня Джо.

— Джо, вы замечательный мужчина. И очень странный. Вы меня совсем запутали, Джо.

— Если хотите, чтобы я — шофер, механик, инженер, специалист по выращиванию мха, инструктор по теннису, портовый грузчик и Бог знает, кто еще — и дальше вас сопровождал, давайте отправимся в Девятнадцать Садов и узнаем, подают ли там земное пиво.

Они нашли свободный столик. К удивлению Джо, перед ними без разговоров поставили пиво в запотевших квартовых кружках.

— Угощайтесь, — предложил он.

— Как прикажет ваша милость, — кротко сказала Ильфейн.

Джо смущенно улыбнулся.

— Не к чему заходить так далеко. Наверное, это характерная черта всех друидов — впадать в крайность. Что вам заказать?

— Ничего. — Она развернулась в кресле, оглядывая зал. И в этот миг Джо понял: волей-неволей, к добру или к худу, он влюбился по уши. Маргарет? Он вздохнул. Маргарет слишком далеко, до нее тысяча световых лет.

Он бросил взгляд в коридор, огибающий изнутри все Девятнадцать Садов. Каждый Сад представлял флору одной из девятнадцати планет с ее характерными окрасками: черной, серой и белой — Келса, оранжевой, желтой и зеленой — Заржуса, пастельными, голубыми и желтыми тонами — планеты-невелички Джонатан, сотнями всевозможных оттенков зеленого, красного, синего — остальных миров.

Внезапно Джо вскочил со стула и замер.

— В чем дело? — удивилась Ильфейн.

— Вон в том Саду... Или там земные растения, или я — бесхвостая мартышка. — Он подбежал к ограде. Ильфейн подошла и встала рядом. — Герань, жимолость, петуньи, цинии, розы, итальянский кипарис, тополь, плакучие ивы... и гибискус. — Он прочитал табличку: «Планета Гея. Местонахождение неизвестно».

Они вернулись к столику.

— Похоже, вы больны ностальгией, — заметила Ильфейн.

Джо улыбнулся.

— Увы. Но это пустяки. Лучше расскажите о Балленкарче.

Она пригубила пиво, поморщилась и с удивлением посмотрела на Джо.

— Пиво поначалу никому не нравится, — пояснил он.

— Я почти ничего не знаю о Балленкарче. Еще несколько лет назад это была абсолютно первобытная планета. На нее ни один корабль не садился, потому что автохтоны баловались людоедством. Но потом там появился некий принц и объединил враждующие острова в единое государство. Буквально в одночасье. Было пролито много крови, но с тех пор в той стране понапрасну никого не убивают, и корабли садятся без опаски. Принц решил сделать Балленкарч индустриальным и заказал на Двуземелье, Грабо и Мэнгтсе большое количество машин. Мало-помалу, побеждая

одни племена, заключая союз с другими, он стал прибирать к рукам самый большой континент. Вы, наверное, слыхали, что на Балленкарче нет никакой религии, и мы, друиды, рассчитываем установить с новой властью тесный контакт. Если это удастся, мы станем независимы и от Мэнгтса. Естественно, мэнгам эта идея не по душе, и они... — Ее глаза округлились, она испуганно схватила его за руку. — Манаоло! О, проклятье! Надеюсь, он нас не заметил!

Пелена страха, окутывавшая мозг, вдруг исчезла. Нельзя праздновать труса, когда возлюбленная боится за тебя. Джо откинулся на спинку стула и с презрением посмотрел на Манаоло. Похожий на демона из средневековой сказки, друид гордо шествовал через зал. Следом, вцепившись в его руку, семенила бежевокожая женщина в оранжевых панталонах и синей блузке. В другой руке Манаоло держал сверток. Стрельнув мертвыми глазами в сторону Ильфейн и Джо, он не спеша направился к ним, вытаскивая из-за пояса стилет.

— Ну вот, — пробормотал Джо, поднимаясь. — Ну вот...

При виде грозного друида публика с визгом бросилась врассыпную. Манаоло остановился в ярде от Джо, на лице мелькнула призрачная улыбка. Он положил сверток на стол, затем пружинисто шагнул вперед и сделал выпад.

Он был очень наивен, полагая, что Джо спокойно даст себя зарезать. Джо плеснул ему в глаза пивом, ударил бокалом по руке, и стилет полетел на пол.

— А теперь, дружище, — процедил сквозь зубы Джо, — я вышибу из тебя дух...

Тяжело дыша, Джо сидел на поверженном друиде. Красовавшийся на его носу пластырь был сорван, по лицу струилась кровь. Рука Манаоло нашарила стилет. Захрипев от натуги, он вывернулся и попытался ударить, но Джо перехватил его запястье и направил острие в плечо друида.

Манаоло снова закряхтел, занося трехгранный клинок. Джо вырвал стилет из его руки, проткнул ухо соперника и несколько раз ударил по рукояти кула-

ком, вбивая острие в деревянный пол. После чего поднялся на ноги и посмотрел вниз.

С минуту Манаоло бился об пол, как выброшенная на берег рыба, потом затих. Равнодушные люди из ресторанной обслуги выдернули стилет, положили друида на носилки и понесли к двери. Бежевокожая женщина трусцой бежала рядом. Манаоло приподнялся на локтях и сказал ей несколько слов. Она бегом вернулась к столу, где лежал сверток, догнала носилки и положила сверток друиду на грудь.

Рухнув в кресло, Джо схватил кружку жрицы и осушил одним духом.

— Джо, — взволнованно спросила девушка, — вы не ранены?

— Я зол и неудовлетворен, — сказал Джо. — Ваш Манаоло — отвратительный тип. Не будь вас рядом, я бы разорвал его в клочья. — Он скривил в улыбке окровавленные губы. — Но не могу же я терзать соперника на ваших глазах.

— Соперника? — изумленно переспросила Ильфейн. — Соперника?

— В отношении вас.

— О! — тихо произнесла она.

— И не говорите мне: «Я царственная, всемогущая жрица, а ты...»

С ее лица не сходило удивленное выражение.

— Я и не думала. Мне кажется, Манаоло никогда не был... вашим соперником.

— Мне нужно умыться и переодеться, — сказал Джо. — Хотите, чтобы я вас еще куда-нибудь проводил или...

— Нет, — тихим, бесстрастным голосом ответила Ильфейн. — Я посижу здесь. Хочу собраться с мыслями.

До отлета «Бельзаурона» оставался час. Пассажиры спешили на корабль. Контролер ставил галочки в журнале.

Осталось полчаса.

— Где Манаоло? — спросила у контролера Ильфейн. — Он вернулся?

— Нет, ваша милость.

Джо проводил ее к ближайшему телефону Перекрестка.

— Больница? — спросила она. — Скажите, как себя чувствует Манаоло, доставленный к вам вчера? Его уже выписали? Хорошо, я подожду, но и вы поторопитесь. Его корабль вот-вот отчалит. — Жрица повернулась к Джо и объяснила: — Они пошли в его палату.

Через некоторое время она снова поднесла к уху трубку.

— Что? Нет! Не может быть!

— Что случилось?

— Он мертв! Его убили!

Капитан согласился отложить старт до возвращения Ильфейн из больницы. Она помчалась к лифту. Джо не отставал от нее ни на шаг. В приемном покое их встретила медсестра двуземельской расы, молодая женщина со светлыми волосами, стянутыми в несколько узлов.

— Вы его жена? — спросила она. — Если да, убедительно прошу отдать распоряжения насчет тела.

— Я ему не жена. Меня не интересует, как вы поступите с трупом. Скажите, где сверток, который при нем был?

— В его палате нет никакого свертка. Я припоминаю, вместе с раненым приносили сверток, но он исчез.

— Кто навещал раненого? — спросил Джо.

Последними к Манаоло приходили трое мэнгов, оставившие в регистрационном журнале незнакомые имена. Коридорный припомнил, что один из них, пожилой мужчина с армейской выправкой, вышел из палаты со свертком.

Ильфейн с рыданиями приникла к плечу Джо.

— Это был горшочек с растением! — объяснила она сквозь слезы. — Теперь им завладели мэнги!

Джо обнял ее, провел ладонью по темным волосам.

— Боюсь показаться слишком любопытным, но что в нем такого важного, в этом горшке?

Она подняла заплаканные глаза.

— Важного? Это единственный побег Древа Жизни!

Возвращаясь на корабль по коридору, выложенному голубыми плитками, Джо сказал:

— Я не только любопытен, но и бестолков. Зачем

вы пытались переправить побег Древа на Балленкарч? Очевидно, для того...

Она кивнула.

— Я уже говорила, мы хотим заключить с Балленкарчем союз. Религиозный союз. А побег, Сын Древа, был бы его священным символом.

— И тогда, — подхватил Джо, — друиды обскакали бы мэнгов, а Балленкарч превратился бы во второй Кайрил. Пять миллиардов сервов, два миллиона пресыщенных друидов, одно Древо. — Он пытливо посмотрел на нее. — Скажите, на Кайриле есть кто-нибудь, кто не считает такой государственный строй идеальным?

— Вы неисправимый материалист! — негодующе воскликнула девушка. — На Кайриле материализм вне закона. Наказание — вплоть до смертной казни.

— Еще бы, — усмехнулся Джо. — Ведь материализм для вас чреват перераспределением прибылей, а то и мятежом.

— Вы не правы, — возразила Ильфейн. — Дело не в этом. Жизнь — это путь к блаженству, попытка найти себе место на Древе. Души смиренных тружеников селятся наверху, в Вечном Сиянии. Лентяи, словно черви, должны ютиться во мгле корней.

— Если материализм — грех, в чем вы абсолютно уверены, то почему вы живете в такой вызывающей роскоши? Почему друиды жрут сколько влезет, а миряне мрут с голоду?

— Кто вы такой, чтобы нас критиковать?! — в гневе вскричала она. — Такой же варвар, как дикари Балленкарча! Будь мы на Кайриле, вам бы давно вырвали язык!

— Чтобы он не подмочил авторитет вашего идола, да? — насмешливо спросил Джо.

Ильфейн с оскорбленным видом отвернулась и пошла по коридору. Улыбнувшись, Джо поспешил за ней.

Возле открытого корабельного люка Ильфейн задержалась.

— Сын Древа украден. Видимо, его уничтожили. — Она хмуро взглянула на Джо. — Мне незачем лететь на Балленкарч. Я должна вернуться домой и поставить в известность Собор Архиереев.

Джо приуныл — он надеялся совсем на другое. А может, она просто обиделась? Надо было что-то сказать, и он сказал первое, что пришло в голову:

— Но ведь вы говорили, что вам наскучило в Храме, потому, дескать, и улетели вместе с Манаоло. Учтите, через своих шпионов архиереи выяснят все подробности его гибели.

Она испытующе взглянула ему в глаза.

— Предлагаете лететь с вами?

— Да.

— Зачем?

— Боюсь, вы произвели на меня слишком сильное впечатление, — ответил Джо. И добавил, судорожно сглотнув: — К тому же меня очень тревожит ваше ошибочное мировоззрение.

— Хороший ответ, — кивнула Ильфейн. — Так и быть, полечу с вами. Возможно, я уговорю балленкарчцев признать Древо Жизни божеством.

Джо задержал дыхание, чтобы не рассмеяться и не рассердить ее снова.

— Я вижу, вы находите меня смешной? — обиженно спросила жрица.

Джо не ответил. Они прошли на корабль. У стола контролера их ожидал Хаблъят.

— Ага, возвращаетесь! А убийцы сбежали с Сыном Древа?

Ильфейн опешила:

— Откуда вы знаете?

— Дорогая жрица, круги от маленьких камешков, брошенных в море, достигают дальнего берега. Кажется, я гораздо лучше вас понимаю происходящее.

— Что вы имеете в виду?

Лязгнул люк. Контролер вежливо произнес:

— Господа, через десять минут мы отлетаем. Не могли бы вы на время старта и разгона разойтись по каютам?

9

Джо очнулся от транса. Вспомнив свое предыдущее пробуждение, он быстро высунул голову из спального мешка и окинул взглядом каюту. Но все было в порядке, дверь оставалась заперта — прежде чем

проглотить таблетку, улечься в койку и уставиться на экран, где мелькали гипнотизирующие картинки, он не поленился наглухо задраить ее.

Джо выбрался из спальника, принял ванну, побрился и надел синий габардиновый костюм, купленный на Перекрестке. Затем вышел на балкон. В салоне было темно. Видимо, остальные пассажиры еще спали.

Он остановился у двери в тринадцатую каюту и представил спящую Ильфейн — теплую, безвольную, с рассыпавшимися по подушке темными волосами.

Он прижал к двери ладонь. Подмывало открыть. Лишь усилием воли он заставил себя отойти. Повернувшись, он замер: в глубине салона кто-то сидел. Джо постоял у перил, вглядываясь в сумрак. Хаблъят.

Джо спустился по ступенькам. Мэнг указал на соседнее кресло и радушно предложил:

— Присаживайтесь, дружище, составьте мне компанию.

Джо опустился в кресло.

— Вы рано проснулись, — заметил он.

— Напротив, никак не могу уснуть. Шестой час сижу здесь, и вы первый, кого я вижу.

— А кого ожидали увидеть?

Хаблъят принял глубокомысленный вид.

— Ожидал, но не кого-нибудь конкретно. На Перекрестке я навел справки и лишний раз убедился, что нельзя доверять внешнему облику людей. Признаться, некоторые из наших попутчиков меня удивили.

— Вообще-то меня это не касается, — сказал Джо, вздохнув.

Хаблъят погрозил толстым пальцем:

— Э, дружище. Не скромничайте. Не лицемерьте. Я уверен: к прелестной Ильфейн вы небезразличны.

— Оставим это. Мне наплевать, довезут друиды до Балленкарча свое растение или нет. Но скажите, вы-то почему из кожи вон лезете, помогая им? — Он пытливо посмотрел на Хаблъята. — На их месте я бы с вас глаз не спускал.

— О, мой дорогой друг! — проблеял Хаблъят. — Вы мне льстите. Признаться, я и сам толком не знаю, стоит ли им помогать. Я иду, так сказать, на ощупь,

стараясь на всякий случай побольше узнавать о тех, с кем меня сталкивает судьба. Многое о наших спутниках мне пока неизвестно, но некоторыми сведениями готов поделиться. Обещаю: вы будете удивлены.

— Надо думать, — кивнул Джо.

— Взять хотя бы лысую старуху в черном, ту, что сидит и глядит в пустоту, будто уже окоченела. Какого вы о ней мнения?

— Старая ящерица, неприятная на вид, но безвредная.

— Ей четыреста двадцать лет. Говорят, когда ей было четырнадцать, ее муж создал эликсир жизни. Она убила его, и лишь двадцать лет назад утратила свежесть юности. А до той поры ее любовники всех возрастов, полов, рас, цветов и кровей исчислялись тысячами. Последние сто лет в ее меню входило только одно блюдо: человеческая кровь.

Джо откинулся в кресле, зевнул и потер глаза.

— Продолжайте.

— Я узнал, что ранг и авторитет одного из моих соотечественников значительно выше, чем я полагал, а значит, я должен действовать осторожнее. Я узнал, что вместе с нами летит агент принца Балленкарчского.

— Дальше.

— И еще — кажется, о такой возможности я упоминал — подтвердилась моя догадка, что потеря горшка с растением не столь уж горька для друидов.

— Почему? — удивился Джо.

Задумчиво глядя на балкон, Хаблъят произнес:

— Вам не кажется странным поступок друидов, доверивших Манаоло столь важную миссию?

— Наверное, сыграл роль его высокий ранг? — предположил Джо. — Он ведь эклисиарх, всего на одну ступень ниже протоиерея.

— Напрасно вы считаете друидов спесивыми дураками, — возразил Хаблъят. — Вот уже почти тысячелетие они ухитряются править пятью миллиардами людей, не имея за душой ничего, кроме огромного дерева. Нет, они не кретины. Вне всяких сомнений, никто в Соборе Архиереев не переоценивал способностей Манаоло. Архиереям отлично известны его чванливость и глупость. Потому-то они и выбрали его

подставной фигурой. Я же, недооценив их, решил, что Манаоло сам нуждается в прикрытии, и с этой целью подсадил на «Бельзаурон» вас. Но друиды сумели предугадать трудности, возникшие в ходе операции, и заранее предприняли необходимые шаги. Они отправили Манаоло с самым обычным саженцем, создав вокруг него атмосферу тайны. Настоящий Сын Древа переправляется другим способом.

— Каким именно? — поинтересовался Джо.

Хаблъят пожал плечами.

— Могу только догадываться. Возможно, его ловко прячет у себя жрица. А может быть, побег находится в багажном отделении, хотя вряд ли друиды стали бы так рисковать. Думаю, саженец у кого-нибудь из послов Кайрила, летящих вместе с нами... а может, на другом корабле.

— Ну и что?

— А то, что я сижу здесь и смотрю, кто из моих подозрительных спутников проснется первым. И вижу вас.

— И какие выводы? — спросил Джо с натянутой улыбкой.

— Никаких.

Появилась изящная светловолосая стюардесса в облегающем костюме. В костюме? Джо пригляделся — и чуть не ахнул от изумления.

— Господа будут завтракать? — спросила женщина.

Хаблъят кивнул:

— Я буду.

— А мне принесите каких-нибудь фруктов, — попросил Джо. И добавил, вспомнив Целестиум: — Не смею даже мечтать, что у вас найдется кофе.

— Думаю, найдется, господин Смит.

Когда она ушла, Джо повернулся к Хаблъяту:

— На них почти нет одежды! Это краска!

— Разумеется, — удивленно подтвердил Хаблъят. — Разве вы не знали, что на двуземельцах всегда больше краски, чем одежды?

— Нет, — ответил Джо, — мне казалось само собой разумеющимся...

— Это серьезная ошибка, — наставительно произ-

нес Хаблъят. — В незнакомой обстановке ни о чем не судите с первого взгляда.

Будучи помоложе, я посетил страну Ксенчой на планете Ким и там по неосторожности затеял флирт с очаровательной юной туземкой. Помнится, она уступила с готовностью, но без энтузиазма. И вот, когда я лежал почти без сил, она попыталась зарезать меня длинным ножом. Мой протест привел ее в изумление. Впоследствии я выяснил, что в Ксенчое лишь тот имеет право обладать девушкой, минуя брачные узы, кто решил уйти из жизни. Надо заметить, там никто не колеблется в выборе: покончить с собой или проститься с жизнью в минуту восторга.

— А мораль?

— Она ясна. Вещи не всегда таковы, какими кажутся на первый взгляд.

Откинувшись на спинку кресла, Джо размышлял, Хаблъят насвистывал фугу из четырех нот, аккомпанируя себе на шести пластинках, ожерельем висевших на шее. Каждая пластинка, если щелкнуть по ней ногтем, звучала в определенной тональности.

«Вероятно, он что-то знает или подозревает, — размышлял Джо. — Или считает, что видит меня насквозь. Как-то раз он назвал меня умственно ограниченным. Возможно, он прав. Он не скупится на прозрачные намеки, которых я не понимаю. И все-таки, кто здесь фигура номер один? Ильфейн? Сам Хаблъят? Нет, он говорил о Сыне Древа. Какая суматоха вокруг растения! Хаблъят уверен, что оно на борту, это ясно. У меня его нет. У него его тоже нет, иначе мэнг вел бы себя осторожнее. Кто же курьер? Ильфейн? Силлиты? Жуткая старуха? Мэнги? Друиды-миссионеры?

Хаблъят смотрел на него в упор. Когда Джо вздрогнул, он улыбнулся.

— Ну, теперь вы поняли?

— Может быть, — ответил Джо.

Все пассажиры собрались в салоне, но атмосфера была не та, что прежде. В любом путешествии невозможно обойтись без трений, но здесь личные недостатки людей, их взаимная неприязнь, раньше незаметные в присутствии Манаоло, разом вышли на передний план.

Ирру Каметин, двое мэнгов в штатском (эмиссары Политического комитета Красной Ветви, по словам Хаблъята) и молодая вдова уже добрый час сидели за столом, играя в дощечки и упорно не глядя на Хаблъята. Миссионеры сгорбились в углу над алтарем, бормоча непостижимые заклинания. Силлиты бродили по салону. Женщина в черном сидела, как мертвая, лишь изредка ее взгляд смещался на одну восьмую дюйма, да иногда ее прозрачная рука касалась лысой головы.

«Подумать только, — размышлял Джо, — до Балленкарча считанные дни, даже часы, а дело, за которое я взялся, кажется, потеряло всякий смысл». Словно магнит, Ильфейн притянула к себе почти все его чувства, мысли и мечты.

Джо вспоминал Кайрил, Древо, храмы Священного Града у основания гигантского ствола, бесчисленные убогие фермы и деревни, сутулых, изможденных паломников с пустыми глазами, взгляды, которые они бросали назад, прежде чем исчезнуть в Дупле.

Он размышлял о страхе смерти — цементе, державшем кирпичики государственного строя друидов. Хотя, казалось бы, чего-чего, а смерти миряне и друиды Кайрила не должны бояться. Она для них привычна, как дыхание.

Насилие, как образ жизни, насилие, как выход из любого затруднительного положения. Жителям Кайрила знакомы лишь крайняя степень нищеты и крайняя степень роскоши, золотой середины не дано.

Он постарался вспомнить все, что знал о Мэнгтсе — маленькой планете озер, планете людей, склонных к сложным интригам и архитектурным причудам, планете удивительных мостов над петляющими реками и каналами, планете уютных аллей, планете, озаренной лучами старого желтого карлика. Джо представил фабрики Мэнгтса, какими их описывал Хаблъят, — безотходными, высокопроизводительными, построенными на специально отведенных для промышленности островах. Поступки и мысли владельцев фабрик непредсказуемы и непостижимы, как их архитектура. Среди мэнгов есть такие, как словоохотливо-загадочный Хаблъят, и другие — сторонники Красной Ветви, империалисты.

А Балленкарч? О нем Джо знал еще меньше. Только то, что этой варварской планетой правит принц, которому взбрело в голову создать на ней индустриальный комплекс. И где-то там, среди дикарей юга или варваров севера, живет Гарри Крис.

Гарри улетел, вскружив голову юной Маргарет. Ее душе не будет покоя, пока он не вернется. Два года назад Джо едва не застал Гарри на Марсе — тот опередил его на несколько часов. На Тюбане Джо попал на три месяца в больницу, получив от пьяного туземца мотыгой по голове, и потерял след. Затем месяцы лихорадочных поисков, надежд, разочарований, и наконец выясняется: Гарри отправился на далекий Балленкарч. Немалый срок ушел на полет через всю Галактику. Теперь до Балленкарча рукой подать, но...

«Черт с ним, с Гарри», — подумал вдруг Джо, Маргарет больше не владела его сердцем — оно перешло к озорной и взбалмошной жрице. Джо мечтательно представил, как они с Ильфейн бредут по древним улицам Парижа, Вены, Сан-Франциско, любуются памятниками Кашмира, путешествуют по Сахаре.

Он спросил у себя: «А понравится ли ей на Земле? Ведь там нет фанатичных тружеников, которых можно убивать или ласкать, как зверушек. Наверное, прав Хаблъят — вещи не всегда таковы, какими выглядят. Очень может быть, я просто выдумал себе Ильфейн по привычному земному образцу. Может быть, я просто не представляю себе истинных масштабов эгоизма друидов».

Он встал. Участливо глядя на него, Хаблъят посоветовал:

— На вашем месте я бы подождал, мой друг. Едва ли она успела как следует почувствовать одиночество. Не стоит являться к ней с мрачным лицом — это может вызвать неприязнь. Дайте ей денек побыть наедине с собой, а потом пригласите на прогулку или в спортзал: я заметил, она ежедневно проводит там по часу.

— Хаблъят, вы непостижимы, — сказал Джо, усаживаясь.

— Но искренен, — печально произнес мэнг.

— Сначала вы меня спасаете от смерти, затем подставляете под удар.

— Виной тому жестокая необходимость.

— Порой вы мне кажетесь симпатичным, дружелюбным...

— Я именно таков, уверяю вас!

— ...как сейчас, когда, прочитав мои мысли, дали мне отеческий совет. Но я не знаю, какую роль вы мне отвели. На Земле в ходу поговорка: гусь на праздничном столе не может оценить щедрость хозяина. Вещи не всегда таковы, какими выглядят. — Он усмехнулся. — Вы, конечно, не сознаетесь, для какого праздника меня припасли.

Хаблъят протестующе помахал ладонью.

— Вы обо мне слишком нелестного мнения. Я всегда считал, что честность — лучшая маскировка. Искренне признаюсь: вы мне очень симпатичны, но это не остановит меня, если придется вами пожертвовать. И никакого противоречия тут нет. Работа есть работа, на нее не должны влиять личные симпатии и антипатии.

— А как определить, когда вы на работе, а когда — нет?

Хаблъят развел руками.

— На этот вопрос я не в силах ответить.

Джо поудобнее устроился в кресле, а Хаблъят запахнул на толстом животе халат.

— Жизнь порой так сложна, — назидательно произнес мэнг, — так обильна неожиданностями и столько требует от тебя...

— Почему бы вам не побывать на Земле? — спросил Джо.

— Обязательно воспользуюсь вашим предложением, если в Ампиану Красная Ветвь одолеет Голубую Воду, — с улыбкой ответил Хаблъят.

10

Прошло четверо суток с той минуты, как «Бельзаурон» отчалил от Перекрестка, и еще трое суток оставалось до прибытия на Балленкарч. Опершись на перила на верхней палубе, Джо прислушивался к шагам за спиной. Шаги приближались. Он оглянулся

и увидел Ильфейн — бледную, озабоченную, с запавшими глазами. Казалось, она готова пройти мимо, если Джо не заметит ее или допустит какую-нибудь бестактность.

— Привет, — сказал Джо и снова поднял глаза к звездам.

По стихшим шагам он понял, что Ильфейн остановилась за спиной.

— Как раз тогда, когда мне необходимо с кем-нибудь поговорить, вы меня избегаете, — упрекнула она.

— Ильфейн, вы были когда-нибудь влюблены? — спросил Джо ни с того ни с сего и обернулся.

В ее глазах мелькнуло недоумение.

— Не понимаю?

Джо хмыкнул.

— Любовь — земная абстракция. С кем вы спите на Кайриле?

— С кем сплю? С тем, кто мне интересен, с кем я могу почувствовать свое тело.

Джо отвернулся.

— Суть любви несколько глубже.

— Я вас очень хорошо понимаю, Джо, — тихо и серьезно произнесла жрица.

Джо улыбнулся и обнял ее. Губы девушки были алы, как вишни, в глазах угадывалось ожидание. Целуя ее, он казался себе скитальцем, нашедшим источник в пустыне.

— Ильфейн...

— Что?

— С Балленкарча... мы полетим на Землю. Хватит с нас интриг, тревог и смертей. Мир так прекрасен... Если бы ты знала, сколько у нас на Земле замечательных мест...

Она пошевелилась в его объятиях.

— Джо, у меня есть родина. И нравственный долг перед ней.

— Ерунда! — с жаром воскликнул Джо. — На Земле ты поймешь, что друиды ничем не лучше своих жалких рабов.

— Рабов? Миряне не рабы, они служат Древу Жизни. Все мы так или иначе служим Древу Жизни.

— Древу Смерти!

Ильфейн осторожно высвободилась.

— Джо, я не могу тебе этого объяснить. Мы связаны с Древом. Мы его дети. Существует лишь одна Вселенная, и пуп ее — Древо. А миряне и друиды служат ему верой и правдой посреди языческого космоса. Когда-нибудь все переменится. Все люди уверуют в наше божество. Кайрил станет святыней Галактики, а мы проведем жизнь в трудах и молитвах и, в конце концов, станем листьями в Вечном Сиянии, каждый на своем месте.

— Это растение — огромное, но все же растение — в ваших умах занимает больше места, чем все человечество. На Земле его давным-давно срубили бы на дрова. Впрочем, зачем рубить? Мы окружили бы его спиральной лестницей и водили бы экскурсии. А на верхушке продавали бы горячие сосиски и содовую. Нашего брата землянина никаким Древом не охмуришь.

Ильфейн не слушала.

— Джо, ты станешь моим любовником. Мы с тобой будем жить на Кайриле, служить Древу и убивать его врагов... — Ильфейн умолкла, увидев, что он помрачнел.

— Нет, не годится. Видать, у каждого из нас свой путь. Я вернусь на Землю. А ты останешься здесь и найдешь себе другого любовника, чтобы по твоей подсказке он убивал врагов.

Она отвернулась и, опершись на перила, стала смотреть на звезды. И вдруг спросила:

— До меня ты любил кого-нибудь?

— Ничего серьезного, — солгал Джо. И тут же спросил: — А ты? У тебя были мужчины?

— Ничего серьезного...

Джо бросил на жрицу мрачный взгляд. На ее лице не было и тени насмешки. Он вздохнул. Земля — не Кайрил.

— Что ты будешь делать на Балленкарче? — спросила она.

— Еще не думал. Но с мэнгами и друидами я дела иметь не намерен. Хватит с меня деревьев и интриг. У самого забот полон рот... — Он опустил голову и умолк.

Он как бы со стороны увидел свою погоню за Гарри Крисом. Подумать только: за два года побывать на

Юпитере, Плутоне, Альтаире, Веге, Гианзаре, Полярисе, Тюбане, Джемиветте и Кайриле — и ради чего? Как странно: до сих пор, живя мечтой о Маргарет, он не видел в своей затее ничего донкихотского, ничего смешного.

Но сейчас образ Маргарет в памяти стал призрачным, размытым. Иногда, правда, Джо словно наяву слышал ее звонкий смех. Он покраснел при мысли, что многому в его рассказе она не поверит, а многое найдет нелепым. Может быть, даже разочаруется в нем.

Ильфейн с любопытством наблюдала за его лицом. До чего же она реальна, в противоположность тем, о ком Джо только что вспоминал. Жрице не покажется глупым и смешным, если кто-то ради любви к ней отправится на край света. Совсем напротив, Ильфейн возмутится, попробуй он отказаться.

— А зачем ты летишь на Балленкарч? — спросила она.

— Хочу повидать Гарри Криса.

— А где ты его рассчитываешь найти?

— Не знаю. Начну поиски с цивилизованного континента.

— На Балленкарче еще нет цивилизации, — возразила Ильфейн.

— Значит, на варварском континенте, — поправился Джо. — Насколько я знаю характер Гарри, он обязательно в гуще событий.

— А если он умер?

— Тогда я со спокойной совестью отправлюсь домой.

«Гарри умер? — переспросит Маргарет. И возмущенно вскинет округлый подбородок. — Ну что ж, будем считать, ему не повезло. Возьми меня, возлюбленный рыцарь, и умчи на белой ракете!»

Он украдкой бросил взгляд на Ильфейн и впервые заметил в ее руке ладанку, источающую терпкий цветочный аромат. Ильфейн до сих пор его удивляла. Она очень серьезно относилась к жизни. Конечно, Маргарет была совсем другой — легкомысленной, жизнерадостной. И не стремилась уничтожать врагов своей религии. Джо рассмеялся: наверное, она даже слова такого не знала.

— Над чем ты смеешься? — подозрительно спросила Ильфейн.

— Вспомнил старого друга, — ответил Джо.

11

Балленкарч! Планета свирепых пыльных бурь и палящего солнца. Мир фиолетовых гор и подпирающих небо каменных частоколов, пламенных закатов, высоких, сумрачных лесов, саванн с зеленой-презеленой травой по лодыжку и медленно текущих рек.

В южных широтах земля сплошь покрыта джунглями — там царит первобытная жизнь. А по горным перевалам, лесам и равнинам умеренных широт караванами ярко раскрашенных кибиток кочуют туземные племена. Местные жители — рослые, зычноголосые люди в доспехах из кожи и железа — не привыкли жалеть крови в поединках и родовых распрях. Они живут в эпической атмосфере набегов, грабежей и сражений с двуногими зверьми джунглей. Их оружие — мечи, пики и небольшие баллисты, стреляющие камнями с кулак величиной. За тысячелетие, прошедшее после отрыва балленкарчцев от галактической цивилизации, их язык неузнаваемо изменился, а пиктография постепенно вытеснила письменность.

«Бельзаурон» опустился на залитую солнцем зеленую равнину. В стороне висели тучи и шел дождь, а над стеной высоких сине-зеленых деревьев изогнулась радуга.

Неподалеку от корабля стоял наспех построенный из бревен и покрытый рифленой жестью павильон, служивший, по-видимому, и вокзалом, и складом. Когда дюзы «Бельзаурона» смолкли, к кораблю подкатила повозка на восьми скрипящих колесах.

— А где город? — спросил Джо у Хаблъята.

— Принц запретил посадку кораблей вблизи крупных поселений. Он опасается работорговцев: на Фрумсе и Перкине велик спрос на сильных телохранителей из горцев Балленкарча.

Космопорт был открыт всем ветрам, и в распахнутый люк корабля затекал свежий воздух, напоенный ароматами трав. В салоне появился стюард и объявил:

— Желающие могут высадиться. Просим не уда-

ляться от корабля до прибытия аэромобиля, который доставит вас в Вайл-Алан.

Джо отыскал глазами Ильфейн. Она о чем-то горячо спорила с друидами-миссионерами, внимавшими с тупым упрямством на лицах. В конце концов Ильфейн резко повернулась и, бледнея от бешенства, пошла к выходу. Друиды направились следом, вполголоса переговариваясь.

Подойдя к восьмиколесной повозке, Ильфейн сказала кучеру:

— Я хочу в Вайл-Алан.

Кучер равнодушно посмотрел на нее и отвернулся. Хаблъят взял девушку под локоть.

— Жрица, на аэромобиле мы доберемся гораздо быстрее, чем на повозке.

Она высвободилась и быстро отошла в сторону. Хаблъят вплотную приблизился к кучеру, и тот прошептал ему на ухо несколько фраз. Лицо мэнга едва заметно изменилось — дрогнул мускул, напряглись челюсти. Заметив, что Джо за ним наблюдает, он сразу принял серьезный вид и отошел от повозки.

— Какие новости? — с ехидцей спросил Джо.

— Очень плохие, — ответил Хаблъят. — Хуже некуда.

— Что так?

Хаблъят помедлил, а когда заговорил, голос его звучал искренне и взволнованно:

— Мои противники в Латбоне оказались значительно сильней, чем я полагал. В Вайл-Алан прибыл сам Магнерру Ипполито. Наверное, он уже побывал у принца и раскрыл ему глаза на интриги друидов. Сейчас мне сообщили, что планы кафедрального собора и монастыря рухнули, а протоиерей Занбрион под домашним арестом.

— Разве не этого вы добивались? — удивился Джо. — Уж друиды, надо думать, не посоветуют принцу сотрудничать с мэнгами.

Хаблъят печально покачал головой.

— Мой друг, вас так же легко ввести в заблуждение, как моих воинственных соотечественников.

— Не думаю.

— Вы не замечаете очевидного.

— О чем вы?

— Друиды надеются прибрать к рукам Балленкарч. Мои противники на Мэнгтсе готовы драться с ними когтями и зубами. Они не видят дальше собственного носа, не умеют мыслить логически. Если друиды что-то затеяли, надо им помешать, считают наши вояки. Причем не стесняясь в средствах, что может нанести Мэнгтсу серьезный ущерб.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните, — сказал Джо, — но не совсем понимаю, как рассчитываете добиться своего.

— Дорогой друг, человеческое суеверие вовсе не безгранично. Миряне Кайрила считают свое Древо абсолютом. Как вы думаете, что случится, если они узнают о существовании еще одного священного Древа?

— Их почтение к своему уменьшится вдвое, — ухмыльнулся Джо.

— Разумеется, нельзя предугадать, насколько уменьшится их почтение, но вы мыслите правильно. В сердцах мирян поселятся сомнение и ересь, и в один прекрасный день друиды обнаружат, что миряне — не такая уж безответная и безразличная ко всему на свете скотина. Сейчас миряне всецело принадлежат Древу. Оно их властелин, причем уникальный, единственный во Вселенной. И вдруг оказывается, что на Балленкарче друиды выращивают еще одно Древо, причем из политических соображений. — Хабъят многозначительно поднял брови.

— Но друиды смогут обскакать вас, контролируя промышленность Балленкарча.

Хаблъят покачал головой.

— Мой друг, из трех планет Мэнгтс — самая слабая, наши резервы очень невелики. И в этом наша беда. На Кайриле избыток людских ресурсов, на Балленкарче есть сельское хозяйство, минеральное сырье и агрессивное население с воинственными традициями. Образно говоря, с кем бы из нас Балленкарч ни вступил в брак, он неизбежно превратится в людоеда, пожирающего собственную супругу. Возьмем друидов — эпикурейцев, развращенных роскошью, властелинов пяти миллиардов рабов. Представим, что они прибрали к рукам Балленкарч. Об этом смешно и думать: не пройдет и полвека, туземцы в шею

вытолкают попов из храмов и спалят Древо в победном костре. Рассмотрим альтернативный вариант: Балленкарч вступает в брак с Мэнгтсом. Неизбежно наступят тяжелые времена, никто не останется в выигрыше. Поэтому лучше, если затея друидов все-таки удастся. Принц Вайл-Аланский решил развивать на своей планете промышленность — значит, и друидам придется строить на Кайриле фабрики и школы для мирян. Старое минует безвозвратно. Может быть, жрецы сумеют удержать власть — неважно, Кайрил все равно превратится в индустриальный мир и послужит естественным рынком для продукции мэнгов. Без внешних рынков, какими могут стать Кайрил и Балленкарч, наша экономика неизбежно захиреет. Мы могли бы их завоевать, но, поверьте, это не выход.

— Понимаю, — медленно произнес Джо. — Так чего вы добиваетесь?

— Балленкарч способен обеспечить себя всем необходимым, но ни Кайрил, ни Мэнгтс не могут развиваться в изоляции. Как видите, нынешний приток богатств не удовлетворяет друидов. Они хотят большего и надеются добиться этого, контролируя промышленность Балленкарча. Я не желаю этого. Не по душе мне и сотрудничество между Кайрилом и Мэнгтсом — на данном этапе оно противоестественно. Я мечтаю о новом правительстве Кайрила, которое построит на планете современную промышленность, повысит уровень жизни мирян и заключит с нами взаимовыгодный союз.

— Жаль, что три планеты не в силах создать единый совет.

— Неплохая идея, — вздохнул Хаблъят, — но она неосуществима по трем причинам. Во-первых, на это не пойдут друиды. Во-вторых — Красная Ветвь, имеющая большое влияние на Мэнгтсе. В третьих — с этим могут расходиться намерения принца. Как только ситуация изменится, я первым проголосую за такой совет. Почему бы и нет? — Последние слова Хаблъят пробормотал себе под нос. На миг вежливая маска исчезла, и Джо увидел лицо очень утомленного человека.

— Какие у вас планы? — поинтересовался он.

Хаблъят печально вздохнул.

— Если я потеряю репутацию, мне, естественно, придется покончить с собой. Не глядите недоверчиво. Таков обычай мэнгов, способ выразить протест. Боюсь, недолго мне осталось жить на свете.

— А почему бы вам не пересмотреть свои политические взгляды?

— А вот такого обычая у нас нет, — ответил мэнг с грустной улыбкой. — Можете улыбаться, но не забывайте: нормальное существование общества зависит от соблюдения строгих правил.

— К нам летит аэромобиль, — сказал Джо. — На вашем месте я бы не думал о самоубийстве, а попытался найти общий язык с принцем. Похоже, он ключевая фигура в происходящем. Друиды и мэнги — на втором плане.

Хаблъят покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Принц — сомнительная личность. Не то бандит, не то шут, не то авантюрист. Для него обновление Балленкарча не более чем игра, спортивный рекорд.

Возле павильона опустился аэромобиль — большебрюхая машина, давно нуждающаяся в покраске. Из нее вышли двое рослых мужчин в красных штанах до колен, синих безрукавках, белых блузах и черных кепи. Держались они с высокомерием, присущим военной элите.

— Его высочество приветствует вас на своей земле, — сообщил один из них офицеру экипажа. — Ему угодно самому принять гостей, поскольку среди них наверняка есть шпионы.

— Хорошо, — кивнул офицер.

На этом разговор и закончился. Первыми в машину забрались Ильфейн и Хаблъят, затем миссионеры впихнули в нее переносной алтарь и залезли сами, потом уселись мэнги, не сводившие с Хаблъята злых глаз, и, наконец, Джо. Силлиты и старуха в черном не покинули корабля — вместе с экипажем им предстояло лететь дальше, кому на Сил, кому на Кастлгран, кому на Двуземелье.

Джо прошел в конец салона и уселся рядом с Ильфейн. Жрица взглянула ему в глаза. У нее было усталое лицо взрослой женщины.

— Что вам нужно?

— Ничего. За что вы на меня сердитесь? — спросил Джо.

— Вы шпион мэнгов.

Джо через силу рассмеялся.

— Это потому, что я часто разговариваю с Хаблъятом?

— Зачем он вас послал? Что вы должны мне передать?

Вопрос уложил его на лопатки. Неужели Хаблъят через него передавал Ильфейн, а значит, и друидам свои соображения?

Джо покачал головой.

— Не знаю, хотел он вам что-нибудь передать или нет. Он рассказал, почему взялся вам помочь с доставкой Сына Древа. И я ему поверил.

— Вы забыли, у нас нет больше Сына Древа, — язвительно заметила она. — Его украли на Перекрестке. — Внезапно зрачки жрицы расширились, и она с подозрением взглянула на Джо. — А при чем здесь вы? Может быть, вы тоже...

— Определенно, вы решили думать обо мне только плохое, — вздохнул Джо. — Ну что ж. Не будь вы такой красавицей, я бы о вас думал еще хуже. Вы рассчитываете обвести принца вокруг пальца, явившись к нему с двумя мордастыми друидами. Возможно, дельце и выгорит. Вы ни перед чем не остановитесь, я знаю. Вас действительно интересует, о чем мы говорили с Хаблъятом? — Джо посмотрел на жрицу в ожидании ответа, но она отвернулась к окну. — Он думает так: если затея с Сыном Древа удастся, то вам, друидам, со временем придется плясать под дудку наглых горцев. Если нет, то мэнги, конечно, изрядно попортят вам кровь, но рано или поздно вы их обскачете.

— Уходите, — сдавленным голосом произнесла Ильфейн. — Мне больно вас слушать. Оставьте меня.

— Ильфейн! Брось ты эту кровавую кашу из друидов, мэнгов и Древа Жизни. Я возьму тебя с собой, если сумею выбраться отсюда живым.

Жрица упрямо смотрела в окно.

Загудели двигатели, машина задрожала и оторвалась от земли. Вскоре павильон исчез из виду, впереди выросли горы с вершинами, покрытыми сверкающим

снегом. Внизу проносились луга с необычайно зеленой травой. Пролетев над горной грядой, машина пошла на посадку в сторону озера.

У берега раскинулось большое поселение. Судя по обилию недостроенных домов, его основали совсем недавно. В центре возвышались три огромных ангара и несколько высоких прямоугольных зданий со стеклянными стенами и крышами из блестящей жести. В миле от города, на оконечности длинного мыса, находилась посадочная площадка.

Машина опустилась на площадку. Отворилась дверца.

— Выходите, — буркнул солдат.

Джо выбрался из машины следом за Ильфейн и увидел впереди низкое длинное здание со стеклянным фасадом, обращенным к озеру.

— В резиденцию, — тоном приказа произнес балленкарчский капрал.

Джо усмехнулся: вряд ли из этих вояк получатся мирные труженики. Он пошел к зданию, с каждым шагом волнуясь все больше. Едва ли прием можно было назвать дружественным. Он заметил, что беспокойство охватило всех его спутников.

Впереди, на негнущихся ногах, шагала Ильфейн. На оскаленных зубах Ирру Каметина играл желтый глянец. Джо покосился на Хаблъята — толстяк что-то настойчиво втолковывал друидам. Те неохотно слушали. Хаблъят повысил голос, и Джо разобрал слова:

— Какая вам разница, чего я добиваюсь? Делайте, что говорю. Другого шанса не будет.

В конце концов друиды, похоже, согласились. Хаблъят обогнал стражников, повернулся и громко заявил:

— Стойте! Это возмутительно! Я требую прекратить издевательство!

Стражники в изумлении уставились на него. Глаза Хаблъята были злыми.

— Сейчас же приведите хозяина! Мы не позволим себя оскорблять!

Балленкарчцы растерянно моргали и не двигались.

— Что за чушь вы несете, Хаблъят? — ощетинил-

ся Ирру Каметин. — Хотите скомпрометировать нас в глазах принца?

— Пусть он намотает на ус, что у мэнгов есть чувство достоинства, — решительно ответил Хаблъят. — До тех пор, пока он не удосужится встретить нас подобающим образом, мы не тронемся с места.

— Ну так оставайтесь! — Ирру Каметин презрительно рассмеялся, запахнул алый плащ и направился к резиденции. Балленкарчцы посоветовались друг с другом, и один из них пошел следом за мэнгами. Второй проворчал, бросив на Хаблъята свирепый взгляд:

— Жди теперь, когда принцу доложат!

Как только мэнги из Красной Ветви и солдат-горец исчезли за углом резиденции, Хаблъят неторопливо вытащил из-под полы короткую трубку и разрядил ее в сторону оставшегося стражника. Глаза горца затянулись белой пеленой, и он рухнул на землю.

— Ничего страшного, он только парализован, — объяснил Хаблъят возмущенному Джо. — Быстрее! — поторопил он друидов.

Задрав рясы, друиды побежали к ближайшему берегу мыса. Один выковырял жезлом ямку в сырой глине, другой открыл алтарь и достал горшок с миниатюрным Древом.

— Эй, вы!.. — услышал Джо сдавленный возглас Ильфейн.

— Молчать! — рявкнул Хаблъят. — Придержите язык, если не хотите его лишиться. Они — архиереи!

Саженец опустили в ямку. Присыпали глиной корешки. Утрамбовали вокруг почву. Архиереи отряхнули руки, сложили алтарь и снова превратились в монахов с постными физиономиями. А Сын Древа, купаясь в теплых лучах желтого солнца, уже стоял на земле Балленкарча. Если не приглядываться, его можно было принять за обычный росток.

— А теперь можно и в резиденцию, — безмятежным тоном произнес Хаблъят.

Ильфейн смотрела то на него, то на друидов: в ее глазах были стыд и гнев.

— Все это время вы смеялись надо мной?!

— Нет-нет, жрица! — воскликнул Хаблъят. — Поверьте, вы сослужили Отечеству хорошую службу. А

теперь умоляю вас, успокойтесь! Сейчас нас отведут к принцу, и нам понадобится вся наша выдержка.

Ильфейн резко повернулась и направилась в сторону озера, но Джо удержал ее. Несколько секунд она напряженно смотрела ему в глаза, затем расслабилась.

— Ладно, я пойду с вами.

На полпути они встретили шестерых солдат, посланных за ними. Никто из горцев не заметил неподвижно лежащего в траве стражника.

У входа в резиденцию их обыскали, быстро, но столь тщательно, что вызвали гневный протест друидов и возмущенный визг Ильфейн. Изъятый арсенал выглядел внушительно. У друидов отобрали карманные бластеры, у Хаблъята — парализатор и пружинный нож, у Джо — пистолет, а у Ильфейн — блестящую трубку неизвестного назначения, которую она прятала в рукаве.

Вскоре появился капрал и сообщил:

— Вам дозволено пройти в резиденцию. Смотрите, ведите себя как подобает.

Миновав вестибюль со стенами, разрисованными жуткими, почти демоническими фигурами животных, *они вошли в большой зал. Потолок* был из толстых тесаных бревен, а стены занавешены циновками. Вдоль стен стояли кадки с красными и зелеными растениями, мягкий ковер из древесного волокна устилал пол. Напротив входа возвышался помост с перилами из дерева цвета ржавчины; на нем — похожее на трон кресло из того же дерева.

У стен выстроились двадцать или тридцать мужчин — рослых, загорелых, бородатых. Каждый был одет в красные панталоны, но на этом сходство их нарядов кончалось. Одни щеголяли в блузах ярких расцветок, другие носили короткие бурки из пышного черного меха. У каждого на поясе висела короткая тяжелая сабля, и каждый недружелюбно разглядывал гостей.

В стороне от помоста кучкой стояли мэнги из Красной Ветви. Ирру Каметин резким стаккато выговаривал что-то молодой вдове, двое функционеров молча слушали его.

В зал вошел церемонимейстер и сыграл на длинном

латунном горне великолепную фанфару. Губы Джо тронула улыбка: ни дать ни взять оперетта. Воины в красочных мундирах, музыка, помпезность...

И снова фанфара: тан-тара-тантиви! Звонко, волнующе.

— Принц Вайл-Аланский! Правитель-владетель всего Балленкарча!

В зале появился светловолосый мужчина. Он быстро взошел на помост и уселся на трон. У него было округлое лицо с веселыми складками возле рта и руки с длинными, нервными пальцами; он сразу создал вокруг себя атмосферу жизнерадостности и безрассудства. Его появление стража встретила не то благоговейным вздохом, не то возгласом: «Аааааах!»

Джо медленно покачал головой. Он ничуть не удивился. Да и могло ли быть иначе?

Взгляд Гарри Криса обежал зал и задержался на Джо. С минуту он изумленно разглядывал старого знакомого, потом воскликнул:

— Джо Смит?! О небо, как ты сюда попал?

Ради этого момента Джо пролетел тысячу световых лет. Но теперь язык словно присох к небу. Запинаясь, Джо проговорил слова, которые повторял про себя в дни томительного ожидания, тяжелого труда и смертельных опасностей:

— Я прилетал за тобой! — Чтобы произнести их, потребовалось собрать в кулак всю волю.

— За мной? В такую даль?

— Да.

— Зачем я тебе понадобился? — Гарри откинулся на спинку трона, рот растянулся в ухмылке.

— На Земле ты не довел до конца одно дело.

— Не знаю, дружище, не знаю. Боюсь, я стал тяжел на подъем. — Он повернулся к долговязому стражнику, стоявшему рядом с каменным лицом: — У этих людей отобрали оружие?

— Да, принц.

Гарри снова повернулся к Джо и шутливо развел руками:

— Слишком многих интересует моя скромная персона. Не могу не учитывать очевидного риска. Но все-таки, Джо, скажи: зачем тебе нужно, чтоб я вернулся?

«Зачем? — мысленно спросил себя Джо. — Да затем, что Маргарет внушила себе, будто влюблена в тебя, а я считал — она влюблена в мечту. И тогда я решил: если Маргарет проживет с тобой месяц, а не два дня, она поймет: любовь — не череда взлетов и падений, как на американских горках, а супружеская жизнь состоит не только из веселых проделок... И когда Маргарет выбросит из своей прелестной головки романтическую чепуху, в ее сердце найдется местечко для меня. Казалось, все просто, нужно лишь слетать за тобой на Марс. Но с Марса ты отправился на Юпитер, с Юпитера — на Плутон...»

Джо покраснел, почувствовав спиной пристальный взгляд Ильфейн. Он открыл было рот, но слова застряли в горле. Все, кто были в зале, смотрели на него. Удивленные, равнодушные, заинтересованные, враждебные, изучающие глаза. Участливый взгляд Хаблъята, испытующий — Ильфейн, насмешливый — Гарри Криса. Постепенно в затуманенном мозге обрела четкую форму мысль: «Не было еще во Вселенной такого осла, как я!»

— Это Маргарет тебя послала? — беспощадно спросил Гарри.

Джо представил, как Маргарет сидит у экрана и насмешливо следит за ними обоими. Он перевел взгляд на Ильфейн — капризную, бестактную, эгоистичную и категоричную в суждениях. Но чистосердечную и славную.

— Маргарет? — Джо засмеялся. — Нет, она здесь ни при чем. Вообще-то я передумал. Держись-ка ты, брат, от Земли подальше.

Гарри слегка расслабился.

— Если все-таки дело в Маргарет, ты порядком опоздал. — Он почесал шею и спросил: — Где она, черт возьми? Маргарет!

— Маргарет?.. — пробормотал Джо.

Она взошла на помост и облокотилась на спинку трона. И поздоровалась таким тоном, будто они расстались вчера после ужина:

— Привет, Джо. Какой приятный сюрприз!

Маргарет и Гарри засмеялась. Джо тоже улыбнулся — мрачно. «Очень хорошо, — подумал он, — я

проглочу эту пилюлю». Поймав взгляд светловолосой красавицы, он буркнул:

— Поздравляю.

И в этот миг он понял: Маргарет получила то, о чем мечтала. Волнующую, полную интриг и приключений жизнь. И возвращаться к прежней жизни, похоже, не собиралась.

12

Словно сквозь дрему Джо слушал голос Гарри:

— Видишь ли, старина, мы здесь делаем очень хорошее дело. И вообще, Балленкарч — замечательная планета. С неисчерпаемыми запасами высококачественных руд, леса, органического топлива, большими людскими ресурсами. Я решил превратить ее в Утопию. На моей стороне компания отличных парней. Они мне во всем помогают. Мальчики немного грубоваты, зато поверили в меня, дали мне шанс. Конечно, я этого добился не сразу, даже пришлось кое-кому снять голову, зато теперь ребята знают, кто у них босс, и мы не ссоримся. — Гарри бросил нежный взгляд на приближенных — любой из них мог задушить его одной рукой. — Лет через двадцать, — продолжал он, — ты глазам своим не поверишь, если прилетишь к нам. Уверяю тебя, Джо: Балленкарч превратится в рай. А теперь извини, друг, тебе придется немного подождать. Государственные дела. — Он поудобнее уселся на троне, посмотрел на мэнгов, затем на друидов, и сказал: — Сейчас мы обо всем потолкуем. Пока вы не забыли, зачем прилетели. А, старина Хаблъят! — Он подмигнул Джо. — Братец Лис! Что вас ко мне привело?

Хаблъят шагнул вперед.

— Ваше высочество, я в затруднительном положении. В полете я не мог связаться с правительством моей родины и не знаю, насколько широки мои полномочия.

— Разыщи Магнерру, — велел Гарри стражнику. И — Хаблъяту: — Только что с Мэнгтса прибыл Магнерру Ипполито. Говорит, он послан от Ампиану-Женераль.

Через сводчатый проем в стене вошел коренастый

и желтый, как лимон, мэнг с яркими оранжевыми губами и черными глазами. На нем были алая мантия, отороченная лентой из фиолетовых и зеленых квадратов, и черная кубическая шляпа.

— Магнерру, — обратился к нему Гарри, — Хаблъят хочет знать, в каких рамках он может делать политику.

— Ни в каких, — скрипучим голосом ответил Ипполито. И повторил: — Ни в каких. Голубая Вода в Ампиану дискредитирована, в Латбоне взяла верх Красная Ветвь. Хаблъят говорит только от своего имени, и скоро умолкнет.

Гарри кивнул.

— Все же есть смысл дать ему последнее слово.

Лицо Хаблъята хранило веселую маску, но взгляд был ледяным.

— Ваше высочество, я буду краток, — сказал он. — Мне бы хотелось, чтобы вы выслушали не только Магнерру Ипполито, но и двух архиереев, находящихся среди нас. Имею честь представить высоких послов Кайрила — Опорето Импланта и Гамеанзу. Им есть что сказать.

— Сколько знаменитостей в моей скромной резиденции! — насмешливо произнес Гарри.

Провожаемый жгучим взглядом Магнерру, Гамеанза подошел к помосту.

— Принц Гарри, мне кажется, создавшаяся атмосфера не подходит для международных переговоров. Но смею заверить: когда бы вы ни пожелали выслушать меня в более деловой обстановке, я с радостью изложу вам основные направления политики друидов в соответствии с моими взглядами на политическую и этическую ситуацию.

— Язык без костей! — буркнул Магнерру. — Выслушайте его, принц. Узнайте, что придумали друиды, чтобы превратить вас в рабов. А потом посадите его на корабль для скота и отправьте обратно, на вонючую серую планету.

Щеки Гамеанзы налились кровью. Казалось, его кожа вот-вот пойдет трещинами. Наконец он справился с собой и произнес, обращаясь к Гарри:

— Я к вашим услугам.

Гарри встал.

— Ладно, удалимся на полчаса и обсудим ваши предложения. С вами я тоже поговорю, не волнуйтесь, — пообещал он Магнерру. Потолкуйте пока с Хаблъятом, вспомните былые времена. Ведь он когда-то был на вашей стороне.

Гарри спрыгнул с помоста и вышел из зала, вслед за ним — архиереи. «Увидимся позже!» — сказала Маргарет, обращаясь к Джо. Она помахала ладошкой и вышла в другую дверь.

Джо уселся на скамью в углу. Перед ним, как натурщики перед художником, стояли мэнги, Ильфейн — сама свежесть и красота, Хаблъят, внезапно ставший понурым и беспомощным, балленкарчцы в броских нарядах. Не привыкшие к словесным перепалкам, горцы были сбиты с толку и встревожены; хмуро озирая гостей, они о чем-то переговаривались между собой.

Ильфейн повернулась и окинула взглядом зал. Увидев Джо, помедлила, затем подошла и села рядом.

— Все-таки ты издеваешься надо мной! — надменно произнесла она.

— С чего ты взяла?

— Ты нашел человека, которого искал. Так почему ты сидишь сложа руки?

Джо пожал плечами.

— Я передумал.

— Потому что здесь оказалась желтоволосая женщина?

— Отчасти.

— При мне ты ни разу о ней не упоминал.

— Не думал, что тебе интересно.

Ильфейн не сводила глаз с противоположной стены зала.

— Сказать честно, почему я передумал? — спросил Джо.

Она покачала головой.

— Не надо.

— Из-за тебя.

— Так ты здесь из-за желтоволосой?!

— Каждый человек может раз в жизни выставить себя на посмешище, — рассудительно произнес Джо. — Минимум, раз...

Это ее не успокоило.

— Значит, если я попрошу привести ко мне кого-нибудь, ты на этот раз откажешься? Желтоволосая для тебя значит больше, чем я?

— О Господи! — застонал Джо. — Начнем с того, что мне никогда в голову не приходило... О дьявол!

— Я тебе предлагала стать моим любовником.

Джо метнул на девушку раздраженный взгляд.

— Мне бы хотелось... — Он умолк, вспомнив, что Кайрил — не Земля, а Ильфейн — не студентка колледжа.

Ильфейн засмеялась.

— Джо, я очень хорошо тебя понимаю. Но не забывай: я еще не услышала признания в любви.

— Боюсь, ты права, — проворчал Джо.

— Так попытайся.

Джо попытался — и с радостью убедился, что девушка — девушка и есть, будь то жрица или студентка.

Тем временем Гарри и архиерей Гамеанза вернулись в зал, на бледном лице друида — целая гамма чувств. Гарри обратился к Магнерру:

— Надеюсь, теперь вы окажете мне любезность и ответите на несколько вопросов?

С трудом сдерживая гнев, Магнерру встал, одернул мантию и вслед за Гарри прошел в кабинет. Видимо, беседы с глазу на глаз были ему не по вкусу.

Хаблъят сел рядом с Джо. Ильфейн неподвижно смотрела в сторону. Хаблъят выглядел измученным: с подбородка безвольно свисают желтые складки, веки опущены. Джо похлопал его по плечу:

— Встряхнитесь, Хаблъят. Рано умирать.

Мэнг покачал головой.

— Рухнули планы всей моей жизни.

Джо бросил на него подозрительный взгляд. На самом ли деле толстяк опечален, не притворны ли тяжкие вздохи?

— Вы еще не изложили мне свое жизненное кредо, — заметил Джо.

Хаблъят пожал плечами.

— Я патриот, хочу видеть родину богатой и процветающей. Я с детства впитал культуру своего мира. Для меня не существует лучшего образа жизни, и я

добиваюсь, чтобы он распространялся на другие планеты, вбирая в себя все хорошее, подавляя плохое.

— То есть вы такой же ярый империалист, как ваши земляки из Красной Ветви, — заключил Джо.

— Пожалуй что так, — вздохнул Хаблъят. — Но мне кажется, эпоха военного империализма в прошлом, сейчас возможен лишь культурный империализм. Одному миру не так-то просто завоевать другой. Можно опустошить планету, превратить ее в кучу хлама, но в конечном счете победитель окажется в проигрыше. Боюсь, военные авантюры истощат ресурсы Мэнгтса, погубят зарождающуюся на Балленкарче цивилизацию и откроют дорогу религиозному империализму друидов.

— А чем он хуже вашего культурного? — сердито спросила Ильфейн.

Мэнг покачал головой.

— Очаровательная жрица, мне не найти аргументов, которые вас убедят. Скажу лишь одно: при всех своих огромных возможностях друиды почти ничего не производят, и это потому, что пьют кровь нищего народа. Поэтому я всем сердцем надеюсь, что ваш образ жизни не выйдет за пределы Кайрила, и я не стану одним из мирян.

— Я тоже надеюсь, — присоединился к нему Джо.

— Вы мне противны! Оба! — Ильфейн вскочила.

Удивляясь своей решительности, Джо схватил ее за руку. Несколько секунд Ильфейн молча вырывалась, потом смирилась и села на место.

— Первый урок земной культуры, — ласково объяснил ей Джо. — Спорить о религии — дурной тон.

В этот миг в зал вбежал солдат. Он задыхался, глаза — круглые от страха.

— Там... в конце дороги... страшилище! Где принц? Скорей зовите принца! На берегу чудовищное растение!

Хаблъят вскочил, его лицо мгновенно ожило. Он бросился к выходу.

— Я тоже пойду, — сказал Джо, поднимаясь.

Ильфейн молча последовала за ними.

Джо не верил своим глазам: в окружении испуганной толпы балленкарчцев перед ним стояло нечто невиданное. Нечто уродливое, корчащееся и вздрагивающее.

— Сын Древа! — благоговейно прошептал он.

Сын Древа рос и становился все уродливей. Он уже не был похож на Древо Жизни. Он приспосабливался к новым условиям, вырабатывал новые функции — гибкость, быстроту роста, способность защищаться.

Теперь он походил на огромный одуванчик: в двадцати футах над землей на тонком сгибающемся стебле висит пушистый шар, внизу стебель окружен конусом плоских зеленых лепестков, в основании каждого лепестка — зеленый в черных крапинках усик, свернутый спиралью. Эти усики могли с силой выпрямляться, выбрасывая вперед острый кончик, и на трех из них уже висели безжизненные тела горцев.

— Это дьявол! — пронзительно закричал Хаблъят. Он лихорадочно рылся в сумке, забыв, что оружие отобрали при обыске.

Внезапно офицер с бледным, искаженным яростью лицом выхватил из ножен саблю и бросился на Сына. Пушистый шар качнулся в его сторону, усики поджались, как ножки насекомого. Затем они ударили — одновременно, и с разных сторон — и, раздирая плоть, потащили офицера к стволу. Он страшно закричал, но вскоре затих и обмяк. Усики налились кровью, запульсировали, и Сын заметно подрос.

Четверо, затем еще шестеро солдат бросились на чудовище, стараясь действовать сообща. Усики кололи, уворачивались, хлестали — и вот уже десять обескровленных тел лежат на земле, а Сын увеличился, будто на него навели огромную лупу.

Джо услышал неуверенный голос Гарри:

— Осторожнее! Эй, вы, в сторону!

Принц Вайл-Аланский стоял и смотрел на растение. На его глазах чудовище расправлялось со следующим десятком смельчаков.

Сын сражался с коварством полуразумного животного. Внезапно усики выпрямились на всю длину и потащили к стволу дюжину кричащих людей. Обезумевшая от ярости и страха толпа качнулась вперед-назад и с ревом бросилась врукопашную. Сабли взлетали, сверкали, рубили. Над ними без устали раскачивался пушистый шар. Это было невероятно: Сын видел и чувствовал, растительный ум продумывал молниеносные, жестокие и безошибочные удары. Усики

били, уворачивались, пронзали, высасывали кровь и снова били. А Сын Древа рос, разбухал.

Наконец уцелевшие солдаты попятились, беспомощно глядя на усеянную трупами землю. Гарри подозвал одного из телохранителей.

— Привези тепловую пушку.

К нему с воплями бросились архиереи:

— Нет! Пощадите! Это священный побег, Сын Древа!

Гарри лишь отмахнулся от них. Гамеанза в ужасе заломил руки.

— Отзовите солдат! — закричал он. — Кормите его преступниками и рабами! Через десять лет он станет огромным, величественным Древом!

Гарри оттолкнул друидов и крикнул стражникам:

— Уберите этих маньяков!

Со стороны резиденции подкатила телега с большим излучателем и развернулась в пятидесяти футах от растения. Гарри кивнул. Широкий белый луч ударил в основание ствола, высветив пятно. «Аааах!» — почти сладострастно вздохнула толпа. Восторг тут же угас: Сын впитывал энергию, как солнечный свет, блаженствовал и рос. Пушистый белый шар поднялся еще на десять футов.

— Цельтесь в верхушку! — озабоченно приказал Гарри.

Луч скользнул по стволу и уперся в шар. Тот вздрогнул и отстранился.

— Ага, не нравится! — обрадованно закричал Гарри. — Жарь!

Архиереи мычали, мотая головами, словно не Сын Древа, а они сами стояли под лучом.

Белый шар замер и вдруг послал ответный пучок энергии. Излучатель взорвался, во все стороны полетели руки, ноги и головы солдат.

Наступила гробовая тишина. Затем дикий многоголосый вопль: усики метнулись на поиски пищи.

Джо едва успел оттолкнуть Ильфейн: острие усика пронзило воздух в футе от нее.

— Но ведь я — жрица! — изумленно пролепетала девушка. — Как же так? Древо покровительствует друидам! Оно питается только мирянами, пилигримами...

— Пилигримами? — переспросил Джо. В который раз он словно наяву увидел этих бедняг — усталых, грязных, больных, со стертыми в кровь ногами. Вспомнил, как они входили в Священное Дупло, задерживаясь на миг, чтобы напоследок окинуть взглядом пыльную равнину и ветви над головой. Каждый день Древо поглощало их тысячами, молодых и старых, мужчин и женщин...

Джо задрал голову и посмотрел на верхушку Сына. Белый шар вертелся, оглядывая свои новые владения.

— Из всех тварей, которых я повидал на тридцати двух планетах, эту меньше всего хочется боготворить.

Прихрамывая, к нему подошел Гарри. Его лицо напоминало восковую маску.

— Это всего лишь саженец, а на Кайриле я видел взрослое Древо. Оно пожирает людей тысячами.

— Здешние жители мне верят, — пробормотал Гарри. — Они меня самого считают кем-то вроде бога. В основном потому, что я сведущ в инженерном деле. Нет, я просто обязан прикончить это страшилище.

— Разве ты не будешь выращивать его вместе с друидами?

— Что за чушь ты несешь, старина? Не собираюсь я его ни с кем выращивать. Проклятые друиды! Чума на их головы! Будут сидеть взаперти, пока я не выкорчую эту тварь! У меня, конечно, проблем хватает, но решать их с помощью такого монстра — уволь. Кто его притащил, черт побери?

Джо промолчал. Ответила Ильфейн:

— Сын доставлен с Кайрила по велению Древа.

Гарри вытаращил глаза.

— Так Древо еще и говорить умеет?

Ильфейн замялась.

— Собор Архиереев прочел его волю по множеству знамений, — наконец произнесла она.

— Гм, — хмыкнул Гарри. — Вот, значит, что вы для нас припасли — симпатичную тиранийку в экзотической упаковке. Ладно, как бы там ни было, эту гадину надо убить. — И добавил вполголоса: — Хорошо бы и старшую зверюгу — на всякий случай.

Джо расслышал его слова и посмотрел на Ильфейн. Но она молча глядела на Сына.

— Похоже, он поглощает энергию, — рассуждал

Гарри, — значит, тепловой луч отпадает. Взорвать? Можно попробовать. Я пошлю в арсенал за взрывчаткой.

Гамеанза вырвался из рук стражников и бросился к нему, наступая на полы рясы.

— Ваше высочество! Мы решительно протестуем! Это агрессия против священного Древа!

— Сожалею, но ничем не могу помочь, — ответил Гарри, недобро улыбаясь. — Для меня это не святыня, а взбесившаяся тварь.

— Его присутствие — символ дружбы между Кайрилом и Балленкарчем! — упорствовал Гамеанза.

— Хватит! Выбросьте из головы дурацкую метафизику! Ваш Сын Древа — убийца, людоед. Он мне не нужен. Жаль, что вы у себя завели такое чудище, хотя и непристало мне вас жалеть. — Он оглядел Гамеанзу с головы до ног. — Да, своим Древом вы неплохо попользовались. Уже тысячу лет оно служит вам кормушкой. Но на Балленкарче этот номер не пройдет. Через десять минут от вашего подарка только щепки останутся.

Повернувшись, друид отошел и зашептал что-то на ухо Опорето Импланту. Тем временем солдаты подбросили к стволу десять фунтов взрывчатки, упакованные вместе с детонатором. Гарри взял в руки тепловое ружье и прицелился в детонатор.

— Погоди-ка! — спохватился Джо. — Подумай: щепки разлетятся на целый акр. Что, если каждая пустит корни?

Гарри опустил излучатель.

— Разумная мысль, — согласился он.

Джо показал на сельские коттеджи, стоящие в отдалении.

— Твои фермы выглядят ухоженными и современными.

— Построены по новейшим земным образцам, — похвастал Гарри. — А что?

— Скажи, ведь твоим молодцам не приходится полоть грядки руками?

— Нет, конечно. У нас полно разных пестицидов. Гормоны, например... — Он запнулся, затем хлопнул Джо по плечу и воскликнул: — Верно, Джо! Портфель министра сельского хозяйства — твой!

— Сначала поглядим, как химикаты подействуют на Древо. Если это растение — ему конец.

От пестицидов Сын Древа словно обезумел. Его усики извивались, скручивались, били наугад. Белая пушистая «голова» метала во все стороны пучки энергии. Двухсотфутовые лепестки в агонии вытянулись к небу и распластались по земле.

Подъехала еще одна телега с тепловой пушкой. На этот раз Сын почти не сопротивлялся. Ствол обуглился, лепестки съежились, потемнели.

В конце концов от Сына Древа остался жалкий, зловонно чадящий огарок.

Принц Гарри восседал на троне. Перед ним стояли мертвенно-бледные архиереи Гамеанза и Опорето Имплант. Вдоль одной из стен строго по ранжиру выстроились мэнги: Магнерру Ипполито в красной мантии и гравированной кирасе, Ирру Каметин и двое функционеров в штатском.

В зале звучал чистый, звонкий голос Гарри:

— Итак, господа, мне вас нечем обрадовать. Не зная, какой путь предпочтет Балленкарч — Кайрила или Мэнгтса, — вы прибыли сюда, надеясь повлиять на наш выбор. Так вот, — он поерзал на троне, но руки, лежавшие на подлокотниках, оставались неподвижны, — к сведению как мэнгов, так и друидов, эта проблема решена раз и навсегда. Мы будем жить по-своему. Наше общество пойдет по пути прогресса, и я верю: мы построим прекрасный мир. И поскольку Сына Древа больше нет, я хочу поставить на этом точку. Я не виню вас, друиды. Вы — рабы веры, как и ваши миряне. Далее. Поскольку мы решили ни с кем из вас не вступать в тесный союз, нам остается только одно: засучить рукава и работать. И мы работаем. Пока мастерим простые инструменты: молотки, пилы, лопаты. Через год начнем выпуск электрического оборудования. Через пять лет здесь, на берегу озера Алан, будет стоять космодром. Через десять лет мы сможем отправить наши товары к любой из звезд, которые вы увидите на ночном небе. А может быть, и дальше. Так что, Магнерру, можете возвращаться на Мэнгтс и передать мои слова Ампи-

ану и Латбону. Что касается вас, друиды, то я сомневаюсь, захотите ли вы вернуться.

— Это почему? — зло спросил Гамеанза.

— К тому времени, когда вы доберетесь до Кайрила, там может начаться переполох.

— Ну, это всего лишь предположение. — Рот Хаблъята растянулся в ухмылке.

Гладь озера Алан пылала отблесками заката. Джо удобно расположился на веранде резиденции. Рядом сидела Ильфейн в легком белом платье.

Гарри был возбужден: вскакивал, садился, жестикулировал. Хвастал. Новые плавильные установки Палинса, сотня школ, двигатели для сельскохозяйственных машин, ружья в армии...

— Конечно, они были и остались варварами, — говорил Гарри о своих подданных. — Любят подраться, обожают дикую жизнь, весенние праздники, ночные пляски вокруг костра. Это у них в крови, и я не в силах их изменить. — Он подмигнул Джо. — Самых горячих я послал на другой континент против кланов Вайл-Макромби. Так сказать, убиваю одним камнем двух зайцев. В схватках с людоедами Макромби они выпустят воинственный пар, а заодно завоюют континент. К молодым у нас отношение другое. Им мы внушаем, что почета и славы, скорее, достоин инженер, нежели солдат. Придет время, и это даст плоды. Покуда отцы будут очищать материк от людоедов, дети вырастут совсем другими людьми.

— Неплохо придумано, — кивнул Джо. — Между прочим, куда девался Хаблъят? Его с утра не видать.

— Хаблъят улетел.

— Улетел? Куда?

— Ну... не знаю. Тем более что здесь жрица.

— Я больше не жрица! — запротестовала Ильфейн. — Я выкинула все это из головы. Теперь я... — Она обернулась к Джо. — Кто я теперь?

— Эмигрантка, — сказал Джо. — Гражданка Вселенной. — Он повернулся к Гарри. — Говори смело.

— А вдруг? Где гарантия?

Джо пожал плечами.

— Ну и ладно, не хочешь — не говори.

— Хорошо, — уступил Гарри. — Скажу. Ты в курсе, что Хаблъят сейчас в опале? Мэнги очень хитры и скрытны, но в их жизни огромную роль играет престиж. А Магнерру Ипполито, побывав на Балленкарче, свой престиж, считай, утратил. Чтобы добиться уважения соотечественников, Хаблъяту надо совершить какой-нибудь подвиг. А мы, сам понимаешь, кровно заинтересованы в том, чтобы на Мэнгтсе у власти оказалась Голубая Вода.

— И что же?

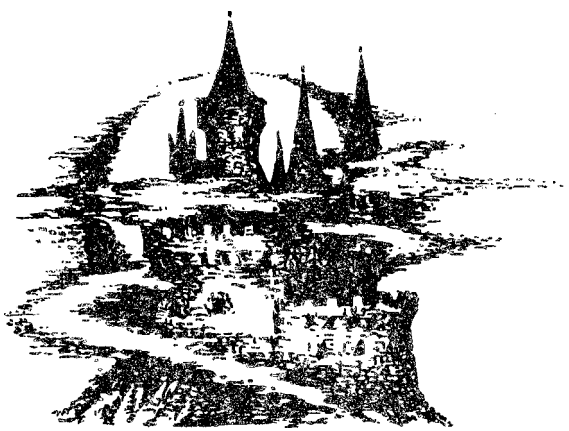
— В общем, я отдал Хаблъяту все пестициды, что лежали у нас на складе. Тонн пять. Мы погрузили их на корабль, который я ему любезно предоставил, и он улетел. — Гарри шутливо развел руками. — А куда улетел — понятия не имею.

Ильфейн с тяжким вздохом отвернулась к озеру Алан. Над ним полыхал розово-золотисто-пурпурный закат.

— Древо... — прошептала девушка.

— Пора ужинать. — Гарри встал. — А что касается Хаблъята... если братец Лис взялся за дело, его никто на свете не остановит.

УЗКАЯ ПОЛОСА

ЗЕЛЕНАЯ МАГИЯ

Как-то Говард Фейр, просматривая наследие своего великого дядюшки, Джеральда Макинтайра, нашел большой фолиант, озаглавленный:

Рабочая тетрадь журнал
Открывать с предосторожностью!

Фейр с интересом стал читать журнал, хотя идеи, лишь осторожно высказанные Джеральдом Макинтайром, лежали несколько в стороне от его собственных интересов. «Теперь уже не вызывает никаких сомнений существование дисциплин, проистекающих из элементарной магии», — писал Макинтайр. — «Руководствуясь рядом аналогий из черной и белой магий (в свое время они будут подробно рассмотрены), я описал главные направления развития как пурпурной магии, так и вытекающего из нее Динамического Номизма».

Фейр продолжил чтение, отмечая тщательно сделанные чертежи, проекты, выводы, трансполяции и трансформации, с помощью которых Джеральд Макинтайр строил свою систему. Однако техника познания развивалась так быстро, что представления Макинтайра, в высшей степени рискованные шестьдесят лет назад, сейчас казались слишком косными и нудными.

«В то время как духи: ангелы, эльфы, Веселые дровосеки и Песочные человечки типичны для белой сферы, а демоны, тролли и вурдалаки вызываются черной магией, точно так же пурпурный и зеленый круги имеют своих подданных. Их нельзя считать ни силами добра, ни силами зла — в каком-то смысле они имеют такое же отношение к черному и белому кругам, как эти последние к нашему, исходному для всех последующих, миру».

Фейр перечитал абзац.

«Зеленый круг?»

Неужели Джеральд Макинтайр забрел в такие области, которые упустили из виду современные исследователи?

С этой мыслью он снова обратился к журналу и, в самом деле, обнаружил массу намеков и указаний, что так оно и есть. Особенно интригующей была неразборчивая заметка на полях: «Я не могу более подробно осветить мои последние исследования, ибо мне обещаны несметные сокровища за мою сдержанность».

Судя по дате, стоящей под этой фразой, она была написана за день до смерти Джеральда Макинтайра. Он умер 21 марта 1898 года, в первый день весны. Макинтайр очень недолго наслаждался этими «несметными сокровищами»... что бы они из себя ни представляли. Фейр вернулся к изучению журнала и вдруг, прочтя несколько предложений, будто через щель приотворенной двери, заглянул в совершенно иной мир. Больше никаких пояснений Фейр у Макинтайра не нашел и решил сам провернуть расследование, самым подробным образом.

Сначала он пошел обычным путем: сотворил два заклинания; перерыв стандартные указатели, учебники и сборники формул, вызвал демона, очень знающего и эрудированного — как ему раньше казалось, — но все безуспешно. Ему не удалось найти никаких явных доказательств существования кругов, лежащих за пределами пурпурного. А демон вообще не понимал, о чем идет речь.

Это вовсе не обескуражило Фейра, напротив, интерес его еще более возрос. Он снова перечитал журнал, особенно внимательно те места, которые подтверждали существование пурпурной магии. Фейр совершенно резонно полагал, что Макинтайр, пробираясь на ощупь к сферам, лежащим за пределами пурпурной, скорее всего пользовался теми же методами, которые сослужили ему раньше добрую службу.

Окрашивая и просматривая потом в ультра-фиолетовом свете листы фолианта, Фейр смог разобрать множество записей, набросанных Макинтайром, а затем стертых.

Эти находки еще больше окрылили Фейра. Записи убеждали, что он находится на правильном пути и,

более того, указали множество тупиковых направлений, которые Фейр благополучно избежал.

Он так рьяно принялся за дело, что не прошло и недели, как ему удалось вызвать эльфа зеленого круга.

Эльф появился в облике человека с глазами цвета бутылочного стекла и копной молодых эвкалиптовых листьев на голове. Холодно и учтиво поздоровавшись с Фейром, он не пожелал присесть и отклонил приглашение выпить чашечку кофе.

Пройдясь по комнате и с насмешливым изумлением полистав книги и раритеты Фейра, эльф согласился ответить на его вопросы.

Фейр попросил у него разрешения использовать магнитофон, эльф не возражал, и Фейр включил аппарат. Потом, когда он включил запись, то не услышал ни звука.

— Какие магические сферы лежат за пределами зеленого круга? — спросил Фейр.

— Да как вам сказать, — отвечал эльф, — я и сам точно не знаю. Существуют по крайней мере два круга, близкие по цвету к тому, что мы называем мозглявый и бледнявый, а весьма вероятно, что и другие.

Фейр поправил микрофон, чтобы он лучше улавливал голос духа.

— На что, — спросил он, — похож зеленый круг? Каков его физический облик?

Дух помолчал, о чем-то размышляя. По его лицу, отражая оттенки мыслей, пробежала волна перламутрового мерцания.

— Меня очень удручает использованный вами термин «физический». А понятие «облика» включает в себя субъективную интерпретацию, которая меняется время от времени.

— В таком случае, — сказал Фейр опрометчиво, — опишите его своими словами.

— Ну... у нас существуют четыре различные области, две из которых произрастают из осинового ствола мироздания, и далее порождая остальные. Первая из них зажата и заужена, но привлекательна своими обширными скопищами цветных крапинок, которыми мы иногда пользуемся для кратковременных стоянок. Мы перенесли мхи с земли эры Девона и немного

ледяного огня из Пердиции. Они обвиваются вокруг прутьев, которые мы называем волосами дьявола...

Он продолжал шпарить в том же духе еще несколько минут, но смысл его речей почти совершенно ускользал от Фейра. Все шло к тому, что ответ на вопрос, задав который Фейр надеялся растопить лед в их отношениях, займет все интервью. Фейр затронул другую тему:

— Можем ли мы свободно изменять физические параметры Земли?

Духа, казалось, этот вопрос позабавил.

— Вы имеете в виду различные аспекты пространства, времени, массы, энергии, жизни, мышления и памяти, не так ли?

— Точно.

Дух приподнял зеленые брови.

— С тем же успехом я бы мог поинтересоваться: можете ли вы разбить яйцо, ударив по нему дубинкой? Ответ был бы на примерно том же уровне серьезности.

Фейр уже отчасти настроился на то, чтобы не обращать внимания на снисходительно-раздраженный тон ответов эльфа и не смутился.

— Как я могу овладеть этим искусством?

— Обычным путем: прилежно обучаясь.

— Да, в самом деле... Но где я мог бы учиться? Кто стал бы учить меня?

Непринужденный жест духа — и клубы зеленого дыма поплыли от его пальцев, кружась в воздухе.

— Я мог бы устроить это, но зачем? Вы не вызываете у меня ни злобы, ни враждебности, и ничего подобного я делать не стану. И вообще мне пора...

— Куда вы идете? — спросил Фейр с тоскливым неудовлетворением в голосе. — Можно мне пойти с вами?

Эльф, взвихрив за плечами шлейф ярко-зеленой пыли, покачал головой.

— Вам там не очень-то понравится.

— Но другие уже исследовали миры магии.

— Да, правда. Ваш дядя Джеральд Макинтайр, например.

— Мой дядя Джеральд изучал зеленую магию?

— В пределах своих возможностей. Он не получил никакой радости от своих знаний. Вам следовало

бы удовольствоваться его опытом и умерить свои амбиции.

Дух повернулся и пошел прочь.

Фейр наблюдал за тем, как он уходил. Дух удалялся в пространстве и уменьшался в размерах, но так и не достиг стены в комнате Фейра. На расстоянии, должно быть, около пятидесяти ярдов, эльф обернулся, как будто хотел удостовериться, что Фейр не идет за ним, а затем шагнул в другом направлении и исчез.

Первым побуждением Фейра было плюнуть на все это и прекратить свои исследования. Он был большим знатоком белой магии и достаточно посвящен в тайны черной, чтобы при случае вызвать демона для увеселения скучающей публики, но в пурпурной магии, которая является царством Воплощенных символов, многое для него оставалось загадкой.

Говард Фейр, должно быть, напрочь забросил бы свои попытки проникнуть в зеленый круг, если бы не три обстоятельства.

Первое заключалось в наружности Фейра. Он был ростом скорее ниже среднего, смуглолицый, с жидкими черными волосами, кривым носом, маленьким брюзгливым ртом. Нельзя сказать, чтобы он очень уж огорчался из-за своей внешности, но порой представлял, как ее можно было бы исправить. Мысленно он воображал воплощенный идеал самого себя: ростом выше на шесть дюймов, с тонким и прямым носом, с кожей, лишенной обычного землистого оттенка. Потрясающий мужчина — лишь отдаленно напоминающий Говарда Фейра. Он желал женской любви, но желал ее без вмешательства своего искусства. Много раз он приводил к себе в постель красоток с влажными губами и блестящими глазами, но соблазняла их пурпурная магия, а не сам Говард Фейр, и такие победы доставляли ему весьма сомнительное удовлетворение.

В этом заключалась первая причина, которая привела Говарда к зеленой науке.

Второй была его тяга к долгой, возможно даже бесконечно долгой жизни. Третьей — просто жажда познания.

Факт смерти Джеральда Макинтайра или его перехода в другое состояние, или исчезновения — что

бы там ни произошло — наводил, конечно, на определенные размышления. Если он достиг своей заветной цели, почему же тогда он так быстро умер? Неужели «несметные сокровища» оказались столь сверхъестественной и изощренной наградой, что Макинтайр рухнул под ее непосильной ношей. Но о какой награде тогда вообще можно было говорить...

Фейр не смог удержаться и потихоньку снова занялся изучением зеленой магии. Он не стал больше обращаться к эльфу, чей заносчивый и снисходительный вид вызывал у него не самые приятные воспоминания, а решил добыть знания окольным путем, используя самые последние достижения техники и каббалистики.

Он достал портативный телевизионный передатчик, погрузив его в свой пикапчик вместе с приемником. В ночь на понедельник в начале мая он приехал на заброшенное кладбище, затерявшееся среди поросших лесом холмов, и здесь, при свете ущербной луны, закопал телевизионную камеру в кладбищенскую землю, так что только линза торчала из земли.

Острым ореховым прутом он нацарапал на земле контуры монстра, у которого телевизионная линза служила как бы одним глазом, а вкопанная донышком вверх бутылка из-под пива — другим.

В середине ночи, когда луна скрылась за край бледного облака, он, начертив знак на смуглом лбу, продекламировал вызывающее духа заклятье. Земля загрохотала и застонала. Голем неуклюже поднялся, закрывая собой звезды. Стеклянные глаза уставились на Фейра, укрывшегося в пентаграмме.

— Говори, — воззвал Фейр. — Ентерефес, Акмаи, Адонаи, Бидемгир! Элохим, па рахулли! Ентерефес, ВАЖ! Говори!

— Верни покой моему праху, верни меня обратно в землю, из которой ты меня пробудил.

— Сначала послужи мне.

Голем камнем ринулся вниз, чтобы уничтожить Фейра, но, словно разрядом тока, был отброшен магической защитой.

— Я буду служить тебе, если служить тебе я должен.

Фейр смело выступил из пентаграммы и расстелил на дороге сорок ярдов зеленой ленты в форме буквы V.

— Отправляйся в царство зеленой магии, — приказал он монстру. — Лента тянется сорок миль, дойди до ее конца, обернись, возвратись, оземь грянь и отправляйся в землю, из которой ты восстал.

Голем повернулся, втиснулся в сложенную буквой V зеленую ленту, взметнул комья праха и скрылся, сотрясая землю тяжелой поступью.

Фейр наблюдал, как приземистая фигура уменьшалась, удаляясь, но так и не достигла угла магической буквы. Он вернулся к пикапу, настроил телевизионный приемник на глаз голема и стал рассматривать фантастические пейзажи зеленого царства.

Два элемента стихии зеленого царства, Йадиан и Мистемар, встретились на затканной серебром поверхности. Они остановились, чтобы обсудить появление земного монстра: он на сорок миль забрался в область под названием Пил, затем, развернувшись, помчался назад той же дорогой, все увеличивая размах шагов; под конец он уже мчался неуклюжими прыжками, оставляя грязные следы на нежной, выложенной мотыльковыми крыльями, мозаике.

— Дела, дела, дела, — забеспокоился Мистемар. — Они толпятся на склоне времени, пока границы выпуклые. А затем снова их путь прямой и длинный, как вытянутая струна... Что касается этого вторжения... — Он замолчал, погрузившись в задумчивость, и серебряные облака заходили у него над головой и под ногами.

— Вы же знаете, — заметил Йадиан, — что я беседовал с Говардом Фейром. Он настолько одержим желанием покинуть свой ничтожный мир, что способен на безрассудные поступки.

— Человек по имени Джеральд Макинтайр — его дядя, — задумался Мистемар. — Макинтайр умолял — и мы уступили, так, может, сейчас мы должны уступить и Говарду Фейру?

Йадиан тревожно раскрыл ладони, стряхнув брызги изумрудного пламени.

— События назревают внутри и снаружи. В этом случае я не вижу никакой возможности что-либо сделать.

— Я тоже не хочу способствовать трагедии.

Снизу прилетело, порхая, Осмысление: «Тревога среди спиральных башен. Приползла, клацая и громыхая, гусеница из стекла и металла, она проткнула пронзительным взором Портинон и разбила Яйцо Невинности. Виновник — Говард Фейр».

Йадиан и Мистемар посовещались между собой:

— Ничего не поделаешь, пойдем оба, тут требуются особые усилия.

Они свалились на Землю и нашли Говарда Фейра в отдельном кабинете у коктейль-бара. Фейр поднял глаза на двух незнакомцев, и один из них спросил:

— Вы позволите к вам присоединиться?

Фейр изучающе оглядел эту пару — оба в строгих костюмах, на руках надеты кашемировые перчатки. Фейр заметил, что у обоих левый большой палец отливал зеленым цветом.

Фейр вежливо приподнялся:

— Присаживайтесь.

Зеленые эльфы повесили пальто и проскользнули в кабинет. Фейр оглядел их по очереди, потом обратился к Йадиану:

— Это, случайно, не вас я расспрашивал несколько недель назад?

— Да, — подтвердил Йадиан, — но вы не последовали моему совету.

Фейр пожал плечами:

— Вы требовали, чтобы я остался невеждой, примирившись со своей тупостью и глупостью.

— А почему бы и нет? — мягко спросил Йадиан. — Вы примитив из примитивного царства, несмотря на то, что только один из тысячи может подняться до вашего уровня.

Фейр согласился, едва заметно улыбнувшись:

— Но ведь знание порождает страстное стремление к новому знанию. Что же в этом дурного?

Мистемар, более непосредственный из двух эльфов, сердито спросил:

— Что дурного? Посмотрите на вашего монстра! Он осквернил сорок миль Утонченности, создававшейся десятки миллионов лет. А ваша гусеница! Она растоптала наши резные молочные колонны, наши воздушные замки, повредила нервные узлы, через которые мы получаем Осмысление.

— Мне очень жаль... — сказал Фейр. — Я не думал, что так получится.

Эльфы кивнули.

— Хорошо. Но ваши извинения не содержат гарантий вашей сдержанности.

Фейр повертел в руках стакан. К столу подошел официант, обращаясь к эльфам, спросил:

— Что-нибудь для вас, джентльмены?

Йадиан, как и Мистемар, заказал стакан газированной воды, Фейр еще виски.

— Чего вы добиваетесь вашими действиями? — осведомился Мистемар. — Ваши опустошительные набеги ничего не дали.

— Да, я мало узнал, — согласился Фейр. — Но мне открылось восхитительное зрелище, и теперь я хочу учиться с еще большим нетерпением.

Зеленые эльфы мрачно разглядывали пузырьки, поднимавшиеся в стаканах. Наконец Йадиан тяжело вздохнул:

— Не исключено, что мы сможем избавить вас от тяжелого труда, а себя от лишних хлопот. Скажите откровенно, какую выгоду или какие преимущества вы надеетесь извлечь из зеленой магии?

Фейр, улыбнувшись, откинулся на красную кожаную спинку дивана:

— О, я хочу массу вещей: продления жизни... перемещения во времени... всеобъемлющей памяти, повышенной восприимчивости, способности видеть во всех цветах спектра. Я хочу обладать обаятельной внешностью и физической выносливостью... Потом свойства более умозрительного характера, такие как...

Йадиан остановил его:

— Мы даруем вам эти качества и свойства. Взамен вы дадите слово никогда впредь не нарушать покой зеленого царства. Вы будете избавлены от столетий тяжкого труда, а мы — от неудобств вашего присутствия и неизбежной трагедии.

— Трагедии? — с изумлением спросил Фейр. — Почему трагедии?

— Вы человек Земли, — сказал Йадиан вкрадчиво и проникновенно. — У вас совсем другие ценности. Зеленая магия даст вам представление о наших ценностях.

Фейр задумчиво цедил виски:

— Не вижу в этом ничего плохого. Я намерен выполнять все ваши требования. Вы уверены, что знания зеленой магии не изменят мою сущность?

— Да! И в этом основная трагедия.

Мистемар с раздражением сказал:

— Нам запрещается причинять вред низшим существам — и в этом ваше счастье, ибо развеять вас по ветру было бы лучшим решением всех проблем.

— Я снова приношу свои извинения за то, что причиняю вам столько хлопот, — рассмеялся Фейр. — Но неужели вы не понимаете, как все это для меня важно?

— И тогда вы согласитесь на наше предложение? — с надеждой спросил Йадиан.

Фейр покачал головой.

— Как бы я жил, вечно молодой, обладая неограниченными способностями, но уже зная о конечности самого познания? Беспокойный и жалкий, да я извелся бы от скуки.

— Возможно, что и так... но не настолько, как вы изведетесь от скуки, беспокойства и сознания собственного ничтожества, когда изучите зеленую магию.

Фейр выпрямился.

— Я должен научиться зеленой магии. От такой возможности может отказаться только полный идиот.

— На вашем месте я ответил бы точно так же, — вздохнул Йадиан.

Эльфы встали.

— Пойдемте, мы будем учить вас.

— И не говорите потом, что вас не предостерегали, — сказал Мистемар.

Прошло время. Вечерняя заря угасала, и сгущались сумерки. Какой-то человек поднимался по ступенькам, ведущим в квартиру Говарда Фейра. Высокий, с тонким, но мускулистым телом, выразительное лицо свидетельствовало о проницательности и чувстве юмора, левый большой палец отливал зеленым цветом.

Время — это мерило жизненных процессов. Люди Земли замечают его течение по своим часам. По их понятиям, истекло всего два часа с тех пор, как Говард Фейр вышел из бара следом за зелеными эльфами.

Говард Фейр измерял время другими критериями. Для него прошло семьсот лет, которые он провел в

зеленом царстве, изучая его на пределе своих возможностей. Два года он занимался тем, что приспосабливал свои чувства к новым условиям. Постепенно он научился ходить в шести основных направлениях трехмерного пространства и сокращать расстояния, выходя в четырехмерное. Понемногу пелена спадала с его глаз, так что сверхчеловечески запутанный и сложный ландшафт никогда полностью не ослеплял и не ставил его в тупик.

Еще один год он провел, приучая себя пользоваться условным языком — промежуточной ступенью между земными звуками и смысловыми единицами зеленого царства. Сотни символов-флейков (каждое — порхающее пятнышко нежнейшего радужного цвета) давали всего один оттенок подспудного значения такой смысловой единицы. За это время зрение и мозг Говарда Фейра изменились таким образом, что позволили теперь ему воспринимать множество новых цветов, без которых нельзя было различать смысловые флейки.

Это были предварительные ступени. Сорок лет он изучал флейки, которых было в общей сложности почти миллион. Следующие сорок были отданы элементарным перестановкам и перемещениям, и еще сорок — сравнениям, ослаблениям, уменьшениям и расширениям; и за это время он полностью постиг флейковые единицы и некоторые другие, еще более наглядные представления.

С этого времени он приобрел способность учиться, не прибегая к помощи условного языка, и его достижения становились все заметнее.

Еще через двадцать лет Фейр уже мог распознавать самые сложные Осмысления и был допущен к более высоким материям. Он плавал над полем мозаики из мотыльковых крылышек, на котором еще оставались отпечатки следов голема. Только теперь, сгорая от стыда, он понял всю глубину собственной глупости и своенравия.

Так шли годы. Говард Фейр, насколько позволяли ему умственные возможности, постигал тайны зеленого волшебства. Он без устали исследовал зеленое царство (находя в этом столько красоты, что порой у Говарда захватывало дух), пробуя на вкус, слушая,

осязая и ощущая — и каждый из его органов чувств был сотни раз восприимчивее, чем прежде. Питание он получал в самых разнообразных формах: то из розовых яиц — лопаясь, они источали горячий душистый газ, обволакивающий его тело, то прогуливаясь под дождем из горячих металлических кристаллов, то просто созерцая определенные символы.

Тоска по родине прибывала и убывала. Порой она становилась невыносимой, и Фейр уже был готов все бросить, утратив надежды на будущее. В другое время, околдованный великолепием зеленого царства, даже под страхом смерти он и помыслить не мог о побеге.

Все происходило постепенно и незаметно, и, по сути, он не чувствовал, что обучается зеленому волшебству. Но новые способности не принесли Фейру чувства удовлетворения — между его грубоватой неуклюжестью и вдохновенной элегантностью эльфов оставался чудовищный разрыв. Еще более остро, чем прежде, он сознавал свою природную ограниченность. Хуже того, проваливались его самые упорные и трудолюбивые старания улучшить свою технику и, как-то наблюдая за искрящимся весельем импровизированного представления одного из эльфов и противопоставляя ему свои вымученные построения, Фейр испытал чувство жгучего стыда за собственную бездарность.

Чем дольше длилось его пребывание в зеленом царстве, тем сильнее нарастало чувство собственной неполноценности, и он начал тосковать по беззаботному земному существованию, где каждый из его поступков не кричал во всеуслышание о пошлости и вульгарности. Порой ему доводилось видеть эльфов в присущих им тончайших обличьях, играющих среди жемчужных лепестков или, подобно флажолетам под рукой музыканта-виртуоза, мелькающих в лесу розовых спиралей. Контраст между их художественным вымыслом и его грубыми ляпсусами не мог не родиться, и Фейр отвернулся. Его чувство собственного достоинства таяло на глазах, и вместо гордости за свои познания он испытывал ноющую боль, от которой не мог, да никогда бы и не смог избавиться. Первые несколько сотен лет он работал с энтузиазмом неведения, следующие столетия — еще питал какие-то надежды. Все последнее время только упорство и

упрямство давало ему силы корпеть над тем, что — теперь он это знал! — было лишь детскими игрушками.

И как-то раз, когда сердце сжималось мучительной и сладостной болью, Фейр не выдержал. Он отыскал Йадиана, который занимался тем, что вплетал позвякивающие фрагменты разных магий в основу из сияющих лучей. Оторвавшись от своей работы, тот обратил к Фейру внимательное лицо, и он старательно изложил суть своих мыслей и чувств.

— Мне понятно ваше состояние дискомфорта, — ответил Йадиан. — И по-прежнему сохраняя к вам симпатию, я бы посоветовал вам сейчас же вернуться к себе на родину.

Он отложил в сторону свое плетение и переправил Фейра вниз через все перевалочные пункты. По пути они встретили Мистемара. Ни слова, ни намека не было произнесено, но Говард Фейр явственно ощутил оттенок злорадного удовлетворения.

Говард Фейр сидел у себя дома. Со всей восприимчивостью, развившейся и обострившейся за время пребывания в зеленом царстве, он разглядывал окружающие его вещи. Всего лишь два часа назад, по земным часам, они служили ему для занятий и отдыха, сейчас же — не привлекали ни в том, ни в другом качестве. Его книги — религиозные предрассудки, фальшивки, лишенные всякого смысла. Его рабочие тетради и личные дневники — жалкие незрелые каракули. Тяжесть давила ему на плечи, сковывала все тело. Скверная конструкция жилища, которую он прежде не замечал, удручала его. Куда ни глянь — повсюду он видел неряшливый беспорядок, омерзительную грязь. Сама мысль о пище, о том, что надо есть, была ему отвратительна.

Он вышел на небольшой балкончик, с которого была видна улица. Воздух был пропитан органическими испарениями, в окнах на противоположной стороне улицы можно было увидеть, как живут его собратья, погрязнув в тупом ничтожестве.

Фейр горько улыбнулся, удивленный тем, насколько разителен оказался контраст, хоть и ожидал чего-то подобного и пытался подготовиться к такой реакции. Он вернулся в квартиру. Он должен приучить себя к прежней жизни. В конце концов, его

ждет вознаграждение — теперь ему были доступны самые вожделенные удовольствия земного мира.

И Говард Фейр с головою окунулся во все эти удовольствия. Он заставил себя выпить целое море дорогих вин, бренди и ликеров, несмотря на то, что сам вкус претил ему. Превозмогая тошноту, он принуждал себя, проголодавшись, употреблять пищу, представлявшуюся ему жареной животной тканью, гипертрофированными органами размножения растений. Фейр перепробовал все эротические ощущения, но обнаружил, что самые прекрасные женщины ничем не отличаются от некрасивых, и, с трудом преодолевая себя, вступал в непривлекательные связи. Он накупил кучу ученых книг и, пролистав их, с презрением отбросил. Пытался развлечь себя старыми магическими занятиями — теперь они казались смехотворными.

С месяц он старался заставить себя получать наслаждение от этих радостей жизни, потом бежал из города, обосновавшись в сферическом кристалле на склоне Анд. Чтобы не умереть с голоду, он изобрел питательную жидкость, которая, хоть и не обладала способностью создавать радостное настроение, как субстанции зеленого царства, все-таки не содержала вредных органических загрязнений.

Но в конце концов Фейру удалось как-то вкривь и вкось приспособиться, сведя до минимума неудобства, к земной жизни. Ландшафт, окружавший его, был прост и величествен; даже кондоры не нарушали его покой. Мысленно он проследил всю цепочку событий, которые начались с момента, когда он открыл рабочую тетрадь Джеральда Макинтайра — и нахмурился. Джеральд Макинтайр? Он резко встал, оглядывая далекие склоны.

Фейр нашел Джеральда Макинтайра у придорожной станции в самом центре прерий Южной Дакоты. Тот сидел на старом деревянном стуле, откинувшись вместе с ним к облупленной желтой стене станции, соломенная шляпа была надвинута на глаза.

Это был обаятельный статный мужчина, блондин с бронзовой кожей и голубыми глазами, ледяными и колючими. Левый большой палец отливал зеленым цветом.

Фейр небрежно приветствовал его; двое мужчин оглядели друг друга с двусмысленной ухмылкой.

— Вы уже приспособились, как я погляжу, — сказал Фейр.

Макинтайр пожал плечами.

— Ну, насколько это вообще возможно... Стараюсь сохранить равновесие между уединением и грузом человеческого естества. — Он посмотрел на ярко-голубое небо, в котором мельтешили, размахивая крыльями, и каркали вороны. — Много лет я прожил в одиночестве, и уже почти возненавидел звук собственного дыхания.

По автостраде проехал автомобиль, аляповатый и блестящий, как безвкусная помесь золотых рыбок. С проницательностью, теперь присущей им, Фейр и Макинтайр могли увидеть свирепого краснорожего водителя с его спутницей; сварливого вида женщиной в дорогом платье.

— В проживании здесь есть некоторые достоинства, — сказал Макинтайр. — К примеру, я могу разнообразить жизнь приезжающих мелкими неожиданными происшествиями. — Он сделал едва заметный жест, и целая стая ворон камнем бросилась вниз, следом за автомобилем. Они устроились на бампере и крыльях, принялись расхаживать по капоту машины, обгадив ветровое стекло.

Автомобиль взвизгнул на тормозах, водитель выскочил, разгоняя птиц. Некоторое время он тщетно бросал в них камнями, затем вернулся в автомобиль и тронулся в путь.

— Пустячок, а приятно... — сказал Макинтайр со вздохом. — По правде говоря, мне просто скучно. — Он разинул рот и выдул три яркие клуба дыма — сначала красный, потом желтый и, напоследок, вспыхнул голубой. — Как видишь, валять дурака — теперь единственное мое занятие.

Фейр с легким беспокойством оглядел своего дядюшку.

Макинтайр ухмыльнулся.

— Шутки в сторону. Вот увидишь, ты скоро разделишь мое заболевание.

— Уже разделяю, — сказал Фейр. — Порой мне хочется забыть все свои колдовские штучки и вернуться к прежнему невинному состоянию.

— Я уже думал об этом, — задумчиво сказал Макинтайр. — Более того, я сделал все необходимые приготовления. Это, в сущности, совсем просто.

Он подвел Фейра к маленькой комнатке позади станции. Хотя дверь была открыта, внутри царила кромешная тьма.

Макинтайр, стоя позади, всматривался в темноту, лукавая улыбка играла у него на губах.

— Тебе надо только войти. Все твое колдовство, все твои воспоминания о зеленом царстве будут утрачены, и ты станешь не умнее первого встречного. И вместе с познаниями исчезнут твои скука, меланхолия, неудовлетворенность.

Фейр разглядывал дверной проем. Один-единственный шаг решит все его проблемы.

Он поглядел на Макинтайра, с горькой иронией они улыбнулись друг другу. Потом вернулись к фасаду здания.

— Порой я стою перед дверью и вглядываюсь в темноту, — сказал Макинтайр. — Потом напоминаю себе, как заботливо я пестовал свою скуку и что по-настоящему ценишь только то, что выстрадано.

Фейр приготовился к отбытию.

— Благодарю вас за эту мудрость, которой я не научился бы и за многие сотни лет в зеленом царстве. А сейчас — во всяком случае, на какое-то время — я возвращаюсь на свой утес в Анды.

Макинтайр откинулся на стуле к стене станции.

— А я, во всяком случае на какое-то время, останусь ждать случайных проезжих.

— Ну что ж, до свидания, дядюшка Джеральд.

— До свидания, Говард.

МАСКАРАД НА ДИКАНТРОПУСЕ

Две вещи заставляли Джима Рута постоянно ломать голову. Первая — загадочная пирамида в пустыне — дразнила и будоражила его любопытство, в то время как вторая — проблема, что делать с женой, — наполняла его мрачными предчувствиями и глубокой тревогой. Сейчас вторая вытеснила тайну пирамиды в самый отдаленный уголок сознания.

Украдкой наблюдая за женой, Рут понял, что у нее в очередной раз назревает нервный срыв. Все как обычно — шумное перелистывание страниц старого журнала, неестественно прямая спина и напряженная поза, демонстративное молчание и поджатые губы.

Без видимой причины она швырнула журнал через комнату и вскочила. Затем подошла к дверному проему, постояла, глядя поверх равнины и барабаня пальцами по косяку. Рут услышал, как она, тихо, будто вовсе не к нему обращаясь, произнесла:

— Еще один такой денек, и я окончательно свихнусь!

Рут осторожно приблизился к ней. Если его можно было сравнить с охотничьим псом лабрадорской породы, то его жена походила на черную пантеру — высокая, прекрасно сложенная женщина с роскошным телом. У нее были черные блестящие глаза и водопад черных волос. Даже в безводной пустыне негостеприимного Дикантропуса она красила ногти и ходила в черных облегающих брюках.

— Ну, дорогая, — сказал Рут, — не расстраивайся. Не так уж все плохо.

Она резко обернулась, сразив Рута уничтожающим взглядом.

— Не так уж плохо, говоришь? Тебе хорошо болтать. Начать с того, что тебе нет дела ни до чего человеческого. Я больна от всего этого. Ты слышишь? Я хочу вернуться на Землю! В жизни не хочу больше

видеть никакой другой планеты. Не желаю больше слышать ни слова об археологии. И не желаю видеть ни костей, ни камней, ни микроскопов.

Нервным жестом руки она обвела комнату, заваленную сверху донизу костями, камнями, микроскопами, а также книгами, химикалиями в бутылочках, фотопринадлежностями, массой всяких туземных штучек непонятного назначения.

Рут попытался успокоить ее, сказав рассудительно:

— Но, дорогая, ведь очень немногим людям выпадает возможность жить на другой планете.

— Это их дело! Если бы я знала, на что это все похоже, я никогда бы не отправилась сюда. — Ее голос стал еще тише. — Каждый день одно и то же — застарелая грязь, вонючие аборигены, меня тошнит от консервов, поговорить и то не с кем.

Рут растерянно взял и снова положил трубку.

— Полежи немного, дорогая, — бодро сказал он, но прозвучало это не слишком убедительно. — Попробуй вздремнуть. Все покажется в ином свете, когда ты проснешься.

Смерив его взглядом, она повернулась и решительно вышла из дома на ослепительно яркий солнечный свет. Рут, не торопясь, надел шлем от солнца и, прихватив такой же шлем для Барбары, вышел следом. Он скользнул взглядом по антенне — причине существования их станции и его собственного здесь присутствия: Дикантропус был точкой ретрансляции для УЛР-связи между Клейвом II и Полярисом. Антенна выглядела как обычно: труба отполированного металла около 400 футов высотой.

Барбара остановилась на берегу озера. Солоноватый водоем в кратере потухшего вулкана был одним из немногих природных источников воды на планете. Рут молча подошел к жене и протянул шлем от солнца. Она нахлобучила его на голову и пошла прочь.

Рут пожал плечами и стал смотреть, как она обходит озерцо, направляясь к небольшой рощице деревьев саговника с перистыми, как у папоротника, листьями. Резко опустившись на землю, она погрузилась в мрачное забытье и, прислонясь спиной к большому серому с прозеленью стволу, казалось, внимательно наблюдала за проделками аборигенов. Не-

большие, похожие на сов, создания с серой кожей беспрерывно сновали взад и вперед по холму между своими норами.

Это была небольшая гряда, около четверти мили в длину, поросшая колючками и черным, отливающим ржавчиной плющом. Не считая этой гряды, куда ни глянь, кругом только ровная, пышущая жаром, как раскаленная плита, пустыня. За одним исключением...

Этим исключением была ступенчатая пирамида, тайна которой так тревожила Рута. Пирамида была построена из массивных гранитных блоков, так тщательно пригнанных друг к другу без малейших признаков известкового раствора, что едва ли можно было обнаружить между ними щель. Сразу по приезде Рут облазил всю пирамиду вдоль и поперек, тщательно пытаясь найти вход.

Когда в конце концов он притащил атомитовую горелку, чтобы прожечь отверстие в граните, внезапно появилась толпа туземцев и оттеснила его от пирамиды. На ломаном английском языке аборигены дали понять ему, что вход в пирамиду запрещен. Рут неохотно оставил свои попытки, но с тех пор его любопытство только разгоралось.

Кто построил пирамиду? По своему стилю она напоминала *зиккураты* древней Ассирии. Гранитные плиты были установлены с мастерством, недоступным, насколько был убежден Рут, аборигенам. Но если не они — то кто же? Тысячу раз Рут задавался этим вопросом. Или аборигены были выродившимся реликтом некогда высокоцивилизованной расы? Но если это так, то почему от нее не осталось других следов? И в чем назначение пирамиды? Храм? Усыпальница? Сокровищница? Возможно, вход в нее ведет через туннель снизу?

Пока Рут стоял на берегу озера, обозревая пустыню, эти вопросы непроизвольно мелькали у него в голове, хотя и без обычной их остроты. Сейчас на нем тяжким грузом лежала другая проблема — как успокоить жену. Он колебался некоторое время, не пойти ли ему к ней. Может быть, она уже немного остыла и захочет побыть вместе. Он обогнул пруд и остановился, глядя на ее блестящие черные волосы.

— Я пришла сюда, чтобы побыть одной, — сказа-

ла она равнодушно, и ее безразличие задело его больше, чем оскорбления.

— Я думал, может быть, тебе захочется поговорить, — сказал Рут. — Мне очень жаль, Барбара, что ты несчастна.

Но она продолжала молча сидеть, прислонив голову к стволу дерева.

— Мы вернемся домой с первым же грузовым кораблем, — сказал Рут. — Давай посмотрим, когда будет ближайший.

— Через три месяца и три дня, — ответила Барбара бесстрастно.

Рут, переминаясь с ноги на ногу, искоса взглянул на нее. Это уже было что-то новое. Слезы, упреки, злость — всего этого ему хватало и в прошлом.

— Ну давай попробуем заполнить это время какими-нибудь развлечениями, — безнадежно сказал он. — Придумаем какие-нибудь игры. Не заняться ли нам бадминтоном? Или, скажем, побольше плавать?

Барбара фыркнула с коротким саркастическим смешком.

— С кем? С этими шмыгалками, что крутятся повсюду? — Она указала на одного из дикантропов, который, лениво переступая вразвалочку, подошел поближе к ним. Прищурив глаза, она наклонилась вперед:

— Что это у него на шее?

Рут присмотрелся:

— Больше всего это смахивает на бриллиантовое ожерелье.

— Боже ты мой! — прошептала Барбара.

Рут спустился к кромке воды:

— Эй, приятель! — Большие бархатные глаза дикантропа провернулись в глазницах.

— Поди-ка сюда!

Барбара присоединилась к Руту, когда абориген, вразвалочку, подошел ближе.

— Дай-ка мы посмотрим, что это у тебя, — сказал Рут, склоняясь над ожерельем.

— Ты посмотри, какое *красивое!* — выдохнула его жена.

Рут, в раздумье, прикусил губу.

— Они действительно выглядят как бриллианты. Оправа, должно быть, платиновая или иридиевая.

— Слышишь, парень, откуда ты это взял?

Дикантроп заковылял прочь.

— Мы нашли.

— Где?

Дикантроп запыхтел, пуская сопли, но Руту показалось, будто он зыркнул в сторону пирамиды.

— Вы нашли это в большой куче камней?

— Нет, — ответил абориген и скрылся под поверхностью земли.

Барбара вернулась на свое место под деревом, хмуро уставилась на воду. Рут встал рядом. Некоторое время оба хранили молчание.

Потом Барбара произнесла:

— В этой пирамиде, должно быть, полно таких вещиц.

Рут льстиво сказал, прочистив горло:

— Ну... вполне возможно.

— Почему же ты не пойдешь туда посмотреть?

— Я бы хотел, но ты ведь знаешь, что это может навлечь неприятности.

— Ты мог бы пойти туда ночью.

— Нет, — сказал Рут, преодолевая себя, — это было бы неправильно. Если они хотят сохранить что-то в секрете — это их дело. В конце концов — это ведь им принадлежит.

— С чего ты взял? — продолжала твердо и резко напирать жена. — Не они ее строили и, скорее всего, никогда не прятали там никаких бриллиантов.

В ее голосе послышалось презрение.

— Или ты боишься?

— Да, — сказал Рут. — Я боюсь. Их здесь сущая тьма, а нас только двое. Это одно обстоятельство. А другое, более важное...

Барбара снова прислонилась спиной к стволу.

— Я не желаю этого слышать.

Рут, сам уже рассердившись, с минуту ничего не говорил. Потом, подумав о трех месяцах и трех днях, оставшихся до прихода грузового корабля, сказал:

— Бессмысленно продолжать ссориться. Каждому из нас от этого только хуже. Я совершил ошибку, взяв тебя сюда, — и я очень сожалею. Я думал, ты обрадуешься новизне: только мы вдвоем, на незнакомой планете...

Барбара не слушала его. Ее мысли были заняты чем-то другим.

— *Барбара!*

— Тс-с! — быстро прошептала она. — Замолчи! Слушай!

Он резко поднял голову. Воздух вибрировал от отдаленного гула — *фрм-м-м-м*. Рут выскочил на солнце и осмотрел небо. Звук становился все громче. Не оставалось никаких сомнений — из космоса опускался корабль.

Рут побежал на станцию, включил связь, но никаких сигналов не поступало. Он вернулся к двери и стал наблюдать, как корабль приземляется на скверную ухабистую посадочную площадку в двухстах ярдах от станции.

Это был небольшой корабль, такого типа, каким обычно пользовались богачи, что-то вроде частной яхты, но уже старый и потрепанный. Он сел в вихрях горячего воздуха, трубы его, остывая, шипели и свистели.

Рут подошел к нему поближе.

Рукоятки на крышке люка начали поворачиваться, люк открылся. В образовавшемся проеме показался человек. Мгновение он, пошатываясь, стоял на подгибающихся ногах, а потом рухнул ничком.

Рут подскочил и успел подхватить его прежде, чем тот упал на землю.

— Барбара! — позвал Рут. Подошла жена. — Берись за ноги! Внесем его в дом. Он болен.

Они опустили его на кушетку, и мужчина слегка приоткрыл глаза.

— Что случилось? — спросил Рут. — Что у вас болит?

— Ноги точно ледяные, — просипел человек. — Плечи болят. Трудно дышать.

— Подождите, я справлюсь в книге, — пробормотал Рут. Он вытащил «Служебное руководство для оказания первой помощи космонавтам» и проглядел симптомы. Взглянул на больного.

— Вы были где-то возле Альфарда?

— Прямо оттуда, — с трудом выговорил человек.

— Похоже на то, что вы подхватили вирус Лимы. Если верить этой книжке, укол микозетина приведет вас в порядок.

Он вставил ампулу в гипошприц, прижал кончик к руке пациента, надавил стержень.

— Так надо сделать — все, как в руководстве.

— Спасибо, — сказал его пациент, — мне уже лучше.

Он закрыл глаза. Рут поднялся, взглянул на Барбару. Она изучающе рассматривала этого человека с каким-то своим особым интересом. Рут снова опустил глаза, первый раз по-настоящему взглянув на незнакомца. Тот был молод, возможно ему было около тридцати, тонкого, но крепкого сложения, с сильно подвижной мускулатурой. Лицо худое, почти изможденное. У незнакомца были короткие черные волосы, густые черные брови, лошадиная челюсть и тонкий орлиный нос.

Рут отвернулся. Одного взгляда на жену ему было достаточно, чтобы с болезненной отчетливостью представить ближайшее будущее.

Он промыл гипошприц, поставил на полку «Руководство», двигаясь с какой-то неловкостью и внезапно появившейся скованностью. Повернувшись, он увидел, что жена глядит на него широко открытыми глазами. Рут медленно покинул комнату.

На следующий день Марвиль Ландри уже был на ногах и, когда он побрился и переоделся, от болезненного вида не осталось и следа. По профессии Ландри был горный инженер, так он представился Руту, и следовал на Зубан XIV, по контракту.

Вирус сразил его молниеносно, и, только благодаря своей счастливой звезде, он заметил на карте, что близок к Дикантропусу. Быстро слабея, он был вынужден резко затормозить и так неудачно приземлился, что сейчас опасался, не израсходовал ли он все горючее. И в самом деле, когда они пошли проверить, то обнаружили, что горючего едва ли хватит, чтобы поднять корабль в воздух на какие-нибудь сто футов.

Ландри уныло покачал головой:

— Плакал мой десятимиллионный контракт на Зубане XIV.

Рут тем же тоном ответил:

— Грузовой пакетбот бывает раз в три месяца.

Ландри поморщился:

— Три месяца в этой проклятой дыре! Сдохнуть можно!

Они вернулись на станцию.

— Как вы живете тут, не понимаю.

Барбара услышала его:

— Живем? Да последние шесть месяцев я каждую минуту на грани истерики. Джим, — она с отвращением ткнула в сторону мужа, — только и занят своими костями, камнями и антенной. Веселенькая у меня компания!

— Может быть, я помогу вам, — легкомысленно предложил Ландри.

— Может быть, — сказала она, бросив на мужа холодный, равнодушный взгляд. И с этими словами, грациозно покачиваясь и таинственно улыбаясь, вышла из комнаты.

Вечером устроили праздничный ужин. Как только голубые лучи солнца исчезли за горизонтом, Барбара и Ландри отнесли стол к озеру и обставили его со всем великолепием, какое только могла обеспечить станция. Не сказав ни слова мужу, Барбара открыла бутыль с бренди, которой прижимистому Руту хватило бы на целый год, и приготовила кучу бокалов виски с лимонным соком, вишневую настойку и лед.

На открытом воздухе, когда зажгли свечи и на бокалах виски заплясали блестящие искорки, даже Рут повеселел. Воздух был на редкость прохладен, а вокруг раскинулись пески пустыни, белые и чистые, как полотно. Так они сидели и пировали консервированной дичью, грибами и замороженными фруктами, хорошенько накачиваясь рутовским бренди, а через озеро на них из темноты глазели туземцы.

Они постепенно пьянели: Рут, становясь все более сонным и вялым, Ландри — все веселее, а Барбара игривей: настоящая хозяйка, очаровательная и остроумная, от ее хохота звенел и дрожал весь ночной Дикантропус. Они с Ландри поднимали бокалы друг за другом, перебрасываясь шуточками насчет Рута и его потерь. Окончательно осоловев, тот чуть не падал со стула. Наконец, пошатываясь и спотыкаясь, он отправился на станцию.

На столе у озера оплывали свечи, Барбара подливала бренди. Голоса их становились все невнятнее, и, наконец, свечи догорели.

Ах, как хотелось бы продлить время благодатной темноты! Но настало утро, а затем... день молчания

и опущенных глаз. Потом другие дни и ночи сменяли друг друга, и происшедшее уже стало обыденностью. А на станции поселилась маленькая гадкая ложь.

Барбара откровенно избегала Рута, и, когда ей случайно приходилось разговаривать с мужем, в голосе звучала плохо скрытая насмешка. Ландри, уверенный, беззаботный, — орел да и только — любил исподтишка наблюдать за ними, в душе потешаясь над сложившейся ситуацией. Рут отгородился стеной спокойствия, разговаривал сдержанным, невозмутимым тоном, ничем не выражая того, что происходило у него в душе.

Было несколько неприятных стычек. Однажды утром, зайдя в ванную комнату, Рут обнаружил, что Ландри бреется его бритвой. С каменным лицом Рут вынул ее из рук Ландри. На мгновение тот замер, потом скривился, чуть не выругавшись.

Рут сумрачно улыбнулся:

— Не злите меня, Ландри. Есть разница между бритвой и женщиной. Бритва моя. Это человеческое существо не может быть чьей-то собственностью, а мои личные вещи оставьте в покое.

Ландри поднял брови.

— Парень, да ты чокнулся. — Он отвернулся. — А, пошел ты...

Шли дни, и все оставалось на своих местах, только появилось новое гнетущее ощущение. Все меньше разговоров, неприязнь повисла в воздухе клочьями паутины. Каждый жест, каждое движение носили печать греха, который демонстративно выставляли напоказ.

Рут безнадежно погрузился в свои занятия, рассматривая в микроскоп кости и камни, беспрерывно что-то измеряя и записывая. У Ландри с Барбарой вошли в привычку длинные прогулки по вечерам, как правило, в сторону пирамиды — и неторопливо назад, через спокойную и прохладную пустыню.

Тайна пирамиды вдруг заинтриговала и Ландри. Он даже обратился к Руту.

— Понятия не имею, — сказал Рут. — Ваши догадки стоят ровно столько же, сколько и мои. Единственное, что мне твердо известно, — туземцы не хотят, чтобы кто-нибудь пытался проникнуть в нее.

— Пф, — произнес Ландри, оглядывая пустыню. — Интересно знать, что там внутри. Барбара

говорила, что у какого-то туземца вы видели бриллиантовое ожерелье ценой в тысячи долларов.

— Я не строю никаких предположений. — Он заметил, как непроизвольно дернулся рот Ландри и у того задрожали руки. — Лучше не суйтесь в это дело. Я не хочу неприятностей с туземцами. Помните это, Ландри.

Ландри вкрадчиво спросил:

— У вас какие-нибудь права на эту пирамиду?

— Нет, — коротко ответил Рут. — Никаких.

— Она — ваша? — Ландри с иронией выделил это слово, и Руту припомнился эпизод с бритвой.

— Нет.

— Тогда, — сказал Ландри, — занимайтесь своим делом. — Он вышел из комнаты.

Днем Рут видел, как Ландри с Барбарой что-то долго обсуждали, и заметил, как тот рылся в своем корабле. За обедом не было сказано ни единого слова.

Как обычно, когда вечерняя заря сменилась прохладными прозрачными сумерками, Барбара с Ландри отправились на прогулку в пустыню. Но сегодняшним вечером Рут наблюдал за ними и заметил рюкзак за плечами Ландри, а Барбара вроде бы несла сумку.

Рут шагал взад и вперед, сердито попыхивая трубкой. Ландри был прав — это его не касается. Будь это хоть трижды прибыльным делом — он не хотел в него вмешиваться. И если какая-то опасность существует, она коснется только этих двоих. Так ли это? Или он, Рут, непроизвольно будет втянут в эту историю? Для дикантропов все люди одинаковы, и возмездие, предназначенное для одного, обратится против всех остальных.

Что же там произойдет? Убийство?..

Рут курил трубку, задумчиво покусывая мундштук, дым клубами выходил у него изо рта. В конце концов он отвечал за безопасность Барбары, забрав ее из привычного и удобного земного окружения. Встряхнув головой, он выдвинул ящик, где держал свой револьвер. Его там не было.

Рут рассеянно оглядел комнату. Ландри! Интересно, когда же он взял его. Рут прошел на кухню, нашел топор для рубки мяса и, засунув его под куртку, пошел через пустыню.

Ему пришлось сделать изрядный крюк, чтобы подойти к пирамиде сзади. Холодный воздух стоял, как тихая и темная вода в старом колодце. Над головой раскинулось небо, усеянное миллиардами звездных брызг. Где-то там были Солнце и старушка Земля.

Внезапно из темноты вынырнула громада пирамиды, и там он увидел огонек, услышал бряцанье инструментов. Рут подкрался и остановился в темноте, в какой-нибудь сотне шагов, наблюдая за происходящим и ловя каждый звук.

Атомитовая горелка Ландри разъедала гранит. Он резал, а Барбара тем временем подбирала осколки, падавшие на песок. Время от времени Ландри останавливался, чтобы перевести дыхание, от сильного жара пот струился у него по лицу.

Он постепенно врезался в гранит — фут, два, три фута... и Рут услышал, как эти двое возбужденно зашептались. Они прожгли гранит насквозь и попали в пустоту. Не подозревая, что за ними следят, эти двое протискивались через образовавшуюся дыру. Рут, более осторожный, прислушивался, пристально вглядываясь в темень... Ничего.

Поспешно бросившись к отверстию, он заглянул внутрь — там колебался желтый огонек горелки Ландри. Рут заполз в дыру, просунув голову в пустоту, — потянуло холодом, запахом пыли и сырости.

Ландри и Барбара стояли шагах в пятидесяти от него. В неверном пламени горелки Рут разглядел каменные стены и каменный пол. Пирамида внутри была пустой, как скорлупа. Почему же туземцы так оберегали ее? Он услышал голос Ландри, резкий от злости:

— Проклятье! Ни одной хреновины, нет даже тех игрушек, с которыми цацкается твой муж.

Рут будто увидел, как содрогнулась Барбара.

— Пойдем. Я вся дрожу. Здесь чувствуешь себя, как в склепе.

— Постой минуту, надо как следует убедиться... Хм. — Он осветил стены. — Странно.

— Что странно?

— Выглядит как камень, обработанный горелкой. Обрати внимание, как он оплавлен, здесь, на внутренней поверхности.

Рут скосил глаза, стараясь разглядеть.

— Непонятно, — слышал он бормотание Ландри. — Снаружи она отесана, а внутри обрезана горелкой. Изнутри она вовсе не кажется очень древней.

— Может быть, этот воздух так сохранил ее? — ляпнула Барбара.

— Ну нет — старье оно и есть старье. Там пыль и запустение. Эта совсем свеженькая.

— Не понимаю, как это возможно.

— Я тоже. Здесь какая-то чертовщина.

Рут окаменел. Что за звуки? Шарканье по песку косолапых ступней — он рванулся к выходу. Что-то толкнуло его, и он упал навзничь. Блестящий глаз горелки Ландри вперился в него из темноты.

— Что это? — послышался грубый голос. — Кто здесь?

Рут поглядел через плечо. Свет, пройдя над его головой, выхватил из темноты с десяток серых костлявых фигурок. Они тихо стояли внутри прохода, вращая шарами черных бархатных глаз.

Рут встал на ноги.

— Ха! — крикнул Ландри. — И вы тут?!

— Вовсе не потому, что мне этого хочется, — мрачно отрезал Рут.

Ландри боком, не спеша, вышел вперед, направляя свет на дикантропов. Он резко спросил Рута: «Эти парни опасны?»

Рут оценивающе оглядел дикантропов.

— Не знаю.

— Стоять смирна! — сказал один из стоявших в первом ряду. — Стоять смирна! — Голос прозвучал как хриплое карканье.

— Смирно — ишь ты, дьявол! — воскликнул Ландри. — Мы уходим. Здесь нет того, что мне надо. Прочь с дороги. — Он выступил вперед.

— Стоять смирна... Мы убивать...

Ландри остановился.

— Из-за чего столько шума? — волнуясь, вмешался Рут. — В том, что мы увидели, нет ничего дурного. Здесь же просто ничего нет.

— Поэтому мы убивать. Ничего нет, сейчас вы знать. Сейчас вы видеть другой места. Когда вы думать, этот места важный, тогда вы не видеть другой места. Мы убивать, новый человек приходить, он думать, эта места важный.

Ландри пробормотал:

— Вы понимаете, что он несет?

Рут медленно ответил:

— Не вполне уверен. — Он обратился к дикантропам: — Нас не интересуют ваши секреты. У вас нет причин прятаться от нас.

Туземец дернул головой.

— Тогда зачем вы сюда приходить? Вы смотреть секрет.

Сзади прозвучал голос Барбары:

— Что же это за секрет? Бриллианты?

Туземец снова дернул головой. От смеха или от страха? Его чувства, неземные по своей природе, нельзя было описать земными словами.

— Бриллианты — это ничто, камни.

— Я бы не отказался от небольшой тележки, — прошептал Ландри одними губами.

— Ну, смотрите сами, — сказал Рут, убеждая. — Вы дадите нам уйти, и мы не станем совать нос в ваши секреты. С нашей стороны было ошибкой нарушать запрет, и я приношу извинения за то, что произошло. Мы починим дыру.

Дикантроп залопотал, брызгая слюной:

— Твоя не понимать. Твоя сказать другой человек — пирамида ничего нет. Тогда другой человек смотреть вокруг для другой вещь. Они туда-сюда, смыг, смыг, смыг. Нехорошо. Твоя умирать, все идти, как было.

— Слишком много разговоров, — злобно сказал Ландри. — И мне все это не нравится. Пошли отсюда. — Он вытащил револьвер Рута. — Иди, — оскалился он на Рута, — давай двигай! — К туземцам: — Прочь с дороги, или я сам кого-нибудь тут поубиваю.

Слабое возбуждение, хныканье, шорох движения среди туземцев.

— Мы должны прорваться все вместе, — заорал Ландри, — если они снаружи, то могут перебить нас по одному, когда мы будем выходить. Иди!

Он бросился вперед, и Рут сразу за ним. Ландри вовсю старался, работая револьвером, как дубинкой. Рут пустил в ход кулаки, и они разметали туземцев, как снопы. Ландри вывалился в дыру, Рут протолкнул Барбару следом и, отбиваясь от туземцев, наседавших сзади, вырвался на волю.

Ландри по инерции унесло прочь от пирамиды в бурлящую толпу дикантропов. Рут, который не так быстро следовал за ним, прижался спиной к граниту. Повсюду в темноте он ощущал колышущуюся массу.

— Да их тут целая колония, — прокричал он Барбаре в ухо, прижимая ее поближе.

Мгновенно их окружил целый рой туземцев. Первый выступ гранита был как раз на уровне его плеч.

— Вставай мне на руки. — Он едва дышал. — Я подниму тебя наверх.

— Но — Ландри, — взвыла Барбара.

— Посмотри на эту толпу, — отрезал Рут гневно. — Мы ничего не можем сделать. — Внезапный натиск маленьких костлявых тел чуть не придавил его. — Быстро.

Поскуливая, Барбара залезла на его стиснутые ладони. Рут подкинул ее вверх, на первый выступ. Стряхивая с себя цепляющихся туземцев, которые напрыгивали на него, Рут вскарабкался следом. — Теперь бежим, — заорал он ей в ухо, и они помчались по выступу.

Из темноты послышался жуткий вопль:

— Рут! Ру-у-т! Ради всего святого... они меня задавят... — Еще один пронзительный выкрик, переходящий в предсмертные хрипы. Затем молчание.

— Быстрей! — сказал Рут. — Они побежали к дальнему углу пирамиды. — Прыгай! — заорал Рут. — Вниз, на землю!

— Ландри, — стенала Барбара, раскачиваясь на краю.

— Давай вниз! — зарычал Рут. Столкнув ее на белый песок, он схватил Барбару за руку, и они побежали через пустыню, назад на станцию. Через минуту или чуть дольше, оставив далеко позади погоню, он замедлил бег.

— Мы должны вернуться, — кричала Барбара. — Неужели ты бросишь его этим дьяволам?

Рут помолчал, потом, тщательно подбирая слова, сказал:

— Я советовал ему держаться подальше от этого места. В том, что случилось, виноват только он сам. В любом случае уже ничего не исправить. Ничего не поделаешь.

На фоне неба вырисовывался темный корпус — корабль Ландри.

— Заберемся туда, — сказал Рут. — Там мы будем в большей безопасности, чем на станции.

Он подсадил ее в корабль, намертво задраил за собой люк.

— Тьфу! Никогда бы не подумал, что дойдет до этого.

Рут забрался в кресло пилота, оглядывая пустыню. Барбара рухнула на пол где-то сзади, тихо всхлипывая.

Прошел час, за который не было сказано ни слова. Потом, совершенно неожиданно, из холма вылетел раскаленный оранжевый шар, медленно дрейфуя через пруд к станции. Рут пришурился, подавшись в кресле. Он вцепился в корабельный пулемет, надавил на спуск — безрезультатно.

Наконец, разобравшись что к чему, он снял предохранитель и открыл огонь по оранжевому шару, который уже висел над станцией. Шар болтался прямо над антенной и... чудовищный взрыв, казалось, был виден отовсюду. Взрывная волна ударила по кораблю ослепленного Рута, потерявшего на миг сознание, швырнуло на пол. Барбара стонала, валяясь на полу. Рут с трудом поднялся на ноги. От станции осталась только выжженная яма, заполненная металлическими обломками. Ошеломленный Рут упал в кресло и стал накачивать горючее, повернув ключ.

Трубы зашипели и зафыркали. Корабль задрожал, несколько футов проволочился по земле.

Рут посмотрел на индикатор топливного бака, взглянул снова. Стрелка стояла на нуле. Об этом он ведь знал, но забыл. Он проклинал собственную тупость. Их местонахождение могло остаться незамеченным, если бы он сам не привлек к кораблю внимания.

Из холма выплыл еще один оранжевый шар. Рут метнулся к пулемету, очередь разрывных пуль прорезала небо. Снова грохот и пламя взрыва, которым снесло верхушку холма, обнажив полированный слой черного камня.

Рут поглядел на Барбару через плечо.

— Вот это да!

— Ч-ч-что это такое?

— Нам не уйти. Раньше или позже... — Голос его прервался. Он протянул руку, завертел диск с над-

писью — АВАРИЙНАЯ СИТУАЦИЯ. Зажужжала корабельная ULR связь. Рут проговорил в мембрану: — Станция Дикантропус: мы атакованы туземцами. Немедленно присылайте помощь. — Он откинулся в кресле, передатчик до бесконечности повторял бы его сообщение, пока оно не было бы принято. Барбара притулилась позади кресла Рута.

— Что это за оранжевые шары?

— Я и сам бы хотел знать... Какие-то бомбы.

Но они больше не появлялись. Тем временем рассветало, на ярко-голубом фоне неба четко обрисовывался силуэт холма, а над их головами пульсировал передатчик, посылая бесконечный поток сообщений в космос.

— Сколько нам еще ждать помощи? — прошептала Барбара.

— Очень долго, — сказал Рут, не отрывая глаз от холма. — Не могу понять, чего они ждут, уж не испугались ли пулемета. Возможно, ждут, когда совсем рассветет.

— Они могут. — Он замолчал. Барбара вытаращила глаза. Рут тоже, в полном изумлении. Холм за прудом раскрывался, осыпалась земля...

Рут сидел за стаканом бренди с капитаном грузового судна «Метод», прибывшим им на подмогу, и капитан покачивал головой:

— Я повидал множество странных вещей в этой системе, но этот маскарад превосходит все...

Рут сказал:

— Странные они только с нашей точки зрения, а с другой — это проще пареной репы. Они блестяще разыграли нас, и это было чертовски ловко проделано. Если бы не этот мерзавец Ландри, они бы и дальше нас дурачили.

Капитан хлопнул по столу стаканом, уставясь на Рута:

— Но почему?

Рут не спеша проговорил:

— Им нравился Дикантропус. Это для нас тут пустыня, проклятая Богом дыра, а для них просто райское местечко. Им нравились жара и сухость. Но им не нравились все эти пришельцы — чужаки, сующие нос в их дела... ну вроде как мы, когда в

маскараде срывают маски. Наверно, они были в жутком шоке, когда первый земной корабль опустился здесь.

— А эта пирамида?

— Да, это самое интересное. Они были хорошими психологами, эти дикантропы, настолько, насколько можно ожидать этого от чужой расы. Если вы прочтете отчет о первой посадке на эту планету, вы не найдете там упоминания о пирамиде. Почему? Да потому, что ее не было. Ландри говорил, что она выглядит как новая. Он был прав — она и была новая. Это был обман, приманка — достаточно необычная, чтобы приковать к себе наше внимание. До тех пор, пока стояла пирамида и все наши помыслы были сосредоточены на ней, они были в безопасности... и как же они, должно быть, смеялись. Как только Ландри проник внутрь и обнаружил подделку, все пропало...

— В чем-то они, конечно, просчитались, — размышлял Рут. — Предположим, что им ничего не известно о преступности, антисоциальных поступках. Если бы все делали только то, что разрешается, их privacy до сих пор не было бы нарушено.

— Рут засмеялся. — В конце концов, разве им было дано постичь до самого дна суть человеческой души.

Капитан вновь наполнил стаканы. Мужчины молча выпили.

— Интересно бы узнать, откуда они прибыли, — сказал он наконец.

Рут пожал плечами.

— Скорей всего, этого мы никогда не узнаем. С каких-нибудь других сухих и жарких планет, это уж точно. Возможно, они были беженцами, или особой религиозной сектой, или, может, просто колонией.

— Да, трудно сказать, — глубокомысленно согласился капитан. — Чужая раса, другая психология. Все время на это нарываешься.

— Слава Богу, они еще не были слишком кровожадны, — сказал Рут как бы про себя. — Не сомневаюсь, что они могли каким угодно способом уничтожить нас, после того как я послал аварийный запрос и им пришлось бежать.

— Похоже, что так, — согласился капитан.

Рут кивнул, отпил немного бренди.

— Как только был послан УЛР-сигнал, их изоляция была уже нарушена. Неважно, остались бы мы в живых или нет, в любом случае вокруг станции началась бы возня, земляне бы полезли в туннели — а именно там и был их секрет.

Вместе с капитаном он молча обследовал дыру за прудом, где был запрятан чудовищный космический корабль под колючим кустарником и черным, отливающим ржавчиной плющом.

— А ведь когда-то корабль не был защищен от посторонних взглядов, — продолжал Рут. — Такая громадина наверняка подняла бы шуму столько, что аж на Фомальгауте было бы слышно. Мы должны были бы иметь о них какие-то сведения... как они сюда попали, их историю, ну хоть что-нибудь.

То, что они хотели обеспечить себе privacy — право на личную жизнь, вполне понятно. И если они были колонией с другой звезды, то должны были скрывать свои секреты, точно так же, как мы скрываем свои.

Барбара стояла над руинами станции, разгребая палкой обломки. Она повернулась, и Рут увидел у нее в руках свою курительную трубку, обугленную и расколотую, но все же Рут узнал ее.

Она медленно протянула ему трубку.

— Что такое? — спросил Рут.

Она тихо и задумчиво ответила:

— Сейчас, когда я уезжаю, я думаю, что мне будет недоставать Дикантропуса. — Она повернулась к Руту. — Джим.

— Что?

— Если ты хочешь, я согласна остаться еще на год.

— Нет, — сказал Рут, — я и сам не хочу.

Она продолжала тем же тихим голосом:

— Тогда... если ты простил мне ту глупость.

Рут поднял брови.

— Простил, конечно. Вообще-то, я никогда и не упрекал тебя. Ты человек. Со всем, что из этого следует.

— Тогда почему ты вел себя... как Моисей?

Рут пожал плечами.

— Не знаю, поверишь ли ты мне, — говорила она, отводя взгляд, — я никогда...

Рут остановил ее жестом.

— В чем дело? Предполагать, почему ты это сделала... да для этого могла быть бездна причин. Я не держу зла на тебя.

— Нет, держишь... в душе.

Рут ничего не ответил.

— Я хотела сделать тебе больно. Я постепенно сходила с ума, и мне казалось, что тебе безразлично, каким образом это происходит... Сказал ему, что я не твоя.

Рут печально улыбнулся.

— Я ведь тоже человек.

Он небрежно махнул рукой в сторону дыры, где был захоронен космический корабль дикантропов.

— Если ты все еще мечтаешь о бриллиантах, спускайся с ведром в эту дыру. Там они размером с апельсин. Это старое вулканическое жерло, Авраам всех бриллиантовых копий. Я подам заявку, чтобы право на добычу закрепить за нами, и как только мы доставим оборудование, то будем играть бриллиантами в бильярд.

Они медленно вернулись на «Метод».

— Трое — на Дикантропусе это целая толпа, — задумчиво сказал Рут. — На Земле, где нас три миллиарда, мы могли бы иметь свое маленькое privacy, небольшое право на личную жизнь.

УЗКАЯ ПОЛОСА

Два нерва замкнулись друг на друга в центре мозга Эрна, и он, отделившись от темноты и тесноты, обрел способность воспринимать окружающий мир. Ощущение было не из приятных.

Напрягаясь изо всех сил, он распирал оболочку, наталкиваясь на сопротивление со всех сторон, кроме одной. Он брыкался и бился головой, и вот образовался разрыв.

Напряжение слегка ослабло. Эрн извернулся, царапая пленку, рванул еще раз — и неожиданно наткнулся на что-то живое и неприятное — явно чужую плоть. Существо завертелось, набросилось на него. Эрн отпрянул, отталкивая ощупывающие его конечности, которые казались невероятно огромными и сильными.

Потом наступил период затишья. Оба затаились, распаляясь ненавистью друг к другу: они были одной природы, но все же различными существами. Внезапно эти две крошечные твари сцепились, едва слышно вереща и попискивая.

Окончательно придушив своего противника, Эрн попытался отделиться от него, но оказалось, что ткани склеились и двое слились воедино — Эрн вырос и окреп, сплавившись с побежденным индивидуумом.

Некоторое время Эрн отдыхал, постигая свою новую сущность. Снова появилось ощущение тесноты. Он бился и колотился, создавая новый разрыв, и внезапно оболочка развалилась.

Он вырвался в мягкий ил, а затем вверх, в ослепительную, едкую и сухую пустоту. С жутким воем сверху вниз просвистело нечто огромное и ужасное на вид. Эрн извернулся, едва улизнув от пары щелкающих черных зубьев. Извиваясь и трепыхаясь, он соскользнул в холодную воду, погрузившись в нее с головой.

В воде жили другие обитатели. Со всех сторон Эрн видел их неясные очертания. Некоторые походили на него самого: студенистые козявки с выпуклыми глазами и вытянутыми черепами, с тонкими жгутиками для будущих гребешков. Другие были покрупнее, с плотной серебристо-серого цвета шкуркой, четко намеченным гребешком и с уже сформировавшимися ручками и ножками. Эрн встрепенулся, проверяя свои руки и ноги, и поплыл, сначала осторожно, потом все более уверенно. Появилось чувство голода, и он начал есть — личинок, почки на корнях тростника, прихватывая где попало и что попало.

Так Эрн вступил в свое детство, постепенно постигая премудрость водяного мира. Эрн потихоньку рос, не замечая, как идет время. Да и само понятие времени, пожалуй, не имело смысла в этом, не подверженном никаким изменениям, мире, где царил вечный полумрак.

На мелководье почти ничего не происходило, если не считать случаев трагической гибели самых маленьких водянчиков. Играя и резвясь, они могли, забыв об опасности, отплыть далеко от берега, где их подхватывало течение и уносило прочь, к штормовой завесе. Хищные птицы время от времени утаскивали малышей-водянчиков, пригревшихся на поверхности воды. Но страшней всего был людоед, который обитал в одной из проток: грубое существо с длинными руками, плоским лицом и четырьмя костистыми гребнями на верхушке черепа. Однажды и Эрн чуть не стал его жертвой. Притаившийся у корней тростника, людоед неожиданно выскочил из своего укрытия, и Эрн едва не угодил в тесные объятия чудовища. По счастью, он вовремя почувствовал колебания воды и успел удрать, выдернув ногу из страшной клешни. Вопя, как ненормальный, хищник бросился в погоню, но тут ему попался на глаза один из приятелей Эрна, с которым тот рос с самого рождения. Метнувшись в сторону, людоед схватил разиню и опустился на дно, пережевывая добычу.

Когда Эрн подрос достаточно, чтобы не бояться хищных птиц, он стал много времени проводить на поверхности воды, знакомясь с надводным миром. Открывавшаяся перед ним величественная картина приводила Эрна в полный восторг, хоть он и не

понимал ровным счетом ничего из того, что видел. Небо было затянуто тусклой серой мглой, что-то поблескивало над морем, все оставалось неизменным, разве что ветер пригонит облачко или прольется дождь. Совсем рядом было болото: протоки, которые обтекали пологие островки, сплошь поросшие бледным тростником, черными кустами с крайне хилыми и спутанными ветвями, с тонкими вытянутыми стволами. Вдали висела стена черной мари. Со стороны моря горизонт был затянут завесой облаков и дождя, часто озаряемой вспышками молний. Стена мари и стена шторма шли параллельно друг другу, очерчивая собой границы области посередине.

Водянчики постарше часто собирались вместе на поверхности воды. Их можно было разделить на два вида. Чаще встречались тонкие и гибкие водянчики с одним гребнем на узком костистом черепе и выпуклыми глазами. Имея живой и непоседливый характер, они часто затевали свары и молниеносные драки, которые заканчивались так же быстро, как и начинались. Среди них были и мальчики, и девочки, примерно в одинаковом числе.

Водянчики с двумя гребнями на голове встречались гораздо реже и по всем статьям отличались от водянчиков первого вида: глаза не такие выпуклые, голова и тело широкие и массивные, спокойный, уравновешенный характер. К проделкам одногребешковых они относились с явным неодобрением.

Хотя гребешок у Эрна еще не вполне сформировался, он считал, что относится к этой, второй разновидности: все же Эрн среди остальных был в числе самых крупных и коренастых. Половое развитие у него шло медленно, но он явно походил на мальчика. Самые старшие из водянчиков, как одно- так и двухгребешковые, немного умели говорить, хотя было неясно, когда и где они этому научились. Настала пора, и Эрн довольно быстро освоил язык. С тех пор он любил посплетничать в хорошей компании, подолгу обсуждая события, происходившие на морской отмели.

Штормовая завеса, с частыми всполохами молний, привлекала к себе его внимание, но детвору больше интересовали болото и земля за ним, где, как они знали благодаря передаваемым из уст в уста преданиям, ждала их будущая судьба — среди людей.

Иногда они видели, как люди раскапывали прибрежный ил в поисках камбалы или бродили среди тростников по своим неведомым делам. В такие моменты все водянчики, повинуясь какому-то непонятному чувству, моментально прятались в воду. Только некоторые, самые отважные из одногребешковых, выставив из воды одни глаза, завороженно следили за людьми и тем, что они делали.

Каждое появление людей вызывало среди водянчиков оживленные споры. Одногребешковые утверждали, что все станут людьми и выйдут на сушу. Это, по их понятиям, было верхом блаженства. Двухгребешковые, настроенные более скептически, соглашались, что водянчики могут выйти на сушу — в конце концов это не противоречило легендам — ну а что потом? Предания умалчивали об этом, и обсуждение становилось беспредметным.

Много позже Эрну довелось увидеть людей совсем близко. Обыскивая дно в поисках рачков, он услышал громкие ритмичные всплески и, посмотрев вверх, разглядел три большие, высокие фигуры. Великолепные создания! Они плыли с такой быстротой и грацией, что даже людоед побоялся бы оказаться у них на пути. Эрн на некотором отдалении последовал за людьми, поражаясь собственной храбрости: как это он осмелился подплыть так близко, ведь его могут обнаружить. А здорово было бы, думал он, заговорить с этими людьми, разузнать о жизни на берегу...

То и дело выскакивая из воды, люди появлялись в разных местах, внимательно разглядывая кучки играющих ребятишек, а те, остолбенев от неожиданности, пялили на них изумленные глаза.

И тут произошло нечто ужасное.

Среди двухгребешковых был один, самый крупный и тяжелый водянчик, который обладал почетным правом давать имена своим приятелям: его так и звали — Зим-дающий-имена. Эрн, тоже получивший свое имя от Зима, буквально преклонялся перед его умом и жизненным опытом.

И вот случилось так, что Зим ненароком, не подозревая о присутствии людей, оказался поблизости и попался им на глаза. Издавая резкие гортанные крики, люди, перепугав бедного Зима до потери сознания, разом нырнули под воду. После минутного

замешательства тот бросился наутек. Люди устроили настоящую охоту за Зимом: кидаясь из стороны в сторону, они гонялись за ним с явным намерением захватить в плен. Обезумевший от ужаса Зим слишком далеко отплыл от берега, где течение подхватило его и унесло в направлении штормовой завесы.

Что-то гневно выкрикивая, люди поплыли к берегу, вспенивая воду сильными взмахами рук и ног.

Охваченный непреодолимым любопытством Эрн проследовал через большую протоку к отлогому илистому берегу. Увязая в грязи, люди шли по берегу, пробираясь среди тростников. Эрн, все еще дрожа от пережитого волнения, медленно плыл вперед. Как же были могущественны, удивлялся он, эти существа, что загнали до смерти Зима-дающего-имена. Земля была близко; отпечатки человеческих ног отчетливо выделялись на прибрежной грязи: куда же они вели? Какие удивительные неизведанные дали открывались за грядой тростника?

Эрн *приостановился около берега, опустился на* корточки и попытался пойти. Ноги казались вялыми и непослушными, только ценой больших усилий он был способен передвинуть их. Тело, лишенное поддержки воды, стало грузным и неуклюжим. Со стороны тростников послышались изумленные выкрики. Ноги Эрна неожиданно обрели подвижность и, вихляя из стороны в сторону, понесли его вниз по берегу. Он плюхнулся в воду, изо всех сил устремившись назад к протоке. Следом, баламутя воду, шли люди. Эрн нырнул в сторону и спрятался за кучей гниющего тростника. Люди продолжали спускаться к воде, покинув отмель, которую они уже бесплодно прочесали вдоль и поперек.

Эрн затаился в своем убежище. Люди вернулись, пройдя совсем близко, на расстоянии вытянутой руки от укрытия Эрна, так что он мог видеть их блестящие глаза и темно-желтую полость рта, когда, задыхаясь, они жадно ловили ртом воздух. Худощавые тела, яйцеобразная форма головы с одним гребнем наверху — они совсем не походили ни на Эрна, ни на Зима, но скорее на одногребешковых водянчиков. Они были другой породы! Эрн не был человеком! В полной растерянности вернулся он на отмель, снедаемый тягостным чувством разочарования.

Да, теперь все было иначе. Исчезла невинная легкость прошлой жизни; какое-то предчувствие, витающее в воздухе, отравляло прежнее приятное времяпровождение. Эрн обнаружил, что все его внимание прикована к берегу и ему трудно думать о чем-нибудь другом. На одногребешковых ребятишек, своих прежних партнеров по играм, он поглядывал с возникшей вдруг настороженностью: они стали казаться странными, не похожими на него. И те, в свою очередь, наблюдали за двухгребешковыми детьми с недоверием, вспархивая испуганной стайкой всякий раз при приближении Эрна или кого-нибудь из его компании.

Эрн стал угрюмым и необщительным. Старые забавы остались в прошлом, и не было им замены.

Дважды люди вновь появлялись на мелководье, но все двухгребешковые ребятишки, и Эрн в том числе, прятались среди камышей. После этого, по-видимому, люди утратили к ним интерес и наступил период жизни более или менее похожий на прежний.

Но уже повеяло новыми переменами. Береговая полоса постепенно заполняла собой все помыслы Эрна: что находится за тростниковыми островами, между ними и Стеной Мрака? Где, в каком таинственном окружении живут люди? Тщательно хоронясь от чудовища, чтобы не угодить ему в лапы, Эрн переплыл самую большую из проток. По ту сторону находились острова, заросшие бледным тростником, изредка попадались черные деревья, у которых ствол и ветви переплелись в каком-то диковинном ажурном узоре, или шарообразные кусты со спутанными ветвями, такими хрупкими, что рассыпались от прикосновения. Протока ветвилась, открывая новые бухточки, отражающие серое хмурое небо, и, наконец, сужалась, превращаясь в черную илистую канаву.

Эрн побоялся плыть дальше: он оказался бы в западне, вздумай кто-нибудь преследовать его. И в этот момент странное желтое существо, покрытое множеством позвякивающих чешуек, повисло у него над головой. Выследив Эрна, оно замерло в свободном парении, дико улюлюкая. Эрну показалось, что вдали слышна перекличка грубых голосов — люди! Он развернулся и поплыл назад тем же путем, что прибыл сюда, сопровождаемый сверху побрякивающей птицей. Эрн нырнул под воду, улепетывая в протоку во все

лопатки. Немного погодя он всплыл и осторожно выглянул из воды. Желтая птица, описывая беспорядочные круги, металась над местом, где он скрылся; ее воющие трели, ослабевая, переходили в жалобные стоны.

Довольный собой Эрн вернулся на отмель. Теперь ему стало ясно, что он должен научиться ходить, если хочет выйти на берег. Переполошив всех своих приятелей, даже невозмутимых двухгребешковых водянчиков, Эрн, продираясь через илистую грязь, начал выбираться на берег близлежащего острова, и там, среди тростников, тренировать свои ноги. Дело потихоньку двигалось, и однажды Эрн обнаружил, что уверенно шагает, хотя он по-прежнему не осмеливался выбираться на землю за островками. Пока что он все еще плавал вдоль побережья, так что штормовая завеса оставалась справа, а берег слева. Вновь и вновь он совершал вылазки, каждый раз осмеливаясь заходить все дальше.

Штормовая полоса оставалась неизменной — все та же завеса дождя и густого тумана, пронизанная вспышками молний. Со Стеной Мрака тоже ничего не происходило: кромешная тьма на горизонте плавно переходила в привычно хмурое серое небо над головой. Узкая полоса земли простиралась вдаль, и не было видно ей конца. Эрн увидел новые болота, тростниковые островки, пласты прибрежной грязи, усаженные острыми обломками камней. Береговая линия изгибалась, отклоняясь в сторону Стены Мрака, в образовавшуюся воронку пролива несла свои студеные, почти ледяные воды какая-то река.

Эрн, подплыв к берегу, на четвереньках выбрался на гальку, встал, пошатываясь, на еще не окрепшие ноги. Через пролив и дальше, насколько мог охватить взор, тянулись одни болота и острова и терялись вдали. Куда ни погляди — ни одной живой души. Эрн — крохотная серая фигурка на полоске гравия — стоял один-одинешенек, покачиваясь на подгибающихся ногах и пристально разглядывал окружающий пейзаж. Река круто поворачивала и пропадала в темноте. Вода в устье была нестерпимо холодна, течение очень быстрым. Эрн решил дальше не идти.

Он соскользнул в море и вернулся той же дорогой, что пришел сюда.

Возвратившись на родную отмель, Эрн занялся своими обычными делами: выискивал на дне рачков, дразнил людоеда, всплывал на поверхность воды, стараясь не попадаться людям на глаза, учился ходить по земле. Во время одного из таких посещений берега ему случайно открылось необычайное зрелище — женщина, которая откладывала в грязь яйца. Притаившись в зарослях тростника, Эрн зачарованно наблюдал за ней. Женщина была поменьше, чем мужчины, и лицо у нее было не такое грубое, хотя гребень на голове выделялся так же отчетливо. Она была закутана в темно-красную матерчатую шаль — первая одежда, которую увидел Эрн, и он поразился утонченному изяществу человеческого образа жизни.

Женщина еще немного повозилась, заканчивая свои дела. Когда она ушла, Эрн вылез из укрытия, чтобы осмотреть яйца. Они были надежно укрыты от хищных птиц слоем грязи и маленьким, аккуратно сплетенным из тростников, навесом. В гнезде было три кладки, в каждой — по три яйца, осторожно отделенных друг от друга прослойкой мягкого ила.

Так вот, подумал Эрн, откуда берутся водянчики. Он припомнил обстоятельства собственного рождения; вне всякого сомнения, сам он тоже появился на свет из такого же, как эти, яйца. Приведя в порядок грязь и навесик, Эрн оставил яйца в том виде, как он их обнаружил, и вернулся к воде.

Шло время. Люди больше не приходили. Эрн никак не мог понять, почему это люди, раньше так живо интересовавшиеся водянчиками, теперь вдруг охладели к их жизни. Но это было выше его понимания!

Им опять овладело мучительное беспокойство. Неусидчивый Эрн резко отличался от своих приятелей: никто из них даже носа не смел высунуть за пределы отмели.

Он снова отправился в плаванье вдоль берега, на этот раз штормовая завеса была уже у него с левой стороны. Он пересек протоку, в которой обитал людоед. Увидев Эрна, тот угрожающе цыкнул ему вслед. Эрн заторопился, хотя он уже вырос настолько, что давно не боялся людоеда: тот предпочитал нападать на более мелких.

Берег с этой стороны мелководья был гораздо интереснее и разнообразнее, чем тот, который уже обследовал Эрн. Путь его лежал мимо трех высоких островов, на вершине поросших разнообразной растительностью: черными причудливо изломанными деревьями, стеблями с бутонами розовых и белых лепестков, охваченных черной чашечкой, стволами, покрытыми глянцевыми пластинками, — ближе к вершине они незаметно переходили в буйную поросль серой листвы... Затем острова кончились, и прямо из моря вырос материк. Эрн, опасаясь быстрых течений, плыл, прижимаясь к берегу, и неожиданно наткнулся на галечную косу, выступающую в море. Он выбрался на берег и оглядел открывшуюся его глазам картину. Деревья, с кроной, по форме напоминающей зонтик, стояли плотной стеной на отлогом склоне, который потом, круто поднимаясь вверх, переходил в каменистый утес, увенчанный черными и серыми растениями на самой верхушке — самое грандиозное зрелище из всего, что раньше доводилось видеть Эрну.

Он скользнул в воду, поплыл дальше. Ландшафт становился менее интересным, плоским и болотистым. Эрн переплыл отмели черной слизи, сплошь кишевших желто-зелеными волокнами, от которых он старался держаться подальше. Чуть позже он услышал воинственное шипение и, поглядев в море, увидел огромного белого червя, скользящего по воде. Эрн затаился, червь проскочил мимо и скрылся из глаз. Эрн продолжил свой путь. Он плыл без устали вперед, пока береговая линия, как и в прошлый раз, не прервалась устьем реки, вытекающей из темноты. С трудом выкарабкавшись на берег, Эрн огляделся по сторонам: лишь кое-где клочья коричневого лишайника нарушали однообразие унылого пейзажа. Река, к устью которой он вышел, казалась еще шире и быстрее, чем та, что встретилась ему в прошлый раз; на поверхности плавали куски льда. Пронзительный ветер дул в сторону штормовой завесы, заметая поле отдаленными белыми холмиками. Противоположный берег, едва различимый, производил такое же мрачное впечатление. Узкой полосе не было видно конца, казалось, она так и будет тянуться до скончания века между стенами мрака и шторма.

Эрн возвратился на отмель, не вполне удовлетворенный тем, что узнал. Да, он видел чудеса, неизвестные его собратьям, но разве он чему-нибудь научился? Ничему! Его вопросы так и остались без ответа.

И все же происходили перемены, этого нельзя было не замечать. Уже вся группа Эрна жила на поверхности воды, дышала воздухом. Похоже, что Эрн своей любознательностью нарушил душевный покой своих приятелей, и они теперь дружно таращили глаза со слабыми проблесками мысли в сторону земли. Мальчики и девочки вдруг обнаружили, что отличаются друг от друга, и пошли сплошные амуры и любовные игры, от которых с презрением воротили нос двухгребешковые ребята с недоразвитыми половыми органами. Менялся внешний вид водянчиков, и менялось их поведение: они стали задирать друг друга, обмениваясь насмешками и колкостями, порой дело доходило до драки. Эрн причислял себя к двухгребешковым детям, хотя, исследуя свою собственную голову, он находил лишь неотчетливые бугорки и впадины, что приводило его в некоторое замешательство.

Явственно ощущалась неизбежность грядущих перемен, но все же приход людей захватил врасплох водянчиков.

Около двух сотен людей спустились по протокам и поплыли, окружая отмели. Эрн и еще несколько ребят моментально забрались в тростниковые заросли острова и притаились там. Остальные, сбившись в кучу, возбужденно кружили на месте. Люди орали, шлепая по воде руками, бросаясь из стороны в сторону, они, как пастухи овец, загоняли ребят в протоку, которая вела к взморью, покрытому сухой грязью. Там их перебирали и сортировали, отправляя на берег тех, кто покрупнее, а пацанятам и всякой мелюзге позволяли вернуться на мелководье. Особую радость и ликование люди проявляли, когда им попадались двухгребешковые дети.

Селекция закончилась. Пленные ребятишки были выстроены в колонну и, пошатываясь, отправились гуськом по тропе. Тех, у кого ноги еще не окрепли, люди несли сами.

Эрн, держась на приличном расстоянии, во все глаза следил за происходящим. Когда люди скрылись из виду, он, выбравшись из своего укрытия, вскараб-

кался на взморье, провожая взглядом уходящих друзей. Что же теперь делать? Вернуться на отмель? Прежняя жизнь казалась пресной и безвкусной. Сам он не отважился бы явиться к людям. Они были одногребешковые... грубые... резкие. Что оставалось делать? Эрн колебался, стоя на распутье между сушей и водой, и, наконец, печально распростился со своим детством — отныне он будет жить на берегу.

Он сделал несколько шагов по тропе, остановился, прислушиваясь.

Тишина.

Эрн осторожно пошел дальше, готовый, при малейшем шорохе, сигануть в подлесок. Почва под ногами становилась все тверже, тростники пропали, и вдоль дороги выстроились черные благоухающие деревья саговника. Над головой у него изгибались тонкие ивовые ветви: эфемерные листики, покрывавшие их, как воздушные шарики были готовы взмыть вверх при малейшем прикосновении. Эрн шел все осторожнее, все чаще останавливался, прислушиваясь. Что, если он наткнется на людей? Не убьют ли его? Эрн заколебался, даже оглянулся на дорогу... Решение было принято — он продолжил путь.

Где-то неподалеку послышался шум. Эрн кубарем скатился с дороги, распластался за каким-то пригорком. Никто не появился. Прячась за стволами саговника, Эрн продвигался вперед, и вдруг сквозь черные веерообразные листья деревьев он увидел деревню, где жили люди — чудо изобретательности и мастерства! Поблизости стояли высокие корзины с едой, чуть поодаль — ряды каких-то сооружений, похожих на стойла. Под навесами из пальмовых листьев, подпертых жердями, стояли горшки с краской и жиром, висели свернутые в кольца веревки. Желтые птицы-звонари, усевшись под крышей, как на насесте, наполняли воздух беспрестанным шумом и клекотом. Корзины и навесы, обращенные открытой стороной к большому помосту, окружали его со всех сторон. Там сейчас происходил обряд несомненной важности и значимости. На помосте стояли четверо мужчин в набедренных повязках, сплетенных из листьев, и четыре женщины, облаченные в темно-красные шали и высокие головные уборы, украшенные чешуйками птицы-звонаря. Рядом с помостом жалким серым комоч-

ком сгрудились одногребешковые дети — лишь изредка в плотной массе тел вспыхивали чьи-то глаза или напряженно подрагивал гребешок.

Детей поочередно поднимали на помост; стоявшие там четверо мужчин самым тщательным образом обследовали каждого из них. Большую часть мальчиков после осмотра отпускали и отправляли вниз, в общую кучу; отверженных, примерно каждого десятого, убивали ударом каменного молота и устанавливали тело лицом, обращенным к штормовой завесе. Девочек посылали на другой конец помоста, где их встречали четыре женщины. Они по очереди осматривали каждую из дрожащих девочек: около половины отпускали с помоста и под охраной одной из женщин отводили в будку; примерно каждую пятую метили мазком белой краски по голове и посылали в соседний загон, где уже содержались под стражей двухгребешковые дети. Оставшимся — удар молота. Трупы устанавливали лицом к стене мрака.

Над головой Эрна заполошно заверещала птица-звонарь. Он стрелой кинулся в заросли. Птица парила у него над головой, раскинув чешуйчатые крылья. Окружив кольцом кусты, люди гоняли Эрна взад и вперед, пока, в конце концов, не захватили в плен. Его приволокли в деревню и с торжеством вытолкнули на помост, что-то при этом возбужденно и удивленно выкрикивая. Четверо жрецов, или как они там назывались, окружили Эрна, чтобы провести освидетельствование. Последовал новый взрыв испуганных и изумленных криков. Жрецы остановились в замешательстве, затем, что-то побубнив промеж себя, дали знак женщинам-жрецам. Молот уже был принесен... но не поднят. Из толпы на помост запрыгнул какой-то человек, заспорил со жрецами. Они еще раз подробнейшим образом занялись изучением головы Эрна, перешептываясь между собой. Потом один из них принес нож, а другой крепко стиснул Эрну голову. Ножом провели вдоль всего черепа, сначала по середине левого гребня, потом правого, образуя два приблизительно параллельных надреза. Оранжевая кровь залила Эрну лицо, он сжался и окаменел от боли. Одна из женщин принесла горстку какой-то пакости и втерла ее в рану.

Эрн, набычившись, смотрел исподлобья, ничего не соображая от боли и страха.

Его подвели к будке и затолкали внутрь. Через отверстия будки продели прутья и затянули ремни.

Эрн наблюдал за окончанием церемониала. Трупы расчленили, сварили и съели. Меченные белой краской девочки были построены в колонну вместе со всеми двухгребешковыми детьми. Эрн всегда считал, что принадлежит именно к этой группе. Почему же, удивлялся он, тогда его не включили в эту колонну? Почему сначала ему угрожали молотом, а потом поранили ножом? Уму непостижимо!

Девочек и двухгребешковых ребят строем увели через кустарник. Остальные девочки без особых хлопот стали членами общества. Мальчики же сначала прошли предварительную подготовку. Каждый мужчина взял под опеку одного из мальчиков и провел с ним курс обучения. Чему их только не учили: как вести себя в обществе и как завязывать узлы на веревках, как обращаться с оружием и подавать голосом условные сигналы, языку, танцам...

Эрну уделялось совсем мало внимания. Кормили его нерегулярно, от случая к случаю. По неизменному виду вечно хмурого и серого неба невозможно было определить, сколько времени он уже провел в заключении, да, на самом деле, представление о времени как о последовательности конечных промежутков было чуждо сознанию Эрна. Он не впал в апатию и уныние лишь потому, что мог присутствовать при процессе обучения, происходившем в примыкающих кабинках — одногребешковых мальчиков учили языку и правилам поведения. Эрн освоил язык гораздо раньше, чем они, слушая эти уроки; он уже умел немного разговаривать со своими двухгребешковыми приятелями на этом языке в своем далеком прошлом, тихом и безмятежном. Две раны на голове Эрна окончательно зажили, оставив параллельные шрамы зарубцевавшейся кожи. Черные пушистые гребни созрели и как бы пустили побеги, покрывая пухом всю его голову.

Никто из его прежних приятелей не обращал на Эрна никакого внимания. Они до мозга костей прониклись обычаями деревенского быта, и старая жизнь на мелководье слетела с них как шелуха. Наблюдая,

как они вышагивают мимо его тюрьмы, Эрн обнаружил, что теперь его бывшие приятели очень отличались от него самого. Они стали тонкими, гибкими, проворными, похожими на высоких точеных ящерок. Сам Эрн был шире и грубее чертами лица, с более крупной головой и жесткой плотной кожей, гораздо темнее, чем у них, цветом. Сейчас он уже был почти такого же роста, как люди, хотя вовсе не такой мускулистый и подвижный — когда возникала необходимость, люди двигались легко и быстро.

Пару раз Эрн, впав в бешенство, хотел разломать прутья своей будки, но за эти выходки его исколотили палкой, тем дело и кончилось, и он отступился от своих бесполезных попыток. Эрн стал вялым и капризным. Будки с обеих сторон использовались теперь только для совокупления, и Эрн наблюдал за происходящим бесстрастно и внимательно.

Наконец будку открыли. Эрн вихрем вылетел оттуда, рассчитывая ошеломить захватчиков и обрести свободу, но его схватили и обвязали веревкой вокруг тела. Не церемонясь, его вывели из деревни.

Люди ничем не выдавали своих намерений. Понукая Эрна пинками, они тащили его через черный кустарник в направлении, известном как Левое Море: как было ясно из названия, море находилось слева от деревни. Извилистая дорога вела в глубь суши, поднимаясь на пригорки и опускаясь в сырые, заболоченные низины, сплошь заросшие черными дендронами.

Впереди показалась большая роща зонтичных деревьев, высоких и величественных. Каждое из них имело ствол толщиной с человеческое тело, и над ним колыхалась крона, такая огромная, что листьев ее хватило бы на обшивку полудюжины будок, вроде той, в которой томился в заключении Эрн.

Здесь явно кто-то поработал. Часть деревьев была срублена, стволы очищены и аккуратно уложены штабелями, листья нарезаны на прямоугольные кусочки и нанизаны на веревку. Стойки, поддерживающие бревна, были выстроены с педантичной скрупулезностью, и Эрн терялся в догадках, кто же мог проделать такую тонкую работу; во всяком случае, не люди из той, уже знакомой ему, деревни, — ее устройство даже Эрну казалось бестолковым.

Путь лежал дальше, через лес: дорога стала пря-

мой и ровной, как струна, с обеих сторон ее шли параллельные ряды белых камней — техническое достижение, далеко превышающее возможности этих людей, думал Эрн.

Люди забеспокоились, стали вести себя тише и осторожнее. Эрн пытался упираться, уверенный, что хрен редьки не слаще: что бы ни задумали люди — ему это не сулит ничего хорошего. Но, волей-неволей, он толчками продвигался вперед.

Дорога круто повернула, проходя по низине между рощами саговника с темно-коричневыми перистыми листьями, и оборвалась на поле, поросшем белым мягким мхом. В центре поля стояла огромная, величественная деревня. Люди, остановившись в полумраке чащи, презрительно фыркали и плевались, сопровождая все это неприличными жестами. Эрн так полагал, что их поведение вызвано завистью, ибо деревня, стоявшая на лугу, не шла ни в какое сравнение с той, где жили его захватчики — так же, как их деревню нельзя было даже сравнивать со средой обитателей мелководья.

Там было восемь прямых, как по струнке выверенных, рядов хижин, построенных из распиленных досок — для красоты или для каких-нибудь тайных символических целей они были разрисованы узорами голубых, каштановых и черных цветов. С обоих концов центральной улицы, обращенных в стороны Левого и Правого Морей, стояли огромные сооружения с высокими остроконечными крышами, покрытыми дранкой — дощечками из местных пород деревьев. Бросалось в глаза отсутствие беспорядка и мусора, эта деревня, в отличие от той, где жили одногребешковые люди, имела чрезвычайно опрятный вид. Позади деревни возвышался большой утес, который Эрн приметил еще во время своего путешествия вдоль побережья.

На краю луга стоял ряд из шести столбов, и к ближайшему из них люди привязали Эрна.

— Это деревня Вторых, — объявил один из людей, — они вроде тебя самого. Не вздумай говорить, что мы разрезали тебе кожу на голове, а то тебе не поздоровится.

Они отошли назад, скрывшись в зарослях ползучих растений. Эрн изо всех сил старался освободиться,

убежденный, что в любом случае будущее не сулит ему ничего хорошего.

Жители деревни заметили Эрна. Десять человек пошли через луг. Впереди шли четверо Вторых, вышагивая нарочито важно и степенно, в сопровождении шести молоденьких Первых-девушек, одетых в плащи, подбитые листьями зонтичных деревьев; нельзя было не отметить их изысканные манеры. Девушек прекрасно вымуштровали, они уже больше не двигались с присущими им от природы игривыми телодвижениями, но шли, заученно подражая осанке Вторых. Зачарованный Эрн не отрывал глаз от шествия. Действительно, Вторые казались одной породы с ним, крепче и тяжелее, чем остроголовые Первые.

Те двое, что шли впереди, казались облеченными властью примерно в равной степени. Они походили на священнослужителей, и их одеяния — украшенные бахромой шали черного, коричневого и пурпурных цветов, туфли из серой пленки с металлическими застежками, филигранные металлические наколенники — все это было тщательно продумано и искусно сделано. У того, что шел со стороны Стены Шторма, были блестящие металлические гребни на голове, у другого, шедшего со стороны Стены Мрака — двойной ряд высоких черных перьев. Вторые за их спиной выглядели менее представительно. Они были в шапках с множеством мудреных складочек и сборок, в руках держали алебарды, втрое превышающие их собственный рост. Завершали шествие Первые-девушки, они несли какие-то тюки. Эрн помнил этих девушек еще со времен своего детства, некоторые были из тех, кого увели после обряда селекции. Девушки были одеты в желтые шапки, желтые шали, желтые сандалии; кожу на лице украшали темно-красные и желтые пятнышки. Сохраняя строгий и неприступный вид, они шли мелкой, семенящей походкой.

Вторые, те, что были поважнее с виду, осмотрели Эрна, встав по обеим сторонам, с напыщенным и самоуверенным выражением лица. Оруженосцы при этом держали его, скорчив зверские рожи. Девушки скромно потупили глазки. У Вторых, когда они увидели двойной ряд зарубцевавшейся кожи на голове Эрна, просто глаза на лоб вылезли от изумления. Приговор прозвучал весьма двусмысленно: «Он кажет-

ся нормальным, если не считать слишком крупного тела и неправильных гребней».

Один из оруженосцев, прислонив алебарду к столбу, развязал Эрна, который уже прикидывал, как бы ему отсюда дать деру. Второй, тот, что был с металлическими гребнями, спросил Эрна:

— Ты говоришь?

— Да.

— Надо говорить: «Да, Наставник Слепящей Бури» — так положено.

Вторые выглядели так странно и загадочно, что это последнее высказывание почти не удивило Эрна. Он решил, что, пожалуй, не повредит, подчинившись всем требованиям, осторожно завязать с ними отношения. Несмотря на чопорный и спесивый вид, Вторые, похоже, не замышляли ничего дурного. Девушки разложили тюки рядом со столбами — как оказалось, это было вознаграждение Первым людям.

— Ну-ка пройдись, — скомандовал тот, что был в черном султане из перьев. — Следи за ногами, иди правильно! Не размахивай руками — должным образом, соответственно Положению.

— Да, Наставник Слепящего Шторма.

— Ты должен обращаться ко мне так: Наставник Холодной Тьмы.

Охваченный страхом и смятением, Эрн перешел поляну, заросшую бледным мхом. Тропа, обозначенная теперь рядами черных камней и усыпанная черным блестящим от влаги гравием на две равные части делила поляну, которую со всех сторон окружали высокие деревья с темно-коричневыми веерообразными листьями. Первыми шли Наставники, затем Эрн, следом за ним оруженосцы, завершали процессию шесть Первых-девушек.

Тропа соединялась с главной улицей деревни, которая выводила в центр прямоугольной площади, вымощенной деревянными плитками. На площади, со стороны Стены Мрака, стояла высокая черная башня, обвешанная множеством странных черных предметов; со стороны Стены Шторма — точно такая же белая башня, увешанная символическими изображениями молний. На другой стороне площади, в широкой части улицы стоял длинный двухэтажный дом, куда привели Эрна и выделили ему место в спальном корпусе.

Третья пара Вторых, рангом повыше оруженосцев, но ниже Наставников, — Учитель Слепящей Бури и Учитель Холодной Тьмы — взялись за обработку Эрна. Его вымыли, умастили маслом и снова с недоумением подвергли осмотру рубцы на голове. Эрн начал подозревать, что стал жертвой махинаций Первых, — чтобы продать его Вторым, они состряпали ему фальшивые двойные гребни, а на самом деле он был просто не совсем обычной разновидностью Первых. К тому же его половые органы гораздо больше походили на те, что были у Первых людей, чем на двуполые или, возможно, атрофированные гениталии Вторых. Это обстоятельство привело его в еще большее, чем раньше, беспокойство, и Эрн почувствовал облегчение, когда учителя принесли шапку и шаль.

Наполовину покрытая серебряными чешуйками, наполовину черными птичьими перышками, шапка укрыла гребни на голове, а перекинутая через грудь и подхваченная поясом в талии шаль — его срамные места.

Эрну пришлось разбираться в целом ворохе мелких подробных сведений о том, как следует себя вести в деревне Вторых, в частности, как правильно пользоваться шапкой. «Положение требует, чтобы ты, участвуя в подготовительных к церемониалу действиях, надевал шапку, обращая ее черной стороной в сторону стены Ночи, а серебряной — в сторону Хаоса. Если ритуал или другая необходимость требуют этого, переворачивай шапку», — говорили ему.

Это были еще цветочки по сравнению с остальными правилами, которые требовалось соблюдать.

Учителя обнаружили много достойного критики в поведении Эрна и его внешности.

— Вы выглядите более крупным и угловатым, нежели другие ученики, — заметил Учитель Слепящей Бури. — Подпорченная голова сказывается и на всех остальных ваших качествах.

— Мы вас подробно обучим всему, чему надо, — говорил Учитель Холодной Тьмы, — а пока выкиньте из головы все, что знали прежде.

Еще с десяток других молодых Вторых, в том числе и четверо из бывшей компании Эрна, обучались там же премудростям. Эрн редко встречался с ними, так как обучение шло по индивидуальной программе. Он

был прилежным учеником и с легкостью усваивал знания, получая скупые и редкие похвалы за свое усердие. Когда он достаточно поднаторел в простых вещах, то был допущен к изучению религии и космологии.

— Мы — обитатели Узкой Полосы, — заявлял Учитель Слепящей Бури. — И нет ей ни конца ни края! Почему можно утверждать это столь уверенно? Потому что противоположные принципы Бури и Холодной Тьмы, как известно, являются божественными, а значит, бесконечными. Следовательно, Узкая Полоса — область сопоставления — по той же причине бесконечна.

Эрн решил задать вопрос:

— Что находится по ту сторону Стены Шторма?

— Не существует такого понятия «та сторона». Есть только ХАОС БУРИ, озаряющий тьму молниями. Это мужское начало. ХОЛОДНАЯ ТЬМА — это женское начало. Она принимает в себя яростное и пылкое мужское начало и усмиряет его. Мы — Вторые — впитали в себя каждое из этих начал, соединили их и уравновесили, и тем самым возвысились над ними.

В другой раз Эрн затронул тему, которую всегда учителя обходили стороной:

— Вторые-женщины не откладывают яйца?

— Нет никаких Вторых-мужчин и Вторых-женщин. Мы зарождаемся путем вмешательства двуликого божества, при этом происходит воссоединение двух яиц в кладке Первой-женщины. Мужские и женские яйца противоположны по своей сути, и поэтому продукт слияния соседних яиц есть двойственное — нейтральное и бесстрастное существо, что символически отображает пара черепных гребней. Первые-мужчины и Первые-женщины неполноценны и постоянно испытывают потребность в совокуплении, только их слияние порождает настоящих людей — Вторых.

Эрн ясно видел, что его вопросы смущают Учителей, и он отказался от дальнейших расспросов, не желая лишний раз выделяться на общем фоне. Во время обучения Эрн заметно вырос. Гребни зрелости разрослись по всей голове, а половые органы развились еще больше. И то и другое, к счастью, было прикрыто шапкой и шалью. Этими своими качествами он сильно отличался от всех других Вторых, и, если бы Учителя

вдруг это обнаружили, то пришли бы по меньшей мере в ужас и смятение.

Но Эрна беспокоило другое, а именно: то возбуждение, которое охватывало его при виде Первых-девушек. Подобные чувства считались низменными! У Вторых не могло быть таких стремлений! Учителя были бы просто в шоке, узнав о наклонностях Эрна. Но если он не Второй — то кто же он тогда?

Эрн пытался усмирить свою горячую кровь прилежными занятиями. Он начал изучать технологии Вторых, которые, так же как и все другие стороны их общественного строя, представляли собой до предела рационализированные своды формальных догм и правил. Он учился методике добычи болотного железа, потом плавить и отливать его в формы, ковать и закаливать. Порой он поражался, насколько значительно развились эти ремесла, ведь эмпиризм, как форма мышления, был противоестествен положениям Дуализма.

Эрн неумышленно коснулся этой темы во время очередного опроса учеников. Присутствовали оба Учителя. Учитель Слепящей Бури пробурчал что-то невразумительное, в том смысле, что, мол, все познание проистекает из двух Основных Начал.

— В любом случае, — констатировал Учитель Холодной Тьмы, — тема неуместна для обсуждения. То, что существует, — существует, и это означает наиболее разумное устройство мира.

— В самом деле, — заметил Учитель Слепящего Шторма, — уже сами факты, на которые вы опираетесь в своих выводах, обнаруживают неупорядоченность мышления, более типичного для Выродков, нежели для Вторых.

— А кто такие Выродки? — спросил Эрн.

Учитель Холодной Тьмы нахмурился:

— Вот опять ваш склад ума обнаруживает склонность к случайным ассоциациям и недовольству авторитетами.

— Помилуйте, Учитель Холодной Тьмы, исполненный почтения к вам, я только хотел узнать природу «неправильного», чтобы я мог отличать ее от «правильного».

— Достаточно того, что все ваше естество пропи-

тано «правильным», независимо от всяких там «неправильностей».

Этой точкой зрения Эрн был вынужден удовольствоваться. Учителя, выходя из класса, оглянулись на него, до Эрна донеслись обрывки их неразборчивого разговора: «...поразительная извращенность...», «...а как же свидетельство черепных гребней...».

В смятении Эрн шагал по спальне взад и вперед. Он не такой, как все другие ученики, — теперь это было ясно.

В трапезной, где Первые-девушки обносили учеников блюдами с едой, Эрн незаметно стал приглядываться к своим товарищам. Ростом и размерами тела он почти не отличался от большинства из них, скорее формой туловища — более вытянутой и обтекаемой у них, более грубой и угловатой у Эрна. Но если он не такой, как все, то к какому же виду он относится? К Выродкам? Кто такие Выродки? Вторые мужского пола? Эрн склонялся к тому, чтобы уверовать в эту теорию, потому что она объясняла его интерес к Первым-девушкам, и он опять обратился к своему приятному занятию: стал разглядывать, как девушки плавно скользят мимо него с подносами. Несмотря на свою Первичную природу, они казались Эрну очень привлекательными.

В задумчивости Эрн возвращался в свою спальню. Мимо проходила Первая-девушка. Эрн зазвал ее к себе в спальню и объяснил, чего он хочет. Она слегка удивилась и обеспокоилась, но не отвергла решительно его притязаний.

— А мы-то считали вас бесполыми... Что подумают другие?

— Ничего не подумают, если ничего не узнают.

— Верно. Но как это сделать? Ведь я Первая, а вы Второй...

— Все на свете либо можно осуществить, либо нет, и пока не попробуешь, ничего заранее сказать нельзя...

— Ну ладно, раз вам так хочется...

Староста, заглянув в спальню, вылупился в немом изумлении: «Что здесь происходит?» Он присмотрелся и как ошпаренный бросился назад, в лагерь, с воплем: «Выродок! Выродок! Здесь, среди нас, Выродок! К оружию, убьем Выродка!»

Эрн вытолкал девушку за дверь.

— Смешайся с толпой и ни в чем не признавайся. Я вижу, что мне надо исчезнуть.

Он выбежал на центральную улицу, озираясь по сторонам. Оруженосцы, поднятые по тревоге, спешно разбирали свои алебарды и строились в шеренги. Эрн воспользовался заминкой, чтобы выбежать из деревни. Вторые бросились в погоню, сотрясая воздух бранью и криками. Дорога, ведущая к Правому морю, шла через лесные делянки, за которыми сразу начиналось болото. Эрн помчался в сторону Левого моря, по направлению к большому утесу. Петляя среди веерообразных деревьев и зарослей вьющихся лиан, Эрн наконец нашел подходящее укрытие в куче какой-то заплесневелой дряни и дал себе передышку.

Оруженосцы проскочили мимо. Выбравшись из-под завала, Эрн стоял в растерянности, не зная, что же ему теперь делать. Выродок или не Выродок, но он никак не мог объяснить ту злобу, с которой на него напали. Он ничего плохого никому не сделал, да он и не собирался никого обманывать. Во всем виноваты Первые. Это они исполосовали голову Эрна, чтобы продать его Вторым, а с него-то какой спрос?

Не зная, что и думать, Эрн, подавленный и растерянный, побрел к берегу — там он хотя бы мог найти себе еду. Переходя торфяное болото, он опять попался на глаза оруженосцев. Те снова разорались: «Выродок! Выродок! Выродок!» И опять Эрн вынужден был спасать бегством свою жизнь, пробираясь через поваленные стволы в густой чащобе саговника в сторону большого утеса, видневшегося впереди.

Высокая каменная стена преградила путь Эрну: сплошь поросшая черным и коричневым лишайником, похоже, она стояла тут с незапамятных времен. Эрн, выбиваясь из сил и едва дыша, бежал вдоль стены, оруженосцы догоняли, уже совсем близко раздавались их крики: «Выродок! Выродок! Выродок!»

В стене показался пролом. Эрн перескочил на ту сторону, притаился в редком подлеске. Оруженосцы, добежав до пролома, остановились как вкопанные, крики стихли — кажется, они затеяли между собой перебранку.

Эрн обреченно ждал, что сейчас его обнаружат и убьют — хилый кустарник был ненадежным укрытием. Наконец один из оруженосцев отважился сунуться

в пролом и тут же, испуганно хрюкнув, кинулся назад.

Послышался удаляющийся топот, потом все стихло. Эрн осторожно выбрался из своего убежища и выглянул из дыры. Вторые ушли.

Ну и дела, подумал Эрн, они ведь знали, что он совсем рядом. Он повернулся. На расстоянии десяти шагов огромный человек, самый большой из всех когда-либо виденных Эрном, стоял, опираясь на меч, и следил за ним угрюмым взглядом. Человек по крайней мере в два раза превосходил размерами самого большого из Вторых. Он был одет в просторную хламиду из мягкой кожи, обшлага отсвечивали металлическим блеском. Кожа серая и морщинистая, жесткая как роговица, на суставах рук и ног были костяные выступы, гребни и наросты, что придавало всему его облику вид невероятной силы и мощи. Широкий и тяжелый череп — будто грубо вытесанный топором, глаза — сверкающие кристаллы в глубоко запавших глазницах. Вдоль головы шло три отдельных гребня. Человек медленно шагнул вперед, Эрн отпрянул, но по какой-то причине, неясной самому, удержался от того, чтобы тут же дать стрекача.

— Почему они преследовали тебя? — спросил человек хриплым голосом.

Эрн расхрабрился оттого, что человек сразу не убил его.

— Они назвали меня Выродком и вышвырнули вон.

— Выродок? — Третий осмотрел голову Эрна. — Ты Второй.

— Это все Первые, они разрезали мою голову, чтобы сделать рубцы, а потом продали меня Вторым. — Эрн воспрянул духом.

С обеих сторон и в центре, уже почти такие же выпуклые, как рубцы, выросли гребни, всего их было три. Как быстро они вызрели — даже если бы Эрн и не скомпрометировал себя сам, Вторые все равно скоро вывели бы его на чистую воду при первом же удобном случае, когда Эрну пришлось бы снять шапку.

— Мне кажется, я такой же Выродок, как и вы, — сказал он просто.

Третий издал резкий горловой звук:

— Пошли со мной.

Они прошли через рощицу по тропе, которая поднималась на утес, затем свернули в сторону и попали в долину. На берегу пруда возвышался огромный каменный замок. К нему примыкали две башни с крутыми коническими крышами — несмотря на древний возраст и обветшалый вид, постройка произвела на Эрна неизгладимое впечатление.

Через бревенчатые ворота они вошли во внутренний дворик, показавшийся Эрну просто чудом красоты и очарования. В дальнем конце двора было устроено нечто вроде грота: галька, по которой журчала вода, и большая, нависшая над ней, плита. Внутри можно было разглядеть заросли пушистого черного мха, бледные ростки саговника, рядом стояла скамья с подстилкой, сплетенной из мха и тростника. На открытом месте был разведен болотистый садик, источающий ароматы тростника, влажной растительности и смолистого дерева. «Потрясающе, — думал Эрн, — до чего красиво — ни Первым, ни Вторым никогда бы и в голову не пришло сделать что-нибудь такое, что нельзя немедленно было бы употребить в дело».

Третий провел Эрна через дворик в каменную жилую комнату. Как и грот, она была открыта с одной стороны, и внутрь попадали освежающие водяные брызги, пол устлан ковром из спрессованного мха. По обстановке комнаты можно было представить себе быт Третьих: там стояли корзины с едой и кувшины, стол, шкаф с выдвижными ящичками, инструменты и домашняя утварь.

Третий указал на скамью.

— Садись.

Эрн робко повиновался.

— Хочешь есть?

— Нет.

— Каким образом Вторые обнаружили обман?

Эрн без утайки рассказал, при каких обстоятельствах произошло его разоблачение. Третий ничем не выразил своего неодобрения, и Эрн приободрился:

— Я уже давно подозревал, что не Второй, а кто-то другой!

— Да, ты действительно Третий, — сказал его хозяин. — В отличие от нейтральных Вторых, Третьи, безусловно, мужского пола, что и объясняет твое

влечение к Первым-девушкам. К сожалению, не существует Третьих-женщин. — Он взглянул на Эрна. — Тебе не рассказывали, как ты появился на свет?

— Из слияния Первых яиц.

— Правильно. Первая-женщина откладывает яйца противоположного пола, по три в кладке. Обычно кладка состоит из мужского-женского-мужского яиц — так устроен ее организм. Оболочка формируется внутри яйцеклада, как только яйцо извергается, сфинктер закрывается, чтобы яйца разделились между собой. Если она растяпа, то будет забывать отделять яйца, и в кладке два яйца окажутся в контакте. Самец прорывается в женскую оболочку, происходит слияние, в результате на свет появляется Второй. Очень редко, но все же иногда случается, когда в контакте оказываются три яйца. Самец сливается с женской особью, потом, укрепившись и увеличившись за ее счет, он прорывается в последнее яйцо и присоединяет оставшегося самца.

Эрн припомнил свои первые ощущения:

— Я был один. Я прорвался в уже слившееся яйцо. Мы долго сражались.

Третий надолго задумался. Эрн уже стал сомневаться, не надоел ли он ему. Наконец Третий произнес:

— Меня зовут Последний Мазар. Теперь, когда ты здесь, я уже больше могу не называться Последним. Я привык к одиночеству, я становлюсь старым и угрюмым. Возможно, тебе не понравится мое общество. В таком случае ты волен сам выбирать, как устроить свою жизнь. Если ты захочешь остаться со мной, я научу тебя всему, что знаю, хотя, наверное, это напрасный труд, — в любой момент Вторые могут собрать огромное войско и убить нас обоих.

— Я остаюсь, — сказал Эрн. — Я ведь ничего не знаю, кроме ритуальных церемоний Вторых, которые мне кажутся совершенно бесполезными. Здесь есть еще Третьи?

— Вторые убили всех... всех, кроме Последнего Мазара.

— И Эрна.

— Да, теперь и Эрна.

— А что находится за реками, вдоль побережья,

куда ведут дороги, идущие в сторону Правого и Левого Морей? Там больше нет людей?

— Кто знает... Стена Шторма противостоит Стене Мрака; Узкая Полоса тянется между ними... Как далеко? Кто знает?.. Если она никогда не кончается, то все может быть; возможно, там существуют другие и Первые, и Вторые, и Третьи. Если Узкая Полоса ведет в ХАОС, то тогда, скорей всего, мы единственные...

— Я проплыл вдоль побережий Правого и Левого Морей, пока реки не преградили мне путь, — сказал Эрн. — Узкая Полоса простирается без малейшего признака на то, что где-то есть конец. Я уверен, что она нигде не кончается; в самом деле, трудно представить другую возможность.

— Может быть, может быть, — сказал Мазар грубовато. — Пошли.

Он провел Эрна по замку, мимо мастерских и кладовых, через комнаты, заваленные реликвиями и трофеями, всякой утварью неизвестного назначения.

— Кто пользовался этими диковинными предметами? Здесь было много Третьих?

— Да, когда-то было много, — протянул Мазар голосом хриплым и тоскливым, как завывание ветра. — Это было так давно, что я не могу даже описать словами, сколько прошло с тех пор лет. Я — последний!

— Почему же было так много и так мало осталось теперь?

— О, это грустная история. Племя Первых, которое жило на побережье, отличалось по своим обычаям от Первых, живших в болоте. Этим добрым и кротким народом управлял Третий, который по воле случая появился на свет. Его звали Мена-Прародитель, и он заставлял Первых-женщин нарочно не разъединять яйца в кладке, так что народилось великое множество Третьих. Это была великая эпоха. Нас не удовлетворяла грубая жизнь Первых, размеренное существование Вторых, мы создали новую цивилизацию...

Мы научились использовать сталь и железо, построили этот замок и многие другие; Первые и Вторые учились от нас и процветали.

— Почему же они пошли на вас войной?

— Мы пугали их своей независимостью. Мы возна-

мерились исследовать Узкую Полосу. Мы прошли много лье в сторону Левого Моря и столько же лье в сторону Правого Моря. Экспедиция углубилась в Холодную Тьму и дошла до ледяной пустыни, где было так темно, что путешественникам пришлось идти с факелами. Мы построили плот и спустили его по течению к Стене Шторма. На борту находились трое Первых. Плот был привязан длинным канатом, и когда мы стали тянуть его обратно, в плот ударила молния, и все Первые погибли. Этими своими действиями мы разъярили Наставников-Вторых. Они объявили нас нечестивцами и натравили на нас Первых, тех, которые жили в болоте. Вторые сначала перебили всех Первых, живших на побережье, а затем пошли войной на Третьих. Засады, отравленные приманки, ловушки — они не ведали жалости. Мы убивали Вторых, но всегда Вторых было больше, чем Третьих.

— Я мог бы долго рассказывать об этой войне, о том, как принимал смерть каждый из моих товарищей. Все погибли, остался я один. Я никогда не выхожу из-за стены, и Вторые не очень-то жаждут нападать на меня: они боятся моего огненного ружья. Но довольно об этом. Ходи везде, где хочешь, но только по эту сторону стены, здесь ты в безопасности. Еда находится в корзинах, ты можешь отдыхать прямо во мху. Поразмысли над тем, что ты узнал, и когда у тебя назреют вопросы, я отвечу на них.

Мазар ушел по своим делам.

Эрн освежился под струей воды в гроте, поел из корзин и вышел на серую поляну, подумать над тем, что узнал. Здесь и нашел его Мазар, одолеваемый любопытством.

— Ну что, — сказал Мазар, — надумал чего-нибудь?

— Я многое понял из того, над чем раньше ломал голову, — сказал Эрн. — И еще я с грустью вспоминал покинутую Первую-девушку. Мне показалось, что мы подходим друг другу.

— Да, они все очень разные по характеру. В старые времена мы многих из них использовали для домашних работ, хотя, конечно, их духовные способности не слишком велики.

— Если бы существовали Третьи-женщины, они могли бы откладывать яйца и выводить Третьих-детей?

Мазар пренебрежительно махнул рукой:

— Нет никаких Третьих-женщин и не может быть. Сам способ зарождения Третьих исключает такую возможность.

— Почему бы его не проконтролировать.

— Ба! Овуляция Первых-женщин не поддается нашему контролю.

— Когда-то давно, — сказал Эрн, — я был свидетелем того, как Первая-женщина откладывала яйца. В гнезде было три кладки, по три яйца в каждой. Если собрать достаточное количество яиц, перетасовать и снова соединить, в некоторых случаях смогут возобладать женские принципы.

— Это противоречит общепринятому мнению, и на моей памяти такого никогда не случалось. Это невозможно. Такие женщины не смогли бы иметь потомство. Или вообще были бы уродами.

— Мы сами получились в результате нарушения нормального процесса, — возразил Эрн, — и мы получаемся мужчинами только потому, что в кладке два мужских яйца. Если бы там было два женских и одно мужское или три женских, почему бы в результате не получиться женщине? А что касается их плодовитости, мы ничего не узнаем, пока не попробуем на деле.

— Не городи ерунду! — рявкнул Мазар, напряженно вытянувшись и яростно раздувая гребни. — Не желаю больше об этом слышать.

Ошеломленный гневной реакцией старого Третьего, Эрн обмяк. Вяло повернувшись, он зашагал в сторону Правого Моря, направляясь к стене.

— Куда это ты? — окликнул его Мазар.

— К болотам.

— Что это тебе в голову взбрело?

— Буду искать яйца и постараюсь помочь появиться на свет Третьей-женщине.

Мазар сверкнул глазами, и Эрн присел, готовый снова спасать бегством свою жизнь. Чуть погодя Мазар сказал:

— Если твой план правильный, то все мои собратья погибли напрасно. Вся наша жизнь становится посмешищем.

— Не надо так переживать, — сказал Эрн, — может еще ничего не получиться.

— Это опасная затея, — пробурчал Мазар. — Вторые будут начеку.

— Я пойду вниз по берегу и поплыву к болоту, они меня даже не заметят. Во всяком случае, я не вижу тогда в нашей жизни никакого смысла.

— Ну что ж, иди! — сказал Мазар охрипшим голосом. — Я уже стар и ленив. Может быть действительно ты сможешь возродить нашу расу. Ну что ж, иди — будь осторожен и возвращайся невредимым. Ты и я единственные оставшиеся в живых Третьи.

Мазар караулил у стены. Временами он осторожно совершал вылазки в лесную чащобу, прислушивался и вглядывался вдаль, в сторону деревни Вторых. Эрн отсутствовал уже целую вечность, или ему так казалось... Но вот наконец — где-то вдали переполох, крики: «Выродок! Выродок! Выродок!»

Очертя голову, яростно растопырив гребни, Мазар кинулся на крики. Эрн показался промеж деревьев, измученный и грязный с головы до ног, в руках у него была тростниковая корзина. За ним неслись, как оглашенные, оруженосцы-Вторые и, чуть приотстав, бежал целый отряд раскрашенных Первых-людей.

— Сюда! — взревел Мазар. — К стене.

Он выставил свое огненное ружье. Разгоряченные погоней, оруженосцы не обратили внимания на эту угрозу. Эрн, собрав последние силы, промчался мимо него. Мазар прицелился, нажал на спуск — и пламя охватило сразу четырех оруженосцев: спасая свою жизнь, они бросились в лес.

Оставшиеся оцепенели от ужаса. Мазар и Эрн, не спуская с них глаз, отступили к стене, перебрались через пролом. Оруженосцы, потеряв голову от ярости, сунулись было следом. Мазар взмахнул мечом, и один из Вторых в буквальном смысле этого слова лишился головы. Остальные в панике отступили, воя и причитая над своими потерями.

Эрн повалился на землю, бережно прижимая к груди корзину с яйцами.

— Сколько? — осведомился Мазар.

— Я нашел два гнезда. Я взял из каждого три кладки.

— Ты не перепутал кладки? Яйца из разных гнезд не могут слиться.

— Нет, каждое гнездо отдельно.

Мазар оттащил обезглавленный труп к пролому в стене и выкинул его вон, затем вышвырнул голову под ноги Первым-людям. Те в ужасе присели. Никто из них больше не хотел сражаться.

Потом, когда они пришли в замок, Мазар разложил яйца на каменной скамье. Удовлетворенно крякнул.

— В каждой кладке два круглых яйца и одно овальное — и мужские, и женские. Теперь надо только не ошибиться в отборе комбинации. — Он немного поразмыслил. — Два мужских и одно женское образуют Третьего мужского пола, два женских и одно мужское будут оказывать одинаковое воздействие противоположной направленности... Необходимо, чтобы мужских яиц было больше... Тут могут получиться двое Третьих мужского пола или больше, если три мужских яйца способны слиться. — Мазар глубокомысленно закатил глаза. — Большой соблазн попытаться слить четыре яйца.

— Ну, я бы воздержался от такого варианта, — заметил Эрн.

Мазар откинулся назад, удивленный и недовольный.

— Ну да, ты ведь такой умный, куда уж мне.

Эрн вежливо сложил руки, приняв позу самоуничижения, одну из тех, которым его обучили в школе Вторых.

— Я родился на мелководье, среди водянчиков. Самым страшным нашим врагом был людоед, живший в протоке. Пока я искал яйца, я снова увидел его. Он больше, чем ты и я вместе взятые, конечности его огромны, бесформенная голова вся покрыта рыжей щетиной. На голове — четыре гребня.

Мазар молчал. Наконец он сказал:

— Мы — Третьи. Конечно, лучше, чтобы у нас получились тоже Третьи. Ну ладно, за работу.

Яйца были уложены в прохладную грязь, в трех шагах от кромки пруда.

— Теперь будем ждать, — сказал Мазар. — Ждать и надеяться.

— Я помогу им выжить, — сказал Эрн. — Буду приносить им еду и охранять их. И... если это будут женщины...

— Будут две женщины, — заявил Мазар. — В этом я не сомневаюсь. Я хоть и стар... но мы еще поглядим...

ТВОРЕЦ МИРОВ

1

В открытое окно вливались звуки города — свист пролетающего самолета, постукивание ведущей под уклон пешеходной дорожки, хриплые, приглушенные расстоянием голоса. Кардаль сидел у окна, разглядывая лист бумаги с фотографией и лаконичным текстом:

«Беглец!
Изабель Май
возраст 21 год
рост 5 футов, 5 дюймов
телосложение среднее
волосы темные (возможно, будут перекрашены)
глаза голубые
Особые приметы: отсутствуют»

Кардаль перевел взгляд на фотографию, разглядывая хорошенькое личико, которому плохо соответствовало гневное выражение глаз. На груди девушки висел плакат: 94Е-627. Кардаль снова обратился к тексту:

«Приговоренная к 3 годам исправительных работ в женском лагере Невады Изабель Май в первые же 6 месяцев заключения получила дополнительно 22 месяца штрафного заключения. Особо опасна при задержании».

— Не глупа, не вульгарна, — размышлял Кардаль. Своевольное и отважное лицо, несмотря на вызывающий вид, просто светилось тонким интеллектом. — Совсем не похожа на преступницу! — отметил Кардаль и нажал кнопку.

Телеэкран моментально ожил.

— Лунную обсерваторию, — бросил Кардаль.

На экране промелькнуло что-то неразборчивое, потом возникло помещение офиса с лунной поверхностью за окном. Мужчина в ярко-розовой блузе смотрел с экрана:

— Привет, Кардаль.

— Что скажешь о Май?

— Мы вышли на нее. Но сначала кое-что неприятное, о чем ты не желаешь слышать. Вот что — пожалуйста, впредь держи фрахтовиков в другом секторе, когда ловишь беглецов. Одни неприятности от этих чайников...

— Но вы засекли Май?

— Конечно.

— Не выпускайте ее из вида. Я вышлю кого-нибудь для задержания.

Кардаль отключил экран. Немного подумав, он вызвал на экране изображение секретарши.

— Дайте мне Детеринга из Центрального Управления.

Экран полыхнул всеми цветами радуги, и на нем высветилось румяное лицо Детеринга.

— Кардаль, если тебе нужна помощь...

— Мне нужен смешанный взвод из мужчин и женщин и быстрый корабль для поимки беглеца. Ее зовут Изабель Май. У нее безнадежно скверный и буйный нрав, но я не хочу, чтобы ей причинили вред.

— Дай мне договорить до конца... Кардаль, если нужна моя помощь, то тебе не повезло... Здесь никого нет. Ни одной живой души, кроме меня, во всем здании.

— Тогда приезжай сам.

— Гоняться за полоумной бабой, схлопотать от нее по морде и потерять остатки волос? Премного благодарен... Хотя подожди. Тут сидит один парень, ждет дисциплинарного взыскания. Я могу послать его либо под трибунал, либо к тебе.

— В чем он провинился?

— Нарушение субординации. Неподчинение приказам. Высокомерие. Он сам по себе. Делает что вздумается и плевать хотел на устав.

— Ну и как, успешно?

— В каком-то смысле — да. Смотря что считать успехами!

— Пожалуй, он может оказаться именно тем, кто вернет Изабель Май! Как его зовут?

— Ланарк. Он в чине капитана, но не любит, чтобы к нему обращались по званию.

— Не слишком ли он своенравен... Ну ладно, присылай его.

Ланарк появился почти мгновенно. Секретарша провела его в контору Кардаля.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Меня зовут Кардаль, а вы — Ланарк, не так ли?

— Совершенно верно.

Кардаль изучал своего посетителя с откровенным любопытством. Внешность Ланарка противоречила его репутации. Он вовсе не производил впечатление хвастливого выскочки и не вел себя развязно. Правильные черты лица, потемневшего от сурового воздействия космоса, холодный прямой взгляд серых глаз, крупный орлиный нос. Голос у Ланарка был мягкий и приятный.

— Майор Детеринг прислал меня в ваше распоряжение, сэр!

— *Он дал вам хорошую рекомендацию.* У меня имеется для вас срочная и деликатная работа. Вот, взгляните сюда.

Он передал лист бумаги с фотографией Изабель Май. Ланар критически оглядел ее и, не говоря ни слова, вернул обратно.

— Эта девушка была осуждена полгода назад за нападение с применением оружия. Позавчера она бежала в космос — что само по себе довольно обычная история. Но она похитила важную информацию, которую необходимо заполучить обратно для экономического благополучия Земли. Возможно, это звучит для вас не совсем вразумительно, но просто примите информацию к сведению.

— М-р Кардаль, — сдержанно сказал Ланарк, — я нахожу, что работаю гораздо эффективнее, когда располагаю фактами. Обрисуйте мне подробности. Если вы считаете, что дело слишком тонкое для меня, то я сразу отказываюсь, и вам лучше будет привлечь кого-нибудь более подходящего.

Кардаль с неудовольствием стал объяснять:

— Отец девушки — математик высокого уровня, работал для Казначейства. Под его руководством был разработан сложнейший метод контроля безопасности банковских операций. Из крайней предосторожности он придумал что-то вроде закодированного переключателя, состоящего из определенных слов в заданной последовательности. Преступник мог бы подойти к телефону, связаться с Казначейством и, воспользовавшись кодом, только словами перевести на свой личный счет миллиард долларов. Или сто миллионов.

— Почему бы не заменить этот код на другой?

— Потому что Артур Май — дьявольски умен. Переключатель находится внутри компьютера и, запрятанный совершенно немыслимым образом, защищен от каждого, кто захочет обнаружить его. Единственный способ заменить код — это сначала с его помощью войти в переключатель, а уж потом отдать соответствующую команду.

— Дальше.

— Артур Май признался в этом. Он согласился на определенных условиях передать код Канцлеру и затем пройти сеанс гипноза, чтобы удалить из своей памяти знание этого кода. Сейчас стали известны некоторые, довольно грязные подробности в отношении вознаграждения Мая и, по моему мнению, он поступил с ними абсолютно правильно.

— Мне понятно ваше чувство, — сказал Ланарк. — С этими бандитами у меня свои счеты. Хороший казначей — это мертвый казначей.

— Короче, вокруг всего этого разгорелись жуткие дрязги — споры, предложения, интриги, встречные предложения, опять интриги, взаимные уступки — все это вызвало у Артура Мая нервный срыв, и он забыл код. Но что-то в этом роде он, видимо, ожидал, потому что оставил документ с текстом своей дочери Изабель Май. Когда представители власти явились за ее отцом, она отказалась их впустить; она совершила акт насилия, и пришлось поместить ее в исправительное заведение, откуда она и удрала пару дней назад. Впрочем, нас не касается, кто тут прав и кто виноват... Ее надо задержать, более или менее осторожно, — и вернуть назад. С кодом переключателя. Ну как, вам понятна подоплека дела?

— Да, непростая работенка, — сказал Ланарк. — Ну что ж, поеду за этой девицей и, если повезет, верну ее обратно.

Спустя шесть часов Ланарк прибыл к Лунной Обсерватории. Входная оболочка раскрылась, принимая опускающийся корабль. Внутри купола Ланарк откинул входной люк и вышел. Подошел Главный астроном в сопровождении нескольких механиков. Один из них держал в руках прибор, который они собирались приварить к корпусу корабля.

— Это детекторное устройство, — объяснил астроном. — В настоящий момент оно настроено на корабль, который вы собираетесь преследовать. Когда указатель в центре шкалы — значит, вы на верном пути.

— И куда же этот корабль держит курс, как вы думаете?

Астроном пожал плечами.

— Уже вышел за пределы земного влияния. Его путь проходит мимо Фомальгаута и дальше по прямой.

Ланарк промолчал. С таким же успехом Изабель Май могла держать курс на осиное гнездо. В один прекрасный день она может влететь на окраину Клантлаланской системы; космический патруль этой злобной и враждебной империи уничтожает без предупреждения все приближающиеся суда. Дальше шла область черных звезд, населенная каким-то диковинным людом, ничуть не лучше пиратов. Еще дальше лежали совершенно неизведанные и поэтому опасные районы космоса.

Механики закончили работу. Ланарк снова забрался в корабль. Выходная оболочка раскрылась, он запустил двигатель, нажал на педаль и отбыл в космос.

Медленно потекли дни, поглощая пространство. Земная империя — маленькая кучка звезд — осталась позади. С одной стороны все ярче разгоралась Клантлаланская система, и, когда Ланарк проходил мимо, сферические корабли клантлаланов рванули к нему, намереваясь ввязаться в драку. Врубив аварийный генератор на полную мощность, Ланарк прошмыгнул под носом боевого клантлаланского крейсера и

умчался вперед. Он понимал, что когда-нибудь, возвращаясь к родной планете, ему снова придется пробираться мимо сторожевых кораблей системы двух красных звезд-близнецов. И все это для того, чтобы добыть секрет, который так дорого стоит. А пока он только следил за тем, чтобы указатель находился в центре шкалы. И день ото дня сигналы, которые шли от преследуемого корабля, становились все сильнее.

Оба корабля прошли через пояс потухших звезд, захваченных пиратами и всяким сбродом, в малоисследованную область пространства. По слухам, тут вечно шлялись эти пьяницы и придурки — клантлаланы. Ему припоминались рассказы о планетах сплошь в развалинах и руинах, легенды об астероидах, заваленных обломками сотен космических кораблей. Болтали всякие небылицы про дракона, который странствует здесь, отлавливает космические корабли и разрывает их на части своими мощными челюстями, про заброшенную планету, на которой живет отшельник и, подобно Господу Богу, творит миры для своего удовольствия.

Сигналы детектора настолько усилились, что Ланарк сбросил скорость из опасения, что проскочит мимо цели и детектор потеряет источник излучения. Сейчас корабль Изабель Май, будто рыская в поисках ориентира, разворачивался то к одной, то к другой из звездных систем, проплывающих мимо роем светлячков. При этом сигналы детектора становились все сильнее. Впереди вырастала, поблескивая, желтая звезда. Ланарк не сомневался, что до корабля Изабель Май уже рукой подать. Не отступая ни на шаг, он проследовал за ней к желтой звезде, держа курс на единственную планету этой системы. И вот, когда перед ним возникли четкие контуры планеты, сигналы внезапно смолкли.

Высокие слои чистой атмосферы затормозили движение космического корабля Ланарка. Внизу можно было уже увидеть бурую, выжженную солнцем почву, через телескоп поверхность казалась каменистой и плоской. Облака пыли свидетельствовали о сильных ветрах.

Можно было не беспокоиться о том, где искать корабль Изабель Май. В поле зрения телескопа находилось белое кубическое строение, единственный ори-

ентир на всем пространстве от горизонта до горизонта. Рядом стоял серебристо-серый корабль Изабель Май. Ланарк лихо приземлился, готовый к тому, что сейчас последует залп из ее лучемета. Входной люк корабля был открыт, но девушка не показывалась, хотя он с грохотом посадил корабль совсем рядом.

Воздух был вполне пригоден для дыхания. Горячий шквал ветра обрушился на него, хлестал по лицу так, что слезились глаза. Порывистый ветер швырял гальку, сплошь покрывавшую почву, больно бил по ногам. Солнце жгло немилосердно.

Ланарк внимательно огляделся. Ни белое строение, ни корабль Изабель Май не подавали никаких признаков жизни. Во все стороны простиралась голая, залитая солнцем равнина, затянутая у горизонта пыльной дымкой.

Ланарк посмотрел на одинокую белую конструкцию. Изабель Май должна быть внутри. Цель, которую он преследовал и которая провела его через всю Галактику, находилась здесь.

2

Ланарк обошел вокруг здания. С подветренной стороны он обнаружил темную низкую арку. Изнутри потянуло тяжелым животным запахом — то ли зверя, то ли пресмыкающегося. Держа наготове свой лучемет, он заглянул внутрь и крикнул:

— Изабель Май!

Прислушался.

Ветер свистел за углом, маленькие камешки проносились над бесконечной залитой солнцем пустыней, пощелкивая друг о друга. И ни звука больше.

Тихий голос проник в его сознание:

— Той, которую вы ищете, здесь нет.

Ланарк остолбенел от неожиданности.

— Вы можете войти, землянин. Мы не враги вам.

Темное пятно арки маячило перед ним. Он осторожно ступил внутрь. После ослепительного солнечного света тусклая сумеречность комнатного освещения была подобна безлунной ночи. На мгновение Лунарк ослеп.

Постепенно предметы приобретали очертания. Два

огромных глаза светились в темноте; позади смутно угадывалась округлость чудовищной туши. В голове Ланарка всколыхнулась новая мысль:

«Умерьте вашу агрессивность. Здесь не будет причин для применения силы».

Ланарк замялся, чувствуя себя слегка не в своей тарелке. Телепатия не очень-то была в ходу на Земле. Существо передавало свои сообщения как бы чрезвычайно тихим голосом, но Ланарк не представлял, как передать свои собственные. Потом — была не была — бросил наугад:

— Где Изабель Май?

— В месте, недоступном вам.

— Как она попала туда? Ее корабль стоит снаружи, и она села не более получаса назад.

— Я отослал ее.

Держа лучемет наготове, Ланарк обошел все здание, но девушки нигде не было видно. Внезапно, охваченный жутким подозрением, он бросился к выходу и выглянул наружу. Нет, оба космических корабля стояли на том же месте, что и прежде. Засунув лучемет в чехол, Ланарк вернулся к левиафану, который, похоже, добродушно забавлялся, наблюдая за ним.

— Ну ладно. Так кто же вы и где Изабель Май?

— Я — Лаом, — последовал ответ. — Лаом — один из Тройки Нарфилета, Лаом — Мыслитель Мира, Главный Мудрец Пятой Вселенной... Что касается девушки, то она в очень приятном, но недоступном для вас месте — в мире моего собственного производства. Она сама захотела туда отправиться.

Ланарк стоял в замешательстве.

— Взгляните, — сказал Лаом.

Пространство затрепетало, и прямо перед глазами Ланарка появилось темное отверстие. Приглядевшись, Ланарк увидел висящий в пустоте на расстоянии не более ярда светящийся шар — миниатюрный мир. Все время, пока Ланарк разглядывал его, мир расширялся подобно мыльному пузырю.

Когда он вышел за пределы отверстия, исчезли края горизонта, но стали различимы океаны и континенты, испещренные неровными пятнами облаков. Ледяные полярные шапки ослепительно сверкали в лучах невидимого солнца. И все это время казалось,

что до планеты не более ярда. Появилась равнина в оправе из черных кремнистых гор. Розовато-охристый цвет равнины, как он теперь видел, проистекал из-за цвета ржавой листвы лесного покрова. Развитие прекратилось.

Мыслитель Мира произнес:

— Все, что вы видите перед собой, сделано из столь же реального и осязаемого вещества, как и вы сами. Протяните руку и потрогайте.

Ланарк так и сделал. Действительно, планета была не дальше вытянутой руки, и красный лес закрошился под пальцами, словно сухой мох.

— Вы разрушили деревню, — заметил Лаом и заставил мир увеличиться еще больше, раздувая его пропорционально во всех направлениях, пока у Ланарка не возникло ощущение, что он сам висит всего лишь в ста футах над поверхностью.

Он пригляделся к месту катастрофы, которую устроил минутой раньше своим прикосновением. Деревья, значительно большие, чем он предполагал, с диаметром стволов от тридцати до сорока футов, лежали вповалку, разбитые в щепки. Видны были обломки грубых построек и, прислушавшись, Ланарк различил доносившиеся из них вопли и крики боли. Валялись останки мужских и женских тел. Другие люди отчаянно барахтались под развалинами.

Ланарк уставился на все это, не веря своим глазам:

— Здесь жизнь! Люди!

— А без жизни мир неинтересен — просто комок глины. Я часто использую людей вроде вас. Они предприимчивы и обладают большим эмоциональным потенциалом, легко приспосабливаются к различным условиям, которые я задаю им.

Ланарк пристально оглядел кончики своих пальцев, потом перевел взгляд на обломки деревни.

— Они в самом деле живые?

— А как же. И если бы вы могли превратиться в одного из них, то сами бы убедились, что у них есть понимание истории, фольклорные традиции и культура, хорошо приспособленные к их среде обитания.

— Но как это можно, постичь мир во всем разнообразии только одним умом? Каждый листок на дереве, каждую черту человеческого образа...

— Да, это было бы довольно скучным занятием, —

согласился Лаом. — Мой ум задумывает модель только в общих чертах, задавая определенные корни в гипостатическое уравнение. Остальное получается автоматически...

— И вы позволили мне уничтожить сотни этих... людей?

Любопытные щупальца зашевелились в его мозгу. Ланарк почувствовал, как Лаом развеселился.

— Это вам кажется противоестественным? Через минуту я заставлю исчезнуть весь этот мир! И все же, чтобы доставить вам удовольствие, я могу восстановить все, как было. Глядите!

Мгновенно лес приобрел девственно нетронутый вид, деревня, мирная и безмятежная, встала, как прежде, посреди леса.

Ланарк вдруг ощутил, что живая связь, установившаяся у него с Мыслителем Мира, как-то странно костенеет. Оглянувшись, он увидел, что большие глаза его остекленели, а огромное туловище извивается в судорогах. И тотчас же вымышленная планета Лаома стала меняться на глазах. Величественные красные деревья превратились в серые гнилые стебли и качались, как пьяные, другие, оседая, складывались пластами, подобно слоям штукатурки.

На земле, бешено вращаясь, черные клубки слизи преследовали поселян, которые в ужасе разбегались кто куда. С неба посыпался град блестящих шариков, вмиг перебивший всех жителей деревни, но круглые слизняки еще корчились в агонии. Ошалев от ударов, они яростно вгрызались в каменистую почву, пытаясь найти укрытие. Мир исчезал еще быстрее, чем появился.

Ланарк оторвал пристальный взгляд от пятна, оставшегося от этого мира, обернулся и увидел прежнего Лаома.

«Не волнуйтесь!»

Мысли успокаивались.

«Припадок кончился. Такое случается со мной крайне редко, и я не знаю, почему это происходит. Я так полагаю, что мой мозг впадает в рефлексивный спазм, чтобы избавиться от сильного умственного напряжения. Это был еще приступ средней тяжести. Мир, на котором я концентрируюсь, в тяжелых случаях разрушается полностью».

Поток беззвучных слов резко оборвался. Шли ми-

нуты. Затем мысли с новой силой хлынули в мозг Ланарка.

«Позвольте показать вам другую планету — один из самых интересных моих замыслов. Почти миллион земных лет она развивается в моем воображении».

Пространство опять затрепетало перед глазами Ланарка. В иллюзорной пустоте возникла и повисла другая планета. Как и предыдущая, она расширялась, пока очертания местности не обрели земную перспективу. Едва ли превышая милю в диаметре, мир разделялся вдоль экватора песчаным поясом пустыни. На одном полюсе тускло отсвечивало озеро, другой буйно зарос зеленой растительностью.

В этот момент под взглядом Ланарка из джунглей тайком выползло нечто, напоминающее в пародийной форме человека. У этого существа было длинное, переходящее сразу в туловище бесформенное лицо с блестящими и подвижными бусинками глаз. Неестественно длинные ноги, плечи и руки недоразвиты. Существо подкралось к границе пустыни, на мгновение замерло, озираясь по сторонам, и бешеным броском устремилось через пустыню к озеру.

Когда оно было примерно на полпути, послышался ужасающий рев. Из-за края горизонта выпрыгнул драконообразный монстр и со страшной скоростью помчался вслед за бегущим человеком. И все же тот обогнал его и на двести футов раньше достиг края пустыни. Уперевшись в границу песчаной зоны, дракон остановился и взревел так горестно и жутко, что у Ланарка мурашки по коже побежали. В этот момент человечек доплелся до озера и, распластавшись, с жадностью набросился на воду.

«Эволюционная модель», — появилась мысль Лаома. — Миллионы лет назад эти существа были такими же, как вы, людьми. Но сам мир их устроен крайне тривиально: на одном конце — пища, на другом — вода. Для того, чтобы выжить, человек должен чуть ли не каждый день бегать через пустыню. Дракону запрещается нарушать границу пустыни и покидать ее, так что, если людям удается пересечь пустыню, они в безопасности.

— Вы сами можете убедиться в том, как превосходно они приспособились к этим условиям. Женщины отличаются особой подвижностью, но равновесие со-

храняется, так как они обременены еще своими младенцами. Конечно, годы берут свое, и, постарев, они уже не так быстро бегают, пока рано или поздно дракон их не отловит и не сожрет.

— Любопытная религия, и в ней возникло множество запретов. Мне они поклоняются как Высшему Божеству Жизни, а Шилла — так они называют дракона — для них символ смерти. Конечно, в основном омрачает их жизнь и занимает все помыслы именно он. Эти людишки очень примитивны. Еда, вода и смерть для них почти неразделимы.

«Они не могут создать оружия из металла против Шиллы, в этом мире нет подходящего материала. Как-то, сто тысяч лет назад, один из вожаков, ухитрившись построить гигантскую катапульту, метнул заостренный ствол дерева в Шиллу. К несчастью, волокна натяжной веревки лопнули, и вожак был убит при отдаче. Жрецы восприняли это как знак свыше и...»

— Посмотрите, Шилла ловит дряхлую старуху! Она совсем одурела от выпитой воды, пытается вернуться в джунгли.

На глазах Ланарка эта бестия, громко хлюпнув, заглотила жертву.

«Как следствие, — продолжал Лаом, — было создано табу, и никто уже впредь не пытался сделать оружие».

— Но как вы могли обречь этот народ на миллионы лет такого жалкого существования?

Лаом мысленно пожал плечами и, как ни странно, Ланарк это понял.

«Я справедлив и, более того, благосклонно отношусь к ним, — сказал он. — Эти люди обожествили меня. У них есть такой холмик, который считается священным. Туда они приносят своих больных и раненых, и, если я в хорошем расположении духа, то исцеляю их. Пока они существуют, жизнь кажется им такой же привлекательной, как вам — ваша».

— И все же, создавая эти миры, вы несете ответственность за счастье их обитателей. Если вы и вправду так благосклонны к ним, то почему допускаете болезни и насилие?

Лаом снова мысленно передернул плечами.

«Я могу сказать, что это моя модель нашей собственной Вселенной. Возможно, где-то существует другой Лаом, выдумывающий миры, в которых живем мы с вами. Ведь когда человек погибает от болезней, он дает жизнь бактериям. Дракон живет, пожирая людей, ну а сами люди, разве они не едят растения и животных?»

Ланарк молчал, стараясь упрятать поглубже свои собственные мысли.

— Я надеюсь, что Изабель Май нет ни на одной из этих планет?

«Это верно».

— Я прошу у вас возможности связаться с ней.

«Но я нарочно поместил ее в такое место, чтобы оградить от возможных посягательств».

— Надеюсь, что ей будет полезно выслушать меня.

«Ну ладно, — сказал Лаом. — Справедливости ради, я должен вам дать такие же возможности, что и ей. Можете отправляться в тот мир. Однако помните, что судьба в ваших собственных руках, так же как и у Изабель Май. Если вы погибнете на Маркавеле, это произойдет столь же реально, как если бы вы умерли на Земле. Я не могу играть роль Судьбы и влиять на ваши жизни».

Тут в мыслях Лаома наступил провал, образы и мысли вихрем сменяли друг друга, так что Ланарк не мог ничего уловить. Наконец Лаом снова вперился в него взглядом. Мгновенная дурнота охватила Ланарка, потом снова вернулось сознание.

Пока Лаом молча рассматривал его, Ланарку пришло в голову, что тело Лаома, груда черного мяса, до странности плохо приспособлено к жизни на этой планете.

«Вы правы, — заструились мысли Лаома. — Я пришел из Потустороннего Мира, неизвестного вам, изгнанный с темной планеты Нарфилет, в чьих бездонных черных водах я плавал. Это было очень давно, но и сейчас я не могу туда вернуться!» — Лаом еще глубже погрузился в транс.

Ланарк беспокойно шевельнулся. Ветер за стеной совсем разбушевался. Лаом продолжал молчать, похоже, размечтавшись о темных океанах древнего Нарфилета.

Ланарк нетерпеливо бросил:

— Как я попаду на Нарфилет? И как вернусь оттуда?

Лаом вышел из забытья, глаза его уставились в точку рядом с Ланарком. Вновь, в третий раз задрожало, раскрываясь, отверстие, через которое были видны его воображаемые миры. На некотором расстоянии, в глубине, покачивался космический корабль. Ланарк прищурил глаза, с интересом приглядываясь.

— Да это же 45-G — мой собственный корабль, — воскликнул он.

— Нет, не ваш. Но такой же. Ваш находится здесь, за стеной.

Судно приближалось, постепенно вплывая в пределы досягаемости.

— Подымайтесь, — сказал Лаом. — Сейчас Изабель Май находится в городе, расположенном в вершине треугольного материка.

— Но как я вернусь обратно?

— Когда покинете Маркавель, направьте ваш корабль к самой яркой из видимых звезд. Там вы прорветесь через ментальное измерение в эту Вселенную.

Ланарк просунул руку в призрачную Вселенную и подтянул призрачный корабль поближе к отверстию. Он открыл вход и осторожно вступил на корабль, сопровождаемый прощальной мыслью Лаома.

— Если вы попадете в беду, я не смогу изменить естественный ход событий. С другой стороны, я не стану намеренно чинить препятствий на вашем пути. Если они возникнут, то исключительно из-за внешних причин, а я тут ни при чем.

3

Ланарк захлопнул входной люк, отчасти готовый к тому, что корабль развалится у него под ногами. Но тот оказался достаточно прочным. Он посмотрел назад. Брешь в его собственную Вселенную затянулась, и на этом месте засверкала алмазным блеском голубая звезда.

Он обнаружил, что находится в космосе. Внизу тускло мерцал диск Маркавеля, точно такой же, как у других планет, когда опускаешься на них из

пустоты. Ланарк потянул за ручку ускорителя, круто направив нос корабля вниз на планету. Ну держитесь, абстракции и иллюзии!

Корабль опустился на Маркавель.

Планетка оказалась довольно приятной. Теплое яркое солнышко светило с небес. Голубые океаны покрывали большую часть поверхности. Среди разбросанных островков суши Ланарк нашел треугольный материк. Он был невелик, только горы с зелеными лесистыми склонами да плато посредине. Ничего такого, чего нельзя увидеть на Земле, и Ланарк не испытывал обычной настороженности и отчужденности, как это обычно бывало при посадке на другие планеты. Глядя в телескоп, Ланарк увидел белоснежный город, раскинувшийся в дельте широкой реки.

Молнией прорезав верхние слои атмосферы, он затормозил и выравнял корабль, не долетев до берега тридцати миль. Скользя по искрящимся голубым волнам, он полетел к городу.

Несколькими милями левее из океана поднимались базальтовые утесы какого-то острова.

Поглядев в ту сторону, он увидел, как волна вынесла на гребне какой-то плавающий темный предмет. Спустя мгновение он вновь скрылся между волн: это был ветхий плот. Девушка, находившаяся на нем, отчаянно сражалась с морскими тварями, которые настойчиво карабкались на борт. Ланарк опустил корабль на воду, совсем рядом. Волна окатила плот и смыла девушку за борт.

Ланарк выбрался через люк и бросился в прозрачную зеленоватую воду. Он успел заметить едва различимые получеловеческие фигуры, удиравшие в глубину. Короткими саженками подплыв к плоту, он нырнул и, подхватив обмякшее тело девушки, поднял ее из воды. Некоторое время он, уцепившись за плот, переводил дыхание, держа над водой голову девушки. Он увидел, что эти твари возвращаются. Темные очертания появились там, где тень от плота легла на воду, и гибкая рука с длинными пальцами цапнула его за ногу. Ланарк отбрыкнулся и почувствовал, как ступня угодила во что-то похожее на лицо. Из глубины поднимались все новые темные фигуры. Ланарк прикинул расстояние до корабля. Сорок футов. Слишком далеко. Он вполз на плот, втащив за собой

девушку. Освободив весло, он наклонился пониже, приготовившись нанести сокрушительный удар первой же морской гадине, которая высунется из воды. Но вместо этого они возбужденно закружили на глубине около двадцати футов.

Лопасть весла оказалась разбитой, и Ланарк не смог бы управиться с непослушной громадой плота. Ветерок тем временем отгонял их все дальше от корабля. Минут пятнадцать он надрывался, колотя по воде сломанным веслом, но расстояние все увеличивалось. С раздражением отшвырнув весло, он повернулся к девушке, которая, скрестив ноги, задумчиво наблюдала за ним. Почему-то вдруг Ланарк вспомнил о Лаоме, дремлющем в сумерках белого здания на продуваемой ветрами планете. Все это, думал он, переводя взгляд от ясных глаз девушки на залитый солнцем дышащий океан, на горный массив материка, видневшегося впереди, было всего лишь фантазией Лаома.

Он снова посмотрел на девушку — ее блестящие пшеничного цвета локоны рассыпались по плечам. «Какая хорошенькая», — подумал Ланарк, отводя взгляд. Она метнула на него пристальный взгляд и поднялась с непринужденной грацией.

Девушка заговорила, и Ланарк с изумлением обнаружил, что понимает ее. Потом, припомнив, как Лаом манипулировал его сознанием, извлекая мысли и изменяя их, незаметно внушая новые понятия, он перестал удивляться.

— Спасибо вам за помощь, — сказала она. — Но сейчас у нас обоих положение неважное.

Ланарк промолчал. Он присел на корточки и стал снимать ботинки.

— Что вы хотите делать?

— Плыть, — ответил он. Новый язык казался уже родным.

— Донники утащат вас прежде, чем вы проплывете двадцать футов.

Она кивнула на воду, в которой кишели, описывая круги, темные фигуры. Ланарк не сомневался, что так и будет.

— Вы тоже с Земли? — спросила она, внимательно оглядев его.

— Да. А кто вы и что вы знаете о Земле?

— Я — Йоро из вон того города, он называется Гахадион. Земля — родина Изабель Май, которая прилетела сюда на таком же, как ваш, корабле.

— Изабель Май прилетела не более часа тому назад. Как вы могли узнать о ней?

— Часа? — переспросила девушка. — Да она здесь уже три месяца. — Это было сказано с легкой горечью.

Ланарк подумал, что Лаом так же вольно обращается со временем в своих вселенных, как и с пространством.

— Как вы добрались сюда на этом плоту?

Йоро скорчила гримаску, повернувшись к острову.

— Жрецы захватили меня. Они живут на острове и забирают людей с материка. Они взяли меня, но прошлой ночью я сбежала.

Ланарк перевел взгляд с острова к городу на материке.

— Почему же власти Гахадиона не запретят жрецам этого делать?

Она от удивления открыла рот.

— Они посвящены Великому Божеству Лаому и неприкосновенны.

Ланарк подивился, что и здесь шел тот же эволюционный процесс Лаома.

— Некоторым посчастливилось вернуться на материк, — продолжала Йоро. — Те, кому удается освободиться и не попасть в лапы Донникам, обычно поселяются в дикой местности. Если они вернутся в Гахадион, фанатики растерзают их или снова передадут жрецам.

Ланарк молчал. Несмотря ни на что, ему с трудом верилось, что эти люди существуют. Они были плодом фантазии, обитая на вымышленной планете. И все же, глядя на Йоро, он никак не мог поверить, что это вымысел, а не реальность.

— А Изабель Май в Гахадионе?

Йоро поджала губы.

— Нет, она живет на острове. Она — Трижды посвященная, Верховная жрица.

Ланарк удивился.

— Почему ее сделали Верховной жрицей?

— Когда она тут появилась, примерно через месяц, Иерарх, неравнодушный к женщинам с темными, как

ночь, волосами, вроде как у вас, хотел забрать ее рабыней на Дрефтелай и сделать Символом Острова. Она убила его из своего ружья. И поскольку Лаом не испепелил ее молнией (это означало, что он одобряет ее действия), то Май провозгласили Верховной жрицей вместо убитого Иерарха.

— Такая философия, — подумал Ланарк, — на Земле прозвучала бы наивно. Там боги не так явно вмешиваются в человеческие дела.

— Изабель Май ваш друг или ваша возлюбленная? — мягко спросила Йоро.

— Едва ли.

— Так что же вам от нее надо?

— Я прилетел, чтобы вернуть ее на Землю. — Он с сомнением посмотрел на все увеличивающийся разрыв между плотом и своим кораблем. — Во всяком случае, собирался это сделать.

— Вы скоро увидите ее, — сказала Йоро. Она показала на длинную черную галеру, плывущую к ним со стороны острова. — Это Посвященные. И я опять рабыня.

— Ну вот еще, — сказал Ланарк, проверяя ствол лучемета.

Двадцативесельная галера стремительно неслась к ним. На задней части палубы стояла молодая женщина, ветер развевал ее черные волосы. Когда Ланарк смог различить черты лица, он сразу узнал девушку с фотографии Кардаля. Выражение лица у нее сейчас было спокойное и надменное.

Ему показалось, что Изабель Май засмеялась, переведя взгляд от онемевшей парочки на корабль, который тяжело покачивался в четверти мили от плота.

Галера, заполненная высокими золотоволосыми людьми, подошла вплотную.

— Итак, Земная служба Безопасности наносит мне визит. — Май говорила по-английски. — Не представляю, как вы нашли меня. — Она с любопытством оглядела Ланарка, стоявшего с угрюмым видом. — Как?

— Я неотступно следовал за вами, а потом объяснил Лаому суть дела.

— И в чем же суть?

— Я надеюсь выработать некий компромисс, который устроит нас обоих.

— Да мне плевать.

— Понятно.

Они изучающе смотрели друг на друга. Изабель Май вдруг спросила:

— Как ваше имя?

— Ланарк.

— Просто Ланарк? А звания? Фамилия?

— Ланарк. Этого достаточно.

— Ну как хотите. С трудом представляю, что с вами делать. Я не кровожадна и не хочу мешать вашей карьере. Но доставлять вас на корабль было бы просто донкихотством. Мне хорошо здесь, и у меня нет ни малейшего желания менять что-нибудь ради вас.

Ланарк прикоснулся к своему лучемету. Она проследила за ним равнодушным взглядом.

— Мокрый лучемет не работает.

— Этот исключение.

Ланарк снес выстрелом фигуру на носу галеры. Изабель Май сразу изменила выражение лица.

— Я вижу, что была не права. Как вы сделали это?

— Личное изобретение, — ответил Ланарк. — Теперь я могу требовать, чтобы вы перевезли меня на мой корабль.

Изабель Май уставилась на него, и в ее голубых глазах Ланарк уловил что-то знакомое. Где он видел такое выражение глаз? На Фане, планете развлечений? В волшебных рощах Хицифиля? Во время облавы на плантации рабов Старлена? В Земном макрополисе Тран?

Она повернулась и что-то прошептала своему рулевому. Это был бронзовый гигант с золотыми волосами, перехваченными медным обручем. Он поклонился и отошел.

— Ладно, — сказала Изабель Май. — Садитесь.

Йоро и Ланарк перелезли через резной планшир, галера рванулась вперед, оставляя в кильватере белый пенистый след.

Изабель Май обратила внимание на Йоро, которая

сидела с безутешным видом, глядя в сторону острова Дрефтелай.

— Вы быстро обзаводитесь друзьями, — сказала Изабель Ланарку. — Девушка очень красива. Какие у вас на нее виды?

— Она одна из ваших беглых рабынь. У меня нет никаких планов. Это место принадлежит Лаому, и здесь он все определяет. Меня волнует только, как забрать вас отсюда. Если вы не хотите возвращаться на Землю, отдайте мне документ, который увезли с собой, и живите здесь сколько хотите.

— Очень жаль, но документ останется при мне. Я не ношу его с собой, так что, пожалуйста, не вздумайте обыскивать меня.

— Что ж, звучит убедительно, — сказал Ланарк. — Вы знаете, что в этом документе?

— Приблизительно. Что-то вроде пустого чека на мировое господство.

— Хорошо сказано. Насколько я понял эту прискорбную историю, вас разгневало обращение с вашим отцом.

— Это еще мягко сказано.

— Деньги помогут смягчить ваш гнев?

— Не нужны мне деньги. Я хочу отомстить. Я хочу ткнуть их мордой в грязь, хочу поставить их на колени и сделать невыносимой всю их жизнь.

— И все же не надо пренебрегать деньгами. Так приятно быть богатой. У вас вся жизнь впереди. Я не думаю, что вы захотите провести ее здесь, у Лаома в голове.

— Да, это верно.

— Так назовите цену.

— Я не могу измерить в долларах гнев и горе.

— Почему бы и нет? А миллион? Десять миллионов? Сто миллионов?

— Стоп. Я не умею считать дальше.

— Это ваша цена?

— На что мне деньги, если они отправят меня обратно в Неваду.

— Нет. Под мою личную ответственность, что этого не произойдет.

— Какой в этом смысл? Я ничего не знаю о вас.

— Узнаете, пока мы будем лететь на Землю.

— Ланарк, вы умеете убеждать, — проговорила Изабель Май. — Если хотите знать правду — я тоскую по родине.

Она отвернулась, глядя вдаль, на океан. Ланарк стоял, разглядывая ее. Да, девушка была очень привлекательна, и Ланарк не мог оторвать от нее глаз. Но сев на скамью рядом с Йоро, он ощутил волну какого-то другого, более сильного чувства, которое было ему неприятно. И Ланарк постарался отделаться от него.

4

Впереди вяло покачивался на волнах его корабль. Галера стремительно скользила по воде, и гребцы не сбавляли скорости, хотя корабль был уже совсем близко. Ланарк прищурил глаза и встал в полный рост, уже ликуя в душе. Галера, не сворачивая в сторону, врезалась в корабль, протаранив его носом, окованным металлом. Вода хлынула в открытый люк, корабль вздрогнул и затонул, уходя под воду темной отвесной тенью.

— Скверно, — заметила Изабель Май. — С другой стороны, у нас теперь равные шансы. Вы имеете лучемет, а я — космический корабль.

Ланарк молча опустился на скамью. Спустя некоторое время он сказал:

— Где ваш собственный лучемет?

— Взорвался, когда я пыталась перезарядить его от генераторов космолета.

— И где же ваш космолет?

Изабель это развеселило:

— Вы что, думаете, что я расскажу?

— Почему бы и нет? Я не собираюсь бросать вас здесь.

— Тем не менее даже не подумаю это делать!

Ланарк повернулся к Йоро.

— Где корабль Изабель Май?

Изабель свысока промолвила:

— Как Верховная жрица Всемогущественного Лаома, приказываю тебе молчать.

Йоро переводила взгляд с Изабель на Ланарка, что-то прикидывая в уме.

— Он на площади перед Малахитовым Храмом Гахадиона.

Изабель промолчала.

— Лаом — гнусный обманщик, — сказала она наконец. — Йоро вами просто очарована. Можете не сомневаться в ее преданности.

— Лаом обещал не вмешиваться.

Изабель горько усмехнулась.

— Это он и мне говорил — и что же... Я — Верховная жрица! Он также обещал, укрыв меня на Маркавеле, что не позволит никому мне навредить. Но вы-то здесь!

— У меня нет намерения вредить вам, — сухо сказал Ланарк. — Мы так же легко можем стать друзьями, как и врагами.

— Я не нуждаюсь в вашей дружбе. И как враг вы меня не пугаете. Эй! — Изабель подозвала к себе высокого рулевого.

Возничий набросился на Ланарка, но тот, напрягая все силы, вывернулся, и золотоволосый гигант, не успев опомниться, растянулся на дне галеры.

Мягкая ручка скользнула по бедру Ланарка. Он обернулся, приглаживая прямые темные волосы, и увидел, что Изабель смеется ему прямо в лицо. Лучемет подрагивал в ее руках.

Йоро поднялась со скамьи и, прежде чем Изабель успела что-то понять, дала ей пощечину одной рукой, а другой завладела лучеметом. Она нацелила оружие на Изабель.

— Сесть, — сказала Йоро.

Рыдая от ярости, Изабель рухнула на скамью. Йоро повернула лицо, румяное и довольное, к скамье гребцов, держа их под прицелом лучемета. Ланарк все еще стоял.

— Теперь я буду командовать, — сказала Йоро. — Эй, Изабель! Прикажи своим людям двигаться в сторону Гахадиона.

Изабель мрачно скомандовала. Длинная черная галера развернулась в сторону Гахадиона.

— Хоть это и кощунство, — Йоро посмотрела на

Ланарка, — но зато теперь мне не надо беспокоиться о том, как убежать с Дрефтелая.

— Как вы думаете использовать ваши новые возможности, — осведомился Ланарк, придвигаясь ближе.

— Во-первых, обратить это оружие против каждого, кто вздумает отобрать его у меня.

Ланарк отодвинулся.

— Во-вторых... но я вижу, что этого уже достаточно.

Белые ярусы Гахадиона быстро вырастали над водой.

Изабель, нахохлившись, сидела на скамье. У Ланарка не было другого выбора, как дать событиям развиваться своим чередом. Он отдыхал рядом с гребцами и наблюдал за Йоро краем глаза. Она, выпрямившись, стояла позади скамьи с сидящей Изабель, ее ясные глаза были устремлены поверх искрящихся морских брызг. Ветерок развевал ее волосы, прижимал тунику к стройному телу. Ланарк вздохнул, тяжело и печально. Эта девушка с пшеничными волосами не существовала — как только Лаом утратит интерес к этому миру, она канет в небытие. Она была меньше чем тень, мираж или сон. Ланарк поднял глаза на Изабель, земную девушку, сумрачно глядевшую на него. Вот она действительно настоящая!

Галера поднималась по реке, направляясь в белую гавань Гахадиона. Ланарк поднялся на ноги. Он вгляделся в город, рассматривая людей на пристани, их белые, красные и голубые туники, затем повернулся к Йоро.

— А теперь я вынужден взять оружие.

— Назад, или я.... — Ланарк без труда взял лучемет из ее покорных рук.

Изабель наблюдала за этой сценой, недовольно усмехаясь.

Протяжный пульсирующий звук, подобный биению огромного сердца, шел с небес. Ланарк задрал голову, вслушиваясь, затем оглядел небо. На горизонте возникло странное облако, похожее на валик из тускло отсвечивающего металла. Оно раздувалось в такт с небесным биением. С непостижимой быстротой вал разрастался, пока не занял весь горизонт. Пульсация

переросла в сильные громовые раскаты. Воздух стал тяжелым и гнетущим. Страшная мысль пронзила Ланарка, он повернулся и заорал на гребцов, которые, охваченные благоговейным ужасом, опустили свои весла в воду.

— Живо! Давайте в гавань!

Они схватили весла, неистово задергались, но галера не прибавила ходу. Вода в реке стала маслянистой, вязкой, как сироп. Лодка понемногу приближалась к гавани. Ланарк отчетливо ощущал ужас обеих перепуганных девушек.

— Что случилось? — прошептала Изабель.

Ланарк взглянул на небо. Облачный вал, отливая металлом, содрогался и расщеплялся на два. Один из них, подрагивая и подпрыгивая, двигался в их сторону.

— Хочется верить, что я ошибаюсь, но, похоже, у Лаома приступ шизофрении. Поглядите на наши тени. — Он повернулся, чтобы взглянуть на солнце, которое корчилось, как издыхающее насекомое, распадаясь на бесформенные куски. Сбывались его наихудшие опасения.

— Не может быть, — закричала Изабель. — Что же будет?

— Ничего хорошего.

Галера покачивалась у пирса. Ланарк помог Изабель и Йоро подняться на пристань, потом выбрался сам. Толпы высоких золотоволосых людей метались в панике вдоль улицы.

— Ведите меня к кораблю! — Ланарк был вынужден кричать, чтобы его голос можно было услышать в суматохе города. Сердце его сжалось от тоскливого предчувствия: что произойдет с Йоро?

Он прогнал эту мысль. Изабель резко дернула его:

— Бежим, скорей!

Схватив Йоро за руку, он побежал за Изабель по направлению к храму с черным портиком в дальнем конце улицы.

В воздухе закружились смерчи, пошел дождь из горячих красных шариков: маленькие медузы малинового цвета жалили открытое тело, как крапива. Переполох в городе достиг накала истерики. Красной протоплазмы становилось все больше, и уже улицы по щиколотку были затоплены розовой слизью.

Изабель споткнулась и упала вниз лицом в жуткое месиво. Она барахталась в нем, пока Ланарк не помог ей подняться. Они продолжали бежать к храму. Ланарк поддерживал обеих девушек, беспокойно озираясь по сторонам. Дождь из красных амеб прекратился, но улицы были затоплены липкой грязью.

Небо меняло цвета — но какие цвета! Таких не было в спектре, их можно было увидеть только в горячечном бреду.

Розовая слизь сворачивалась и разбегалась подобно шарикам ртути, тут же застывая в миллионы и миллионы блестящих голубых человечков трехдюймового роста. Они бежали, подпрыгивая и суетясь. Улица покрылась трепещущим ковром безликих маленьких гомункулов. Цепкие, как мыши, они карабкались по ногам Ланарка, хватались за одежду. Он давил их, не обращая внимания на визг.

Солнце в спазматических корчах угасало и, теряя блеск, становилось все более сплющенным. На нем появились полосы, и, когда потрясенные жители Гахадиона замерли в священном ужасе, солнце превратилось в членистого белесого слизня, у которого длина превышала ширину в пять раз. Он вывернул голову и уставился на Маркавель, повиснув на небе, окрашенном в какие-то дикие цвета.

В исступлении метались жители Гахадиона по широким улицам, чуть не растоптав Ланарка и его спутниц, с трудом пробиравшихся к своей цели.

На маленькой площади у мраморного фонтана эти трое нашли себе убежище. Ланарк впал в состояние прострации, в полной уверенности, что все происходящее — только кошмарный сон. Голубой карлик схватил его за волосы и запел тонким приятным голоском. Ланарк спустил его на землю. Пришло отрезвление. Это не было кошмарным сном — это была реальность, какой бы смысл ни вкладывать в это слово!

Быстрее! Людской поток почти иссяк, и путь был относительно свободен.

— Давайте, скорей! — Он подхватил девушек, с ужасом глядевших на слизня, расползавшегося по небу. Как только они двинулись, начались метаморфозы, которых со страхом ожидал Ланарк. Вещество, из которого состоял Гахадион и весь Маркавель,

превращалось в призрачную субстанцию. Белые мраморные здания стали как пластилиновые, искривляясь под собственной тяжестью. Малахитовый храм — воздушный купол на зеленых малахитовых колоннах — скользил и оседал, как ком сырой замазки. Ланарк подталкивал задыхающихся девушек, вынуждая их бежать быстрее.

Гахадионцы успокоились, поняв, что торопиться некуда. Они стояли, остолбенев от ужаса, не отводя глаз от поблескивающего слизня в небе. Кто-то завопил: «Лаом!» Остальные подхватили крик: «Лаом, Лаом!»

Если Лаом и слышал, то никак не давал о себе знать.

Ланарк не отрывал тревожного взгляда от толпы, с трепетом ожидая, как бы призрачные существа не обрели омерзительный облик. Если что-то произойдет с ними, значит, с Йоро случится то же самое. Какой смысл тащить ее на корабль? Она не сможет существовать вне воображения Лаома. Разве он даст уйти ей?

Весь облик Маркавеля переменился. Черные пирамиды проросли из земли и, чудовищно вытягиваясь, взметнулись вверх черными шипами в милю высотой.

Ланарк увидел корабль, еще целый и невредимый, возможно, продукт чей-то более основательной умственной деятельности, нежели сам Маркавель. Что-то ужасное происходило внизу, у них под ногами, как будто деформировалось само ядро планеты. Какая-нибудь сотня ярдов оставалась до корабля.

— Быстрее! — едва дыша, прокричал он девушкам.

Все время, пока они бежали, Ламарк не терял из виду толпу гахадионцев. Похолодев, он понял, что и с ними начались изменения, и безнадежно замедлил бег. И сами гахадионцы это поняли. Беспомощно раскачиваясь, они в невероятном изумлении разглядывали свои руки, ощупывали лица.

Слишком поздно! Напрасно Ланарк надеялся, что, оказавшись в космосе, за пределами Маркавеля, Йоро смогла бы сохранить свой облик. Да, слишком поздно! Неведомая болезнь поразила жителей Гахадиона. Царапая свои усыхающие лица, они раскачивались и падали, не в силах удержаться на дряблых ногах. С болью Ланарк почувствовал, что одна из рук, которые

он сжимал, становится сухой и сморщенной, что девушка оседает на подгибающихся ногах. Остановившись, он обернулся, чтобы с болью в сердце посмотреть на то, что стало с Йоро.

Земля поплыла у него под ногами. Повсюду, судорожно извиваясь, умирали гахадионцы. Сверху спускался со сверхъестественного неба слизень. Черные шипы устрашающе торчали над головой Ланарка, но он ничего вокруг не замечал. Перед ним стояла Йоро! Йоро — перепуганная и чуть живая от усталости, но все же здоровая и крепкая. На мраморной мостовой, умирая, высыхал призрак, которого он знал, как Изабель Май. Схватив Йоро за руку, он повернулся и кинулся к кораблю.

Потянув люк, он втолкнул Йоро внутрь и, едва прикоснувшись к корпусу, отчетливо понял, что с кораблем также происходят перемены — бесчувственный металл оживал трепещущей плотью. Ланарк захлопнул люк и, не обращая внимания на треск лопающихся труб, рванул без оглядки прочь.

Накренившись на бок, корабль пробирался через лес черных блестящих шипов, вытянувшихся уже на сотни миль в высоту, забрав в сторону на тысячу миль, чтобы избежать столкновения с громадным слизнем, который неумолимо опускался на Маркавель. Как только корабль проскочил в свободное пространство, Ланарк обернулся, чтобы посмотреть на слизня, растянувшегося чуть ли не на все полушарие. Он корчился, наколотый на высокие черные колючки.

Ланарк на полной скорости устремился к звезде-ориентиру. Единственный надежный объект в небесах, она сияла ярким голубым светом. Все остальные едва виднелись сквозь вихри черного потока, кружащиеся пылинки в море чернил.

Ланарк мельком посмотрел на Йоро и спросил:

— Теперь, когда я решил уже больше ничему не удивляться, скажи мне, почему Изабель Май умерла, а ты, Йоро из Гахадиона, осталась в живых?

— Я — Изабель Май. Вы уже знаете.

— Знаю, конечно, потому что нет другого объяснения. — Он положил свою руку на стенку корабля, осязая теплую жизнь вместо неодушевленного метал-

ла. — Просто чудо, если удастся выпутаться из этой заварушки.

Корабль менялся на глазах. Отказали приборы, входные проемы зарастали чем-то темным и непрозрачным, похожим на хрящ. Моторы и аппараты стали внутренними органами; стены, обрастая розовым сырым мясом, ритмично пульсировали. Снаружи доносились звуки, напоминающие хлопанье огромных крыльев; под их ногами кружилась водоворотом темная жидкость. Ланарк, побледнев, встряхнул головой. Изабель прижалась к нему.

— Похоже, мы в чьем-то желудке!

Изабель не отвечала.

Вроде как хлопнула пробка, вылетев из бутылки, и просочился тусклый свет. Ланарк верно выбрал направление, корабль прорвался в нормальную Вселенную и разрушился.

Два земных существа обнаружили, что бредут, спотыкаясь, по полу Лаомова жилища. Сначала они не могли поверить в свое освобождение; спасительное место могло оказаться лишь переменой декораций.

Ланарк первым пришел в себя. Он помог Изабель встать на ноги, и они увидели Лаома, все еще в состоянии приступа. Дрожь волнами пробегала по его черной шкуре, блюдца глаз бессмысленно остекленели.

— Бежим, — прошептала Изабель.

Ланарк молча взял ее за руку, они тихо выбрались на ослепительную, продуваемую насквозь равнину. Там, как и прежде, стояли два корабля. Ланарк проводил Изабель к своему судну, открыл вход и помог забраться внутрь.

— Я через минуту вернусь. — Ланарк заблокировал стартер. — Для гарантии от новых неожиданностей.

Изабель промолчала. Обойдя вокруг корабля, в котором прибыла Изабель Май, Ланарк таким же образом заблокировал и этот механизм. Затем направился к белой бетонной конструкции. Изабель прислушивалась, но завывания ветра заглушали все звуки. Треск лучемета? Или ей почудилось?

Ланарк вышел из-под темной арки, забрался в корабль и захлопнул за собой люк. Двое сидели молча, пока разогревались трубы, молчали, пока Ла-

нарк заводил двигатель и корабль, накренившись, поднимался в небо. Пока они не оказались далеко в космосе, ни один не проронил ни слова. Ланарк взглянул на Изабель.

— Как вы узнали о Лаоме?

— От моего отца. Лет двадцать тому назад он оказал Лаому какую-то пустяковую услугу — убил ящерицу, которая досаждала тому, или что-то в этом роде.

— И поэтому Лаом защитил вас от меня, создав воображаемую Изабель?

— Да! Он рассказал мне, что вы должны появиться, разыскивая меня, и устроил так, чтобы вы встретились с моделью Изабель Май, а я незаметно могла бы оценить ваши действия.

— Но почему вы так не похожи на свою фотографию?

— О, я была разгневана и заплакана, я буквально скрежетала от злости зубами. Я в самом деле надеюсь, что не выгляжу так больше.

— А как с вашими волосами?

— Они осветлены.

— Другая Изабель Май знала, что вы настоящая?

— Не думаю. Нет, наверняка не знала. Лаом снабдил ее моим умом и памятью. Она действительно была мною.

Да, в этом состояла разгадка. Ланарк кивнул и задумчиво произнес:

— Ей нельзя было отказать в уме и наблюдательности. Если помните, она сказала, что нас с вами тянет друг к другу. Интересно знать, правда ли это?

— Мне тоже.

— Еще будет время решить эту проблему... Наконец, последний штрих — документы с шифром.

Изабель от души расхохоталась:

— Нет никаких документов!

— Нет документов?

— Ну да! Хотите обыскать меня?

— Где же документы?

— Их не существует. Документ... в единственном числе. Клочок бумаги. Я разорвала его.

— Что было на бумаге?

— Шифр. Я единственный живой человек, который

его знает. Как вы думаете, следует ли мне хранить его в тайне?

Ланарк поразмыслил.

— Ну, я бы тоже не отказался... Такого рода знания никогда не помешают.

— А где обещанные сто миллионов долларов?

— По возвращении на Землю. Когда мы прибудем туда, вы сможете использовать шифр.

Изабель хохотала.

— Вы очень практичный человек. Что случилось с Лаомом?

— Лаом мертв.

— Как?

— Я уничтожил его. Я подумал о том, что нам пришлось пережить. Его вымышленные создания — насколько они реальны? Они казались настоящими мне и самим себе. Отвечает ли личность за то, что происходит в ночном кошмаре? Я не знаю. Я повиновался своему инстинкту или совести, называйте это как хотите, я убил его.

Изабель Май взяла его за руку.

— Мой инстинкт подсказывает, что я могу довериться вам. Шифр — это стишок.

Том, а Том — сыночек мой,
Хватай свинью и беги домой.

5

Ланарк доложил Кардалю:

— Рад сообщить вам, что задание успешно выполнено.

Кардаль отнесся к этому скептически:

— Что вы хотите этим сказать?

— Шифр в безопасном месте!

— Вот как? Где же именно?

— Я решил, что лучше сначала переговорить с вами, прежде чем передавать его.

— Думаю, что это излишняя щепетильность. Что с Изабель Май? Она арестована?

— Для того, чтобы добыть шифр, мне пришлось сделать широкие, но приемлемые уступки, включая полное прощение, снятие всех обвинений в ее адрес,

публичные извинения, так же как денежную компенсацию за ошибочный арест и моральный ущерб. Она хочет официальный документ, подтверждающий эти условия. Как только вы подготовите такую бумагу, я передам ее, и дело будет завершено.

— Кто дал вам право делать такие далеко идущие заявления? — холодно спросил Кардаль.

Ланарк спокойно отпарировал:

— Хотите иметь шифр?

— Конечно.

— Тогда принимайте мои предложения.

— А вы, оказывается, еще более заносчивы, чем предупреждал меня Детеринг.

— Успех сам говорит за себя, сэр!

— Откуда мне знать, что вы не воспользуетесь шифром?

— Насколько я понял, вы можете сейчас же обратиться к нему и поменять.

— Откуда мне знать, что вы уже не использовали его на всю катушку?

— Я упомянул про денежную компенсацию, вам этого не достаточно?

Кардаль запустил пальцы в волосы.

— Как велика сумма?

— Цифра не так существенна. Если они сочтут чрезмерной сумму, которую назовет Изабель Май, то оплатят ее частично.

— Это вы так говорите. — Кардаль никак не мог решить, что ему сделать: впасть в бешенство, угрожать или снова схватиться за голову. Наконец он откинулся в кресле. — Я приготовлю бумагу завтра. Можете приносить шифр.

— Отлично, мистер Кардаль.

— Я все же хочу знать, неофициально, если вам угодно, сколько она требует в уплату?

— Мы хотим сто один миллион семьсот шестьдесят два доллара на личные счета.

Кардаль выпучил глаза:

— Мне показалось, что вы говорили об умеренной плате.

— Кажется, лучше запросить большую сумму, а не маленькую.

— Не сомневаюсь, что лучше. Однако странная цифра. Почему семьсот шестьдесят два доллара?

— Это, сэр, деньги, которые мне должны, потому что казначей отказался подписать чек. Они включают расходы на непредвиденные случаи: взятки, выпивку, услуги проституток, если вы хотите знать подробности.

— А почему еще один миллион?

— А это страховой фонд моих будущих затрат на всякие непредвиденные случаи. В каком-то смысле это мягко и деликатно отражает мое недовольство действиями казначея.

Ланарк поднялся.

— Надеюсь увидеть вас завтра в это же время, сэр.

— До завтра, Ланарк.

ЗАМОК ИФ

Часть 1
ИГРА В КОСТИ

Сначала реклама промелькнула в коммерческой телевизионной программе, а через несколько дней в газете появилось объявление. Скромный прямоугольник с зелеными буквами на черном фоне затерялся среди бросающихся в глаза ярких рекламных объявлений оранжевых, красных и желтых цветов. Зато вся сила его была в содержании.

«Ты устал? Тебе все надоело?
Хочешь приключений?
Испробуй замок Иф».

Оксфордская терраса была прелестным тихим уголком в самом центре города. На площадке, выложенной красными плитками, в живописном беспорядке расположились под пестрыми зонтиками столики кафе, за которыми в ленивой истоме проводили время немногочисленные посетители. Купы магнолий ограждали террасу от проезжей части и поглощали большую часть уличного гула; слабые, как шум прибоя, звуки перекрывались разговорами и беспорядочным стуком мячей — пам-пам-пам с оксфордских гандбольных площадок.

Ролан̆д Марио в полной прострации развалился в глубоком кресле, откинув голову и задрав ноги на столик со стаканами и вентилятором, в той же позе, что и четверо его сотоварищей. Наблюдая за ними из-под полуопущенных век, Марио размышлял об извечной тайне человеческой личности. Как это может быть, что люди так одинаковы и в то же время каждый из них абсолютно неповторим?

Слева от него сидел Брейх — пунктуальный и терпеливый человек, мастер на все руки, он занимался ремонтом вычислительной техники. Имя и внешность Брейха: длинный костлявый нос, круглые глаза и

густые черные брови — говорили о его чистокровном происхождении от древних валлийцев. Эти смуглые люди маленького роста с давних времен, еще до появления Цезаря и кельтов, жили в стране.

Рядом с ним сидел Джаннифер. Высокий худощавый мужчина с коротко остриженными светлыми волосами, у которого, казалось, и душа, и тело сформировались под влиянием различных частей света: и Северная Европа, и Африка, и Восток наложили отпечаток на его личность. У него было удлиненное лицо, каждая из черт которого, характерная по отдельности, теряла свою резкую индивидуальность на фоне остальных. Бухгалтер по профессии, Джаннифер был осторожным, вдумчивым и в то же время жестким защитником на гандбольной площадке.

Заер выделялся среди остальных своей молодостью и жизнерадостным характером: редко теряя присутствие духа, он громче всех говорил и громче всех смеялся. Нежная кожа с ярким, во всю щеку румянцем, темные волнистые волосы, веселые, счастливые, как у влюбленного, глаза.

Дальше по кругу сидел Дитмар, сардонического вида человек с проницательным взглядом узких глаз, высоким лбом, темной бронзовой кожей, как у полинезийца, суданца, индийца или жителя Южной Африки. Он единственный из пятерых не играл в гандбол и меньше, чем остальные, пил виски с содовой из-за своей больной печени. Дитмар занимал хорошо оплачиваемую административную должность в одной из телевизионных компаний.

А сам Марио, каким он представлялся своим приятелям? Вероятно, в воображении каждого из них рождалась своя картина, хотя во внешности Марио было мало отличительных или примечательных особенностей. Невыразительное, но приятное лицо. Волосы и глаза самые обычные. Умеренный загар золотисто-бронзового оттенка. Среднего роста, среднего веса — он спокойно говорил, скромно одевался. Марио сознавал свою привлекательность, во всяком случае, для пятерых своих друзей, хотя, пожалуй, их связывало вместе не столько сходство характеров, сколько гандбольная площадка и общие интересы холостяцкой жизни.

Марио стало тяготить молчание. Он допил свой стакан виски.

— Ну что, еще по одному?

Брейх жестом выразил согласие.

— С меня хватит, — сказал Джаннифер.

Заер, опрокинув в глотку стакан, брякнул им по столику.

— Когда мне было всего четыре года, я уже обещал своему папаше никогда не отказываться от предложения выпить.

— Какая разница, на что тратить деньги, — поколебавшись, сказал Дитмар, — на выпивку или на что-нибудь другое.

— Деньги надо тратить со вкусом, — сказал Брейх, — чтобы внести немного развлечения в нашу жизнь.

— Большие развлечения требуют больших денег, — сказал Дитмар мрачно. — Зарабатывай монеты и трать.

Заер сделал широкий замысловатый жест рукой:

— Быть артистом, изобретателем, что-нибудь создавать, строить. У тех, кто вкалывает только ради денег, нет никакого будущего.

— Вы только посмотрите на эту плеяду вундеркиндов, — с кислой миной сказал Брейх. — Как, откуда они взялись, во имя чего? Спонтанно зародились под действием солнечного света на слизь? Куда ни глянь, сплошные гении, просто нет слов. Де Сатц, Колей — атомщики. Хонн, Версович, Лекки, Бруль, Ричардс — администраторы. Ганделип, Нью, Кардоса — финансисты. Их десятки, и все эти восходящие звезды не старше двадцати трех, двадцати четырех лет.

— Не забудь Пита Заера, — сказал Заер. — Он пока не в их числе, но дай ему годик-другой...

— Ну что же, — пробормотал Дитмар, — может быть, так и должно быть. Кто-то ведь должен быть яркой личностью. Мы одеты и накормлены, получили образование, работа у нас не пыльная, а хорошая выпивка стоит недорого. Для девяноста девяти из ста в этом состоит вся жизнь.

— Добавь сюда еще похмелье после выпивки, — вздохнул Заер.

— Выпивка отвлекает от жизни, — сказал Джан-

нифер угрюмо. — Из всех острых ощущений нам остались только пьянство и смерть.

— Да, — сказал Брейх. — Всегда можно выразить свое презрение к жизни, выбрав смерть.

— Виски или цианистый калий, — засмеялся Заер. — Я предпочитаю виски.

Появились новые порции виски с содовой. Приятели бросили кости, кому платить. Марио проиграл, выписал чек.

Немного погодя Брейх сказал:

— Ваша правда. Пьянство и смерть... Только эти, полные неизвестности, два состояния нам и остались... если у вас нет, конечно, возможности отдать двадцать миллионов долларов за межпланетную ракету. Но и после того, как вы попадете на какую-нибудь планету, вы найдете там лишь мертвые камни.

— Вы упустили третью возможность, — сказал Дитмар.

— Какую же?

— Замок Иф.

Все притихли. Затем все пятеро заерзали на стульях, устраиваясь поудобнее.

— Что же это за замок Иф? — спросил Марио.

— И где он? — присоединился Заер. — В рекламе сказано: «Испробуй замок Иф», но ничего не сказано, как и где его можно испробовать.

— Может, это новый ночной клуб? — хмыкнул Джаннифер.

Марио с сомнением покачал головой:

— Ну нет, реклама производит совсем другое впечатление.

— Это не ночной клуб, — сказал Дитмар. Все посмотрели на него. — Нет, нет, я не знаю, что это такое. Зато я знаю, где он находится, да и то лишь потому, что пару месяцев назад ходили разные слухи.

— И что же это были за слухи?

— Да так, ничего определенного. Одни только намеки. В том смысле, что если вы ищете развлечений, если вы можете их оплатить, если вы желаете испытать свое счастье, если у вас нет никаких обязанностей, от которых нельзя отказаться...

— Если, если, если... — сказал Брейх с ухмылкой. — И замок «Если».

— Это точно, — кивнул Дитмар.

— А это не опасно? — спросил Заер. — Если все, что они могут, — это натянуть проволоку над змеиной ямой, а затем выпустить на вас тигра, причем вы не умеете ни ходить по проволоке, ни сражаться с тиграми, то я лучше останусь здесь и буду пить виски и воображать, как я побью Джаннифера в турнире.

— Не знаю. — Дитмар вскинул плечи.

Брейх нахмурился.

— Просто ловят на удочку дурачков, возможно новый вид борделя.

— Нет, не то, — сказал Заер. — Это заколдованный дом с настоящими привидениями.

— Ну, если дать волю воображению, — сказал Дитмар, — я бы сказал, что это машина времени.

— Если, — сказал Брейх.

Все замолчали с глубокомысленным видом.

— Все это более чем странно, — сказал Марио. — Дитмар говорил, что два месяца назад пошли слухи. А на прошлой неделе появилось объявление.

— А что же тут странного? — сказал Джаннифер. — Такая последовательность бывает у всех новых предприятий.

— Вот ключевое слово — «предприятие», — быстро ответил Брейх. — Замок Иф — это не явление природы, это созданный человеком объект, или идея, или процесс, или что-то еще. И мотивы его создания чисто человеческие — скорее всего деньги.

— Какие еще будут предложения? — спросил Заер капризно.

Брейх приподнял свои черные брови.

— Ну, никогда не знаешь, на что нарвешься. Но это наверняка не преступная затея, иначе АПП прикрыло бы эту лавочку.

Дитмар откинулся назад, бросив на Брейха поддразнивающий взгляд.

— Агентство по предотвращению преступлений пальцем не шевельнет, пока не нарушен закон или пока кто-нибудь не подал жалобу. Если нет явного преступления, нет жалоб — закон бессилен.

Брейх нетерпеливо махнул рукой.

— Верно. Но я хотел сказать совсем другое.

— Извини... Продолжай, — усмехнулся Дитмар.

— Каковы мотивы, которые побуждают людей к новым предприятиям? Во-первых, деньги, которые в

известном смысле содержат в себе также и другие мотивы. Для определенности назовем этот мотив жаждой денег ради денег. Тогда второй — стремление к власти. Выделим из него, скажем, инстинктивный элемент и назовем его жаждой неограниченных сексуальных возможностей. Властью над женщиной. Тогда третий — любознательность, жажда знаний. В-четвертых, предпринимательство как самоцель... как развлечение. Вроде гонок миллионеров. В-пятых — филантропия. Что еще?

— Хватит, — сказал Заер.

— Может, еще желание создать что-нибудь надежное... вроде египетских пирамид, — предположил Джаннифер.

— Я думаю, что этот мотив — наиглавнейший после первого: страсти к деньгам.

— Художественный дух, творчество.

— Ну, я бы сказал, это притянуто за уши.

— Эксгибиционизм, — выдвинул предположение Дитмар.

— То же самое.

— Я не согласен. Все театральные представления основаны единственно и исключительно, если говорить об актерах, на их стремлении покрасоваться перед публикой.

— Возможно, ты и прав. — Брейх пожал плечами.

— Религиозные цели.

— Камуфляж, под которым скрывается стремление к административной власти.

— Ну, это уж слишком надумано.

— Не слишком... Это все? Хорошо, что же это нам дает? Что-нибудь определенное?

— Замок Иф, — протянул Джаннифер. — Красиво звучит, а цель проста — извлечь побольше денег.

— На филантропию, по крайней мере в явном виде, не похоже, — сказал Марио.

— Но конечно, можно попробовать придумать ситуацию, которая включила бы все наши догадки.

Дитмар нетерпеливо махнул рукой.

— Разговоры бесполезны. Какой в них прок? Никто не может сказать ничего определенного. Предположим, что это заговор с целью смести с лица земли этот город?

— Я назначаю тебя комитетом из одного челове-

ка, — невозмутимо произнес Брейх, — с целью изучить эту возможность и доложить нам.

— Рад стараться, — криво усмехнулся Дитмар. — Впрочем, у меня есть предложение получше. Давайте бросим кости. Кому выпадет меньше, отправится в замок Иф — на средства остальных.

— Годится, — кивнул Брейх. — Я играю.

Дитмар обвел взглядом стол.

— Во что это обойдется? — спросил Заер.

Дитмар покачал головой.

— Понятия не имею. Наверняка влетит в копеечку.

Заер нахмурился, тревожно заерзал на стуле.

— Положим, не свыше двух тысяч долларов на нос.

— Отлично, как раз по мне. Джаннифер?

Высокий мужчина со светлыми коротко подстриженными волосами колебался.

— Ладно, мне нечего терять, я играю.

— Марио?

— Меня устраивает.

Дитмар достал коробочку с кубиками, зажав ее в кулаке, побренчал костями.

— Правила такие же, что и в покере. Бросаем один раз, единица выше всех. Иначе говоря, пара единиц бьет пару шестерок. Стрит, комбинации из трех одинаковых и выше, не рассматриваем. Все согласны? Кто хочет бросить первым?

— Вот сам и начинай, — тихо сказал Марио.

Дитмар тряс, тряс, тряс, вытряхнул кости. Все пятеро в едином порыве склонились вперед, пять пар глаз уставились на крутящиеся кубики. Они покатились по столику, позвякивая о стаканы с виски... остановились.

— Вроде три пятерки, — сказал Дитмар. — Ну, в общем неплохо.

Марио, сидевший слева от него, взял коробочку, засыпал туда кости, потряс — бросил. Крякнул. Один, три, четыре, пять, четыре.

— Две четверки. Ого!

Брейх бросал молча.

— Три единицы.

Бросил Джаннифер.

— Две пары. Двойки и тройки.

Заер, слегка побледнев, взял кости. Сверкнул глазами на Марио.

— Пара четверок пока бьет всех.

Он тряхнул коробочку, еще раз — затем картинным жестом опрокинул над столом. Треск, звон бокалов. Напряженно глядят пять пар глаз. Очко, двойка, тройка, шестерка, двойка.

— Пара двоек.

Заер откинулся, натянуто улыбнувшись.

— Ладно, я готов. Я иду. Будем надеяться, что это окажется не слишком рискованной затеей. Правда, они ничего не говорят, вернусь ли я оттуда живым.

— Ты должен быть доволен, — вставил Брейх, вытряхивая трубку. — Как-никак, а эти твои сногсшибательные переживания будут оплачены нашими денежками.

Заер беспомощно развел руками.

— Куда мне надо идти? И что делать? — Он посмотрел на Дитмара. — С кем я должен заключить соглашение?

— Понятия не имею, — сказал Дитмар. — Я спрошу в студии. Наверняка уже кто-нибудь побывал в этом месте. Завтра, примерно в это же время, я сообщу тебе все подробности, все, что мне удастся вытянуть из них.

На какое-то время все замолчали... Каждый из пятерых вносил свою лепту в это странное и двусмысленное молчание: кто — осторожность, кто — страх, кто — мысленно удовлетворенно потирал руки... это было невозможно передать словами.

Брейх поставил стакан:

— Ну, Заер, о чем ты думаешь? Готовишься к смирительной рубашке или встрече с тигром?

— Лучше приобрести парочку свинцовых кастетов и наручники, — усмехнулся Дитмар.

Заер обвел взглядом окружившие его лица, жалко хохотнул:

— Мне лестно видеть такое внимание к своей особе.

— Мы хотим подробного отчета. Мы хотим, чтобы ты вернулся живым.

— Я тоже хочу вернуться живым, — ответил Заер. — Кто из вас будет готов выносить горшки за несчастным инвалидом, если приключение окажется слишком рискованным?

— Ну вот еще, — сказал Брейх. — Ты в прекрас-

ной форме. — Он встал. — Пойду кормить своих котов. В моей жизни только одна опасная авантюра — заботиться о семи котах. Совершенно пустое существование. Черт его дери! — Он сардонически хмыкнул. — Мы проживаем жизнь, о которой люди мечтают с тех самых пор, как научились мечтать. Вдоволь еды, безделья, свободы. Мы сами не знаем, что нам еще надо.

Часть 2

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Заер боялся. Он сидел, обхватив себя руками под мышками, и его улыбка, хотя и такая же широкая и открытая, как прежде, теперь походила на нервную гримасу, перекошенную на сторону. Заер и не пытался скрыть охватившие его мрачные предчувствия. Глядя на его напряженную позу, можно было подумать, что это боксер-профессионал сидит в ожидании удара гонга.

Джаннифер оглядел его с плохо скрытым чувством превосходства.

— Ну что, Заер. Может быть, для твоей жажды приключений достаточно одной идеи Замка Иф?

— «Что такое приключение?» — спросил оплеванный Заер, и не стал ждать ответа, — сказал Брейх, помаргивая глазками. Он не спеша набил трубку.

— Я бы сказал, что приключение — это когда тебя средь бела дня напугают до полусмерти и ты потом всю жизнь только об этом думаешь и говоришь, — сказал Заер несчастным голосом.

Марио расхохотался.

— Если мы тебя никогда больше не увидим, я так и не узнаю, что такое настоящее приключение.

Брейх повертел головой, озираясь по сторонам.

— Где Дитмар? У него вся информация.

— Вон он идет, — сказал Заер. — Я чувствую себя как в очереди на гильотину.

— Тьфу ты, дьявол, — сказал Брейх. — Ну не хочешь — не иди, никто тебя не заставляет. В конце концов, это ведь только шутка, а не вопрос жизни и смерти.

Заер затряс головой.

— Нет, я хочу попробовать.

Дитмар отодвинул стул, нажал кнопку вызова официанта, заказал пиво. Без лишних слов выпалил:

— Это стоит восемь тысяч долларов. То есть это тебе, Заер, будет стоить восемь тысяч. Там два уровня. Тип А стоит десять миллионов, тип В — десять тысяч. Нечего и говорить, что никто из нас не в состоянии выложить два с половиной миллиона, так что тебе придется удовольствоваться типом В.

Заер скривился:

— Не нравится мне, как это все выглядит. Напоминает комнату смеха на ярмарке: некоторые пробегают над воздушными ямами, другие стоят кругом и глазеют, ожидая, пока поднимется юбка. И где-то есть парень, который открывает клапаны и поворачивает ручку. Вот для него это действительно забава.

— Я уже заплатил восемь тысяч, — сказал Дитмар, — так что, ребята, можете выписать мне чеки, пока мы все вместе. Лучше не откладывать дело в долгий ящик.

Он забрал чеки у Марио, Джаннифера и Брейха, положил их в свой бумажник. — Спасибо. — Потом повернулся к Заеру. — Сегодня вечером, в шесть часов, иди по этому адресу. — Он протянул через стол визитную карточку. — Отдай ее тому, кто откроет дверь.

Брейх и Марио, сидевшие рядом с Заером, наклонились вперед, пристально разглядывая карточку вместе с ним. Там было написано:

«ЗАМОК ИФ
5600 Эксмур Авеню.
Мэдоуленде».

В уголке нацарапана приписка: «Заер, от Сутлоу».

— Мне пришлось изрядно попотеть, чтобы заполучить приглашение, — сказал Дитмар. — Кажется, они сделали исключение. Я постарался заверить их, что все будет в полном ажуре. Но, ради всего святого, Заер, не вздумай обращаться в АПП, иначе я подведу Сутлоу, а он мой босс.

— АПП? — поднял брови Заер. — Это незаконно?

— Понятия не имею, — ответил Дитмар, — я

только знаю, что истратил на это дело для тебя две тысячи долларов.

— Я надеюсь, черт возьми, на твою хорошую память, — сказал Брейх с холодной усмешкой. — Потому, что — если ты останешься жив, то я тоже хочу получить на две тысячи долларов свою долю приключений.

— Если я умру, — парировал Заер, — купи себе местечко в аду — там я сумею рассказать, на что потрачены твои денежки.

— Итак, — сказал Дитмар, — мы будем встречаться здесь по вторникам и пятницам, в три часа. — Идет, ребята? — Он обвел взглядом лица приятелей. — Пока ты не появишься.

Заер встал.

— О'кей. По вторникам и пятницам, в три часа. Ну, до встречи, пока. — Он пожал всем руки, помахал на прощанье и неверной походкой удалился.

— Бедный малыш, — сказал Брейх. — Он отчаянно трусит.

Прошел вторник. Прошла пятница. Потом еще вторник и еще одна пятница, и снова наступил вторник. Марио, Дитмар, Брейх и Джаннифер подошли в три часа к своему столику и, поздоровавшись друг с другом, расселись по местам.

Прошло пять, потом десять минут. Беседа не клеилась. Джаннифер сидел за столом, как истукан, положив большие ладони на стол рядом с кружкой пива, время от времени он приглаживал короткие светлые волосы или потирал свой крупный нос. Брейх, откинувшись в кресле, безразлично вглядывался в проходящие мимо толпы. Дитмар рассеянно пускал дым, а Марио балансировал на пальце клочком бумаги, скатанным в цилиндр.

В три часа пятнадцать минут Джаннифер, прочистив горло, сказал:

— Он, должно быть, совсем потерял голову.

Брейх крякнул. Дитмар ухмыльнулся. Марио, нахмурившись, закурил сигарету.

— Я видел его сегодня, — сказал Джаннифер.

Шесть глаз впились в него:

— Где?

— Я не стал бы про это упоминать, — сказал

Джаннифер, — если бы он сегодня объявился. Он живет в Атлантик-Эмпайр, в номере люкс на двенадцатом этаже. Я подкупил портье и выяснил, что он там уже больше недели.

Брейх с мрачным и подозрительным видом сказал, наморщив лоб:

— Как это получилось, что ты увидел его там?

— Я пошел проверить их книги. Это моя обязанность. На обратном пути я встретил в фойе Заера... собственной персоной.

— Он видел тебя?

Джаннифер неопределенно пожал плечами.

— Кто его знает, я не уверен. Он был целиком поглощен какой-то женщиной, исключительно экстравагантного вида.

— Ха, — сказал Дитмар, — похоже, что Заер нашел неплохое применение нашим денежкам.

Брейх поднялся.

— Пошли, спросим его самого, пусть объяснит, почему он не хочет видеть нас. — Он повернулся к Джаннифер. — Заер записался под своим именем?

Джаннифер наклонил большую тяжелую голову:

— Собственной персоной.

Брейх, направившись к выходу, остановился, оглядев всех по очереди:

— Вы идете, ребята?

— Да, — сказал Марио. Он поднялся. Следом встали Дитмар и Джаннифер.

Отель Атлантик-Эмпайр был огромным и великолепным зданием, оборудованным всеми возможными приспособлениями для питания, купания, отдыха, развлечения, наслаждения, расслабления, возбуждения и успокоения нервов мужчин и женщин, способных за это заплатить.

Лакей у входа, одетый в белую ливрею, принял манто у какого-то случайного посетителя, отряхнул его, предложил даме букет для корсажа, сняв его с прохладной витрины. В холле вестибюля стояла гулкая тишина, как под сводами кафедрального собора, кругом зеркала высотой чуть ли не в тридцать футов. Движущаяся ковровая дорожка доставляла гостей в фойе, оформленное в глорианском стиле, уже лет пятьдесят как вышедшем из моды. Вдоль одной из

стен тянулась аркада маленьких магазинчиков. Здесь посетитель, если ему нравилось сорить деньгами, мог купить поделки из меди, золота, тантала, готовое платье из тканей ярчайших расцветок: багряных, синих, пурпурных, всякие штучки из Древнего Тибета и последние новинки техники, кабошоны из зеленоватого опала с Юпитера, продаваемые на вес по миллиграммам, голубые балтиконы с Марса, сверкающие огнем бриллианты, добытые на двадцатимильной глубине под поверхностью Земли. Там были Марафестианские вишни, законсервированные в ликере Органди; духи, выжатые из арктических мхов, белые цветы с мраморными прожилками, похожие на призрачных красавиц.

За другой стеной, целиком сделанной из стекла, находился главный плавательный бассейн отеля. В голубовато-зеленой воде плескались и резвились, как золотые рыбки, обнаженные тела.

Мебель в фойе была выдержана в таких же голубовато-зеленых и золотистых тонах, ширмы, увитые лозами с красными, черными и белыми цветами, огораживали уголки, располагающие к интимным беседам. Золотое сияние, разлитое в воздухе, делало похожим на мираж этот очаровательный мирок, где, как будто в недосягаемой вышине, двигались люди, одетые в роскошные одежды, увешанные баснословно дорогими украшениями, элегантно остроумные, предупредительно вежливые.

Брейх огляделся, с перекошенной физиономией:

— У, проклятые паразиты! Пока они тут распутничают, чирикая и красуясь друг перед другом, все остальные должны надрываться на работе.

— Ну, приехали... — сказал Дитмар. — Не кипятись! Ведь они единственные, кто умеет радоваться и веселиться.

— Да вряд ли, — ответил Брейх. — Скорей всего, им так же тошно и мерзко, как всему остальному человечеству. Просто им некуда деться, впрочем, как и нам.

— Ты когда-нибудь слышал об Эмпайр Тауэр?

— О... очень смутно. Какое-то грандиозное сооружение в Медоулендсе.

— Точно. Башня высотой в три мили. Кто-то дико позабавился, создавая этот проект. И теперь продол-

жает веселиться, глядя, как она растет, все выше и выше.

— В мире четыре миллиарда людей, — сказал Брейх. — И только одна Эмпайр Тауэр.

— Если бы в мире не существовали такие диковинки, — сказал Дитмар, — мир стал бы похож на регистрационный шкафчик, где все разложено по полкам. Здесь — дыхание жизни. Здесь — богатство, сливки цивилизации и культуры.

Марио в удивлении уставился на Дитмара, на этого мрачного и желчного Дитмара, который, как считал Марио, всегда был рад возможности поглумиться над причудами элиты.

— Я рад, что пришел сюда, — сказал Джаннифер, — в некотором роде это тоже авантюра — заглянуть в совершенно иной мир.

Брейх фыркнул.

— Только миллионеры здесь живут, а не глазеют по сторонам.

— Уровень жизни в обществе все время растет, — размышлял вслух Марио, — и почти с той же скоростью уменьшается число миллионеров. Нравится нам это или нет, но крайности постепенно сближаются. В действительности они уже почти сошлись.

— И жизнь с каждым днем все больше становится похожей на тарелку жирной и сытной каши... без соли, — сказал Дитмар. — Уничтожая бедность всеми возможными способами, давайте все же побережем наших миллионеров... А впрочем, мы пришли сюда искать Заера, а не спорить о социологии. Я полагаю, мы можем войти туда все вместе.

Они пересекли фойе. Портье, обаятельный человек с благородной сединой и солидной внешностью, поклонился им.

— Можем мы видеть мистера Заера? — спросил Дитмар.

— Сейчас узнаю, сэр. — Немного погодя добавил: — Нет, сэр, он не отвечает. Послать за ним?

— Не надо, — сказал Дитмар. — Мы пока оглядимся.

— Около часа назад, как я припоминаю, он шел

по фойе в сторону Мауны Хива. Вы можете поискать его там.

— Благодарю.

Мауна Хива была большая круглая зала. В центре возвышалась насыпь из выветренных камней, покрытая пальмами, папоротниками, зарослями тропических растений. Три кокосовые пальмы склонились над островком, и все это было залито мягким молочно-белым светом. У подножия горы располагался бар, отделанный полированными панелями экзотических пород деревьев, на периферии освещенного пространства, кругом выстроились столики.

Приятели быстро нашли Заера. Он сидел вместе с темноволосой женщиной в шелковом наряде изумрудного цвета. На столе перед ними двигалось множество блестящих, разрисованных фигурок, и, словно вырезанные из крылышек бабочек, они вспыхивали и переливались всеми цветами радуги. Это был настоящий балет в миниатюре. Крошечные фигурки двигались, кружась и пританцовывая, принимали изысканные позы под чарующую музыку; и все это действо происходило на фоне великолепных декораций, изображающих кипарисовые деревья и развалины мраморных портиков Древнего Рима.

С минуту все четверо разглядывали, затаив дыхание, удивительное зрелище.

Брейх толкнул локтем Марио.

— Ей-богу, он ведет себя так, будто занимался этим всю жизнь.

Дитмар подошел к столу; девушка подняла на него удивленные, с поволокой, глаза. Заер посмотрел вверх ничего не выражающим взглядом.

— Привет, Заер, — сказал Дитмар, скривив губы в саркастической усмешке. — Ты еще не забыл своих старых дружков с Оксфордской террасы?

Заер слепо уставился на него:

— Простите?

— Ты что, не узнаешь нас? — спросил Брейх, презрительно покрутив длинным кривым носом.

Заер взъерошил свои черные вьющиеся волосы.

— Боюсь, что я чего-то не понимаю, джентльмены.

— Хм, — сказал Брейх. — Давай начистоту. Ты Пит Заер или нет?

— Да, это я.

— Может, нам лучше поговорить наедине? — вмешался Джаннифер.

Юноша заморгал глазами.

— Зачем? Продолжайте, я слушаю вас.

— Вы когда-нибудь слышали о Замке Иф? — с раздражением осведомился Брейх.

— И о восьми тысячах долларов? — добавил Дитмар. — О совместном вложении капитала, если можно так выразиться.

Заер нахмурился, и Марио мог поклясться, что тот действительно ничего не понимает.

— Вы полагаете, что я должен вам восемь тысяч долларов?

— Или так, или на восемь тысяч информации.

Заер пожал плечами.

— Восемь тысяч долларов?

Он полез во внутренний карман, вытащил бумажник, начал считать: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

— Вот, держите, джентльмены. Уверяю вас, я не понимаю, что все это значит. Возможно, я был пьян. — Он вручил восемь тысячедолларовых купюр посуровевшему Дитмару. — Теперь, я надеюсь, вы удовлетворены и соблаговолите оставить нас в покое.

Он показал на крохотные фигурки — они извивались, принимая вычурные позы под восхитительную музыку. — Мы и так уже пропустили Танец Посвящения, коронный номер программы.

— Заер, — сказал, поколебавшись, Марио. Юноша вскинул на него ясные глаза.

— Да?..

— Это все, что ты нам можешь сказать? В конце концов, мы же поверили в твою честность.

Теперь уже Заер смотрел холодно:

— Вы получили свои восемь тысяч долларов. Я вас вижу впервые в жизни. Вы потребовали деньги, я заплатил. Какая еще честность требуется от меня?

Брейх дернул Марио за рукав.

— Пошли.

Часть 3

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Мрачные и подавленные, они сидели за столом в каком-то занюханном кабаке и пили пиво. До сих пор еще никто из них не проронил ни слова. Четыре молчащие фигуры: высокий сильный Джаннифер — с грубыми чертами лица, светлыми волосами северянина, пылкий, как африканец и загадочный, как житель Востока; Брейх — длинноносый, быстроглазый, чернобровый; Дитмар — сардонический склад характера, кожа цвета опавших листьев, больная печень; Марио — обыкновенный человек, сдержанный и приятный.

Марио заговорил первым:

— Если все это можно приобрести в Замке Иф за восемь тысяч долларов, то я не против.

— Если!.. — коротко сказал Брейх.

— Этого не может быть! — громыхнул Джаннифер.

Он выглядел самым спокойным среди всех, хотя, вероятно, его представления о порядке и справедливости были попраны сильнее всего.

Брейх стукнул по столу кулаком, не очень громко, но эффектно.

— Этого просто не может быть! Это за пределами понимания!

— Твоего понимания, — подчеркнул Дитмар.

Брейх вскинулся, повернувшись в его сторону.

— А твоего?

— А я вообще ничего не понимаю.

— Я утверждаю, что Замок Иф — это предприятие, — сказал Брейх. — Исходя из суммы взноса, который они называют, это и впрямь что-то вроде доходного дела. Попробуйте меня опровергнуть. Заер был разорен около месяца назад. Или почти разорен. Мы даем ему восемь тысяч долларов. Он отправляется в этот Замок Иф, возвращается оттуда, снимает номер в Атлантик-Эмпайр, заводит шикарную девицу, достает из карманов деньги пригоршнями. Единственное место, где он мог все это раздобыть, — Замок Иф! Только вряд ли это можно считать выгодным бизнесом!

— Некоторые ведь платят по десять миллионов долларов, — спокойно возразил Марио. — Эти деньги могут компенсировать убытки.

Дитмар отхлебнул из кружки:

— Ну что? Может, еще раз потрясем кости?

Никто ему не ответил. Наконец Брейх произнес:

— Честно говоря, я побаиваюсь!

Марио поднял брови.

— Чего? Ведь Заер разбогател у тебя прямо на глазах.

— Между прочим, — пробормотал Брейх, — ты только вспомни, что он как-то говорил: дескать, он был одним из блестящих мальчиков-вундеркиндов, тех, чья звезда еще не взошла. Вот теперь он, по-видимому, и проявился как гений, у которого еще все впереди.

— Замок Иф все еще производит хорошее впечатление, если это то, что требуется.

— Если... — насмешливо улыбнулся Брейх.

— Если... — спокойно поддержал его Марио.

— Но ведь у меня восемь тысяч долларов, — сказал Дитмар, противно хихикая. — Наш совместный капитал. Что касается меня, то я не буду возражать, если кто-нибудь пойдет по стопам Заера.

Брейх и Джаннифер неохотно присоединились к этим словам.

Марио обыграл в уме предложение Дитмара. Его жизнь была пуста и бесполезна. Он спустя рукава занимался архитектурой, играл в гандбол, ел, спал. Приятное, но бессмысленное существование. Он встал.

— Я иду туда. Сию минуту. Давайте мне восемь тысяч, пока я не передумал.

— Вот они, — сказал Дитмар. — Кстати... несмотря на случай с Заером, мы все же надеемся на твой отчет. По вторникам и пятницам на Оксфордской террасе.

Марио весело помахал рукой, отворяя дверь на залитую послеполуденным солнцем улицу.

— По вторникам и пятницам, в три часа.

— Что-то я с трудом в это верю, — покачал головой Дитмар.

Брейх поджал губы.

— Я тоже.

Джаннифер только молча покачал головой.

Эксмур-авеню начиналась в Ланчестере, сразу от Государственного банка, на четвертом уровне сворачивала к северу, резко поднималась на пятый уровень, где ее пересекала Трансконтинентальная автострада, потом, делая поворот к западу, шла под уклон над бульваром Гримшо и опускалась на землю в Медоуленде.

Марио быстро нашел дом под номером 5600 Эксмур, он оказался серой бетонной коробкой, не сказать, чтобы уж совсем развалившейся, но и заботливо ухоженным этот дом назвать было трудно. Узкая полоска запущенного газона отделяла дом от проезжей части, протоптанная дорожка вела к небольшому, выступающему перед фасадом портику.

Косые лучи заходящего солнца светили Марио в спину, когда он подошел к портику и нажал кнопку звонка.

Почти сразу дверь скользнула в сторону, открывая проход в небольшую прихожую.

— Входите, пожалуйста, — сказал мягкий голос, записанный на пленку.

Марио прошел в прихожую, нисколько не сомневаясь, что невидимый глаз уже обследовал его, проверяя, нет ли у него с собой металла или оружия. Прихожая вела в приемную комнату. Скромная обстановка: кожаный диванчик, конторка, картина, изображающая трех изящных обнаженных девушек на фоне темного леса, — все было выдержано в зеленых и коричневых тонах.

Дверь распахнулась, и вошла молодая женщина. Марио прикусил губу. Увидеть такую женщину — это уже было приключением. Она была потрясающе хороша собой, и чем дольше Марио разглядывал ее, тем пикантнее казалась ему красота девушки. Она была хрупкого телосложения, двигалась мягко и бесшумно. Глаза смотрели прямо и холодно, четко и изящно вылепленный подбородок и нижняя часть лица свидетельствовали о твердости характера. Она была прекрасна сама по себе, независимо от всех этих женских штучек, ухищрений и украшений; прекрасна, казалось, вопреки своему желанию, как будто сожалея о притягательной силе своей красоты. Встретившись с холодным неприветливым взглядом девушки,

Марио почувствовал ее недружелюбие и отстраненность.

И тут же у него в душе поднялась волна протеста, чисто человеческого желания пробить брешь в этой стене холодного безразличия, чтобы вызвать у нее хоть какое-нибудь ответное чувство.

Он подавил в себе это желание. Он здесь по делу.

— Назовите, пожалуйста, свое имя. — Девушка говорила мягким, прекрасного тембра голосом, точно у дорогого духового инструмента, настроенного в какой-то странной тональности.

— Роланд Марио.

Она записала в анкету.

— Возраст?

— Двадцать девять.

— Род занятий?

— Архитектор.

— Что вы желаете получить?

— Это Замок Иф?

— Да. — Она смотрела в ожидании.

— Я — клиент.

— Кто вас прислал?

— Никто. Я друг Пита Заера. Он побывал у вас недели две назад.

Она кивнула, записала.

— Кажется, это посещение пошло ему на пользу, — бодро заметил Марио.

Она ничего не ответила. Только кончив записывать, объяснила:

— У нас дело, цель которого приносить доход. Нас интересуют деньги. Сколько вы можете заплатить?

— Я бы сначала хотел узнать, что вы предлагаете мне купить?

— Приключение. — Она произнесла это слово без всякого выражения.

— А-а, — протянул Марио, — понятно...

— Не сочтите за праздное любопытство: это на вас так повлияла работа здесь? Вы тоже заняты поиском «приключений» или уже слишком устали от них?

Она бросила быстрый взгляд на Марио.

— Мы предлагаем обслуживание двух классов. За первый мы берем десять миллионов долларов. Цена совсем не так велика, как кажется на первый взгляд, но в этом случае восприятие приключения менее

острое и волнующее, чем во втором, — вы полностью владеете ситуацией. За второй класс мы берем десять тысяч, и тут вы получаете более сильные переживания при минимальной возможности непосредственно управлять ситуацией.

Марио отметил слово «непосредственно». Он спросил:

— Вы заключаете договор с клиентом?

Снова холодно сверкнули глаза в его сторону.

— Будьте добры указать сумму, которую можете заплатить?

— Я задал вам вопрос, — сказал Марио.

— Всю дальнейшую информацию вы получите, когда пройдете внутрь.

— Вы человек, — спросил Марио, — или автомат?

— Будьте добры указать сумму, которую можете заплатить?

Марио пожал плечами.

— У меня с собой восемь тысяч долларов. — Он поджал губы. — И я дал бы вам еще тысячу, чтобы вы стали со мной разговорчивее.

Она опустила карточку в стол, встала.

— Прошу вас пройти за мной.

Девушка вывела Марио через дверь в прихожую, потом в темную и холодную комнатку, которая освещалась только одним торшером. Свет от торшера через конусообразный абажур шел к потолку. Комната была окрашена в серо-бело-зеленые цвета.

За столом сидел человек, что-то подсчитывал на калькуляторе. За ним стояли стеллажи с картотекой. В воздухе витал легкий аромат мяты и гардении с примесью какого-то больничного запаха антисептики.

Человек, подняв глаза, встал из-за стола, вежливо наклонил голову. Этот молодой статный мужчина со светлыми, как пляжный песок, волосами обладал такой же, как и девушка, яркой и незаурядной красотой.

Марио вдруг ощутил к ним какую-то неприязнь. Порознь они казались восхитительными, естественными, прекрасными. Но вместе... Красота их казалась приторной и жеманной, как будто ее кичливо выставляли напоказ. Они выглядели самодовольными и вульгарными. И Марио внезапно ощутил прилив гордости за свою банальную внешность.

Молодой человек был выше Марио на несколько дюймов, с красивой и мощной мускулатурой торса. Невзирая на подчеркнутую вежливость и учтивость, в нем ощущалось какое-то подавляющее превосходство и самоуверенность.

— Мистер Роланд Марио, — сказала девушка, потом сухо добавила: — У него восемь тысяч долларов.

Молодой человек с достоинством поклонился, протянул руку.

— Меня зовут Мервин Аллен. — Он посмотрел на девушку. — Это все, Тейн?

— За сегодня все, — ответила она и вышла.

— Не может посидеть до вечера ради восьми тысяч, — проворчал Аллен. — Садитесь, мистер Марио.

Марио сел.

— Индустрия приключений, должно быть, требует чудовищных расходов, — заметил он с натянутой улыбкой.

— Ну что вы, — непринужденно сказал Аллен, — совсем наоборот. Все дельцы ведь потрясающе жадные. Мы стараемся получать ежедневный доход в двадцать миллионов. Конечно, это не всегда нам удается.

— Прошу прощения за то, что докучаю вам столь мизерной суммой, — сказал Марио. — Если она вам не подходит, я оставлю ее при себе.

Аллен великодушно повел рукой:

— Как вам будет угодно.

— Секретарша в приемной сказала мне, что десять миллионов стоят самые скучные из ваших услуг, а за десять тысяч можно отхватить нечто из ряда вон выходящее. А что будет, если у меня ничего нет? Вивисекция?

Аллен улыбнулся.

— Нет. У нас вы в полной безопасности. Точнее говоря, вы останетесь живы и не испытаете никаких физических страданий.

— А вы не хотите сообщить мне хоть какие-нибудь подробности? В конце концов, у меня довольно привередливый вкус. То, что для вас лишь милая шуточка, может мне очень даже не понравиться.

Мервин Аллен неопределенно пожал плечами.

— Вы ведь еще ничего не заплатили. И можете спокойно уйти отсюда.

Марио задумчиво забарабанил пальцами по подлокотникам своего кресла.

— Это нечестная игра. Я не скрываю своей заинтересованности, но все-таки хотелось бы знать, в какую петлю суешь голову.

Аллен кивнул.

— Понятно. Вы не хотите упустить свой шанс, но и не хотите оказаться полным идиотом. Так?

— Точно.

Аллен повел карандашом в сторону стола.

— Для начала я бы хотел провести небольшое обследование вашего телесного и душевного здоровья. Вы понимаете. — И он прямо и открыто взглянул Марио в глаза. — Мы не хотим иметь неприятностей в Замке Иф.

— Продолжайте, — сказал Марио.

Аллен достал откуда-то из-под стола и протянул Марио шлем из ребристого пластика, в котором поблескивали тонкие проволочки. — Датчик для энцефалографа. Пожалуйста, наденьте его поудобнее.

Марио усмехнулся:

— Можно сказать — детектор лжи.

У Аллена промелькнула быстрая улыбка:

— Пусть будет детектор лжи.

Марио пробормотал:

— Неплохо бы нацелить его на вас.

Аллен пропустил его замечание мимо ушей, вытащил пачку бланков, поставил перед собой шкалу прибора.

— Имя?

— Роланд Марио.

— Возраст?

— Двадцать восемь.

Аллан уставился на шкалу, нахмурился, поднял на Марио вопросительный взгляд.

— Я только хотел убедиться, что он работает, — сказал Марио, — мне двадцать девять.

— Он работает, — коротко сказал Аллен. — Род занятий?

— Архитектор. По крайней мере, я так считаю. Проектирую своим друзьям будки для собак и клетки для кроликов. Хотя я еще год назад или около того

сделал проект для Корпорации Джераф Флитер на строительство завода — хорошая, настоящая работа.

— Хм. Где вы родились?

— В Буэнос-Айресе.

— Когда-нибудь состояли на государственной службе? Политическая деятельность? Полиция? Мэрия? АПП?

— Нет.

— Почему?

— Канцелярские крысы... Терпеть не могу бюрократов.

— Ближайшие родственники?

— Брат — Артур Марио. В Калакко. Кофейный бизнес.

— Не женаты?

— Не женат.

— Ваше финансовое положение? Счет в банке, наличность, недвижимость?

— Ну — примерно тысяч шестьдесят, семьдесят. Вполне прилично. Во всяком случае достаточно, чтобы можно было вволю бездельничать.

— Почему вы пришли в Замок Иф?

— Мы впятером бросили кости. Проиграл Пит Заер. Он побывал здесь, но мы не смогли вытянуть из него ни слова.

Аллен понимающе кивнул.

— Мы просим своих клиентов хранить тайну. Элемент неизвестности — условие для привлечения новых клиентов.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Марио, — после всех этих предисловий.

И ему показалось, что в глазах Аллана промелькнул насмешливый огонек.

— Десять миллионов — это даже дешево.

— А десять тысяч слишком дорого? — предположил Марио.

Аллен откинулся на спинку кресла, и его красивое лицо застыло, как мраморная маска. Марио тут же вспомнил девушку в приемной офиса: такое же отстраненное и неприступное выражение лица.

— Мне кажется, — сказал Марио, — что подобные разговоры у вас возникают с каждым посетителем.

— Абсолютно такие же.

— Ну ладно, и на чем же мы остановились?
— Вы здоровы? Никаких физических дефектов?
— Нет.
— Отлично. Тогда медицинский осмотр необязателен.
Марио протянул руку и снял щуп энцефалографа:
— Теперь мне снова можно врать.
Аллен задумчиво побарабанил пальцами по столу, потянувшись вперед, снял с Марио шлем и бросил его в ящик стола. Нацарапав что-то на бумаге, перекинул листок Марио.
— Контракт, который избавляет нас от ответственности.
Марио прочел его: «По рассмотрении оказываемых услуг Рональд Марио согласен с тем, что администрация Замка Иф не будет нести ответственности за любые увечья физического или психического характера, которые он может получить во время оказания вышеупомянутых услуг или как их следствие. Более того, он принимает обязательство не обращаться в суд с жалобами. Он подтверждает, что все сделки, соглашения, опыты и процедуры, произведенные с ним или при его участии, производились по его доброй воле и прямом содействии».
Марио с сомнением пожевал губами:
— Какие-то бандитские условия. Разве что убить меня вы не можете.
— Правильно, — сказал Аллен.
— Очень зловещий контракт!
— Ну, может, для вашей жажды приключений достаточно одного этого разговора? — с легким презрением отозвался Аллен.
Марио процедил сквозь зубы:
— Мне нравятся приятные приключения. Кошмарный сон — это тоже приключение, но мне не нравятся кошмары.
— А кому они нравятся?
— Короче говоря, вы больше ничего не скажете?
— Ничего!
— Если бы у меня была хоть крупица разума, — сказал Марио, — я бы встал и ушел.
— Как вам угодно.
— На что вы тратите все эти деньги?
Марвин Аллен расслабился в кресле, закинув руки за светловолосую голову.

— Мы строим Эмпайр Тауэр. Это не секрет.

Для Марио это было неожиданностью. Эмпайр Тауэр — самое грандиозное, самое вместительное, самое мощное, самое высокое сооружение, превосходящее все когда-либо созданное или даже задуманное человеком. Устремленная к звездам, пронзившая небо колонна высотой в три мили.

— А нельзя ли узнать, почему вы строите Эмпайр Тауэр?

— По той же самой причине, по какой вы здесь, в Замке Иф: мне скучно. И не приставайте ко мне с расспросами, как мне удается избавляться от скуки.

— Что, действительно удается?

Аллен обвел его взглядом, прищурив глаза.

— Да. Удается. Но вы задаете много вопросов. Слишком много. Вот контракт. Подписывайте его или порвите. Я не могу больше тратить на вас время.

— И все-таки, — спокойно сказал Марио, — вы должны дать мне хоть общее представление о том, на что я иду.

— Никакого криминала, — сказал Аллен. — Скажем, так... мы дадим вам возможность увидеть мир другими глазами.

— Искусственная потеря памяти? — спросил Марио, вспомнив о Заере.

— Нет. С вашей памятью ничего не произойдет. Ну хватит. — И Аллен швырнул контракт. — Подписывайте или рвите его.

Марио подписал.

— Я веду себя как полный идиот. Хотите теперь мои восемь тысяч?

— Мы работаем ради денег, — коротко сказал Аллен. — Если они у вас есть, конечно.

Марио отсчитал восемь тысячедолларовых купюр.

— Держите.

Аллен взял деньги и, не убирая их со стола, задумчиво оглядел Марио.

— Всех наших клиентов можно примерно поровну разбить на три группы: безрассудная молодежь, только что вырвавшаяся из-под родительской опеки, пресыщенные жизнью старички в поисках новых порочных ощущений и полицейские сыщики. Вы не попадаете ни в одну из этих категорий.

Марио ответил, пожав плечами:

— Что-то среднее между первыми двумя. Я безрассуден, пресыщен жизнью, и мне двадцать девять лет.

У Аллена на лице мелькнула усмешка, он встал и любезно пригласил Марио:

— Прошу вас.

Стенная панель у него за спиной отодвинулась, открыв комнату, залитую холодным желтоватым светом. Здесь в изобилии росли зеленые растения в половину человеческого роста — экзотические цветы с огромными листьями, нежные папоротники, какие-то диковинные грибы, похожие на стрелы с острыми наконечниками, покачивали шляпками, окрашенными в цвет ацтекского нефрита. Марио заметил, что Аллен глубоко вздохнул перед тем, как войти в комнату, но не придал этому особого значения. Он зашел вслед за ним, глазея по сторонам, в полном восторге от этих маленьких искусственных джунглей, обступивших его со всех сторон. В воздухе усилился запах, который он уже чувствовал раньше, — пахло мятой, гарденией, антисептикой... Защипало в носу. В глазах поплыло, зарябило. Он остановился, покачиваясь. Аллен обернулся, наблюдая за ним с холодной легкой усмешкой, как если бы присутствовал при хорошо знакомом, но все еще забавляющем его спектакле.

Зрение пропало, гул в ушах сменился полной тишиной, как будто их заложили ватой, все поплыло, завертелось...

Часть 4

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Марио очнулся.

Сознание вернулось мгновенно, быстрое и ясное, не осталось ни малейших следов пребывания в наркотическом дурмане.

Он сидел на скамейке под большой мимозой на площади Танатра, и отливающие медью павлины клевали хлеб у него из рук.

Марио посмотрел на свою руку. Она была пухлая и жирная. Рука высовывалась из пиджака, сшитого из плотной серой ткани. У него не было ни одного серого костюма. Рука была короткая. Ноги тоже были

короткие. Огромный живот. Марио пожевал губами. Они были толстые, мясистые.

Он по-прежнему осознавал себя как Роланда Марио, но тело было не его. Он оцепенел.

Павлины клевали хлеб. Марио отшвырнул хлеб в сторону. Рука была до странности тяжелая, непослушная. Слабые, обвислые мышцы. Он, покряхтывая, встал на ноги. Тело было мягким, но неподатливым. Он провел рукой по лицу, ощупывая короткий нос картошкой, длинные уши, обвислые щеки, которые колыхались, как плохо выпеченные оладьи. Голова была лысая как колено.

Чье же это тело? Марио заморгал, стараясь сохранить самообладание и не впасть в панику. Он силился успокоиться, подобно тому как человек в раскачивающейся утлой лодчонке пытается удержать равновесие и не перекувырнуться в темную воду.

Он прислонился к стволу мимозы. Спокойно, спокойно, соберись с мыслями! То, что произошло с ним, без сомнения, можно отыграть назад. А может, все само пройдет? Вдруг это сон и он все еще находится в наркотическом бреду, только очень ярком и реальном. Приключение... ха! Это было очень мягко сказано.

Он пошарил по карманам, обнаружил листок бумаги, сложенный вчетверо. Развернул его, уселся, чтобы прочитать написанное. Сначала шло строгое предупреждение:

ЗАПОМИНАЙТЕ ВСЕ НИЖЕСЛЕДУЮЩЕЕ, ТАК КАК ЭТА БУМАГА ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ ИСЧЕЗНЕТ!

Вы вступаете в новую жизнь, за которую уплатили. Ваше имя — Ральстон Эбери. Ваш возраст — 56 лет. Вы женаты на Флоренс Эбери, 50 лет. Вы живете по адресу: Сиафон Плейс, 19. У вас трое детей; Лютер — 25 лет, Ральстон-младший — 23 года, Клаудиа — 19 лет.

Вы богатый промышленник, производите летательные аппараты — аэрокары Эбери. Вас обслуживает Африканский Федеральный Банк, чековая книжка у вас в кармане. Когда вы будете подписываться своим именем, не надо сознательно управлять рукой, расслабьте мышцы, и рука самопроизвольно поставит

правильную подпись Ральстона Эбери. Если вам не нравится ваша новая внешность, вы можете вернуться в Замок Иф. Десять тысяч долларов было уплачено вами за тело без права выбора, за десять миллионов долларов вы получите молодое, здоровое тело по вашему специальному заказу.

Пожалуйста, не связывайтесь с полицией. Во-первых, скорее всего вас примут за сумасшедшего. Во-вторых, если полиции удастся воспрепятствовать деятельности Замка Иф, вы будете вечным рабом тела Ральстона Эбери, вряд ли вас обрадует эта перспектива. В-третьих, тело Роланда Марио будет настаивать, что сейчас принадлежит своему законному владельцу.

С вашими деловыми возможностями десять миллионов долларов — вполне досягаемая сумма. Когда она у вас появится, возвращайтесь в Замок Иф за молодым и здоровым телом.

Мы выполнили свои обязательства перед вами. Вы получили приключение. При определенной ловкости и изобретательности вы сможете попасть в группу людей без возврата и будете вечно оставаться молодым.

Марио второй раз перечитал текст. Когда он закончил читать, листок рассыпался у него в руках. Марио откинулся назад, чувствуя, что в нем, как лифт в шахте, поднимается тошнота. Как это отвратительно — вдруг оказаться в такой интимной близости с чужим телом... да еще таким грузным и неопрятным. Марио чувствовал, что страшно хочет есть, но с упрямой злобой решил помучить голодом тело Ральстона Эбери.

Ральстон Эбери! Он что-то смутно припоминал. Интересно, не он ли нынешний владелец собственного тела Марио. Вполне возможно. Но не обязательно. Марио не мог понять, каким образом произошло его перемещение в это тело. На нем не было никаких следов хирургической или пластической операции.

Что делать?

Он не мог обратиться в АПП. Ну и что? Даже если бы ему поверили, было мало надежды на помощь закона. Марио прекрасно понимал, что в Замке Иф против него не совершили никаких противоправных

действий. Он даже не мог подать жалобу, потому что, подписав контракт, добровольно лишился этого права.

Телевидение, газеты? Ну, допустим, неприятная огласка способна остановить деятельность Замка Иф, ему-то какой в этом прок? Мервин Аллен почти наверняка возобновит ее где-нибудь в другом месте, но уже никогда не позволит Марио вернуться в свое тело.

Лучше всего было последовать рекомендациям улетучившейся бумажки. Скорее всего, Ральстон Эбери имел мощные политические и финансовые связи, обладал большим состоянием. Так ли это? С той же вероятностью можно было предположить, что Эбери ликвидировал, насколько сумел, свое состояние, чтобы уплатить десять миллионов долларов Замку Иф и обеспечить финансовую поддержку своему новому телу.

Марио поразмыслил, не сможет ли он силой вернуть свое тело. Должны же быть какие-нибудь возможности... Не мешало бы обзавестись чьей-либо поддержкой. Должен ли он сообщить обо всем этом Дитмару, Джанниферу, Брейху? В общем-то, он ведь обязан дать им какие-нибудь сведения.

Марио встал со скамейки. Да, Мервин Аллен не оставил ни одного уязвимого места, обеспечив себе полную безопасность. Он должен был понимать, что первые мысли, пришедшие Марио в голову, будут о мщении и насилии. Но эти мысли теперь принадлежали старому, больному телу... Марио не сомневался, что против него будут приняты все меры предосторожности.

В голове роились, крутились и пенились мысли, как будто разноцветные краски вылили в бадью и тщательно взболтали. Голова стала пустой и легкой, в ушах появился гул. Что это? Сон? И он никак не может проснуться? Он задыхался, пыхтел, слабо дергался, будто отбиваясь от кого-то.

Полицейский остановился рядом с ним, собираясь вызвать врача.

— Вам плохо, сэр? Вы нездоровы?

— Нет, нет, — ответил Марио. — Все в порядке. Внезапная дурнота. Сейчас пройдет.

Он с трудом встал на ноги, побрел по Хореопс-стрит, прошел мимо центрального фонтана, облицованного авантюриновыми плитками, доплелся до Ма-

лабарского павильона и, пройдя меж больших лавровых деревьев, окружавших его, попал на Кесселин-авеню.

Медленно, тяжело переставляя ноги, он тащился вдоль витрин цветочных магазинов по направлению к Тихому океану, встал на эскалатор, доставивший его на движущийся тротуар Главной пешеходной дороги, ведущей к Кокурсу.

Марио двигался неосознанно, автоматически, как будто его тело перемещалось само по себе. Добравшись до Этерианского квартала, он, тяжело отдуваясь, сошел с тротуара. Рыхлое тело Ральстона Эбери было в плохом состоянии, и Марио вдруг с жутким злорадством подумал о том, как потеет, пыхтит, задыхается и хочет жрать тело Ральстона Эбери, перерабатывая свое свиное сало.

Внезапно прямо перед ним очутилось чье-то перекошенное, пылающее ненавистью лицо. Оскаленные зубы, зрачки вперились в него, как черные наконечники отравленных дротиков дикарей из племени Мазумбее. Это лицо человека неопределенного возраста производило странное впечатление: была в нем какая-то младенческая простодушность и мудрость одновременно. К тому же сейчас оно было искажено от злобы и сильного возбуждения.

Стиснув зубы, так что вокруг рта обозначились резкие складки, этот пожилой юноша прорычал:

— Ты, мерзкий ублюдок, поганый вор, неужели ты еще жив? Ты, ядовитая гадюка, вонючий шакал, противно марать о тебя руки. Но я все равно убью тебя!

Марио отшатнулся. Человек был незнаком ему.

— Простите... Вы, должно быть, ошиблись, — пробормотал он, прежде чем до него дошло, что теперь придется отвечать за все поступки Ральстона Эбери.

Чья-то рука опустилась на плечо этого моложавого старца.

— Проваливай отсюда, Арнольд! — сказал грубый голос. — Пошел вон.

Моложавый ретировался.

Заступник Марио повернулся к нему — хорошо одетый молодой человек с подвижным лисьим лицом. Он почтительно поклонился.

— Доброе утро, мистер Эбери! Очень жаль, что этот псих опять накинулся на вас.

— Доброе утро, — ответил Марио. — Э-э... а кто это?

Молодой человек с удивлением взглянул на него.

— Как кто... это же Летия Арнольд. Он работал у вас. Вы его уволили.

Марио был озадачен.

— Почему?

Молодой человек тупо заморгал:

— По правде говоря, я не знаю. Должно быть, он плохо работал.

— Ну, неважно, — поспешно сказал Марио. — Забудем это.

— Да... конечно. Вы идете в контору?

— Да, да... полагаю, что туда.

Кто был этот молодой человек? Вот проблема, которая, как он теперь понял, еще не раз встанет перед ним.

Они подошли к лифтам.

— Только после вас, — сказал Марио.

Ему предстояло изучить бесчисленное множество мелких деталей, тысячи своих личных приказов и распоряжений, разобраться в сложной системе бизнеса Ральстона Эбери. Да и осталось ли что-нибудь от его бизнеса? Вполне вероятно, что Эбери огреб все деньги до последнего цента, чтобы подарить их своему новому телу. Компания Аэрокары Эбери была большим концерном, и все же изъятие десяти миллионов должно было пробить изрядную брешь в ее бюджете.

А этот молодой человек с умным лицом, кто он? Марио решил окольными путями вытянуть у него всю подноготную.

— Э... что-то я запамятовал... как давно вы на этой должности?

Молодой человек искоса стрельнул на него глазами, явно недоумевая, в своем ли уме Эбери.

— О, я уже два года работаю помощником менеджера фирмы.

Марио покивал головой. Они вошли в лифт, и молодой человек поспешил нажать на кнопку. «Подхалим!» — подумал Марио. Входные двери закрылись, и последовало стремительное падение, к которому, видимо, так и не привык старческий желудок. Лифт

остановился, двери распахнулись, и Марио со спутником очутились в шумном помещении, заполненном щелкающими аппаратами, клерками, рядами сидящими за экранами мониторов. Болтовня, гам... и вдруг тишина — все глаза устремлены на тело Ральстона Эбери: украдкой брошенный взгляд, подчеркнутое внимание к работе, преувеличенная деловитость.

Марио остановился, обвел взглядом комнату. Все это было его. Без дураков. Никто в мире не сможет помешать ему владеть этим концерном, если только Ральстон Эбери не слишком быстро и алчно хапнул эти десять миллионов.

Но если Ральстон Эбери окажется жуликом и мошенником, то ему — Роланду Марио в теле Эбери — придется расхлебывать все, что тот натворил. Марио попал в капкан прошлого Эбери. За все его пакостные делишки надо будет отвечать; вся ненависть, которую тот вызывал, выльется на Марио, он унаследовал жену Эбери, его семью, его любовницу, если она была, конечно.

Какой-то низенький человечек среднего возраста с большими печальными глазами и горькой складкой у рта, говорящей об утраченных надеждах и упущенных возможностях, подошел к нему.

— Доброе утро, мистер Эбери! Рад вас видеть. Тут кой-какие дела нуждаются в вашем личном участии.

Марио пристально посмотрел на него. Не было ли в его голосе оттенка сарказма?

— В мой кабинет, — сказал Марио.

Коротышка повернулся и пошел через холл. Марио последовал за ним.

— Пойдемте со мной, — пригласил он помощника менеджера.

Готические буквы, расписанные серебром, запечатлели на двери имя Ральстона Эбери. Марио приложил к замку большой палец, отпечатки совпали, и дверь скользнула в сторону. Марио не спеша вошел и насупился, с отвращением оглядывая аляповато оформленный кабинет. Этот пошляк Эбери оказался поклонником стиля рококо. Марио сел за стол из полированного черного металла, обратился к помощнику менеджера.

— Принесите, пожалуйста, мне личные дела всех служащих фирмы — анкеты, фотографии.

— Да, сэр.

Коротышка придвинул стул, уселся, глядя в упор на Марио.

— Мне очень жаль, мистер Эбери, но я вынужден сказать вам, что вы привели дела фирмы в очень сомнительное состояние.

— Что вы имеете в виду? — холодно, как будто он и в самом деле был Эбери, спросил Марио.

Коротышка фыркнул.

— Что я имею в виду? Я говорю о контрактах, которые вы перепродали Атлас-Аэробоат, а они были самым мощным источником доходов Аэрокаров Эбери. Вы это сами прекрасно знаете. Для нас это был удар ниже пояса.

Коротышка вскочил со стула и стал расхаживать по кабинету.

— Сказать по правде, мистер Эбери, я ничего не понимаю.

— Подождите минутку, — сказал Марио, — дайте мне взглянуть на почту.

Оттягивая время, он просматривал почту, пока с подшивкой папок не вернулся помощник менеджера.

— Благодарю вас, — сказал Марио. — Вы свободны.

Он мельком проглядел карточки, вглядываясь в фотографии. Оказалось, что коротышка занимает важную должность, он, похоже, находился на самой верхушке административной лестницы. Его звали Луис Корреас, исполнительный советник. Марио нашел сведения о его жаловании, семье, возрасте, происхождении — гораздо больше, чем он мог сразу запомнить. Он отложил подшивку в сторону.

Луис Корреас, кипя от злости, все еще мерил шагами комнату. Он остановился, вперив в Марио ядовитый взгляд.

— Назвать меня плохим советником? Я думаю, что вы просто сошли с ума! — Он передернул плечами. — Я говорю вам это, потому что моя работа теперь ничего не значит. Компания не сможет пережить удары, которые вы ей нанесли. Во всяком случае, я не вижу выхода. Вы сначала выставляете на продажу летающее корыто, украшенное завитушками, потом продаете единственно выгодные контракты, и мы лишаемся деталей, без которых наши аппараты вообще не могут летать.

Марио слегка призадумался. Потом сказал:

— У меня были свои соображения.

Корреас остановился как вкопанный, снова уставился на него.

— Попробуйте угадать, — сказал Марио, — какую пользу я могу извлечь из этих обстоятельств.

У Корреаса глаза стали как булавочные головки, губы сжались, вытянулись, сморщились в куриную гузку. Он думал. Через некоторое время он сказал:

— Вы продали наш сталелитейный завод Джонар и Кахиллу, наш патент на стабилизатор скольжения Блюкрафту. — Корреас, прищурившись, с подозрением оглядел Марио.

— Можно подумать, что вы решили нарушить свои клятвенные обещания и выпустить новую модель для полетов.

— Ну, — сказал Марио, с мудрым видом помаргивая глазками, — как вам нравится эта идея?

Луис Корреас стал даже заикаться от восторга.

— О, мистер Эбери, это... это фантастика! И вы спрашиваете меня, что я думаю! Я всего лишь ваш подпевала. Это то, за что вы мне платите. Я знаю это, вы знаете это, все это знают.

— Вы не очень-то подпевали мне сегодня, — сказал Марио. — Даже назвали меня ненормальным.

— Ну, — заикнулся Корреас. — Я не понял вашей идеи. Хотя я уже давно мечтаю об этом. Поставить новый трансформатор, выкинуть все эти позолоченные побрякушки, использовать пластик вместо стали, упрощать, упрощать...

— Луис, — сказал Марио, — сделайте заявку. Начинайте разворачивать работы. Я вам поручаю всю организацию дела. И обещаю полную свою поддержку.

Луиса Корреаса невозможно было узнать.

— Положите себе такое жалованье, которое сочтете нужным, — сказал Марио. — У меня совсем другие, новые проекты, я буду теперь заниматься только ими. Я хочу поручить вам руководство бизнесом. Вы будете главой фирмы. Справитесь?

— Да. Я постараюсь.

— Делайте все, как считаете нужным. Разрабатывайте новую модель, и чтобы она превзошла все те, что сейчас в продаже. Я подключусь только на

последнем этапе, а до этого — вы полный хозяин... Начинайте... как только закончите все свои дела.

Он указал на пачки писем.

— Заберите это в свой кабинет.

Корреас порывисто бросился к Марио, стал трясти его руку.

— Я сделаю все возможное.

Он вышел из комнаты.

Марио включил селектор:

— Дайте мне Африканский Федеральный Банк. Алло. — Обращаясь к девушке на экране: — Это Ральстон Эбери. Пожалуйста, проверьте мой личный счет.

Спустя минуту она сказала:

— У вас только тысяча двести долларов, мистер Эбери. Вы почти подорвали свой баланс последними снятыми со счета суммами.

— Благодарю вас, — сказал Марио. Он усадил в кресло толстое тело Ральстона Эбери и вдруг услышал глухое и громкое урчание в брюхе. Ральстон Эбери хотел есть.

Марио злобно, и мрачно ухмыльнувшись, позвонил секретарше.

— Принесите мне сэндвич с маслинами, сельдерей и стакан снятого молока.

Часть 5

СОГЛАШЕНИЕ

Во второй половине дня Марио все чаще стал осознавать, что его ждет еще одно тяжелое испытание, уклониться от которого было невозможно: знакомство с семьей Ральстона Эбери, его домашней жизнью. Вряд ли она была счастливой. Ни один счастливый муж и отец не отдал бы судьбу своей жены и детей в руки первого встречного. То, что он сделал, скорее свидетельствовало о ненависти, чем о любви.

Групповая фотография была небрежно сдвинута в угол стола Эбери, как будто он не хотел, чтобы она слишком часто попадалась ему на глаза. Это была его семья. Жена, Флоренс Эбери, хрупкая роскошно оде-

тая женщина с робкими и застенчивыми глазами. Ее лицо, выглядывающее из-под полей какой-то огромной дурацкой шляпы, напоминало терпеливо-растерянную мордочку комнатной собачки, наряженной в кукольное платье — душераздирающее зрелище! Лютер и Ральстон-младший, коренастые молодые люди с упрямыми ослиными физиономиями. Клаудиа — существо с пухлыми щечками и капризным ротиком.

В три часа Марио, наконец набравшись мужества, вызвал дом Эбери. Возникшая на экране Флоренс Эбери, произнесла едва слышно писклявым голосом.

— Да, Ральстон.

— Сегодня вечером я буду дома, дорогая. — Последнее слово Марио добавил с видимым усилием.

Сморщив нос и распустив губы, она посмотрела на Марио так, словно вот-вот расплачется.

— Ты даже не сказал мне, где ты был.

— Флоренс... только честно, — сказал Марио. — Ты могла бы назвать меня хорошим мужем?

Она вызывающе прищурилась.

— Я не жалуюсь. Я никогда не жаловалась...

Судя по напряженному голосу, это замечание было не совсем верно. И, видно, не без оснований, подумал Марио.

— Нет. Я хочу услышать правду, Флоренс.

— Каждый раз, когда мне нужны были деньги, ты давал их мне. Но я не могу сосчитать, сколько раз ты унижал меня, выставляя посмешищем перед детьми, слова не давал сказать...

— Ну, — сказал Марио, — мне очень жаль, Флоренс. — Он не мог давать ей обетов любви и верности. Ему было жаль Флоренс — жену Эбери... но ведь это была жена Ральстона Эбери, а не его. Еще одна жертва Ральстона Эбери.

— Увидимся вечером, — сказал он убитым голосом и отключил экран.

Марио сел на свое место. Думай, думай, думай! Должен быть какой-то выход. Или он до конца своих дней обречен пребывать в этом нездоровом тучном теле? Он внезапно расхохотался. Если Ральстон Эбери купил себе за десять миллионов долларов новое тело — скорее всего собственное тело Марио, — то десять миллионов, уплаченных сверх долларов Эбери, помогут ему выкупить тело обратно. Ибо деньги —

это тот язык, который хорошо понимает Мервин Аллен. Не останавливаться перед любыми унижениями, проявить раболепную покорность, выразить готовность, как собака, лизать пинающую его ногу, соглашаться на все условия... нет другого выхода, если он не хочет таскать на себе эти отвратительные телеса.

Марио встал, подошел к окну, вышел на посадочную площадку, подозвал аэротакси.

Через десять минут он уже стоял перед домом 5600 по Эксмур Авеню в Медоулендсе — перед Замком Иф. Садовник, подстригающий живую изгородь, с подозрением уставился на него. Марио быстро перешел проезжую часть улицы, нажал на кнопку.

Так же, как и в прошлый раз, пока он ждал перед дверью, невидимый глаз тайно обыскал его тело. Солнечные лучи грели его спину, рядом мирно стрекотала садовая косилка.

Дверь открылась.

— Входите, прошу вас, — пригласил мягкий голос из динамика автомата.

Марио прошел через прихожую в приемную комнату: те же зеленые и коричневые краски, та же картина с тремя голыми натурщицами на фоне того же темного леса.

Вышла девушка сказочной красоты. Марио снова взглянул в эти ясные, широко распахнутые глаза — зеркало чьей-то души. Чьей, хотел бы знать Марио. Мужчины или женщины?

Он больше не чувствовал стремления пробудить в ней чувства, задеть ее. Это была не женщина — вещь.

— Что вы хотите?

— Я хотел бы увидеть мистера Аллена.

— По какому делу?

— Вы что, не узнаете меня?

— По какому делу?

— Вы доходное предприятие, не так ли?

— Да.

— Мое дело связано с деньгами.

— Пожалуйста, присядьте.

Она повернулась и ушла. Марио разглядывал удаляющуюся фигурку. Она шла, легко и грациозно переставляя ножки в бесшумных, пружинистых комнатных туфлях. Марио почувствовал, как пробудилось

тело Ральстона Эбери. Железы старого козла все еще исправно функционировали. Марио подавил внезапный приступ тошноты.

Девушка вернулась.

— Следуйте за мной, пожалуйста.

Мервин Аллен любезно встретил Марио, хотя его приветливость не зашла так далеко, чтобы пожать гостю руку.

— Хелло, мистер Марио. Я давно жду вас. Садитесь. Как идут ваши дела? Вы довольны?

— Не особенно. Должен признаться, что таким приключением, какое вы мне подсунули, можно пощекотать нервы даже слону. И в самом деле, как я припоминаю, вы ни на йоту меня не обманули.

У Аллена на лице промелькнула холодная усмешка. А Марио гадал, чья душа заключена в этом прекрасном теле.

— Мне нравится ваш философский подход, — сказал Мервин Аллен. — Большинство наших клиентов плохо сознают, что получили именно то, за что заплатили деньги. Сущность приключения в том, что оно неожиданно, опасно и его исход целиком зависит от приложенных вами усилий.

— Спору нет, — заметил Марио, — это как раз то, что вы и предлагали. Но не заблуждайтесь на мой счет. И не ждите, что я стану набиваться вам в друзья. Несмотря на трезвую оценку действительности, я просто вне себя от злости. Я без всякого сожаления пристрелил бы вас на месте... хотя вы правы, конечно, — я получил по заслугам.

— Это точно.

— Если отвлечься от моего личного отношения к вам, то, пожалуй, у нас есть некая общность интересов, чем я и намерен воспользоваться. Вас интересуют деньги, меня — мое собственное тело. Я пришел узнать, при каких обстоятельствах можно удовлетворить одновременно наши желания.

Лицо Аллена оживилось, он рассмеялся с довольным видом.

— Марио, я восхищаюсь вами. Мне приходится выслушивать массу предложений, но ни одно еще не было так четко, так идеально сформулировано. Да, меня интересуют деньги. А вас интересует тело, к которому вы привыкли. К сожалению, должен ска-

зать, что у вашего бывшего тела сейчас другой владелец и вряд ли вам удастся убедить его вернуть назад ваше тело. Но... я могу продать вам другое тело: здоровое, привлекательное, молодое, — за нашу обычную цену. Десять миллионов долларов. За тридцать миллионов я предоставлю вам богатейший выбор возможностей — например, такое тело, как у меня. Эмпайр Тауэр — чертовски дорогой проект.

— Кроме шуток, — сказал Марио, — а как происходит превращение? Я не заметил ни шрамов, ни других следов пересадки мозга. При таких операциях, по-видимому, без них не обойтись.

Мервин кивнул.

— Сращивать несколько миллионов нервных окончаний? С ума сойти можно. Вы знакомы в общих чертах с физиологией мозга?

— Нет, — ответил Марио, — это очень сложная штука, вот все, что я знаю... знал до сих пор.

Аллен развалился в кресле, откинувшись на спинку, и затараторил так быстро, словно читал по книге.

— Мозг принято делить на три части. Две из них: продолговатый мозг и мозжечок управляют координацией движений и физиологическими процессами. И собственно головной мозг — средоточие памяти, интеллекта и сознания личности. Мыслительный процесс в мозгу человека происходит таким же образом, как и в искусственном мозге, посредством переключения связей через реле или нейроны.

— В пустом, незаполненном информацией мозге, относительная свобода каждой области одна и та же. Так же равны их электрические потенциалы, и все клетки тождественны друг другу.

— Наш процесс можно подразделить на несколько этапов. Могу добавить, что он был открыт случайно, при проведении исследований в совершенно другой области.

— Сначала вся волосистая часть головы пациента погружается в целлулу из вещества, которое первоначальная исследовательская группа называла голазмой — органический кристалл с огромным количеством волоконцев, выведенных на поверхность. Между голазмой целлулы и собственно мозгом находится несколько преград: волосы, кожный покров, кости, три отделенных друг от друга оболочки, а также сеть

кровеносных сосудов, очень сложная и запутанная. Однако нейтральные клетки выделяются своим высоким электростатическим потенциалом, и для проведения процесса все остальные клетки не являются помехой.

— Далее, посредством некоего, довольно сложного процесса сканирования мы перезаписываем синапсы мозга в голазму, связывая ее посредством сенсорных стимуляций в матрицу, которая потом может быть наложена на любого другого человека.

И, наконец, целлулы обменивают местами, процесс происходит в обратном направлении. В мозг человека А внедряются синапсы В и наоборот. Вся процедура занимает всего несколько минут. Никаких хирургических операций, безопасно, безболезненно. Человек А приобретает память и сознание человека В, а человек В становится А.

Марио поскреб свой жирный подбородок.

— Вы хотите сказать, что я... на самом деле вовсе не Роланд Марио? И то, что я думаю о себе как о Роланде Марио — это лишь иллюзия? И в этом теле нет ни одной клеточки от Роланда Марио?

— Ну да. С головы до пят, вы... сейчас я посмотрю... Вы — Ральстон Эмбери, если я не ошибаюсь. Каждая молекула вашего тела принадлежит Ральстону Эбери. Вы действительно Ральстон Эбери, обладающий памятью и сознанием Роланда Марио.

— А как же гормональный обмен? Он не может изменить личность Роланда Марио? В конце концов, поведение человека определяется не только его мозгами, но воздействием всего организма в целом.

— Верно, — ответил Аллен. — И чем дальше, тем сильнее будет сказываться на вас это воздействие. Вы будете постепенно меняться, становясь все более похожим на Ральстона Эбери — каким он был перед транспозицией. И то же самое будет происходить с телом Роланда Марио. Конечный результат будет определяться соотношением между внешним воздействием тел и наследственным влиянием ваших характеров.

Марио улыбнулся.

— Я хочу поскорее выбраться из этого тела. Быть Ральстоном Эбери — весьма сомнительное удовольствие.

— Ну что ж, — сказал Мервин Аллен, — тогда несите десять миллионов долларов. Замок Иф работает с единственной целью — делать деньги.

Марио обвел пристальным взглядом Аллена, отмечая упругое мускулистое тело, красивую форму головы, выразительное лицо.

— Но вам-то зачем вам деньги? Зачем вы строите Эмпайр Тауэр?

— Для развлечения. Это меня забавляет. Я скучаю. Я перепробовал много тел, множество существований. Это тело у меня четырнадцатое. У меня в руках власть. Я это делаю не из любви к сенсациям, просто мне нравится жить с размахом. И я не душевнобольной. Меня нельзя даже обвинить в жестокости, потому что в моем деле, если один человек что-то теряет, то другой это приобретает. Так что баланс всегда сохраняется.

— Но это же просто грабеж, — резко возразил Марио. — Вы воруете у человека годы жизни, чтобы продать их другому.

Аллен пожал плечами.

— Ну и что? Совокупная продолжительность жизни тел не меняется. В итоге все остается по-прежнему. Никаких изменений, кроме перемещения памяти. В каком-то смысле, выражаясь философским жаргоном, я, наверное, — солипсист. Насколько я могу видеть и понимать своими глазами и своим умом... я единственно существующий индивидуум, единственно разумный интеллект. — Глаза его замутились. — А как еще можно объяснить, что я... именно я был избран среди многих, чтобы одарить меня такой очаровательной жизнью.

— Тьфу! — мысленно сплюнул Марио.

— Каждый, как говорится, по-своему с ума сходит. Меня сейчас интересует только строительство Эмпайр Тауэр.

У Аллена в голосе зазвучали экзальтированные нотки:

— Она взметнется ввысь на три мили. Там есть банкетный зал с полом, выложенным серебряными и медными плитками: четверть мили в ширину, четверть мили в высоту, с восемью хрустальными балконами, вдоль каждой стены. Там будут террасы с разбитыми на них садами, подобных которым еще не было на

земле: с фонтанами, водопадами, бегущими ручьями. Целый этаж будет отведен под сказочную страну из старых легенд и преданий, населенную прекрасными нимфами.

Другие этажи будут представлять различные периоды земной истории. Чего там только не будет: музеи, консерватории разных музыкальных стилей, студии, мастерские, лаборатории для всех известных ныне направлений науки, лавочки мелких торговцев. Там будут прекрасные залы и балконы, созданные лишь для того, чтобы поражать своей красотой, отдельные палаты, посвященные... скажем, так — служению Астарте. Там будут залы, забитые игрушками, сотни ресторанчиков, где будут работать одни гурманы, тысячи кабачков с винами, которые вам и не снились, залы для отдыха, для услаждения слуха и зрения.

— А потом, — перебил его Марио, — когда вам наскучит Эмпайр Тауэр?

— О, Марио, — Мервин откинулся на спинку стула, — вы задели мое самое больное место. Не сомневаюсь, подвернется что-нибудь еще. Вдруг к этому времени мы сможем оторваться от Земли, улететь мимо скучных каменистых планет к другим звездам, к другой жизни. Тогда уже никому не понадобится Замок Иф.

Марио почесал свой жирный загривок, вопросительно поглядев на Аллена.

— Вы сами придумали эту процедуру превращения?

— Да. Я и еще четверо, которые составляли исследовательскую группу. Они все умерли. В настоящее время я один владею техникой транспозиции личности.

— А ваша секретарша? Она тоже из ваших... оборотней?

— Нет, — ответил Мервин. — Она настоящая. Тейн живет ненавистью. Думаете, она моя любовница? Нет. — И он вяло усмехнулся. — Никоим образом. Ее влечет только разрушение, смерть. Блестящая штучка, но только снаружи. Внутри она темна и неистова, как капля горящего мазута.

На Марио обрушилось уже столько информации и фактов, что в досужих вымыслах больше не было нужды.

— Ну ладно. Не стану больше отнимать у вас время. Я бы хотел вернуться к началу нашего разговора.

— Теперь вы все знаете. Мне нужны деньги. Самый простой способ получать их в большом количестве я уже изложил вам. Но я могу предложить вам еще кое-что... Сорвать банк в рулетке, выиграть приз в лотерее, называйте это как хотите.

— И что же это?

— Я нуждаюсь в клиентах. Больше клиентов, больше денег. Вполне понятно, что я не могу слишком широко рекламировать свои услуги. Поэтому я предлагаю вам бесплатно новое перемещение, новое тело, если вы приведете еще шесть клиентов.

Марио прищурился.

— Так... Значит, Сутлоу открыли кредит за меня и за Пита Заера.

Аллен смотрел, ничего не понимая.

— Кто такой Сутлоу?

— Вы не знаете Сутлоу?

— Я никогда не слышал о нем.

— А о Дитмаре?

— А, этот счастливчик Дитмар. За десять тысяч долларов он получил тело с развитым циррозом печени. Еще два клиента — и он свободен. Что-то, пожалуй, я слишком разболтался. Я больше не могу уделить вам времени, Марио. Прощайте.

На обратном пути Марио остановился в приемной и презрительно посмотрел в лицо Тейн. Она не отвела взгляда — каменное лицо, блестящие, как сапфиры, глаза. У Марио по телу пробежал какой-то астральный холодок, будто он силой интуиции соприкоснулся с живой душой.

— Ваша красота влечет и пугает, как морская пучина.

— Эта дверь ведет к выходу, сэр!

— Ваша красота, такая хрупкая и непрочная штука, всего-навсего несколько миллиметров толщиной. Стоит лишь пару раз взмахнуть ножом, и у вас будет такой жуткий вид, что люди станут шарахаться, если вы пройдете рядом.

Она открыла рот, закрыла, поднялась со стула, указывая на дверь:

— Вот выход, сэр!

Марио подошел к ней, но тут ему на глаза случайно попались толстые жирные пальцы Ральстона Эбери. Лицо его исказилось, он спрятал руки за спину.

— Я не могу дотронуться до вас... этими руками.

— И никакими другими, — ответила она, сохраняя холодное превосходство.

Марио прошел мимо нее в дверь.

— Если ты видишь самую прекрасную женщину на свете, если душа у нее тверда, как камень, если она бросает тебе вызов взять приступом эту твердыню, а ты заключен в жирную отвратительную кашу вместо тела...

Он не смог бы сказать, что именно произошло, но выражение ее лица немного изменилось.

— Ну что ж, — сказала она. — Это ведь Замок Иф. А вы и есть жирная отвратительная каша.

Он безмолвно удалился. Дверь за его спиной скользнула на место. Марио передернул плечами, но лицо Ральстона Эбери заполыхало красными пятнами от унижения. Не было ни любви, ни даже намека на любовь. Не было ничего, кроме вызова, подобно тому, как гора бросает вызов тем, кто вознамерился взять ее высоту, изведать тайну ее склонов и покорить вершину. Тейн — холодная, как темная сторона Луны.

— Катись отсюда, — резко сказал сам себе Марио. — Оставь свои вожделения. Женские тела... забудь о них, слюнтяй! Мало тебе всей этой неразберихи?

Часть 6

СРЕДСТВО ИЗБАВЛЕНИЯ

Выйдя из дверей Замка Иф, Марио взял аэротакси, доставившее его к дому 19 на Сеафон Плейс. Это устрашающего вида здание из розового мрамора, украшенное немыслимыми завитушками, вполне соответствовало вкусу Ральстона Эбери. Марио приложил большой палец к замочной скважине. Отпечатки совпали, дверь открылась, и Марио вошел в дом.

Фотография подготовила его к встрече с семейством. Флоренс Эбери поздоровалась с ним с легкой настороженностью, сыновья держались отчужденно, со

скрытой враждебностью. Дочь, казалось, уже родилась с этим озадаченно-изумленным выражением на лице.

За обедом Марио надругался над телом Эбери, съев только немного салата из латука с морковью, политого уксусом. Семья была поражена.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Ральстон? — спросила жена.

— Прекрасно.

— Но ты же ничего не ешь.

Восемь выпученных глаз, четыре пары ножей и вилок, застывших в воздухе.

Марио безмятежно разглагольствовал:

— Нам надо кое-что изменить в нашей жизни. Слишком легкая жизнь — это вредно. — Он обратился к двум молодым людям с одинаковыми бело-розовыми лицами, надутыми щеками, полными губами.

— Вот что, парни... Мне не хотелось бы вас принуждать. В конце концов, вы ведь не виноваты, что родились сыновьями Ральстона Эбери. Но знаете ли вы, что значит добывать хлеб в поте лица своего?

Лютер, старший из сыновей, с достоинством заявил:

— А мы и работаем в поте лица своими мозгами.

— Ну-ка, расскажи подробнее, — сказал Марио.

Глаза Лютера засверкали гневом:

— Да я за одну неделю делаю больше, чем ты за целый год.

— Где?

— Где? Как где? На стекольном заводе. Где же еще?

Такого отпора Марио не ожидал.

— Мы платим тебе за комнату и еду, — сердито буркнул Ральстон-младший, — мы не должны тебе ни одного паршивого цента. Если и это тебя не устраивает, мы уходим.

Марио поморщился. Он явно недооценил сыновей Эбери. Белая кожа и пухлые щеки совсем не обязательно свидетельствуют о слабости духа. «Придержика язык, — сказал сам себе Марио, — и лучше не суйся с непрошеными советами».

— Извините, ребята, — сказал он примирительно, — я не хотел вас обидеть. Забудем про плату за стол и комнату. Потратьте-ка эти деньги на что-нибудь полезное.

Он недоверчиво посмотрел на дочь Эбери, Клаудиа.

Этакая простушка. Лучше держать язык за зубами. Вполне может оказаться, что она по двадцать четыре часа в сутки трудится на благо общества.

Несмотря на все усилия, Марио никак не мог освоиться в доме Эбери, привыкнуть к этому телу, прикосновению его одежды, не говоря уж о других интимных деталях. Он не мог представить, как будет пользоваться бритвой Эбери или его зубной щеткой. Необходимость удовлетворять естественные потребности тела Эбери вызывала у него каждый раз чувство омерзения. К своему облегчению, Марио обнаружил, что его спальня находится отдельно от спальни Флоренс Эбери.

На следующее утро он проснулся очень рано, едва лишь рассвело. Поспешно покинув дом, он позавтракал в небольшом ресторанчике стаканом апельсинового сока и подсушенным ломтиком хлеба. Сердито урча, брюхо Эбери запротестовало против такого скудного пайка. Ноги Эбери жалобно взвыли, когда он решил пройтись пешком вместо того, чтобы вызвать аэротакси.

Марио вошел в пустынное здание офиса Эбери Аэрокар, рассеянно прошелся по кабинетам, погруженный в свои мысли. Все еще размышляя, он зашел в свой личный кабинет. Его передернуло при виде беспорядочного нагромождения дорогих и безвкусных вещей.

Марио вызвал швейцара, обвел рукой комнату:

— Очистите кабинет от всего этого немыслимого барахла. Если хотите, можете забрать это себе домой. Или просто выбросьте прочь. Оставьте только стол и пару стульев, остальное — вон!

Он сел, задумался. Что делать? Что предпринять? Каким оружием он мог бы воспользоваться?

Он рассеянно делал пометки на листе бумаги. Как он мог бы напасть сам? Может ли закон помочь ему... хоть как-нибудь? Обратиться в АПП? Но разве Мервил Аллен нарушил закон? Марио не мог припомнить ни одной подходящей статьи для его случая. Замок Иф продает приключения. Клиент купил не совсем то, на что рассчитывал в этой сделке, — что ж, пусть пеняет на самого себя. Деньги, деньги, деньги. Но и они не помогут ему вернуть собственное тело. Ему нужно найти средство давления, способное вынудить Мервина пойти на уступки.

Марио обратился к информационной службе, затребовал файл под названием «голазма». Такого не было.

Он исчертил листок пометками, бессмысленными каракулями. Где, в чем уязвимое место Мервина Аллена? Замок Иф? Эмпайр Тауэр? Марио снова обратился к информационной сети, затребовал все данные, связанные с Эмпайр Тауэр. По экрану побежали строчки:

«Эмпайр Тауэр будет многофункциональным зданием, расположенным в Медоулендсе. Самый верхний этаж будет расположен на высоте трех миль над поверхностью земли. Проект архитекторов из ассоциации Кубал Инкорпорейтед, из Ланчестера. Главные контракты заключены с Лури и Лейбл...»

Марио нажал клавишу переключения: на экране появился карандашный эскиз архитектора — изящная конструкция пронизывала слой облаков и устремлялась в ясное, голубое небо. Марио переключился обратно к тексту.

Теперь последовала подробная информация о весе и пространственных размерах в сравнении с Египетскими пирамидами, Чилийской плотиной, Скаттерхольмским комплексом на Роне, Пилоном Хауке, мировым торговым Центром в Дар-эс-Саламе.

Марио нажал кнопку вызова на селекторе. Никто не отвечал. Еще слишком рано. Сгорая от нетерпения, он заказал кофе, выпил две чашки, возбужденно зашагал по кабинету. Наконец, на его звонок ответили.

— Передайте мистеру Корреасу, когда он придет, что я хотел бы переговорить с ним.

Через пять минут Корреас постучался в дверь.

— Здравствуйте, Луис, — сказал Марио.

— Доброе утро, мистер Эбери, — сдержанно и настороженно ответил Корреас, будто ожидая подвоха.

— Луис, — сказал Марио. — Я хотел посоветоваться с вами... никогда не слышали об ассоциации Кубал Инкорпорейтед? Архитекторы?

— Нет, что-то не могу припомнить.

— Мне бы не хотелось отрывать вас от работы, — сказал Марио, — но я хочу приобрести контрольный пакет акций этой компании. Не афишируя свое участие. Можно сказать, даже секретно. Я бы хотел попросить вас навести кой-какие справки. Не упоминая моего имени. Скупите как можно больше акций

с правом голоса, которые продаются. Платите столько, сколько просят, но приобретите контрольный пакет. И не упоминайте моего имени.

У Корреаса горько опустились уголки рта, лицо сделалось похожим на клоунскую маску:

— Откуда прикажете взять деньги?

Марио поскреб обвислые складки своих многочисленных подбородков.

— Что, на счету ничего нет? А резервный фонд?

Корреас как-то странно посмотрел на него:

— Вы же должны знать.

Марио отвел глаза. Верно, он должен знать. Перед Луисом Корреасом сидел привычный для него Ральстон Эбери: властный, надменный босс.

— Пожалуйста, Луис, прикиньте, сколько мы можем собрать?

— Одну минутку, — сказал Корреас. Он вышел из комнаты и вернулся с пачкой документов.

— Я рассчитал, во сколько нам обойдется смена оборудования. Мы должны будем влезть в долги. То, что вы сделали с фондами, меня не касается.

Марио ответил черство и сухо:

— Вы совсем не понимаете меня, Луис. Что бы я ни говорил, вы пропускаете это мимо ушей. Ладно, не будем ссориться. Вернемся к делу.

— Южно-африканское агентство вчера прислало чек на сумму чуть больше миллиона долларов. Этого все равно недостаточно, чтобы начать переоборудование.

Марио нетерпеливо махнул рукой.

— Сделаем заем. Главное, что сейчас у нас есть миллион. Узнайте, сколько мы можем скупить акций Кубал Ассошиэйтед.

Корреас, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Марио прошептал себе под нос: «Думает, что у меня мозги набекрень. Представляю, какими словами он меня поминает...»

Все утро Марио гонял по своему настольному экрану старые файлы, стараясь понять суть бизнеса Эбери. Он нашел множество доказательств поспешных и грабительских действий Эбери: обращение облигаций в наличные деньги, продажа недвижимости по бросовой цене, передача резервных фондов на его личный счет. И все же несмотря на это мародерство,

компания Эбери Аэрокар казалась вполне здоровой в финансовом отношении. Ее поддерживали закладные, налоговые льготы, контракты — все это стоило гораздо больше, чем наличность, которую обчистил Эбери.

Оторвавшись от своего занятия, Марио заказал себе еще кофе, зашагал по кабинету. Мысли его обратились к дому 19 на Сеафон Плейс. Ему вспомнились укоризненные глаза Флоренс Эбери, враждебность Лютера и Ральстона-младшего. И Марио пожелал Эбери место в аду. Семья Эбери была тут ни при чем, Марио не имел к ней никаких претензий. Он вызвал Флоренс Эбери.

— Флоренс, я больше не буду жить дома. — Он старался говорить доброжелательно.

— Я так и думала, — ответила она.

— Мне кажется, — поспешно сказал Марио, — что тебе лучше подать на развод. Я не буду возражать, и ты получишь столько денег, сколько пожелаешь.

Она молча в упор смотрела на него бездонными глазами.

— Я так и думала, — сказала она наконец.

Экран погас.

Корреас вернулся вскоре после ленча. Было тепло, Корреас, видимо, шел пешком, все лицо было покрыто мелкими капельками пота.

Швырнув на стол черную, украшенную резьбой пластиковую папку, он осклабился в торжествующей ухмылке.

— Вот они! Я не знаю, зачем они нужны вам, но они здесь. Пятьдесят два процента основного капитала. Я откупил их у племянника старого Кубала и двух его компаньонов. Мы попали в удачный момент, они рады были избавиться от своей доли. Им не нравится, как идет дело. Старик Кубал тратит все свое время на Эмпайр Тауэр и не получает за работу ни цента. Говорит, что ему достаточно сознания почетности этой работы. Племянник не отваживается конфликтовать со стариком Кубалом, но он определенно был рад продать свои акции. То же самое сделали Кон и Чивер, компаньоны. За работу над Эмпайр Тауэр не получают платы даже руководители фирмы.

— Хм. Сколько лет Кубалу?

— Что-то около восьмидесяти. Старичок-бодрячок, из которого песок сыплется.

«Почетная работа! — думал Марио. — Черта с два! Старик Кубал получит в уплату молодое тело».

Вслух он произнес:

— Луис, вы сами-то видели Кубала?

— Нет, он почти не вылезает из конторы. Он руководит строительством, и все проектирование делают именно там.

— Луис, — сказал Марио, — вот что я хочу сделать. Зарегистрируйте акционерный капитал на ваше собственное имя, а мне передайте право пользования без даты, оформлять ничего не будем. Вы будете официальным руководителем фирмы. Позвоните в контору, попросите главного менеджера. Скажите ему, что пришлете меня. Что я ваш друг и что вы вполне мне доверяете. Скажите ему, что вы даете мне неограниченные полномочия на любую работу, которой я сочту необходимым заняться. Идет?

Корреас во все глаза смотрел на Марио, как будто ждал, что это толстое тело сейчас взлетит на воздух.

— Как прикажете. Наверное, вы знаете, что делаете.

Марио печально усмехнулся.

— Я не могу сейчас думать ни о чем другом. Занимайтесь пока выпуском новой модели. Вы за это отвечаете.

Облачив тело Ральстона Эбери в скромный синий костюм, Марио заявился в контору Кубал Ассошиэйтед, которая занимала целый этаж Роттенбург Билдинг. Марио спросил секретаря, где найти менеджера фирмы, и ему показали на высокого мужчину лет сорока с небольшим, с подобострастным неприятным лицом. У него был веснушчатый лоб, тонкие светлые волосы, и на вопросы Марио он отвечал резко и неприязненно.

— Меня зовут Таузиг... Нет, я всего лишь менеджер фирмы... Кон вышел проветриться, Чивер — к проектировщикам... Никого нет... В конторе все вверх дном... Я здесь уже двенадцать лет.

Марио постарался внушить ему, что вовсе не намерен встать у него поперек дороги.

— Нет-нет, мистер Таузиг, вы тут главный. Я говорю от имени нового руководства. Вы управляете

конторой — текущие дела, новые заказы — все как обычно. Ваша должность по-прежнему генеральный управляющий. Я бы хотел поработать над Эмпайр Тауэр... без всяких помех. Я не буду мешать вам, вы — мне. Хорошо? Когда закончится строительство Эмпайр Тауэр, я уйду и управление всей фирмой останется в ваших руках.

У Таузига на прояснившемся лице не осталось ни тени прежней подозрительности.

— Ну, мы почти ничем не занимаемся, кроме Эмпайр Тауэр. Конечно, это чудовищная нагрузка, одному человеку ее не осилить.

Марио заметил, что вовсе не собирается взвалить всю работу целиком на свои плечи, и лицо Таузига снова приобрело непроницаемое, с налетом сарказма, выражение.

— Вы не так меня поняли, — сказал Марио, — я просто хочу взять на себя роль последней инстанции, чтобы свести воедино все пожелания строителей... И последнее, — сказал Марио. — Будем считать этот разговор, — он подмигнул Таузигу одним глазом, — строго конфиденциальным. Вы ввели меня в курс дела, как нового служащего, вот и все. Ни слова о новом руководителе. Ни слова о наших с ним дружеских отношениях. Забудем об этом. Устраивает?

Таузиг согласился с кислым видом.

— Я хочу спокойно работать, — сказал Марио задумчиво. — Я не желаю связываться ни с какими воротилами бизнеса. Все интервью для прессы — вы берете на себя. Конференции со строителями, изменения, перестановки — всем этим будете заниматься вы. Я буду оставаться за кадром.

— Как прикажете, — ответил Таузиг.

Часть 7

ЭМПАЙР ТАУЭР

Эмпайр Тауэр сделалась такой же неотъемлемой, как дыхание и биение сердца, частью существования Марио. По двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки тело Эбери сидело, склонившись, над длинным столом, а воспаленные и слезящиеся глаза

Эбери, не отрываясь, изучали расчеты, чертежи, планировку этажей. На огромном четырехфутовом экране под его неусыпным взором протекала работа двадцати четырех сотен конструкторов, восьми сотен инженеров, художников, дизайнеров, мастеровых: невозможно сосчитать всего, что требовалось ему посмотреть и одобрить. Но влияние Марио на ход работ было сдержанным, незаметным и ненавязчивым. Только несколько раз он вмешивался в строительство, да и то, так осторожно, так мягко, что изменения, внесенные им, никем не были замечены.

Новые строительные технологии, контроль над материалами, точная установка каждой планки и тому подобных деталей, использование целых блоков и панелей, изготовленных по заказу на заводах, не требующая больших усилий техника перемещения массивных конструкций — все это сделало монтаж и возведение Эмпайр Тауэр фантастически легким и быстрым. Этаж за этажом поднимаясь в небо, башня вытягивалась, как гигантский бобовый побег из детской сказки. Сталь, бетон, дощатые полы и стены, перекрытия, балки, опоры, новомодные пузырьковые стекла для окон — все это тщательно подобранное и укомплектованное переносили с места на место, вверх и вниз, грузовые вертолеты.

И днем и ночью голубое сверкание сварочных аппаратов прожигало небо, искры фейерверком взлетали прямо к звездам, и день ото дня эта громадина все приближалась к нижнему слою облаков. Затем, пробив нижний слой, устремилась дальше, к верхним слоям. Сверху стройку заливало солнце, далеко внизу шел дождь. Миля за милей — в слои атмосферы, где воздух чистый и холодный, как родниковая вода, не загаженный теплым зловонием земли.

Для Марио, кроме Эмпайр Тауэр, ничего больше не существовало. Он жил только мыслями о прочности материалов, о блеске сотен металлов, о шелковистом глянце вощеных досок, о цвете полудрагоценных минералов: нефрита, яшмы, малахита, агата, гагата, чистейшего порфирита, добытого в Антарктиде. Марио забыл себя, забыл Замок Иф, забыл Мервина Аллена, Тейн, Луиса Корреаса и Эбери Аэрокар, не считая эпизодических и редких моментов, когда он выбирался на несколько часов из Роттенбург Билдинг.

А иногда, в минуты особого увлечения делом, он, к своему ужасу, замечал, что интонации его голоса, мимика и манера жестикулировать совсем не такие, как у Роланда Марио. Уже давали о себе знать приживающиеся привычки и рефлексы Ральстона Эбери. И Марио чувствовал мощный прилив энергии. Строить, строить, строить!

Но нигде Марио не трудился так въедливо и кропотливо, как на девятисотом этаже — самом верхнем уровне, помеченном на указателе планировки, как контора и личные апартаменты Мервина Аллена. Используя самые хитрые и запутанные уловки, Марио спланировал специально встроенные перекрытия и вентиляционное оборудование — все это было изготовлено по его заказу и его собственным расчетам.

Вот так месяц за месяцем проходила жизнь Марио, меняя его сущность из будущего в прошлое; месяцы, за которые он почти сжился с телом Ральстона Эбери.

Личность Марио загнали в тело Ральстона Эбери в один из вторников, вечером. В среду утром он пришел в сознание. Пятницу он провел в конторе Эбери Аэрокар в Этерианском квартале, целиком поглощенный делами, и в три часа дня даже не взглянул на часы. В пятницу вечером он впервые вспомнил об Оксфордской террасе, о назначенной встрече с Джаннифером, Брейхом и безымянной душой в болезненном теле по имени Дитмар. И в следующий вторник, в три часа, Марио уже сидел за столиком на Оксфордской террасе.

В двадцати шагах от него расположились Джаннифер, Брейх, Дитмар. И Марио мысленно обратился к тому дню, всего несколько недель назад, когда они впятером сидели, разнежившись на солнышке. Четверо простачков и еще один — пожирающий их жадными глазами, уже примеряясь к награде, которую принесут ему эти тела.

Два из них он заполучил. И Марио смотрел, как они, покойно расположившись под теплыми лучами солнца, вели неторопливый разговор, мирно и безмятежно... По крайней мере, двое из них. Брейх, как обычно, говорил, самоуверенно вскидывая темную голову, Джаннифер — диссонирующий аккорд, в котором прозвучало сразу несколько различных рас и

национальностей, — говорил медленно и рассудительно. И еще Дитмар — чужая незнакомая душа скептически поглядывала из тощего желто-коричневого тела. Да уж, человек, уплативший десять тысяч долларов за приключение и получивший это больное тело, вряд ли мог считать свою сделку удачной. Дитмар получил приключение, но какое... полное боли и страха. На какое-то мгновение вся твердость духа Марио растворилась в острой тоске по своей прежней жизни в своем прежнем теле. О, как легко можно забыть приличия, потерять совесть и честь: тонущий человек тянет на дно своего незадачливого спасителя.

Марио потягивал пиво, не зная, на что решиться. Присоединиться к этой тройке? Ничего плохого не произойдет. Какое-то странное нежелание, почти чувство стыда, упорно удерживало его. Заговорить с ними, рассказать, что они купили ему за свои деньги... Марио, внутренне содрогнувшись, почувствовал в замешательстве, как холодный липкий пот выступил у него по всему телу. Вдруг его осенила неожиданная мысль. Марио оглядел соседние столики. Заер! Он совсем забыл о Пите Заере. Заер, в чьем теле обитал разум миллионера. Не привел ли разум Заера сюда тело миллионера?

Марио увидел старого человека с опустошенным взглядом, одиноко сидевшего за соседним столиком. Марио пристально следил за каждым его движением. Старик закурил сигарету, щелчком отбросил спичку: одно из характерных движений Заера. Не выпуская сигарету из рук, он поднял стакан с виски, раз — отхлебнул, два — затянулся сигаретой, поставил стакан на место. Заеровские штучки.

Марио встал, подошел к нему, сел рядом. Старик нетерпеливо, потом сердито поглядел на него красными, в склеротических прожилках, глазами. Желтая кожа, серые сухие губы. За свои денежки Заер влип еще хуже, чем Марио.

— Пит Заер? — спросил Марио. — Под этой маской?

Старик зашевелил губами. На глаза навернулись слезы.

— Как... Почему вы это говорите?

— Посмотри на тот столик, — сказал Марио. — Кого там не хватает?

— Роланда Марио, — ответил старик тонким скрипучим голосом. Вперился в Марио красными глазами.

— Ты!

— Точно, — подтвердил Марио, криво усмехнувшись. — Через неделю-другую, возможно, нас будет уже трое или четверо. — Он подался вперед. — Смотри. Зачем это они трясут коробку с костями?

— Мы должны остановить их, — проскрипел Заер. — Они ничего не знают.

Но сам продолжал сидеть, не двигаясь. Не двигался и Марио. Пойти к ним — это было все равно что перейти голым оживленную улицу.

Марио сидел как парализованный, скованный по рукам и ногам, пока его не осенило. Он встал.

— Подожди здесь, — прошептал он. — Я попытаюсь остановить их.

Марио просеменил через залитую солнцем террасу к столику, на котором уже крутились брошенные Джаннифером кости. Марио опустил вниз ладони, накрыв ими судьбоносные кубики.

Джаннифер удивленно поднял глаза. Брейх сдвинул свои прямые валлийские брови, уже готовый вспылить. Дитмар, нахмурясь, откинулся назад.

— Прошу прощения, — сказал Марио. — Могу я узнать, зачем вы бросаете кости.

— Это наше личное дело, — отрезал Брейх, — к вам оно не имеет отношения.

— Оно имеет отношение к Замку Иф.

Шесть глаз уставились на него.

— Да, — сказал Брейх, поколебавшись несколько секунд.

— Я — друг Роланда Марио, — сказал Марио, — он просил меня кое-что передать вам.

— И что же?

— Он сказал, чтобы вы держались подальше от Замка Иф и не тратили деньги даром. Он говорит, чтобы вы не доверялись тому, кто посоветует вам туда идти.

Брейх фыркнул.

— Никто никому ничего не советует.

— И еще он сказал, что вскоре свяжется с вами.

Не заботясь о приличиях, Марио повернулся и

пошел туда, где он оставил Заера. Старого человека с воспаленными глазами уже не было.

Марио обнаружил, что Ральстон Эбери имел много врагов, много деловых знакомых, но ни одного друга. А еще был один тип, бледный как смерть, который, казалось, живет только затем, чтобы, злобно шипя, подстерегать Эбери. Это был Летиа Арнольд, бывший сотрудник одной из его лабораторий.

Марио никак не отреагировал ни на первую, ни на вторую их встречу, но на третий раз он сказал этому типу, преградившему ему дорогу:

— В следующий раз я вызову полицию.

— Бочка с помоями! — злорадно оживился Арнольд. — Ты не посмеешь! Ты боишься огласки, и все это знают, знают, знают!..

Марио пытливо оглядел этого человека. Он был явно болен. Затхлое дыхание свидетельствовало о гнилых внутренностях. Под ветхой серо-коричневой кофтой угадывалась впалая грудь, плечи вздернуты как дверные ручки. Удивительные сверкающие черные глаза, такие черные, что зрачок нельзя было отличить от радужной оболочки, и глаза напоминали большие черные маслины, плавающие в двух чашках кислого молока.

— Вон там полицейский, — сказал Арнольд. — Позови его, вонючка навозная, ну позови!

Марио быстро повернулся и пошел прочь.

Арнольд захохотал ему вслед.

При случае Марио поинтересовался об Арнольде у Луиса Корреаса.

— Скажите, Луис, чем мне может грозить его арест?

И Корреас, как уже не раз бывало прежде, лукаво стрельнул на него глазами.

— Вы что, сами не знаете?

Марио иногда забывал, что для Луиса Корреаса он по-прежнему Ральстон Эбери. Марио наморщил лоб:

— Что-то я становлюсь забывчив, Луис. Расскажите мне о Летиа Арнольде.

— Он, работая в радиационной лаборатории, выдумал некий процесс, который позволяет экономить горючее. У нас, конечно, было законное право на патент. — Корреас скептически ухмыльнулся. — Ко-

нечно же, мы не использовали этот процесс, потому что вы владеете акционерным капиталом в Уорлд Аэропауэр и целым блоком Ламарской Атомной станции. Арнольд начал использовать процесс, не имея на то права. Мы обратились в суд, выиграли дело и потребовали возмещения убытков. Это заставило Арнольда влезть в долги, и он с тех пор без всяких средств к существованию.

— Дайте-ка мне посмотреть патент, Луис, — внезапно оживившись, сказал Марио.

Корреас что-то сказал в микрофон и через минуту запечатанный конверт вывалился в щель пневмопочты.

— По-моему, — лениво сказал Корреас, — он или псих, или мошенник. Его идея неосуществима. Что-то вроде вечного двигателя.

К основной статье, которая была напичкана множеством схем и символов, недоступных пониманию Марио, у Арнольда была написана краткая аннотация.

Аннотация гласила:

«Увеличение коэффициента полезного действия движущей силы достигается за счет уменьшения массы и за счет увеличения скорости. В первом случае пределом является масса одного электрона. Рассматривая электрон при скоростях, близких к скорости света, мы видим, что его масса увеличивается за счет хорошо известного эффекта. С учетом этого свойства мы получаем совершенный метод построения реактивного двигателя, способный избавить летающий объект от необходимости загрузки тяжелыми веществами, которые должны выбрасываться из него при относительно низких скоростях. Один электрон, отбрасываемый магнитным полем, обеспечивает такую же мощную отдачу для продвижения вперед, как много фунтов некоего условного топлива».

Марио знал, где ему найти Летиа Арнольда. Тот все дни напролет просиживал, погрузившись в мрачное раздумье, на площади Танаграл, на скамейке возле Центрального Павильона. Марио остановился прямо перед этим преждевременно состарившимся человеком с истерическим лицом.

Арнольд, подняв глаза, живо привскочил на ноги, будто собирался броситься на Марио с кулаками.

— Арнольд, — спокойно проговорил Марио, — уделите мне минуту внимания. Вы были правы, я — нет.

Лицо у Арнольда обвисло, словно проколотый мяч. (Атакующий требует сопротивления, чтобы распалить ярость и укрепиться в своем праве нападения.) Арнольд машинально выпустил залп своих обычных ругательств. Марио с минуту внимательно слушал.

— Арнольд, ваше изобретение... вы проверяли его на практике?

— Конечно, ты — жирная свинья. Еще бы. За кого ты меня принимаешь? Я не из тех тупиц, что у тебя на побегушках.

— Говоришь, работает... Ну слушай, Арнольд: мы разрабатываем новую модель Эбери Аэрокар. Мы планируем выпускать продукцию по низким ценам. Я бы хотел использовать твою идею для новой модели. Если она в самом деле работает, как ты говоришь. И еще я хочу, чтобы ты вернулся к нам.

Арнольд зафыркал, осклабившись так, что все лицо перекосилось в усмешке.

— Поставить этот реактивный двигатель на воздухоплавательное судно? Все равно что палить из пушки по воробьям. Где твоя голова, где твоя голова? Это двигатель для космического корабля. Космос! Понял?

Это было для Марио полной неожиданностью.

— Космос? Он будет работать в космосе? — вяло переспросил он.

— Работать? Это как раз то, что надо! Ты отнял у меня все деньги — ты! — Он бросал слова, как стрелы, пропитанные ядом. — Если бы у меня были сейчас деньги... с патентом или без патента. Я уже был бы в космосе. Я бы кувыркался вокруг Сириуса, Веги, Альфы Центавра, Капеллы!

Совсем свихнулся, подумал Марио и сказал:

— Ты не можешь двигаться быстрее, чем свет.

Голос Арнольда вдруг обрел силу и спокойствие:

— Кто сказал, что не могу? Ты, сучий потрох, ты не знаешь того, что знаю я.

— Нет, не знаю, — сказал Марио. — Но оставим это, я стал другим человеком, Арнольд. Я хочу, чтобы ты забыл зло, что тебе причинили. Я хочу, чтобы ты вернулся на работу в Эбери Аэрокар. Мне хотелось

бы, чтобы ты приспособил двигатель для общественного транспорта.

Тут Арнольд снова осклабился.

— Чтобы поубивать всех, кто окажется сзади? Электроны будут вылетать из реактора, как метеоры, струи раскаленного воздуха будут бить, как пушечные ядра. Нет... только космос... для которого и предназначен этот двигатель.

— Если ты не против, считай, что принят на работу, — терпеливо повторил Марио. — Лаборатория ждет тебя. Я все же хочу, чтобы ты занялся адаптацией двигателя. Должна же быть какая-нибудь защита.

Заметив, как стянулись в ниточку губы Арнольда, он поспешно добавил:

— Впрочем, если ты считаешь, что можешь двигаться быстрее света, тем лучше! Строй космический корабль, и я сам опробую его в полете. И все же, приложи все силы, чтобы можно было приспособить двигатель для общественных нужд, — это все, что я прошу у тебя!

Арнольд, немного поостыв, сейчас изобразил на лице такое же скептическое сомнение, которое Марио уже замечал в Корреасе.

— Черт подери, что-то, Эбери, ты сменил пластинку. Раньше было только: деньги, деньги, деньги! Плевать тебе было на все, что не приносило денег. Что случилось?

— Замок Иф, — сказал Марио. — Если у тебя есть хоть капля здравого смысла — не ходи туда. Хотя, — и он посмотрел на щуплое тело Арнольда, — видит Бог, ты не можешь сделать себе хуже, чем сейчас.

— Если это изменит меня так же сильно, как тебя, то лучше я обойду его стороной. Черт меня подери, но ведь ты уже похож на человека.

— Да, я стал другим человеком, — сказал Марио, — а теперь иди к Корреасу, возьми аванс и отправляйся к врачу.

На пути в Роттенбург Билдинг и Ассоциацию Кубала ему вдруг пришло в голову, что не мешало бы узнать, как Эбери использует его собственное тело. В

своем кабинете он потребовал список детективных агентств, остановился на агентстве «Сыщики Бреннена», позвонил им и поручил работу.

Часть 8

МЕСТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Следователь Муррис Слейд, он же сыщик, оказался толстозадым человеком маленького роста, с приплюснутой головой. Через два дня после того, как Марио обратился в агентство Бреннена, он постучался в дверь рабочей комнаты Марио.

Марио, поглядев в глазок запертой двери, пригласил его войти. Тот сразу взял быка за рога:

— Мы нашли вашего человека.

— Отлично, — сказал Марио, возвращаясь на место. — Что он делает?

Слейд заговорил бесцветным, невыразительным голосом:

— Ничего таинственного или загадочного. Кажется, он сильно изменил свой образ жизни за последние несколько месяцев. Я так понял, что он раньше был обычным парнем, приятным и здоровым, ничем особенно не выделялся. Просто обеспеченный бездельник. Теперь он завзятый игрок, бабник и не обходит стороной ни один бар в городе.

«Бедное мое тело!» — подумал Марио. Вслух сказал:

— Где он живет?

— Он снял номер в Атлантик-Эмпайр. Такое уютное гнездышко. Загадка, где он взял деньги.

«Кажется, Атлантик-Эмпайр становится постоянным местом свиданий для питомцев Замка Иф», — подумал Марио.

— Я хочу, — сказал Марио, — получать от вас еженедельные отчеты об этом человеке. Ничего особенного: просто собирайте сведения о том, где он проводит время. Сейчас у меня для вас другая работа...

Спустя неделю сыщик доложил об этой второй работе.

— Мервин Аллен — это псевдоним. Этого человека зовут Ллойд Перен, он родился в Вене. Женщина — это его сестра, Тейн Перен. Еще несколько лет назад

он работал фотомоделью, был чем-то вроде плейбоя. Потом внезапно разбогател и теперь, как вы знаете, управляет Замком Иф. Никто толком не знает, что это такое. Одни слухи и кривотолки... Мне не удалось найти ни одного человека, кто наверняка знал бы, что происходит в Замке Иф. Эти слухи противоречат прошлому Перена, которое никак не связано с медицинской или психосоматической практикой. Женщина сначала была студенткой консерватории, занималась старинной музыкой. Когда Перен покинул Вену, она уехала вместе с ним. Перен живет в доме 5600 по Эксмур Авеню — это и есть тот самый Замок Иф. Тейн Перен живет в небольшой квартирке по соседству, с каким-то стариком. Они не состоят в родстве. Никто из них, кажется, не имеет близких друзей, и там не бывает ни приемов, ни вечеринок. Ничего не происходит.

Марио некоторое время размышлял, мрачно глядя в окно, пока Моррис Слейд бесстрастно ожидал новых указаний Марио. Наконец Марио заговорил:

— Продолжайте в том же духе. Соберите побольше сведений о старике, с которым живет Тейн Перен.

В один прекрасный день на экране перед Марио возникло лицо Корреаса.

— Мы уже подготовили новую модель.

Вид у него был одновременно умиротворенный и вызывающий, он как будто побаивался, что Марио с неодобрением отнесется к его сообщению.

— Думаю, мы неплохо поработали, — заявил Корреас. — Вы хотели присутствовать на окончательном испытании.

— Обязательно буду, — сказал Марио.

Новая модель была собрана на заводе Донник Ривера и в замаскированном виде переправлена в Ланчестер. Корреас с таким видом руководил демонстрацией, будто Марио был покупателем, и тот старался его обольстить.

— Идея этой модели — я предложил пока назвать ее аэрофар — состоит в использовании простых и дешевых материалов и отказе от всех этих бессмысленных финтифлюшек, которые, по-моему, были сущим проклятием для Эбери Аэрокар. Мы вложили сэкономленные деньги в улучшение конструкции, лиш-

нее пространство салона, безопасность полета. Обратите внимание на лопасти подъемного винта, они надежно запрятаны, почти недоступны. Ни один выпивоха не сможет подойти к нему. Эти пульсары находятся так высоко, что не страшны никакие случайные выбросы струй. Корпус и фюзеляж из штампованной твердой пластмассы — ничего подобного раньше не было.

Марио слушал, время от времени одобрительно кивая головой. Несомненно, Корреас на славу потрудился.

— А что с этим, как бишь его... Арнольдом? — спросил Марио. — Он сделал что-нибудь полезное?

Корреас, оскалив зубы, прищелкнул языком.

— Он чокнутый. Просто ходячий труп. Думает и говорит только о своих паршивых электронах. Называет это бласт-эффект. Я был на испытаниях и думаю, что он прав. Этот эффект нельзя использовать для наших колымаг.

— Как выглядит его двигатель?

— Ничего особенного, — пожал плечами Корреас. — Генератор работает по принципу центробежной силы — миниатюрный синхротрон. Очень простенький. Он запускает в трубу один электрон, ускоряет его до скоростей, близких к световым, и наружу с ревом вырывается струя толщиной с вашу руку.

Марио нахмурился.

— Постарайтесь переключить его на что-нибудь полезное. С мозгами у него все в порядке. Он был у врача?

— Только у Стапна, который бесплатно пользует наших сотрудников. Стапп говорит, что не понимает, как тот еще жив. Прогрессирующий нефрит или некроз... в общем, что-то в этом роде.

Корреас говорил без всякого интереса, не отрывая глаз от своей новой модели аэрофар. Потом, оживившись, добавил:

— Загляните внутрь. Обратите внимание на широкое поле обзора и модулированные световые фильтры. Можете смотреть прямо на солнце, если вам хочется. Обратите внимание на альтиметр. Он имеет дополнительную шкалу индикатора, и вы можете устанавливать его на любую заданную область. Затем амортизатор, он встроен под заднее сиденье — вот, види-

те? — и обошелся примерно на двадцать долларов за штуку дешевле, чем в старой модели. Вместо обивки я использовал полированный корпус, который разрисован из пульверизатора узором под веселый ситчик.

— Вы на славу поработали, Луис, — сказал Марио. — Продолжайте в том же духе.

Корреас сделал глубокий вдох, выдох, тряхнул головой.

— Провалиться мне на этом месте.

— Что случилось?

— Никак вас не пойму, — сказал он, уставясь на Марио, будто в первый раз его видел. — Зная, как упорно вы всему этому препятствовали, я бы подумал, что это был другой человек. Три месяца назад, как только я пытался подсунуть вам на стол что-нибудь просто и дешево оформленное, вы шарахались от меня, как один из Арнольдовых электронов. Вы говорили, что это вам напоминает летающую буханку хлеба. Вы норовили приляпать ангельские крылышки, где только можно и где нельзя, даже на обтекаемых наружных поверхностях, встроили внутрь несколько книжных шкафчиков в стиле короля Людовика XV. Я не знаю, что произошло. Не будь у вас такой цветущий вид, я бы подумал, что вы заболели.

Марио, изобразив на лице глубокомысленное раздумье, проговорил:

— Эбери Аэрокар дерет слишком большие деньги с пассажиров. Старик Эбери как-то умудряется держаться в воздухе, но он обходится слишком дорого и при этом напоминает китайскую пагоду с крыльями. Теперь мы начнем выдавать качество. Возможно, снова появится спрос на нашу продукцию.

Корреас возбужденно засмеялся:

— Если мы не сможем продать десять миллионов этих моделей, то я готов взлететь на ней в небо и спрыгнуть без парашюта.

— Ну-ну, лучше начинайте продажу.

— Я надеюсь, что к прошлому нет возврата, — сказал Корреас, — и больше не последует заказов на все эти несуразные безделушки.

— Нет, — спокойно ответил Марио. — Она будет выходить в том виде, как сейчас, пока я с вами не распрощаюсь.

Корреас, любовно похлопывая по корпусу аэрофара, повернул к Марио лукавое лицо.

— Ваша жена пыталась связаться с вами. Я сказал, что не знаю, где вы. Вам лучше позвонить ей, если вы хотите остаться женатым. Она что-то говорила о разводе.

Марио, испытывая неловкость под пристальным взором Корреаса, глядел вдаль.

— Я сам сказал, чтобы она занялась разводом. Так будет лучше для каждого из нас. Во всяком случае, для нее...

— Вы странный малый, Эбери, — покачал головой Корреас. — Год назад вы бы погнали меня в шею без лишних слов.

— Может быть, я откармливаю вас на убой? — предположил Марио.

— Может быть, — сказал Корреас. — А пока Арнольд и я начинаем делать электронные ружья для охоты на слонов.

Двести тысяч мастеров ринулись в Башню разрисовывать, штукатурить, белить, прокладывать трубы, проводку, заливать бетон, приколачивать рейки, устанавливать шкафы и множество всяческого оборудования. Стены были облицованы полированными и вощеными деревянными панелями, бесчисленные бассейны — кафельными плитками, садовники разбивали висячие сады и парки — огромные зеленые беседки под облаками.

Каждую неделю Мервин Аллен устраивал совещания с Таузигом и старым Кубалом, что-то одобряя, отменяя, переделывая и добавляя. Марио прорабатывал записи этих бесед, учитывая пожелания Аллена, осторожно вносил в них свои собственные поправки.

Шли месяцы. Теперь уже Мервин Аллен ни за что не признал бы в этом человеке Ральстона Эбери. Все служащие конторы Эбери Аэрокар в Этерианском квартале почтительно выражали ему свой восторг. Это был новый Ральстон Эбери... хотя, конечно, они видели те же старые жесты и гримасы, ту же манеру одеваться и говорить, ту же походку, что и раньше. Этот новый Ральстон Эбери сбросил пятьдесят фунтов жирной и дряблой плоти. Солнце окрасило его белую кожу в младенчески-розовый цвет. Глаза, которые

раньше были почти скрыты за отечными веками, теперь весело сияли из-за упругих мясистых щек: мышцы на ногах окрепли из-за постоянных прогулок пешком, грудь раздалась, и легкие работали, как мехи: ежедневно, в четыре часа пополудни, он плавал полчаса в бассейне.

И вот наконец двести тысяч мастеровых собрали свои инструменты, получив плату за работу. На смену им пришли эксплуатационные службы. Чернорабочие мыли, скребли, полировали.

Эмпайр Тауэр была готова: чудо из чудес, мечта, воплотившаяся в жизнь! Здание поднялось над переплетением улиц и площадей, как мощная и стройная сосна, раскинувшая по земле могучие корни. Надежный фундамент, бесчисленные остроконечные башенки, проволочные заграждения, тысячи террас и посадочных площадок для такси, миллионы окон — все это делало сооружение привлекательным для взора, хотя при постройке вовсе об этом не заботились.

Эмпайр Тауэр была завершена. Мервин Аллен въехал туда ровно в полночь, и на следующий день Замок Иф — дом под номером 5600 по Эксмур-авеню в Медоулендсе, был готов к продаже с аукциона или сдаче внаем.

Замок Иф теперь находился по адресу: Эмпайр Тауэр, 900-й этаж. И Роланд Марио, терзаясь тревогой и нетерпением, с замирающим сердцем предвкушал исполнение своего заветного желания. Он не спеша освобождал стол, когда Таузиг просунул голову в дверь его кабинета.

— Ну, чем вы теперь думаете заниматься?

Марио пытливо оглядел любознательную физиономию Таузига.

— Больше не намечается никаких крупных работ?

— Абсолютно. Пожалуй что и не будет никогда. Во всяком случае от старика Кубала.

— Что такое? Он отходит от дел?

— Отходит от дел? Черта с два! Он свихнулся! Шизик!

Марио постучал пальцами по столу.

— Когда это случилось?

— Вчера вечером. Похоже, завершение Эмпайр Тауэр его окончательно доконало. Полисмен обнаружил

его разговаривающим с самим собой на площади Танагра, привел домой. Он не узнает своего племянника, свою экономку. Упорно твердит, что его зовут Брей или что-то в этом роде.

— Брей? — Марио резко встал, насупив брови. — Брейх!

— Не иначе как старческий маразм, — рассеянно заметил он.

— Так и есть, — отвечал Таузиг, продолжая сверлить Марио блестящими любопытными глазками. — Так что же вы теперь собираетесь делать?

— Я ухожу, — сказал Марио, театральным жестом разведя руки. — Отваливаю, подобно старику Кубалу. Эмпайр Тауэр меня тоже доконала. Впадаю в старческий маразм. Прощайте, Таузиг, вы никогда меня больше не увидите.

И он захлопнул дверь прямо перед носом скисшего Таузига.

Марио зошел в лифт, спустился на второй этаж, вскочил на ходу на скоростную дорожку, ведущую к его маленькой квартирке в Мельбурн Хаус. Он приложил большой палец к замку. Сканер опознал отпечаток, дверь отошла в сторону. Марио раздел грузное тело Ральстона Эбери, облачил его в халат, опустился, покряхтывая, в кресло рядом с большим низким столом.

На нем находилась сложная модель, построенная из дерева, металла, пластика и разноцветных ниточек. Она представляла собой девятисотый этаж Эмпайр Тауэр — Замок Иф. Марио изучил ее досконально. Каждая деталь пространства в шестую часть квадратной мили намертво впечаталась в его мозг.

Вдруг Марио снова встал и оделся в рабочий комбинезон из плотной серой ткани. Рассовав по карманам всякие инструменты и приспособления, он взял в руки чемоданчик и поглядел на себя в зеркало: лицо Эбери... и все же не его. Исчезли сонное выражение глаз и мясистость губ, обвислые брыли щек подобрались, и лицо стало плотным и упругим, как булочка. Марио задумчиво надвинул шапку на глаза, оценил полученный эффект. Человек в зеркале стал неузнаваем. Он прикрепил аккуратную щеточку усов — Ральстона Эбери больше не существовало.

Марио вышел из квартиры, подозвал аэрокэб и полетел в Медоулендс. Эмпайр Тауэр торчала над городом, как оглобля над полем капусты. Маяк для воздушных судов посылал красные лучи с головокружительной высоты. Миллионы огней, мерцающих на всех девятистах этажах, сливались в густое, как молоко, свечение. Целый город, где два, а может быть, и три миллиона мужчин и женщин могли жить в свое удовольствие. Это был памятник скуке одного, пресыщенного жизнью, человека. Самое грандиозное сооружение на Земле все же было построено, — и было построено без всякой причины, без малейшей необходимости ударить пальцем о палец. Эмпайр Тауэр, на чье строительство были брошены все силы, все богатство планеты, оказалась всего лишь гигантской игрушкой, забавным пустячком.

Но кто это понимал?

На двести двадцать первом этаже разместилась лучшая больница в мире. Ее штат можно было принять за список лауреатов ежегодных премий Медицинских ассоциаций. На четыреста шестидесятом этаже находился заболоченный лес Меловой эры Земли. Динозавры в натуральную величину пощипывали первобытную травку, птеродактили скользили по невидимым проводам. В воздухе стояло густое зловоние болота, черного ила, гниющих моллюсков и падали.

Четыреста шестьдесят первый этаж изображал собой первый город, построенный людьми, — шумерский Эриду. Кирпичная стена высотой в тридцать футов ограждала храм-зиккурат, посвященный Энлилю, богу Земли, царский дворец, глиняные лачуги земледельцев. Четыреста шестьдесят второй этаж представлял собой Остров мифов, омываемый голубой соленой водой. На вершине острова, посреди оливковой рощи возвышался храм Миноса, длинноносые галеры скользили по воде, и солнечные зайчики, отраженные от бронзовых щитов, пламенели на пурпурных парусах.

Четыреста шестьдесят третий этаж был ландшафтом вымышленного фантастического мира, созданного художником-мистиком Лайером Лотаром. На пятьдесят девятом этаже находилась укрытая от посторонних глаз сказочная страна с волшебными садами, населенными таинственными нимфами.

На некоторых этажах размещались офисы бизнесменов, лаборатории и просто жилые помещения. На четвертом этаже располагался самый большой в мире стадион. С трехсот двадцатого и по трехсот двадцать третий, три этажа занимал Всемирный Университет, его регистрационные списки составляли собой две тысячи человек. Двести пятьдесят пятый этаж являл собой обширнейшую библиотеку, триста двадцать восьмой — огромную художественную галерею.

Выставочные залы, маленькие частные лавочки, роскошные рестораны и скромные кабачки, театры, студии телевещания — сложный общественный мир, схваченный и поднятый в воздух прихотью Мервина Аллена.

Человеческая тоска по утраченной юности оплачивала все это. Мервил Аллен продавал товар, который нельзя было оценить в унциях золота и ценных бумагах, рядом с которым меркли все другие цели и стремления. Вечная жизнь, возвращенная молодость... разве могли соперничать с ними такие понятия, как любовь, долг, совесть и честь.

Часть 9

ГЛАЗА В СТЕНЕ

Марио проворно выскочил из аэрокэба на общую посадочную площадку, расположенную на 52-м этаже, координационном центре башни, и растворился в толпе посетителей, служащих, жильцов. Он ступил на дорожку, ведущую к центральной шахте. Добравшись до скоростного подъемника на 600-й этаж, он вошел в одну из маленьких кабинок. Двери закрылись, Марио почувствовал толчок ускорения, и почти сразу же тело потеряло вес. Двери разъехались, и он вышел на 600-м этаже, на высоте двух миль над поверхностью земли.

Марио очутился в холле Райской гостиницы, по сравнению с которым холл отеля Атлантик-Эмпайр казался темным и узким сараем. Марио влился в поток изысканно одетых мужчин и женщин — богатых, властных, надменных. Он был неприметен, как невидимка. Он вполне мог сойти за швейцара или

электрика. Спокойно пройдя по коридору, он наконец остановился у двери с надписью «Посторонним вход воспрещен», приложил к замку палец. Дверь открылась, и он попал в привратницкий чулан. Конечно, у каждого швейцара на 600-м этаже была своя кладовка. Ничей другой отпечаток пальца не мог открыть этот замок. Случись управляющему этажом вскрыть эту комнату, он не отличил бы ее от всех других привратницких кладовок.

И все же это был совершенно особый чулан. На задней стене Марио нашел два гвоздя, находившиеся в разных местах, нажал на их шляпки, и стена отъехала в сторону. Теперь он был в полном одиночестве... Он был более одинок, чем если бы вдруг очутился в центре Сахары. В пустыне его мог бы выследить пролетающий самолет, здесь же в мертвом пространстве, окружающем несущие колонны, среди лифтовых шахт, он был надежно укрыт от всего мира. Умри он тут — никто не узнал бы про это. Когда-нибудь потом, в далеком будущем, когда наконец развалится Эмпайр Тауэр, только тогда его скелет объявится миру. А пока Марио будто исчез с лица земли.

Светя перед собой ручным фонариком, он двинулся к центральному спинному хребту лифтовых шахт, натянутые тросы которых наводили на мысль о стеблях чудовищных растений. Здесь Марио нашел свой личный лифт, затерянный среди остальных, как случайный прохожий в толпе. Механики, устанавливающие его, даже не подозревали, какой цели он служит. Это была мелкая деталь на чертежной кальке, быстро забытая частица работы одного дня. Для Марио это была связь с девятисотым этажом — Замком Иф.

Он ступил на крохотную площадку. Двери закрылись. Лифт взметнулся вверх, еще на одну милю. Кабина остановилась, Марио вышел. Он находился в Замке Иф — невидимый, как привидение. Невидимый, неслышимый — в этом была вся его сила. Неожиданно, не вызывая ни малейшего подозрения, он мог ударить из пустоты — полновластный хозяин и властелин Замка Иф.

Марио глубоко и возбужденно дышал, дрожь пробирала его от сознания собственного могущества. Это был апофеоз его жизни. Марио пощелкал выключателем фонарика, но в этом больше не было никакой

необходимости. Он знал здесь каждый закоулок как свои пять пальцев. Свет был символом его абсолютной власти. Не таясь, он мог делать все, что хотел. Он был в своем личном убежище, безопасном и надежном укрытии.

Марио остановился, поглядев на стену. На ней через каждые восемь футов ярко светились кружки, нанесенные флуоресцентной краской. За стеной должно было находиться главное фойе Замка Иф. Марио подошел к одному из кружков. Он сам нарисовал их на стене, пометив таким образом смотровые глазки. Внутри были крошечные темные пятнышки, невидимые с трех шагов, едва ли больше булавочной головки. Марио, под видом электрика, сам установил их попарно, чтобы обеспечить бинокулярный обзор.

Он вытащил из кармана очки в большой оправе, подсоединил проволочки к контактным клеммам своих шпионских глазков, водрузил очки на нос. Теперь он видел внутренность фойе так же ясно, будто смотрел через дверь.

Вечеринка была в полном разгаре — в Замке Иф праздновали новоселье. Мужчины — старые и молодые, — как это свойственно людям преуспевающим, отличались видом важным и значительным, женщины — все как на подбор — томные и надменные: шик, блеск — грандиозное шоу планеты. Марио увидел золото и бриллианты, струящиеся и переливающиеся тысячами оттенков цветные ткани, а на уровне своих глаз — удивительную бело-золотисто-черную смесь из множеств лиц и голов — пеструю многоцветную толпу.

Марио узнавал некоторых из этих людей, их лица и имена были известны всему миру. Художники, администраторы, инженеры, бонвиваны, куртизанки и философы — все они заполнили фойе Замка Иф, клюнув на эту полную неизвестности, щекочущую нервы и пользующуюся дурной славой приманку.

Мервин Аллен, весь в черном, конечно, тоже был там. Высокий, красивый, как греческий бог, уверенный в себе, но скромный и подчеркнуто галантный — владелец фирмы, и в то же время — радушный хозяин дома.

Тейн Перен нигде не было видно.

Марио двинулся вдоль коридора. Он обнаружил

комнату, такую же как в доме 5600 на улице Эксмур, залитую янтарно-желтым цветом, прелестную, как кудрявая головка ребенка, где широколиственные растения росли привольно, как на родной почве. Оранжерея была пуста, растения источали дурманящий аромат для своего собственного удовольствия.

Марио прошел дальше. Он заглянул в пустую, необставленную комнату — подсобное помещение для выращивания растений. К стене было придвинуто несколько столов на резиновых колесиках, покрытых белыми простынями. На противоположной стене комнаты находился балкон, поддерживающий сложную сеть из аппаратуры, черных изогнутых ручек, стекла и сверкающего металла. С него свешивались два полупрозрачных шара мертвенно-голубого цвета, похожие на головки сыра рокфор. Марио пригляделся: целлулы голазмы!

В палате никого не было, только на одной из каталок кто-то лежал. Лица было почти не видно. Марио, внезапно заинтересовавшись, поискал более удобную позицию для наблюдения. Он увидел крупную, светловолосую голову, грубые, резкие черты лица — перебежал к другому глазку. Да, действительно, это оказался Джаннифер, уже под наркозом, приготовленный к перемещению в другое тело.

Марио вздохнул так глубоко, что заходило ходуном брюхо Эбери. Ничего не скажешь, чисто сработано. Заер, Марио, Брейх, и вот теперь Джаннифер, как бараны, что идут на бойню за козлом-провокатором, попали в эту комнату вслед за Дитмаром. Марио оскалился в гримасе, которую трудно было назвать улыбкой. Волна темной ярости затмила ему сознание.

Он остудил пыл. Искаженное гримасой лицо снова приобрело расплывчатые черты Эбери. Кто из них, в конце концов, не взял греха на душу? Тейн Перен? Нет. Она служит Мервину Аллену, темной душе в теле своего брата. Он сам, Роланд Марио? Разве он не мог убить Мервина Аллена? Обратиться к властям, чтобы остановить этот чудовищный конвейр. Он не стал этого делать из-за боязни потерять свое тело. Пит Заер? Разве он не мог предостеречь своих товарищей с Оксфордской террасы, выполнив свои обязательства перед ними?

А все остальные жертвы, которые из таких же соображений сдерживали ярость и обуздывали чувство долга перед своими друзьями-товарищами? Нет, Дитмар — обычное человеческое существо, такое же слабое и эгоистичное, как и все они: то, что он сделал, ненамного хуже бездействия остальных.

Марио проследовал дальше, пристально разглядывая квартиру Аллена — прихожую, жилые комнаты. Какая-то блондинка, молоденькая и свежая, как Аппалачский левкой, плавала голышом в громадном бассейне Аллена, сделанном из зеленого стекла, потом, подняв облако серебристых пузырьков, села на край бассейна. Марио, проклиная этого похотливого козла Эбери, прошел дальше. И нигде он не увидел Тейн Перен.

Он вернулся к холлу, где проходил прием. Вечеринка подошла к концу, Мервин Аллен раскланивался с гостями: со всеми этими мужчинами и женщинами, наевшимися и напившимися за его счет, обещая каждому — так сердечно, так любезно — продолжить знакомство при более удобном случае.

Марио смотрел до тех пор, пока гости не разошлись. Но оставался еще один — невероятно высокий и худой старик в пижонском наряде жемчужно-серо-белых цветов. «Какой-то ходячий скелет, — подумал Марио, — тонкие, как прутики, руки, голая, как череп, голова». Он выглядывал из-за плеча Мервина Аллена — шаловливый старикашка с накрашенными губами, напомаженный и надушенный.

Аллен о чем-то любезно расспрашивал его, старик кивал, сияя улыбкой. Аллен провел его в боковую комнату: кабинет, выкрашенный темно-серой и зеленой краской.

Старик уселся, выписал чек. Аллен опустил его в прорезь экрана, и они стали ждать, коротая время за разговором. Было похоже, что старик наседает на Аллена с расспросами, а тот ловко увиливает от прямых ответов. Экран замигал, промелькнуло подтверждение из банка. Аллен встал. Старик тоже. Аллен сделал глубокий вдох, и они вошли в оранжерею. Не пройдя и трех шагов, старик покачнулся. Аллен ловко подхватил его, положил на незаметную до тех пор кушетку и покатил вперед, в лабораторию, где уже лежал Джаннифер.

Теперь уже Марио смотрел во все глаза, воткнув в оправу очков еще один проводок, подсоединенный к видеокамере, которая лежала у него в кармане. Все, что он видит, теперь будет записано на пленку.

Смотреть особенно было нечего. Аллен подкатил Джаннифера под одну из целлул, цвета снятого молока, старика — под другую. Он установил стрелку циферблата, нажал на педаль, включил питание и отошел назад. Подставка с аппаратурой, вся целиком, опустилась. Целлулы поглотили две головы, стали пульсировать, менять форму. На балконе все пришло в движение, закрутились колеса, засветились приборы. Операция, по-видимому, шла автоматически, сама по себе.

Аллен сел, зевая, закурил сигарету. Прошло пять минут. Подставка поднялась. Целлулы голазмы перевернулись на оси, и она снова опустилась. Прошло еще пять минут. Аллен подошел, выключил питание.

Сделав каждому телу подкожную инъекцию, он выкатил кушетку в примыкающую к лаборатории комнату и ушел, даже не оглянувшись.

«Прямо в плавательный бассейн, — подумал Марио. — Скатертью дорога!»

В девять часов на площади Танагра из аэрокэба вывалился старик с мутными глазами, высокий и худой, как жердь. Рухнул на скамью. Марио подождал, пока старик не начал подавать признаков жизни, проследил, как тот с легким беспокойством, перерастающим в безумие, обследовал свои истощенные руки, постепенно приходя к мысли, что у него украли пятьдесят лет жизни. Марио подошел, посадил старика в кэб, привез в свою квартиру. Ужасное утро!

Джаннифер совсем отупел, опустошенный ужасом, горем, ненавистью к этому скрипучему старому телу. Марио вызвал агентство Бреннена, попросил Морриса Слейда. Низенький толстячок с приплюснутой головой появился на экране, уставясь сквозь слой стекла на Марио:

— Привет, Слейд, — сказал Марио. — У меня для вас имеется работа на сегодняшний вечер.

Слейд посмотрел на него, вдумчиво и настороженно.

— Очень беспокойная?

— Нет.

— Что за работа?

— Этот человек, за которым вы следите, Роланд Марио, вы знаете, где найти его?

— Он сейчас завтракает на Персидской террасе вместе с девицей, с которой он провел ночь. Ее зовут Лаура Лингца, она танцовщица из театра «Веданта Эпик».

— Это неважно. Берите лист бумаги и записывайте то, что я вам продиктую.

— Давайте, я готов.

— «Ждите меня в одиннадцать вечера у Камбоджийской колонны, в холле Райской гостиницы на 600 этаже Эмпайр Тауэр. Очень важно. Приходите один. Не опаздывайте, у меня всего несколько минут.

Мервин Аллен, Замок Иф».

Марио подождал, пока Слейд не проверил написанное.

— Отпечатайте это, — сказал он, — и вручите Роланду Марио примерно в 9.30 вечера.

Часть 10

ОБМЕН ТЕЛАМИ

Марио беспокойно мерил шагами комнату, сцепив за спиной толстые короткие ручки. Целый год он провел, держа в постоянном напряжении ум и воображение; и вот сегодня ночью он увидит плоды своих тяжких трудов. Сегодня ночью, если все пройдет удачно, он сбросит ненавистную личину Ральстона Эбери. Он вспомнил о Луисе Корреасе. Бедный Луис, подумал Марио, встряхнув головой. Что станет с его аэрофаром? А с Летиа Арнольдом? Не вернется ли он опять на Площадь Танагра, чтобы с шипением выскакивать из укрытия каждый раз, когда напыщенный Ральстон Эбери гордо проследует мимо?

Он вызвал Этерианский квартал, связался с Корреасом.

— Что новенького, Луис?

— Полный порядок. Мы уже все переоборудовали, на следующей неделе начнем выпуск новой серии.

— Как Арнольд?

Корреас даже зажмурил глаза.

— Эбери, вы сейчас подумаете, что я такой же псих, как Арнольд. Но он действительно летает быстрее света.

— Что?

— В прошлый вторник он пришел в контору. Уже поздно вечером. Всякими правдами и неправдами он уговорил меня пойти вместе с ним. Я пошел. Он привел меня в свою обсерваторию... так, всего лишь окно в небо, где он поставил маленький протонный магнескоп. Он настроил его, позвал меня поглядеть. Ну, я поглядел — увидел диск... какой-то темный диск, приблизительно размером с полную луну. «Плутон, — сказал Арнольд. — Не пройдет и десяти минут, как на левой стороне появится маленькая белая вспышка».

«А ты откуда знаешь?»

«Я послал оттуда сигнал чуть больше шести часов назад. Примерно сейчас к нам дойдет свет вспышки». Я с сомнением поглядел на него, но все же, как приклеенный, стал смотреть туда... и будьте уверены — так и было: маленькая искорка белого цвета. «Смотри еще, — сказал он. — Теперь будет красная». И действительно — была красная. — Корреас потряс своей большой рыжеватой головой.

— Эбери, я убежден. Он заставил меня поверить.

Марио сказал без всякого выражения:

— Пришлите его, Луис, если найдете.

Чуть погодя на экране замаячило изможденное лицо Летиа Арнольда.

— Это правда, Арнольд? — спросил Марио, еле шевеля губами. — Вы летаете быстрее света?

— Конечно, правда, — брюзгливо ответил Арнольд. — Почему это должно быть неправдой.

— Как вы это делаете?

— Э, взял и прицепил парочку электронных пушек на один из ваших высотных аэрокаров. Ничего больше. Я только включил питание. Эти висюльки, как разъяренные фурии, вырвались из Вселенной. Ни ускорения, ни инерции, ничего. Только скорость, скорость, скорость. За несколько дней можно попасть на любую звезду. Я все время твержу вам об этом, а вы говорите, что я псих. — Лицо его исказилось, речь стала желчной и злобной. — Я никогда не увижу их, Эбери, и вы в этом виноваты. Я уже мертв. Я видел

Плутон, я написал на его льду свое имя, это все, что от меня останется.

Он исчез с экрана. Снова появился Корреас.

— Он конченый человек, — резко сказал Корреас. — Прошлой ночью у Арнольда было кровоизлияние. Если оно повторится — это конец.

— Позаботьтесь о нем, Луис, — сказал Марио отрешенно. — Потому что завтра, боюсь, все будет иначе.

— Что значит... иначе?

— Характер Ральстона Эбери станет прежним.

— Упаси Господи!

Марио прервал связь, снова зашагал по комнате, но сейчас он двигался медленно, как слепой, ничего вокруг не замечая...

Марио вызвал посыльного.

— Видишь вон того молодого человека в рыжей кофте, у Камбоджийской Колонны?

— Да, сэр.

— Передай ему эту записку.

— Да, сэр.

Ральстон Эбери совсем распустил тело Марио. Под глазами повисли мешки, рот стал вялый, слюнявый. Марио даже пот прошиб от внезапного прилива праведного гнева. Вот свинья! Так испортить здоровое беззащитное тело своими погаными мозгами.

Эбери прочел записку, огляделся вокруг. Марио уже ушел. Эбери, следуя инструкциям, завернул в коридор, ведущий к солярию. Шел медленно, нерешительно.

Он подошел к двери, на которой было написано «Посторонним вход воспрещен», дверь была слегка приоткрыта. Постучал.

— Аллен, вы тут? Что все это значит?

— Входите, — сказал Марио.

Эбери осторожно просунул голову в щель.

Марио втащил его в комнату, со всего размаха треснув ребром ладони по шее Эбери. Тот брыкнулся, сопротивляясь, задергался, затих. Марио закрыл дверь.

— Вставай, — сказал Марио.

Эбери с остекленевшими глазами послушно поднял-

ся на ноги, Марио протолкнул его через заднюю дверь, поднял на лифте на девятисотый этаж — Замок Иф.

— Сидеть, не двигаться, — приказал Марио.

Эбери сидел, как жаба, выпучив глаза.

Марио тщательно разведал обстановку. В это время вечера Аллен уже должен был закончить свои дневные дела.

Аллен только что завершил транспозицию. Марио проследил за тем, как он втолкнул две лежащие фигуры в боковую комнату, затем проводил Аллена к его квартире, наблюдая, как тот разоблачался и надевал шелковую пижаму, приготовившись отдыхать или заняться спортом со своей хорошенькой блондиночкой.

Можно было действовать. Марио вернулся к месту, где сидел Эбери.

— Вставай и следуй за мной.

Назад они шли потайными коридорами, спрятанными внутри вентиляционных труб. Лаборатория была пуста. Марио поднял защелку, оттянул одну из стенных панелей прессованного дерева.

— Выходи, — сказал он. — Ложись на эту кушетку.

Эбери повиновался.

Марио покатил его через комнату к этой подставке грязно-серого цвета — с формочками для мозгов, подумал Марио, — подкатил другую кушетку, для себя. Он собрал всю волю в кулак, заставив себя не думать ни о чем, кроме транспозиции.

Марио установил стрелку на циферблатах, надавил ногой педаль, в точности как это делал Аллен. Теперь забраться на кушетку, нажать всего лишь одну кнопку. Он стоял, глядя на лежащую фигуру. Самое время. Действуй. Это было так легко — только забраться на кушетку, протянуть руку, нажать кнопку. Но Марио стоял в раздумье, переминаясь с ноги на ногу.

Слабый шорох позади. Он обернулся. Тейн Перен смотрела на него с бесстрастным любопытством. Она даже не двинулась с места: не пыталась бежать, звать на помощь. Наблюдала за ним с насмешливым, недобрым выражением лица. Марио поражался, как могла красота, столь совершенная, быть в тоже время столь холодной и недружелюбной. Может быть, когда-то

этому сердцу нанесли смертельную рану? Почему сейчас, сию минуту, она не бежит, не поднимает шум? Если она пошевелится, он убьет ее.

— Продолжайте, — сказала Тейн. — Что вы остановились? Я не буду мешать вам.

Марио понял, что это правда. Он повернулся, опустил взгляд на свое вялое тело. Нахмурился.

— Не нравится? — спросила Тейн. — Вы его помните не таким? Все вы одинаковы, только и знаете, что петушиться, скоты хвастливые.

— Нет, — медленно сказал Марио. — Не в этом дело. Я думаю о том, что жил только с одной целью — вернуть свое тело. Но сейчас... я не знаю. Я не знаю, хочу ли этого. Я — Эбери, промышленник. Он — Марио, плейбой.

— А-а... — протянула Тейн, пренебрежительно вскинув высокие брови. — Полюбили денежки, власть...

Марио вяло и болезненно засмеялся.

— Вы слишком долго варились в этом котле. Вы просто помешаны на деньгах. Тут совсем другое. Исследования звезд. Галактика... сокровищница чудес. Будучи Эбери, я через неделю улечу к звездам. Став Марио, я вернусь на Оксфордскую террасу играть в гандбол.

Она сделала шаг вперед.

— Вы...

— Как раз на прошлой неделе, — сказал Марио, — один физик решил эту проблему, разрушил все преграды. Он попал на Плутон за пятнадцать минут. Эбери не станет слушать его, а этот человек уже одной ногой в могиле, он даже не может вразумительно объясняться. Эбери назовет его психом и задробит весь проект целиком. Потому что нет других доказательств... только слова двух человек.

— Вот как? — спросила Тейн. — Так что вы будете делать?

— Я хочу свое тело, — медленно проговорил Марио. — Я ненавижу эту поросячью шкуру сильнее смерти. Но еще сильнее я хочу к звездам.

Она подалась вперед. Глаза ее сияли, как Вега и Спика на теплом летнем небе. Как он мог думать, что она холодна? Быстрая, горячая, с бьющими ключом мечтами, страстью и воображением.

— Я тоже хочу к звездам.

— Куда это вы все собрались? — прозвучал небрежный баритон — с легкой иронией, но полный затаенной злобы. Мервин Аллен быстрыми шагами пересек комнату. Поводя руками, он разминал свои могучие плечи атлета, сжимая и разжимая кулаки.

— Куда это тебе захотелось? — обратился он к Марио. — К черту на рога? Сейчас туда попадешь.

Он выбросил вперед кулак.

Марио покачнулся назад, еле удержавшись на ногах. Тело Эбери не обладало бойцовыми качествами. Несмотря на аскетическую жизнь Марио, брюхо булькало и колыхалось из стороны в сторону, как мокрая тряпка. Но он боролся. Он боролся с дикой яростью, через минуту сломленной силой и натиском Аллена. Ноги Марио стали как ватные, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он смотрел, как Аллен шагнул вперед, размахнувшись огромным массивным кулаком. Сейчас он сокрушит ему челюсть, как картонную коробку, вдребезги раздробит зубы...

Бац!

Аллен взвизгнул тонким фальцетом, оседая на пол, взмахнул руками и рухнул как подкошенный. Тейн с пистолетом в руке глядела на тело.

— Это же ваш брат, — прохрипел Марио, больше испуганный выражением лица Тейн, чем борьбой с Алленом за свою жизнь.

— Это тело моего брата. Мой брат умер сегодня утром. Рано, на рассвете. Аллен уверял, что не позволит ему умереть, что даст ему новое тело... Но мой брат умер сегодня утром.

Она посмотрела вниз, на бездыханную груду мяса.

— Когда он был молод, он был так красив... Теперь мертв его разум и мертво его тело.

Она положила оружие на стол.

— Я знала, что так и произойдет. Я больна от всего этого. Хватит. Теперь мы полетим к звездам. Вы и я, если вы возьмете меня. Какое мне дело до вашего толстого тела? Вы — это ваш разум.

— Аллен мертв, — будто просыпаясь, сказал Марио. — Никто не сможет помешать. Замок Иф — наш.

Она посмотрела с недоумением, приоткрыв рот.

— Что?

— Где здесь экран?

Комната неожиданно оказалась наполненной людьми. Марио с удивлением это обнаружил. До сих пор он ничего не замечал вокруг себя. Он был занят. Теперь он закончил.

Четверо стариков лежали рядышком еще под действием наркоза, уставясь в пространство пустыми глазами; им еще предстояло испытать мучительную тоску по молодости, полученной и вновь утраченной жизни.

Посреди комнаты, взволнованные, бледные, молчаливые, стояли Заер, Брейх, Джаннифер. И тело Ральстона Эбери. Но из этого тела стремительной скороговоркой сыпали мысли, принадлежащие Летиа Арнольду.

А в изможденном теле Летиа Арнольда, пока еще не приходя в сознание, поселился разум Ральстона Эбери.

В своем собственном теле Марио прошелся по комнате, попрыгал, проверяя ноги, покачал руками, ощупал лицо. Тейн Перен стояла, не отрывая от него глаз, как будто она, прозрев, впервые увидела свет, предметы, цвета, как будто Роланд Марио был единственным существом на свете, ради которого стоило жить.

Больше в комнате никого не было. Муррис Слейд, которого вызвали и подкупили те, что стояли в комнате Замка Иф, запуганный и обалдевший, дальше фойе пройти не осмелился.

Марио обратился к Заеру, Брейху, Джанниферу.

— Вот вы трое, вы сознаете, что у вас еще остался долг.

Они повернули к нему широко раскрытые, изумленные глаза, все еще немного не в себе от радостного облегчения, что вернулись в свои собственные жизни.

— Да... Да... Да...

— Некоторым из переселенных помочь уже нельзя. Кто-то умер, кто-то сошел с ума. Этим уже не поможешь. Но вернуть в свои тела тех, кого еще можно, — это ваш долг.

— Мы разобьем эту чертову машину на мельчайшие кусочки и развеем по ветру, — сказал Брейх. — И от Замка Иф останутся лишь слухи и пересуды, лишь воспоминания стариков о сладких мечтах.

— Помните рекламу? — улыбнулся Марио. — «Ты устал? Тебе все надоело? Испробуй Замок Иф».

— Кажется, я больше никогда уже не буду скучать, никогда больше не устану, — вздохнул Заер.

— Да уж, мы сполна получили за свои деньги, — криво ухмыльнулся Джаннифер.

— Где Дитмар? — нахмурился Марио.

— Ему велено прийти завтра, в десять часов утра, — сказала Тейн. — Он придет за новым, честно заработанным телом.

Брейх с удовольствием потер руки.

— Вот тут-то мы и встретимся.

— Представляю, как он удивится, — сказал Джаннифер.

— Почему? — спросил Заер. — В конце концов, это ведь Замок Иф.

СОДЕРЖАНИЕ

Глаза Чужого мира *(Пер. И. Куцковой)* 5
Создатели чуда *(Пер. Г. Корчагина)* 219
Сын Древа *(Пер. Г. Корчагина)* 299
Узкая полоса *(Пер. Т. Брауловой)* 393
Зеленая магия 395
Маскарад на Дикантропусе 411
Узкая полоса 430
Творец миров 461
Замок Иф 493

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ВЭНС

Глаза Чужого мира

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Владимир Каннивец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Вёрстка *Ольга Колегова*
Корректоры *Нина Богачева, Валентина Виноградова*

Подписано к печати с оригинал-макета 10.09.92.
Формат 84 x 108 1/32. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 31,9. Тираж 100 000 экз.
Изд. №70. Заказ 2—2570.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

Головное предприятие
республиканского производственного объединения «Полиграфкнига»
252057, Киев, ул. Довженко, 3

Джек Вэнс

2

fantasy

Глаза чужого мира
Создатели чуда
Сын Древа

·Северо-Запад·

Джек ВЭНС